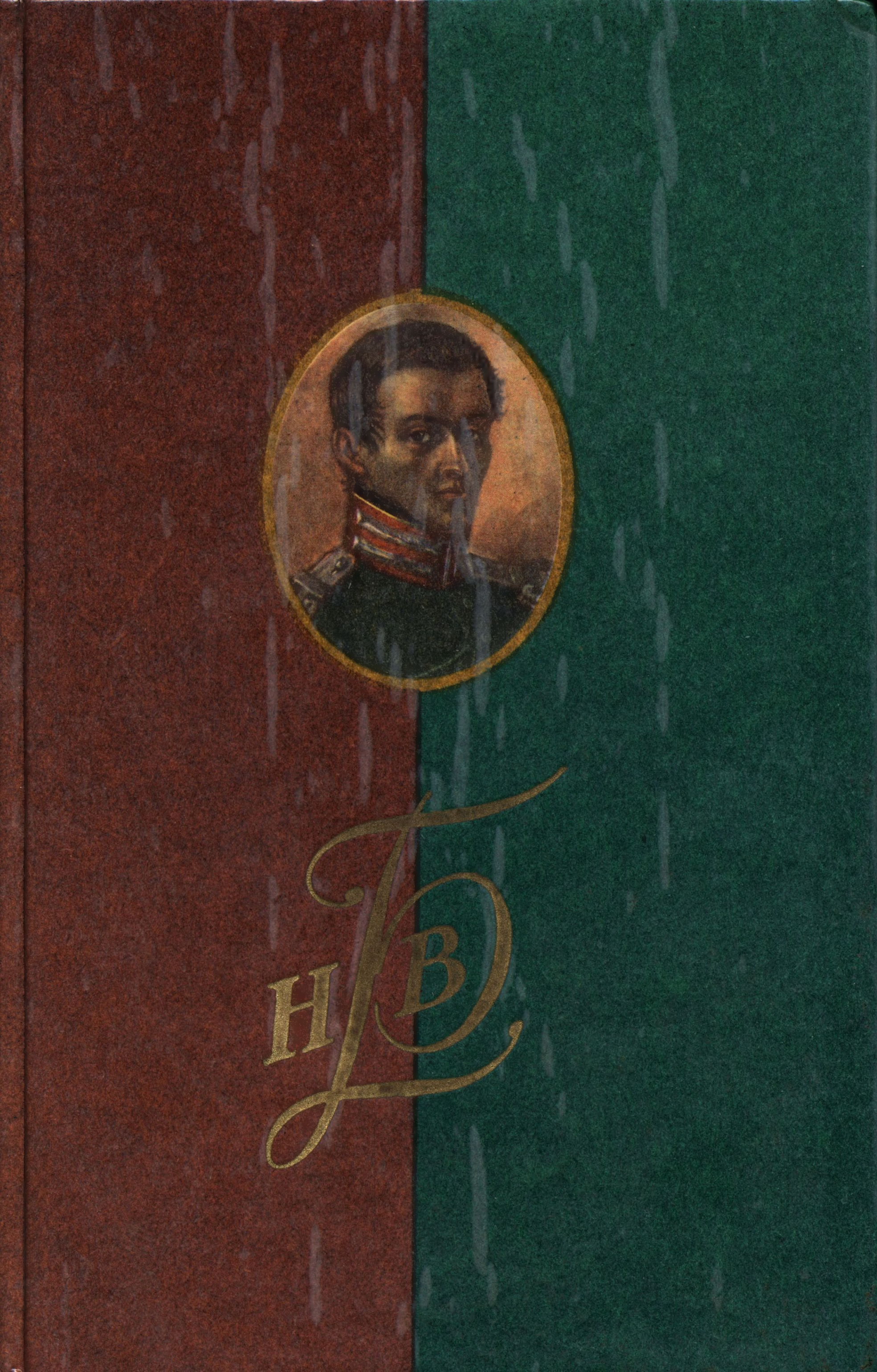
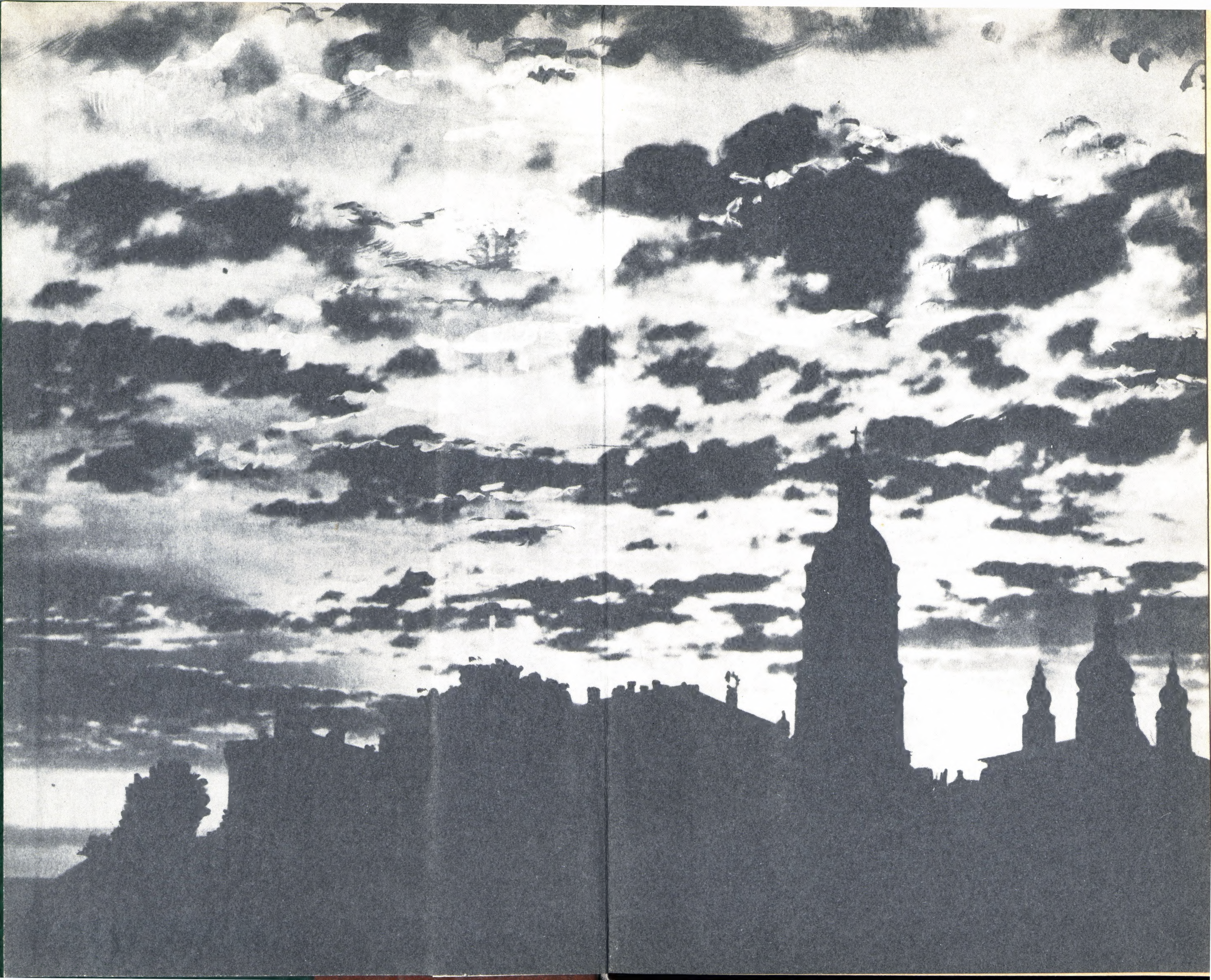

НБВ

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Документы
и материалы

Н. В. БАСАРГИН

ВОСПОМИНАНИЯ,
РАССКАЗЫ,
СТАТЬИ

Иркутск Восточно-Сибирское книжное издательство 1988

Издание подготовлено
И. В. ПОРОХОМ

Ответственный редактор
С. В. МИРОНЕНКО

Рецензент
В. А. ФЕДОРОВ

ДЕКАБРИСТ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БАСАРГИН И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Жизнь, прожитая во имя благородной идеи, — подвиг! Декабристы одними из первых в России наглядно это подтвердили. Высеченная ими искра революционного энтузиазма не погасла. Из поколения в поколение передавались славные традиции «первенцев русской свободы». Их было немного, «лучших людей из дворян», но они сумели всколыхнуть «империю фасадов» так, что заколебался царский трон. Каждый из них — яркая индивидуальность со своей особой судьбой.

Николай Васильевич Басаргин двадцатилетним прапорщиком вступил на путь борьбы против самодержавия и крепостничества. Перечисляя причины, которые привели его в ряды членов тайного общества, он назвал следующие: «Желание быть полезным, возможность сблизиться с людьми благомыслящими и <...> хорошая цель» конспиративного Союза [1]. Не будучи в числе руководителей Союза благоденствия и Южного общества, Басаргин вместе с тем являлся видным их участником, единомышленником и последователем П. И. Пестеля. В 1820—1822 гг. он сыграл заметную роль в становлении и жизни конспиративной организации на юге России, оставшись до конца дней верным антикрепостническим стремлениям юности.

Литературное наследие Басаргина представляет большую ценность как значительный пласт духовной культуры

---

[1] Восстание декабристов. Документы. Т. 12. С. 284 (далее: *ВД*).

дворянских революционеров, а взгляды и практическая деятельность достаточно интересны, поскольку позволяют познакомиться с обликом декабриста, не входившего в ту блестящую элиту офицеров, которая задавала тон на первом этапе русского освободительного движения.

Н. В. Басаргин родился в 1799 г. Отец его, выйдя в отставку в чине надворного советника, поселился во Владимирской губернии, где получил по наследству небольшое имение — деревню Липки. «Он, — по словам сына, — был человек уже пожилой, чрезвычайно добрый, но с устарелыми помещичьими понятиями и считал образование скорее роскошью, чем необходимостью»[2]. Мать Екатерина Карловна, женщина образованная и сердечная, была дочерью довольно известного архитектора К. И. Бланка. Она умерла, когда ее младшему сыну Николаю (в семье кроме него было еще двое сыновей — Иван и Александр) исполнилось всего четырнадцать лет.

О своем начальном образовании Басаргин показал на следствии: «Воспитывался до 14 лет у родителей, и учителя ходили ко мне по урокам. Потеряв в сие время мать свою, воспитание мое было оставлено до 17 лет»[3].

17-летним юношей Басаргин приехал в Москву с намерением поступить вольнослушателем в университет. Бывший тогда ректор университета профессор И. А. Гейм дал ему «записку о дозволении посещать лекции. На другой день утром рано я, — рассказывал о последствиях Басаргин, — пошел уже в класс, но, пришедши гораздо прежде преподавателя, так был возмущен неприличным поведением и дерзостью некоторых подобных мне юных слушателей, что с прискорбием должен был отказаться от университетских лекций и возвратился домой, не зная, что с собою делать»[4].

Дальнейшую судьбу юноши определила встреча с А. А. Тучковым (будущим членом Союза благоденствия и родственником Н. П. Огарева). Он посоветовал и помог Басаргину поступить в школу колонновожатых, которую основал и возглавлял генерал-майор Н. Н. Муравьев. Школа колонновожатых представляла собой очень серьезное частное учебное заведение, где получили образование многие будущие декабристы.

---

[2] Наст. изд. С. 305.

[3] *ВД*. Т. 12. С. 310.

[4] Наст. изд. С. 305—306.

С декабря 1817 по февраль 1819 г. Басаргин прошел курс обучения в школе колонновожатых. За отличные успехи был аттестован прапорщиком и на год оставлен преподавателем «математических лекций». В марте 1820 г. он получил назначение на должность адъютанта начальника штаба 2-й армии генерал-адъютанта П. Д. Киселева, а с октября 1821 г. в звании поручика стал его старшим адъютантом. Штаб-квартира 2-й армии находилась в Тульчине.

Исполнительный, скромный и вместе с тем общительный и знающий офицер, Басаргин быстро завоевал уважение и дружеское расположение товарищей по службе. В числе лиц, входивших, по определению мемуариста, в «общество Главной квартиры 2-й армии», он называет С. Г. Волконского, сына главнокомандующего молодого ротмистра Л. П. Витгенштейна, П. И. Пестеля, А. П. Юшневского, А. П. Барятинского, братьев Крюковых, В. П. Ивашева, И. Г. Бурцова. Поименованный Басаргиным состав лиц показывает, что ведущую роль в «обществе Главной квартиры» играли члены Тульчинской управы Союза благоденствия. Не случайно поэтому мемуарист особо подчеркивал влияние П. И. Пестеля на офицерскую молодежь, характер же времяпрепровождения молодых вольнодумцев, старавшихся, как об этом сказано в воспоминаниях, «употребить свободное от службы время на умственное и нравственное свое образование»[5], соответствовал требованиям первой части «Зеленой книги» — официального устава тогдашней организации дворянских революционеров.

К моменту приезда Басаргина в Тульчин (март 1820 г.) местная управа Союза благоденствия была одной из наиболее многочисленных и активных в тайном обществе. Этому способствовали практическая деятельность и настойчивые теоретические искания Пестеля, результаты которых в виде «Записок о государственном правлении» и «Краткого умозрительного обозрения государственного правления» стали достоянием членов организации. Важной вехой в деятельности Тульчинской управы стало решение Коренной управы Союза благоденствия о признании республики наилучшей формой государственного устройства России. Вернувшись из Петер-

---

[5] Там же. С. 51.

бурга в мае — июне 1820 г., Пестель поставил о нем в известность своих товарищей по обществу («сие заключение было сделано Коренной Думой, яко законодательной властью Союза», и «тогда же было положено и сообщить об оном всем частным Думам»)[6].

Сначала о решении «насчет республиканского правления» было сообщено «Юшневскому, Вольфу, Ивашеву, Комарову и Бурцову, а потом узнали о сем заключении также и Аврамов, Басаргин, к[нязь] Барятинский и оба Крюкова, когда были в общество приняты»[7].

Четкая постановка определенной политической цели общества содействовала организационному совершенствованию и оживлению деятельности Тульчинской управы Союза благоденствия, в которую Басаргин официально вступил, судя по показаниям Пестеля, вскоре после возвращения последнего из Петербурга в мае — июне 1820 г. В «Записках» Басаргин умолчал о том, когда он стал членом Союза благоденствия; этот пробел восполняется следственными материалами. Он показал: «<...> в конце 1819 или в начале [1]820 года приглашен я был чиновником Бруннером ко вступлению в масонское общество благоденствия. Цель сего общества состояла в том, чтобы стараться, сколько есть возможности, не нарушать правосудия, стараться искоренять злоупотребления и дать согласие на уничтожение подданства крестьян. Он хотел мне дать прочесть книгу, в коей заключалась подробно цель учреждения сего общества и обязанности каждого члена, но по короткости моего пребывания в Москве не успел сего исполнить. Я дал ему словесное согласие вступить в сие общество и вскоре потом откомандирован был в Главную квартиру 2-й армии»[8]. При приеме Басаргина Бруннер сказал ему, что членами общества являются полковник Квартирмейстерской части А. Н. Муравьев, его двоюродный брат штабс-капитан Генерального штаба Н. М. Муравьев и поручик Христиани — однокашник мемуариста по школе колонновожатых.

У следователей ни на минуту не возникло сомнения в том, что названная Басаргиным масонская ложа благоденствия, в которую его принял Бруннер, была в действительности Союзом благоденствия. В записке «О силе

---

[6] *ВД*. Т. 4. С. 154—155.
[7] Там же. С. 177.
[8] Там же. С. 283—284.

вины» Басаргина читаем: «В 1819 году принят Бруннером в Союз благоденствия, который почитал масонскою ложею» [9].

Сообщая подробности приема его Бруннером в конспиративную организацию, Басаргин отмечал: «<...> расписки на вступление в общество я ему не давал, а дал оную в Тульчине полковнику Бурцову при вторичном моем согласии вступить в Общество благоденствия» [10]. Как это произошло, явствует из следующего показания Басаргина: «Будучи <...> откомандирован во 2-ю армию, я нашел там многих членов общества [имелся в виду Союз благоденствия. — *И. П.*], и мне нетрудно было войти с ними в связь. Полковник Бурцов, с коим я прежде всех познакомился, будучи членом сего общества, ввел меня в общество бывших там членов» [11]. Здесь Басаргин узнал, что целью общества было водворение свободного правления в России» [12]. И хотя позднее на следствии Басаргин пытался доказать, что это цель «побочная», а «главная же была та, что мы находились весьма тесно связанными друг с другом» [13], он становится в 1820 г. членом Тульчинской управы. «Со времени вступления моего в общество до [1]822 года, — показывал Басаргин, — я мыслил весьма свободно; зараженный духом свободомыслия, господствовавшим тогда в России, воспитанный в заведении, где вкоренилось в меня сие чувство, я помышлял о водворении свободного правления» [14].

По свидетельству Пестеля, когда в 1820 г. он возвратился из Петербурга, «Тульчинская дума не имела еще своих заседаний устроенными и не имела ни Председателя, ни Блюстителя. <...> Устроение заседания Думы завелось в конце 1820 года месяца за два или полтора до назначения Московского съезда» [15].

В это время Басаргин принимает самое живое участие в делах Тульчинской управы. Подтверждением тому, что он был известен как активный член Союза благоденствия, говорит упоминание о нем в воспоминаниях

---

[9] Там же. С. 317.
[10] Там же. С. 305.
[11] Там же. С. 290. Ср. с. 294—295, 297.
[12] Там же. С. 295.
[13] Там же. С. 303.
[14] Там же. С. 297.
[15] Там же. Т. 4. С. 177.

В. Ф. Раевского[16]. Н. В. Басаргин постоянно присутствовал на регулярно проводимых встречах-совещаниях членов управы, на которых первенствовал Пестель. «Его светлый логический ум управлял нашими прениями и нередко соглашал разногласия»[17]. В это же время Басаргин приглашает в тайное общество поручика Н. С. Бобрищева-Пушкина.

Наиболее близкими Басаргину людьми во 2-й армии как идейно, так и в житейско-дружеском смысле были полковники И. Г. Бурцов, П. В. Аврамов, ротмистр В. П. Ивашев и штаб-лекарь Ф. Б. Вольф[18]. Все эти лица принадлежали к числу умеренных членов тайного общества. Наиболее выдающимся среди них, безусловно, был И. Г. Бурцов, о котором Басаргин писал: «Соблюдая правила умеренные, он сначала деятельно способствовал распространению Общества благоденствия, но, переменив образ мыслей в [1]821 году, отстал от оного и обратился к обязанностям службы. Сначала он имел в Тульчине большое влияние на общество»[19].

Перемена образа мыслей И. Г. Бурцова в 1821 г., о чем говорил Басаргин, связана с одним из решающих переломных моментов в деятельности и судьбе тайных обществ. В январе 1821 г. в Москве состоялся съезд полномочных представителей управ Союза благоденствия, на котором официально было провозглашено решение о роспуске тайного общества. В действительности же руководители съезда намеревались продолжить конспиративную деятельность.

На мартовских совещаниях в Тульчине, как показал на следствии П. И. Пестель, «все члены объявили намерение оставаться в Союзе, и тут было замечено, что Московская Чрезвычайная Дума имела поручение переобразовать Союз и потому преступила границы своей власти, объявляя Союз уничтоженным. А потому Тульчинская Дума признает Союз существующим с прежнею целью и в прежнем значении. То и другое было подтверждено и притом сделаны некоторые перемены в образовании Союза. Все тогда присутствовавшие члены приняли назва-

[16] Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск. 1983. Т. 2. С. 347.

[17] Наст. изд. С. 58.

[18] *ВД*. Т. 12. С. 302.

[19] Там же. С. 298.

ние Бояр Союза и выбрали в председатели Юшневского, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что он, подобно нам, не признает уничтожение Союза, ибо он не был в Москве. Вскоре после того получили мы известие от Никиты Муравьева, что многие члены в Петербурге точно так же поступили, как Тульчинская Дума. Вот начало Северного и Южного округов того же самого Союза благоденствия, продолженного и притом исправленного. Членами Тульчинской управы были тогда Юшневский, Аврамов, Вольф, Ивашев, адъютанты Крюков 1-й, князь Барятинский и Басаргин, свитский Крюков 2-й, князь Волконский, Василий Давыдов и я»[20].

Таким образом, в числе первых членов-учредителей новой тайной организации, «Бояр Союза», находился и Н. В. Басаргин. Здесь следует подчеркнуть, что Николай I и Следственная комиссия придавали возникновению Южного и Северного обществ декабристов решающее значение в деятельности заговорщиков. В специальной инструкции о том, как нужно составлять на каждого из подследственных записку о «силе» их вины, говорилось, что главным обвиняющим обстоятельством следует считать учреждение общества, и подчеркивалось, что «эпохою учреждения должно принимать не первое основание его в виде Союза спасения или Союза благоденствия, но когда уже возникли виды переворота»[21]. Этот документ объясняет, почему следователи в малой степени интересовались ранними декабристскими союзами, сосредоточив основное внимание на Южном и Северном обществах.

Н. В. Басаргин вначале на следствии пытался отрицать свою принадлежность к Южному обществу. Но позднее под давлением неопровержимых свидетельств он признался, что «в 1821 [году], когда объявлено было уничтожение Союза благоденствия, дал согласие остаться в преобразованном обществе и одобрил: a) избрание начальниками Пестеля и Юшневского, b) цель сего общества — *введение республиканского правления* и c) революционный способ достижения ее с *упразднением престола и в случае крайности с изведением тех лиц, кои представят в себе непреодолимые препоны*»[22].

---

[20] Там же. Т. 4. С. 108—109.
[21] Там же. Т. 12. С. 316.
[22] Там же. С. 317—318. Ср.: *ВД*. Т. 4. С. 156.

Стремясь по возможности уменьшить степень своей виновности, Басаргин объяснял вступление в Южное общество таким образом: «Когда в [1]821 году мне было объявлено, что некоторые члены удалились, то я объявил согласие остаться. Причина же моего согласия, смею уверить Комитет, высочайше учрежденный, была — ложный стыд и боязнь быть укоряемым в малодушии»[23]. И все же несравнимо весомее и значительнее оказывается в данном случае сам вынужденно констатируемый факт, нежели его нравственно-психологическое обоснование.

В начальный период деятельности Южного общества было положено, как справедливо отмечал Басаргин, ограничиться «умножением членов, оставив дальнейшие действия в распоряжении директоров», а именно Пестеля и Юшневского[24]. При этом все члены Южного общества, и в том числе Басаргин, единодушно признавали решающую роль Пестеля в делах Тульчинской управы Союза благоденствия и Южного общества. На организационном собрании, которое состоялось на квартире Пестеля, последний, по свидетельству Басаргина, «увлек всех силою своих рассуждений». Вообще «одаренный от природы способностями выше обыкновенных», Пестель, по утверждению Басаргина, «был главною причиною действий общества»[25].

Пока Пестель жил в Тульчине, Басаргин, так же как и другие местные члены тайной организации, испытывал на себе его покоряющее влияние. С назначением 15 ноября 1821 г. Пестеля командиром Вятского пехотного полка и с переездом в м. Линцы непосредственное воздействие его на определенную часть «южан» ослабло. Басаргину даже показалось, что с удалением Пестеля из Главной квартиры «общество как бы кончилось»[26]. Не случайно поэтому Басаргин вместе с Ф. Б. Вольфом, В. П. Ивашевым и П. В. Аврамовым все более и более отходят от активного участия в делах тайного общества. В охлаждении и отчуждении от дел этих и некоторых других членов общества определенную роль сыграли арест 6 февраля 1822 г. члена Кишиневской управы Союза благоденствия майора В. Ф. Раевского и именной указ Александра I

---

[23] Там же. Т. 12. С. 295.
[24] Там же. С. 296.
[25] Там же. С. 296, 298.
[26] Там же. Т. 12. С. 298.

от 1 августа 1822 г. «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ», которым строжайше предписывалось: «Все тайные общества, под какими бы названиями они ни существовали, как-то: масонских лож и другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять»[27]. Кроме того, все лица, находившиеся на государственной или военной службе, должны были дать подписку о непринадлежности к тайным обществам.

Для лиц, причастных к конспиративным союзам, это были тревожные и серьезные сигналы. Тех из них, кто глубоко не проникся революционным энтузиазмом, охватили сомнения. У многих нестойких заговорщиков наступила пора своеобразного «отрезвления», отказа от увлечений молодости.

Вероятно, подобное же состояние пережил и Н. В. Басаргин. Правда, он не потерял интереса к дружескому общению со своими товарищами по конспирации, что, по сути дела, означало продолжение членства в тайном обществе. Так, вскоре после первого съезда руководителей Южного общества в Киеве, и вероятнее всего в феврале — марте 1822 г., он из боязни «быть укоряемым в малодушии» принял участие в совещании членов Тульчинской управы, которое по поручению Пестеля, уехавшего в Линцы, проводил Волконский[28]. Можно предполагать, что именно на этом совещании участники его узнали о республиканской цели и цареубийственных планах, принятых руководителями южан в Киеве.

«В [1]822 году, — показал на следствии Басаргин, — в образе мыслей моих начинала делаться перемена, и, наконец, под конец [1]823 года, принявши намерение жениться, я совершенно изменил образ понятий своих и был уверен, что никакое правление без некоторых недостатков быть не может, но что недостатки сии исправляться должны правительством, а не людьми частными»[29].

Возможно, какие-то изменения во взглядах у Басаргина к концу 1823 г. и произошли, хотя необходимо учитывать, что данное показание имело явную тенденцию уменьшить в глазах Следственной комиссии степень его виновности. Однако главное в том, что он сам не считал се-

---

[27] Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. С. 579 (далее: *ПСЗ*).
[28] *ВД*. Т. 12. С. 301.
[29] Там же. С. 310.

бя вне рядов тайного общества. Накануне женитьбы на кн. Мещерской, состоявшейся в сентябре 1824 г., Басаргин открыл ей, что принадлежит к тайному обществу и что хотя значение его в нем «неважное, но не менее того может <...> последовать такое бедствие, которое ей трудно будет переносить» [30].

Семейная жизнь полностью поглотила Басаргина. Но счастье оказалось очень кратковременным. В августе 1825 г. его жена умерла от простуды вскоре после благополучных родов. На руках у овдовевшего отца осталась месячная дочь. Потеря самого дорогого человека буквально подкосила Басаргина. 12 сентября 1825 г. он пишет генерал-адъютанту П. Д. Киселеву душераздирающее письмо с просьбой оказать содействие в перемене места службы, так как для него было невыносимо оставаться там, где «все исполнено напоминанием об утрате» [31]. Какой результат имела бы просьба Басаргина при обычном ходе жизни и службы, можно только предполагать. Думается, что П. Д. Киселев удовлетворил бы ее. Но неожиданное стечение обстоятельств решительным образом изменило всю последующую судьбу Басаргина. Весь сентябрь он тяжело проболел (отнялись ноги). В октябре, получив отпуск, уехал к родным, сначала в Москву, а затем во Владимирскую губернию. По окончании отпуска, направляясь к месту службы, Басаргин 25 декабря в Могилеве услышал от главнокомандующего 1-й армией гр. Сакена о восстании в Петербурге.

В Тульчин Басаргин вернулся вечером 27 декабря. Здесь он узнал от Вольфа о доносе Майбороды, о приезде Чернышева из Таганрога, об аресте Пестеля, Юшневского, Барятинского и других членов Южного общества.

30 декабря 1825 г. Басаргин представил на имя П. Д. Киселева официально востребованный рапорт, в котором начисто отрицал принадлежность к тайному обществу. В тот же день он был арестован и 6 января 1826 г. вместе с Ф. Б. Вольфом отправлен в Петербург. Сопровождал их жандармский унтер-офицер Холмышев, который позволил арестованным ехать в одном возке. Вольф посоветовал Басаргину «при допросах ничего не открывать,

---

[30] Наст. изд. С. 75.

[31] *ИРЛИ*. Ф. 143 (П. Д. Киселев). Ед. хр. 29. 6. 80. Письмо от 12 сент. 1825 г.

уверяя, что как ясных доказательств нет, то и уличить <...> невозможно»[32].

14 января 1826 г. арестованных доставили в Петербург и поместили на Главной гауптвахте. 15 января 1826 г. Басаргин дал первое показание генерал-адъютанту Левашову, чему предшествовало строгое словесное назидание царя: «Говорите всю правду <...>, если скроете что-нибудь, то пеняйте на себя»[33].

Во время следствия Басаргин вел себя достойно, не назвал ни одного имени члена организации, которого бы Следственная комиссия не знала. Важное место в его следственном деле занимают два письма к В. В. Левашову, где Басаргин очень эмоционально излагал свои душевные переживания и выражал глубокое раскаяние о содеянном, а также просил разрешения повидать малютку дочь (как будто бы чувствовал, что она скоро умрет) и написать письма родным. Все это по-человечески можно понять и объяснить.

Сложнее с откровенно недоброжелательными характеристиками П. И. Пестеля, которого Басаргин считал главным виновником всех своих бед[34]. Он даже высказывал подозрение, что руководитель южан оклеветал его перед Следственной комиссией.

Подчеркивая выдающуюся, а подчас и решающую роль Пестеля в делах Тульчинской управы и Южного общества, Басаргин в принципе говорил о том, что было в действительности. Но такая излишняя, хотя и правдивая, откровенность в обстановке следствия усугубляла и без того тяжелые улики против идеолога и вождя южан. Известно, что не одному Басаргину была присуща подобная слабость, являвшаяся наглядным проявлением хрупкости дворянской революционности.

Таким образом, если суд истории не может предъявить Басаргину обвинений в нечестности и преднамеренном доносительстве, то субъективно его показания о Пестеле выразили не только смятение духа, но и нестойкость личности будущего мемуариста в тот тяжелый период моральных испытаний. Однако, справедливости ради, сле-

---

[32] *ВД*. Т. 12. С. 291.

[33] Наст. изд. С. 83.

[34] Эта же мысль содержалась в письме Басаргина от 15 июня 1826 г. начальнику Главного штаба генерал-адъютанту И. И. Дибичу (*ЦГВИА*. Ф. 36. Оп. 4. Д. 307. Св. 22. Л. 2 об.—3).

дует отметить, что впоследствии Басаргин в своих воспоминаниях отдаст дань глубокого уважения Пестелю как личности и революционеру.

При более же пристальном изучении показаний Басаргина можно установить избранную им тактику самозащиты и проследить ее эволюцию в ходе разбирательства его дела. Вначале Басаргин, не только следуя совету Вольфа, но и руководствуясь собственным убеждением, упорно отрицал причастность к тайному обществу. Более того, он пытался выдать себя за жертву необоснованного навета. Такая позиция была характерна для Басаргина с первого письменного рапорта от 30 декабря 1825 г. на имя П. Д. Киселева, где он утверждал, что «как о существовании какого-либо тайного общества <...> никогда <...> не слыхал, так и предложения ко вступлению в оное <...> не имел»[35]. Аналогичную линию с оговоркой, что в 1819—1820 гг. он состоял в Союзе благоденствия, Басаргин проводил до 9 марта 1826 г., когда Следственный комитет, опираясь на показания восьми свидетелей (А. П. Юшневского, П. И. Пестеля, С. Г. Волконского, П. В. Аврамова, И. Г. Бурцова, Н. И. Лорера, А. А. Крюкова и А. И. Майбороды), потребовал от него в ультимативной форме чистосердечного признания. Естественно, следователей не могли удовлетворить уклончивые ответы Басаргина, которые они квалифицировали как запирательство и нежелание быть откровенным в показаниях. Сам Басаргин в конце концов согласился с тем, что первые его ответы были неискренни. Поняв, что дальнейшее упорство только усугубит сложность его положения, Басаргин меняет тактику. Он старается убедить наиболее авторитетных и влиятельных членов Комитета, что готов дать самые откровенные показания. В подтверждение сказанному Басаргин признал свою формальную принадлежность к Южному обществу и согласился, не допуская до очной ставки с Пестелем, с тем, что он говорил о нем[36].

Но одновременно он настойчиво доказывал, что «4 года тому назад» порвал всякие конспиративные связи и потому, во-первых, за давностью лет не помнит, как все происходило в начальный период становления Юж-

---

[35] *ВД*. Т. 12. С. 281.
[36] Там же. С. 305—306.

ного общества, а во-вторых, ничего не знает о деятельности тайной организации в 1823—1825 гг., поскольку не принимал в ней участия. И эту линию он выдержал до конца судебного разбирательства. Следователи, с удовлетворением констатируя признание Басаргина в принадлежности к Южному обществу, одновременно отметили, что он, хотя «ему были известны все замыслы и намерения оного, не сознается» в этом [37].

Согласно поименному опросу Верховного уголовного суда, состоявшемуся на утреннем заседании 3 июня 1826 г., из 62 членов, принявших участие в решении судьбы Басаргина, 8 человек подали голоса за смертную казнь, 25— за политическую смерть и 29 — за более мягкое наказание. Прошло мнение осудить Басаргина на политическую смерть за то, что он «участвовал в умысле на цареубийство согласием и в распространении тайного общества принятием одного члена» [38].

При вынесении окончательного приговора было принято во внимание то, что в последние годы Басаргин отошел от активного участия в делах Южного общества. Вместе с тем определенную роль сыграла и продуманная самозащита. Басаргин был отнесен ко II разряду и после конфирмации приговора 10 июля 1826 г. Николаем I осужден на 20 лет каторжных работ, срок которых по коронационному манифесту от 22 августа 1826 г. был сокращен на пять лет.

На всех декабристов, приговоренных к сибирской каторге, в III отделении было составлено описание внешности и особых примет. В этом списке под номером 70 значится Н. В. Басаргин, «26 лет, рост 2 аршина 8 вершков [т. е. 177,2 см. — *И. П.*]. Лицо белое, рябоватое, глаза карие, нос небольшой, продолговатый, волосы на голове и бровях темно-русые» [39].

Просидев в Петропавловской крепости после приведения в исполнение обрядной части приговора более шести месяцев, Басаргин ночью 21 января 1827 г. вместе с М. А. Фонвизиным, Ф. Б. Вольфом и членом Общества соединенных славян А. Ф. Фроловым в сопровождении фельдъегеря Воробьева был отправлен в Сибирь. В мар-

---

[37] Там же. С. 450.
[38] Там же. Т. 17. С. 230.
[39] *ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 1. Л. 61 об.

те 1827 г. Басаргин и его товарищи были доставлены в Читу, которая входила в Нерчинский горный округ. Осенью 1828 г. «вследствие <...> радостного события в царской фамилии», связанного с рождением сына вел. кн. Константина, с них были сняты кандалы. «По существующим узаконениям, — писал декабрист, — не следовало нам носить их, потому что ссыльные в работу, разжалованные дворяне, избавлены от ношения цепей и только при вторичном преступлении, то есть когда они не пользуются правами дворянина, с ними поступают как с простолюдинами. Но государю угодно было подвергнуть и нас этой мере наказания» [40].

В июле — августе 1830 г. находившиеся в Читинском остроге декабристы совершили пеший переход в Петровский завод. Начался новый период сибирской жизни декабристов. О своем пребывании в Петровском остроге Басаргин довольно подробно написал в «Записках». В эти тяжелые годы он принимал живое участие в деятельности «каторжной академии», а его организаторские способности и рачительная хозяйственность нашли признание у товарищей по заключению, избравших Басаргина на длительный срок «хозяином общей артели», которая была создана с разрешения коменданта для обеспечения самых необходимых бытовых потребностей «государственных преступников». Судя по тому, что Басаргин полностью привел в «Записках» текст «Устава артели», можно предполагать, что он был одним из составителей его, если не единоличным автором.

В поддержании оптимистического настроения и жизненного тонуса у каторжан-декабристов немалая заслуга принадлежала женщинам, приехавшим к мужьям в Сибирь. Кроме того, постоянное общение в остроге и взаимная поддержка были очень важным фактором сохранения узниками идейной убежденности и высоких моральных качеств. Басаргин был прав, когда писал: размести нас «по разным заводам, отними у каждого общество товарищей, лиши возможности поддерживать, смешай с простыми ссыльнорабочими, подчини местному начальству и общим заводским правилам, легко могло бы случиться, что большая часть из нас, будучи нравственно убиты своим по-

---

[40] Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 177. О лихоимстве и поведении должностных лиц в Сибири. Л. 3.

ложением, без всяких материальных средств, не имея сношения с родными и находясь еще в таких летах, когда не совсем образовался характер, когда нравственное основание не так прочно, а ум легко подчиняется страстям и прелести воображения, <...> многие потеряли бы сознание своего достоинства, не устояли бы в своих правилах и погибли бы безвозвратно, влача самую жалкую, недостойную жизнь»[41].

Постепенно декабристы, приговоренные к меньшим срокам каторжных работ, стали выходить на поселение. Подошел срок отъезда и Басаргина, который был освобожден от каторжных работ 14 декабря 1835 г. В сентябре 1836 г. вместе с Ивашевым он был отправлен на поселение в Туринск, куда в октябре 1839 г. приехал на жительство И. И. Пущин. 27 августа 1839 г. Басаргин вступил в брак с дочерью поручика местной инвалидной команды 18-летней Марией Елисеевной Мавриной. «Она его любит, уважает, а он надеется сделать счастье молодой своей жене», — писал о браке Н. В. Басаргина И. И. Пущин[42].

Но семейная жизнь Басаргина с М. Е. Мавриной оказалась отягощенной драматическими событиями и была непродолжительной. В мае 1840 г. вскоре после рождения умер их сын Александр и серьезно заболела жена. После рождения второго ребенка Василия состояние здоровья Марии Елисеевны еще более ухудшилось. 28 августа 1841 г. Басаргин обратился с просьбой к А. Х. Бенкендорфу ходатайствовать перед царем о перемещении его семьи в связи с болезнью жены в г. Курган, «где теплый климат, содействуя медицинским пособиям, может восстановить со временем ее расстроенное здоровье». «Сама просьба моя, — писал декабрист, — может служить вашему сиятельству лучшим доказательством, что желаемое нами перемещение не пустая прихоть, потому что при малых наших способах к существованию[43] переезд в Курган, кроме путевых издержек, лишит нас тех средств, которые доставляло нам здесь небольшое наше хозяйство, и мы

---

[41] Наст. изд. С. 184—185.

[42] Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 130.

[43] От казны Н. В. Басаргин получал в год всего 57 р. 14 2/7 к. сер. денежного пособия (*ЦГВИА*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14987. Л. 6—6 об.).

без крайней необходимости, конечно, не решились бы просить о перемене нашего жительства»[44].

Запросив в октябре 1841 г. генерал-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова, не имеет ли он возражений против перемещения Басаргина из Туринска в Курган, и получив от него согласие, А. Х. Бенкендорф 2 декабря 1841 г. исходатайствовал у Николая I разрешение Басаргину жительствовать в Кургане. 15 марта 1842 г. Басаргин с женой, младенцем сыном и престарелой матерью жены прибыл в Курган «и поступил под надзор полиции»[45].

В Кургане на семью Басаргина обрушилось еще одно несчастье. В письме к И. И. Пущину от 18 июня 1842 г. он писал: «Пожалейте нас, мои добрые друзья, — мы потеряли нашего Васиньку. Можете представить себе нашу грусть. Я хожу как убитый, он так утешал нас и такой был славный, умненький ребенок, что все восхищались им. Я был к нему ужасно привязан, и он меня особенно любил»[46].

В Кургане Н. В. Басаргин прожил вместе с Ф. М. Башмаковым, А. Ф. Бригеном, И. С. Повало-Швейковским, Д. А. Щепиным-Ростовским до 1846 г. Материальное положение его семьи в то время было бедственным. 31 января 1843 г. его старший брат А. В. Басаргин, владевший небольшим имением Вареево Покровского уезда Владимирской губернии, обратился к А. Х. Бенкендорфу с просьбой ходатайствовать перед царем «о дозволении брату <...> вступить в частные должности или заниматься какой-нибудь отраслью промышленности», поскольку у него, по сути дела, не было иных источников существования. Сбоку на этом письме карандашом написано: «Первое запрещено, а на второе нет запрещения»[47]. В результате ничего не изменилось в материальном положении декабриста. Но житейские тяготы оказались не единственным испытанием, выпавшим на его долю в Кургане. Эпилогом несчастливого для него брака явилась неверность жены, которая в апреле 1844 г. удалилась в Екатеринбургский женский монастырь вместе со своей матерью

---

[44] *ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 63. Л. 5—5 об.

[45] Там же. Л. 9, 13.

[46] Житомирская С. В., Мироненко С. В. Из архива И. И. Пущина. Письма Н. В. Басаргина // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1983. Вып. 3. С. 192.

[47] *ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 63. Л. 15—16.

Степанидой Ивановной Мавриной[48]. Вероятнее всего по состоянию здоровья, М. Е. Басаргина покинула в июне 1844 г. монастырь. Болезнь ее продолжала прогрессировать. В январе 1845 г. она выехала на лечение в Черноречинский винокуренный завод. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Можно предполагать, что вскоре она умерла.

7 января 1846 г. Н. В. Басаргину по вторичной просьбе его брата Александра было разрешено поступить на гражданскую службу. Он определился служителем в канцелярию пограничного управления сибирских киргизов и переехал в г. Омск.

Во второй половине 1847 г. Басаргин женился на Ольге Ивановне Медведевой (урожд. Менделеевой), сестре Д. И. Менделеева, владевшей небольшим стеклоделательным заводом в Коптюле. 3 ноября 1847 г. П. Д.Горчаков по просьбе декабриста ходатайствовал перед новым главноуправляющим III отделения кн. А. Ф. Орловым о разрешении Басаргину переехать в г. Ялуторовск, «где жена его имеет дом и небольшое заведение, составлявшее их единственные способы к жизни»[49].

В это время в Ялуторовске находились на поселении Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, М. И. Муравьев-Апостол, И. Д. Якушкин, В. К. Тизенгаузен. По закону же «дозволено водворять в одном месте не более трех государственных преступников, но как Басаргин состоит на службе и, следовательно, выведен из числа поселенцев, то означенный закон, кажется, не должен на него распространяться, тем более, что князь Горчаков не встречает препятствия к переводу Басаргина в Ялуторовск»[50]. 3 декабря 1847 г. царь дал разрешение на переезд Басаргина в Ялуторовск, где в феврале 1848 г. он поступил на службу в земский суд.

Басаргин активно включился в просветительскую деятельность, которую вели проживавшие в Ялуторовске декабристы. Ими были открыты мужская и женская частные школы, где они преподавали[51]. Ялуторовская колония декабристов, как справедливо отмечено в советской исто-

---

[48] Там же. Л. 19—31 об.

[49] Там же. Л. 43.

[50] Там же. Л. 44 об.

[51] Дружинин Н. М. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа // Дружинин Н. М. Революционное движение в России: Избр. тр. М., 1985. С. 384—436.

риографии, «оставила глубокий след в культурной жизни Западной Сибири, в том числе в развитии просвещения»[52].

Характеризуя взаимоотношения декабристов, проживавших в Ялуторовске, Басаргин писал: «Все мы были чрезвычайно дружны между собой. Не проходило дня, чтобы мы не виделись, и сверх того раза четыре в неделю обедали и проводили вечера друг у друга. Между нами все почти было общее, радость или горе каждого разделялось всеми, одним словом, это было какое-то братство — нравственный и душевный союз»[53].

Так в дружеском общении, во взаимной поддержке прожили ялуторовские поселенцы-декабристы вплоть до объявления царской «милости», согласно которой они получили возможность вернуться в Европейскую часть России. Все это произошло после неожиданной кончины 18 февраля 1855 г. Николая I. Его смерть вселила оставшимся в живых декабристам надежду на возвращение из Сибири. Но Александр II не торопился прощать врагов своего отца. О подлинных настроениях правительства при амнистировании «государственных преступников» выразительно говорит выбор лиц, которым новый царь доверил подготовку коронационного манифеста. «Во главе всего дела стоял шеф жандармов А. Ф. Орлов, а позже — сменивший его князь Долгоруков. <...> Ближайшим их помощником был <...> Блудов — автор пресловутого «Донесения Следственной комиссии», являвшегося главным обвинительным документом против декабристов»[54].

Из-под пера этих николаевских «орлов», как называл А. И. Герцен сподвижников «Незабвенного» (ироническое прозвище, данное Николаю I декабристами), вышел куцый коронационный манифест 26 августа 1856 г. «Амнистия, — писал Герцен, — тощая, скупая, бедная, жалкая»[55]. Созвучно Герцену высказался о ней и Басаргин. «Впечатление, которое произвела на нас и особенно на

---

[52] Копылов А. Н., Малышева М. П. Декабристы и просвещение Сибири в первой половине XIX в. // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1975. С. 102.

[53] Наст. изд. С. 261.

[54] Сокольский Л. А. Возвращение декабристов из сибирской ссылки // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 222—223.

[55] Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 67 (далее: *Герцен*).

меня эта полуамнистия, определить трудно. Радоваться было нечему»[56].

В официальном секретном документе III отделения персонально о Басаргине было написано: «В день коронования государя императора 26 августа 1856 г. всемилостивейше дарованы Ник. Басаргину и законным детям его, рожденным после приговора над ним, все права потомственного дворянства, только без прав на прежние имущества, с дозволением возвратиться с семейством из Сибири и жить где пожелает в пределах империи за исключением Петербурга и Москвы, но под надзором и с разрешением, если пожелает, служить, но под наблюдением начальства»[57].

И все же амнистия, хотя и в урезанном виде, восстанавливала гражданские права доживших до нее декабристов и давала им возможность вернуться в родные места. Басаргин не сразу и не без колебаний принял решение возвратиться в Европейскую Россию. В ноябре 1856 г. под впечатлением отъезда из Сибири своих товарищей он решил двинуться в путь. Однако местная администрация в лице тобольского губернатора В. А. Арцимовича не спешила удовлетворить просьбу Басаргина о выезде. Лишь 21 февраля 1857 г. он вместе с женой и воспитанницей Полинькой (Пелагеей), дочерью умершего в 1844 г. декабриста Николая Осиповича Мозгалевского, выехал из Ялуторовска. Путешественники ехали через Шадринск, Челябинск, Златоуст на Казань, куда добрались в условиях российского бездорожья за одиннадцать дней. Далее их путь лежал на Нижний Новгород. Здесь их в середине марта радушно встретил местный военный губернатор А. Н. Муравьев, в прошлом один из организаторов Союза спасения и видный член Союза благоденствия.

В Нижнем возок заменили на тарантас. Выехали из города 20 марта, и через два дня Басаргины были во Владимире, а на третий день — в д. Липки, родовом имении отца. 26 марта 1857 г. Басаргины приехали в Москву и остановились у Якушкиных «с тем, чтобы приискать себе подле них небольшую квартиру»[58].

---

[56] Наст. изд. С. 415.
[57] *ЦГАОР*. Ф. 109. I эксп., 1826. Д. 61. Ч. 63. Л. 68.
[58] Там же. Ф. 279. Оп. 1. Д. 168. Л. 5.

В специальной справке о Басаргине, представленной 5 апреля 1857 г. начальником 2-го округа жандармов генерал-лейтенантом Перфильевым В. А. Долгорукову, говорилось, что по приезде в Москву Басаргин «на другой день явился к господину московскому военному генерал-губернатору и просил дозволения пробыть в Москве до второго дня Пасхи, но на это согласие не получил, а дозволено ему было пробыть только до апреля месяца. Вследствие чего он 2 апреля поутру выехал из Москвы в г. Курск. Басаргин приезжал в Москву с семейством и останавливался в квартире Якушкина Мещанской части в доме Абакумовой». Сбоку В. А. Долгоруков чернилами написал: «Доложено его величеству 9 апреля»[59]. Из этой надписи следует, во-первых, что шеф жандармов В. А. Долгоруков незамедлительно информировал царя о нахождении и перемещении вернувшихся из Сибири декабристов, и, во-вторых, что Александр II проявил к этому особый интерес, ведь именно от него исходил запрет на проживание в обеих столицах амнистированных «государственных преступников».

В Курск Басаргин с семьей прибыл 6 апреля и прожил там 20 дней. 25 апреля они снова двинулись в путь и приехали 3 мая в Киев. «Древняя столица России» своим величественным видом произвела на Басаргина огромное впечатление. В Киеве Басаргины пробыли четыре дня, «осмотрели город, Лавру, очень приятно проводили время в обществе своих сибиряков» (С. П. Трубецкого и жен умерших декабристов — А. И. Давыдовой и М. К. Юшневской) и, наконец, отправились к сестре покойной жены Басаргина С. В. Бутович, которая в это время жила вместе с мужем в своем имении Мировке, находившемся в 70 верстах от Киева. Два месяца прожили в Мировке Басаргины. За это время Николай Васильевич съездил в Тульчин на могилу своей первой жены. С августа 1857 г. Басаргины поселились в с. Алексино Дорогобужского уезда Смоленской губернии у дальнего родственника полковника в отставке Барышникова. Но сознание того, что у него и у его близких нет своего пристанища, не давало покоя Басаргину. Кроме того, он остро ощущал физический недуг. 17 августа 1857 г. Басаргин послал В. А. Долгорукову письмо, в котором говорилось:

---

59 Там же. Л. 69—69 об.

«Воспользовавшись с чувством глубокой, сердечной признательности высочайшей милостью, изложенной в манифесте 26 августа прошлого года, я переехал с семейством моим из Сибири в Россию. Постоянная дружба оставшихся родственников моих, сохранившиеся воспоминания моей юности и всегда драгоценная память родины побудили меня расстаться со страной, где я провел большую половину моей жизни.

Лета и расстроенное здоровье мое (я давно уже страдаю сильной одышкой) требуют частого медицинского пособия и некоторых удобств жизни и хорошего климата. Чтобы находиться при этих условиях, необходимы вещественные средства, которыми, благодаря дружбе родных, я надеюсь быть обеспечен. Но большая часть из них проживает в Москве, и мне необходимо видеться с ними для устройства моего непродолжительного будущего. Сверх того, я бы мог воспользоваться там советами искусных медиков насчет моей мучительной хронической болезни. Может быть, они могли бы если не совершенно излечить, то хоть несколько облегчить ее.

Причины эти заставляют меня прибегнуть с моей покорнейшей просьбой к вашему сиятельству об исходатайствовании мне всемилостивейшего дозволения если не на постоянное жительство в Москве, то, по крайней мере, на временное в ней пребывание, когда потребует того или недуг мой, или мои семейные дела» [60].

В. А. Долгоруков доложил Александру II просьбу Басаргина и со слов царя написал 28 сентября 1857 г.: «Высочайше разрешено исполнить согласно с тем, что было сделано для Батенькова», которому было «дозволено приезжать в Москву» [61].

На основе этого разрешения Басаргин 17 ноября 1857 г. приехал в Москву сроком на шесть недель. И все же половинчатое решение царя никак не могло удовлетворить декабриста, и он даже подумывал вернуться в Сибирь. В апреле 1858 г. Басаргин приобрел небольшое имение во Владимирской губернии. В июне—сентябре 1858 г. Басаргины совершили поездку в Сибирь на бракосочетание воспитанницы Полиньки с братом жены Павлом Ивановичем Менделеевым. Вернувшись из Сибири,

---

[60] Там же. Л. 70—70 об.
[61] Там же. Л. 70.

Басаргин живет в своем имении и много пишет. Между тем болезнь (сердечная астма) прогрессирует. 26 декабря 1860 г. штаб-офицер корпуса жандармов по Московской губернии подполковник Воейков 3-й доносил В. А. Долгорукову: «Возвращенный из Сибири дворянин, отставной коллежский регистратор Николай Басаргин, 19 декабря получил дозволение господина московского военного генерал-губернатора приезжать в Москву и «оставаться без срока». В настоящее время Басаргин квартирует Арбатской части 5-го квартала в доме Дубовицкой»[62].

3 февраля 1861 г. Н. В. Басаргин умер в Москве. Сообщая об этом начальству, подполковник Воейков писал: «<...> отставной коллежский регистратор Николай Васильевич Басаргин, *состоявший под секретным надзором полиции* [курсив мой. — *И. П.*], 3-го сего февраля скончался. Тело покойного перенесено в Приходскую церковь, но при перенесении никаких изъявлений не было, равно ничего не ожидается подобного при погребении Басаргина 5-го числа на Пятницком кладбище за Крестовскою заставою»[63].

А. И. Герцен откликнулся на смерть Басаргина коротким, но весьма прочувствованным и политически заостренным некрологом, в котором говорилось: «Еще один из наших старцев сошел в могилу — Николай Васильевич Басаргин. Правительство и его взыскало своей милостью. На похороны московский обер-полицмейстер послал переодетого квартального и четырех жандармов. У родственников покойного тайная полиция делала обыск. А ведь как ни выкрадывайте истину, историю вам не украсть»[64].

Николай Васильевич Басаргин оставил после себя немалое литературное наследие, главное место в котором, безусловно, принадлежит его воспоминаниям — «Запискам». История их создания весьма интересна и заслуживает внимания. В появлении «Записок» важную роль сы-

---

[62] Там же. Л. 88. Н. В. Басаргин в конце августа или начале сентября 1860 г. приехал в Москву, поскольку уже 8 сентября С. П. Трубецкой писал Свербеевым: «<...> у меня был Басаргин, и часа два мы вели очень живой разговор преимущественно о раскольниках и сибирских миссионерах, между ними о знаменитом Макарии» (Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма, дневник 1857—1858 гг. Иркутск, 1987).

[63] *ЦГАОР*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 168. Л. 90.

[64] *Герцен*. М., 1958. Т. 15. С. 85.

грал сын декабриста Е. И. Якушкин. Как справедливо отметил Н. Я. Эйдельман, «без Евгения Ивановича Якушкина значительная часть мемуаров деятелей тайных обществ вообще никогда не появилась бы» [65].

Е. И. Якушкин дважды приезжал к отцу в Ялуторовск, первый раз в 1853 г., второй — в августе 1855 г., и прожил там в связи со служебным поручением до весны 1856 г. Во время посещений Ялуторовска между ним и Басаргиным, который издавна состоял в тесных дружеских отношениях с И. Д. Якушкиным, установилась взаимная привязанность. Это утвердило Е. И. Якушкина в намерении обратиться к Басаргину с настоятельной просьбой написать воспоминания. В очень обстоятельном послании к жене Елене Густавовне Кнорринг от августа 1855 г. Е. И. Якушкин, характеризуя Басаргина, писал, что он «человек весьма сурьезный и положительный, убеждений у него, собственно говоря, кажется, нет никаких (то есть политических убеждений), он даже в настоящее время слишком труслив, чтобы высказывать свои убеждения, ежели бы они и были у него, а уж кажется, и бояться нечего: что он ни проповедуй — дальше Сибири не сошлют. Он, разумеется, говорит, что общество их было ничего больше, как ребяческая затея, а между тем как-то раз признался, что он никогда не был так счастлив, как во время существования Южного общества, и что ему и теперь приятно вспоминать о нем. Поди, разбери человека, Басаргин человек очень приятный и очень умный; но у него какой-то сухой ум» [66].

В приведенной характеристике Е. И. Якушкин допустил ошибку, приняв немногословность и внешнюю замкнутость Басаргина за отсутствие у него политических убеждений. Литературное наследие декабриста — убедительное тому опровержение.

Помимо неослабного интереса к декабристскому движению в целом, Е. И. Якушкина очень привлекали выдающиеся личности, и особенно П. И. Пестель, с которым Басаргин был близко знаком. В связи с этим Е. И. Якушкин «решился сделать нападение на Пущина, Басаргина и Оболенского: первый мог сообщить много любопытного

[65] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 53.

[66] Декабристы на поселении. Из архива Якушкина. М., 1926. С. 30.

о Пушкине, с которым он был вместе в лицее и был очень дружен после; от второго мог узнать некоторые подробности о Пестеле, так как он жил последнее время в Тульчине, третий был коротко знаком с Рылеевым»[67].

Об особой роли Е. И. Якушкина в написании Басаргиным «Записок» и в их последующем распространении говорит письмо жены покойного декабриста от 17 февраля 1861 г. к Евгению Ивановичу. «Николая Васильевича, — писала О. И. Басаргина, — схоронили подле Ивана Дмитриевича [Якушкина. — *И. П.*], и я только приняла последний вздох его и закрыла глаза ему и сказала, что все его записки принадлежат вам — более мне уже нечего прибавить о том, как я понимаю связь наших милых умерших и отношение к живым <...>. Барышникову я не могла отказать, и он переписал их [записки. — *И. П.*] <...>, думаю, что он не будет иметь права их напечатать <...>. Передаю вам все права на них, вы лучше знаете, что делать <...>. Он писал их с большим чувством, легко, проникнутый своими убеждениями, и о чем рассуждал, то было умно и справедливо. Он говорил: когда умру, тогда моим запискам более дадут цену. Чтобы передать их вам, это он мне говорил много раз, и я твердо помню. Смутно припоминаю, что он хотел оставить в нескольких экземплярах что-то и о том, чтобы довести до государя, но ничего не сделал»[68].

Чрезвычайно ценные сведения об истории написания басаргинских мемуаров содержатся в авторском предисловии к «Запискам», в котором, скорее всего из опасения причинить Е. И. Якушкину какие-либо осложнения по службе, Н. В. Басаргин назвал его «прежним товарищем». Значение этого предисловия состоит в том, что оно, во-первых, передает основной смысл доводов Е. И. Якушкина в пользу написания Басаргиным воспоминаний, во-вторых, излагает авторские принципы мемуариста и, в-третьих, позволяет установить, когда он приступил к написанию «Записок». Судя по тексту предисловия и по содержанию «Записок», Басаргин начал писать воспоминания после смерти Николая I и, вероятнее всего, под впечатлением разговора с Е. И. Якушкиным, который мог состояться в сентябре — октябре 1855 гг., когда уже вышла в

---

[67] Там же. С. 33.
[68] *ЦГАОР*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 458. Л. 3—4.

свет первая книга «Полярной звезды»[69]. Потенциальные возможности Вольной русской типографии Герцена в Лондоне, конечно же, учитывались и Е. И. Якушкиным и декабристами при обсуждении вопроса о написании ими воспоминаний.

На создание основного варианта «Записок» у Басаргина ушло, по всей видимости, около года. Об этом говорит ряд фактов. Так, в самом тексте «Записок» П. Д. Киселев назван министром государственных имуществ, на посту которого он был с 26 декабря 1837 г. по февраль 1856 г., а в примечании к этой информации уже сообщалось о его назначении чрезвычайным послом при Французском дворе, что произошло в апреле 1856 г. Кроме того, на последней части «Записок», которую Басаргин назвал «Мысли о будущности России и ее политике» и считал приложением, хотя она органически входит в корпус мемуарного сочинения, стоит дата 3 сентября 1856 г.

Не вызывает сомнения, что к моменту выезда из Ялуторовска Басаргин завершил первоначальный текст «Записок». В пользу такого утверждения имеются два авторитетных свидетельства. Одно из них принадлежит самому декабристу. Описывая свое кратковременное пребывание в Москве после возвращения из Сибири (26 марта — 2 апреля 1857 г.), он сообщил, что у Якушкиных познакомился «со многими московскими литераторами: Бабстом, Забелиным, Коршем, Кетчером, Павловым, Дмитриевым и многими другими. По просьбе их *я читал им свои записки* [курсив мой. — *И. П.*], которые, конечно из вежливости, они одобряли»[70].

Другое свидетельство исходит от известного ученого, историка, фольклориста А. Н. Афанасьева, возглавлявшего в 1858—1861 гг. издание журнала под названием «Библиографические записки». В его неопубликованном дневнике имеется следующая запись, относящаяся к октябрю 1857 г. (то есть ко времени второго приезда Басаргина в Москву): «Басаргин, декабрист, написал превосходные записки истории тайного общества и своей ссылки: язык, говорят, превосходный и любопытного бездна»[71].

---

[69] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». С. 31.

[70] Наст. изд. С. 266.

[71] *ЦГАОР.* Ф. 279. Оп. 1. Д. 1060. Л. 188 об.

Как явствует из анализа текста «Записок», оконченных 3 октября 1856 г., Н. В. Басаргин впоследствии вносил в них некоторые исправления и дополнения, которые, однако, не меняли в принципе содержания мемуаров. Так, к примеру, в более позднем примечании о доносителях на декабристов-южан капитане Вятского пехотного полка А. Майбороде и унтер-офицере Бугского полка И. В. Шервуде мемуарист о последнем написал: «Мне случалось в 1858 г. встретиться с ним в одном магазине. По обращению с ним знавших его лиц, по его одежде, наружности нельзя было не заметить, что он находится в самом незавидном положении»[72].

При выяснении особенностей мемуарного сочинения Басаргина как исторического источника следует подчеркнуть и иметь в виду то обстоятельство, что его «Записки» по содержанию и жанровой специфике отдельных частей объединяют в себе разнохарактерные с источниковедческой точки зрения тексты. Так, первые три отдела посвящены деятельности Басаргина в Союзе благоденствия и Южном обществе, следствию и суду над участниками тайных организаций и пребыванию «государственных преступников» в тюремных казематах Читы и Петровского завода. Далее повествуется о жизни декабристов на поселении и, наконец, излагаются личные впечатления мемуариста о Сибири. Таким образом, первый, второй и третий отделы представляют собой типичную мемуаристику, в которой историографический элемент сведен до минимума.

Иное дело с четвертым отделом и приложением в виде записки под названием «Мысли о будущности России и ее политике», которая, как уже отмечалось ранее, является составной частью мемуарного сочинения Басаргина. Эти два раздела носят историографический характер, при котором автор, используя и обобщая печатную и устную информацию, высказывал свою точку зрения на самые насущные и злободневные вопросы времени. Поэтому назвал свое мемуарно-историографическое сочинение Н. В. Басаргин верно — «Записки», поскольку они включают в себя как воспоминания, так и рассуждения публицистического толка на социально-политические темы.

«Записки» в их мемуарных разделах отличаются насыщенностью фактическим материалом и высокой степенью

---

[72] Наст. изд. С. 78.

достоверности. Взявшись за перо, мемуарист руководствовался принципом «писать только то, в чем <...> сам участвовал или чему был свидетелем». Поэтому он ограничился одними собственными воспоминаниями. В этом подходе к написанию мемуаров есть, конечно, бесспорные достоинства, но вместе с тем преднамеренная ограниченность снижала информативные возможности. Сколько бы еще мог рассказать Басаргин интересного, воспроизведи он все, что слышал правдивого от своих товарищей по заключению и поселению.

Особую ценность в «Записках» представляют сведения о Тульчинской управе Союза благоденствия и о возникновении Южного общества. Этот важнейший момент из истории декабристского движения мемуарист воссоздал в лицах. Очень хорошо показана решающая роль Пестеля как организатора и идеолога южан. Немало тонких и метких персональных характеристик (например, А. И. Чернышева и П. Н. Мысловского) содержится при описании следствия и суда над декабристами, а также поведения некоторых (в их числе М. П. Бестужева-Рюмина) узников Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

Воспоминания Басаргина являются, пожалуй, самым обстоятельным и значительным источником, содержащим многие ценнейшие данные о пребывании декабристов в Чите, об их пешем переходе в Петровский завод, о проживании там в специально выстроенной для них тюрьме, о дружеской артели, созданной для оказания материальной взаимопомощи, о той роли, которую сыграли в их жизни «русские женщины» — героические жены декабристов, приехавшие к своим мужьям на каторгу.

Выход на поселение мемуарист справедливо рассматривал как важную веху бытия «государственных преступников». Начался новый период отбывания ими наказаний — более вольный, позволяющий поднадзорным проявить способности и организаторские качества. Указав местопребывание всех вышедших на поселение декабристов, Басаргин отметил: «Несмотря на рассеяние наше по всей Сибири и на отправление некоторых на Кавказ, мы все составляли как будто одно семейство: переписывались друг с другом, знали, где и в каком положении каждый из нас находится, и сколько возможно помогали один другому»[73]. В мемуарах Басаргина приводятся интерес-

[73] Наст. изд. С. 193.

ные факты о просветительской деятельности декабристов и великолепно передана дружеская атмосфера совместного проживания ялуторовских поселенцев.

О том, как сложилась его личная судьба, какие ему пришлось перенести невзгоды и испытания на поселении, Басаргин, следуя своему авторскому принципу, написал очень скупо. Официальные документы, приведенные ранее, значительно дополняют эти сведения.

С большой любовью отзывался Н. В. Басаргин о Сибири, богатейшем и тогда еще совершенно не освоенном крае, пророчески предсказывая ей мощный расцвет. «Сибирь, — писал мемуарист, — на своем огромном пространстве представляет так много разнообразного, так много любопытного, ее ожидает такая блестящая будущность» [74]. У каждого из декабристов, попавших в разряд поселенцев, с Сибирью было связано много незабываемых воспоминаний. Н. В. Басаргин не только посвятил Сибири специальный отдел в «Записках», он до конца дней откровенно благоговел перед нею. «Она, — писал он о Сибири, — дорога мне по воспоминаниям того, что я испытал, и тех нравственных утешений, которые нередко имел» [75]. В Сибири Басаргин создал несколько художественных произведений, навеянных ему окружающей действительностью и общением с простым народом («Ермолай», «Марья», «Масленников»). С этим краем он свыкся и полюбил его. Поэтому-то он и колебался после амнистии, уезжать ему из Сибири или нет.

Впервые публикуемый четвертый отдел «Записок» содержит уничтожающую картину николаевского царствования, очень созвучную высказываниям А. И. Герцена. Николаевское правительство, по определению Басаргина, «предстало перед Европою бдительным стражем самовластия, явившись врагом всех прав народных, противником просвещения, одним словом, приняло на себя роль защитника всех устарелых идей, несогласных ни с духом времени, ни с общим направлением европейского общества» [76].

Отмечая реакционный характер внутренней политики Николая I, Басаргин писал, что созданный им полицей-

---

[74] Там же. С. 203.
[75] Там же. С. 259.
[76] Там же. С. 222.

ско-карательный и крепостнически-консервативный режим «был некоторого рода терроризм, который затруднял общественные сношения и принуждал каждого более или менее сосредоточиваться в самом себе или в своем семействе» [77].

Резко-критически относился мемуарист к агрессивно-интервенционистской внешней политике Николая I, в особенности к подавлению по его приказу восстания 1830—1831 гг. в Польше и национально-освободительного движения 1848—1849 гг. в Венгрии.

Бросается в глаза смысловая, а подчас и словесная близость «Записок» Басаргина в оценке причин Крымской войны с известным рукописным сочинением Б. Н. Чичерина «Восточный вопрос с русской точки зрения», распространявшимся в 1855 г. в многочисленных списках [78].

С восхищением говоря о героизме русских воинов во время Крымской кампании и особенно о мужественных защитниках Севастополя, Басаргин констатировал, что эта война, «несправедливо, неблагоразумно начатая, имевшая целью не пользу России, а личные расчеты властолюбия, при этом ошибочно, бездарно веденная, как в административном, так и в стратегическом отношении, она должна была окончиться, как обыкновенно кончаются все предприятия людей, которые ни во что не ставят жизнь и благосостояние подобных им, не подчиняются никаким нравственным правилам и не хотят слушать поучительных наставлений истории, одним словом, таких людей, которые действуют, имея в виду одно только собственное *я*, а других считают безгласными орудиями, ступеньками к своему возвышению» [79].

Завершаются «Записки» очень любопытным, публицистическим по своим жанровым особенностям приложением под названием «Мысли о будущности России и ее политике». Главная идея «Мыслей» заключается в назидании правительству «заниматься своим внутренним благоустройством, <...> отказаться от политики завоевательной» и «не участвовать во внутренних распрях между правительствами и подданными других государств» [80].

Но Н. В. Басаргин не избежал широко распространен-

---

[77] Там же. С. 230.
[78] Порох И. В. История в человеке. Саратов, 1971. С. 20—34.
[79] Наст. изд. С. 248.
[80] Там же. С. 250.

ных в 1855—1857 гг. в русском обществе иллюзорных представлений относительно реформистских намерений Александра II и выразил надежду на то, что его царствование ознаменуется «благодетельными подвигами к устройству, просвещению, благосостоянию и славе нашего драгоценного отечества»[81].

Полный текст «Записок» позволяет по-новому взглянуть на этот замечательный мемуарно-публицистический труд Н. В. Басаргина. Еще до появления в печати «Записки» распространились в списках. Об этом позаботились как сам автор, так и его близкие. О. И. Басаргина написала Е. И. Якушкину, что ее муж «хотел оставить в нескольких экземплярах» свои «Записки». Известно, что их текст был переписан А. И. Барышниковым. О существовании «Записок» Басаргина знал А. И. Герцен, который трижды в 1862 г. печатал в «Колоколе» заметку-объявление такого содержания: «Мы предполагаем издавать «Записки» отдельными выпусками и начать с «Записок» И. Д. Якушкина и князя С. П. Трубецкого. Затем последуют «Записки» Оболенского, Басаргина, Штейнгейля, Люблинского, Н. Бестужева»[82].

Рукописные варианты «Записок» Басаргина имели довольно широкое хождение. Как отметил М. К. Азадовский, в 1869 г. в восьмой и десятой книжках «Отечественных записок» была опубликована статья С. В. Максимова «Государственные преступники», позже в несколько измененном виде вошедшая в его книгу «Сибирь и каторга». «Источниками для Максимова,—писал М. К. Азадовский, — послужили разнообразные устные рассказы сибиряков, напечатанные за границей воспоминания Якушкина и Оболенского, а также в то время не опубликованные, но известные ему в рукописи воспоминания Басаргина, Горбачевского, Штейнгейля и др.»[83]

«Записки» Басаргина впервые были напечатаны в 1872 г. в первой книге историко-литературного сборника «Девятнадцатый век», издававшегося П. И. Бартеневым. К ним Е. И. Якушкин намеревался написать предисловие.

---

[81] Там же. С. 258.

[82] *Герцен.* М., 1959. Т. 16. С. 273.

[83] Воспоминания Бестужевых / Ред., статья и комментарии М. К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 798. Ср.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2. С. 277.

В 1870 г. он писал П. Н. Свистунову: «Не можете ли вы достать мне записки Розена, которые я имел в руках только на короткое время. Мне хотелось бы написать введение к запискам Басаргина — и для этого книга Розена мне необходима».

В 1871 г., т. е. до опубликования П. И. Бартеневым «Записок» Басаргина, в типографии Ф. Иогансона без цензурного разрешения по просьбе Е. И. Якушкина были сделаны с них отдельные оттиски. На выполненную работу имеется счет владельца типографии на сумму 194 р. 25 к.

13 августа 1871 г. один экземпляр такого оттиска «Записок» Басаргина поступил в Московский цензурный комитет. «Цензор, рассматривавший означенную книгу, 18 августа в донесении своем [на имя М. Р. Шидловского— председателя Московского цензурного комитета. — *И. П.*] объяснил, что она есть автобиография Басаргина, который был замешан в бунте 14 декабря 1825 года, признан государственным преступником и сослан на 20 лет в каторжную работу; что по содержанию своему записки Басаргина не требуют судебного преследования, но он, цензор, считает своею обязанностью представить на разрешение Комитета: не следует ли подвести упомянутые записки под высочайшее повеление, изложенное в предложении Главного управления по делам печати от 19-го февраля сего 1871 за № 794». Согласно этому циркуляру «сочинения лиц, признанных изгнанными из отечества, тайно покинувших его и государственных преступников», печатать запрещалось.

М. Р. Шидловский обратился в Главный цензурный комитет за разъяснением, «как следует поступить в данном случае». В дополнение к своему запросу М. Р. Шидловский сообщал, что «все отпечатанные в типографии Иогансона экземпляры упомянутой книги находятся в библиотеке Черткова», что «по заявлению Бартенева, издателя книги, она будет выпущена к обращению в публике не ранее 1872 г. и что сборник под заглавием «Девятнадцатый век», из которого заимствованы записки Басаргина, находится еще в печати».

24 августа 1871 г. М. Р. Шидловский получил от управляющего III отделением Н. В. Мезенцова официальный ответ, в котором говорилось: «Так как бывшему государственному преступнику, покойному Басаргину, еще

до полного его помилования разрешено было вступить в Сибири в государственную службу, в которой он награжден был классным чином, то казалось бы, что высочайшее повеление насчет сочинений государственных преступников и изгнанников не распространяется на посмертные записки Басаргина, если они сами по себе не содержат ничего противоправительственного» [84].

На этом закончились цензурные злоключения первого печатного издания «Записок» Басаргина.

Беловой и черновой автографы мемуаров декабриста, находящиеся в архивном деле Якушкиных, могут быть условно названы «якушкинским вариантом». Первая публикация «Записок» Басаргина была неполная, в ней отсутствовал раздел, посвященный характеристике Сибири. Кроме того, она страдала многими серьезными цензурными изъянами.

В 1917 г. П. Е. Щеголев осуществил новое издание «Записок» «по рукописи, — как он утверждал, — сохранившейся в роде Менделеевых» [85]. Что это за рукопись и где она хранится, остается загадкой. По сравнению с публикацией «Девятнадцатого века» издание П. Е. Щеголева полнее и в чем-то качественнее, поскольку были восстановлены некоторые цензурные изъяны. Однако и оно имеет ряд серьезных дефектов, в том числе произвольное включение в текст воспоминаний самостоятельного сочинения Н. В. Басаргина — рассказа «О двух сестрах», отсутствие некоторых важных примечаний, нерасшифрованные криптонимы и т. п. Но самым значительным недостатком этого издания является, во-первых, неверное расположение разделов «Записок», когда третий предшествует второму, что нарушает хронологическую последовательность в изложении материала, а также авторский замысел мемуариста, и, во-вторых, отсутствие в них четвертого раздела и записки «Мысли о будущности России и ее политике».

В 1982 г. издательством МГУ в серии «Университетская библиотека» были напечатаны подготовленные мною «Записки» Н. В. Басаргина.

Обращение к архивным подлинникам позволило сде-

---

[84] *ЦГИА.* Ф. 776. Оп. 5 (1871). Д. 29. Л. 10—10 об., 11, 15—15 об.

[85] Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917. С. 111.

дать в них много исправлений и ввести в исследовательский оборот ряд неизвестных текстов, в том числе «Предисловие». Но мною ошибочно в основу публикации был положен текст «Записок», изданный в 1917 г. П. Е. Щеголевым, который в принципе неверно воспроизводил мемуарно-историографическое сочинение Н. В. Басаргина. Ключом к правильному решению вопроса о составе и композиции «Записок», как установил С. В. Мироненко[86], служит заключительный абзац их первого отдела: «Здесь оканчиваю первый отдел моих воспоминаний. То, что случилось со мной по отъезде из Петровского, во время пребывания моего в Западной Сибири, относится более ко мне одному и, следовательно, не может быть так интересно. Постараюсь, однако же, хотя вкратце изложить в следующем [втором. — *И. П.*] отделе то, что касалось всех нас и нашей жизни по разным местам обширной Сибири в этот длинный период времени, и заключу рассказ мой моими наблюдениями этой любопытной страны [что составляет третий отдел. — *И. П.*] и моим воззрением на правительственные распоряжения и политическое направление последнего царствования» [четвертый отдел.— *И. П.*].

В беловом автографе все четыре отдела имеются и обозначены соответствующими римскими цифрами. Связь записки «Мысли о будущности России и ее политике» с основным корпусом мемуарно-историографического сочинения Басаргина определяется последней фразой четвертого отдела: «Скажу еще несколько слов о том, в чем заключаются эти ожидания с моей стороны и в чем состоит, по моему мнению, истинное назначение России в судьбах всего человечества». Именно об этом и говорится в записке «Мысли о будущности России и ее политике», которая, таким образом, является органической составной частью «Записок» в целом.

Сложность установления состава «Записок» и композиционного расположения входящих в них частей соответственно авторскому тексту объясняется тем, что многие листы этого произведения перепутаны и подшиты с нарушением нумерации. Кстати, такой казус не единственный в архивных материалах декабристов. Хорошо из-

[86] Мироненко С. В. Рецензия // История СССР. 1984. № 5.

вестно, что неверно подшитые листы «Русской правды» П. И. Пестеля долгое время вводили в заблуждение исследователей этого выдающегося программного документа южан[87].

Другая трудность при воспроизведении «Записок» Басаргина связана с техническими приемами письма мемуариста. Он очень часто вносил дополнения на полях рукописи мелким, неразборчивым почерком, как это сделано, к примеру, при описании злоключений, выпавших на долю О. В. Грабе-Горского.

«Записки», безусловно, являются главным творением Н. В. Басаргина. Но ими не исчерпывается литературное наследие декабриста. Он автор еще многих, весьма разнообразных по жанрам сочинений. Их можно подразделить на три самостоятельные группы, или категории: 1) мемуары, 2) рассказы и 3) социально-политические произведения.

Кроме «Записок», к мемуарной группе, образующей первый раздел книги, относятся «Журнал» о возвращении в Россию, «Мои воспоминания об учебном заведении для колонновожатых и об учредителе его генерал-майоре Николае Николаевиче Муравьеве», известные по публикации П. Е. Щеголева 1917 г., а также воспоминания о братьях А. А., Н. А. и М. А. Бестужевых, И. Д. Якушкине, И. И. Пущине, М. К. Кюхельбекере, П. И. Пестеле, М. П. Бестужеве-Рюмине и С. П. Трубецком, напечатанные Е. Е. Якушкиным в 1925 г. в журнале «Каторга и ссылка» под названием «Рукопись декабриста Н. В. Басаргина».

Текст «Журнала», который Е. Е. Якушкин не без основания рассматривал как продолжение «Записок»[88], впервые публикуется в настоящем издании. Н. В. Басаргин приступил к его написанию в октябре 1856 г., когда перед ним встал вопрос о том, что делать после амнистии. Первая часть журнала представляет собой очень подробные путевые заметки о переезде декабриста с женой и

---

[87] Покровский А. А. Состав документального комплекса «Русской правды» и его археографический анализ // *ВД*. Т. 7. С. 86—92; Файерштейн С. М. Два варианта решения аграрного вопроса в «Русской правде» Пестеля // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 20—21.

[88] Якушкин Е. Е. Неизданная рукопись декабриста Н. В. Басаргина // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 18(5). С. 161.

воспитанницей из Ялуторовска в Москву. Но и после возвращения из Сибири в Европейскую Россию и вынужденных переездов с места на место Басаргин не прекращает вести «Журнал».

Внимательное прочтение текста самого «Журнала» позволяет установить даты и этапы его написания. Первые две страницы относятся к октябрю-декабрю 1856 г., страницы 2—50 написаны в январе — апреле 1859 г., а заключительные страницы 50—54 — в ноябре-декабре 1859 г. Как отмечал Басаргин, две причины побудили его вести «Журнал», а именно: «1) испытанные мною ощущения при свидании с родными» и «2) совершившиеся в это время многозначительные события в нашем отечестве».

Такие исходные положения предопределили публицистическо-историографический характер отдельных страниц «Журнала». Как правило, рассуждения Н. В. Басаргина на социально-политические темы вклиниваются в рассказ о бытовых и путевых впечатлениях. Человек уже по возрасту немолодой, он очень чутко, живо и эмоционально воспринимал антикрепостническое и либерально-реформистское настроение определенной части русской интеллигенции, в среде которой вращался. В конце 1857 — начале 1858 г. Басаргин, по его признанию, «был оглушен» толками об освобождении крестьян и преобразовании управления.

С явным сочувствием относился Н. В. Басаргин к герценовским изданиям. Рассказывая о большом успехе антикрепостнических выступлений русской журналистики второй половины 1850-х гг., он упоминал сочинения М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, К. Д. Кавелина. «Но всего более, — констатировал мемуарист, — занимали общественное мнение листки Герцена, печатанные им в Лондоне и ходившие по рукам во многих тайно привозимых или присылаемых оттуда экземплярах. В них представлялась во всей наготе и возмутительности несправедливость и безнравственность, корыстолюбие многих лиц, стоявших на высшей ступени государственного управления. Говорят, что сам государь почерпнул из них много для своего сведения и не раз убеждался в справедливости того, что в них излагалось» [89].

---

[89] Наст. изд. С. 274.

Н. В. Басаргин, оставаясь верным антикрепостническим идеям революционной молодости, приветствовал намерение Александра II освободить крестьян: «<...> нельзя не радоваться тому, — писал он, — что правительство, наконец, приступило к *мирному* [курсив мой. — *И. П.*] его разрешению, и не желать от всей души, чтобы это грязное пятно в истории общественного русского быта, исказившее его нравственность и препятствовавшее всем отраслям народного богатства и благосостояния, не исчезло навсегда из русских летописей» [90].

Особенно дорога и близка Басаргину мысль об отмене крепостнических институтов мирным путем. Как известно, в 1820-е гг. он являлся последователем П. И. Пестеля и сторонником их насильственного уничтожения в результате государственного переворота. Произошедшее после вступления на престол Александра II, затуманившего сознание некоторой части передовой интеллигенции социальной демагогией, изменение точки зрения декабриста на методы решения крестьянского вопроса, позволяет говорить об определенной эволюции его взглядов и переходе с позиции дворянской революционности в 50-е гг. на позицию, близкую демократическому либерализму, которому было присуще желание освободить народ от пут крепостничества «сверху» путем реформы, а не посредством революционной акции. Но эта эволюция не затронула существа антикрепостнических убеждений декабриста. В принципе разделяя взгляды либерально-демократической интеллигенции, Басаргин проявил вместе с тем откровенно выраженную классовую ограниченность, встав на защиту материальных интересов дворянства. Надо желать, — утверждал он, — «чтобы переход из крепостного состояния в свободное совершался мирно, тихо, без всяких потрясений государственного состава, чтобы как те, которые получают новые права, так и те, которые должны им возвратить их, остались в самых лучших между собой отношениях и чтобы собственность и выгоды преимущественного сословия сколько можно менее потеряли от этого общественного изменения» [91].

Но самым искренним и заветным было у Басаргина желание сделать свободным и материально обеспеченным

---

[90] Там же. С. 277—278.
[91] Там же. С. 278.

русское крестьянство. Такой настрой мемуариста придал его размышлениям и рассуждениям о будущем России подлинно гуманистическое выражение, окрашенное к тому же высокой нравственностью и просветительством.

Упоминание в конце «Журнала» статьи В. П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», опубликованной отдельными частями в мае—ноябре 1859 г. (№ 19, 21, 23, 24), с которой, кстати, Басаргин в принципе солидаризировался, а также ссылка на «Московские ведомости» от 22 ноября 1859 г. позволяют предположить, что окончание работы над этим своеобразным сочинением можно отнести к концу ноября — началу декабря 1859 г.

Воспоминания об училище колонновожатых, которое в свое время закончил Басаргин, были написаны им в 1859 г., сразу после знакомства с изданной в 1852 г. брошюрой о генерал-майоре Н. Н. Муравьеве бывших выпускников школы Н. В. Путяты, В. Х. Христиани и некоторых других. Воспоминания автобиографичны. Особенно ценны в них сведения об обостоятельствах, предшествующих поступлению Басаргина в школу колонновожатых, и его обучении в ней. Большое место уделено в воспоминаниях характеристике личности генерал-майора Н. Н. Муравьева и похвальной оценке созданного им учебного заведения, оказавшего решающее влияние на формирование передового мировоззрения и высокой нравственности у его учащихся. Данные обстоятельства объясняют, почему из школы Н. Н. Муравьева вышло немало будущих декабристов. В связи с этим мемуарное сочинение Басаргина о школе колонновожатых выходит за рамки личных припоминаний и имеет немалое значение для декабристской историографии.

Журнальная публикация текста воспоминаний Басаргина о поименованных выше декабристах, которую предваряет очень интересная «Вводная заметка» Е. Е. Якушкина, имеет ряд серьезных недочетов. Сверка с подлинником позволила внести в нее много существенных исправлений и дополнений.

Так, к примеру, после слов мемуариста об И. Д. Якушкине: «В Москву, где в то время служил его сын, он приехал зимой 1857 г., больной, надеясь тут отдохнуть от дальней дороги и поправиться» — в журнальной публикации отсутствует следующий текст: «Но генерал-губер-

натор Закревский требовал непременно, чтобы он выехал из столицы на основании манифеста. Родные и некоторые знакомые Якушкина уговаривали его просить государя о позволении остаться в Москве, но он, никогда и ни о чем не просивши во всю жизнь, не хотел изменить своему правилу и уехал в деревню Тверской губернии, принадлежащую одному из старых его сослуживцев. Там он без врачебных пособий и при худом помещении опасно занемог, так что сын его, получив разрешение на его жительство в столице, должен был сам ехать, чтобы довезти его. Через два месяца его не стало. Мир праху твоему, добрый и благородный товарищ. Жалеть о нем нечего. Ему легко и хорошо в лучшем мире».

К имени московского генерал-губернатора А. А. Закревского сбоку на полях рукописи имеется авторское примечание: «Я также на себе испытал бесчувствие бывшего г[енерал]-губ[ернатора] Закревского. Приехавши в Москву вскоре после Якушкина, больной и измученный дальнею и скверною дорогой, я, не имея достаточных сил ехать к г[енерал]-губ[ернатору], послал жену мою попросить его дозволения прожить мне в Москве до летнего времени. Закревский хотя принял ее очень вежливо, но никак на это не согласился, а на возражение моей жены, что я так болен и слаб, что едва хожу по комнате, отвечал: «Это одна и та же история, все возвратившиеся из Сибири жалуются и на болезнь и на усталость». Как будто не естественно, что дряхлые, болезненные старики» [92].

Воспоминания Басаргина о товарищах-декабристах представляют большую ценность, поскольку основаны на многолетнем общении мемуариста с большинством из них, что позволило ему дать им очень тонкие и глубокие характеристики, особенно П. И. Пестелю, И. И. Пущину и И. Д. Якушкину.

Второй раздел включает в себя рассказы. Три из них — «Ермолай», «Марья» и «Масленников» — объединены самим автором в единый цикл под названием «Некоторые воспоминания из жизни моей в Сибири». В сжатом изложении рассказы «Ермолай» [93] и «Масленников» были включены Басаргиным в основной корпус «Записок». Ес-

---

[92] Там же. С. 333.

[93] См. вводную заметку к этому рассказу.

тественно, в такой редакции они не равнозначны и тем более не равноценны их авторским автографам, хранящимся в архиве и воспроизводимым в данном издании. А рассказ «Марья» вообще не публиковался.

Основная идея рассказа «Ермолай» заключается в том, что честный труд перевоспитывает людей и является источником их счастья. В рассказе «Марья» показывается внутренняя борьба у героини порока и добродетели, заканчивающаяся в пользу последней самоочищением Марии. Лейтмотив рассказа может быть расшифрован как обращение к людям быть честными во всем. В рассказе «Масленников» проводится мысль о том, что несправедливости жизни делали подчас людей преступниками. Однако Басаргин считал, что нет совершенно неисправимых людей, и поэтому призывал заняться нравственным и духовным перевоспитанием отверженной части общества, в состав которой входили ссыльные и каторжане.

Рассказ «О двух сестрах», как уже говорилось ранее, был произвольно включен П. Е. Щеголевым в состав «Записок». Сам мемуарист изложил кратко его содержание в примечании к записке под названием «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии». Как самостоятельное же произведение рассказ еще не появлялся в печати. В нем Басаргин обличает характерные для крепостного права произвол и развращенность многих помещиков. Некоторая идеализация княгини А. А. Орловой не меняет общей оценки Басаргиным крепостного права, как строя несправедливого, отрицательно сказывающегося на материальном положении и нравственном состоянии и народа, и дворян.

Одной из особенностей рассказов Басаргина является то, что сюжетной основой их послужили личные впечатления автора от встреч в Сибири с незаурядными людьми из простонародья, а также действительный случай, произошедший с двумя молодыми крепостными девушками. Таким образом, все рассказы Басаргина фактически достоверны, почерпнуты из жизни и восходят к его собственным воспоминаниям.

Писательские способности Н. В. Басаргина бесспорны. Он владел хорошим литературным языком, умел придать своему повествованию драматизм, внутреннюю напряженность и тем самым заинтересовать читателя. Через все его рассказы проходит мысль, что и среди простонародья

имеются талантливые, яркие, нравственно чистые личности, а пережитые ими трагедии являются следствием социального неравенства в обществе. Избавить народ от гибельного последствия такого неравенства могло, по мнению декабриста, освобождение от рабства и распространение просвещения.

Время написания рассказов в виде самостоятельных произведений может быть определено только предположительно. Вероятнее всего, они были созданы после возвращения Басаргина из Сибири в Москву под впечатлением антикрепостнического общественного мнения и сочувственного отношения к его «Запискам» писателей и ученых, которым он читал свои воспоминания на квартире у Е. И. Якушкина.

Третий раздел книги составляют сочинения на социально-политические темы, которые по своим жанровым особенностям могут быть квалифицированы как рукописная публицистика. Ранее эти произведения не публиковались. В центре внимания их автора судьба крестьянства — одна из самых животрепещущих проблем второй половины 1850-х — начала 1860-х гг.

Произведения этого раздела расположены соответственно времени их написания. Они тематически и логически связаны между собой. Когда их Басаргин сочинил, без особых погрешностей можно установить на основе содержания каждой из них с учетом даты, поставленной автором на записке под названием «Некоторые мысли и соображения по поводу вопроса об изменении крепостного быта», — 10 марта 1858 г.

Исходя из сказанного, можно предположить, что социально-политические записки были написаны Басаргиным в течение 1856—1860 гг. Аргументы в пользу такого их временно́го приурочивания следующие. Открывающая этот раздел записка «О крепостном состоянии», по словам автора, была им закончена еще в Сибири, т. е. до отъезда его из Ялуторовска. Скорее всего, Басаргин сочинил ее весной — летом 1856 г., ибо с октября он стал уже писать «Журнал». Завершающее же этот раздел сочинение «Записки о современных событиях деревенского жителя, возвратившегося из ссылки» имеет конечную авторскую дату — 1861 г. Однако более вероятно, что оно было написано не позже весны — лета 1860 г., во всяком случае до выезда Н. В. Басаргина из деревни в Москву

в связи с ухудшением здоровья. Так, к примеру, в этом сочинении автор в связи с решением Амурского вопроса упоминал об Айгунском договоре и ни словом не обмолвился о Пекинском трактате от 14 ноября 1860 г., утвердившем присоединение к России левого берега Амура. Нет в них и отклика на смерть С. П. Трубецкого, последовавшую 22 ноября 1860 г. «Записки... деревенского жителя...» обрываются как бы на полуслове. И это объяснимо. Недуг и смерть помешали автору закончить их.

В рукописной публицистике Басаргин выступал с резкой критикой крепостной системы, справедливо считая ее причиной многих бедствий России, в том числе разврата помещиков и нищеты крестьян. Мотивируя необходимость отмены крепостного права, Н. В. Басаргин обращался к религиозно-христианским постулатам, подкрепленным положением теории «естественного права» о равенстве всех людей с рождения. Басаргин был противником безликого уравнительного демократизма. Неизбежное, как он считал, имущественное и общественное неравенство декабрист объяснял не происхождением и сословными привилегиями, а полезной и активной деятельностью человека.

Если записки «О крепостном состоянии» и «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии» являлись данью антикрепостническому общественному мнению, захватившему передовую часть русского общества после Крымской войны, то «Некоторые мысли и соображения по поводу вопроса об изменении крепостного быта» были откликом на рескрипты Александра II виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову от 20 ноября 1857 г. и петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву от 5 декабря 1857 г., а также на опубликованный вскоре после этого циркуляр министра внутренних дел С. С. Ланского.

В обстановке, когда еще не было полной ясности в том, как конкретно собиралось правительство осуществить отмену крепостного права, Басаргин предпринял попытку изложить свою точку зрения по этому вопросу. Его исходные принципы заключались в признании целесообразности мирного урегулирования отношений между помещиками и крестьянами с сохранением имущественных привилегий первых. Он был сторонником освобождения крестьян с землей за посильный для них выкуп. Таким образом, в его взглядах сочетались элементы демократи-

ческого сочувствия крестьянству с классовой дворянской ограниченностью.

Проект отмены крепостного права, выдвинутый Басаргиным, предусматривал учреждение губернских банков как главных рычагов реформы, в ведение которых должны были поступить крестьяне и земля до окончания выкупной операции, рассчитанной на 15—20 лет. Басаргин в примерном варианте выкупной сделки исходил из наделения крестьян землей в размере $2^1/_2$ десятины на душу (мизерный надел, близкий к последнему варианту конституции Н. М. Муравьева), за что они должны были уплатить 50 р. и еще 50 р. за личное освобождение. В целом предложение Басаргина хотя и не было особенно обременительным для крестьян в смысле выплаты выкупной суммы, не решало земельной проблемы.

Очень любопытная классификация мнений дворянства по крестьянскому вопросу изложена в «Записке о позиции разных слоев дворянства в вопросе об освобождении крестьянства и о способах освобождения крестьян». Басаргин отметил шесть различных точек зрения — от решительного одобрения освобождения крестьян до его не менее решительного отрицания и осуждения. Одним из доводов противников освобождения было утверждение, что народ не готов к нему и что его сначала нужно просветить. Будучи по сути своей горячим поборником просвещения, в накаленной обстановке, чреватой опасностью крестьянской революции, Басаргин выступал за немедленное освобождение крепостных «сверху» с последующим умственным и духовным развитием широких народных масс. Он считал, что если просвещение при сохранении старого режима и проникнет в народные массы (в чем он очень сомневался), то «крепостной крестьянин сделается несчастнее, нежели он был, потому что тогда он будет почитать свое положение невыносимым, будет вполне понимать незаконность своей зависимости, или, что еще хуже того, освобождение может начаться не сверху, а снизу, и тогда последствия будут самые ужасные» [94].

«Записки о современных событиях деревенского жителя, возвратившегося из ссылки» носят обзорный характер и перекликаются с четвертым отделом воспоминаний. В них говорится о внутреннем положении России, о ее внешне-

---

[94] Наст. изд. С. 401.

политических акциях (например, о присоединении Амурского края), а также о важнейших международных событиях (франко-австрийская война, национально-освободительное движение в Италии под руководством Д. Гарибальди, которому Басаргин явно сочувствовал).

Заслуживают быть отмеченными скептическая оценка «полуамнистии» — коронационного манифеста Александра II от 26 августа 1856 г. и критический разбор клеветнической книги М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая», которого Герцен за эту «раболепную брошюру» назвал «бездушным льстецом, вроде византийских риторов-отпущенников» [95].

Красной нитью через все «Записки... деревенского жителя...» проходит утверждение автора о его верности «заветным убеждениям» юности.

Басаргин собирался продолжать писать «Записки...», но смерть помешала осуществлению его намерения. Не дожил он несколько дней и до манифеста 19 февраля 1861 г., который, судя по его высказываниям, он, скорее всего, воспринял бы в целом одобрительно. На этом можно поставить точку в его идейной эволюции, которая, по существу, в новых исторических условиях воскресила и повторила фаворитные идеи умеренных членов Союза благоденствия, проводимые, по мнению Басаргина, «ныне в исполнение самим правительством». Дворянский революционер 20-х гг. Н. В. Басаргин накануне падения крепостного права сближается со взглядами либеральной демократии, выступившей за мирное решение крестьянского вопроса. И это обстоятельство не должно особенно смущать. Для своего времени такая позиция была относительно прогрессивной и уж никак не консервативной. Из вернувшихся в Европейскую Россию декабристов не одному Басаргину было свойственно сочувственное отношение к реформе «сверху». Лишь некоторые декабристы, перешагнувшие порог 19 февраля 1861 г., осудительно встретили мнимое освобождение. Так, И. И. Горбачевский, А. В. Поджио, В. Ф. Раевский считали, что в свое время Пестель и его единомышленники стояли на более правильном пути в решении крестьянского вопроса, чем правительство Александра II — «освободителя». Но и они не пришли к мысли о необходимости крестьянской

[95] *Герцен.* М., 1958. Т. 13. С. 45.

революции. Таков был предел дворянской революционности.

Заслуга декабристов, в их числе Н. В. Басаргина, состояла в том, что они заложили антикрепостническую и антисамодержавную традицию в русском освободительном движении, а героическим восстанием на Сенатской площади Петербурга и на Украине заронили искру, из которой впоследствии разгорелось пламя Великого Октября.

В приложения вошли небольшие по размеру документальные материалы: родословная и формулярный список о службе Н. В. Басаргина в Сибири, содержащие интересные биографические данные о декабристе.

Собранное воедино мемуарно-публицистическое наследие Н. В. Басаргина показывает многогранность его творчества и незаурядность литературных способностей. Публикуемые сочинения совершенно в новом свете представляют одного из видных деятелей тайных обществ 1820-х гг., подтверждая мнение о том, что декабристы были выразителями передовой русской культуры.

Объем тома не позволил включить в него все произведения декабриста, находящиеся в фонде Якушкиных.

Все тексты проверены по автографам и печатаются по правилам издания исторических источников. Собственные имена даны в современном написании. В некоторых случаях прочтение слов, совершенно неразборчиво написанных Басаргиным, условно. Эти слова, так же как и утраченные или зачеркнутые, заключены в угловые скобки, а пропущенные в оригинале слова и недописанные части слов — в квадратные.

Под строкой помещены авторские примечания (которые специально не оговариваются), перевод иностранных слов, а также текстологические и смысловые примечания составителя. Подчеркнутый авторский текст передан курсивом. В комментариях к каждому произведению указывается место хранения подлинника и дается краткая археографическая справка. В комментировании текстов принимал участие Вас. И. Порох.

Выражаю искреннюю признательность сотрудникам ЦГАОР Б. И. Каптелову, З. И. Перегудовой, Н. Е. Акулкиной, И. Кокоревой, Е. Крошиловой и Е. Орловой за доброжелательное отношение и помощь в архивных разысканиях.

И. В. Порох

ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАПИСКИ

Пишешь ли ты свои Записки? — спросил меня один из моих прежних товарищей по службе, случайно посетивший меня в изгнании.

Я ответил, что хотя мне и часто приходило на мысль набросать кое-что из прежних воспоминаний, но я боялся приступить к этому. С одной стороны, я далеко не литератор и пером владею плохо, с другой — не могу быть уверен в своем беспристрастии, столь необходимом при суждении о людях и событиях, о которых мне пришлось бы говорить.

Именно эта неуверенность, возразил он, есть лучшее ручательство в том, что ты не напишешь ничего такого, что бы не подтвердила твоя совесть. Если рассказ твой и суждения будут носить отпечаток твоей личности, то это нисколько не уменьшит к тебе доверия, а, напротив, покажет твою добросовестность. Что же касается до слога, то, не имея претензий на литературную известность, ты, конечно, можешь писать и думать, как говоришь. На это, вероятно, у тебя достанет грамотности. Ведь сочиняешь ты же письма?

Далее, прибавлял он, грешно бы было каждому из вас не оставить по себе памяти молодым вам ближним и лишить потомков ваших возможности знать об вас более того, что сказано в отчете Комитета и в официальных объявлениях правительства. Это повредило бы даже общему об вас мнению, показав, что в продолжение 30-летней вашей ссылки вы не хотели взять на себя труд представить истину в отношении вас самих и ваших действий. Ручаюсь тебе, заключил он, что записки каждого из вас, как бы они ни были изложены, в особенности если будут

добросовестны, покажутся гораздо интересны для мыслящего человека, чем большая часть иностранных мемуаров и повестей, так жадно читаемых у нас в России.

Расставшись с приятелем моим, думал я об этом разговоре и во многом соглашался с ним, но неуверенность в самом себе не позволила мне следовать его совету. Наконец, по долгому размышлению, я решился, но дал себе слово писать свои воспоминания только в том случае, если провидению угодно будет продлить жизнь мою до нового царствования. Оно настало. Россия с любовью и восторгом приветствовала восшествие нового государя. Ее озарила надежда на лучшую будущность. Первым подвигом его было прекратить кровопролитную войну, и подвигом величайшим, потому что он должен был отказаться от политики предшествующих царствований и сделать уступки. Начинания его показывают, что он желает царствовать не для себя, а для России, и дай бог только, чтобы препятствия и затруднения, которые он необходимо встретит при исполнении своих предначертаний по благу России, не охладили его деятельности и его высоких, благодетельных побуждений.

Это именно направление нового царствования показало мне также, что я не ошибался в моих суждениях о прежнем, и как бы утвердило принятое мною намерение начать эти записки. Трудно мне было припомнить давно минувшее, многое уже ускользнуло из моей памяти, и, следовательно, многое будет неполно, непоследовательно. За одно только во всяком случае могу поручиться — это за совершенную добросовестность и возможное беспристрастие.

РАССКАЗ

Отдел I

В 1819 году будучи произведен по экзамену в офицеры Генерального штаба и прослужа в Москве год преподавателем при корпусе колонновожатых *, я отправился

---

* Основанном покойным ген[ерал]-майор[ом] Н. Н. Муравьевым, в котором я воспитывался. Впоследствии я намерен изложить некоторые воспоминания мои об этом учебном заведении. [Далее после слова «колонновожатых» зачеркнуто: «достойном во всех отношениях своего учредителя».— *И. П.*]

в 1820 году на службу в южную Россию, в м. Тульчин Каменец-Подольской губернии, где находилась главная квартира тогдашней второй армии[1].

Главнокомандующим был известный граф Витгенштейн[2]; начальником Главного штаба генерал Киселев, нынешний министр государственных имуществ*[3], тогда молодой еще человек и любимец покойного императора Александра.

Приехавши туда, я вскоре познакомился со всеми тогдашними сослуживцами моими. Некоторые из них теперь уже государственные люди.

Тульчин, польское местечко, принадлежавшее в то время графу Мечиславу Потоцкому, населено евреями и польскою шляхтою. Кроме военных и чиновников главной квартиры, не было там никакого общества.

Будучи ласково принят начальством, я скоро сблизился со всеми молодыми людьми, составлявшими общество главной квартиры. К нему принадлежали адъютанты главнокомандующего, начальника Главного штаба и прочих генералов, офицеры Генерального штаба и несколько статских чиновников.

Направление этого молодого общества было более серьезное, чем светское, или беззаботно-веселое. Не избегая развлечений, столь естественных в летах юности, каждый старался употребить свободное от службы время на умственное свое образование. Лучшим развлечением для нас были вечера, когда мы собирались вместе и отдавали друг другу отчет в том, что делали, читали, думали. Тут обыкновенно толковали о современных событиях и вопросах. Часто рассуждали об отвлеченных предметах и вообще делили между собою свои сведения и свои мысли**.

Вот имена лиц, составляющих это юное общество глав-

---

* Теперь чрезвычайный посол при франц[узском] дворе.

** Все, о чем теперь так гласно пишут и рассуждают и что в тогдашнее время могло говориться только в дружеской, задушевной беседе между одномыслящими людьми, служило большею частью предметом наших разговоров и суждений. Разумеется, что сорок лет тому назад многое, что теперь считается азбукою для людей сколько-нибудь мыслящих, было совсем неясно для юношей, только что окончивших свое далеко не полное образование. Весьма естественно, что эти юноши пламенно и ревностно предавались новому для них взгляду на вещи и общественные отношения, взгляду, который открывал для них целый ряд новых истин и идей, согласных с их чувствами и правилами.

ной квартиры: генерал князь Волконский, молодой Витгенштейн, сын главнокомандующего, Пестель, Юшневский, князь Барятинский, Крюков 1-й, Ивашев, Рудомоев, Клейн, Будберг, князь Салтыков, Барышников, Аврамов 1-й, Чепурнов, Языков, князь Трубецкой, князь Урусов, граф Ферзен, Бурцов, барон Меллер-Закомельский, Штейбен, адъютанты главнокомандующего, начальника штаба и начальника артиллерии, кроме Юшневского, занимавшего должность генерал-интенданта, два брата Бобрищевых-Пушкиных, Лачинов, Колошин, Горчаков, Крюков 2-й, Аврамов 2-й, барон Ховен, Черкасов, барон Ливен, Пушкин, Петров, барон Мейндорф, Фаленберг, Филиппович, фон Руге, Новосильцев, Львов, Юрасов, Комаров и еще некоторые офицеры Генерального штаба*: военные медики Шлегель и Вольф**(1).

Из всех этих лиц наиболее отличался своими способ-

---

* Многие из них приехали в Тульчин уже после 1820 года.

**(1) Вот судьба всех этих лиц в настоящее время: князь Волконский в ссылке в Сибири, молодой Витгенштейн в отставке полковником. [Далее в рукописи замазаны черными чернилами два слова: «Пестель повешен».] Юшневский умер в ссылке в Сибири, князь Барятинский тоже, Крюков 1-й в ссылке в Сибири, Ивашев умер в ссылке, Рудомоев умер феодосийским градоначальником, Клейн в отставке, Будберг — генерал-адъютант, князь Салтыков в отставке, Барышников — полковником в отставке [друг Басаргина, к которому он приезжал после амнистии]. Аврамов 1-й умер в ссылке, Чепурнов умер генералом, об Языкове не знаю, Бурцов убит генералом в Малой Азии, князь Трубецкой — сенатор и генерал-лейтенант [имеется в виду Петр Иванович Трубецкой (1789—1871), ген. от кавалерии, смоленский, затем орловский военный губернатор], князь Урусов — сенатор и генерал-лейтенант, граф Ферзен — тайный советник и церемониймейстер, барон Меллер-Закомельский, кажется, генералом, Штейбен умер генералом, два брата Бобрищевых-Пушкиных возвращены в Россию нынешним государем — первый в помешательстве. Лачинов был разжалован в солдаты, дослужился до офицерского чина, а теперь в отставке, Колошин умер, Горчаков в отставке, Крюков 2-й умер в ссылке, Аврамов 2-й умер в ссылке, барон Ховен сенатором и генерал-лейтенантом, Черкасов возвращен из ссылки солдатом на Кавказ, дослужился до офицера и [далее зачеркнуто слово «живет»] умер в отставке, барон Ливен — генерал-адъютантом и квартирмейстером Главного штаба, Пушкин в отставке, Петров умер генералом на Кавказе, барон Мейндорф — тайный советник, Фаленберг в ссылке в Сибири, Филиппович умер в Тульчине прежде нашего дела, фон Руге — генералом, Новосильцев в отставке, Львов был губернатором и застрелился, Юрасов не известно, Комаров был действительным статским советником и застрелился. Шлегель умер президентом Академии, Вольф умер в Сибири[4].

ностями Пестель. Генерал-интендант Юшневский, у которого мы все очень часто собирались, был человек с прекрасным образованием и сведениями.

Бурцов, впоследствии убитый в чине генерал-майора в Турецкую войну 1829 и 30-х годов, был тоже очень замечательный молодой человек, не столько по своему уму, сколько по своей деятельности и своей любознательности. Он был адъютантом начальника Главного штаба и пользовался репутацией отличного и дельного офицера.

Не лишним считаю описать также некоторые замечательные личности того времени, так, как я понимал их тогда и сколько помню и понимаю теперь.

Граф Витгенштейн, герой 12 года, был вполне добрейший и отличный человек. Он пользовался во всей России и в Европе огромной военной репутацией. Эта репутация была, может быть, несколько и преувеличена; впрочем, я не раз слышал от Пестеля, который был при нем во время кампании 12 года, что он действительно имел верный военный взгляд и замечательную храбрость. В это время он был уже в преклонных летах и мало занимался службою, предоставляя все управление армией начальнику Главного штаба. Сверх того, он был не очень любим покойным императором Александром. Некоторые приписывали это его огромной народности, что будто бы не нравилось государю; но я думаю, скорее, потому, что граф пренебрегал службою в мирное время и не умел быть царедворцем. Во время командования второю армиею он жил более в своем поместье, находившемся в 70 верстах от Тульчина, и с увлечением занимался хозяйством, уделяя неохотно самое короткое время на дела служебные. Вообще его все любили, и он готов был всякому без исключения делать добро, нередко даже со вредом службе. Сын его Людвиг был очень добрый и благородный молодой человек. Он был членом нашего общества *(2).

Начальник Главного штаба, генерал Киселев, был личностью весьма замечательною. Не имея ученого образования, он был чрезвычайно умен, ловок, деятелен, очень приятен в обществе и владел даром слова. У него была

---

*(2) Жена главнокомандующего, графиня Витгенштейн, урожденная Снарская, была женщина с большим умом и имела влияние на мужа.

большая способность привязывать к себе людей и особенно подчиненных. По службе был взыскателен, но очень вежлив в обращении и вообще мыслил и действовал с каким-то рыцарским благородством. Со старшими вел себя скорее гордо, нежели униженно, а с младшими ласково и снисходительно. Он решительно управлял армией, потому что главнокомандующий ни во что почти не мешался и во всем доверялся ему. Сверх того, он пользовался особенным расположением покойного императора Александра. Не раз я сам от него слышал, как трудно ему было сделаться из светского полотера (как он выражался) деловым человеком, и сколько бессонных ночей он должен был проводить, будучи уже флигель-адъютантом, чтобы несколько образовать себя и приготовиться быть на что-нибудь годным. Весьма естественно, что такой человек не только не противился, но поощрял то серьезное направление, которому следовала тульчинская молодежь.

Павел Иванович Пестель был человек высокого, ясного и положительного ума. Будучи хорошо образованным, он говорил убедительно, излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностию и таким убеждением, что трудно было устоять противу его влияния. С юных лет посвятив себя изучению и обсуживанию политических и общественных вопросов, он в особенности был увлекателен, когда рассуждал об этих предметах.

Прочие члены нашего общества были добрые, большею частью умные и образованные люди, горячо любившие свое отечество, желавшие быть ему полезным и потому готовые на всякое пожертвование. С намерениями чистыми, но без опытности, без знания света, людей и общественных отношений, они принимали к сердцу каждую несправедливость, возмущались каждым неблагородным поступком, каждою мерою правительства, имевшею целью выгоду частную, собственную — вопреки общей.

Здесь надобно заметить, что в то время политическое положение европейских государств много содействовало неудовольствию благомыслящей и неопытной молодежи и было причиною повсеместному почти образованию тайных политических обществ.

Исполинская борьба Европы с Наполеоном была окончена. Европейские государи, чтобы с успехом противостать его могуществу и его военному гению, должны

были обратиться к инстинктам народным и если не обещать положительно, то, по крайней мере, породить в массе надежды на будущие улучшения в ее общественном быте. Император Александр, по заключении мира, в Париже, в Лондоне, на Венском конгрессе говорил и действовал согласно этим правилам и тем подал надежду в самой России на будущие преобразования в пользу народа.

Странным кажется теперь, что тогдашние главы правительств, действуя таким образом, не предвидели, что многозначащие слова их найдут отголосок не только в людях мыслящих, но и в самой массе; что надежды, ими внушаемые, породят ожидания, требования и волнения. Не думаю, впрочем, чтобы, поступая таким образом, они умышленно хотели обмануть народ ложными обещаниями, а полагаю, что, не предвидя последствий, они воображали спокойно и <нрзб.> приступить к некоторым маловажным преобразованиям и уверили себя, что народ будет мирно выжидать то, что будет сделано для него, и удовольствуется незначительными уступками правительств. Конечно, это была важная с их стороны ошибка, за которую дорого должны были поплатиться отчасти и они сами, но гораздо более управляемые *.

Не входя в рассуждение, как и почему это случилось, но только вслед за окончанием борьбы с Наполеоном и в то время еще, когда главы правительств не переставали еще торжествовать благополучный для них исход ее и делить Европу как свое достояние [5], народы начали изъявлять свои требования и волноваться, не видя скорого исполнения своих ожиданий. Это произвело совершенную реакцию в мыслях и поступках государей: они

---

* Не нужно, кажется, доказывать, что при исполнении каждого общественного или государственного изменения должно рассчитывать и быть готовыми на неизбежные препятствия и затруднения как со стороны противников этого изменения, так и со стороны горячих и малоопытных его приверженцев. Гениальный и твердый в своих убеждениях преобразователь не смутится этими препятствиями и пойдет смело и прямо к цели своей, несмотря на временные беспорядки и затруднения, уничтожая их или добросовестною, искусною политикою или даже вещественною силою. Но такие гении редки. Большею частью правители и государственные люди, в самых благодетельных и чистых намерениях своих, часто останавливаются при малейшем затруднении и возвращаются к старому порядку, не думая о жертвах, которые должны погибнуть при реакции и которые вызваны были их начинаниями.

усмотрели свою ошибку (а может быть, и необходимую меру, вызванную обстоятельствами) и стали действовать противно тому, что прежде обещали и говорили. С своей стороны народы, убедясь, что нечего ожидать им от правительств, стали действовать сами; а умы нетерпеливые, которых всегда и везде найдется много, решились ускорить и подвинуть общественное дело образованием и распространением тайных обществ. Во Франции, Германии, Италии учредились таковые под разными наименованиями: Карбонариев, Тугенбунда и т. д.[6]

Россия не могла избегнуть влияния соседственных государств, и особенно в такое время, когда сношения с ними порождались самыми событиями, войною и дальнейшими ее последствиями. Многие молодые люди, возвратившиеся после кампании из-за границы, большею частью военные, покрытые еще дымом исполинских битв 812, 13 и 14-го годов, внесли с собою новые идеи, начали серьезно думать о положении России и прилагать к ней теории общественных учреждений, или существующих уже в других государствах, или изложенных в замечательных политических творениях тогдашнего времени *[7].

Сначала, действуя в этом смысле, они основывались на намерениях самого покойного императора Александра; но потом, когда он изменил им и предался реакции, то решились образовать тайные общества и этим средством думали достигнуть своей цели.

---

* Здесь надобно заметить, что в России, несмотря на приобретенную ею военную славу счастливым исходом борьбы с Наполеоном, внутренняя ее организация, ее администрация, общественное и нравственное ее положение, ее правительственные формы и, наконец, ее малое развитие в отношении умственного образования явно бросались в глаза каждому просвещенному и благомыслящему человеку и невольно внушали ему желание изменить или, по крайней мере, исправить по возможности этот порядок. Все, что оказывается и оказалось ныне вредного и порочного, во всех отраслях ее гражданского быта, существовало и тогда, с тою только разницею, что замечалось меньшим числом лиц, чем ныне, и что правительство смотрело иначе на все эти недостатки, или не думая, или не решаясь приступить к их преобразованию. Прибавьте к этому, что нравы и понятия тогдашнего времени были гораздо грубее и одностороннее, нежели ныне, и потому все, что делалось, представлялось еще возмутительнее тем из немногого числа, которые мыслили и поступали вследствие других идей и правил. Мудрено ли, что эти люди, большею частью юные летами, охотно отделялись от массы и с увлечением готовы были посвятить себя на пользу отечества, ни во что ставя личную опасность и грозящую невзгоду

Так называемая Зеленая книга — плод юношеских, но чистых побуждений первых учредителей Союза благоденствия — объясняла явную цель общества. Тайная же подразумевалась и необходимо дополняла то, чего не сказано было в ней прямо, что было известно сначала только одним учредителям, а потом главным членам общества[8].

В составлении Зеленой книги и в первоначальном учреждении общества участвовали П. И. Пестель, А. Н. Муравьев (впоследствии оставивший общество и теперь служащий ге[нерал]-майором), брат его М. Н. Муравьев (нынешний член Госуд[арственного] совета и сенатор), Н. И. Тургенев (живущий за границею), С. П. Шипов (ныне сенатор и генерал-адъютант) и многие другие*.

В Тульчине, когда я прибыл туда, членами этого общества были П. И. Пестель, И. Г. Бурцов, князь С. Г. Волконский, Н. И. Комаров, А. П. Юшневский, М. А. Фонвизин, В. П. Ивашев, П. В. Аврамов, князь А. П. Барятинский, Ф. Б. Вольф. Впоследствии были приняты два брата Крюковых, два брата Бобрищевых-Пушкиных, Черкасов, Аврамов 2-й, Лачинов и некоторые другие. Меня принял Бурцов**(3). Мы часто собирались

в случае неудачи или ошибочного расчета. Конечно, малое число юных последователей новых идей сравнительно с защитниками старого порядка, между коими находилось, с одной стороны, закоснелое в невежестве большинство, а с другой — предпочитавшие всему личные выгоды и занимавшие высшие должности в государстве, было почти незаметно. Не менее того, не сообразив ни своих сил, ни средств, они не только сильно, но с увлечением и (почему не сказать!) с ошибочною надеждою вступили в тот путь, где должны были пасть в неравной борьбе и сделаться первыми жертвами.

* Упоминая о первых учредителях, не беру на себя ответственности за ошибку. Сколько мне помнится теперь, я слышал об этих лицах от самого Пестеля, Бурцова и других; они называли мне и еще некоторых, но не надеюсь на свою память и боюсь ошибиться[9].

**(3) Бурцов был одним из самых деятельных членов Союза благоденствия, принял много членов и впоследствии, когда общество открылось, очень счастливо избавился от суда. Его продержали только шесть месяцев в Бобруйской крепости, а потом, лишив полка, отправили на Кавказ. Там он отличился, получил опять полк, был произведен в генералы и славно погиб в 830 году под Байбуртом[10]. Я подозреваю, что его тяготила мысль об участи товарищей, из коих многие были его друзьями и им приняты в общество. Эта мысль заставляла его, вероятно, бросаться в опасности с намерением погибнуть или отличиться так, чтобы иметь право на особенное внимание государя, и тогда просить о сосланных товарищах своих.

П. И. ПЕСТЕЛЬ
Неизвестный художник. Начало 20-х гг. XIX в.

вместе, рассуждали, спорили, толковали, передавали друг другу свои задушевные помыслы, желания; сообщали все, что могло интересовать общее дело, и натурально нередко очень свободно, скажу более, неумеренно говорили о правительстве. Предложениям, теориям не было конца. Разумеется, в этих собраниях первенствовал Пестель. Его светлый логический ум управлял нашими прениями и нередко соглашал разногласия.

Даже и в таких беседах, где участвовали посторонние, т. е. не принадлежавшие к обществу, разговор более всего обращен был на предметы серьезные, более или менее

относящиеся к тому, что занимало нас. Нередко генерал Киселев участвовал в подобных беседах и хотя был душою предан государю, которого считал своим благодетелем, но говорил всегда дельно, откровенно, соглашался в том, что многое надобно изменить в России, и с удовольствием слушал здравые и нередко резкие суждения Пестеля [11].

Так прошел 1820 год. Между тем в Европе волнения не прекращались. В Испании, в Неаполе, в Пьемонте учреждались, противу желания королей, конституционные правительства. Тайные общества, и в особенности карбонарии, действовали весьма деятельно. В самой Германии происходили беспрестанные колебания. В некоторых второстепенных государствах вводились по необходимости самими правителями представительные правления. Во Франции убийство герцога Беррийского было причиною реакции, падения либерального министерства и образования министерства ультрароялистского [12]. Неудовольствия либеральной партии увеличились, и тайные общества стали действовать решительнее. Восстание греков еще более запутало дела Европы [13]. В общем мнении оно оправдывалось и внушало всеобщую симпатию. Главы правительств опасались, с одной стороны, явно противостать ему, чтобы не лишиться совершенно нравственного влияния на подданных и не обесславить себя в их глазах; с другой — не смели и не хотели также принять явно сторону греков, чтобы не ослабить уважение к законной власти, представляемой в этом вопросе турецким султаном. Одним словом, дошло до того, что первоклассные государства: Австрия, Пруссия, Россия, Англия, Франция — должны были решиться на что-нибудь окончательное: или оставаться равнодушными зрителями распространяющегося восстания народов против узаконенных властей и со временем ожидать того же самого в собственных владениях, или силою оружия и мерами строгости остановить либеральное направление Европы.

Англия, как представительное государство, нисколько не опасалась господствовавших мнений и основательно полагалась на свои коренные учреждения, а потому не вмешивалась в этот вопрос, смотрела равнодушно на события, признавая везде ту власть, которая установлялась. Франции было не до того, чтобы вступаться в чужие дела: она озабочена была домашними волнениями

партий. Пруссия за себя не опасалась: отеческое правление короля Фридриха Вильгельма[14] и некоторые уступки, своевременно сделанные, в особенности торжественное обещание ввести представительство, обеспечивали спокойствие этого государства и удерживали порывы нетерпеливых. Оставались Австрия и Россия. Первая, составленная из разнородных элементов, держащаяся одною только политикою, страшилась за свои итальянские владения, готовые каждую минуту от нее отторгнуться и несшие с негодованием чужеземное иго. Россия, опасавшаяся распространения либеральных идей, видела восстание народов у самых границ своих. В это время первенствующий австрийский министр граф Меттерних[15] возымел большое влияние на ум императора Александра, представляя ему везде и во всяком действии либеральной партии кинжалы убийц, готовых покуситься на жизнь государей. Поступок Занда (следствие политического фанатизма) явился как угрожающий призрак перед его глазами и напоминал ему ужасное событие, лишившее его отца[16].

При таком положении дел Австрия и Россия тесно соединились, чтобы противостать либеральной партии в Европе; это был настоящий смысл Священного союза[17]. Австрия послала войска в Неаполь, а Россия обязалась помогать ей. Одному из корпусов нашей армии (генерала Рудзевича) предназначено было следовать в Италию. Повеление было прислано в начале 1821 года, и войска стали сосредоточиваться на австрийской границе. Этот поход произвел двоякое влияние на тульчинскую молодежь. С одной стороны, следование в Италию и боевая жизнь радовала сердца юношей, не видавших еще огня; с другой же — цель похода противоречила их мнениям, тем более что русские, особенно военные, не любят вообще австрийцев. Поход этот, однако ж, не состоялся.

В это именно время в тульчинском отделе Союза благоденствия произошло изменение, имевшее большое влияние на будущий ход его действий. Бурцову, ехавшему в отпуск в Москву, поручено было понудить членов московского отдела к большей деятельности; но вместо того он, возвратившись, объявил нам, что московские и некоторые петербургские члены, бывшие в то время в Москве, решились прекратить самое существование Союза благоденствия и что, с своей стороны, приняв их

решение, он тоже оставляет общество. Примеру его последовал Н. И. Комаров.

Надобно знать, что поступок Бурцова и членов московского отдела имел сокровенную цель. Они заметили, что Пестель получил большой вес и влияние в Южном обществе и что некоторые из его идей, с которыми они не были согласны, приняты в южном отделе. С одной стороны, задетое самолюбие, а с другой — опасение, что общество может быть открыто правительством и что от него не утаится тогда сокровенная цель его, то есть учреждение в России нового образа правления и ограничения верховной власти, побудили их на время остановить ход общества и выжидать благоприятного для этого времени[18]. Между собою, в Москве, они уговорились (что сделалось известным впоследствии и что сам Бурцов сказывал мне потом) не отказываться вовсе от участия в Союзе благоденствия (в особенности же если им удастся уменьшить влияние Пестеля) и только временно приостановить деятельность его членов.

Весьма естественно, что когда Бурцов, собравши всех членов тульчинского отдела, объявил им о том, что сделано было в Москве, то поступок этот оскорбил нас и возбудил общее неудовольствие. Все, исключая Комарова (человека не совсем чистых правил), решились остаться. По удалении Бурцова и Комарова Пестель и Юшневский избраны были директорами, а прочие члены дали слово продолжать действия общества, несмотря на опасность подвергнуться преследованию правительства. Для того же, чтобы показать московским членам совершенное равнодушие к их поступку, не входя ни в какие прения, объявлено было Бурцову, что, узнав их решение, они уже более не считаются членами Союза благоденствия. Далее, из предосторожности предположено было приостановить на время действие тульчинского отдела, тем более, что в это время правительство начинало уже подозревать его существование *(4).

---

*(4) Около этого времени у нас в армии, в 16-й пехотной дивизии, которою командовал генерал Орлов (Михаил Федорович), бывший тоже членом общества, случилось происшествие, едва не открывшее правительству существование тайного общества. Дивизионной ланкастерской школой заведовал там майор Раевский[19], тоже член общества. Он действовал не совсем осторожно в смысле цели Союза благоденствия, навлек этим на себя подозрение кор-

С этих именно пор прекращается особенное участие мое в действиях тульчинского общества. Служебные обязанности брали у меня много времени; сверх того здоровье мое было очень плохо: у меня открылось кровохарканье, и я должен был ехать на некоторое время в Крым. Возвратившись, хотя я и нашел всех бывших членов общества в Тульчине, но большая часть из них как-то охладела. Оставаясь между собою столь же дружными, мы уже не так горячо говорили о том, что так занимало нас прежде. Этому был причиною несколько и сам Пестель. Со всем его умом и даром убеждения у него не было способности привязывать к себе; не было той откровенности характера, которая необходима, чтобы пользоваться общею доверенностью. Нам казалось, что он скорее искал сеидов[20], нежели товарищей. Ему же, вероятно, представлялось, что мы стараемся уклоняться от него и не доверяем чистоте его намерений[21]. Одним словом, я сам не могу дать себе отчета, почему и как, но я и некоторые из моих друзей — Ивашев, Вольф, Аврамов 1-й и еще другие с половины 1821 года по самое то время, как арестовали нас, не принимали уже прежнего участия в обществе и не были ни на одном заседании.

А между тем от 1821 до 1825 года прошло более четырех лет. Служебные занятия, частые путешествия по расположению армии и в Москву, наконец, женитьба моя в 1824 году — все это отвлекло меня от участия в обществе. Скажу более, самые мысли мои относительно сокровенной цели Союза благоденствия, т. е. ограничение самодержавной власти, несколько изменились. Не пере-

---

пусного командира Сабанеева, и тот, арестовав его, запечатал его бумаги, а самого перевез в Тирасполь, где находилась корпусная квартира, и приказал произвести строгое следствие. В бумагах Раевского были некоторые намеки на существование Союза благоденствия и даже список некоторых членов. Стали допрашивать его самого, но твердости его характера общество было обязано тем, что не было открыто прежде. Все то, что делалось по этому следствию и с Раевским, передавал нам бывший адъютант Сабанеева Липранди (ныне известный генерал), коротко с нами знакомый. До самого восшествия императора Николая Раевский находился под арестом и привезен вместе с нами в крепость. Мне случилось сидеть в каземате против него, и он мне рассказал подробности своего дела. Орлов был тогда же удален от начальства над дивизией, а следствие об Раевском было представлено государю, где лежало нерассмотренным до смерти императора Александра. Раевский был потом осужден вместе с нами.

ставая смотреть теми же глазами на все, что было худо, негодовать на злоупотребления, я нередко спрашивал себя, будет ли лучше, если общество достигнет своей цели, и поймет ли Россия выгоды представительного правления? Я сознавался внутренне, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло инициативу и шло вперед, не задерживая, а поощряя успехи просвещения и гражданственности. Тогда бы я первый стал под хоругвь самодержавия. Но, к несчастью, не таково было направление идей покойного императора Александра. В либералах он видел убийц, в законной оппозиции — возмущение, во всяком возражении и неодобрении действий правительства — дух безначалия, в просвещении масс — опасность для правительства. Одним словом, имея от природы доброе, человеколюбивое сердце, он покорился влиянию политиков-эгоистов и поступал совершенно по их внушениям.

Некоторые события и эпизоды моей жизни в продолжение этого времени стоят того, чтобы упомянуть об них.

В 1823 году случилось происшествие, породившее много толков и наделавшее много шуму в свое время. Это дуэль генерала Киселева с генералом Мордвиновым. Я в это время был адъютантом первого и пользовался особенным его расположением. Вот как это происходило.

В нашей армии назначен был командиром Одесского пехотного полка подполковник Ярошевицкий, человек грубый, необразованный, злой. Его дерзкое, неприличное обращение с офицерами было причиною, что его ненавидели в полку, начиная от штаб-офицеров до последнего солдата. Наконец, вышед из терпения и не будучи в состоянии сносить его дерзостей, решились от него избавиться. Собравшись вместе, офицеры кинули жребий, и судьба избрала на погибель штабс-капитана Рубановского. На другой день назначен был дивизионный смотр. Рано утром войска вышли на место, стали во фронт, и дивизионный командир генерал-лейтенант Корнилов, прибыв на смотр, подъехал к одному из флангов. (Одесский полк был четвертый от этого фланга.) Штабс-капитан Рубановский с намерением стоял на своем месте слишком свободно и даже разговаривал. Ярошевицкий, заметив это, подскакал к нему и начал его бранить. Тогда Рубановский вышел из рядов, бросил свою шпагу, стащил его с лошади и избил его так, что долгое время на лице

Ярошевицкого оставались красные пятна. Офицеры и солдаты, стоявшие во фронте, не могли выйти из рядов до того времени, пока дивизионный командир не прискакал с фланга, где он находился, и не приказал взять Рубановского.

Разумеется, что это дело огласилось, и наряжено было следствие. Официально было скрыто, что все почти офицеры участвовали в заговоре против своего полкового командира. Пострадал один только Рубановский, которого разжаловали и сослали в работу в Сибирь[22]; но частным образом сделалось известным как главнокомандующему, так и генералу Киселеву и об заговоре, и о том, что бригадный командир Мордвинов знал накануне происшествия, что в Одесском полку готовится какое-то восстание против своего командира. Вместо того чтобы заранее принять какие-либо меры, он, как надобно полагать, сам испугался и ушел ночевать из своей палатки перед самым смотром (войска стояли в лагере) в другую бригаду.

Обо всем этом не было упомянуто в официальном следствии, но генерал Киселев, при смотре главнокомандующего, объявил генералу Мордвинову, что он знает все это и что, по долгу службы, несмотря на их знакомство, он будет советовать графу, чтобы удалили его от командования бригадой.

Так это и сделалось: Мордвинов лишился бригады и был назначен состоять при дивизионном командире другой дивизии. Тем дело казалось оконченным. Но неприятели Киселева, и он имел их много, и в том числе генерала Рудзевича (корпусного командира), настроили Мордвинова, и тот, полгода спустя, пришел к нему требовать удовлетворения за нанесенное будто бы ему оскорбление отнятием бригады.

В главной квартире никто не подозревал неудовольствия Мордвинова против Киселева. Будучи адъютантом последнего, я часто замечал посланных от первого с письмами, но никак не думал, чтобы эти письма заключали в себе что-нибудь особенное.

В один день, когда у Киселева назначен был вечер, я прихожу к нему обедать вместе с Бурцовым и опять вижу человека Мордвинова, дожидающегося ответа на отданное уже письмо. Эти частые послания показались мне странными, и я заметил об этом Бурцову.

Пришедши в гостиную, где находилась супруга Киселева и собрались уже гости, мы не нашли там генерала, но вскоре были позваны с Бурцовым к нему в кабинет. Тут показал он нам последнее письмо Мордвинова, в котором он назначал ему местом для дуэли м. Ладыжин, лежащее в 40 верстах от Тульчина, требовал, чтобы он приехал туда в этот же день, взял с собою пистолеты, но секундантов не брал, чтобы не подвергнуть кого-либо ответственности.

Можно представить себе, как поразило нас это письмо. Тут Киселев рассказал нам свои прежние переговоры с Мордвиновым и объявил нам, что он решился ехать в Ладыжин сейчас, после обеда, пригласив Бурцова ему сопутствовать и поручив мне, в том случае, если он не приедет к вечеру, как-нибудь объяснить его отсутствие.

Войдя с нами в гостиную, он был очень любезен и казался веселым; за обедом же между разговором очень кстати сказал Бурцову, что им обоим надобно съездить в селение Клебань, где находился учебный батальон, пожурить офицеров за маленькие неисправности по службе, на которые жаловался ему батальонный командир.

Встав из-за стола, простясь с гостями и сказав, что ожидает их к вечеру, он ушел в кабинет, привел в порядок некоторые собственные и служебные дела и потом, простившись с женою, отправился с Бурцовым в крытых дрожках. Жена его ничего не подозревала.

Наступил вечер, собрались гости, загремела музыка, и начались танцы. Мне грустно, больно было смотреть на веселившихся и особенно на молодую его супругу, которая так горячо его любила и которая, ничего не зная, так беззаветно веселилась. Пробило полночь, он еще не возвращался. Жена его начинала беспокоиться, подбегала беспрестанно ко мне с вопросами о нем и, наконец, стала уже видимо тревожиться. Гости, заметив ее беспокойство, начали разъезжаться; я сам ушел и отправился к доктору Вольфу, все рассказал ему и предложил ехать со мной в Ладыжин. Мы послали за лошадьми, сели в перекладную, но чтобы несколько успокоить Киселеву, я заехал наперед к ней, очень хладнокровно спросил у нее ключ от кабинета, говоря, что генерал велел мне через нарочного привезти к нему некоторые бумаги. Это немного ее успокоило, я взял в кабинете несколько белых листов бумаги и отправился с Вольфом.

Перед самым рассветом мы подъезжали уже к Ладыжину, было еще темно, вдруг слышим стук экипажа и голос Киселева: «Ты ли, Басаргин?» И он, и мы остановились. «Поезжай скорее к Мордвинову, — сказал он Вольфу, — там Бурцов; ты же садись со мной и поедем домой», — прибавил он, обращаясь ко мне.

Дорогой он рассказал мне все, что произошло в Ладыжине. Они приехали туда часу в шестом пополудни, остановились в корчме, и Бурцов отправился к Мордвинову, который уже дожидался их. Он застал его в полной генеральской форме, объявил о прибытии Киселева и предложил быть свидетелем дуэли. Мордвинов, знавший Бурцова, охотно согласился на это и спросил, как одет Киселев. «В сюртуке», — отвечал Бурцов. — «Он и тут хочет показать себя моим начальником, — возразил Мордвинов, — не мог одеться в полную форму, как бы следовало!»

Место поединка назначили за рекою Бугом, окружающим Ладыжин. Мордвинов переехал на пароме первый, потом Киселев и Бурцов. Они молча сошлись, отмерили 18 шагов, согласились сойтись на 8 и стрелять без очереди. Мордвинов попробовал пистолеты и выбрал один из них (пистолеты были кухенрейтеровские и принадлежали Бурцову). Когда стали на места, он стал было говорить Киселеву: «Объясните мне, Павел Дмитриевич...» — но тот перебил его и возразил: «Теперь, кажется, не время объясняться, Иван Николаевич; мы не дети и стоим уже с пистолетами в руках. Если бы вы прежде пожелали от меня объяснений, я не отказался бы удовлетворить вас».— «Ну, как вам угодно, — отвечал Мордвинов, — будем стреляться, пока один не падает из нас».

Они сошлись на восемь шагов и стояли друг против друга, спустя пистолеты, выжидая каждый выстрел противника. «Что же вы не стреляете?» — сказал Мордвинов. «Ожидаю вашего выстрела», — отвечал Киселев. «Вы теперь не начальник мой, — возразил тот, — и не можете заставить меня стрелять первым». «В таком случае, — сказал Киселев, — не лучше ли будет стрелять по команде. Пусть Бурцов командует, и по третьему разу мы оба выстрелим». «Согласен», — отвечал Мордвинов.

Они выстрелили по третьей команде Бурцова. Мордвинов метил в голову, и пуля прошла около самого виска противника. Киселев целил в ноги и попал в живот. «Je

suis blessé» *, — сказал Мордвинов. Тогда Киселев и Бурцов подбежали к нему и, взяв под руки, довели до ближайшей корчмы. Пуля прошла навылет и повредила кишки. Сейчас послали в местечко за доктором и по приходе его осмотрели рану; она оказалась смертельной.

Мордвинов до самого конца был в памяти. Он сознавался Киселеву и Бурцову, что был подстрекаем в неудовольствии своем на первого Рудзевичем и Корниловым и говорил, что сначала было не имел намерения вызывать его, а хотел жаловаться через графа Аракчеева[23] государю; но, зная, как император его любит, и опасаясь не получить таким путем удовлетворения, решился прибегнуть к дуэли. Вольф застал его в живых, и он скончался часу в пятом утра.

Подъезжая с Киселевым к Тульчину, мы встретили жену его в дрожках, растрепанную и совершенно потерянную. Излишним нахожу описывать сцену свидания ее с мужем.

Приехавши в Тульчин, Киселев сейчас передал должность свою дежурному генералу, донес о происшествии главнокомандующему, находившемуся в это время у себя в деревне, и написал государю. Дежурный генерал нарядил следствие и распорядился похоронами. Следствие было представлено по начальству императору Александру.

Киселев в ожидании высочайшего решения сначала жил в Тульчине, без всякого дела, проводя время в семейном кругу**(5), а потом отправился в Одессу. Я поехал с

* Я ранен (франц.).

**(5) В это время генерал Нарышкин Лев Александрович, старый товарищ Киселева по службе, приехал свататься за сестру Киселевой, графиню Ольгу Потоцкую, жившую у Киселева, и безвыездно бывал у них. Здесь кстати сказать, что обе сестры были замечательной красоты и чрезвычайно милы и любезны. Супруга Киселева, Софья, была олицетворенная доброта, очень умна, веселого, открытого характера, но с тем вместе неимоверно рассеянна и не обращала внимания ни на какие светские условия. Сестра ее, Ольга, имела характер более положительный и славилась красотою. Между ее обожателями находился известный генер[ал] Милорадович[24], бывший тогда уже пожилым человеком. Она смеялась над его страстью к ней и заставляла его, вместе с сестрою своею, делать много смешного для его лет. Раз как-то в Петербурге я зашел поутру в гостиную Киселева и застал жену его играющею на фортепианах, а Милорадовича, в полном мундире и звездах, танцующего перед нею мазурку. Киселева при этом помирала со смеху и кричала ему: «Ce nést pas ça, ce nést pas ça; mais comme vous dansez mal» [Это не то, это не то, но как плохо вы танцуете (франц.)]. Я было хотел удалиться, но Киселева остановила меня, и я поневоле был свидетелем этой смешной сцены.

ним; там он пробыл более месяца и, наконец, получил от генерала Дибича[25], бывшего тогда начальником Главного штаба, письмо, в котором тот извещал его, что государь, получив официальное представление его дела, вполне оправдывает его поступок и делает одно только замечание, что гораздо бы лучше было, если бы поединок был за границей. Вместе с тем ему предписывалось вступить в отправление должности и приехать для свидания с государем в г. Орел, где назначен был смотр находившимся там войскам. Этим окончилось это происшествие, которое, как ожидали недоброжелатели Киселева, должно было изменить к нему расположение императора *.

В это именно время в Одессу прибыл граф Воронцов, назначенный генерал-губернатором Новороссийского края[27]. Когда он приехал, мы находились уже там. Беспрестанные балы, концерты, вечера, обеды так утомляли меня, что я с нетерпением ожидал возвращения в Тульчин. С Воронцовым прибыло очень много умных и образованных молодых людей: Левшин, барон Бруннов[28], барон Франк и другие**(6). Первый—теперь товарищем министра внутренних дел, а второй — посланником.

---

* В Орел поехал с Киселевым Бурцов, и вот что он мне рассказал по возвращении своем. Через два дня по прибытии их в Орел приехал туда и государь. Все высшие военные и гражданские власти ожидали его величества в приемной зале на квартире, для него приготовленной. Киселев также находился тут. Генералы, между коими были два корпусных и несколько дивизионных начальников и прибывшие наперед генерал-адъютанты свиты его величества (Чернышев и Ожаровский)[26], обошлись с ним очень сухо, как с человеком опальным, и, видимо, избегали даже с ним говорить, так что он все время сидел один у окна. Когда приехал государь, то, проходя через залу, он только поклонился присутствующим и удалился во внутренние покои переодеваться. Вскоре камердинер его позвал к нему Киселева, который потом и вышел вместе с его величеством, весьма милостиво с ним разговаривавшим и часто к нему с особливою благосклонностью обращавшимся. Надобно было видеть перемену, которая произошла в царедворцах! Когда государь опять ушел, всякий из них наперерыв старался оказывать ему самое дружеское внимание.

**(6) В Одессе я встретил также нашего знаменитого поэта Пушкина. Он служил тогда в Бессарабии при генер[але] Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек, он мне не понравился. Какое-то бретерство, suffisanse [высокомерие (франц.)] и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знавших его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли. В Кишиневе он имел несколько поединков[29].

Возвратясь в Тульчин, мы стали приготовляться к высочайшему смотру, который назначен был в начале октября. Киселев отправился в Орел и, возвратясь в Тульчин, по случаю предстоящего смотра, деятельно занялся службою. Дела и нам было много, так что мы не видели, как наступил октябрь.

Перед приездом государя*(7) я был послан в Бессарабию, чтобы приготовить ему ночлег и караул, не упомню теперь, в каком-то маленьком местечке, где сначала он было не думал останавливаться. Я также должен был узнать от генерала Дибича, куда государь прибудет: в Тульчин или прямо в расположение 7-го пехотного корпуса, в 40 верстах от главной квартиры. За день до его прибытия я приехал в местечко, приготовил лучшую квартиру и послал за стоявшею вблизи сотнею донских казаков. Начальник их, какой-то казацкий старшина, так потерялся, что объявил мне, что он никак не явится перед царем и не подаст ему рапорта, если я при этом не буду находиться. Делать было нечего, и я поневоле должен был показаться государю. Приехавши, он спросил, заметив меня, зачем я нахожусь тут, и, сказав несколько слов, вошел в свою комнату. Я отправился в другую, к генералу Дибичу. Во время моего с ним разговора вошел государь. Узнав, в чем дело, сказал, что прибудет прямо в с. Кирнасовку, где расположен 7-й корпус, и поручил мне приготовить ему при въезде в деревню какую-нибудь квартиру, в которой он мог бы переодеться. Дибич написал Киселеву несколько слов и приказал мне ехать как можно скорее, чтобы вовремя привезти известие о том, куда они прибудут.

Припоминаю теперь, что на обратном пути случилось одно обстоятельство, которое чрезвычайно меня напугало. Скача ночью сломя голову на перекладной и будучи очень утомлен, проведя две ночи сряду без сна, я нехотя задремал. Жандарм мой сделал то же самое. Вдруг чувствую, что мы остановились, и спрашиваю, что это значит? Ямщик-молдаван, не говоривший по-русски, что-то бормотал, но я ничего не понимал. Жандарм тоже не мог ничего объяснить. Наконец, догадываюсь, что мы сбились с дороги, и мой молдаван не знает, куда ехать. Можно вообразить себе мое положение: государь должен был вы-

---

*(7) Он возвращался с Веронского конгресса через Австрию[30].

ехать чем свет, а мне надобно было попасть в Тульчин по крайней мере четырьмя часами ранее его. Видя, что с ямщиком делать нечего и что мы едем степью, а не дорогою, я приказал жандарму взять вожжи и ехать наудачу прямо, чтобы попасть в какое-нибудь жилье. К счастью, так и случилось: через полчаса мы приехали в какую-то деревушку, где я взял проводника до большой дороги, находившейся в 10 верстах. На все это я потерял более часа и очень был рад, что тем отделался. Поздно ночью проезжал я Могилев на Днестре. Тут встретилась опять помеха. На станции мне сказали, что генерал-адъютант Чернышев (теперешний князь) приказал мне явиться, в котором бы я часу ни приезжал. Нечего было делать: я побежал к нему не переодеваясь. Прихожу на квартиру, где он остановился. Все спят мертвым сном. Бужу хозяина, тот, в свою очередь, камердинера, а этот, наконец, генерала. Меня вводят к нему в спальню. Нельзя представить себе моего удивления. Я ожидал найти молодого, красивой наружности человека, каким в то время все знали и каким я сам видал его, и что же? Нахожу что-то вроде старухи, с чепцом на голове, с седыми почти усами и с обритыми седыми волосами, выглядывающими из-под чепца. Я не верил глазам своим. Он спросил меня, когда выезжает государь и когда будет в Могилеве. Ответив ему то, что об этом знал, я побежал от него, внутренне браня его за то, что он лишил меня нескольких дорогих минут, чтобы посмотреть на его вовсе непривлекательную фигуру. Я не предчувствовал, что вижу в нем будущего своего судью, и судью неумолимого, пристрастного и — дерзкого.

В Тульчин я возвратился около 4-х часов после обеда. Вся главная квартира ожидала моего прибытия, и все сейчас собрались в Кирнасовку. Туда мы прибыли около шести часов, а в восемь приехал государь. Он остановился на несколько минут для переодевания в приготовленной для него квартире, при въезде в селение. Эту квартиру занимало семейство генерала Удома, который очень был рад очистить для него комнату. Государь был ими встречен при выходе из коляски, подарил после смотра жене генерала прекрасный бриллиантовый фермуар, который я сам отнес к ней, за что она осталась мне очень признательною. Дочь генерала Удома, девушка замечательной красоты, сделана была фрейлиною.

Как теперь помню ту минуту, когда государь вышел к собравшимся в приемной зале помещичьего дома генералам и штабным офицерам. Нас было тут человек шестьдесят. Он так поклонился всем, что каждому показалось, что этот приветливый поклон особенно относится к нему. С главнокомандующим и Киселевым был он особенно любезен.

На другой день был смотр 7-го корпуса *(8), а вечером мы были уже в Тульчине, где представляли ему штаб и разные команды. По осмотре на следующий день 6-го корпуса генерала Сабанеева назначены были маневры. Они продолжались два дня. Вся вторая армия участвовала в них, и зрелище действительно было великолепное: до 70 т[ысяч] под ружьем с кавалерией и артиллерией маневрировали на пространстве 4 или 5 квадратных верст. Маневры кончились на второй день, часу в первом пополудни. Все войска пришли к назначенному для обеда месту и образовали каре в три фаса. Четвертый фас этого каре занимал нарочно устроенный полукруглый павильон, где накрыт был стол человек на 300. По концам павильона поместились музыканты всех полков армии, а подле них устроены были в три яруса скамьи для почетных зрителей. Артиллерия заняла место на высотах позади пехоты, а кавалерия — часть одного из фасов. В средине каре было устроено место для молебна. К прибытию государя все уже было в порядке. Отслужив молебен, во время которого, при многолетии, артиллерия и пехота сделали оглушительный залп, пошли к обеду в павильон. Тогда войскам приказано было стоять вольно, и вся эта стотысячная масса рассыпалась в разных направлениях и перемешалась так, что для глаз представила какое-то

---

*(8) После смотра был обед в лагере генерала Рудзевича. Когда сели за стол, накрытый полукругом, середину коего занимал государь, то он, получив перед самым выходом к столу с фельдъегерем письмо от Шатобриана, бывшего тогда французским министром иностранных дел [31], сказал, обращаясь к сидевшим около него генералам: «Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier» [Господа, я вас поздравляю, Риего схвачен (франц.)]. Все отвечали молчанием и потупили глаза, один только Воронцов воскликнул: «Quell heureuse nouvelle, Sir» [Какая счастливая новость, государь (франц.)]. Эта выходка так была неуместна и так не согласовалась с прежней его репутацией, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Riego, жестоко было радоваться этому известию [32].

странное, необыкновенное зрелище. Позади фронта приготовлены были для солдат и офицеров столы с яствами и напитками.

Государь был очень весел и доволен. Когда же главнокомандующий провозгласил тост за его здоровье, то, по данному несколько прежде сигналу, войска в одну минуту пришли в прежний свой порядок: из всей этой нестройной массы образовалось опять то же самое правильное каре. При этом тосте загремела артиллерия, пехота начала стрельбу, заиграла вся музыка, и все войско крикнуло громогласное: ура! Государь был тронут и прослезился. Тут те, которые были около него (в том числе и я), могли видеть и убедиться, что сердца государей могут так же чувствовать, как и сердца простых людей. Почему несчастная политика, привычка властвовать, а всего более гнусная лесть и раболепие так сильно искажают природу земных владык, что заставляют их стыдиться, когда они невольно последуют влечению сердца.

Вслед за маневрами посыпались милости и награды. С горестным чувством должен, однако, сказать, что эти милости и награды касались только тех, которые всего менее нуждались в них. Крест, чин, аренда, удовлетворяя минутное тщеславие или временные нужды, немного прибавляли к счастию тех, которые получали их. Те же, коим всего более нужно было милосердие государя, были им отвергнуты. Генерал Киселев, в числе прочих представителей, просил о смягчении участи разжалованных офицеров. В нашей армии их было человек до сорока, и в одной этой просьбе было ему отказано. Тут не нужно рассуждений!

Государь, осмотрев вторую армию и будучи ею очень доволен, пригласил Киселева ехать с собою в поселенные войска Украинского поселения [33]. Там ждал его граф Аракчеев. Киселев взял меня с собой, но как при генерале Дибиче не было адъютанта, то он попросил его прикомандировать меня на время смотра военных поселений к нему.

Мы ехали с государем и прибыли вместе в Вознесенск. Там застали Аракчеева. Трудно объяснить то влияние, которое он имел на покойного Александра. Смешно было даже смотреть, с каким подобострастием царедворцы обходились с Аракчеевым. Я был свидетелем его стычки на словах с Киселевым, который его не любил и не унижался перед ним, и где он его славно отделал. Услышав

от государя, как он остался доволен 2-ю армией, и, вероятно, будучи этим недоволен, Аракчеев в первое свидание с Киселевым, когда государь ушел в кабинет, обратился к нему при оставшемся многолюдном собрании с следующими словами: «Мне рассказывал государь, как вы угодили ему, Павел Дмитриевич. Он так доволен вами, что я желал поучиться у вашего превосходительства, как угождать его величеству. Позвольте мне приехать для этого к вам во 2-ю армию; даже не худо было бы, если бы ваше превосходительство взяли меня к себе в адъютанты». Слова эти всех удивили, и взоры всех обратились на Киселева. Тот без замешательства отвечал: «Милости просим, граф; я очень буду рад, если вы найдете во 2-й армии что-нибудь такое, что можно применить к военным поселениям. Что же касается до того, чтобы взять вас в адъютанты, то, извините меня, — прибавил он с усмешкою, — после этого вы, конечно, захотите сделать и меня своим адъютантом, а я этого не желаю». Аракчеев закусил губу и отошел.

Вот одно из доказательств значения Аракчеева у императора Александра. С ним был в это время побочный сын его — Шумский, молодой прапорщик гвардейской артиллерии, шалун, пьяница и очень плохо образованный юноша. Во время случавшихся маневров его обыкновенно ставили с батареей на какое-нибудь видное место. Государь, зная, кто он, нередко подъезжал к нему и разговаривал с ним. Аракчеев, чтобы более и более обратить на него высочайшее внимание, обыкновенно брал его с собою, когда бывал с докладом у государя, извиняясь, что делает это потому, что не может по слабости зрения сам читать доклады. Однажды нас пригласил на вечер один из адъютантов графа Витта[34]. Шумский был там же и так напился, что едва мог стоять на ногах. Вдруг прислал за ним граф, чтобы идти с докладом к государю. Мы принуждены были облить ему несколько раз голову холодной водой, чтобы хотя несколько протрезвить, и в таком положении он отправился. Впоследствии он был сделан флигель-адъютантом. Государь сам прислал ему мундир и эполеты с нарочным фельдъегерем. В следующее царствование его исключили за пьянство и перевели, кажется, в гарнизон.

Две недели мы пробыли в военных поселениях, и я каждый раз имел случай видеть государя, а нередко и

обедал с ним *(9). Он имел много привлекательного в обращении и, как я мог заметить, не сердился, когда обходились с ним свободно, даже когда, случалось, противоречили ему. По крайней мере, генерал Киселев не унижался и вел себя с достоинством, не теряя этим его расположения. Раз как-то государь спросил его, почему он, будучи небогат, не попросит у него никогда аренды или денег? «Я знаю, что вы охотно даете, государь, — отвечал он, — но не уважаете тех, которые принимают от вас дары. Мне же уважение ваше дороже денег». Ответ прекрасный, но и придворный. Надобно сказать, впрочем, что Киселев чрезвычайно был ловок и знал хорошо характер покойного императора.

Возвратившись в Тульчин, я вскоре поехал в отпуск. Мне нужно было переговорить с родными и получить их согласие на союз мой с девушкой, которую я давно полюбил. Это была первая любовь моя и любовь глубокая. Она не имела состояния, хотя и была аристократической фамилии; я сам тоже был небогат, и потому надобно было устроить дела так, чтобы нужда не отравила нашего обоюдного счастья. Как я мог заметить, она была ко мне расположена, и я почти не сомневался ни в ее согласии, ни в согласии ее родителей. Я уговорился с Бурцовым и его женою из Москвы писать им, просить их передать будущей теще моей, княгине Мещерской, мое предложение.

В Москве я пробыл всего недели две; туда приехал также и Киселев с женой. Мы вместе отправились в Петербург. Жизнь петербургская была не по мне. Несмотря на приглашения Киселева посещать с ним кое-кого из знатных того времени и аристократические вечера их, я более сидел дома или делил время с некоторыми прежни-

*(9) Вот еще один пример немилосердия императора Александра к разжалованным. В Елизаветграде, где был штаб одной из поселенных дивизий, генерал Храповицкий, ею начальствующий, предложил государю зайти посмотреть заведенную им юнкерскую школу. В его присутствии стали экзаменовать одного из юнкеров, который так хорошо и свободно отвечал, что царь был в восхищении и приказал его тотчас произвести в офицеры и выдать 500 [рублей] на обмундирование. Юнкер обратился к нему и почти со слезами сказал: «Государь, если вам угодно наградить меня — облегчите участь моего отца, служащего рядовым». Государь не отвечал и вышел недовольный. Юнкер был произведен, деньги ему выданы, но отцу не сделали ничего.

ми товарищами своими по корпусу, служившими тогда в Петербурге. В это время приехал туда и Пестель. Впоследствии узнал я, что цель поездки его состояла в том, чтобы убедить петербургское общество действовать в смысле Южного, в чем он успел [35]. Но мне он ничего об этом не говорил, и я все это узнал в Сибири *(10).

Киселев, обласканный государем, отправился с женою за границу в Париж, а я возвратился в Тульчин, получив через Бурцова согласие покойной жены и ее матери на мое предложение.

Приехавши в Тульчин, я вскоре соединил свою судьбу с тою, которая дала вкусить мне истинное на земле счастье. Союз наш был кратковременный, но одиннадцать месяцев такого счастия достаточно, чтобы усладить прежними воспоминаниями горечь тридцатилетней ссылки и неразлучные с ней нравственные и физические лишения.

Перед женитьбою моею я открыл будущей жене своей, что принадлежу к тайному обществу и что хотя значение мое в нем неважное, но не менее того может и со мной последовать такое бедствие, которое ей трудно будет переносить. Она отвечала мне, что идет не за дворянина, адъютанта или будущего генерала, а за человека, избранного ее сердцем, и что в каком бы положении человек этот ни находился, в палатах или в хижинах, в Петербурге при дворе, или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова. Этот ответ успокоил меня совершенно, мою совесть.

В это время старший брат мой, женатый, находился с своей ротой близ Тульчина. Мы часто виделись с ним, и в жизни моей мне ровно ничего недоставало. Небольшой круг близких родных, добрых, умных и образованных знакомых, уважение и расположение начальства, небольшие, но достаточные средства к семейной жизни, одним словом, все, казалось, улыбалось мне. Но туча была недалеко, и первый удар грома должен был разразиться надо мною. С возвращением Киселева я назначен был старшим адъютантом в Главный штаб 2-й армии. На этой должности занятия мои были определеннее, и я мог

---

*(10) Бывая в Петербурге у одного из моих товарищей по корпусу, офицера гвард[ейского] Генер[ального] штаба Корниловича [36], я имел случай встречать у него раза два К. Ф. Рылеева. Хотя я не знал тогда, что он был членом общества, но его разговор, его пылкая, живая натура мне очень понравились.

с большими удобствами располагать своим досугом. Окончив часу во втором пополудни служебные занятия, остальную часть дня я мог посвящать семейной жизни и тем развлечениям, которые согласовались с моим характером и характером моей жены. Помню, что однажды я читал как-то жене моей только что тогда вышедшую поэму Рылеева «Войнаровский»[37] и при этом невольно задумался о своей будущности. «О чем ты думаешь?» — спросила она. «Может быть, и меня ожидает ссылка»,— сказал я. «Ну, что ж, я также приду утешить тебя, разделить твою участь. Ведь это не может разлучить нас, так об чем же думать?» — прибавила она с улыбкой. Воображал ли я тогда, что чрез несколько месяцев она будет в земле, а я через полтора года в Сибири.

Кто-то сказал: счастливцы не знают времени[38], для них нет прошедшего, и им нечего говорить о себе. Так было и со мной.

В августе 1825 года кончина жены моей после благополучных родов, от простуды, разрушила основание моего счастия. Не стану говорить ни о болезни, ни о том, что происходило со мной и что я перечувствовал при ее потере. Этим я не могу и не хочу делиться ни с кем. Да и какое дело постороннему, кто станет читать эти строки, знать все, что происходило в сердце, в мыслях, в чувствах, одним словом, во внутреннем мире такого незначительного лица, как я, этой незаметной песчинки в мире созданий?[39]

Весь сентябрь я был болен: у меня отнялись ноги. В октябре же взял отпуск и отправился в Москву к родным и другому брату моему, жившему во Владимире.

По окончании отпуска, в декабре месяце, я выехал из Владимира. На дороге к Москве, в г. Богородске, остановясь на несколько минут у одного родственника своего, я узнал, совсем неожиданно, о кончине императора Александра.

В Москве, когда я приехал, все уже присягнули Константину Павловичу. Прожив там несколько дней, я поехал в Тульчин через Смоленск и Могилев на Днепре. В Дорогобуже я прочел в газетах отречение Константина и вступление на престол Николая[40]. Приехал в Могилев; меня потребовали к главнокомандующему первой армией графу Сакену, полагая, что я еду из Петербурга. Тут я узнал о восстании 14 декабря.

Это было в самое Рождество Христово. Сакен оставил меня обедать у себя. За столом все толковали только о 14-м. Старики-генералы ужасались, бранили мятежников, превозносили нового государя. Молодежь молчала и значительно переглядывалась между собою. Я заметил в некоторых симпатию к побежденным. Впоследствии оказалось, что между ними было несколько членов нашего общества [41].

По дороге к Житомиру, не помню на какой-то станции, вечером, я встретил фельдъегеря, ехавшего в Петербург. С ним вошел человек огромного роста, закутанный в шубу; увидев меня, он остановился в углу почтовой комнаты. На столе стояла только одна свеча, и нельзя было хорошо рассмотреть его лицо, обвязанное шарфом. Мне показалось, однако, что он походил на капитана Майбороду, которого я знал в нашей армии. Действительно, как я узнал потом, это был он. Вслед за фельдъегерем ехал генерал-адъютант Чернышев. Первый заготовлял ему лошадей и предъявлял подорожную. Я узнал об этом от смотрителя станции, по отъезде фельдъегеря. Не зная ничего о доносе Майбороды, я очень удивился встрече с Чернышевым и с человеком, похожим на Майбороду. В Бердичеве я встретился с Пестелем, но не мог говорить с ним, потому что он находился в другой комнате, и фельдъегерь не отходил от него. Мне сказал об этом знавший его смотритель. Тут же я убедился, что в Тульчине арестуют тоже некоторых членов общества, и полагал, что это вследствие происшествия 14 декабря.

В Летичеве, ночью, я встретил двух братьев Крюковых [42]. Они уже выезжали со станции, когда я приехал, и потому я не мог ничего расспросить у них; с ними был тоже фельдъегерь.

Я спешил приехать скорее в Тульчин, чтобы узнать, что там делается. К вечеру 27 числа я туда прибыл и остановился у Вольфа, которого застал дома. Он рассказал все, что там без меня происходило; донос Майбороды *, приезд Чернышева из Таганрога, арест Пестеля, Юшневского, Барятинского и других.

---

* Майборода служил капитаном в полку Пестеля и показывал всегда большую к нему преданность. Отчасти я был причиною поступления его в Вятский полк. Пестель просил Киселева назначить к нему хороших фронтовых офицеров из других полков. Я знал несколько Майбороду, служившего тогда в 34-м егерском

На другой день, рано утром, я отправился к Киселеву. На дороге встретил князя Урусова, его адъютанта.

После первых приветствий он сообщил мне, что имя мое находится тоже в списке членов общества, представленном при доносе Майбороды, и предложил скрыть мои бумаги, если есть такие, которые могут мне повредить. При этом он упрекал меня, что, будучи так короток с ним, я не принял его в общество, даже просил принять его теперь. Усмехнувшись, я отвечал ему, что вместо упрека он должен благодарить меня.

Пришедши с Урусовым к Киселеву, я был позван им сейчас в кабинет. Вот мой с ним разговор. «Вы принадлежите к тайному обществу, — сказал он мне, как только мы остались одни, — отрицать этого вы не можете. Правительству все известно, и советую вам чистосердечно во всем признаться». Тон, которым он говорил мне и «вы», на которое он как будто нарочно ударял, удивили меня. «Я бы желал знать, ваше превосходительство, — отвечал я, — как вы спрашиваете меня, как начальник штаба, официально, или просто, как Павел Дмитриевич, с которым я привык быть откровенным». — «Разумеется, как начальник штаба», — возразил он. «В таком случае, — сказал я, — не угодно ли будет вашему превосходительству сделать вопросы на бумаге, я буду отвечать на них. На словах же мне и больно и неприятно будет говорить с вами, как с судьею, и смотреть на вас просто как на правительственное лицо». Он задумался и потом сказал:

полку, и рекомендовал его Пестелю, который действительно нашел в нем отличного фронтовика. Впоследствии он принял его в общество и доверился ему. В 1825 году он отправлен был Пестелем в Москву для приемки из комиссариата полковых вещей и каких-то сумм. Промотав там деньги и видя, что ему предстоит гибель, он решился на донос, отправив его императору Александру в Таганрог. По восшествии Николая Майборода был переведен в гвардию тем же чином. Вскоре должен был, однако, выйти в армию, где ему тоже было плохо, так что, наконец, он вышел в отставку. Вступивши некоторое время опять в службу на Кавказ, он там в припадке сумасшествия перерезал себе горло, вероятно, от угрызения совести. Другому доносчику, Шервуду-Верному, также не посчастливилось. Он должен был кинуть службу, надоел государю своими наглыми требованиями, десять лет содержался в крепости и, наконец, жил в Москве в крайней бедности. Мне случилось в 1858 году встретиться с ним в одном магазине. По обращению с ним знавших его лиц, по его одежде, наружности нельзя было не заметить, что он находится в самом незавидном положении[43].

«Хорошо, вы получите вопросы». Я поклонился и хотел удалиться, но когда подходил к двери, он вдруг сказал, переменив тон: «Приходи же обедать к нам, либерал; мы с тобою давно не видались». Тон, с которым он произнес эти слова, меня тронул. «Я обедаю сегодня с родными и потому не могу воспользоваться вашим приглашением, а позвольте лучше прийти к вам вечером», — отвечал я.

От Киселева я пошел к дежурному генералу. Тот принял меня ласково, даже дружески, и просил немедленно вступить в должность. Отобедав со своими и проведя с ними несколько часов, я отправился вечером к Киселеву. В гостиной я застал одну его супругу. Мы с нею были очень хороши, и она обрадовалась, увидевшись со мною.

«M-r B.,—сказала она с чувством,—vous savez bien tout l'interêt que je vous porte, et bien il faut que vous vous desidez à prendre votre parti. J'étais présenté à toutes les conversations de mon mari avec le g(enera)l Tchernicheff; et je puis vous assurez que tous ceux qui veulent être sauves, n'ont qu'à se jeter aux pieds de l'Empereur et lui avouer franchement leur participation à la Socité». «M-me, — lui repondis je, — vous me conseillez une chose qui repugne à ma conscience et que j'envisage comme une lâcheté». — «Je m'attendais à cette reponse, — dit elle, — vous perirez, mais vous perirez, en honnête homme, et croyez que mon estime pour vous n'en sera qu'augmente»*.

Вскоре пришел генерал и еще кое-кто из военных. Мы провели вечер, как будто ничего не было особенного. Он был со мною так же добр и любезен, как и прежде. Говорили более о посторонних вещах, и после ужина я ушел, довольный тем, что не ошибся в моем о нем мнении.

На другой день, придя на службу в Главный штаб и садясь за свой стол, я открыл ящик, чтобы посмотреть бывшие там бумаги. Между ними, совсем неожиданно, я нашел паспорт за границу, которым я мог воспользовать-

---

* «Г-н Б[асаргин],— сказала она с чувством,— вы прекрасно знаете мое сочувствие вам; и все же нужно, чтобы решились. Я присутствовала при всех разговорах моего мужа с г[енерало]м Чернышевым и могу вас уверить, что все, кто хотят быть спасены, должны только броситься к ногам императора и откровенно признаться ему в своей принадлежности к обществу». «Сударыня,— отвечал я ей,— вы мне советуете сделать то, что противоречит моей совести и что я считаю низостью».— «Я ожидала этого ответа,— сказала она,— вы погибнете, но погибнете честным человеком, и поверьте, уважение мое к вам только увеличится от этого».

ся без всякого сомнения в успехе. Вот как он очутился тут. Месяца четыре назад, не помню, в июле или августе, дивизионный наш доктор Шлегель (бывший потом президентом Медицинской академии) пришел однажды ко мне и просил дать ему совет, как вытребовать паспорт для жившего у него француза, которого он во время кампании 1813 года взял мальчиком лет одиннадцати под Лейпцигом и держал до этого времени без всякого вида. Теперь же этот молодой человек пожелал возвратиться на родину в г. Лион, и для этого ему нужен был паспорт. Я сказал ему, что пусть он объяснит все это на бумаге, подпишет ее, засвидетельствует все подписью 12 лиц из служащих и потом представит при рапорте дежурному генералу, который вытребует от себя паспорт от одесского французского консула. Все это сделано было, консул прислал паспорт дежурному генералу, оставив пробелы для отметки месяца и числа и вписания примет. Он поступил ко мне в отделение для исполнения, а между тем француз раздумал отправиться на родину и остался опять у Шлегеля. Паспорт сохранился в столе и был совершенно забыт до того времени, как я нечаянно отыскал его, и тогда только об нем вспомнил.

Признаюсь, долго я думал о том, чтобы, выставив свои приметы, воспользоваться им для избежания ареста. Тульчин находится в 250 верстах от границы. В одни сутки мне легко было уже быть вне всякого преследования. Отлучиться не только на день, но на два, на три я мог, не подавая никакого подозрения. Стоило только сказать дежурному генералу, что я еду повидаться с Абрамовым или Бурцовым, стоявшими с своими полками в окрестностях Тульчина. Из Петербурга обо мне еще не было никакого распоряжения.

Но мысль оставить родину в такое время, когда угрожает опасность, отделить свою судьбу от судьбы товарищей и навлечь подозрение, а может быть, и негодование правительства на моих начальников, от которых, кроме ласки и благосклонности, я ничего не видел, — все это вместе заставило меня отказаться от первого помысла, и, чтобы избавиться навсегда от искушения, я тут же изорвал и сжег паспорт.

Вскоре Киселев должен был ехать в Петербург с присягою от армии. Перед отъездом я пришел с ним проститься. «Любезный друг,— сказал он мне,— не знаю, до

какой степени ты замешан в этом деле; помочь я тебе ничем не могу; не знаю даже, как я сам буду принят в Петербурге. Все, в чем я могу уверить тебя, это в моем к тебе уважении, которое не изменится, что бы ни случилось с тобою». Мы обнялись, и с тех пор я уже более не видал его.

Утром 8-го января 1826 года я, по обыкновению, пришел в штаб и сел за свое дело. Дежурный генерал позвал меня и, показавши предписание военного министра, объявил мне, что вместе со многими другими велено меня арестованного привезти в Петербург. Это он говорил почти со слезами и потом спросил меня, увидимся ли мы? Я отвечал: «Бог знает». Подумавши, он сказал на это: «Ведь у вас нет ничего на бумаге? В таком случае: нет, нет и до конца нет, и мы еще свидимся. Завтра я приеду запечатать ваши бумаги, будьте готовы. Отправляться же можете, когда хотите; вы, вероятно, еще не отдохнули от дороги; можно повременить несколько дней». «Чем скорее, тем лучше, ваше превосходительство, — отвечал я, — неизвестность хуже всего. Позвольте мне ехать послезавтра и, если можно, вместе с Вольфом». Он охотно согласился на это.

Грустно было для меня все это время, а особенно при воспоминании о прежней счастливой жизни моей. Я находил утешение в ласках и сочувствии родных жены моей, вместе с которыми тогда жил, и в дружеском внимании сослуживцев, которые не принадлежали к обществу и, следовательно, не опасались быть арестованными.

Настал, наконец, день отъезда. Последний вечер я провел у матушки жены моей. Тут собрались кое-кто из близких друзей наших, приезжал проститься и дежурный генерал. Отужинали, грустно простились и обнялись в последний раз. Я сел с Вольфом в одну повозку, два жандарма в другую, и мы отправились, напутствуемые их благословениями. Как теперь помню, меня растрогала очень меньшая сестра покойной жены, 11-летняя умненькая и очень острая девочка. Она плакала неутешно и, видя, что я укладываю в чемодан две английские книги, спросила меня: зачем это? — «От скуки буду учиться в крепости по-английски, мой друг», — сказал я. «Боюсь, братец, что вы забудете там и русский язык», — возразила она, и при этом слезы градом полились из ее глаз.

Дорогой мы встречали нередко арестованных с фельдъ-

егерями и жандармами. Видеться мы не могли ни с кем из них. Мы уговорились с Вольфом при допросах молчать и не говорить ничего, чтобы не запутать товарищей. Это было неблагоразумно и бесполезно[44].

Наконец мы прибыли в Петербург. Нас привезли в Главный штаб. Там принял нас старший адъютант, сколько помнится, Яковлев. Он что-то записал и приказал вести нас на дворцовую гауптвахту.

Когда мы вошли туда и жандарм из Главного штаба, отправленный с нами, подал записку дежурному офицеру, тот послал за плац-майором, а сей последний распорядился отправлением наших людей и вещей в назначенное место; потом обыскал нас, отобрал деньги и рассадил порознь в какие-то небольшие темные комнаты со стеклянными дверями. Тут случилось маленькое происшествие, затруднившее коменданта и плац-майора и которое доказало преданность ко мне человека моего, мальчика лет 18-ти. Плац-майор, обыскав меня и посадив в темную комнату, приказал ему ехать с повозкой, куда скажет жандарм. Мой Василий отвечает ему, что он приехал с господином своим для услуг и что без моего приказания он не оставит меня. Плац-майор закричал было на него; но тот, не теряясь, очень спокойно отвечал то же и прибавил, что, исполняя свою обязанность, он не думает грубить этим его высокоблагородию. В это время вошел комендант Башуцкий (известный своею простотою)[45]. Плац-майор рассказал ему, в чем дело, и тот, подойдя к моему человеку, приказывает ему исполнить распоряжение плац-майора. Ответ и ему был тот же. «Как ты смеешь так говорить со мной! — вскричал Башуцкий. — Ты видишь, кто я?» — «Я ничего не сказал противного, ваше превосходительство, — возразил мой человек. — Вижу, что вы генерал, и то, что говорю вам, готов повторить всякому». — «Каковы господа, таковы и люди!» — заметил Башуцкий. Я был свидетелем этой сцены за стеклянными дверями. Видно было, что Башуцкий и плац-майор в затруднении, как поступить. Наконец, поговоря между собою, решились обратиться ко мне, отворили дверь и сказали, чтобы я приказал моему человеку повиноваться их распоряжениям. «Делай, что прикажет генерал, — сказал я ему, — любезный Вася. Ты не можешь оставаться со мной». У него полились слезы из глаз, и он едва мог проговорить: «Слушаю-с». Тогда я обратился к Башуцкому и попросил его

позволить мне из отобранного у меня бумажника дать несколько денег моему мальчику: я мог догадаться из разговора их между собою, что человек мой должен будет оставаться в Петербурге до окончания нашего дела. Комендант охотно согласился на это, подал мне бумажник мой, и я, вынув сто рублей, отдал их моему Василию, обнял его и вошел опять в свою темную комнату [46].

В продолжение дня привезли еще несколько человек арестантов. Некоторых я прежде видал в Москве. То были полковник Граббе и Муравьев Ал. Ник. [47]; их посадили тоже в отдельные комнаты. Вечером меня повели во дворец, в покои государя, для допроса. В комнате, где посадили меня за ширмы, беспрестанно бегали люди с подносами и чашками. Минут через пять офицер фельдъегерского корпуса взял меня за руку и повел в большую залу, увешанную картинами. Я узнал Эрмитажную галерею. У стены раскрыт был небольшой столик, за которым сидел генерал Левашов [48]; пред ним чернильница и несколько листов белой бумаги. Он предложил мне сесть против него, но вдруг вошел тот же фельдъегерь и доложил о прибытии князя Волконского (члена общества, генерал-майора). Тогда Левашов очень учтиво извинился, что должен отложить до завтрашнего дня допрос мой. Меня опять отвели в прежнюю комнату на гауптвахту.

Утром на другой день повели меня опять к допросу. Левашов сидел на прежнем месте, и я только что успел сесть против него, как вошел государь в сюртуке без эполет. Я встал и поклонился ему. «Говорите всю правду,— сказал он мне сурово,— если скроете что-нибудь, то пеняйте на себя». С сими словами он вышел в противоположную дверь. Левашов указал мне опять на мое место и начал допрос: «Когда вы вступили в общество и кем были приняты?» — спросил он, приготовляясь записывать мои ответы. «Ваше превосходительство,— сказал я,— не считая себя членом тайного общества, решительно не знаю, что сказать вам».— «Стало быть, вы ничего не хотите говорить? — возразил он,— подумайте, это только может повредить вам. Правительству и без вас все известно». Я молчал. «Вы, господа, не хотите довериться милосердию государя и заставляете его поступать с вами со всею строгостью наших законов. Пеняйте, как он сам вам сказал, на себя». После этого он написал какую-то записку, на минуту вышел, потом, отдавая ее фельдъегерю, приказал мне

идти за ним. Эта записка, вероятно, была к коменданту крепости, подписанная государем.

Многие, может быть, обвинят нас в упорстве и подумают, что этим мы отняли у самих себя доступ к милосердию государя. Судя по характеру покойного, я убежден, что не только откровенное признание истины с соблюдением собственного достоинства и безукоризненного поведения в отношении товарищей, но даже самое чистосердечное раскаяние не смягчило бы его сердца и политики. Намерения его в нашем деле были еще им обдуманы и определены заранее. Восстание 14 декабря, при его политике и самодержавной власти, заградило в сердце его путь к милосердию и состраданию. Последствия доказали это, и некоторые из наших товарищей, прибегнувшие к откровенности и раскаянию, испытали это на себе, подвергшись одной участи с нами. Что же касается нескольких лиц, которых он простил, как-то: молодого Витгенштейна, Суворова, Лопухина, Шипова и Орлова, то тут действовала политика [49], и это еще более доказывает, как хладнокровно он мог рассуждать и поступать при разборе нашего дела и в применении правосудия к лицам, участвовавшим в тайном обществе. Лучшее же доказательство его непреклонности находится в собственных его словах при кончине своей наследнику престола [50].

Обращаюсь к рассказу. Зайдя на гауптвахту и взяв кое-какие вещи свои, я отправился с фельдъегерем в крепость. Там он представил меня коменданту и вручил ему записку Левашова. Генерал Сукин [51] велел позвать плац-майора и сдал меня ему; мы отправились с ним и с плац-адъютантом в Кронверкскую куртину и какими-то темными коридорами дошли до назначенного мне каземата — маленькой, в четыре шага длины и ширины комнатки, у которой окошко было вымазано мелом и где находились лазаретная кровать, столик и небольшая железная печь. Тут плац-майор совершенно раздел меня, осмотрел все, что было на мне, отобрал даже обручальное кольцо и взял это с собой, оставив мне две рубашки, сюртук, брюки и лазаретный халат. По выходе его дверь снаружи заперли. В коридоре ходил часовой и часто поглядывал ко мне в прорубленное у двери окошечко, завешенное с его стороны холстом.

Тот, кто не испытал в России крепостного ареста, не может вообразить того мрачного, безнадежного чувства,

того нравственного упадка духом, скажу более, даже отчаяния, которое не постепенно, а вдруг овладевает человеком, переступившим за порог каземата. Все его отношения с миром прерваны, все связи разорваны. Он остается один перед самодержавною, неограниченною властью, на него негодующею, которая может делать с ним что хочет, сначала подвергать его всем лишениям, а потом даже забыть о нем, и ниоткуда никакой помощи, ниоткуда даже звука в его пользу. Впереди ожидает его постепенное нравственное и физическое изнурение; он расстается со всякой надеждой на будущее, ему представляется ежеминутно, что он погребен заживо, со всеми ужасами этого положения. После тридцати лет ссылки, исполненных множеством испытаний, я до сих пор без содрогания не могу вспомнить о первом дне, который я провел в каземате Петропавловской крепости. Удивляюсь, как в наше время, когда филантропические идеи не считаются мечтою, утопиями, когда сами правители и земные владыки более или менее стараются согласовать с ними свои действия, когда пытка везде уничтожена и признается всеми бесполезною жестокостью, существует еще крепостное одиночное заключение. Эта нравственная пытка более жестокая, более разрушительная для человека, нежели пытка телесная.

То, что я испытал и перечувствовал в первый день заключения моего в каземате, описать невозможно. С одной стороны, воспоминания прошедшего, еще столь свежие, с другой — весь ужас настоящего и безнадежное будущее. Ночью я несколько раз вскакивал с своего жесткого ложа и не понимал, где нахожусь. Сна не было, а какая-то тягостная дремота, еще более волновавшая мои расстроенные мысли. Я с нетерпением ждал дневного света и воображал уже, что помешан в рассудке. Утро застало меня совершенно изнуренным *.

Часов в девять поутру отперли каземат и принесли булку, два куска сахару, чашку и чайник с очень жидким чаем. Помню, как я обрадовался этому. Первая мысль моя была: стало быть, меня не забыли, помнят, что я жив, заботятся о моем существовании. Я стал пить чай, а сторож в это время убирал кое-что в каземате; на воп-

* Я уверен, что нервная болезнь, которою я до сих пор страдаю, возымела свое начало в крепости и с летами развилась потом.

рос мой о чем-то он не отвечал. Я спросил сквозь дверь у часового, который час, — то же молчание. Отвечали сами часы: в эту минуту на Петропавловской колокольне пробило девять.

Сознаюсь откровенно, что в продолжение первых двух недель моего заключения я так ослаб нравственно, так упал духом, что до сих пор благодарю бога, что меня в это время не звали в Комитет [52]. Немудрено, что, будучи в этом состоянии, я легко бы сделал такие показания, которые бы тревожили и теперь мою совесть.

Эти две недели мне все представлялось, что я помешался или, по крайней мере, должен скоро сойти с ума. Каждое свое движение, каждое действие я считал несообразным с здравым смыслом. Если я обращался с вопросом к сторожу или требовал от него услуги, мне сейчас приходило на мысль, что это неестественно, что в моем положении человек с ясным рассудком не стал бы заниматься такими пустяками. Если, забывшись, я напевал какой-нибудь знакомый мотив, то мне сейчас воображалось, что это признак помешательства. Наконец, даже самая эта мысль о помешательстве, от которой я никак не мог отделаться, стала тревожить меня. Мне казалось, что именно на этой-то мысли я и могу сойти с ума и что, не имея силы отогнать ее от себя, я уже начинаю терять рассудок.

Благодарю тебя, создатель мой, что ты дал мне возможность и силу преодолеть это гибельное настроение моих мыслей. Проведя таким образом более двух недель, я однажды с решимостью подумал о том, как бы выйти из такого положения. Я понял, что единственное средство не думать об этом состояло в том, чтобы найти себе какое-нибудь занятие. Но какое занятие мог я найти в этом тесном, душном и темном жилище? Книг мне не давали, ни бумаги, ни пера, ни чернил не позволяли иметь. В первое время я не мог ни с кем разговаривать. Часовой не отвечал даже на вопросы мои и ходил по коридору как автомат, поднимая каждую четверть часа навешенный кусок холстины и наблюдая, что я делаю. Сторож понемногу начинал ко мне привыкать; но видно, что боялся вступить со мной в разговор, опасаясь без надобности оставаться у меня. Одним словом, я всячески ломал себе голову и наконец придумал следующее.

В голове моей еще было свежо все то, чему я учился.

Память у меня тогда была хорошая, и вот я вздумал задавать себе вопросы по всем тем отраслям познаний, в которых я имел некоторые сведения, обсуждать и решать эти вопросы, как задачи или как предложения, которые я должен был приводить в исполнение. Вопросы эти были нередко чисто нравственные или религиозные; иногда задачи математические, иногда планы военных действий, административных мер, политических учреждений, промышленных предприятий. Я сначала определял данные, которые служили основанием моих соображений, и потом рассуждал и решал, как бы я распорядился и действовал этими данными для достижения такой-то цели. Я достал маленький обломок стекла, и он служил мне для того, чтобы отмечать на окошке, стене или столе то, что мне нужно было припомнить. Таким образом я проводил по нескольку часов и мог продолжать свои занятия даже в темноте. Вставши поутру и помолившись мысленно богу (потому, что мне неприятно было наблюдение часового), я убирал сам постель и каземат, звал сторожа, пил чай, который он мне приносил обыкновенно в одно и то же каждый день время, потом приступал к своим занятиям до самого обеда. Отобедавши, ложился уснуть и, вставши, опять принимался за свое дело, начиная с того именно вывода, заключения или пункта, на котором остановился. В каземате я легко понял, как слепые и глухонемые научаются читать, говорить, слышать. Непостижимым покажется для тех, которые не испытали этого, как изощряются физические органы и умственные способности человека при тех случаях, когда отняты способы легкого и удобного отправления тех и других. Впоследствии многие из нас, проведя некоторое время в заключении, изобрели способ знаками сообщаться между собою чрез каменную, огромной толщины, стену, не обращая на себя внимания соглядатаев, с помощью такой азбуки, которую не легко даже придумать и объяснить на словах, а тем более передать ее другому (посредством легкого стука в стену) и потом употреблять ее для разговора.

С этих пор мысли мои начали приходить в обыкновенный порядок, даже стали некоторым образом яснее, и страх сойти с ума, ослабевая мало-помалу, совсем прекратился. Духом я сделался даже покойнее, а убеждение, что эта временная жизнь ровно ничего не значит в сравнении с тем, что ожидает нас в будущем мире, и что не

стоит даже думать о ней, окончательно укрепило мои нравственные силы.

В конце января месяца меня позвали в Комитет к допросу. Это было ночью, часу в одиннадцатом. Я уже спал, когда вошел плац-майор и велел мне одеваться. Мне завязали глаза, на голову надели колпак, чтобы я ничего не мог видеть, взяли за руки и таким образом вывели меня из куртины. Мы доехали в санях до комендантского дома; плац-майор ввел меня по лестнице в небольшую комнатку и посадил за ширмы. Я слышал, как около меня ходили, говорили шепотом, и, наконец, кто-то, подойдя ко мне, взял меня опять за руку и велел следовать. «Снимите повязку», — сказал он мне, останавливаясь. Я снял с глаз платок и увидел перед собой священника. Мне вдруг было пришло на мысль, что нас тайно расстреливают и что священник должен приговорить меня к смерти, но в ту же минуту я понял всю неосновательность такой мысли. Пришедший со мной господин был какой-то аудитор[53]. Он сейчас удалился. Священник, протоиерей (Казанского собора) Мысловский, с которым многие из наших товарищей впоследствии очень сблизились и которого до сих пор считают человеком, принимавшим в нас искреннее сердечное участие, чего, однако ж, в отношении меня я нисколько не заметил и в чем, признаюсь откровенно, очень сомневаюсь[54], пригласил меня сесть на диван и начал беседу, уверяя, что он совсем не с тем видится со мною, чтоб стараться возбудить во мне раскаяние и уговаривать к сознанию; что хотя это именно поручено ему Комитетом и составляет его обязанность, но что он хорошо понимает, что такое поручение должно необходимо возбудить наше к нему недоверие; что, не менее того, для него было бы чрезвычайно утешительно истребить в нас эту недоверчивость, чего, впрочем, он и надеется достигнуть своим к нам сердечным расположением: тогда бы мы вполне убедились, что он ничего более, как ревностный служитель алтаря, посланный богом для утешения нас в нашем грустном заключении. К этому он присовокупил, что он может быть тоже и полезен нам, передавая просьбы наши Комитету и стараясь в нашу пользу у лиц, от которых зависит удовлетворение их; что это именно есть единственная цель, которая заставила его принять на себя поручение государя и Комитета. Немудрено, что я ошибаюсь, но я тогда не поверил и теперь не верю этим сло-

вам. Я бы мог сказать и некоторые причины моей недоверчивости к нему; но, слышав впоследствии очень много в его пользу от некоторых из моих товарищей, я боюсь быть несправедливым и оставляю вопрос, чисто ли, прямо ли действовал он в отношении нас или лицемерно, нерешенным. Его уже нет на свете, и, конечно, он или достойно награжден за свое сострадание, за свою любовь к ближнему или отдает строгий, но справедливый отчет в своей двуличности.

Я тогда отвечал ему довольно холодно, может быть, даже с заметною недоверчивостью. Беседа наша продолжалась недолго, и впоследствии он был у меня в каземате только один раз для исповеди великим постом. Более того я не видал его. Меня отвели от него тем же путем и посадили опять за ширмы. Вскоре, однако ж, повели куда-то и велели снять повязку. Вдруг я увидел себя в ярко освещенной комнате, перед столом, покрытым красным сукном, около которого сидели все члены нашего Комитета в мундирах и регалиях. Президентское место занимал генерал Татищев [55]; по левую руку его находились князь А. Н. Голицын [56], генералы: Дибич, Чернышев, Бенкендорф [57]; по правую — великий князь Михаил Павлович [58], с.-петербургский генерал-губернатор Кутузов [59], генералы: Левашов, Потапов [60], флигель-адъютант Адлерберг [61]. В стороне сидел Блудов (теперешний граф, бывший делопроизводитель Следственной комиссии) [62]. Вся эта обстановка должна была произвести внезапный и необходимый эффект на приведенного с завязанными глазами арестанта.

И действительно, он был произведен на меня! Я несколько смутился, очутясь вдруг пред трибуналом, состоящим из таких высоких по своему значению лиц, и стоял безмолвно, ожидая вопроса. Генерал Чернышев, глядя на меня сурово, взял какую-то бумагу и сказал, обращаясь ко мне: «Такой-то, такой-то и такой-то (все это он лгал) показывают, что вы принадлежите к тайному обществу, имевшему целью изменить в России существующий порядок государственного управления; говорите все, что вы знаете, и говорите правду!»

«Я не считаю себя членом Южного общества,—отвечал я, не оправившись еще совершенно от первого впечатления. — Правда, что я был в 1820 г. членом Союза благоденствия, но с 1821 г. не принимал никакого участия,

и потому мне известно очень немного, да и то отчасти вышло у меня из памяти. Если вашему превосходительству угодно будет спросить меня о том, что я знаю, то я буду отвечать со всею откровенностью в отношении себя и умолчу только о том, что касается других, считая это бесчестным».— «Вы, сударь, не имеете понятия о чести,— возразил он, крутя усы, и с тем же суровым видом,— тот, кто изменяет присяге и восстает противу законной власти, не может говорить о чести». Отвечать на это было нечем. Я молчал. «Знаете ли вы что-нибудь о «Русской правде» [63],— продолжал он,— этом произведении превратного ума?» — «Не знаю ничего», — сказал я твердо. «Вас закуют в кандалы и заставят говорить, если не хотите признаваться добровольно»,— вскричал он с горячностью. В это время великий князь и прочие члены молчали; некоторые сидели понурив голову, другие перешептывались между собою. Адлерберг что-то отмечал карандашом. Кутузов дремал, но, услышав слово «кандалы», протер глаза и повторил: «Да, да, в кандалы». Это так меня возмутило, что, позабыв всю мою от них зависимость, я обратился к Кутузову и сказал: «Ваше превосходительство были так утомлены, что, вероятно, не могли слышать, о чем спрашивал меня генерал Чернышев, а между тем разделяете его гнев на меня: спрашиваю вас самих, справедливо ли это?» Великий князь усмехнулся, некоторые из членов стали шептаться живее, генерал Дибич обратился к князю Чернышеву и с жаром сказал: «Нельзя же, Александр Иванович, всех заковывать в кандалы; может быть, г. Басаргин говорит правду». Я с признательностью посмотрел на него. Чернышев несколько успокоился и сказал мне с видом менее суровым: «Ступайте, вам пришлют вопросы, отвечайте на них как можно откровеннее, вы видите, как снисходительно поступают с вами». Блудов вывел меня в другую комнату, где сидело и писало много чиновников. Один из них принял меня от него и сдал плац-майору, и тот свез тем же порядком обратно в каземат. Хотя вся эта история первого моего допроса продолжалась не более полутора часа, но она меня чрезвычайно утомила, и я даже был рад, входя в свое грустное жилище.

На другой день плац-адъютант принес мне запечатанный конверт и чернильницу с пером. Это были вопросы Комитета. Я отвечал на некоторые из них, остерегаясь

сказать лишнее слово, чтобы не повредить кому-либо. Он не отходил во все время, как я писал ответы, и торопил, чтобы я писал скорее. Ответы написаны были на той же бумаге, на которой были написаны вопросы. Эти вопросы не были никем подписаны и отбирались тут же от нас. Меня потом оставили на некоторое время в покое.

Жизнь моя в каземате шла однообразно. Сторож привык ко мне и даже меня полюбил. Часовые перестали бояться и не только отвечали на вопросы, но даже сами начинали разговор. Каждый день посещали меня при обходе плац-майор и плац-адъютант. Я мог по вечерам разговаривать с соседом моим майором Раевским[64] и, таким образом, мало-помалу освоился с этою однообразною и грустною жизнью.

Каземат мой был чрезвычайно сыр, будучи построен наскоро перед тем, как меня туда посадили. Со стен текло, темнота не позволяла мне делать никакого движения. Будучи от природы слабого здоровья, перенеся уже многие серьезные болезни, к тому же испытав сильное душевное потрясение, немудрено, что я не мог выдержать все это. Я занемог грудною болью и кровохарканьем. Крепостной лекарь дал мне какие-то порошки и предписал давать к обеду полбутылки пива; наконец, объявил плац-майору, что в этом каземате я не поправлюсь и что меня надобно перевести туда, где не так сыро и где бы можно было делать движение. Вследствие этого меня перевели на другой конец куртины и поместили в каземат более просторный, но зато столь темный, что, пришедши туда, я долго не мог различить предметы, в нем находящиеся, пока глаза мои не освоились с мраком.

Тут соседями моими были известный Бестужев-Рюмин, осужденный потом на смерть, и гвардейский офицер Андреев[65]. Мы не замедлили познакомиться и как только запирали наши казематы и кончался вечерний обход офицеров, то начинали беседовать между собою и разговаривали часто за полночь. Часовые и сторожа не мешали говорить и более или менее познакомились с нами. Сторожа же (гвардейские солдаты) так привыкли к нам и так привязались, что даже готовы были подвергнуться взысканию, лишь бы только чем-нибудь угодить нам. Мне тогда приходило на мысль и теперь даже сомнительно, не подслушивали ли наших разговоров лица, подсылаемые нарочно правительством. Но в таком случае надобно пред-

положить, что наши сторожа и часовые были с ними в заговоре, а это трудно подумать, потому что я имел не один раз несомненные доказательства преданности ко мне моего сторожа и благорасположения к нам всех нижних часовых, содержавших караулы в этой куртине.

Бестужев-Рюмин был очень молодой человек с самым пылким воображением; сердце у него было превосходное, но голова не совсем в порядке. Иногда он был необыкновенно весел, а в другое время ужасно мрачен. Преданный душою и телом Сергею Муравьеву-Апостолу, он был одним из самых деятельных и самых неосторожных членов общества. Он содержался в кандалах, его беспрестанно водили в Комитет и присылали каждый день новые вопросы. Я полагаю, что по своей пылкости и неосторожности он без умысла мог запутать своими ответами много таких лиц, которые без этого легко бы скрыли от Следственной комиссии свое участие. Расскажу здесь один случай, который покажет, какие средства употреблял Комитет, чтобы открывать виновных в предполагаемых им умыслах против правительства. Раз как-то Бестужев получает бумагу, в которой его спрашивают, действительно ли он говорил в Киеве полковнику Нарышкину о том, чтобы ввести в России республиканское правление, что будто бы сам Нарышкин это показывает и что Комитету нужно в этом его откровенное признание. Было уже под вечер, когда получил он эту бумагу, и потому он не мог сейчас ответить. Когда же нас заперли, то он сообщил ее содержание и просил нашего совета — как поступить? Он горько жаловался на Нарышкина, что тот путает себя этим показанием и вредит им только себе, потому что в отношении его, Бестужева, оно нисколько не прибавит его виновности, ибо Комитету давно уже известно, что он постоянно имел эту мысль и сообщал ее всякому, кто только хотел его слушать. «Я решительно не помню, — прибавил он, — когда был у меня об этом разговор с Нарышкиным, но он мог быть, если он это сам показывает». «Но точно ли он показывает это, — возразил я, — не хочет ли Комитет воспользоваться подтвердительным ответом вашим, чтобы заставить потом Нарышкина согласиться с действительностью разговора с вами?» «Не может быть, — отвечал он, — в таком случае Комитет ни от кого бы не мог знать, а я имел с ним свидание в Киеве, при котором нас было, как мне помнится, только двое. Во всяком слу-

чае я напишу там, что этого хорошо не помню, но что если точно он сам это показывает, то я согласен, ибо с моей стороны подобный разговор мог быть весьма легко. Видите ли, — прибавил он, — отречься мне нельзя, будет тогда очная ставка с Нарышкиным, а мне уже эти очные ставки так тяжелы, что бог знает, в чем готов согласиться, лишь бы избегнуть их. Они совершенно изнуряют меня нравственно. Боже мой, — продолжал он, — когда это кончится! Вы не поверите, как я страдаю, когда бываю в Комитете, где так безжалостно обращаются со мною, и в особенности при очных ставках. Слушаю грубости, вижу презрительные улыбки членов Комитета и читаю в глазах товарищей, которых, быть может, я вовлек во многое, упреки в малодушии. Вам известно положение, в которое я поставлен этим следствием, и то, как я внутренно страдаю».

Утром на другой день он послал свой ответ, а после обеда его повели в Комитет. Возвратившись, он бросился на постель свою и долго не мог произнести ни одного слова. «Вы не знаете, что я испытал сегодня, — сказал он нам наконец. — Вы сомневались справедливо. Нарышкин ничего не показывал, и я не могу постичь, от кого Комитет узнал об моем с ним свидании. Когда меня привели, то Чернышев спросил, готов ли я на очной ставке с Нарышкиным подтвердить свое показание. «Я не понимаю, — сказал я, — какая тут может быть очная ставка, когда я согласен на то, что показывает Нарышкин». — «Но дело в том,—возразил Чернышев,—что он не сознается в этом разговоре, и вы должны его убедить. — «Но ведь я в том только случае согласился, если Нарышкин сам это показал. Ведь я сказал тут же, что не помню этого разговора». — «Стало быть, вы солгали, — сказал Чернышев, — или, лучше сказать, оклеветали». Меня так поразили его слова, этот ложный смысл, который он придал моему ответу, что я с отчаянием перебил его: «Думайте обо мне что хотите, называйте меня чем угодно, но я не принимаю очной ставки с Нарышкиным и вперед соглашаюсь с тем, что он показывает; если нужно подписать даже, что я согласен, я и на это готов». После этого меня вывели, и я едва мог дотащиться до каземата.

В начале нашего заключения посещали нас по приказанию государя генерал-адъютанты: Мартынов, Сазонов и Стрекалов[66]. Они заходили на минуту в каждый каземат

и спрашивали, не имеет ли кто какой просьбы и довольны ли мы содержанием. Просьб, кроме разрешения курить табак, получать письма от родных, разумеется, никаких не было. Жалоб тоже не могло быть. Должностные лица в крепости обращались с нами довольно вежливо, а в отношении пищи, вероятно, никто и не думал об ней. Правда, кормили нас плохо. Телячий жиденький суп и кусочек жареного, тоже телятины, — вот в чем состоял обед наш, и всегда одно и то же; притом мясо, большею частию, несвежее. Мне так опротивела эта пища, что, кроме чая с булкою, которая была превосходна, и сушеного черного хлеба с водою, тоже очень вкусного, я почти ничего не ел. Впрочем, в этом отношении нельзя обвинять правительство, потому что оно очень достаточно отпускало на содержание арестантов: генералу полагалось в сутки 5 р. асс., штаб-офицеру — 3, а обер-офицеру — 1 р. 50 [к.]. Но, вероятно, как это бывает всегда у нас в России, вследствие злоупотреблений со стороны тех, на кого возложено было наше продовольствие, более половины отпускаемой суммы шло в собственные их карманы. По привычке курить табак я почувствовал необходимую в этом потребность и потому сказал о том генералу Мартынову. Мне позволили иметь трубку и стали давать по четверти фунта в неделю сносного курительного табаку.

Наступил светлый праздник Воскресения Христова; грустно встретил я его в моем заключении. Какая разница между тем же праздником год тому назад! Хотя я уже начал привыкать к своему положению и укрепился духом, но все-таки не мог равнодушно сравнить прошлое с настоящим. В четверг на Святой неделе меня потребовали в Комитет для очной ставки с Пестелем[67]. Мне прочли его показание: оно состояло в том, что в заседании 1821 года им говорено будто бы было об учреждении в России республиканского правления и что бывшие тут члены Союза благоденствия, не принявшие решения московских членов, согласились с его мнениями. Я отвечал, что у нас никакого не было заседания *, но действительно мы были собраны Бурцовым, который объявил нам решение московских членов; что по удалении его мы со-

* Повторяю здесь после 30-ти лет, что в этом случае я говорил сущую правду.

гласились остаться в обществе и потом говорили о разных предметах; что, сколько мне помнится, я в это время ходил по двору с молодым Витгенштейном. Что же говорил Пестель, не могу решительно припомнить теперь и следовательно, не могу тоже ни отвергать, ни подтверждать его показания. «Стало быть, вы согласны,— сказал Чернышев,— в таком случае очная ставка не нужна; подпишите только эту бумагу». Я подписал [68]. Грустно при этом поглядел на меня генерал Бенкендорф, тут находящийся. Впоследствии я понял, почему он так посмотрел на меня. Наше собрание у Пестеля в 1821 году Комитету угодно было превратить в форменное заседание, и простой разговор, которого, по совести скажу, я даже и теперь не припомню, был он или нет,— в положительное предположение со стороны Пестеля и в согласие на него с нашей стороны. Вот то ужасное преступление, то намерение против царя и царской фамилии, за которое я и подобные мне осуждены на 20 лет в работу и потом на вечную ссылку в Сибирь. Скажу в этом случае откровенно, как перед судом божиим. Мы много говорили между собою всякого вздора и нередко, в дружеской беседе за бокалом шампанского, особенно когда доходил до нас слух о каком-либо самовластном, жестоком поступке высших властей, выражались неумеренно о государе, но решительно ни у меня, ни у кого из тех, с которыми я наиболее был дружен, не было и в помыслах какого-либо покушения на его особу. Скажу более, каждый из нас почел бы обязанностью своею защитить его, не дорожа собственною жизнию. Я и теперь убежден, что сам Пестель и те, которых Комитет обрисовал в донесении своем такими резкими, такими мрачными чертами, виновные более в словах, нежели в намерении, и что никто из них не решился бы покуситься на особу царя. В этом случае разительный для меня пример представляет Бестужев-Рюмин. Он сам мне сознавался, что никто более его не говорил против царской фамилии, что пылкость его характера не допускала середины и что в обыкновенных даже сношениях своих, при известии о каком-либо дурном поступке, особенно когда дело шло об угнетении сильным слабого, он возмущался до неистовства. А между тем, сколько я мог его понять, это был самый добрый, самый мягкий, скажу более, самый простодушный юноша, который, конечно, не мог бы равнодушно смот-

реть, как отнимают жизнь у последнего животного*.

Этим окончились все допросы мои. Наступала весна. Тело покойного государя привезли в Петербург и схоронили в Петропавловской церкви. Я не мог видеть ни его похорон, ни похорон покойной императрицы[70]. До меня доходил только гром пушечных выстрелов. Окошко, или, лучше сказать, амбразура, моего каземата выходило на какой-то двор, где сохранялись дрова. При сотрясении от пушечной пальбы у меня разбилось несколько старых тусклых стекол, и когда вставили новые, то у меня сделалось посветлее прежнего.

Расскажу теперь об одном прекрасном поступке нашего русского крестьянина или мещанина, которого я даже не знаю и по имени. Раз как-то, после Святой,

---

* Здесь не могу не заметить, что Комитет поступал, по желанию ли самого государя или по собственному неразумному к нему усердию, вопреки здравому смыслу и понятию о справедливости. Вместо того, чтобы отличать действия и намерения от пустых слов, он именно на последних-то и основывал свои заключения о целях общества и о виновности его членов.

Им не принимались в соображение ни лета, ни характер обвиняемого, ни обстоятельства, при которых произносимы были им какие-нибудь слова, ни последующее его поведение. Достаточно было одного слова, чтобы обречь на погибель человека, который во многих случаях являл положительные доказательства самых умеренных и благородных намерений и правил. Конечно, поступив по совести и справедливости, нельзя бы было обвинить такого числа лиц и так исказить цель общества, а именно этого-то не хотелось и государю, и Комитету. Надобно было во что бы то ни стало представить намерения и действия тайного общества в самом неблагоприятном виде, а потому-то и старались давать такое значение пустым словам, сказанным иногда на ветер. Но последствия доказали, что, взявши на свою совесть погибель стольких лиц. Комитет или, лучше сказать, горсть бездушных царедворцев, его составлявших, не достигла своей цели. Общественное мнение отвергло его воззрения и восстановило истину. Вот почему оно сопровождало своим сочувствием обвиняемых и не наложило на них клейма бесчестия. Наконец, после 30 лет и само правительство отдало им справедливость, возвратив им прежние их места в обществе. Лучшее же доказательство того, как неосновательно было следствие, состоит в том, что вскоре по обнародовании отчета Следственной комиссии правительство запретило собственное свое сочинение и даже старалось уничтожить ходившие в публике экземпляры. Теперь трудно даже добыть печатный экземпляр отчета Следственной комиссии, он сохраняется, как редкость, в некоторых частных библиотеках[69]. [Этой сноски в издании П. И. Бартенева нет.— *И. П.*]

вошел ко мне после обеда сторож и спросил меня с участием, отчего я так скучен. При этом он всегда мне говорил: «Знаю, что темно сидеть в каземате, да куда же деваться?» В этот день, признаюсь, я задумался об очень неважном предмете. Будучи большим охотником до фруктов и живя в южном климате, я легко удовлетворял мою страсть к ним, так что во всякое время года я каждый день после обеда ел обыкновенно какие-нибудь плоды. В особенности же любил свежую малину. Усмехнувшись, я отвечал ему, что думаю о том, с каким бы теперь удовольствием я съел несколько ягод малины. Он предложил мне сейчас же сбегать в Милютины лавки и купить малины на имевшийся у него четвертак. Как я ни отговаривался, сторож мой ничего не хотел слушать, выпросился у плац-адъютанта за какою-то надобностию в город и побежал в Милютины лавки. Через час он возвратился ко мне с большой корзинкой, наполненной разными фруктами. Тут была тарелка целая малины, другая — вишен, несколько апельсинов, лимонов и груш. В такое время года все это могло стоить, по крайней мере, двадцать пять рублей, а может быть, и более. Я очень удивился и хотел было выговорить ему, что он употребил, вероятно, все свои деньги на удовлетворение моей прихоти и тем поставил меня в затруднительное положение, потому что я не знаю сам, буду ли иметь возможность отдать их ему. «Кушайте на здоровье и не беспокойтесь ни о чем, я не истратил на это и своего четвертака: вот он, видите!» — сказал сторож.—«Да откуда же ты достал все это?» — спросил я.—«Вот как это случилось,— отвечал он.— Прихожу в Милютины лавки и прошу в одной из них дать мне на четвертак малины. Купец подает мне на листочке несколько ягодок; я прошу его прибавить и говорю: «Если бы ты знал, кому я покупаю, то, верно, не поскупился бы».—«Кому же?»— спрашивает он меня.—«Одному из господ, заключенных в крепости; ведь и четвертак-то мой: им не позволяют иметь денег».— «Что же ты сейчас не сказал мне, для кого покупаешь? Возьми назад свои деньги и отнеси ему от меня все это,— прибавил он, укладывая и подавая мне корзинку.—Да и впредь приходи ко мне брать полакомиться ему. Тяжко им там, бедным, да и вина-то их такая, что бог ее лучше рассудит, чем мы». Когда я пошел от него, он опять взял с меня слово заходить в лавку всякий раз, как буду

в городе. «Вот видите ли, как бог милостив к вам: только захотели, и сейчас же все явилось! — прибавил он с самодовольством.— Свет не без добрых людей».

Я прослезился, слушая его рассказ. И точно — много добрых людей на земле русской. Если бы только правительство пожелало действовать в духе народном, если бы несчастное придворное раболепство и эгоизм не ставили между государем и народом такой завесы, через которую трудно проникать его оку, то, конечно, и сам он, и народ его были бы и счастливее, и теснее, крепче связаны между собою! 12-й год и последняя война с англо-французами[71] явно доказывают, на какие пожертвования готов русский народ, как мало он думает о своем достоянии, о своей жизни, когда дело идет об отечестве. Дайте ему только хороших, честных вожатых, покажите, что вы имеете в виду его благо, его пользу, и тогда ведите его куда угодно: он заплатит вам за каждое сделанное для него добро неограниченною преданностию, самым бескорыстным усердием.

Разделив подарок купца между ближними товарищами заключения моего и отослав каждому из них понемногу с моим сторожем, я с большим наслаждением съел остальное, вспомнил свой юг, свой Тульчин, где я так безоблачно был счастлив! Впоследствии, когда сторож мой шел по своей надобности в город, он всегда спрашивал меня, не зайти ли ему к нашему купцу. Но я решительно запрещал это, и, надо сказать правду, он не нарушал моего запрещения. Раз как-то нечаянно встретился он на Невском проспекте с нашим купцом (как мы его называли всегда), тот сейчас узнал его и спросил, здоров ли я и почему он не заходит к нему в лавку? Ответ был, что я здоров, но что, приняв с благодарностью его подарок, я ему запретил пользоваться впредь его добротою. «Вот какой деликатный,— возразил он,— однако видно, что хороший человек».

Наконец, дело наше подходило к концу. В Комитет же водили редко. Нам позволяли иногда выходить на полчаса в сени. Вскоре принесли обыкновенные вопросы для подсудимых: который кому год; какого исповедания? и т. д. Вслед за тем стали водить каждого, поодиночке, для утверждения подписью своего дела. Для этого назначена была особая Комиссия, в которой председательствовал генерал-адъютант Балашев. Членами были граф де

Ламберт, еще один какой-то генерал и двое сенаторов, мне неизвестных. Тут находился также и генерал Чернышев * для могущих встретиться пояснений [72]. Расскажу при этом то, что случилось со мною. Это показывает, до какой степени пристрастно действовали наши судьи. Когда меня привели в эту Комиссию и дали пересмотреть мое дело, то я заметил, что в нем не находилось бумаги, в которой я требовал очной ставки с молодым Витгенштейном и подполковником Комаровым. На этой очной ставке я надеялся убедить Комитет, что я вовсе не разделял мнения ввести в Россию республиканское правление и желал только ограничения верховной власти представительными собраниями. Балашев попросил Чернышева объяснить ему это обстоятельство. Тот отвечал, что действительно я писал и просил об этом Комитет, но, как я уже согласился прежде на показания Пестеля, то Комитет не счел нужным удовлетворить мою просьбу, и что потому именно и бумагу мою не приобщили к делу. «В таком случае,— сказал я,— мне нельзя подписать моего дела: бумага эта заключала в себе мое оправдание, а ее тут нет».— «Вы этим только повредите себе,— возразил Балашев,— без подписи дела вас нельзя будет судить, но вы останетесь в крепости; а лучше ли это, сами рассудите? Впрочем, мне кажется, можно вас и удовлетворить. Подпишите дело и пришлите от себя объяснение — оно будет приложено к прочим вашим бумагам. Я вам ручаюсь в том». Что мне оставалось делать? Я согласился и подписал, присовокупив, что прилагается мое объяснение. Когда я уходил, приказано было какому-то аудитору идти со мною в каземат и взять от меня бумагу. Оно действительно было приложено, потому что в отчете Верховного уголовного суда сказано было, что трое из осужденных представляли объяснения, но они не могли быть приняты в уважение. Вероятно, этой участи подверглось и мое.

Прошел еще месяц; наступил июль. 11-го, после обеда, заходил к Бестужеву протоиерей Мысловский, а после него привел плац-майор фельдшера и спросил его, не желает ли он обриться. Его не брили все время, и он

* [Который вел себя в продолжение всего следствия с самою возмутительною дерзостью, жестокостью и пристрастием.]

ходил с бородой; на руках же до самой сентенции носил цепи. Бестужев согласился и был обрит в присутствии плац-майора. Потом его повели гулять в комендантский сад. Возвратившись с прогулки, он рассказал мне все, что с ним происходило, и удивлялся, что вдруг к нему сделались так внимательны. «Я предчувствую,— прибавил он,— что это недаром. Не кончилось ли наше дело и не увезут ли меня сегодня ночью в заточение на всю жизнь? Если вас освободят, то дайте знать обо мне родным и друзьям моим. Бога ради, оправдайте меня перед теми, об которых я вынужден был говорить во время следствия. Они могут подумать, что я с намерением старался запутать их. Вы были свидетелями, как меня измучил Комитет. Теперь желаю только одного, чтобы меня не разлучили с Сергеем Муравьевым, и если нам суждено провести остаток дней в заточении, то, по крайней мере, чтобы мы были вместе». Желание его исполнилось: его не разлучили с Муравьевым-Апостолом; но ему ни разу не приходило на мысль, что обоим им предстоит смертная казнь.

Проснувшись поутру на другой день, я услышал большую суматоху в коридоре. Отворяли и затворяли казематы. Плац-адъютанты, сторожа, часовые бегали то в ту, то в другую сторону. Вошедший ко мне сторож мой знаками дал мне знать, что выводят Бестужева, и вдруг я услышал его голос: «Adieu, chers camarades. Je vais entendu ma sentence. Je vous laisse un bout de papiers comme souvenir»*.

Это был на четвертушке перевод его Муровой мелодии «La musique»[73]. Мне его отдал после него сторож**.

---

* До свидания, дорогие товарищи! Я иду, чтобы выслушать мой приговор. Я оставляю вам на память клочок бумаги.

** При отправлении моем в Сибирь этот клочок бумаги затерялся, и мне было очень жаль, что я не сохранил его. Вот мой собственный плохой перевод этой мелодии с английского: 1-е. Когда в жизни, исполненной горестей, потерявши все, что делало ее счастливой, до слуха случайно коснутся любимые наши в юности звуки, о! с какою радостью мы их приветствуем! Сколько уснувших давно мыслей пробудят они! Каким пламенем зажгут потухшие наши очи, привыкшие к слезам! 2-е. Эти благодетельные звуки, с которыми мы свыклись в счастливые дни жизни, подобны свежему ветерку, играющему между душистыми цветами. Напитанный их запахом, он его сохраняет еще и в то время, когда цветы уже поблекли. Так точно, когда исчезнут радость и сновиденья жизни, память об них сохраняется в звуках музыки. 3-е. О музыка! как

Не прошло и четверти часа, как взошел ко мне плац-адъютант и велел одеваться в Комитет. Окончив наскоро туалет свой, я вышел вместе с ним, и мы отправились в комендантский дом. Меня уже вели не с завязанными глазами.

Войдя в какую-то комнату, я нашел там человек двадцать моих товарищей в разных костюмах. Кто был в мундире и полной форме, кто во фраке, кто просто в халате. Между ними были и мои друзья и знакомые: Вольф, Ивашев, двое Крюковых. Некоторых я знал по слуху или видел их в обществе, иных совсем не знал. Одним словом, тут был второй разряд осужденных [75]. Все мы были очень веселы, здоровались, обнимались, говорили друг с другом и решительно позабыли, какая ожидает нас участь. Все радовались даже минутному свиданию после шестимесячного одиночного заключения.

Вскоре пришел плац-майор с какою-то бумагою и, соображаясь с нею, стал устанавливать нас по порядку. Окончив это, он велел нам идти в этом порядке, друг за другом, в другую комнату, а потом и далее. Отворив двери третьей комнаты, мы вдруг очутились в большой зале перед всеми членами Верховного уголовного суда, сидевшими на скамьях в два яруса около большого стола, покрытого красным сукном и установленного покоем (П). Их всех тут было человек сто. Посреди стояло зерцало [76], а против зерцала сидело духовенство, митрополиты и епископы (члены Синода), потом члены Государственного совета и сенаторы [77]. Перед столом, по эту сторону зерцала, стояло нечто вроде налоя, за которым экзекутор [78] или секретарь Сената прочел громогласно сентенцию каждого из нас. Мы решительно ничего не слушали и смотрели только друг на друга: так были обрадованы нашим свиданием. Я заметил, что духовные особы привстали, чтобы посмотреть на нас, потому что зерцало мешало им нас видеть. В той стороне, где досталось мне стоять, сидел за столом М. М. Сперанский [79]. Он был знаком с моим батюшкой и со всем нашим семейством. Я сам раза два был у него, когда был в Пе-

---

слаб наш ничтожный дар слова перед твоими чарами. Зачем чувства объяснять словами, когда ты так легко выражаешь всю душу! Сладкая речь дружбы может быть притворна, слова любви бывают ложны. Одни только звуки музыки услаждают без обмана наше сердце» [74].

тербурге. Мне показалось, что он грустно взглянул на меня, опустил голову, и как будто слеза выпала из глаз его. По прочтении сентенции Николай Бестужев хотел было что-то говорить, но многие из присутствующих зашикали, и нас поспешили вывести в противоположные двери.

Я уже не попал в прежний каземат мой. По просьбе нашей плац-майор посадил меня рядом с Ивашевым в лабораторной; третий товарищ наш был лейтенант Завалишин, дальний родственник Ивашева, которого прежде этого я не знал.

Весь этот день провели мы с Ивашевым в каком-то чаду, нисколько не думая о сентенции. Мы не могли наговориться, пересказывали друг другу все случившееся с нами с тех пор, как расстались, а расстались мы около года тому назад. Он оставил меня в Тульчине, еще до кончины жены моей. Лейтенант Завалишин передал нам тоже всю историю своего участия в обществе, и таким образом мы проговорили не только весь день, но и всю почти ночь.

Мы так еще были молоды, неопытны, что приговор наш к двадцатилетней каторжной работе в сибирских рудниках не сделал на нас большого впечатления. Правду сказать, он так был несообразен с нашею виновностью, представлял такое несправедливое к нам ожесточение, что как-то возвышал нас даже в собственных наших глазах. С другой стороны, он так отделял нас от прошедшего, от прежнего быта, от всего, что было дорого нам в жизни, что необходимо вызвал в каждом из нас все силы нравственные, всю душевную твердость для перенесения с достоинством этого перехода. Я теперь даже уверен, что если бы правительство вместо того, чтобы осудить нас так жестоко, употребило меру наказания более кроткую, оно бы лучше достигло своей цели, и мы бы больше почувствовали ее, даже, может быть, больше бы сожалели о той доле значения в обществе и преимуществе прежнего нашего положения, которые теряли. Лишив же нас всего и вдруг поставив на самую низкую, отверженную ступень общественной лестницы, оно давало нам право смотреть на себя, как на очистительные жертвы будущего преобразования России; одним словом, из самых простых и обыкновенных людей делало политических страдальцев за свои мнения, этим самым возбуждало

всеобщее к нам участие, а на себя принимало роль ожесточенного, неумолимого гонителя [80].

Перед самою зарею нам велено было приготовляться, а с первым лучом света вывели всех из казематов, собрали на крепостной площади около церкви и, окружив караулом, повели вон из крепости. Мы догадались, что исполнялась сентенция. Пришедши на какой-то луг позади Кронверкской куртины, где под ружьем стояло войско, толпился кое-где народ и где в отдалении разъезжали верхом несколько генералов, около каких-то столбов с перекладинами (то были виселицы, о назначении которых никто из нас не догадывался) отделили тех, которые служили по гвардии, и повели для исполнения приговора к полкам, в которых они числились. Все прочие, между коими находились армейские и артиллерийские офицеры, гражданские чиновники и отставные, остались на месте, и сентенцию над ними приводил в исполнение санкт-петербургский обер-полицмейстер. В моем отделе были Финляндского полка полковник Митьков, гвардии капитан Пущин, штабс-капитаны: Назимов, Репин; поручики: Розен, Цебриков, Андреев, Лаппа и я. Нас подвели к гвардейской егерской бригаде, которою командовал генерал Головин [81].

По прочтении опять каждому из нас его приговора ломали над головою шпагу, снимали мундир и тут же сжигали, потом надевали лазаретный халат и по окончании всей этой церемонии повели обратно в крепость. Костюмы наши были очень смешны. Разбирать халаты было некогда: иному на маленький рост попался самый длинный, и он едва мог переступать в нем; другому на большой — коротенький, толстому доставался узкий, так, что он едва напяливал его на себя. Мы невольно улыбались, глядя друг на друга.

Меня опять посадили в лабораторную с Ивашевым, но место Завалишина занял полковник Муравьев, осужденный, но помилованный государем и назначенный на жительство в Сибирь, без лишения чинов и дворянства [82]. Войдя в каземат свой с убеждением, что все мои отношения и расчеты с миром окончены и что остальная жизнь моя должна пройти в отдаленном, мрачном краю (тогда Сибирь не так была известна, как теперь, и об ней говорили с ужасом), в постоянных страданиях и лишениях всякого рода, я не считал уже себя жильцом

этого мира и обратил все помыслы мои на то, чтобы, сколько возможно, перенести с достоинством этот переворот судьбы, не ослабнуть нравственно и как можно лучше приготовить себя к будущей жизни. В отношении себя собственно я был как будто не недоволен этим переворотом, потому что он, казалось, приближал минуту моего соединения с покойной женой моей и позволял мне не так оплакивать ее потерю. Будучи слабого и плохого здоровья, я никак не думал прожить долго, а настоящее положение мое было самое желательное для смертного часа. Оно не допускало меня жалеть об этой жизни и искупало много пред правосудием всевышнего.

Император Николай показал в нашем деле такое противу нас ожесточение, такое нечеловеколюбивое понятие о самодержавной власти, а вместе с тем и такое опасение к либеральным идеям, ко всему, что имело тень оппозиции против правительства, что можно было наперед предугадать всю последующую его политику, весь ход его царствования. Видя в целой России себя только одного, он все относил к себе и считал только то справедливым, только то согласованным с выгодами России, что казалось выгодным для него собственно, что согласовывалось с его желаниями и что упрочивало его самовластие. Надобно заметить также, что дело наше, из которого он вышел победителем и которое показало ему все раболепие, всю ничтожность высших государственных сановников, поселило в нем преувеличенное о себе понятие и усилило его власть, его самонадеянность. Люди, безусловно преданные правительству, помышлявшие только о собственной пользе, старались друг перед другом льстить, раболепствовать ему, угождать ему во всех его самовластных удовольствиях и превозносить каждое его слово, каждый поступок. Люди робкие боялись даже подумать о происшествии; наконец, те, на которых падало какое-либо подозрение в симпатии к нам *, старались преданностью своею и одобрением всех мер правительства истребить это недоразумение и восстановить себя в его мнении. Стало быть, он нигде и ни в каком действии своем не мог ожидать и иметь не только сопротивления, но даже противоречия. Уста истины закрылись, глас ее

* [В числе их Сперанский, Мордвинов, частию Киселев, Ермолов и некоторые другие.] [83]

замолк, и в продолжение всего тридцатилетнего царствования своего он имел дело не с людьми, а с безгласными, униженными орудиями своего самовластия. Вот, по моему мнению, главная причина, почему в годину испытаний, когда России понадобились люди, явились простые неискусные машины, испорченные долговременным худым употреблением[84]. Вот почему также, не привыкнув встречать препятствий, он сам как будто растерялся и, разочарованный в своем всемогуществе, не перенес этого разочарования. Обвинять его не смею и считаю даже несправедливым. Кто бы на его месте не поддался чарам самовластия и окружающей лести! Редкий бы не поверил своему назначению свыше, не счел бы себя чем-то необыкновенным, видя в продолжение тридцати лет одну только удачу и имея постоянно перед глазами своими завесу, сотканную из раболепной преданности, лести, эгоизма, скрывшую от него все то, что было худо! Для того чтобы поступать иначе, нежели поступал он, надобно быть гением, и гением с великодушным любящим сердцем, а такие гении редки, и он им не был *.

В день исполнения нашей сентенции, после обеда, пришел ко мне мой прежний сторож из Кронверкской куртины, принес с собою кое-что из оставленных там

---

* Мне кажется, что в неумеренной строгости, с которой он поступил с нами, у него была мысль восстановить в глазах подданных своих и особенно в высшем классе значение государя и его верховной власти, которая могла ослабнуть от случавшихся так часто заговоров в протекшее столетие русской жизни. Нельзя допустить, чтобы он не понимал, зная так хорошо все наше дело, что ни у кого не было намерения покуситься на особу царя и что все то, что говорилось, были пустые слова, без всякой цели. Но он, кажется, воспользовался этим случаем, чтобы повысить идею о государе, и обрел для этого несколько жертв. Нельзя также сказать, чтобы мы и сами в продолжение дела нашего все вообще вели себя так, чтобы возбудить в нем невольное уважение. Конечно, многие, не думая о своем спасении, без затруднения, без страха говорили перед ним и Комитетом правду о том, что касалось России, правительства, указывали на существование злоупотреблений, лихоимства, угнетения слабых сильными. Но были и такие, которые ослабели духом, у которых одиночное заточение и гнев самодержавного владыки отняли всю твердость, которые думали наружными знаками раскаяния заслужить себе прощение. Характеры не все одинаковы, обвинять последних нельзя. Чувствую по себе, как я уже сказал и прежде, что можно находиться в таком нравственном упадке духа, что будешь поступать не только вопреки убеждений, но даже самого простого здравого смысла. Уединение, материальные лишения, физические страдания неодинаково дейст-

вещей моих и сообщил мне о последних минутах пяти казненных товарищей наших. Это была неожиданная и грустно поразившая меня новость. По выслушании приговора их всех посадили в Кронверкскую куртину: Пестеля в номер Андреева, Сергея Муравьева-Апостола в бывший мой, Рылеева в другую комнату — в номер, который занимал до этого Бобрищев-Пушкин 1-й, а Каховского тут же, в номер Розена. Бестужева-Рюмина привели в прежний свой. Им позволили написать к родным. К четверым прислали протоиерея Мысловского, чтобы приготовить к смерти, а к Пестелю пастора. Все они были очень покойны, отказались иметь последнее свидание с родными (Рылеев с женой и дочерью), чтобы не расстроить их и себя. Говорили немного между собою и ожидали последнего часа с твердостью. Их вывели рано, до свету, заковав прежде в железа. Выходя в коридор, они обнялись друг с другом и пошли, сопровождаемые священником и окруженные караулом, к тому месту, где мы видели столбы. Тут их поместили на время в каком-то пороховом здании, где были уже приготовлены пять гробов, и потом, по окончании нашей сентенции, исполнили приговор Верховного уголовного суда. Исполнением этого приговора распоряжался генерал Чернышев. Протоиерей Мысловский был при них до последней минуты. У двоих из них *[85] оборвались веревки, и они упали живые. Исполнители потерялись и не знали, что делать; но по знаку Чернышева их подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафот. Потом, когда уверились, что все пятеро уже не существуют, сняли трупы и отнесли туда, где находились гробы, и, положивши в них тела, оставили их тут до сле-

---

вуют на нравственность всех людей. Одни переносят их твердо, покойно, не подчиняют их влиянию свою нравственную стихию, другие не могут избегнуть этого влияния и поддаются ему совершенно. Первые не должны гордиться, вторых нельзя винить. И те и другие — создания божии, поставленные им в разные положения, обстоятельства,— являлись в мире с разными организациями, получили неодинаковое воспитание, неодинаковые понятия о вещах. Правда и то, что государь мог бы понять его, смотреть в нашем деле на одни только побуждения, заставившие каждого из нас вступить в общество, но для этого надо было иметь человеколюбивое сердце и менее эгоизма в характере.

* [Я не мог положительно узнать, у кого,— одни говорили мне, что у Пестеля и Каховского, а другие утверждали, что у Рылеева и Муравьева-Апостола.] [86]

дующей ночи. Потом свезли тайно в ночное время на устроенное для животных кладбище (называемое Голодай) и там, неизвестно где, закопали.

Тут рассуждений не нужно — факт сам говорит за себя. Так окончили жизнь пять первых политических наших мучеников. Они проложили в России новый путь, усеянный терниями, опасностями, но ведущий к высшей цели *. Может быть, будут и еще жертвы, но наконец путь этот когда-нибудь угладится, и по нем безопасно уже пойдут будущие их последователи. Тогда и их имена очистятся от окружающего мрака и, освещенные благоговением потомства, озарят то место, где покоится прах их.

Говорили, что будто бы протоиерей Мысловский хотел было воспротивиться второй казни двух упавших, но что Чернышев настоял на этом; что государь, опасаясь возмущения войск при исполнении приговора, уехал в Царское Село и велел каждые четверть часа присылать к себе фельдъегерей с известием о происходящем на месте казни. Некоторые утверждали, что он сам, переодевшись, был тут неузнанный никем. Наконец, также носился слух, что Верховный суд не решался на смертную казнь и только потому так осудил, что ему под рукою дано было знать, что государь желает самого строгого приговора, чтобы тем разительнее было его милосердие; что светлейший князь Лопухин (бывший председатель Государственного совета) [87], принеся государю этот приговор, не мог скрыть своего ужаса, когда увидел, что он хочет утвердить четвертование; что государь заметил его невольный ужас, спросил, что это значит, и что тогда будто бы Лопухин сказал ему причину строгого осуждения Верховного уголовного суда и что в России такая казнь неслыханна; что император задумался и написал «повесить». Правда ли все это или нет, знают только те, между коими все это происходило, и я помещаю эти слухи и толки для того, чтобы показать, какое тогда мнение имели многие о характере покойного государя и об исполнителях его воли.

Мы ожидали, что после сентенции нас отправят сейчас в Сибирь, и действительно восемь человек первого раз-

---

* В печатном тексте П. Е. Щеголева слова «но ведущий к высшей цели» отсутствуют. Восстановлены по автографу.

ряда были вскоре увезены туда. Всю почти первую категорию разослали в разные финляндские крепости. Прочие остались в Петропавловской. Государь, окончив наше дело, отправился на коронацию в Москву. Родные наши надеялись, что в это время будет общая амнистия или, по крайней мере, значительное облегчение нашей участи.

С окончанием нашего дела и с отъездом императора из Петербурга присмотр за нами несколько смягчился. Нас каждый день водили гулять по двору под надзором дежурного унтер-офицера. Мы могли разговаривать между собою, не опасаясь подвергнуть ответственности сторожа или часового. Родным позволялось иметь с нами свидание в комендантском доме, в присутствии плац-адъютанта, и доставлять нам некоторые вещи, как-то: платье, белье, книги и съестные припасы. У меня в Петербурге родных не было, и потому я лишен был утешения их видеть.

По отправлении полковника Муравьева меня с Ивашевым перевели из лабораторной в Невскую куртину, где опять поместили рядом. Для обоих нас это было большим облегчением. Мы целый день толковали о былом, настоящем, будущем, старались взаимно поддерживать один другого и не давали друг другу хандрить. Читали книги, доставленные Ивашеву его родными, и не один раз, когда вечером запирали нашу куртину и часовые не опасались обхода крепостных офицеров, сходились вместе в одном из наших казематов. Против нас сидел князь Одоевский, очень молодой и пылкий юноша — поэт. Он, будучи веселого, простосердечного характера, оживлял нашу беседу, и нередко мы проговаривали по целым ночам.

Так прошло два месяца. Государь возвратился из Москвы. В коронацию нам убавили пять лет работы. Многие были уверены, что наша ссылка в Сибирь отменена, что нас продержат года два в заточении, что в это время государь при каждом случае будет уменьшать сроки нашей работы и что, наконец, позволят нам возвратиться в недра своих семейств. Но они рассчитывали без знания характера государя. В уме его уже было решено наше вечное исключение из общества, вечное разлучение с родными, наш угрожающий пример для всех тех, которые бы захотели следовать нашим путем. Впоследствии оно так и было. В продолжение его царствования Сибирь

населялась тысячами политических изгнанников, польскими и частью и русскими.

Не помню теперь, по какой причине перевели меня опять в Кронверкскую куртину и разлучили таким образом с Ивашевым. Там я занял уже не прежний свой номер, а опять какой-то маленький каземат, подобный моему первому жилищу. Соседями моими были Лунин и Кожевников. Первый был уже немолодой человек. Он начал службу свою в кавалергардском полку, вместе с нынешним графом Орловым, был известен своим независимым характером, своею любезностью, разными забавными выходками с своим полковым командиром Депрерадовичем и с самим великим князем Константином, который его очень любил и при котором в последнее время он служил. Второй был еще юноша, кажется, подпоручик лейб-гренадерского полка. Он не был судим, а переведен только за какой-то вздор, во время 14 декабря, тем же чином в армию и оставлен на шесть месяцев в крепости. Я скоро познакомился с обоими. Тут я опять попал к прежнему сторожу.

После сентенции на пищу осужденным правительство отпускало только полтину асс. в сутки, но у кого припасены были свои деньги или кому доставляли потом родные, те получали ежедневно от плац-майора небольшую на издержки сумму, смотря по их надобностям. У меня отобрали 1700 руб. асс.; следовательно, не имея даже родных в Петербурге, я долгое время мог удовлетворять небольшие свои потребности. Плац-майор обыкновенно каждую неделю присылал мне по пяти рублей, и этих денег мне доставало и на табак, и на белый хлеб, и на проч. Посредством сторожа моего я даже абонировался в книжном французском магазине и брал оттуда книги. В крепости я прочел все романы того времени, Вальтера Скотта, Купера[88] и тогдашних известных писателей. Сверх того, пользовался от ближних товарищей моих теми книгами, которые они получали от родных. Таким образом, я почти всегда был занят и не имел времени скучать. Я пробовал также сочинять стихи, но они выходили у меня никуда негодные, и, убедясь, что поэзия не мое дело, я прекратил это занятие. С Луниным и Кожевниковым мы свободно разговаривали. С первым каждый день после обеда я играл в шахматы. У него и у меня были занумерованы доски, и у каждого своя игра в шахма-

ты. Сговорясь играть, расставляли их каждый у себя и потом передавали по очереди один другому сделанный ход. Иногда игра длилась два и три часа, но тем была занимательнее, что не могло случиться необдуманных ходов или так называемых промахов. Мы оба в этой игре были равносильные, и оттого еще более она занимала нас. Нас водили также каждый день гулять: или около куртины, или в сенях, когда бывала дурная погода. Тут мы встречались иногда с некоторыми товарищами, занимавшими отдаленные номера, и обменивались несколькими словами.

Раз как-то зашел ко мне дежурный унтер-офицер, которого мы все любили за его к нам преданность и услужливость. Вид его показывал, что он хочет что-то сообщить мне. «Жаль мне вас, господа, от всего сердца,— сказал он наконец, осмотрев сначала, не подслушивают ли его из коридора,— хотелось бы очень кому-нибудь из вас помочь, чем могу, а могу многое, как вы сами уверитесь. Могу даже доставить вам возможность вырваться из этих стен и уплыть на корабле в Англию».—«Каким это образом, любезный друг?»— спросил я с недоверчивостью.—«А вот как,— отвечал он,— разумеется, для этого надобны деньги, тысяч пять—шесть сначала довольно, потом родные пришлют туда. Ну, да мне и самому пришлось бы с вами отправиться: оставаться здесь мне после этого нельзя. Слушайте, как можно все это устроить. Я бы переговорил сначала с капитаном купеческого иностранного судна, они беспрестанно теперь приходят и отходят из Петербурга. Во всем условился бы с ним. Тут затруднения не будет. Конечно, надобно заплатить ему порядочную сумму. Корабли обыкновенно выходят ночью, потому что тогда удобнее разбирать на Неве мост. В известный день, когда судну придется выходить, под вечер, по обходе плац-адъютанта, я бы пошел с вами гулять, вывел бы за крепость и спрятал бы вас на полчаса в дровах».—«Но как бы мы вышли с тобой из крепости, когда при каждых воротах караул?»— спросил я.—«А вот не хотите ли полюбопытствовать когда-нибудь,— отвечал он,— так хоть, для примеру. Потом,— воротясь один в куртину, я сам бы осмотрел и запер казематы, а ключи отнес бы плац-майору. У вас на постели можно заранее приготовить так, чтобы часовому, если ему вздумается посмотреть в окошечно, показалось,

что вы лежите и спите. По окончании всего, когда совсем потемнеет, я бы явился к вам, и через несколько минут мы оба были бы на судне. Тут капитан спрятал бы нас до прохода через Кронштадтскую брандвахту. Эту брандвахту корабли обыкновенно проходят перед светом, а с наступлением дня мы были бы совершенно безопасны. В каземате же не хватились бы вас до девяти часов утра на другой день, т. е. до тех пор, пока не станет ходить плац-адъютант. Да и тогда не знали бы, что делать и где вас искать. Разумеется, скоро бы догадались, что это мои проделки; но им и в ум бы не пришло, что мы спаслись на корабле; а если бы и пришло наконец, то в это время мы были бы уже далеко и вне погони. Видите, как это легко,— сказал он,— но для этого нужны деньги и решимость. У меня ее станет. Я уже предлагал это одному из ваших, и он бы очень мог, потому что богат, и родные его в Петербурге*; но вы все, кажется, не потеряли надежду на милость государя, а я так совсем не надеюсь на нее для вас, не такой он человек».

Все, что он говорил, как я сам убедился потом, было дельно и удобоисполнимо. Раз даже, гуляя со мной, он, для доказательства, вывел меня из крепости без всякого затруднения. Караул, стоявший при крепостных воротах, не обратил даже на нас внимания. Но у меня не было ни средств, ни желания воспользоваться его предложением. Я и теперь считаю, что было бы малодушно, нехорошо, если бы кто-нибудь из нас захотел отделить свою судьбу от судьбы своих товарищей. Из всех нас никто не подумал даже уклониться бегством от предстоявшей ему участи. Один только Тургенев отсутствием своим избежал заключения и ссылки, но он был за границею, когда умер покойный император Александр и началось наше дело; зная же наперед, как оно будет обсуждено, не явился ни к суду, ни после осуждения своего. Следовательно, он не прибегал к бегству, а только воспользовался случайным и счастливым для него обстоятельством**.

---

* Я узнал впоследствии, что он точно предлагал это Н. М. Муравьеву, который сам мне сказывал об этом предложении.

** [Впоследствии Тургенев издал во Франции свои записки — сочинение очень посредственное и не совсем прямодушное, в котором он как будто старается оправдать свое участие в обществе. Нисколько не завидую его участи, мне кажется странным, что ему

Наступила глубокая осень — никого из нас еще не отправляли. Я сделался болен: у меня отнялись почти ноги и возобновилось кровохаркание. Плац-майор предложил мне перейти в лазарет; но я не согласился, опасаясь, что, пока буду там лечиться, товарищей моих увезут всех в Сибирь, а меня оставят потом в крепости. Это опасение было для меня хуже болезни, которую по этой причине я старался скрывать даже от лекаря: во время его посещений я уверял его, что мне лучше и что если я буду на воздухе, то скоро совсем поправлюсь.

Долгие осенние и зимние вечера и нескончаемые ночи особенно утомительны в заключении. Я это испытал на себе. Без движения хорошего сна не могло быть, тем более, что грудная боль и ломота в ногах не позволяли мне долго оставаться в одном положении. Как ни любил я чтение, но целый день, и в особенности вечер, при тусклом свете тоненькой сальной свечи или вонючего ночника, читать постоянно было невозможно. С соседями своими мы переговорили все, о чем можно было говорить; да и сверх того, по слабости и грудной боли, я не мог громко и долго говорить. Шахматы тоже не так уже развлекали меня и даже утомляли. Одним словом, я с нетерпением ожидал какой-нибудь перемены и молил бога, чтобы скорее отправили меня в Сибирь. От родных своих я не имел никакого известия. Я знал, что никому из них нельзя было приехать в Петербург. Писем также не надеялся получить от них: им нельзя было знать, где я нахожусь после сентенции и позволено ли иметь переписку с нами. Я даже не желал, чтобы братья писали ко мне, потому что боялся за них, если бы они вздумали показать особенное во мне участие.

Была уже зима, и прошел праздник Рождества. После Крещения 1827 года я узнал, что некоторых из нас стали куда-то увозить, и нетерпеливо ожидал своей очереди, не без боязни, однако же, чтобы не отправили в какую-нибудь крепость. Раз как-то, около 20 января, вошел ко мне плац-майор и спросил, есть ли у меня что-нибудь теплое. «Не хотят ли меня отправлять, Егор Михайло-

---

одному только при амнистии возвратили все и что он это не только применял, но, как кажется, даже об этом хлопотал. Прожив тридцать лет очень покойно, тогда как в это время товарищи его страдали, скитаясь по Сибири,— его как будто еще вознаградили за это перед прочими.] [89]

вич?» — спросил я.— «И нет, батюшка,— возразил он.— Куда отправлять, разве по домам (надобно знать, что он каждому из нас при всяком посещении своем повторял одно и то же: что нас простят непременно). Я спросил об этом у вас для того, что теплое платье необходимо для прогулок,— прибавил он.— Видите, какой холод!» — «У меня ровно ничего нет,— отвечал я,— кроме этого сюртука и двух подушек».—«Не беспокойтесь, все это будет»,— сказал он. Тогда я спросил, на какие же деньги и у него ли те, которые отобрали у меня на дворцовой гауптвахте. «Об деньгах не заботьтесь: были бы здоровы, деньги будут»,— отвечал он, поспешно выходя из моего каземата.

Я был уверен, что меня скоро отправят; и в самом деле, вечером он опять явился ко мне в сопровождении сторожа, несшего небольшой чемодан и кое-какие вещи. «Вот вам и белье, и тулуп,— сказал он, указывая на сторожа.— Одевайтесь потеплее». Я открыл чемодан, нашел в нем две пары шерстяных носок, теплые сапоги, шапку, перчатки и три довольно толстые рубашки. Жиденький тулупчик, покрытый нанкою, куртка и брюки из толстого солдатского сукна дополняли этот гардероб. Надев наскоро и при помощи сторожа (потому что я был очень слаб) теплую обувь и принесенное платье, а сверх него тулуп, я отправился вместе с плац-майором, поддерживаемый сторожем, в комендантский дом. Другой сторож нес за нами чемоданчик с остальными вещами. Войдя из передней во вторую комнату комендантского дома, я нашел тут трех моих товарищей: Фонвизина, Вольфа, Фролова. С первым я был знаком еще в Тульчине; он командовал тогда бригадой. Со вторым был очень дружен, а третьего совсем не знал. Мы дружески, но грустно поздоровались. Вскоре вошел комендант, генерал Сукин, с бумагою в руках. Он был без ноги и ходил на деревяшке. Ловко повернувшись на деревянной ноге своей, он громко сказал: «Государь император приказал исполнить над вами приговор Верховного уголовного суда и отправить вас в Сибирь». Потом, быстро повернувшись опять, в ту же минуту ушел. Тогда плац-майор дал знак стоявшему тут поручику гарнизонной артиллерии Глухову. Тот вышел и воротился вскоре с фельдъегерем и с солдатом, несшим цепи. Нас посадили, надели кое-как железа, сдали фельдъегерю и вывели на крыльцо, где ожидали уже

четыре жандарма и пять почтовых троек в открытых санях.

Ночь была темная. На крыльце плац-майор сунул мне что-то в руку, завернутое в бумажке. Мне пришло в голову, что это оставшиеся мои деньги, и признаюсь, я удивился такой с его стороны честности. Когда я садился в сани с одним из жандармов, меня кто-то крепко обнял. «Я адъютант военного министра, знаком хорошо с батюшкой покойной супруги вашей,— сказал он мне шепотом.— Не хотите ли через меня что поручить вашим родным?»— «Дайте знать им о том, что вы сами видели и что знаете о нашем будущем; я же ровно ничего не знаю, ни куда везут меня, ни где я буду»,— отвечал я, усаживаясь в повозку. Между тем все уже были готовы — и поезд наш тронулся с места.

Выехав из Петербурга, где все было погружено во мраке, мы прибыли ночью на первую станцию и вышли обогреться в комнату смотрителя. Мне это в особенности было нужно, потому что легонький тулуп мой худо защищал меня от январского мороза. Товарищи мои тоже вышли. Фельдъегерь (он оказался мне знакомым и бывал прежде моим подчиненным, когда я был старшим адъютантом, а он приезжал с бумагами в Тульчин) обходился с нами очень вежливо и действительно, как мы убедились впоследствии, был очень добрый человек. Железа нам очень мешали и не давали свободно ходить. Мы, по совету его, подвязали их и уладили сколько возможно удобнее для ходьбы. Тут я вспомнил о данной мне плац-майором завернутой бумажке. Можно представить себе мое удивление, когда я нашел в ней вместо оставшихся моих денег десять серебряных гривенников. Вот все богатство, с которым я отправился, слабый и больной, в сибирские рудники, за шесть с лишком тысяч верст от своего семейства. Нельзя сказать, чтоб такое положение представляло что-нибудь утешительное. Когда мы сели отдохнуть около стола, а фельдъегерь вышел распорядиться лошадьми, смотритель сделал знак Фонвизину, и тот сейчас вышел. Его ожидала на этой станции жена. Они успели до возвращения фельдъегеря (который, вероятно, все знал, но не хотел показать то) видеться несколько минут в сенях. Когда он вышел к нам и объявил, что лошади готовы, мы стали медленно собираться, чтобы дать время Фонвизину подолее побыть вместе.

Наконец, надобно было отправляться. Я сел с Фонвизиным в одну повозку, на что фельдъегерь охотно согласился. Он сам видел, как плохо я был одет для зимнего путешествия. На Фонвизине же была медвежья шуба, и сверх того у него для ног было теплое одеяло. Сидя с ним вместе, мне легче было предохранить себя от холода.

Дорогой Фонвизин рассказал мне, что жена его узнала и сообщила ему, что нас везут в Иркутск, и передала 1000 руб., которых достанет нам и на дорогу, и на первое время в Сибири. Вторая станция была Шлиссельбург. Признаюсь, я невольно подумал, не сюда ли в заточение нас везут, и до тех пор не был покоен, пока не проехали поворот к крепости. На станции мы опять вышли из повозок. Ночь еще продолжалась; фельдъегерь был на дворе; за чем-то я вышел в другую комнату, и только что успел переступить через порог, как очутился вдруг в объятиях трех женщин, которые плакали навзрыд, осыпали меня вопросами и предлагали свои услуги, деньги, белье, платье и т. д. Я отвечал им, что мне ничего не нужно, что всего у меня достаточно, искренно благодарил их за участие и сострадание. Это была какая-то помещица, с двумя дочерьми ехавшая в Петербург. Мы родственно обнялись и простились. Они же все благословили меня и напутствовали самыми искренними благопожеланиями.

На другой день мы проезжали Тихвин. Днем везде собирался народ смотреть на нас и оказывал самое сострадательное участие. В Тихвине некоторые из простого народа и купцов предлагали свои услуги и помощь. Фельдъегерь наш, как добрый человек, распоряжался и поступал с нами так, чтобы только самому не подвергнуться ответственности за слабый надзор, не прибавляя ничего лишнего с своей стороны. Не помню, которого числа мы прибыли в Ярославль и остановились в гостинице. Пока запрягали новых лошадей, нам подали чай, и человек, вошедший с подносом, указал знаком на дверь смежной комнаты. Мы подошли к ней и узнали, что там находится Надежда Николаевна Шереметева, теща одного из наших товарищей, Якушкина, ожидавшая тут со своею дочерью, а его женою, проезда зятя своего. Мы обменялись с нею несколькими словами, а когда выходили садиться в повозки, то встретили ее вместе с дочерью, державшею на руках грудного младенца, в коридоре,

посреди толпы собравшихся любопытных. Они обняли, благословили нас и все время не осушали глаз. Жена Якушкина была тогда 18-летняя молодая женщина замечательной красоты. Нам было тяжко, грустно смотреть на это юное, прекрасное создание, так рано испытывающее бедствия этого мира и, может быть, обреченное своею обязанностью, своею привязанностью к мужу на вечную жизнь в сибирских рудниках, на разлуку с обществом, родными, детьми, со всеми, что так дорого юности, образованию и сердцу [90].

Из Ярославля через Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбург приехали мы в Тобольск. Ехали скоро, но иногда останавливались ночевать. Фельдъегерь, заметив, что железа мешали нам спать, был так внимателен, что позволил на ночь снимать их. Жандармы нам прислуживали. Ему, впрочем, как он сам говорил, приказано было обходиться с нами вежливо и, не выходя из границ данной инструкции, оказывать всякое снисхождение. По приезде в Тобольск нас поместили в доме полицмейстера, где и отдохнули мы суток трое. Тут мы расстались с нашим фельдъегерем, который отправился в Иркутск один, а нас сдал губернатору Бантыш-Каменскому (родственнику Фонвизина) [91].

Не знаю, по этому ли случаю или просто по человеколюбию, но только полицмейстер Алексеев так принял, угощал и покоил нас в продолжение этих трех дней, что я счел обязанностью моею, по прошествии десяти лет, когда я ехал из-за Байкала на жительство в Туринск и проезжал Тобольск, где он жил отставным чиновником, быть у него и поблагодарить его за оказанное нам тогда человеколюбивое внимание. Отдохнув трое суток, мы отправились в сопровождении тобольского частного пристава, но с прежними жандармами, на обывательских лошадях в Иркутск. В Тобольске Фонвизин купил повозку, и мы избавились от хлопот перекладываться на каждой станции. Запаслись еще теплым одеялом, и, следовательно, я не опасался холода. Движение и воздух так благодетельно подействовали на меня, что день ото дня здоровье мое становилось все лучше, так что в Тобольске я был уже совсем здоров и так же крепко ходил и стоял на ногах, как прежде.

Через три недели по отъезде из Тобольска мы прибыли в Иркутск, проехав города: Тару, Ишим, Каинск,

Колывань, Томск, Ачинск, Красноярск, Канск и Нижнеудинск. По дороге везде мы встречали неподдельное участие как в народе, так и должностных лицах. В Каинске, например, городничий Степанов, пожилой мужчина, огромного роста и объема, бывший прежде фельдъегерем, пришел к нам в сопровождении двух человек, едва тащивших огромную корзину с винами и съестными припасами всякого рода. Он заставил нас непременно все это есть и частицу взять с собой, предлагая нам даже бывшие с ним деньги следующими, удивившими нас словами. «Эти деньги,— сказал он, вынимая большую пачку ассигнаций,— я нажил с грехом пополам, не совсем чисто, взятками. В наших должностях, господа, приходится делать много против совести. И не хотелось бы, да так уже заведено исстари. Возьмите эти деньги себе: на совести у меня сделается легче. Лучшего употребления я не могу сделать: семейства у меня нет. Право, избавьте меня от них, вы сделаете доброе дело». Хотя мы не согласились принять это предложение, но тем не менее эта откровенность, это добродушие грубой, не отесанной резцом образования натуры нас очень тронуло, и, прощаясь с ним, мы от души и с признательностью пожали ему руку.

В Красноярске губернатор, и тоже Степанов, угостил нас с искренним радушием. Во всех почти городах, где мы останавливались, чиновники приходили к нам; сначала не смели к нам приступить, заговорить с нами, но всегда кончали предложением услуг и изъявлением чувств. На станциях являлись обыкновенно этапные офицеры с подобными же предложениями, а простой народ толпился около повозок и хотя, видимо, боялся жандармов, но нередко те, которые посмелее, подходили к нам и бросали нам в повозку медные деньги. Я до сих пор храню, как драгоценность, медную денежку, которую я взял у нищей старухи. Она вошла к нам в избу и, показывая нам несколько медных монет, сказала: «Вот все, что у меня есть; возьмите это, батюшки, отцы наши родные. Вам они нужнее, чем мне». Мы прослезились, и я, выбрав у нее одну самую старую монету, положил к себе в карман, благодаря ее от самого искреннего сердца.

Чем далее мы подвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смышленее, даже и образованнее на-

ших русских крестьян, и в особенности помещичьих. Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими. Впоследствии мне не раз случалось слышать от тех, которые посещали Соединенные Штаты и жили там, что сибиряки имеют много сходства с американцами в своих нравах, привычках и даже образе жизни. Как страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всех без разбора. Когда ссыльный вступал в ее границы, его не спрашивали, за что и почему он подвергся каре законов. Никому и дела не было, какое он сделал преступление, и слово «несчастный», которым звали сибиряки сосланных, очень хорошо выражает то понятие, которое они себе составили о них. От него требовалось только, чтобы на новом своем месте он вел себя хорошо, чтобы трудился прилежно и умел пользоваться с умом теми средствами, которые представляло ему новое его отечество. В таком случае по прошествии нескольких лет ожидало его не только довольство, но даже богатство и уважение людей, с которыми ему приходилось жить и иметь дело. Кстати, расскажу здесь разительный этому пример. Приехав на какую-то станцию в Нижнеудинском округе, мы остановились в лучшей квартире одного большого селения. В двухэтажном доме было несколько чистых комнат, убранных хотя не роскошно, но довольно опрятно. Все показывало довольство. Нас встретил крестьянин лет сорока, в синем армяке, угостил чаем и вкусным обедом, за которым было даже виноградное вино. Как теперь помню, звали его Ермолай. Против окон дома строилась церковь. Я как-то спросил его, где же старая и как строится новая, обществом или другими средствами. «Это я строю, батюшка,— был его ответ,— старая сгорела от грозы. Насилу добился разрешения на постройку. Нам, поселенцам, везде затруднение, даже в богоугодных делах». Узнав, что он из ссыльных, я с удивлением посмотрел на него, и он, заметив это, продолжал: «Вы, может быть, не поскучаете послушать мою историю, я охотно ее рассказываю всякому». Мы все попросили его об этом, он с заметным удовольствием начал рассказ свой: «Я был крепостным человеком господина N. N. Барин мой был единственный сын у матушки своей, женщины строгой, но благочестивой. Я служил у него камердинером, и как он считался по гвардии, то мы жили с ним в Петербурге, а матушка в Орловской деревне своей. Они были

очень богаты, и барин очень меня любил. Житье мне было хорошее, привольное, денег всегда вволю, а в молодые лета им цены не знаешь, и мы с барином таки порядочно тратили на всякую всячину. Вдруг объявлен был поход под француза в Австрию. Гвардия выступала, а с нею и мой господин. Он отправил меня с своими лошадьми, коляской и многими вещами, всего будет более чем тысяч на пять, к матери своей, приказав все это доставить ей и, взявши от нее денег, приехать к нему на австрийскую границу. Я доехал до Орла, откуда оставалось только верст 200 до нашей деревни. В Орле я остановился отдохнуть и для развлечения пошел в трактир. Там немного подгулял; меня завели в какой-то дом и начисто обыграли в карты. Коляску, лошадь, вещи я все проиграл пьяный. Утром, когда я проснулся и пришел в себя, побежал было к разбойникам, но их и след простыл. В доме сказали мне, что я говорю вздор и что я тут не был даже. Что было делать? Я не знал имени тех, кто играл со мной, и едва мог бы знать в лицо. Однако же я объявил обо всем полицмейстеру. Тот посадил меня под арест и отправил к барыне по пересылке, произведя, между тем, розыски. Барыня сильно прогневалась на меня и сослала на поселение. Конечно, если бы в это время был сам молодой барин, то он не сделал бы так, а, отечески наказав, простил бы меня.

Вот таким образом, — продолжал он, — я и попал в Сибирь. Пришедши с партией в Нижнеудинск, меня назначили в это селение. Тогда у нас здесь был исправником, дай бог ему царствие небесное, Лоскутов. Вы, конечно, об нем слышали, и если не слыхали, то услышите, Это был человек редкий, необыкновенный, каких мало на свете и каких надобно в Сибири. Строг был, но зато справедлив, и не один из нашего брата поселенцев обязан ему своим достоянием и молит за него бога. При нем, бывало, бросьте кошелек с деньгами на большой дороге, никто не тронет или сей же час объявят. Вот и призывает меня Лоскутов к себе. «Ты назначен, — говорит он, — в такое-то селение, место привольное; если не будешь пить, а будешь трудиться, то скоро разбогатеешь. Смотри, не ленись, работай прилежно: через шесть месяцев я заеду к тебе, и если найду, что ты ничего не приобрел, ничем не обзавелся, запорю до смерти. Если же увижу, что ты трудишься хорошо, то не откажуся сам помогать тебе». —

«Батюшка, ваше высокоблагородие, — отвечал я, — усердия у меня достанет, да и работать я рад, но тяжело будет подняться, не имея ничего; придется ведь еще долго жить в работниках, пока не скоплю деньжонок». — «За деньгами дело не станет,—сказал он.—Вот тебе 100 руб. Распоряжайся ими с умом; но знай, что я их тебе даю взаймы и не только потребую назад деньги свои, но и отчета в твоем хозяйстве». Я взял деньги не без страха и вышел от него. Ровно чрез шесть месяцев, приехав по какому-то делу в наше селение, он пошел посмотреть мое хозяйство, велел даже принести на показ крынки с молоком и, оставшись доволен, позволил мне еще держать данные им мне деньги. В продолжение этих шести месяцев я женился, обзавелся домиком, посеял хлебца, завел лошадь, две коровы и овец. Бог помог мне выручить порядочную сумму от охоты за козулями. Я, по примеру здешних старожилов, сделал в лесу две засады, и богу было угодно, чтобы в засады мои попалось этого зверя гораздо более, чем у прочих, так что я в первый год продал мяса и шкур рублей на 200. Вот как я начал. Правда, трудился я с женой денно и нощно; но бог, видимо, помогал моим трудам. Лоскутов, бывало, не нарадуется, взойдя ко мне. «Ай да Ермолай, молодец, люблю таких». Лет через десяток я завел большую пашню, стал держать работников, пускать в извоз лошадей, у меня начали останавливаться кяхтинские приказчики с чаями. Одним словом, я разбогател по крестьянскому быту. Мог бы и еще больше разбогатеть, стоило только пуститься в казенные подряды, меня не только приглашали, и насильно втягивали чиновники; да сам не захотел: тут не всегда делается на честных правилах; надобно давать, а чтобы давать, надобно плутовать, воровать у казны, да и концы уметь хоронить. Мне этого не хотелось; пусть уж другие от этого богатеют, а не я. Мне бог позволил нажить копейку честным образом. Велика была его милость ко мне, грешному, надобно было стараться загладить прежние грехи. У меня это не выходило из головы. Вот, как только случились лишние деньжонки, и я написал письмо к бывшему барину, вложил 5000 рублей асс. и отослал их к нему, прося у него прощения и уведомляя о своем житье-бытье. Матушка его давно скончалась, барин же мне отвечал и приглашал меня воротиться в Россию; вот и письмо его, — прибавил он, вынимая из шкафа бумагу. — Но

мне уже было здесь так хорошо, что я и не подумал о возвращении. К тому же бог благословил меня семейством. Лоскутов, узнав, что я отослал барину деньги, при целом обществе поцеловал меня и сказал: «Вот, ребята, берите пример с Ермолая, и тогда все будете людьми». Потом я хотел, из благодарности за милость божию ко мне, выстроить ему храм, приготовил нужные материалы и долго хлопотал о разрешении у преосвященного. Наконец получил его, когда старая ветхая церковь сгорела от грозы. Пашни у меня более 100 десятин, две заимки, держу около сорока работников. Все здешние крестьяне со мной советуются, и я дал обещание никому не отказывать в помощи и не спрашивать у просящего, кто он и на что ему. Вот еще недавно, нынешней осенью, еду я на заимку верхом, встречаю несколько человек беглых. «Куда путь держите?» — спросил я их. — «К Ермолаю на заимку, — отвечают они. — Он, говорят, добрый человек, поможет нам». — «Ермолай-то добрый человек, — говорю я,— да законы-то строги, а у него на заимке много работников, ну как они вас задержут да представят? Пойдемте-ка лучше к нему в дом». Они пошли за мной, я накормил их, дал белье и снабдил кое-чем на дорогу. Рассуждаю так: дело правительства ловить беглеца; мое — накормить и помочь человеку».

Мы с удовольствием смотрели на этого необыкновенного человека, удивлялись его простой, но здравой философии и от всего сердца обняли его. Вот вам преступники, господа сочинители и исполнители уголовных законов и общественных учреждений! Вы скажете, это исключение *. Да, исключение; но кто вам-то дал право отнимать все будущее у подобного вам? Это дело одного бога. Вы же можете быть одними только нравственными врачами. Лечите, старайтесь лечить как можно искуснее, не вредя здоровых органов, и когда вылечите, возвратите обществу его члена, который может быть для него полезнее многих других, и в особенности своим примером, а не клеймите его вечным позором.

---

* Я бы мог привести здесь еще один пример человека, совершившего ужасное преступление, которого потом не только я, но и все те, которые были с нами знакомы, знали за добродетельнейшего и честного человека. Не смею ни назвать его, ни говорить о нем, потому что он еще жив, и я боюсь, чтобы как-нибудь случайно эти записки не растравили его раны [92].

В Восточной Сибири существует обыкновение, которое показывает, какими глазами сельское народонаселение смотрит на беглых, оставляющих нередко места своих работ или ссылки вследствие тяжких работ, дурного обращения местного начальства или худого содержания. В каждом селении при домах вы увидите под окнами небольшие полки, на которые кладут на ночь ржаной хлеб, пшеничные булки, творог и крынки с молоком и простоквашею. Беглые, проходя ночью селение, берут это все с собою, как подаяние. Это обыкновение вместе с тем избавляет жителей от воровства, ибо от недостатка в пище беглецы поневоле должны прибегнуть к покушению на собственность.

Простясь с добрым и умным нашим Ермолаем, мы отправились далее. Верст за 200 от Иркутска, на одном из этапов, явился к нам только что выпущенный из Академии военный медик, очень милый и добрый юноша. Он только что прибыл к своей должности и очень жаловался на судьбу свою, которая предназначила ему жить в отдаленном краю и в таком месте, где нет ни общества, ни способов к занятиям, ни развлечения для человека, сколько-нибудь образованного. Я нарочно упоминаю здесь об этой встрече, чтобы показать, как мало заботятся у нас о том, чтобы по окончании воспитания доставлять молодым людям средства к дальнейшему своему образованию и предохранить их от пагубных следствий скуки, бездеятельности и одиночества. Проезжая это же селение через 10 лет, когда мы с Ивашевым ехали из Петровского завода в Туринск, к нам явился тот же медик, но уже не тот человек. Он вошел к нам нетрезвый, с распухшим лицом, в изорванном сюртуке, который едва влез на его толстую, можно сказать, безобразную фигуру. Я позабыл было о первой моей с ним встрече, и хотя нам вовсе неприятно было его присутствие, тем более, что тут была супруга Ивашева, но из вежливости мы пригласили его напиться с нами чаю. Когда мы несколько разговорились с ним, я узнал в нем прежнего юношу и напомнил ему о первом нашем свидании. Лишь только я об этом упомянул, он, бедный, залился горькими слезами. «Боже мой,— вскричал он,— как изменился я с тех пор, что я теперь, на что гожусь? Ни за что бы не пришел к вам, если б знал, что мы виделись прежде. Мне совестно даже самого себя; а всему причиною проклятое это место;

сколько я ни просил, как ни старался, чтобы меня перевели отсюда, начальство не обращало внимания на мои просьбы. Скука погубила меня: никакого занятия, никакого развлечения и никакого общества. Один только этапный офицер, и тот из солдат, грубый, нетрезвый. Придешь к нему — сейчас водка. Я стал пить, женился на крестьянке и теперь уже совершенно освоился с своим положением, так что, если бы и захотели меня перевести отсюда, я бы не согласился. В другом месте, в другом обществе я уже не гожусь». Вскоре он вышел от нас, извиняясь, что беспокоил, и прося нас пожалеть о нем. Сколько погибает таким образом дельных и умных людей, которые при другой обстановке, и в особенности в первое время молодости, были бы полезными членами общества!

Наконец мы прибыли в Иркутск. Это было поздно вечером. Нас подвезли к острогу и поместили в особой комнате. Сейчас явился полицмейстер, обошелся с нами очень вежливо, спросил, не имеем ли мы в чем надобности, и распорядился нашим ужином. У меня дорогой сделался флюс, от которого я очень страдал, будучи беспрестанно на холоду, и я попросил его переговорить с доктором. Он обещал свозить меня к нему на другой день утром. Отведенная нам комната была обширна, но очень неопрятна; около стен были нары, на которых мы расположились ночевать. Утром, лишь только мы напились чаю, приехал опять полицмейстер и городской голова купец Кузнецов, впоследствии сделавшийся известным своим богатством и огромными пожертвованиями на пользу общественную. Полицмейстер предложил мне ехать с ним к инспектору врачебной управы. Мы отправились. Инспектор, старичок, с простодушной физиономией, лишь только узнал мою фамилию, бросился обнимать меня. Оказалось, что он некогда, до моего еще рождения, был домашним медиком в доме моего деда и знал все наше семейство. Он плакал, смотря на меня, и с большим усердием оказал мне необходимую помощь. Продержав меня более часа и снабдив лекарствами и советами, он трогательно, с участием, простился со мной. Вскоре по возвращении моем в острог прибыл к нам генерал-губернатор Восточной Сибири Лавинский[93], ласково обошелся с нами, предложил зависящие от него услуги; но при разговоре старался избегать слова «вы», а говорил с нами в третьем лице, обращаясь более к бывшим тут чиновни-

кам, а не к нам. Это было и странно, и смешно, даже неловко ему самому. Может быть, возвратясь только из Петербурга, он имел особенные приказания насчет нас от государя и, сообразуясь с ними, хотел в присутствии чиновников показать, что мы потеряли уже право на принятые в образованном обществе условия. Странно только было то, что высший государственный сановник мог думать о таких мелочах.

Мы пробыли в Иркутске около недели. Тут узнали мы кое-что о распоряжениях правительства на счет наш. Узнали, что назначен и что уже прибыл в Читу, Нерчинского округа, определенный собственно к нам комендант, генерал Лепарский [94], с некоторыми другими должностными лицами из военных, что в Чите наскоро приготовлено для нас помещение, обнесенное тыном, и что некоторые из прежде отправленных наших товарищей находились уже там. Все эти сведения были для нас не совсем приятны; одно только было утешительство знать, что все мы будем вместе, а на людях и умереть красно, как говорит пословица.

Из Иркутска отправили нас с казацким сотником и четырьми казаками в Читу. Тут мы расстались с провожавшими нас жандармами и тобольским частным приставом. Все они так были с нами вежливы, так внимательны к нам, что мы не могли нахвалиться ими и не оставаться им признательными. Частный пристав не иначе называл Фонвизина, как превосходительством, и не хотел слушать, когда мы говорили ему, что лишены чинов и всех титулов. В Иркутске мы встретили также нашего фельдъегеря, которому приказано было, оставив нас в Тобольске, догнать прежде отправленную партию, в которой находился Завалишин, взять его одного и доставить в Иркутск. Решительно не понимаю причины этого распоряжения [95].

Много возни у нас было с нашим сотником, несмотря на то, что он очень хорош был с нами. К несчастью, он имел страсть к горячим напиткам и взял с собой целый бочонок водки, из которого на каждой станции тянул неумеренно, предлагая беспрестанно и нам следовать его примеру. Ни советы, ни просьбы наши, ни увещания — ничего не помогало, и мы должны были покориться необходимости, ожидая с нетерпением прибытия в Читу.

Мы приехали туда вечером, довольно поздно, не застав ни коменданта, ни плац-майора: они были в это время в Нерчинских заводах, где находились первые восемь человек наших товарищей, отправленных туда сейчас после сентенции. Принял нас поручик Степанов и поместил в какое-то небольшое деревянное здание, окруженное тыном. Все это здание состояло из двух небольших комнат, разделенных сенями, и третьей очень маленькой, отгороженной в самых сенях. Нас поместили в одной из них. В другой находились прежде прибывшие товарищи наши: два брата Муравьевых, Анненков, Свистунов, Завалишин, Торсон и два брата Крюковых. Мы слышали, как они говорили между собою, но нам не позволено было в этот вечер с ними видеться. Офицер Степанов освидетельствовал наши вещи, обошелся довольно грубо, поставил караул и, уходя, запер из сеней дверь, отдав ключ часовому. Никогда не видел я такого сходства в наружности, как у этого офицера с гр. Аракчеевым. Оно так было поразительно, что впоследствии мы не иначе звали его, как Аракчеевым, и сомневались, не побочный ли он его сын. Оставшись одни, без огня, мы кое-как поместились на бывших тут нарах и легли спать вовсе не с утешительными мыслями. Мы опасались, что и здесь нам будет воспрещено сообщаться свободно с товарищами, и очень обрадовались, когда на другой день утром, лишь только отворили нашу дверь, все они вошли к нам, радушно нас приветствовали и пригласили в свою комнату пить чай.

Вслед за нами стали приезжать и другие. Каждые три дня прибывала новая партия из трех или четырех человек. Сначала помещали их в наш домик; а потом, когда сделалось уже очень тесно, в другой, устроенный таким же образом, на противоположном конце селения. К концу зимы, т. е. к апрелю месяцу, съехалось нас более 70 человек. Половина занимала один дом, а другая поместилась в другом. В это время приехали уже и несколько дам. Жена Муравьева первая, потом Фонвизина, Нарышкина, Ентальцева. Они жили в наемных квартирах у жителей, и им позволено было видеться с мужьями два раза в неделю в казематах, в присутствии офицера. Комендант тоже вскоре прибыл из Нерчинска, был у нас и обошелся ласково, хотя и официально.

Помещение наше было чрезвычайно тесно. В первой

комнате, аршин восьми длины и пяти ширины, жило человек 16, во второй, почти того же размера, тоже 16, а в третьей, маленькой, 4 человека. В другом домике было, кажется, еще теснее. На нарах каждому из нас приходилось по три четверти аршина для постели, так что, перевертываясь ночью на другой бок, надобно было непременно толкнуть одного из соседей, особенно имея на ногах цепи, которых на ночь не снимали и которые при всяком неосторожном движении производили необыкновенный шум и чувствительную боль. Но к чему не может привыкнуть, чего не может перенести молодость! Мы все спали так же хорошо, как на роскошных постелях и мягких пуховиках.

Теснота эта еще была ощутительнее днем. Пространства для движения было так мало, что всем нам не было никакой возможности сходить с нар, притом шум от железа был так силен, что надобно было очень громко говорить, чтобы слышать друг друга. Сначала нам позволяли гулять только по двору, но потом не воспрещено выходить днем, когда вздумается. При такой тесноте это дозволение было почти необходимо: в противном случае, без воздуха и движения, могли открыться повальные болезни. Двор был небольшой, обнесенный высоким тыном, около которого на каждой стороне находился часовой, а в воротах два; следовательно, опасаться было нечего.

При посещении дамами мужей своих выводили всех тех, кто помещался в комнате, назначенной для свидания. Разумеется, в хорошую погоду мы уходили сидеть или гулять по двору, но в худую собирались все в другую и тогда решительно помещались в ней как сельди в бочонках.

Обед нам готовили общий. Он обыкновенно состоял из супа или щей и из каши с маслом. Приносили все это в деревянных ушатах, откуда мы уже брали кушанье в тарелки. В обеденное время вносились в комнату козлы, на них клались доски, покрывались кое-как салфетками и скатертями, и на этом столе становилось кушанье. Садились же мы где было только можно: и около стола, и на нарах, одним словом, в самом разнообразном беспорядке. Ужинали тоже кое-как, и стоя, и ходя. Всякий брал свой кусок вареного мяса и ел, как и где хотел. Часто случалось, что, улегшись ночью на узенькой постели своей, состоявшей из войлока, вдруг почувствуешь что-то твер-

А. Г. МУРАВЬЕВА
Акварель П. Ф. Соколова. 1826 г.

дое под боком и вынешь кость, оставшуюся после ужина или обеда.

Правительство назначало нам на содержание шесть копеек меди в сутки и в месяц два пуда муки, по общему положению всех ссыльнорабочих. Разумеется, этого не могло доставать не только на все содержание, но даже и на одну пищу. Но как некоторые из нас привезли с собою деньги, отданные ими коменданту, к тому же дамы с своей стороны радушно уделяли часть своих денег, то из всего этого составилась артельная сумма, которая расходовалась на общие наши потребности. Кроме того, да-

мы присылали нам кофе, шоколад и различные кушанья, служившие нам вроде лакомства.

Из книг, привезенных каждым из нас, составилась порядочная библиотека, которою все могли пользоваться, и это было одним из самых приятных наших занятий, самых полезных и действительных развлечений.

Нам назначены были дни работы. Каждый день, исключая праздников, нас выводили за конвоем, на три часа поутру и два после обеда, засыпать какой-то ров на конце селения. Мы были очень рады этим работам, потому что они позволяли нам видеться с товарищами нашими из другого каземата. Работать же нас не принуждали: свезя несколько тачек земли, мы обыкновенно садились беседовать друг с другом или читали взятую с собой книгу, и таким образом проходило время работы... Ров этот, не знаю, кто-то из нас назвал Чертовой могилой, и говорят, что он до сих пор носит это название. Впоследствии придумали нам другую работу: устроили ручную мельницу в несколько жерновов и водили туда молоть хлеб. Но и там мы почти ничего не делали, толковали, читали, играли в шахматы и только для виду подходили минут на десять к жерновам и намалывали фунта по три такой муки, которая ровно никуда не годилась. Должно отдать в этом случае справедливость коменданту, который по доброте своей смотрел на все это сквозь пальцы и поступал с нами вообще очень снисходительно и человеколюбиво.

Нам воспрещено было писать самим к нашим родным. В этом отношении, как во многих других, касающихся до ограничения свободной воли человека, нас подчинили одинаковым правилам с простыми ссыльнорабочими, в иных же случаях лишали и последнего остатка той свободы, которою они пользовались. Приезд и пребывание дам много облегчили судьбу нашу. Им нельзя было воспретить писать, и они с удовольствием приняли на себя обязанность наших секретарей, т. е. писали от себя, по поручению и от имени каждого из нас к родным и тем восстановили переписку и поддерживали родственные связи наши. Не прошло и трех месяцев, как большая часть из нас стали получать от родных письма и пособие.

С другой стороны, даже и в отношении нашего тюремного быта, нашего содержания, обращения с нами должностных лиц присутствие их было истинно благодетель-

но. Через них мы могли говорить с комендантом как люди свободные, не подвергаясь ответственности в нарушении той зависимости, на которую обрекал нас приговор наш. Они были свидетельницами, можно сказать, участницами нашей жизни и вместе с тем пользовались всеми правами своими, следовательно, не только могли жаловаться частным образом родным своим, но даже самому правительству, которое поневоле должно было щадить их, чтобы не восстановить против себя общего мнения, не заслужить упрека в явной жестокости и не подвергнуться справедливому осуждению истории и потомства[96].

Не раз, по своему незнанию гражданских и уголовных законов, не признавая той неограниченной власти, которую правительство имеет над осужденными, и основываясь только на чувстве справедливости и человеколюбия, они вступали, при какой-нибудь стеснительной в отношении нас мере, в борьбу с комендантом и говорили ему в глаза самые жестокие, самые колкие слова, называя его тюремщиком и прибавляя, что ни один порядочный человек не согласился бы принять на себя эту должность, иначе как только с тем, чтобы, несмотря на последствия и на гнев государя, облегчать сколько возможно участь нашу; что если он будет поступать таким образом, то заслужит не только уважение их, наше, но и уважение общее и потомства; в противном же случае они будут смотреть на него, как на простого тюремщика, продавшего себя за деньги, и он оставит по себе незавидную память. Такие слова не могли не иметь влияния на доброго старика, тем более, что по сердцу своему он находил их справедливыми. «Au nom de Dieu, ne vous áchauffez pas, Madame,— отвечал, бывало, он им на подобную выходку. — Soyez raisonable, je ferai tout ce que depend de moi, mais vous exigez une chose que doit me compremettre auz yeux du gouvernement. Je suis sûr que vous ne voulez pas, qu'on me fasse soldat, pour n'avoir pas suivi mes instructions».— «En bien, soyez soldat, general, — отвечали они, — mais soyez honnete homme» *.

* Бога ради, не горячитесь, сударыня, будьте благоразумны: я сделаю все, что от меня зависит; но вы требуете такую вещь, которая может меня компрометировать в глазах правительства. Я уверен, вы не хотите, чтобы меня разжаловали в солдаты за то, что я нарушил данные мне инструкции[97].— Ну что ж, будьте лучше солдатом, генерал, но будьте честным человеком (франц.).

Что ему было делать с ними после этого?

С другой стороны, он вскоре должен был почувствовать и к нам не одно только сострадание, но и некоторое уважение. Отложа в сторону всякое самохвальство, можно по совести сказать, что мы вели себя скромно и с достоинством. При первом его посещении, когда он упомянул нам о том зависимом положении, в которое мы поставлены нашим осуждением, все отвечали ему, что мы это знаем очень хорошо, что готовы сносить с терпением все лишения, подчиняться беспрекословно всем распоряжениям, всем стеснительным противу нас мерам, но что об этом только просим его и наперед объявляем, что в этом отношении мы готовы будем лучше лишиться жизни, чем переносить хладнокровно. Эта единственная просьба наша состояла в том, чтобы не оскорблять нас дерзким обращением, не обходиться с нами, как с людьми, у которых осуждение не могло отнять их прежних понятий и их чувств.

Местность Читы и климат были бесподобны. Растительность необыкновенная. Все, что произрастало там, достигало изумительных размеров. Воздух был так благотворен и в особенности для меня, что никогда и нигде я не наслаждался таким здоровьем. Будучи, как я уже говорил, слабого, тщедушного сложения, я, казалось, с каждым днем приобретал новые силы и наконец до такой степени укрепился, что стал почти другим человеком. Вообще, все мы в Чите очень поздоровели и, приехавши туда изнуренные крепостным заточением и нравственными испытаниями, вскоре избавились от всех последствий перенесенных нами страданий. Конечно, к этому много способствовала наша молодость, но, в свою очередь, климат оказал большую помощь. Отсутствие всяких телесных недугов имело необходимое влияние на расположение духа. Мы были веселы, легко переносили свое положение и, живя между собою дружно, как члены одного семейства, бодро и спокойно смотрели на ожидавшую нас будущность.

Каждый из нас, более или менее, старался заниматься чем-нибудь. Иные с помощью книг и товарищей учились неизвестным для них языкам: французскому, немецкому, английскому, по-латыни, по-гречески, даже по-еврейски; другие занимались математикою, поэзиею, историею, живописью, музыкой и даже ручными ремеслами.

Мы устроили на дворе палатку, просиживали там по целым дням с книгою и с грифельною доскою (писать на бумаге не позволялось) и не видели, как шло время. Вечера обыкновенно ходили кучками и толковали о разных предметах. Но всего превосходнее было то, что между нами не произносилось никаких упреков, никаких даже друг другу намеков относительно нашего дела. Никто не позволял себе даже замечаний другому, как вел он себя при следствии, хотя многие из нас обязаны были своею участью неосторожным показаниям или недостатку твердости кого-либо из товарищей. Казалось, что все недоброжелательные помыслы были оставлены в покинутых нами казематах и что сохранилось во всех одно только взаимное друг к другу расположение.

Помню, что в первое время нашего пребывания в Чите мы очень много толковали о возможности освободиться из нашего заключения, и вспоминаю об этом потому более, что в настоящее время предположение наше плыть по Амуру до Сахалина вполне оправдалось. Дело состояло в том, чтобы обезоружить караул и всю команду, находившуюся в Чите, задержать на время коменданта и офицеров и потом, присоединив к себе тех, которые согласятся пристать к нам, и, запасясь провиантом, оружием, снарядами, наскоро построить барку или судно, спуститься реками Аргунем и Шилкою в Амур и плыть им до самого устья его, а там уже действовать и поступать по обстоятельствам. Этот план, я уверен, очень мог быть исполнен. Нас было 70 человек, молодых, здоровых, решительных людей. Обезоружить караул и выйти из каземата не представляло никакого затруднения, тем более, что большая часть солдат приняла бы сейчас нашу сторону. Вся команда состояла из ста с небольшим человек, и можно наверное предположить, что половина присоединилась бы к нам. Офицеры и комендант не могли бы нам противиться. Пока дошло бы сведение о действиях наших в Иркутск и пока приняли бы меры против нас, мы легко могли построить судно, нагрузиться и уплыть в Амур, следовательно, быть вне преследования. В Чите мы нашли бы необходимое: провиант, снаряды и оружие — в достаточном количестве для нашего путешествия. Плавание по Амуру, как оказалось это впоследствии экспедициею генерал-губернатора Муравьева, совершалось бы без особых препятствий [98]. Одним словом, веро-

ятности в успехе было много, более чем нужно при каждом смелом предприятии. Но с другой стороны, представлялись и затруднения: неожиданное сопротивление со стороны команды, следовательно, необходимость прибегнуть к силе оружия, погубить, может быть, несколько невинных жертв, одним словом, взять на совесть пролитие крови единственно для своего только освобождения. Притом непредвидимые случайности, например, нечаянное, преждевременное открытие нашего намерения комендантом или офицерами, недостаток решимости в ком-либо из нас в последнюю минуту. Наконец, вопрос, как поступить с дамами: оставить их (на что, вероятно, они бы не согласились) в руках раздраженного правительства или, взявши с собою, подвергнуть всем лишениям, всем опасностям нашего дерзкого, неверного предприятия. Обстоятельно поразмыслив обо всем этом и находя возражения некоторых более осторожных наших товарищей основательными, пылкая молодежь должна была согласиться с ними и перестала думать и толковать об освобождении своем.

В это время случилось в нашем каземате происшествие, которое могло иметь очень худые для нас последствия, где выказалось благоразумие и расположение к нам коменданта. Раз как-то г-жа Муравьева пришла на свидание с мужем в сопровождении дежурного офицера. Офицер этот, подпоручик Дубинин, не напрасно носил такую фамилию и сверх того в этот день был в нетрезвом виде. Муравьев с женою остались, по обыкновению, в присутствии его в одной из комнат, а мы все разошлись, кто на двор, кто в остальных двух казематах. Муравьева была не очень здорова и прилегла на постели своего мужа, говорила о чем-то с ним, вмешивая иногда в разговор французские фразы и слова. Офицеру это не понравилось, и он с грубостию сказал ей, чтобы она говорила по-русски. Но она, посмотрев на него и не совсем понимая его выражения, спросила опять по-французски мужа: «Qu'est ce qu'il veut, mon ami?» * Тогда Дубинин, потерявший от вина последний здравый смысл свой и полагая, может быть, что она бранит его, схватил ее вдруг за руку и неистово закричал: «Я приказываю тебе говорить по-русски». Бедная Муравьева, не ожидавши такой выходки,

* Чего он хочет, мой друг? (франц.).

такой наглости, закричала в испуге и выбежала из комнаты в сени. Дубинин бросился за ней, несмотря на усилия мужа удержать его. Большая часть из нас, и в том числе и брат Муравьевой гр. Чернышев, услышав шум, отворили из своих комнат двери в сени, чтобы узнать, что происходит, и вдруг увидали бедную женщину в истерическом припадке и всю в слезах, преследуемую Дубининым. В одну минуту мы на него бросились, схватили его, но он успел уже переступить на крыльцо и потеряв голову в припадке бешенства закричал часовым и караульному у ворот, чтобы они примкнули штыки и шли к нему на помощь. Мы, в свою очередь, закричали также, чтобы они не смели трогаться с места и что офицер пьяный, сам не знает, что приказывает им. К счастью, они послушали нас, а не офицера, остались равнодушными зрителями и пропустили Муравьеву в ворота. Мы попросили старшего унтер-офицера сейчас же бежать к плац-майору и звать его к нам. Дубинина же отпустили тогда только, когда все успокоилось, и унтер-офицер отправился исполнять наше поручение. Он побежал от нас туда же.

Явился плац-майор и сменил сейчас Дубинина с дежурства. Мы рассказали ему, как все происходило; он просил нас успокоиться; но заметно было, что он боялся, чтобы из этого не вышло какого-нибудь серьезного дела и чтобы самому не подвергнуться взысканию за излишнюю к нам снисходительность. Коменданта в это время не было в Чите. Его ожидали на другой или на третий день. До приезда его нас перестали водить на работу для того, чтобы мы не могли сообщаться с прочими товарищами нашими, и вообще присмотр сделался как-то строже. По возвращении своем комендант сейчас пошел к Александре Григорьевне Муравьевой, извинился перед нею в невежливости офицера и уверил ее, что впредь ни одна из дам не подвергнется подобной дерзости. Потом зашел к нам, вызвал Муравьева и Чернышева, долго говорил с ними и просил, в лице их, всех нас как можно быть осторожнее на будущее время. «Что, если бы солдаты не были так благоразумны, — прибавил он, — если бы они послушались не вас, а офицера? Вы бы могли все погибнуть. Тогда скрыть происшествие было бы невозможно. Хотя офицер и первый подал повод и он тоже подвергся бы ответственности, но вам какая от того польза? Вас бы все-таки осудили, как возмутителей, а в вашем

положении это подвергает бог знает чему. Я уже тогда, кроме бесполезного сожаления, ничем бы не мог пособить вам». Далее уверил их, что происшествие это он кончит домашним образом, не донесет о нем никому, а переведет только Дубинина в другую команду.

Своим офицерам, а особенно плац-майору, который был его родной племянник, он порядочно намылил голову за то, что они не смотрят за дежурными и допускают их отправлять эту обязанность в нетрезвом виде. Тем кончилось это происшествие. Если бы комендант был недоброжелательный, злой человек, он бы и в этом случае мог подвергнуть нас большим неприятностям, в особенности если бы дело представлено было в превратном смысле.

Между тем в продолжение лета 1827 года нам строили другое временное помещение в Чите. Я говорю потому временное, что в то же время в Петровском чугунном заводе, в расстоянии 600 верст от Читы, созидался большой тюремный замок, куда правительство намерено было перевести нас, что впоследствии и было исполнено. Это помещение в Чите окончено было к осени, и нас всех перевели туда. Оно заключало в себе две половины, разделенные между собою теплыми сенями или широким коридором. Каждая половина состояла из двух больших комнат, не имевших между собою сообщения. Вход в каждую из них был из коридора. В каждой комнате помещались от 15 до 20 человек довольно свободно. У всякого из нас была особая кровать и подле ночной столик. Посередине оставалось достаточно места для большого стола и для скамеек вокруг него. За этим столом мы обедали, пили чай и занимались. В одном из прежних казематов наших оставлено было человек 15, а другой назначен был для лазарета, на случай болезни кого-либо из нас. Туда водили также на свидание мужей с их супругами. Вскоре, впрочем, стали отпускать первых на собственные квартиры их жен, под конвоем. Офицер уже не присутствовал при их свидании, после происшествия с Дубининым.

Осенью и зимою 1827 года стали прибывать и остальные из наших товарищей, находившиеся в финляндских крепостях. Равным образом привезли и тех 8 человек, которые были отправлены сейчас после сентенции в Нерчинские заводы. С ними приехали и жены двух из них,

княгини Трубецкая и Волконская. Отправившись вслед за мужьями своими в Сибирь, они жили с ними во время их пребывания в заводах. К концу зимы все осужденные на работы находились уже в Чите, исключая Батенькова, Кюхельбекера 1-го, Поджио 1-го, которые, неизвестно по какой причине, оставлены были в крепостях. Первый пробыл в заточении около двадцати лет, а два другие около десяти[99].

Приезд новых товарищей наших, рассказы каждого из них о том, что было с ними после сентенции, о том, что каждый испытал, как провел последнее время и т. д., весьма естественно доставляли предметы разговора в наших беседах. Сверх того, мы через дам наших стали получать газеты и журналы. Тогда была война с Персией и потом с Турцией[100]. События этих войн не могли не интересовать нас. Мы еще не могли забыть военной службы, не могли быть равнодушными к успехам нашего оружия; знали более или менее почти всех действующих лиц наших, от главнокомандующего до последнего генерала. Многие из отличившихся в эти кампании были нашими товарищами, иные даже друзьями. Следовательно, мы с участием следили за каждым успехом русских войск, за каждым подвигом кого-либо из наших знакомых или бывших друзей. Многие из них теперь уже стали государственными сановниками, известными генералами, администраторами, и я уверен, что до сих пор они сохранили сердечное о нас воспоминание. По крайней мере, те из них, с которыми мне случилось видеться, не только не забыли меня, но встретили с прежнею любовью, с прежнею откровенностью, как будто бы между нами не существовало никакого различия в общественном положении. Спасибо им за это, и от души спасибо! Это служит мне доказательством, что я не ошибался в выборе моих юношеских привязанностей. Ныне даже, когда я пишу эти строки, я получил знак душевного воспоминания и дружбы одного из прежних друзей моей молодости, с которым я расстался и не видался более тридцати лет.

Вскоре мы устроили и некоторые общие занятия, общие поучительные беседы. Каждое воскресенье многие из нас собирались по утрам читать вслух что-нибудь религиозное, напр[имер], собственные переводы знаменитых иностранных проповедников, английских, немецких, французских, проповеди известных духовных особ русской

церкви, и кончали чтением нескольких глав из Евангелия, Деяний апостолов или Посланий. Два раза в неделю собирались мы тоже и на литературные беседы. Тут каждый читал что-нибудь собственное или переводное из предмета, им избранного: истории, географии, философии, политической экономии, словесности, поэзии и т. д. Бывали и концерты или вечера музыкальные. Звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашею любовью к отечеству, нередко пелись хором и под звуки музыки собственного сочинения кого-либо из наших товарищей-музыкантов.

Знаменитый наш поэт Пушкин прислал нам в это время свое послание [101]. Вот оно:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас;
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Здесь, кстати, помещаю прекрасные стихи покойного товарища нашего поэта Одоевского, написанные в альбом княгини М. Н. Волконской 25 декабря 1829 года, в день ее рождения:

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе там [102] рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.
Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные, земные пелены,

И вестницы благие Провиденья
Явилися, как дочери земли,
И узникам с улыбкой утешенья
Любовь и мир душевный принесли.
И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады.
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего [103].

В этих стихах Одоевский так верно, так прекрасно высказал тогда общие наши чувства, что я не считаю нескромностью украсить ими мои воспоминания.

Я бы мог поместить здесь многое из того, что я узнал тогда от товарищей моих, собравшихся вместе, в отношении нашего общества, нашего дела, так и в отношении действий правительства при восстании 14 декабря, во время следствия и после него; но, предположив себе писать только то, в чем я сам участвовал или чему был свидетелем, я ограничиваюсь одними собственными моими воспоминаниями.

В апреле месяце 1828 года последнему разряду сосланных в работу окончился срок (они были осуждены на два года, а в коронацию им убавили еще год), и потому их отправили на поселение. Прежде еще взяты были присланными из Петербурга фельдъегерями Толстой, Корнилович и отвезены служить на Кавказ солдатами. Вот имена отправленных в этот год на поселение: Кривцов, Аврамов 2-й, Чернышев, Лисовский, фон Бриген, Ентальцев, Тизенгаузен, Лихарев, Загорецкий, Черкасов и Выгодовский. Им назначены места для водворения в самых северных частях восточной и западной Сибири — в Туруханске, Березове и Пелыме.

Впоследствии некоторым из них разрешено было вступить в службу солдатами на Кавказ, а других перевели на юг, в места, более удобные для жительства.

Горестно нам было расставаться с ними, да и им мало представлялось утешительного в будущей одинокой жизни в северной Сибири, в особенности тем из них, кто не надеялся иметь достаточных способов, у кого не было близких родных или у кого родные были небогатые люди. Дамы наши и в этом случае явились благодетельными ге-

И. А. АННЕНКОВ
Акварель Н. А. Бестужева. 1836 г.

ниями. Они по возможности снабжали неимущих отъезжающих бельем, платьем, книгами и деньгами.

По отъезде их опростался и тот каземат, где они оставались при переводе нашем в новое здание. Его занимали теперь, по собственному желанию, Муханов, Ивашев и Завалишин.

При нашей тюрьме был обширный двор, обнесенный тыном. На этом дворе позволено было некоторым из нас построить себе комнаты; другие, в том числе и я, устроили для лета палатки. Мы удалялись туда днем, чтобы свободнее заниматься и избавляться на время от посто-

П. Е. АННЕНКОВА

Акварель Н. А. Бестужева. 1836 г.

янного шума в наших комнатах, необходимого следствия многолюдства и носимых нами цепей.

Еще в 1827 году прибыла к одному из наших товарищей, Анненкову, невеста его из России. Она была француженка и лично просила государя позволения ехать в Сибирь и соединить с ним свою судьбу, заранее соглашаясь на все условия[104]. Государь удовлетворил ее просьбу. Ей дали подписать бумагу, в которой она отрекалась от прав своих и подчинялась всем ограничениям, всем мерам, которые могут быть приняты в ее отношении при выходе замуж за государственного преступника. Она приехала

в Читу летом и дня через три была обвенчана в Читинской церкви. Это была любопытная и, может быть, единственная свадьба в мире. На время венчания с Анненкова сняли железа и сейчас по окончании обряда опять надели и увели обратно в тюрьму и потом поступали с ними, как с другими женатыми, то есть: давали им два раза в неделю свидание на квартире госпожи Анненковой.

Перейдя в новое здание, мы с разрешения коменданта устроили несколько хозяйственную часть свою. Избрали на время хозяина, который заведовал кухнею, заготовлением припасов, покупкою сахара, чая и т. д., и назначили двух смотреть за огородом. Сверх того, в каждой комнате двое из нас по очереди дежурили. Обязанность их состояла наблюдать за чистотой, приготовлять к обеду стол, брать от хозяина с кухни на свою комнату кушанье, приготовлять к чаю самовары и разливать чай. Во всем этом помогали им нанятые, для каждой комнаты по одному, мальчики. Они носили кушанье, воду, ставили самовары, убирали комнаты и употреблялись на посылки.

Мы пробыли в Чите до июля месяца 1830 года, стало быть, более трех лет. Нам было уже давно известно, что в Петровском заводе строился для нас тюремный замок и что скоро всех нас туда переведут. Комендант раза два уже ездил туда, чтобы осмотреть и ускорить работы; наконец, сами офицеры объявили нам, что летом этого года мы будем перемещены из Читы.

Хотя читинская тюрьма и не совсем была удобна для нас, особенно зимою, когда наступали жестокие холода и когда надобно было сидеть целый день в не совсем теплой комнате, с маленькими замерзшими окнами, через которые едва проходил свет, и в которой в три часа пополудни было уже так темно, что надобно было зажигать свечи*, хотя шум от хождения и разговора живших в одной комнате 20 человек мало давал покоя и не позволял заниматься ничем серьезным, но мы так было привыкли

---

* Цепи с нас были сняты по высочайшему повелению осенью 1828 года вследствие какого-то торжественного события в царской фамилии. По существующим указаниям не следовало нам и носить их, потому что ссылаемые в работы разжалованные дворяне избавлены от ношения цепей, и только при вторичном преступлении, т. е. когда они уже не пользуются правами дворянства, с ними поступают, как с простолюдинами. Но государю угодно было подвергнуть нас и этой мере наказания.

к этой жизни, что с сожалением помышляли о предстоящей перемене.

Наконец, комендант объявил нам, чтобы мы собирались к походу в Петровский завод. Идти туда мы должны были пешком, делая каждый день по одной станции от 20 до 30 верст и пользуясь в три дня одним днем отдыха. Тем, которые были слабого здоровья, и в том числе и мне, позволялось иметь на двух человек собственную повозку, для того чтобы можно было иногда присесть и под которую назначалась обывательская лошадь. Под вещи наши приготовлены были также подводы. Все мы разделены были на две партии. Первая выступила тремя днями ранее. При каждой партии находились офицеры и конвой. Комендант и плац-майор ехали сами по себе и навещали, по усмотрению своему, ту и другую партию. Дамы могли отправляться вперед в Петровский завод или следовать за нами в собственных экипажах и на свой счет.

В Чите я имел утешение получать письма от родных моих и некоторое пособие.

Один из моих братьев находился в турецком походе, писала ко мне жена его. Другой, отставной, живший в деревне, поспешил отвечать на письмо одной из наших дам. Я получил также известие и от родных покойной жены. Оно было горестное — оставленная мною у них пятимесячная дочь моя, единственный залог моего кратковременного союза, скончалась полутора годов. Это последнее известие сильно поразило меня.

Перед выходом нашим из Читы с другом моим Ивашевым случилось такое событие, которое видимо показало над ним благость провидения. Я, кажется, упомянул уже, что он, Муханов и Завалишин, по собственной просьбе, остались в прежнем маленьком каземате. Им там было свободнее и покойнее. Я нередко, с разрешения коменданта, бывал у них и просиживал по несколько часов, другие товарищи также посещали их. В свою очередь, и они ходили к нам. Сверх того, мы виделись почти каждый день во время работы. Ивашев, как я замечал, никак не мог привыкнуть к своему настоящему положению и видимо тяготился им. Мы часто об этом говорили между собою, и я старался сколько можно поддерживать его и внушить ему более твердости. Ничто не помогало. Он был грустен, мрачен и задумчив. Раз как-то на работе Муханов отвел меня в сторону, сказал мне, что Ива-

шев готовится сделать большую глупость, которая может стоить ему жизни, и что он нарочно решился мне сказать об этом, чтобы я с моей стороны попробовал отговорить его. Тут он мне объявил, что он вздумал бежать, и сообщил все, что знал о том.

Вот в чем состояло дело. Ивашев вошел в сношение с каким-то бегло-ссыльнорабочим, который обещался провести его за китайскую границу. Этот беглый завтра же должен был прийти ночью к тыну их каземата. Тын уже был подпилен, и место для выхода приготовлено. По выходе из острога они должны были отправиться в ближний лес, где, по словам беглого, было уже приготовлено подземельное жилище, в котором они должны были скрываться, покуда не прекратятся поиски, и где находились уже необходимые на это время припасы. Когда же прекратятся поиски, то они предполагали отправиться к китайской границе и там действовать смотря по обстоятельствам. Этот план был так неблагоразумен, так нелеп, можно сказать, исполнение его до такой степени невозможно, что я удивился, как мог Ивашев согласиться на него. Не было почти никакого сомнения, что человек, соблазнявший его побегом, имел какие-нибудь другие намерения: или выдать его начальству и тем заслужить себе прощение *, или безнаказанно убить его и завладеть находящимися у него деньгами; я же знал, что у него они были: приехавши в Читу, он не объявил коменданту 1000 руб., которые привез с собою, и, сверх того, тайным образом получил еще 500 руб. Об этом сам он мне сказывал.

Выслушав Муханова, я сейчас после работы отправился к Ивашеву, сказал ему, что мне известно его намерение и что я пришел с ним об этом поговорить. Он очень спокойно отвечал мне, что с моей стороны было

---

* Подобное обстоятельство было с известным поляком Высоцким. Один из беглых уговорил его бежать с завода, на котором он находился, и обещал провести в Монголию. Тот поверил ему, и они отправились; но беглый завел его на какой-то островок реки Ангары, так что ему некуда было уйти оттуда, там его оставил, а сам дал знать о побеге начальству и привел посланный отряд к острову. Из этого сделали блистательное дело храбрости отряда и преданности беглого: офицер, командовавший отрядом (адъютант генерал-губернатора), был переведен в гвардию, солдаты награждены, а беглый прощен. Высоцкого, который и не думал защищаться, взяли, судили и строго наказали [105].

бы напрасным трудом его отклонять, что он твердо решился исполнить свое намерение и что потому только давно мне не сказал о том, что не желал подвергать меня какой-либо ответственности. На все мои убеждения, на все доводы о неосновательности его предприятия и об опасности, ему угрожающей, он отвечал одно и то же, что уже решился, что далее оставаться в каземате он не в состоянии, что лучше умереть, чем жить таким образом. Одним словом, истолив возражения, я не знал, что делать. Время было так коротко, завтрашний день был уже назначен, и оставалось одно только средство остановить его — дать знать коменданту. Но быть доносчиком на своего товарища, на своего друга — ужасно! Наконец, видя все мои убеждения напрасными, я решительно сказал ему: «Послушай, Ивашев, именем нашей дружбы прошу тебя отложить исполнение твоего намерения на одну только неделю. В эту неделю обсудим хорошенько твое предприятие, взвесим хладнокровно le pour et le contre*, и если ты останешься при тех же мыслях, то обещаю тебе не препятствовать».—«А если я не соглашусь откладывать на неделю?» — возразил он.— «Если не согласишься,— воскликнул я с жаром,— ты заставишь меня сделать из любви к тебе то, чем я гнушаюсь,— сейчас попрошу свидания с комендантом и расскажу ему все. Ты знаешь меня довольно, чтобы верить, что я это сделаю и сделаю именно по убеждению, что это осталось единственным средством для твоего спасения». Муханов меня поддерживал. Наконец, Ивашев дал мне слово подождать неделю. Я не опасался, чтобы он нарушил его, тем более, что Муханов жил с ним и мог за ним наблюдать.

На третий день после этого разговора я опять отправился к Ивашеву, и мы толковали об его намерении. Я исчислял ему все опасности, все невероятности успеха. Он настаивал на своем, как вдруг входит унтер-офицер и говорит ему, что его требует к себе комендант. Ивашев посмотрел на меня, но, видя мое спокойствие, с чувством сказал мне: «Прости меня, друг Басаргин, в минутном подозрении. Но что б это значило? — прибавил он.— Не понимаю». Я сказал, что дождусь его возвращения, и остался с Мухановым.

---

* За и против (франц.).

Ивашев возвратился не скоро. Комендант продержал его часа два, и мы уже не знали, чему приписать его долгое отсутствие. Опасались даже, не открылось ли каким образом нелепое намерение бегства. Наконец, приходит Ивашев, расстроенный, и в несвязанных словах сообщает нам новость, которая и нас поразила. Комендант присылал за ним для того, чтобы передать ему два письма, одно от его матери, а другое матушки будущей жены его, и спросил его, согласен ли он жениться на той девушке, мать которой писала это письмо. Оно адресовано было к матери Ивашева. В нем г-жа Ледантю открывала ей любовь дочери к ее сыну, говорила, что эта любовь была причиною ее опасной болезни, в продолжение которой, думая умереть, она призналась матери в своей к нему привязанности, и что тут же мать дала слово дочери, по выздоровлении ее, уведомить об этом г-жу Ивашеву и в случае ее согласия и согласия сына дозволить дочери ехать в Сибирь для вступления с ним в брак. В этом письме она упоминала также, что дочь ее ни за что не открыла тайны своей, если бы Ивашев находился в прежнем положении, но что теперь, когда его постигло несчастие и когда она знает, что присутствием своим может облегчить его участь, доставить ему некоторое утешение, то не задумывается нарушить светские приличия — предложить ему свою руку. Мать Ивашева отправила это письмо, вместе с своим, к графу Бенкендорфу, и тот, с разрешения государя, предписывал коменданту опросить самого Ивашева, согласен ли он вступить в брак с девицею Ледантю.

Ивашев просил коменданта повременить ответом до другого дня. Мы долго рассуждали об этом неожиданном для него событии. Девицу Ледантю он очень хорошо знал. Она воспитывалась с его сестрами у них в доме и в то время, когда он бывал в отпусках, очень ему нравилась, но никогда он не помышлял жениться на ней, потому что различие в их общественных положениях не допускало его останавливаться на этой мысли. Теперь же, припоминая некоторые подробности своих с ней сношений, он должен был убедиться в ее к нему сердечном расположении. Вопрос о том, будет ли она счастлива с ним в его теперешнем положении, будет ли он уметь вознаградить ее своею привязанностию за ту жертву, которую она принесет ему, и не станет ли он впоследствии

раскаиваться в своем поступке, очень его тревожил. Мы с Мухановым знали его кроткий характер, знали все его прекрасные качества, были уверены, что оба они будут счастливы, и потому решительно советовали ему согласиться. Наконец, он решился принять предложение. Разумеется, после этого решения не было уже и помину о побеге. Я даже не знаю, куда девался его искуситель и как он от него отделался. Не возьми я от него слова подождать неделю, легко могло бы случиться, что эти письма не застали бы его в Чите и пришли, когда делались бы о нем розыски, следовательно, не только бы брак его не состоялся, но и сам он, по всем вероятностям, непременно бы погиб тем или другим образом. Так иногда самое ничтожное обстоятельство, по воле провидения, спасает или губит человека.

Свадьба Ивашева была уже в Петровском заводе, и потому я буду говорить о ней в своем месте.

В июле, не помню, которого числа, мы выступили из Читы[106]. Я находился в первой партии; мы с сожалением простились навсегда с местом, где прожили более трех лет и которое оставило в памяти моей много приятных впечатлений. Небольшое число жителей Читы так полюбили нас, что плакали, расставаясь с нами, и провожали до перевоза, более трех верст от селения. В особенности мы пользовались расположением жены читинского горного начальника г-жи Смольяниновой. Она каждый день присылала нам во время работы завтраки своей стряпни, старалась каждому быть чем-нибудь полезною, но преимущественно расположена была к Анненкову и Завалишину. Дед первого со стороны матери, генерал Якоби, был когда-то генерал-губернатором в Сибири и оказал услугу отцу Смольяниновой. Она не могла этого забыть и считала священным долгом отплатить внуку за благодеяние деда. Прекрасная черта в простой, необразованной женщине. Она даже пострадала за Анненкова и нисколько не сожалела об этом. Письмо, отданное ей г-жою Анненковой и отправленное ею секретно к кому-то из родных Анненкова в Москву, попалось в руки правительства. Из него узнали, что оно шло через Смольянинову, и приказали коменданту арестовать ее на неделю. Завалишин впоследствии женился на ее дочери и по окончании своего тюремного заключения жил с ними в Чите.

Поход наш в Петровский завод, продолжавшийся с лишком месяц в самую прекрасную летнюю погоду, был для нас скорее приятною прогулкою, нежели утомительным путешествием. Я и теперь вспоминаю о нем с удовольствием. Мы сами помирали со смеху, глядя на костюмы наши и наше комическое шествие. Оно открывалось почти всегда Завалишиным в круглой шляпе с величайшими полями и в каком-то платье черного цвета своего собственного изобретения, похожем на квакерский кафтан. Будучи маленького роста, он держал в одной руке палку гораздо выше себя, а в другой книгу, которую читал. За ним Якушкин в курточке à l'enfant *, Волконский в женской кацавейке; некоторые в долгополых пономарских сюртуках, другие в испанских мантиях, иные в блузах; одним словом, такое разнообразие комического, что если б мы встретили какого-нибудь европейца, выехавшего только из столицы, то он непременно подумал бы, что тут есть большое заведение для сумасшедших и их вывели гулять. Выходя с места очень рано, часа в три утра, мы к восьми или к девяти часам оканчивали переход наш и располагались на отдых. Останавливались не в деревнях, которых по бурятской степи очень мало, а в поле, где заранее приготовлялись юрты. Место выбирали около речки или источника на лугу и всегда почти с живописными окрестностями и местоположением. В Восточной Сибири, и особенно за Байкалом, природа так великолепна, так изумительно красива, так богата флорою и приятными для глаз ландшафтами, что, бывало, невольно, с восторженным удивлением, простоишь несколько времени, глядя на окружающие предметы и окрестности. Воздух же так благотворен и так напитан ароматами душистых трав и цветов, что, дыша им, чувствуешь какое-то особенное наслаждение. При каждой партии находился избранный нами из товарищей хозяин, который отправлялся обыкновенно с служителями вперед на место отдыха и к приходу партии приготовлял самовары и обед. По прибытии на место мы выбирали себе юрты и располагались в них по четыре или пять человек в каждой. Употребив с полчаса времени на приведение в порядок необходимых вещей и постелей наших, мы отправлялись обыкновенно купаться, потом садились или,

* Детской (франц.).

лучше сказать, ложились пить чай и беседовали таким образом до самого обеда. Ивашев, Муханов, двое братьев Беляевых[107] и я располагались всегда вместе в одной юрте. К нам обыкновенно собирались многие товарищи из других юрт. Один из пятерых обыкновенно дежурил по очереди, т. е. разливал чай, приносил обед, приготовлял и убирал посуду. После обеда часа два-три отдыхали, а с уменьшением жары выходили гулять и любоваться местоположением. Потом пили чай, купались и опять беседовали до вечера.

Вечером маленький лагерь наш представлял прекрасную для глаз картину, достойную кисти художника-живописца. Вокруг становилась цепь часовых, которые беспрестанно перекликались между собою; в разных местах зажигались костры дров, около которых сидели в разнообразных положениях проводники наши — буряты, между которыми были и женщины, с своими азиатскими лицами и странными костюмами. В юртах наших светились огни, и в открытый вход их видна была вся внутренность и все то, что происходило в каждой из них. Почти всегда в это время большая часть из нас ходили кучками внутри цепи, около костров, толковали с бурятами и между собою. Вид всего этого был бесподобный, и я часто проводил целые часы, сидя на каком-нибудь пне, восхищаясь окружающею меня картиною. Особенно приятен для нас был день отдыха. Тогда мы оставались на одном месте почти два дня и, следовательно, имели время и хорошенько отдохнуть, и налюбоваться природой, и побеседовать между собою. Лишь только начинало светать, нас обыкновенно будили, и в полчаса мы были уже готовы к походу. Пройдя верст 12 или 15, мы на час останавливались у какого-нибудь источника и завтракали. Рюмка водки, кусок холодной телятины и жареной курицы всегда были в запасе у кого-либо из женатых и радушно предлагались всем. Во время похода многие отходили на некоторое расстояние в стороны и занимались ботаническим исследованием тамошней флоры или сбором коллекции насекомых. Последним предметом любили заниматься братья Борисовы[108]. Они составили за Байкалом и в Сибири огромную и очень любопытную коллекцию насекомых, которую послали, кажется, знаменитому профессору Фишеру[109]. Ботаником нашим был Якушкин.

В партии нашей находился Лунин. Он, по своему

оригинальному характеру, уму, образованию и некоторой опытности, приобретенной в высшем обществе, был человек очень замечательный и очень приятный. Большая часть из временщиков того времени, Чернышев, Орлов, Бенкендорф и т. д., были его товарищами по службе. С Карамзиным [110], Батюшковым [111] и многими другими замечательными лицами он был в самых близких отношениях. Мы с любопытством слушали его рассказы о закулисных событиях прошедшего царствования и его суждения о деятелях того времени, поставленных на незаслуженные пьедесталы. Князь Волконский и Никита Муравьев, бывшие тоже в нашей партии, очень занимали нас также своими любопытными разговорами. Первый — член высшей русской аристократии, бывший флигель-адъютант и генерал с 23 лет от роду, отлично участвовал в кампании 1812 года и находился или при самом государе или при главнокомандующих, был часто употребляем для исполнения важных поручений и потому много видал и много знал. Говорил он прекрасно, с одушевлением, особенно когда дело шло о военных действиях [112]. Второй — сын воспитателя императора Александра и великого князя Константина, известного Михаила Никитича Муравьева [113],— был человек с разнообразными и большими сведениями. Он занимал не последнее место в аристократическом петербургском кругу. В доме его матушки, вдовы покойного М. Н., собирались все замечательные люди того времени: Карамзин, Уваров [114], Оленин [115], Панин [116] и т. д. Много любопытного, почерпнутого из их рассказов, мог бы я поместить здесь, но удерживаюсь, не желая нарушить принятого мною правила.

Во время путешествия нашего приехали к нам еще две дамы: жена Розена и Юшневская. Последняя, проживая в Тульчине, сообщила мне некоторые сведения о родных покойной жены моей, с которыми она жила в одном месте. Они по отъезде ее собирались ехать на жительство в Петербург, где служил брат жены моей, выпущенный после меня уже из лицея.

Наконец мы стали приближаться к Петровскому заводу. Прошли г. Верхнеудинск и, следуя далее, останавливались уже в старообрядческих селениях. Вообще они живут в этом краю очень привольно и зажиточно. Переведенные туда из России в царствование Екатерины и будучи народом трудолюбивым, трезвым, они скоро

Н. В. БАСАРГИН. ЗАПИСКИ

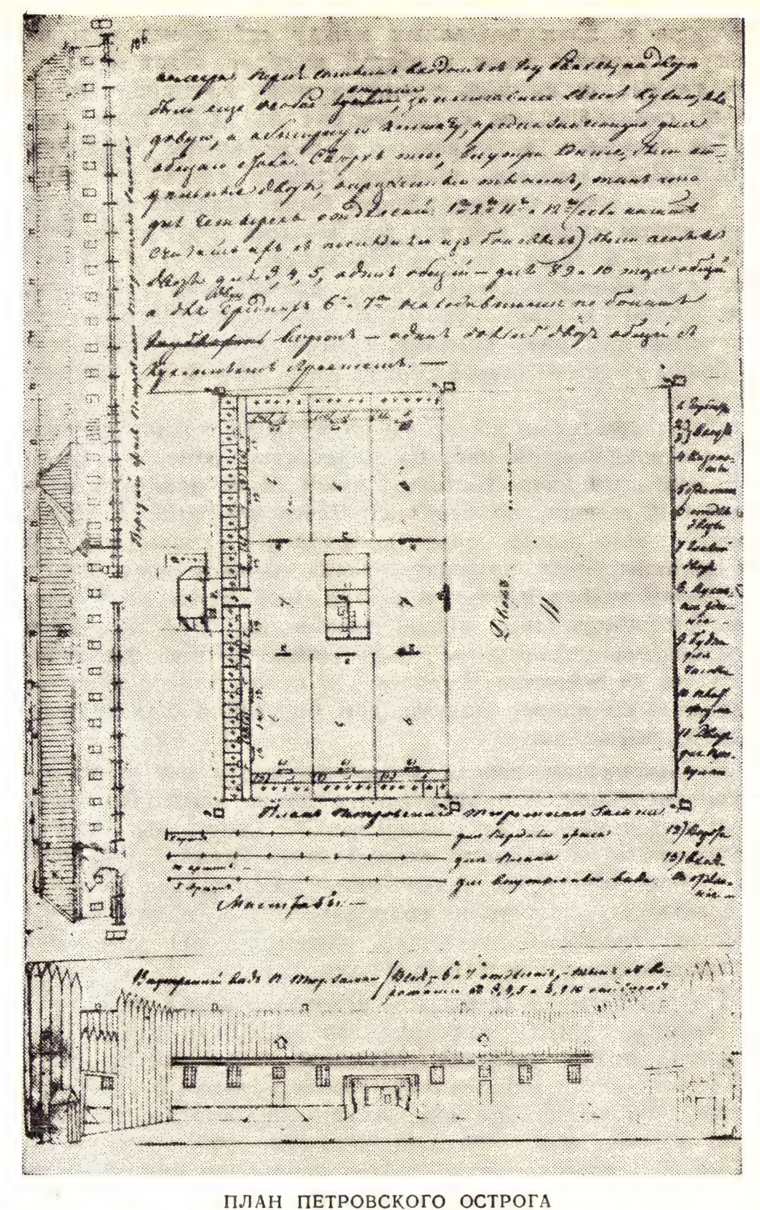
Лист из белового автографа. *ЦГАОР*

разбогатели в своих новых местах. Некоторые из их селений удивляли нас своею величиною и постройкою. Нас принимали они радушно, и мы очень покойно помещались у них во время наших ночлегов.

Верст за сто от Петровского дамы наши уехали вперед для приготовления себе квартир. Некоторые из них, Муравьева, Трубецкая и Анненкова, имели уже детей. Три их дочери, рожденные в Чите, теперь уже замужем и находятся в России с мужьями своими. Вероятно, они уже забыли о месте своего рождения и той обстановке, которая сопровождала их появление на свете и их младенчество.

На последнем ночлеге к Петровскому мы прочли в газетах об июльской революции в Париже и о последующих за ней событиях[117]. Это сильно взволновало юные умы наши, и мы с восторгом перечитывали все то, что описывалось о баррикадах и трехдневном народном восстании. Вечером все мы собрались вместе, достали где-то бутылки две-три шипучего и выпили по бокалу за июльскую революцию и пропели хором «Марсельезу». Веселые, с надеждою на лучшую будущность Европы, входили мы в Петровское.

Петровский завод, большое заселение с двумя тысячами жителей, с казенными зданиями для выработки чугуна, с плавильнею, большим прудом и плотиною, деревянною церковью и двумя- или тремястами изб показалось нам, после немноголюдной Читы, чем-то огромным. Входя в него, мы уже могли видеть приготовленный для нас тюремный замок, обширное четвероугольное здание, выкрашенное желтой краской и занимавшее, вместе с идущим от боков его тыном, большое пространство; жилое строение, т. е. то, где находились наши казематы, занимало один фас четвероугольника и по половине боковых фасов. К ним примыкал высокий тын и составлял две другие половины боковых фасов и весь задний. Пространство между тыном назначалось для прогулок наших. В середине переднего фаса находились гауптвахта и вход во внутренность здания. (Для ясности прилагаю план нашей Петровской тюрьмы.) Все здание, как видно из него, разделялось на 12 отделений; в каждом боку находилось по три; в наружном же фасе, по обеим сторонам гауптвахты, шесть. Каждое отделение имело особый вход со двора и не сообщалось с другим. Оно состояло из

ПЛАН ПЕТРОВСКОГО ОСТРОГА

Рисунок Н. В. Басаргина. *ЦГАОР*. Публикуется впервые

коридора и пяти отдельных между собою номеров, из которых выходы были в общий коридор. Этот коридор был теплый, и из него топились печи, гревшие номера. Перед самым входом с гауптвахты на дворе было еще особое строение, заключавшее в себе: кухню, кладовую и обширную комнату, предназначенную для общего стола. Сверх того, внутри здания были отдельные дворы, окруженные тыном, так что для четырех отделений: 1-го, 2-го, 11-го и 12-го (если начинать считать их с последнего из боковых) были особые дворы; для 3-го, 4-го, 5-го — один общий; для 8-го, 9-го и 10-го — тоже общий; а для двух средних, 6-го и 7-го, находившихся по бокам ворот,— один большой двор, общий с кухонным строением.

Нас разместили сейчас же по приходе в наши казематы. Нескольким из нас, по недостатку номеров, досталось жить по двое. Комнаты наши были довольно просторны и высоки, но без окон. Свет проходил в дверь, которая была прямо против коридорного окошка, так что мы должны были помещать столы наши у этой двери, оставляли только проход и занимались чтением или другим чем-нибудь, сидя прямо против нее. Для этого она и оставалась целый день отворенною. На ночь нас запирали, но не поодиночке каждого в своем номере, а целое отделение со двора. При каждом отделении был сторож, инвалидный солдат.

В Петровском заводе я провел шесть лет и всегда с удовольствием, с признательностью ко всем товарищам моим вспоминаю об этом времени. Не могу даже не быть благодарным и доброму коменданту, старику Лепарскому, и всем офицерам, назначенным для надзора за нами. Постараюсь изложить и нашу там жизнь, и те события в нашем маленьком обществе, нашем отдельном номере, которые сохранились у меня в памяти.

По прибытии в Завод нас некоторое время не водили на работы, а дали отдохнуть от похода и устроиться в новом нашем жилище. Мужьям позволили прожить несколько дней с женами в их домах. Говорю, в их домах, потому что каждая из дам, живши еще в Чите, или построила себе, или купила и отделала свой собственный домик в Петровском заводе. Это исполнили они не сами, а поручили, с согласия коменданта, кому-то из знакомых им чиновников, так что, по прибытии их туда, дома для

ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД

Акварель Н. А. Бестужева. 1830-е гг.

всех были уже готовы. Одни только две новоприехавшие Юшневская и Розен не имели собственных домов и поместились в наемных квартирах.

В первые дни в нашей общей тюрьме было вроде хаоса: раскладывались с вещами, заказывали какую-нибудь необходимую мебель, придумывали, как лучше поместиться в своей комнате, чтобы пользоваться коридорным светом, бегали из одного номера в другой, отыскивали товарищей, осматривали отделения и все внутренние постройки тюремного замка, сходились в общую залу к обеду и к ужину, пили чай по разным местам, потому что у каждого не было ни особого самовара, ни собственного сахару и чаю. Но это продолжалось недолго и подало мысль к устройству общей артели, которая в продолжение всего нашего пребывания в Петровском так обеспечивала нашу материальную жизнь и так хорошо была придумана, что никто из нас во все это время не нуждался ни в чем и не был ни от кого зависим. Я не лишним считаю поместить здесь полный устав нашей большой артели. Он объясняет подробно как цель, так и весь механизм этого вполне оправдавшего себя учреждения. Разумеется, что все это делалось с ведома комен-

данта и было им одобрено. Женатые не пользовались ничем из артели, подписывая между тем значительные ежегодные взносы: Трубецкой от 2 до 3 т[ыс]. ассиг., Волконской до 2 т[ыс]., Муравьев от 2 до 3 т[ыс]., Ивашев до 1000, Нарышкин и Фонвизин тоже до 1000 рублей [118].

Те из холостых, которым присылали более 500 р. в год, вносили в полтора раза или вдвое противу получаемого ими из артели, кто 800, а кто и 1000. Остальные, по уставу, отдавали все присылаемые деньги, так что не было ни одного года, в который бы не доставалось каждому члену артели пятисот рублей ассигнациями. Из экономической суммы и из суммы маленькой артели, о которой я буду говорить ниже сего, отъезжающие на поселение получали временное пособие от 600 до 800 [рублей] на каждого человека.

УСТАВ АРТЕЛИ

I

Цель учреждения артели

§ 1. Опыт нескольких лет удостоверил нас в необходимости иметь всегда налицо определенную сумму денег, которая могла бы служить как для обеспечения общественных издержек, так и для удовлетворения потребностей каждого лица. Положительное назначение суммы на наступающий год, во-первых, доставляет хозяину возможность располагать ею с большею выгодою для артели и сделать годовые и срочные закупки; во-вторых, может некоторым образом отвратить затруднительное положение, в каком вся артель и каждый участник иногда находились от замедлительной присылки денег.

II

Средства к учреждению

§ 2. Для достижения сей цели составляется годовая общественная сумма.

§ 3. Составление этой суммы производится следующим образом:

a) Подпискою на взносы.

b) Жалованьем от казны и

c) Суммою от продажи экономической муки.

§ 4. Подписка на содержание артели должна быть кончена к 1-му числу февраля.

§ 5. Сумма из пятисот рублей ассигн. принята за необходимую на полное годовое содержание каждого потребляющего лица, и на основании этого она производится таким образом:

a) Все участники артели, получающие 500 р., подписывают их сполна.

b) Получающие менее 500 р. подписывают все, что получают.

c) Получающие более 500 р. подписывают непременно 500, а свыше этой суммы по желанию.

§ 6. При подписке означаются вероятнейшие сроки взносов.

§ 7. Подписная сумма обращается в действительную следующим образом:

a) Подписавшие 500 р. и менее вносят их немедленно по получении.

b) Подписавшие свыше 500 р. вносят их, если возможно, в сроки, ими назначенные.

III

Назначение сумм

§ 8. Сложность общественной суммы разделяется на три части: *на хозяйственную, частную и экономическую.*

a) *Хозяйственная сумма* назначается на продовольствие всех участников артели в совокупности.

b) *Частная сумма* назначается на удовлетворение частных потребностей каждого лица отдельно.

c) *Экономическая сумма* назначается частью заимообразно на хозяйственные артельные обороты и частью для выдачи отъезжающим из тюрьмы.

§ 9. *Хозяйственная сумма* определяется наибольшим количеством денег, назначаемых на годовое продовольствие одного лица, помноженным на число потребляющих лиц.

§ 10. *Частная сумма* составляется от остающейся от определенной на полное годовое содержание, по вычету из оной всей хозяйственной суммы.

§ 11. Экономическая сумма составляется:

a) из пяти процентов общественной суммы, немедлен-

но отделяется по переводе денег из собственности подписавшихся лиц в общественную сумму;

b) из избытка действительной суммы над определенною на полное годовое содержание артели и

c) из экономии хозяйственной суммы.

§ 12. Экономическая сумма разделяется: на *закупную* и *запасную:*

a) Закупная сумма составляется: 1) из пяти процентов подписной суммы, 2) из половины избытка действительной суммы над определенною на полное годовое содержание артели и 3) из половины экономии хозяйственной суммы.

Закупная сумма назначается заимообразно на хозяйственные обороты и должна состоять в наличности к 1 февраля каждого года.

b) Запасная сумма образуется: 1) из другой половины избытка действительной суммы над определенною на полное годовое содержание и 2) из другой половины экономии хозяйственной суммы. Запасная сумма назначается для выдачи отъезжающим из острога и должна быть всегда в наличности.

IV

Свойство наличной суммы

§ 13. Всякая подписная сумма, поступившая в наличность, становится безвозвратно общественною собственностью.

V

Разделение наличных сумм

§ 14. Разделение наличной общественной суммы на хозяйственную и частную бывает правильным и неправильным.

a) Правильное разделение наличной суммы должно быть соразмерно определенному в смете годовому разделению сумм, а именно на сей 1832-й год (по исключении пяти процентов в экономическую сумму) 237 рублей на каждого участника в хозяйственную и 248 р. 80 к. в частную.

b) Неправильное разделение есть несоразмерное годовому разделению сумм.

§ 15. Если на удовлетворение хозяйственных потребностей достаточно будет суммы, отчисленной по правильному разделению, то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то в таком случае оно становится неправильным и производится сообразно с прилагаемой таблицею, составленной на текущий год.

Таблица допускаемого неправильного разделения сумм (1832)

Месяцы	Хозяйственная сумма		Участковая сумма	
	что следует	что можно выдать	что следует	что можно выдать
Март	19,75	40	20,73	0
Апрель	19,75	24	20,73	16
Май	19,75	16	20,73	24
Июнь	19,75	16	20,73	24
Июль	19,75	18	20,73	22
Август	19,75	20	20,73	22
Сентябрь	19,75	21	20,73	20
Октябрь	19,75	20	20,73	20
Ноябрь	19,75	20	20,73	20
Декабрь	19,75	16	20,73	24
Январь	19,75	14	20,73	26
Февраль	19,75	12	20,73	30,80
Итого:	237	237	248,80	248,80

VI

Движение сумм

§ 16. Хозяйственная наличная сумма обращается единственно на хозяйственные закупки.

§ 17. Частная сумма наличная разделяется на равные участки по числу лиц, состоящих в артели, и поступает навсегда в неприкосновенную собственность каждого участника.

VII

Управление суммами

§ 18. Годовое управление общественными суммами и обороты оными зависят от двух комиссий.

a) От временной, которая дает суммам годовое направление, т. е. утверждает смету, составленную хозяином на наступающий хозяйственный год, начинающийся с 1-го марта и продолжающийся по 1-е число того же месяца следующего года.

b) От постоянной комиссии, называемой хозяйствен-

нюю, которая заведывает распределением и движением сумм на основании сметы, утвержденной временною комиссией.

§ 19. Временная комиссия, составленная из пяти избранных членов, собирается обыкновенно перед выборами хозяина и казначея и, сверх утверждения сметы, имеет целью:

a) Проверку общественных счетных книг.

b) Рассмотрение устава и предложение необходимых в оном изменений на общее разрешение.

c) Распоряжение при выборах в общественные должности.

d) Передачу хозяйства новоизбранным лицам.

§ 20. Временная комиссия по исполнению помянутых обязанностей немедленно расходится.

§ 21. Хозяйственная комиссия состоит из трех ежегодно избираемых лиц: *хозяина, закупщика и казначея*, которые имеют голос и во временной комиссии, при составлении и утверждении смет.

§ 22. В хозяйственной комиссии хозяин есть блюститель хозяйственных общественных выгод, закупщик — частных, а казначей — посредник между ими обоими.

§ 23. Хозяйственная комиссия распределяет общественную сумму на хозяйственную и частную; обращает часть хозяйственных сумм на гуртовые закупки, разрешает на ссуды из запасной суммы; предварительно рассматривает условия и контракты, заключаемые хозяином и закупщиком, поверяет ежемесячно частные и общественные книги, и по окончании поверки два члена сей комиссии, хозяин и закупщик, подписывают счеты, ими рассмотренные. Комиссии вменяется также в обязанность заботиться о размене звонкой монеты, если она прислана будет на имя кого-либо из участников артели. Наконец, пред истечением хозяйственного года комиссия делает оценку припасам, оставшимся от годового продовольствия, и причисляет их ценность к экономической сумме.

VIII

Должность хозяина

§ 24. Хозяин, избираемый на год, принимает по описи от своего предместника все, входящее в состав общественного хозяйства.

§ 25. Хозяин составляет смету на наступающий год и представляет ее временной комиссии на утверждение.

§ 26. Если по непредвидимой дороговизне припасов цены будут превосходить смету, то недостаток сумм, происходящий от повышения цен, вознаграждается соразмерным уменьшением выдачи чаю и сахару. Но ни в каком случае хозяин не может выйти из пределов, поставленных в смете.

§ 27. Приступая к хозяйственным гуртовым закупкам сахара и чая, хозяин обязан спросить, не желает ли кто выписать их и на собственные деньги.

§ 28. При том же самом случае он обязан тоже спросить, не пожелает ли кто за свою долю чаю и сахару получить деньгами.

§ 29. Выдача чаю и сахару производится хозяином в общей комнате в день, им заранее объявленный.

§ 30. Хозяин избирает выгодное время для продажи экономической муки и извещает письменно казначея о количестве вырученных денег.

§ 31. Хозяин ведет валовую домашнюю книгу прихода и расхода и сообщает ее казначею для выписки за два часа до оной.

§ 32. Хозяин обязан вести очередь наблюдающим за чистотою на кухне и уведомляет за неделю до того, чья очередь наступает.

§ 33. Все служители, состоящие при кухне и бане, находятся в полном распоряжении хозяина: он обязан при найме сих служителей объявить им, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказание, имеющее целью услугу для внезапно заболевшего в ночное время кого-либо из участников артели.

§ 34. Каждый хозяин обязан представить временной комиссии, к первому заседанию по открытии оной, подробный отчет о всех бывших закупках:

a) в какое время, в каком количестве, каких товаров, по каким ценам и на какие деньги, займом ли добытые или иным образом, были сделаны бо́льшие закупки и

b) были ли закупки выгодны или невыгодны и по каким причинам.

§ 35. В случае кратковременной болезни хозяина исправляет должность его казначей; в случае же продолжительной болезни того или другого приступают к новым выборам по установленному порядку.

IX

Должность закупщика

§ 36. Закупщик ходит в лавку два раза в неделю и, сверх того, один раз посылает сторожа.

§ 37. Никто не может требовать от закупщика покупки товаров в долг.

§ 38. Закупщик ведет одну книгу всем сделанным им покупкам.

§ 39. Закупщик показывает и раздает вещи в общественной зале, в известный день и час, им самим назначенный, единожды на целый год при вступлении его в должность. Покупающие, по получении товаров от закупщика, обязаны по его требованию выдать ему уплатные записки.

§ 40. Закупщик ведет очередь всем выходящим на казенную работу. Если дежурный офицер объявит закупщику, что не все вышли на работу, в таком случае он представляет ему список очереди находящимся на работе. Если же по какому-нибудь случаю потребуется большее число на работу, тогда он отсчитывает из следующей очереди требуемое число лиц, по порядку списка, и извещает их о том. На другой день очередь начинается уже с первого, оставшегося в сей очереди.

§ 41. Закупщик должен иметь в конторе (см. № 81) свой стол для отправления дел и хранения общественной книги, большой шкаф для помещения товаров и ящик под замком для записок о покупке товаров.

§ 42. В случае кратковременной болезни закупщика исправляет его должность хозяин; в случае же продолжительной — приступают к новым выборам.

X

Должность казначея

§ 43. Казначей начинает отправление своей должности собранием подписки на наступающий год и представляет ее временной комиссии на рассмотрение, для утверждения по ней сметы.

§ 44. Он переводит подписанные деньги из собственности лиц в общественную сумму, немедленно по присыл-

ке их, получив предварительное согласие подписавшихся на сумму свыше 500 и без предварительного согласия на 500 руб. и менее. Причем во всяком случае он извещает о том подписчика.

§ 45. По разделении наличной частной суммы на участников казначей каждое 25 число объявляет каждому лицу о сумме, причитающейся на его месячную долю, означив оную на черной доске в общей комнате.

§ 46. Никто, кроме казначея, не имеет права выписывать из общественных сумм, и по этим общественным суммам только он входит в сношение с горным начальством.

§ 47. Казначей делает выписки из всех сумм, входящих и не входящих в состав общественной суммы, т. е. хозяйственной, участковой, экономической и личной.

§ 48. Казначей производит выписку три раза в неделю.

§ 49. Из хозяйственной суммы казначей выписывает по запискам хозяина, а из участковой наличной суммы по запискам закупщика и частных лиц, которые обязаны доставлять ему сии записки по крайней мере за два часа до выписки.

§ 50. Если кто желает не расходовать своего участка и оставляет его временно в общественной частной сумме, то казначей обязан потребовать от него означение положительного срока, когда он хочет получить свой участок в свое распоряжение, и ранее сего срока казначей не может выдавать ему оный.

§ 51. Для отвращения застоя в одной сумме и задержки выдачи из другой казначей может переводить из кредита одного счета в дебет другого, с тем, однако, чтобы сумма, поступающая в дебет, была совершенно обеспечена подпиской.

§ 52. Казначей не может переводить деньги из одного участка в другой без письменного согласия самого участника.

§ 53. Казначей не обязан входить в личные сделки и записывать, кто кому должен.

§ 54. Он получает от хозяина переплетенные счетные книги.

§ 55. Казначей должен вести книгу по двойной бухгалтерии, соответственно утвержденной форме, при сем прилагаемой.

Под № 1 форма книги общественной подписки.
—»— 2 —»— общ. прихода и расхода.
—»— 3 —»— » хозяйственной.
—»— 4 —»— » частной, составленной из тетрадей, по числу участников под №№ и при алфавитном списке имен.
—»— 5 —»— » кассового журнала.

Примечание. Казначей, если образуется запасная или закупная сумма, обязан иметь еще 6-ю и 7-ю книгу.

§ 56. Каждую субботу, от 3 до 6 часов пополудни, счетные книги, за исключением алфавитной, означенной под № 4, должны находиться в общей комнате для желающих сделать какие-либо справки.

§ 57. Казначей обязан показывать тетради, составляющие алфавитную книгу, желающим справляться с ними два раза в неделю, в том месте и в те дни и часы, которые он сам назначит единожды на целый год при вступлении своем в должность; впрочем, справляющимся лицам он показывает только тетради их собственного прихода и расхода.

§ 58. Казначей должен иметь в конторе (см. № 81) свой стол для отправления дел и хранения артельных книг и ящик под замком для уплатных записок.

XI

Должность огородника

§ 59. Сверх трех главных общественных лиц избирается еще огородник.

§ 60. Когда наступает время для выбора в огородники, хозяйственная комиссия приступает к этому по установленному порядку для выборов.

§ 61. Обязанность огородника заключается в составлении сметы огородных издержек, и по утверждении сей сметы хозяйственною комиссией он получает сумму, ему назначенную. При засеве огородник соглашается с хозяином о том, каких и сколько овощей будет нужно на общественное продовольствие. Пока овощи на грядах, он располагает ими независимо от хозяина, но уведомляет его за несколько дней до снятия, сколько и каких овощей можно будет собрать для общественного стола.

XII

Правила общие

§ 62. Артель управляется по правилам, составленным временной комиссией и утвержденным положительным большинством голосов; но никакое предложение, хотя бы и принятое большинством голосов, если будет сделано не через посредство временной комиссии, не имеет обязательной силы для лиц, не соглашающихся на оное.

§ 63. Все участники артели имеют равные права на общественную сумму.

§ 64. Все артельные заведения учреждаются и поддерживаются общественными суммами. Хозяину возбраняется всякого рода подписка на общественные издержки.

§ 65. Всякий почитается обязанным нести общественные должности, за исключением тех лиц, которые не пользуются выгодами, доставляемыми артели отправлением сих должностей.

§ 66. Несший единожды какую-либо общественную должность по выбору имеет право отказываться от подобной должности в течение трех лет.

§ 67. Каждый имеет право делать во всякое время вклады, в какую ни пожелает отрасль общественной суммы. Употребление же сих добровольных вкладов будет подчинено правилам, поставленным для каждой отрасли особенно.

§ 68. На содержание каждого лица определяется при достаточном сборе 500 р., при недостаточном же — сколько произойдет от разделения всей суммы на число потребляющих лиц.

§ 69. Каждому из отъезжающих лиц артель обязывается выплатить все, что, за исключением употребленных на него издержек, останется от полного годового содержания.

§ 70. Когда запасная сумма сделается действительною, то выдача из оной отъезжающим должна быть назначаема по единогласному определению хозяйственной комиссии.

Примечание. В случае внезапного отъезда кого-либо из участников артели хозяйственной комиссии разрешается выдать отъезжающему из запасной суммы до 300 руб.

§ 71. Плата за мытье белья будет производиться не из хозяйственной суммы, но каждым участником из свое-

го участка, по причине разности в количестве белья, отдаваемого тем или другим участником.

§ 72. Всякому предоставляется право делать замечания на устав артели и на исполнение общественных должностей. Сии мнения вносятся в хозяйственную комиссию, которая хранит их для передачи временной комиссии. Если же число подобных замечаний по одному и тому же предмету возрастет до одной трети всех участников, то хозяйственная комиссия обязана немедленно собрать временную, которая по исследовании сих мнений представляет их на общее разрешение.

§ 73. Никто не имеет права требовать от хозяйственной комиссии, чтобы она представила на общее рассмотрение замечания, поступающие от одного лица и не относящиеся к артельному устройству; но если оные поступят за подписью более одной седьмой ($^1/_7$) всех участвующих в артели, то комиссия обязана представлять подобные предложения на общее разрешение.

§ 74. Все предположения хозяйственной и временной комиссии должны быть выражены таким образом, чтобы каждый мог отвечать на них словами «да» или «нет».

§ 75. Замечания или оговорки, делаемые каким-нибудь лицом на предложения временной или хозяйственной комиссии, должны быть принимаемы не иначе, как на особом листе, и непременно относиться прямо к предложенному вопросу.

§ 76. Если предложенный вопрос состоит из нескольких пунктов, то оные должны быть представлены отдельно, чтобы на каждый из них можно было отвечать словами «да» или «нет».

§ 77. Общественные лица не подают голоса на вопросы, относящиеся к исполнению их обязанностей.

§ 78. Всякий имеющий надобность до трех общественных лиц обязан сноситься с ними только в те дни и часы и только в том месте, которые будут ими самими определены.

§ 79. Каждый выписывающий деньги должен означить на уплатной записке, из какой суммы он выписывает: из личной или из участка.

§ 80. Общественная зала состоит под надзором хозяина.

§ 81. Зала разделяется на две части: в одной из них, меньшей, должна быть устроена контора хозяйственной

комиссии, другая, большая, остается для общественных нужд, как-то: богослужения, баллотировки, классов и пр.

§ 82. Подлинник Устава хранится у хозяина и, сверх того, две копии для выдачи в частные руки.

XIII

О выборах

Избрание временной комиссии

§ 83. Хозяйственная комиссия оповещает всех участников в артели о предстоящем избрании во временную комиссию и просит каждого отвечать, будет ли подавать голос; потом число избирателей делит на пять отделов, по порядку номеров, причисляя остаток, если есть, к последнему отделу.

§ 84. Члены хозяйственной комиссии порознь обходят отделы с особенным пакетом для каждого отдела и с числом билетов по числу избирателей. Сии последние пишут на билетах, под своими собственными именами, имя лица, ими избираемого, и вкладывают оные в пакет своего отдела.

§ 85. Хозяин, закупщик и казначей рассматривают билеты. Получивший положительное большинство в своем отделе (в четном числе избирателей — половину сего числа плюс один голос) объявляется членом временной комиссии.

§ 86. После третьего неопределенного выбора в каком-либо из отделов избиратели оного выбирают в члены временной комиссии уже между кандидатами других отделов. Если ни один из них не получит положительного большинства в сем отделе, тогда предлагаются им на выбор два кандидата, имеющие большее число голосов. Если же и в сем случае голоса разделяются поровну, то решает жребий.

§ 87. На следующий день по выборе все новоизбранные члены временной комиссии собираются в зале и взаимно поверяют свои полномочия.

О выборе и баллотировке в срочные общественные должности

§ 88. При выборе и баллотировке хозяина и казначея распоряжается временная комиссия.

§ 89. При выборе и баллотировке закупщика и огородника распоряжается хозяйственная комиссия, если выбор их не совпадает с выборами хозяина и казначея.

§ 90. Когда все выбираются в одно время, то наблюдается следующий порядок: сначала выбирают хозяина, потом казначея, далее закупщика и, наконец, огородника.

О производстве выборов

§ 91. За два дня до выборов комиссия, распоряжающаяся оными, извещает всех, в какую должность предстоит выбор.

§ 92 . Она собирает посредством своих членов голоса по правилам вышеизложенным.

§ 93. Неподание голоса означает согласие с положительным большинством остальных избирателей.

§ 94. Кто получит положительное большинство, тот избран.

§ 95. Если никто не имеет положительного большинства голосов, то два лица, соединившие большее сравнительное число голосов, становятся кандидатами и баллотируются.

§ 96. Если, по причине равенства голосов, два кандидата не будут определены, то между имеющими равное число оных решает баллотировка.

О производстве баллотировки

§ 97. Накануне баллотировки комиссия извещает о именах двух кандидатов и уведомляет о том порядке, который будет соблюдаться при производстве баллотировки.

§ 98. Все подававшие голоса при избрании находятся и при баллотировке; кто же не придет, тот располагает письменно своими шарами, через одного из членов комиссии.

§ 99. Только те имеют право баллотировать, которые избирали.

§ 100. В зале в день баллотировки один из членов комиссии раздает шары, выдавая каждому баллотирующему порознь белый и черный на каждого баллотирующегося.

§ 101. Получивший шары подходит к двум сосудам, поставленным для принятия шаров; другой член комиссии, при них стоящий, объявляет, который сосуд для кого назначен.

§ 102. Положившие шары отмечаются в алфавитном списке имен.

§ 103. Когда же все шары положены, комиссия считает перед всеми число белых и черных каждого канди-

дата. Получивший положительное большинство голосов в отношении к числу баллотирующих и сравнительное относительно к другому кандидату объявляется избранным.

§ 104. Если оба имеют положительное большинство, но равны между собою, то снова баллотируются. По третьей неопределенной баллотировке решает жребий.

§ 105. Если оба не будут иметь положительного большинства белых шаров, то баллотирующие приступают к новым выборам.

Прибавление

§ 106. Общественные счетные книги за 11 месяцев, т. е. по 1-е февраля, должны быть представлены отдельно, к 10-му числу сего месяца, дабы после 1-го марта оставалось поверить счеты только за один месяц.

Это благодетельное учреждение избавляло каждого от неприятного положения зависеть от кого-либо в отношении вещественном и обеспечивало все его надобности. Вместе с тем оно нравственно уравнивало тех, которые имели средства, с теми, которые вовсе не имели их, и не допускало последних смотреть на товарищей своих, как на людей, пользующихся в сравнении с ними большими материальными удобствами и преимуществами. Одним словом, оно ставило каждого на свое место, предупреждая, с одной стороны, тягостные лишения и недостатки, а с другой — беспрестанное опасение оскорбить товарища своего не всегда уместным и своевременным предложением помощи. Маленькая артель была учреждена именно с тою целью, чтобы доставлять отъезжающим на поселение некоторое пособие, необходимое на первое время их прибытия на место. Сумма, которою она распоряжалась, составлялась из добровольных вкладов и пожертвований. Участниками в ней были все те, которые вносили часть получаемых ими денег, и те, кто отдавал 10-й процент с той суммы, которую получал на свои расходы из большой артели.

Быт наш в Петровском заводе, или, лучше сказать, в тюремном замке, с устройством артели и принятыми мерами, чтоб обеспечить по возможности на первое время отъезжающих на поселение, материально гораздо улучшился. Каждый имел собственные способы, мог, как хо-

тел, располагать ими, обзавестись необходимым хозяйством, мог даже употреблять избыток или на пользу общую, отдавая его в маленькую артель, или на удовлетворение некоторых привычек прежней жизни, сделавшихся для многих почти необходимостью. Обедать в общую залу мы не собирались, найдя это неудобным, а имели стол по своим отделениям в коридоре. Сторож приносил с кухни кушанье, приготовлял и убирал обед и ужин, кормился тут вместе с нами, мыл посуду, ставил самовар, топил печи и получал за это от нас ежемесячно жалованье, которым был вполне доволен. Между нами был медик — доктор Вольф, и медик очень искусный. В случае серьезной болезни к нему обращались не только мы сами, дамы наши, но и комендант, офицеры и все, кто только мог, несмотря на то, что правительством назначен был собственно для нас должностной врач. Но этот врач, молодой человек, только что выпущенный из академии, понял вскоре все превосходство Вольфа над собою и прибегал, при всяком пользовании, к его советам, опытности и знанию. Слава об искусстве Вольфа так распространилась, что приезжали лечиться к нему из Нерчинска, Кяхты и самого Иркутска. Комендант, видя пользу, которую он приносил, дозволил ему свободно выходить из тюрьмы в сопровождении конвойного. В одном из номеров, нарочно для того назначенном, подле номера Вольфа, помещалась наша аптека, в которой были все нужные медикаменты и прекрасные хирургические снаряды. Все это вместе с известными творениями и лучшими иностранными и русскими журналами по медицинской части выписывалось и доставлялось Вольфу дамами. Одним словом, со стороны врачебных средств нам не оставалось ничего желать.

Мы выписывали также много иностранных и русских журналов, тоже через посредство и с помощью дам. Из французских: «Journal des Débats», «Constitutionel», «Journal de Francfort», «Revue Encyclopedique», «Revue Britanique», Revue des deux mondes», «Revue de Paris»; немецкие: «Preussische Staatszeitung», «Гамбургского корреспондента», «Аугсбургскую газету»; русские почти все журналы и газеты. Вот это мы читали с жадностью, тем более, что тогдашние события в Европе и в самой России, когда сделалось Польское восстание, не могли не интересовать нас[119]. При чтении журналов и газет

введен был порядок, по которому каждый ими пользовался в свою очередь, и это наблюдалось с большой строгостью и правильностью. На прочтение газеты определялось два часа, а для журнала два и три дня. Сторожа наши беспрестанно разносили их из номера в номер с листом, где отмечалось каждым из нас время получения и отправки.

Библиотека наша также неимоверно увеличилась, так что не могла быть уже общею, и потому каждый держал свои собственные книги у себя и брал у других то, что было ему нужно. В особенности женатые, и между ними Муравьев Никита Михайлович, имели огромное количество книг, в которых никому не отказывали, хотя нередко их богатые издания подвергались от неосторожности чтецов не только повреждению, но и совершенному истреблению.

И всем этим, по справедливости говоря, мы обязаны были приезду наших дам. Они точно и во всем смысле выполняли обет и название свое. Это были ангелы, посланные небом, чтобы поддержать, утешить и укрепить не только мужей своих, но и всех нас на трудном и исполненном терния пути.

В первое время нашего пребывания в Петровском дамы по собственному желанию, чтобы не разлучаться с мужьями, были с ними в казематах и ходили на свои квартиры только утром, на несколько часов, чтобы распорядиться хозяйством, обедом и туалетом своим. Для большего удобства их помещения мы с радостью уступили им еще по номеру для каждой, так что женатые занимали два рядом номера, а некоторые из холостых разместились по два в одном. По вечерам в номерах их собиралось иногда маленькое общество, и странно было видеть людей, одетых скорее бедно, нежели изящно, беседующих в темной, тесной комнате, при самой простой обстановке, со всеми условиями лучшего общества и соблюдающих все приличия, все утонченности высшего образования. Пребывание дам в общей тюрьме продолжалось около года. Здоровье их, видимо, страдало от неудобства казематной жизни, от частых переходов к себе на квартиру в дурное или холодное время, особенно же от недостатка света в номерах. Многие даже из нас подвергались глазным болезням и испортили зрение. Об этом как дамы, так и мы упоминали нередко в письмах

к родным. Полагаю даже, что и комендант, с своей стороны, доносил о том правительству. Оно вынуждено было, наконец, обратить на это обстоятельство внимание и на другой год прибытия нашего в Петровский завод предписало прорубить в каждом номере по окошку и вместе с тем отштукатурить внутренние стены. Летом 1831 года начались эти работы. Разумеется, дамы перебрались на свои квартиры; мужьям позволили жить вместе с ними, а нас, холостых, разместили по нескольку человек вместе и переводили из неотделанного отделения в отделанное до тех пор, пока кончилось совсем исправление. Оно продолжалось более двух месяцев, и потом каждый из нас занял опять свою комнату. Дамы наши после этого исправления не переходили уже в тюрьму. Вскоре позволили мужьям бывать у них, когда пожелают, и только ночевать в номерах, а под конец разрешено было и им постоянно жить в домах своих вместе с женами *.

Здесь я нелишним считаю поместить одно обстоятельство, которое в свое время чрезвычайно меня поразило и обратило мое внимание на нравственность ссыльнорабочего населения заводов тамошнего края. Я уже сказал, что в Петровском было около двух тысяч жителей. Четвертую часть этого населения составляли чиновники, горные служители, служащие и отставные разночинцы, солдаты горного ведомства, старики, выслужившие сроки в работах и т. д. Остальные, т. е. 3/4, были ссыльнорабочие или каторжники, сосланные за важные преступления и наказанные кнутами, со штемпельными знаками, одним словом, люди, по своему преступлению и в особенности по наказанию исключенные навсегда из общества, а потому и естественные враги его. Эти ссыльнорабочие употреблялись не только на выделку чугуна и добывание руды, но и в другие работы: кузнечные, плотничные, столярные, колесные и т. д. Многие из них были очень

---

* Я не уверен, что не ошибся, сказав, что после отделки наших казематов дамы уже не жили в них. Припоминая теперь, мне кажется, что некоторое время (хотя очень недолго) Ивашева жила с мужем в тюрьме, когда уже в комнате их было окно. Не ручаюсь в совершенной точности и других мелких подробностей. Разумеется, что если Ивашева жила в каземате, то и другие дамы точно так же, потому что дозволение жить по домам своим было общее.

искусные и трудолюбивые ремесленники, которые вступали с нами в сношение, потому что каждому из нас необходимы были и кровать, и стол, и кое-какая мебель, одним словом, их услуги. Мы платили им очень хорошо, а в некоторых случаях помогали в их нуждах, и, следовательно, они были нами очень довольны. Тюремный наш замок строился ими, и когда приказано было прорубить окошки и штукатурить стены, то употребили для этого их же. Этою работою занимались, по крайней мере, человек 60, чтобы скорее кончить, и когда нас переводили по очереди из своего номера в другой, то, не желая перетаскивать на короткое время вещи, мы брали с собою только постель, а остальные вещи оставляли в своем каземате, сложа все посредине комнаты и накрыв простынями или коврами. Так как у каждого из нас не было ни денег, ни хороших вещей, то мы и не заботились о пропаже. Стало быть, рабочие в продолжение двух месяцев имели возможность брать из наших пожитков все то, что им было угодно. И тем не менее ни у одного из нас не пропало даже булавки. Как объяснить этот факт? Я очень помню, как он меня поразил. С этих пор я обратил особенное внимание на этот класс заводских жителей и убедился многими доказательствами в их честности и их признательности за оказываемые им услуги. До прибытия нашего у них был начальником какой-то горный чиновник, человек злой и несправедливый, который поступал с ними самым жестоким образом. В его время, как было нам известно, ни он сам и никто из чиновников горного ведомства не смели выходить ночью с квартиры. Лишь только делалось темно, запирались у всех окна и брались все предосторожности от злого умысла ссыльнорабочих. В наше же время начальником был горный офицер Арсеньев, добрый и справедливый человек; он обходился с ними человеколюбиво, выдавал им все положенное, занимался улучшением их быта, хотя был и строг, когда требовала этого необходимость. При нем всякий мог безопасно ходить по заводу в глубокую полночь, без всякого оборонительного оружия. Мне самому не раз случалось возвращаться в тюрьму в сопровождении одного конвойного и встречать на пустырях по пятку и десятку ссыльнорабочих, иногда не совсем даже трезвых. Они мирно проходили мимо, снимая шапки, вежливо приветствуя. Во все продолжение моего пребы-

вания в Петровском о воровстве я никогда не слыхал. Этого преступления как будто не существовало, и не раз нам возвращали кое-какие вещи, оставленные нами или в бане или во время прогулок. Одним словом, я тогда убедился и убежден теперь, что ссылаемые в работу за важные преступления, убийство, святотатство и т. д. гораздо нравственнее тех, которые ссылаются на поселение за воровство или другие не так важные проступки. Первые могли быть побуждены к сделанному ими преступлению сильными страстями, непреклонностью характера, мщением или изуверством, но не потеряли всех нравственных оснований, и, следовательно, если бы обратить только на них внимание и заняться умеючи их воспитанием, то я уверен, что большая часть из них могла бы сделаться не только порядочными, но даже очень полезными гражданами; тогда как сосланные на поселение за кражу, обман, подлоги, утаение чужой собственности, скрытие ворованных вещей и т. д., доведенные до этих преступлений постоянным развитием дурных наклонностей, постепенно ухудшающейся нравственностью, не так легко могут исправиться, как первые. Во всяком случае, правительство сделало бы величайшее благодеяние, можно сказать, высокий нравственный подвиг, если бы занялось этими последними ступенями общественной лестницы; если бы не заграждало им навсегда пути к восстановлению себя; если бы действовало, одним словом, как искусный врач, а не как неумолимый, непреклонный мститель.

Кстати, расскажу здесь для соображения моралистов один резкий пример железной воли, твердости характера и равнодушия к телесным истязаниям одного из ссыльно-рабочих. В Восточной Сибири существует обыкновение между каторжными в летнее время отлучаться из заводов месяца на три в окрестные леса, чтобы, как говорят они, погулять на свободе, подышать свободным воздухом. Разумеется, что с их стороны это преступление, тем более, что при этих отлучках совершаются многими иногда новые противозаконные поступки. С наступлением холодного времени большая часть из них возвращаются в Завод, где их наказывают за побег и потом употребляют опять в работу. Не имея достаточных средств, чтобы воспрепятствовать этим побегам, горное начальство принимает, однако же, некоторые меры; и одна из них состоит в том,

что платит за каждого пойманного каторжника десять рублей ассигнациями тому, кто приведет его. В случае же, если он будет при поимке убит, то не только не преследует лишившего его жизни, но платит ему тогда *пять* рублей. Буряты, зная об этом распоряжении, сделали из него род промысла. Летом они отправлялись верхами с оружием для поимки беглых и когда завидят в лесу одного или двух, то, подъезжая на некоторое расстояние и приготовив лук и стрелы, закричат им, чтобы остановились. Если они послушаются, тогда бурят велит им следовать по пути к Заводу, а сам едет за ними поодаль с направленным против них ружьем или стрелою и таким образом приводит их и получает следующую ему награду. Если же они не послушаются его и захотят убежать, то убивает их и получает награду вполовину менее. Весьма естественно, что это служит причиною непримиримой вражды ссыльнокаторжных с бурятами. Один из первых, по прозванию Масленников, бывший орловский мещанин, негодуя на бурят, решился объявить им войну и каждый год в летнее время отправлялся в поход, чтобы, в свою очередь, убивать их. Когда же наступали морозы, он возвращался в Завод и сам объявлял начальству, сколько ему удалось истребить так называемых им неприятелей. Часто даже брал на себя преступления других. Его заковывали, судили, секли кнутом, держали некоторое время в остроге, но, наконец, выпускали, и в первое же лето он опять повторял то же самое. В продолжение 10 лет шесть раз делал он такие походы, убил человек до 20 и шесть раз был нещадно сечен кнутом. Наконец, это упорство, эта неисправимая злоба принудили начальство взять решительные меры. В последний раз, когда следовало его наказать сто одним ударом, начальник, человек строгий и безжалостный, заранее приказал палачу засечь его насмерть. Дня за два до исполнения приговора слух о таком приказании разнесся и достиг до одного отставного ссыльнокаторжного, старика набожного и по своему образу жизни всеми уважаемого. Он идет к начальнику и просит его отменить его приказание, обещая уговорить Масленникова дать слово не бегать и отказаться от войны с бурятами и ручаясь в том, что если он даст это слово, то сдержит его. Долго не соглашался начальник, но, наконец, убежденный стариком, которого он сам уважал, решается на этом

условии отменить свое приказание. Старик, пришедши к Масленникову, сказал ему об условии, которое может сохранить его жизнь, и просит дать слово. Тот долго не решался на это, целый день борется сам с собою, наконец, самосохранение одерживает верх, и он дает требуемое обещание. Его наказывают. Железное тело его выдерживает наказание. Он выздоравливает и после этого живет на Заводе примерным образом. Повиновением, деятельностью заслуживает благосклонность начальства и делается, не говорю нравственным, но порядочным человеком. Когда мы прибыли в Завод, он уже несколько лет жил на свободе, своим домом; при нас вел себя все время хорошо и однажды, работая в моем каземате, сам рассказал мне, как до сих пор боятся его буряты. Нередко, говорил он, при встрече с бурятом он, не зная меня, спрашивал у меня же, жив ли неприятель их Масленников, и рассказывал мне прежние мои с ними проделки. Характеры, подобные Масленникову, могут быть и величайшими злодеями, и великими людьми! Все зависит от воспитания и обстоятельств.

Летом 1831 года приехала невеста Ивашева, молодая, милая, образованная девушка. Он успел приготовить дом и все, что нужно для первоначального хозяйства. Она остановилась у княгини Волконской и прожила у нее до свадьбы своей, которая совершилась дней через пять по приезде ее [120]. Я радовался, видя его вполне счастливым, и нашел в его супруге другого себе друга. Им позволили прожить у себя дома около месяца, и, глядя на них, я невольно вспоминал себя. По прошествии этого месяца она, по примеру других дам, перешла с мужем в его номер и оставалась тут до тех пор, пока всем женатым позволили жить у себя. Свадьба Ивашевых не была уже так оригинальна, как Анненковых.

По переходе женатых в дома свои я занял номер Ивашева. Мы остались в этом отделении только трое: Муханов, Пестов и я. В продолжение этого времени некоторым из нас вышли сроки, и они были отправлены на поселение. Не помню, по какому-то случаю, кажется, в рождение одного из великих князей, нам убавлено было три года работы, а в рождение последнего из сыновей государя еще два года. Первые уехавшие из Петровского на поселение были Кюхельбекер 2-й и Глебов, потом Розен, Репин, Вегелин и Игельстром [121].

В 1832 году я был избран хозяином. Эта должность сопряжена была с большими хлопотами, тем более, что каждому, кого выбирали, желалось угодить своим товарищам и соблюдать, сколько возможно, общие интересы, удовлетворяя вместе с тем и частные требования. Помню, что меня очень затрудняли распоряжения насчет кушанья. Не имея понятия в гастрономии, я часто не знал, какие выдумывать обеды для разнообразия нашего скромного стола, и нередко прибегал к советам повара, которые не всегда были удачны. Помню, как, бывало, досадовал я на себя при каком-нибудь худом обеде или ужине и, наоборот, как доволен оставался, когда гастрономические мои соображения удавались и все были довольны.

Впрочем, и нелегко было удовлетворить, с маленькими средствами нашими, вкусу и требованиям семидесяти человек, более или менее привыкших к хорошему столу. Но и в этом случае те из нас, которые более понимали в гастрономии и более имели прав судить о ней, обыкновенно молчали, покоряясь необходимости, и не обращали внимания на материальную часть нашей жизни. Случайный ропот происходил иногда между молодыми товарищами нашими, не имевшими такого образования, как другие, и служившими прежде в армейских полках.

Год этот был тем более для меня труден, что здоровье мое не соответствовало моей должности. Зимою надобно было ходить по Заводу для разных закупок, отпускать припасы, быть по целым часам на кухне и потом из жару выходить прямо на холод. Я часто простуживался и с этих пор не так уж стал здоров, как прежде.

Первый случай смертности между нами оказался в нашем отделении и очень поразил нас всех, тем более, что это случилось внезапно. У соседа моего Пестова сделался на спине простой веред, который его несколько беспокоил, но он ходил и даже вздумал идти в баню *. Это было накануне рождественского сочельника. Я было отговаривал его, но он не послушался. На другой день, сидя со мной за чаем в коридоре, он очень жаловался на боль и сожалел, что нельзя будет идти в Рождество вместе

* В баню нам позволялось ходить каждую неделю. Мы содержали ее на свой счет, она много способствовала к сохранению нашего здоровья.

В. П. ИВАШЕВ

Акварель Н. А. Бестужева. 1831 г.

со мной к Ивашевым. Утром, в день праздника, я зашел к нему в комнату узнать об его здоровье. Он лежал еще в постели и сказал, что чувствует небольшой озноб. Тогда я ему посоветовал послать за Вольфом; он сначала было не соглашался, говоря, что это пустая болезнь и пройдет без медицины; но к обеду ему стало хуже, и он пригласил Вольфа. Между тем я ушел к Ивашевым; мы еще сидели за обедом, как я получил записку Вольфа, который извещал меня, что Пестов при смерти, что у него карбункул и начался уже антонов огонь в спинной кости. Я побежал домой и застал больного в совершенной памяти, но ужасно слабым. Ему не говорили об опасном

К. П. ИВАШЕВА
Акварель Н. А. Бестужева. 1831 г.

его положении, и вечером, часу в 12, он скончался в полном сознании, разговаривая с окружающими его товарищами и не подозревая приближающейся смерти. Только за несколько минут до кончины он перестал говорить и потерял зрение.

Это грустное событие опечалило всех. Мы оплакали его и похоронили приличным образом на погосте Петровской церкви. Всем нам позволено было сопровождать его тело, которое мы сами несли до церкви, переменяясь поочередно. Опустивши гроб в могилу и отдавши последний долг его праху, мы грустно возвратились в тюрьму

свою. Он первый из нас явился к пятерым казненным нашим товарищам.

Вскоре после кончины Пестова смерть избрала новую жертву *, и жертву самую чистую, самую праведную. А. Г. Муравьева, чувствуя давно уже общее расстройство здоровья своего (следствие нравственных волнений и преждевременных родов), старалась скрыть ненадежное положение от мужа и продолжала вести обыкновенную жизнь, не принимая, как советовал ей Вольф, особенных предосторожностей. Она ходила иногда в зимнее время, легко одетая, из каземата на свою квартиру по несколько раз в день, тревожилась при малейшем нездоровье своего ребенка и, сделавшись беременною, крепко простудилась. Долго боролась ее природа, искусство и старание Вольфа с болезнью (кажется, нервическою горячкою). Месяца три не выходила она из опасности, и, наконец, ангельская душа ее, оставив тленную оболочку, явилась на зов правосудного творца, чтобы получить достойную награду за высокую временную жизнь свою в этом мире.

Легко представить себе, как должна была поразить нас всех преждевременная ее кончина. Мы все без исключения любили ее, как милую, добрую, образованную женщину, и удивлялись ее высоким нравственным качествам: твердости ее характера, ее самоотвержению, ее безропотному исполнению своих обязанностей. Бедный супруг ее был неутешен. Она оставила ему после себя залогом своей нежной неограниченной любви четырехлетнюю дочь [123]. Две старших, рожденные в России, находились в Москве, у мужниной матери, вдовы М. Н. Муравьева [124]. Тело ее предано земле на погосте Петровской церкви, и постоянно теплящаяся лампада в устроенном над нею склепе служит в мрачную ночь, как очень хорошо выразился один из наших товарищей, посетивший лет через 15 Петровское, путеводною звездою для путешественников, приближающихся к Заводу.

Обе эти утраты, и в особенности последняя, навели облако скорби на нашу отшельническую жизнь. Горесть остальных дам наших о потере достойной подруги их еще сильнее давала нам чувствовать это общее, так сказать,

---

* Не ручаюсь, чтобы я не ошибся здесь в последовательности. Пестов и А. Г. Муравьева скончались в одну и ту же зиму: первый на Рождество, она же прежде или после него, теперь не упомню хорошо [122].

семейное несчастье. При каждой болезни кого-либо из них мы страшились новой потери.

В конце 1832 года всем нам убавили по нескольку лет работы, и вследствие этого четвертому разряду, т. е. тем, которые были осуждены на 8 лет, окончился срок. В этом разряде находились: Фонвизин, Нарышкин, Лорер, Бобрищев-Пушкин, Аврамов, Фаленберг, два брата Беляевых, Одоевский, Муханов, Мозган, Иванов, Шишков[125] и Александр Муравьев *. Они отправились в начале 1833 года, и с отбытием их тюрьма наша как-то опустела. Нас осталось менее 50 человек, и, следовательно, тогда не только каждый имел особую комнату, но даже осталось несколько номеров незанятых.

Еще в продолжение нашего пребывания в Чите поместили к нам несколько человек, совсем не принадлежавших к нашему делу. То были: брат Завалишина и бывшие офицеры Оренбургского корпуса — Колесников, Таптиков и Дружинин[126]. По прибытии уже в Петровский завод прислали туда слепого старика Сосиновича (из поляков) и какого-то разжалованного майора Кучевского[127]. Мы приняли их радушно, не обращая внимания и не спрашивая, за что они попались к нам; и как все они не имели никаких способов, то и участвовали в общей нашей артели на том же положении, как мы сами.

Комендант Лепарский посещал нередко нашу тюрьму и обращался с нами самым вежливым образом. Он никогда, бывало, не войдет в затворенную комнату, не постучавши и не спросивши, можно ли войти. Если заметит, бывало, чернильницу, то улыбнется и скажет: «Я этого не вижу». Все просьбы наши (разумеется, они были не важны и не подвергали его ответственности) исполнял он с удовольствием, и если был недоволен каким-либо поступком одного из нас, то никогда не выговаривал ему, а принимал какую-нибудь общую против всех в смысле поступка меру, чтобы дать знать виновнику, что этим вредит он не только себе, но и всем товарищам. Этим средством он вернее достигал своей цели. Плац-майор ежедневно обходил нас, принимал от нас просьбы (они большею частью заключались в дозволении выйти куда-нибудь из тюремного замка) к коменданту и был с нами не только ласков, но и почтителен. Прочие офицеры сле-

* Он отказался и просил остаться до отъезда брата.

довали примеру своих начальников. Бывало, нам самим странно было слушать, как унтер-офицер, обходя казематы, говорил: «Господа, не угодно ли кому на работу?» Кто хотел, тот выходил, а нежелающие оставались покойно дома.

Эти работы были неутомительны и очень часто прекращались на месяц и на два, под самыми пустыми предлогами: или по случаю сильного холода, сильного жара, дурной погоды, или существования повальных болезней. Они были те же, как и в Чите, т. е. молонье на ручных жерновах муки, и точно так же, как и там, приходившие на работу садились читать книги, газеты или играть в шахматы.

В Петровском нас посетили бывшие генерал-губернаторы Восточной Сибири Сулима и Броневский [128]. Каждый из них, обходя казематы, чрезвычайно вежливо обошелся с нами, спрашивал о здоровье и о том, не имеем ли мы особенных просьб или жалоб. Разумеется, ни тех, ни других не было. Приезжали тоже по службе генерал Чевкин (теперешний главный управляющий путями сообщения) и полковник Багговут (ныне генерал-лейтенант) [129], но мы их не видели, потому что они не имели и поручения осматривать тюрьму нашу. Первый имел свидание в доме коменданта с Арт. Зах. Муравьевым, а последний останавливался у Ивашевых, которым он был родственником.

Я получил в это время горестное известие о кончине старшего брата моего, артиллерийского штаб-офицера, только что возвратившегося из турецкой кампании. Он оставил семейство, жену и двух дочерей, судьба которых меня озабочивала. Письменные сношения мои с родными покойной жены, ее матушкою, сестрою и братьями, были самые дружеские. Они жили тогда уже в Петербурге.

В 1834 году я сильно занемог воспалением в мозгу. Болезнь была опасная и мучительная. Вольф и Арт. Зах. Муравьев (он тоже занимался медициной и очень удачно пользовал) прилагали, с дружеским усердием, все искусство свое, чтобы помочь мне. Благодаря их стараниям я выздоровел. Товарищи во время болезни моей не отходили от меня. Каждую ночь дежурили четыре человека и не спали по очереди, чтобы услуживать мне и давать лекарство. Ивашев с женою почти каждый день меня навещали и приготовляли мне у себя на дому кушанье

и питье. Одним словом, нигде бы я не мог найти таких попечений, такого ухода, такой предупредительной заботливости, как в Петровской тюрьме. Мудрено ли после этого, что в течение 10 лет нашей тюремной жизни мы потеряли одного только Пестова, и то больше от собственной его неосторожности.

Я имел большое утешение в семействе Ивашевых, живя с ними, как с самыми близкими родными, как с братом и сестрой. Видались мы почти каждый день, вполне сочувствовали друг другу и делились между собою всем, что было на уме и на сердце. Приближалось время нашего поселения, и мы желали только одного, чтобы не разлучаться по выезде из Петровского. Это желание впоследствии исполнилось. Родные Ивашева просили о том графа Бенкендорфа, и он удовлетворил их просьбу.

У них родился сын, мой крестник, и это событие, можно сказать, удвоило их счастье. Хотя впоследствии, потеряв его на втором году, они испытали все то, что родительская нежность может испытать в таких случаях, но вскоре рождение дочери, тоже моей крестницы, утешило их и мало-помалу залечило их сердечные раны. Зная подробно все их семейные отношения, я невольно удивлялся той неограниченной любви, которую родители Ивашева и сестры его питали к нему. Во всех их письмах, во всех их действиях было столько нежности, столько заботливости, столько душевной преданности, что нельзя было не благоговеть пред такими чувствами. Последствия доказали, что тут не было ничего искусственного. По смерти родителей Ивашева и его самого с женою сестры отдали трем детям его [130] все состояние, которое следовало на долю отца, если бы он осуждением не потерял прав своих, и которое по закону принадлежало уже им, а не его детям.

Наконец наступил и наш срок к отъезду. В конце 1835 года второму разряду убавлены остальные шесть месяцев; но как не было сделано распоряжение, в какие места мы назначались, то, пока происходила переписка, мы оставались в тюрьме и выехали из Петровского ровно через 10 лет после сентенции, т. е. в июле 1836 года. Прочим товарищам нашим 1-го разряда оставалось пробыть еще три года. В нашем разряде находилось 19 человек: 2 брата Муравьевых, Волконский, Ивашев, Лунин,

Свистунов, Анненков, Штейнгейль, Громницкий, Митьков, Киреев, Тютчев, Фролов и я. Некоторых поселили в Иркутской губернии, других в Енисейской, а нас с Ивашевым, по просьбе матери его, назначили в г. Туринск Тобольской губернии.

Приготовления к отъезду, разлука с товарищами, неизвестность будущего — все это занимало и озабочивало нас. Может быть, мне не поверят, но, припоминая прежние впечатления, скажу, что грустно мне было оставлять тюрьму нашу. Я столько видел тут чистого и благородного, столько любви к ближнему, что боялся, вступая опять в обыкновенные общественные занятия, найти совершенно противное, жить, не понимая других, и, в свою очередь, быть для них непонятным. Благодетельно, с пользою прошли эти 10 лет для моего нравственного, умственного образования; но они не только не подвинули меня ни на шаг в опытности житейской, а скорее заставили забыть и то, что было приобретено прежде. Понимая все это, страшно было явиться опять на свет лишенным всяких внешних преимуществ, всего, чему поклоняется толпа, и с такими правилами и убеждениями, которые могли показаться не только безрассудными, но даже вредными господствующим понятиям. Меня утешало только, что я буду жить вместе с Ивашевыми и, следовательно, буду иметь два существа, близкие мне по сердцу, которые всегда поймут меня и не перестанут мне сочувствовать.

Пока продолжалась переписка о нашем назначении, нам позволено было выходить из тюрьмы, когда пожелаешь. Пользуясь этим правом, мы каждый день посещали женатых, обедали у них, в ожидании разлуки проводили вместе время с ними и с прочими товарищами. Случалось иногда выпить и бокал шампанского в дружеской, задушевной беседе.

Наконец наступило время отправления нашего. Холостым назначили ехать в Иркутск всем вместе, а женатым каждому особо. Так как я назначен был в одно место с Ивашевыми, то мне позволили отправиться вместе с ними. Мы остались до отъезда холостых и, проводив их, простясь с ними, стали сами готовиться к выезду.

В день отправления я утром пошел проститься с комендантом. «Генерал,— сказал я ему,— в течение десяти лет вы доказали вашим обращением с нами, что можно

соединить человеколюбие с обязанностями служебными. Вы поступали с нами как человек добрый и благородный и много облегчили этим наше положение. Несколько раз я хотел было выразить вам искреннюю мою признательность, но считал это неуместным, пока был под надзором вашим, и отложил это до дня моего отправления из Петровского. Этот день настал. Благодарю вас от души; я уверен, что вы не усомнитесь в искренности моих слов теперь, когда мы, вероятно, расстаемся с вами навсегда». Он прослезился. «Ваши слова,— отвечал он,— лучшая для меня награда, но, и с моей стороны, я должен отдать вам полную справедливость. Вы все, господа, вели себя так, что если бы на вашем месте были все Вашингтоны [131], то и они не могли бы лучше вести себя. Мне ни одного разу не случалось прибегать к мерам, несогласным с моим сердцем, и вся моя заслуга состоит в том только, что я понял вас и, вполне на вас надеясь, следовал его внушениям». Мы обнялись и в последний раз простились с ним. Через год по отъезде нашем он скончался, в престарелых уже летах, и погребен в Петровском. Могила его, А. Г. Муравьевой и Пестова останутся навсегда памятниками нашего там пребывания. По смерти генерала Лепарского к оставшимся товарищам нашим назначен был новый комендант, полковник Ребиндер (мой родственник), новый плац-майор Казимирский и другие плац-адъютанты. Прежний плац-майор, полковник Лепарский, и прежние офицеры возвратились в Россию, получив большие награды за их службу в Сибири [132].

Прощальный обед наш был у Волконского. Тут собралась большая часть товарищей наших. С теми же, которые не могли присутствовать, мы простились в казематах. Шумно и грустно провели мы последние часы. Тостов было много. Наконец, мы крепко, со слезами, обнялись друг с другом, простились со всеми и, разместившись в экипажи, оставили Петровский. Проезжая мимо церковного погоста, вышли поклониться праху доброго товарища и достойной, примерной женщины, бывшей нашим ангелом-утешителем; потом, пустившись в путь, долго еще смотрели на удалявшийся Петровский, пока не скрылся последний предмет — купол и крест колокольни.

Здесь оканчиваю первый отдел моих воспоминаний. То, что случилось со мной по отъезде из Петровского

во время 20-летнего пребывания моего в Западной Сибири, относится более ко мне одному и, следовательно, не может быть так интересно. Постараюсь, однако же, хотя вкратце изложить в следующем отделе то, что касалось всех нас и нашей жизни по разным местам обширной Сибири в этот длинный период времени, и заключу рассказ мой моими наблюдениями этой любопытной страны и моим воззрением на правительственные распоряжения и политическое направление последнего царствования.

Отдел II

Десятилетняя тюремная жизнь моя окончилась. Я вступил опять в сношение с людьми, начинал пользоваться кое-какими правами, не скажу гражданина, но человека. В продолжение этих 10-ти лет (мне было уже 36 лет) я много приобрел в разных отношениях, мог обсудить и поверить мои убеждения и окончательно утвердиться в них, мог положить прочное основание своим правилам и религиозным понятиям. Много прочел с пользою и многому научился. Но одного недоставало во мне. Это опытности житейской, которая в каждом из нас, в эти десять лет, скорее уменьшилась, нежели увеличилась. Но этот последний недостаток не мог иметь влияния на наши нравственные элементы; он мог вредить нам во внешней жизни нашей. В сношениях наших с людьми мы могли обманываться, заблуждаться, принимать позолоту за чистый металл; но все это не могло поколебать твердости наших правил и наших убеждений. Одним словом, в большей части из нас стихия нравственная была более или менее обеспечена от всякого внешнего и нового влияния. Здесь я считаю обязанностью отдать справедливость и выразить мою признательность правительству. Размести оно нас сначала по разным заводам, отними у каждого общество товарищей, лиши возможности поддерживать друг друга, смешай с простыми ссыльнорабочими, подчини местному начальству и общим заводским правилам, легко могло бы случиться, что большая часть из нас, будучи нравственно убиты своим положением, без всяких материальных средств, не имея сношения с родными и находясь еще в таких летах, когда не совсем образовался характер, когда нравственное основание не так прочно, а ум легко подчиняется страстям

и прелести воображения, легко могло бы случиться, говорю я, что многие потеряли бы сознание своего достоинства, не устояли бы в своих правилах и погибли бы безвозвратно, влача самую жалкую, недостойную жизнь. Поступив же таким образом, как оно поступило, соединив нас вместе, отделив от массы и назначив для надзора за нами людей добрых, оно доставило нам средства не только удержаться на прежней ступени нравственного достоинства, но даже подняться выше. Правда, что нелегко нам было отказаться для этого от последней частицы свободы, которою пользуются все даже ссыльные, жить в продолжение 10-ти лет строже, чем живут монахи, не иметь ни собственной воли, не располагать даже ни одним шагом своим; но когда эти 10-ть лет прошли, когда все эти лишения остались только в воспоминаниях и сохранились благодетельные результаты, тогда нельзя не признать, что для нас было бы гораздо хуже, если бы правительство предоставило нас общей участи осужденных.

Путешествие наше от Петровского до Байкала летом, в прекрасную погоду, так было занимательно для нас, природа этого края так величественна, так красиво представлялась глазам нашим, что, невзирая на грустные наши думы о разлуке с друзьями и о неопределенной будущности, нас ожидающей, мы, как дети, восхищались разнообразием и красотою тех местностей, которыми проезжали. Особенно великолепны берега Селенги. Мы нередко выходили из экипажа и шли пешком версты по две и по три, чтобы вполне насладиться прелестным зрелищем природы. Иногда глазам нашим представлялись огромные развалины старинных зимовок самой фантастической архитектуры. Это были прибрежные скалы, до такой степени красиво расположенные, что мы невольно предавались обману зрения и, подходя к ним, старались отыскивать, вопреки рассудку, следы архитектурного искусства каких-нибудь древностей, может быть, допотопных обитателей этих стран. Бархатные луга по обоим берегам реки испещрены миллионами разного рода цветов, которым не отказали бы место в оранжереях, и ароматические травы распространяли повсюду благоухание в воздухе и казались обширным искусственным садом. Растительность была изумительная. Одним словом, забайкальская природа, особенно местность Читы и берега

Селенги, оставили во мне такие впечатления, которые никогда не изгладятся.

Переехав через Байкал на судне, мы прибыли в Иркутск; прожили там около недели, очень ласково были приняты генерал-губернатором Броневским и всеми жителями, с которыми случалось нам иметь сношение. Проведя это время с некоторыми из товарищей наших, выехавших из Петровского и оставшихся по разным причинам в Иркутске, мы отправились в путь к месту нашего назначения тою же самою дорогою, которою ехали десять лет тому назад. В некоторых местах встречали прежних знакомых и везде находили радушие, приветливость и готовность оказать услугу. В Красноярске прожили мы дней десять. Там нашли Фонвизина, Бобрищевых-Пушкиных и Краснокутского. Исправление экипажей доставило нам удовольствие пробыть с ними несколько дней. Местные власти не торопили нас выездом. Два казака, нас провожающие, были в полном нашем распоряжении. В это время начались в Енисейской губернии кое-какие открытия золотых приисков, и потому общее внимание обращено было на этот предмет, который исключительно занимал все умы и служил основою всех разговоров и суждений. Дешевизна съестных припасов и овощей в это время была необыкновенная. Я помню, как она поразила меня. Я попросил хозяина купить мне к обеду свежих огурцов и, соображаясь с петровскими ценами, дал ему 20 копеек серебром. Мне привезли целый воз, по крайней мере сотни три. Хлеб был также неимоверно дешев. Кто мог ожидать, что через два года цены на эти предметы увеличатся в 10 раз и более? Многие предусмотрительные люди составили себе впоследствии огромные от того капиталы.

Проехав Томск и несколько уездных городов, мы прибыли в половине августа в Тобольск. Отсюда я поехал в Туринск уже один, потому что Ивашевы должны были остаться тут недели на две, по болезни ребенка и чтобы самим отдохнуть от дальней дороги. Мне же хотелось скорее прибыть на свое место и окончательно устроить свой быт.

Нелегко, однако же, казалось мне, устроить его. Помню, что эта мысль тогда сильно беспокоила меня. Помощи у правительства я просить не хотел. Обратиться к товарищам я считал неприличным: мне было бы тяго-

стно сделать это. Брат мой был небогат, и я не знал, будет ли он иметь возможность присылать мне что-нибудь. Правда, что в Петровском я кое-что получал от него, но весьма неаккуратно и не в известное время. Следовательно, я не мог положительно знать, сколько могу проживать ежегодно. Выезжая из Петровского завода, я получил из маленькой артели 700 руб. ассигн. и истратил дорогою только 100 р.; остальные привез с собою. При моей умеренности этих денег могло достать надолго, тем более, что жизнь в Туринске дешева; но все-таки, рано или поздно, они должны были издержаться, и тогда как быть? Я придумывал разные средства приобретать самому кое-что трудами своими, но должен был убедиться, что из этого никакого не будет толку. Ремесленником, земледельцем я быть не мог: ни способности, ни здоровье мое, ни самые привычки не дозволяли мне и думать о том. Промышленных занятий я также не мог предпринять: для этого нужен капитал, которого я не имел. Одним словом, как я ни думал, ничего не мог придумать дельного и потому решился сократить сколько можно издержки свои *, предоставить это времени и обстоятельствам, стараясь между тем ознакомиться хорошенько с краем и местными способами. Провидению угодно было вывести меня из этого затруднительного положения. Вскоре брат мой известил меня, что он будет присылать мне ежегодно 400 рублей ассиг. Этого уже было довольно для меня; а потом добрый родственник мой, Барышников, доставил мне единовременно 4000 рублей, стал присылать сверх того ежегодно 1000 рублей. Сделавшись, сверх чаяния моего, не только вне всякой нужды, но даже относительно богатым, я перестал думать о своем вещественном быте и мог устроить свой образ жизни, согласно своему желанию и своим привычкам. Я упоминаю здесь об этом, чтобы показать, как много я обязан и брату моему и в особенности Барыш-

* Я еще в Петровском заводе думал о том, что ожидает меня на поселении, и нарочно хотел испытать себя, могу ли я перенести самый строгий образ жизни как в отношении пищи, так и других необходимых потребностей. Я решился в продолжение шести месяцев питаться одним черным хлебом, молоком и яйцами, отказавшись от чая, говядины, рыбы, куренья табаку, и выдержал этот срок, не чувствуя больших лишений и не замечая, чтоб здоровье мое от того потерпело. Испытав себя таким образом, я спокойнее стал смотреть на ожидавшую меня будущность.

никову, которые вывели меня из затруднительного положения и, обеспечив материальные нужды мои, приобрели право на искреннюю, душевную мою признательность.

По приезде Ивашевых мы стали жить в Туринске очень покойно. Жители скоро ознакомились с нами и полюбили нас. Чиновники обходились с нами вежливо, приветливо и даже с некоторым уважением. Не входя ни в какие городские сплетни, пересуды, не принимая участия ни в их служебных делах и отношениях, мы жили собственною жизнью, бывали иногда в их обществе, не отталкивали их от себя, но уклонялись от всякого с ними сближения. Это избавило нас от неприятных столкновений и мало-помалу дало нам такое значение в их мнении, что они стали высоко ценить знакомство с нами. К этому много способствовало также, независимо от нашего собственного поведения, обращение с нами высших властей. Губернаторы при посещении города обыкновенно бывали у нас и обходились с нами самым предупредительным образом. Губернские чиновники, приехавшие по делам службы, сейчас старались знакомиться с нами и проводили у нас большую часть времени. Все это, в глазах уездных чиновников и вообще всех жителей, придавало нам какое-то значение.

Так было почти во всех местах, где поселены были прочие наши товарищи. Редко, очень редко встречались исключения. Поведение наше, основанное на самых простых и строгих нравственных правилах, на ясном понятии о справедливости, честности и любви к ближнему, не могло не иметь влияния на людей, которые, по недостаточному образованию своему и искаженным понятиям, знали только материальную сторону жизни и потому старались только об ее улучшении, не понимая других целей своего существования. Их сначала очень удивляло то, что, несмотря на внешность, мы предпочитали простого, но честного крестьянина худому безнравственному чиновнику, охотно беседовали с первым, между тем как избегали знакомства с последним. Но потом, не раз слыша наши суждения о том, что мы признаем только два разряда людей — хороших и худых, и что с первыми мы очень рады сближаться, а от вторых стараемся удаляться, и что это — несмотря на внешность их, на мундир, кресты, звезды или армяки и халаты, они поняли, что наше уважение нельзя иначе приобрести, как хорошим

поведением, и поэтому старались казаться порядочными людьми и, следовательно, усвоили некоторые нравственные понятия. Можно положительно сказать, что наше долговременное пребывание в разных местах Сибири доставило в отношении нравственного образования сибирских жителей некоторую пользу и ввело в общественные отношения несколько новых и полезных идей. Присоединив к этому влияние, которое имело открытие золотых приисков, успехи промышленности и торговли, привлекшие в Сибирь множество дельных и умных людей (много, правда, и дряни, безнравственных аферистов), неудивительным покажется, что в продолжение последних 20 лет в этой стране так много изменилось к лучшему.

Действия правительства в отношении нас были двоякого рода. С одной стороны, оно не хотело показаться к нам особенно жестоким, не имея на то никакой причины; с другой — ему не хотелось, чтобы мы приобрели какое-нибудь значение, не хотелось ослабить в общем мнении важность нашей вины против него и показать, что оно само предает ее забвению. Одним словом, ему хотелось, чтобы мы служили постоянно угрожающим примером для тех, кто вздумает восстать против правительства или ему противодействовать. Имея в виду обе эти цели, оно согласовало с ними свои меры в отношении нас, и потому меры эти никогда не были определены. В них высказывалось желание как можно ниже поставить нас в общественном мнении, лишить нас всяких средств иметь влияние на общество и вместе с тем не обнаружить своего к нам неравнодушия, не показать ясно, что оно поступает для этого вопреки существующих узаконений. В иных случаях оно считало даже нужным явить к нам некоторое милосердие, некоторую снисходительность. Так, например, многим дозволено было служить рядовыми на Кавказе, другим разрешено было вступить в гражданскую службу в Сибири канцелярскими служителями. Удовлетворялись также все почти просьбы о переводе из одного места в другое... Посланные на Кавказ служили там нижними чинами по 8-ми и более лет; многие лишились жизни от пуль горцев или от климата, а дослужившиеся до офицеров возвратились на родину в преклонных уже летах. Поступившим в гражданскую службу затруднилось также производство и не дозволялось занимать сколько-нибудь значительные должности. Жившие в Си-

бири не имели права отлучаться от места своего жительства далее 30-ти верст, не позволялось им вступать ни в какие частные должности, ни в какие общественные сделки, ни в какие промышленные или торговые предприятия. Одним словом, отнимались у них все те права, которыми пользуются вообще ссылаемые на поселение в Сибирь. Письма наши должны были идти через правительство. Материальные пособия тоже были ограничены. Холостым не позволялось получать более 300 руб. сер. в год, а женатым 600 р., и хотя эта мера не достигала цели, потому что частным образом мы без затруднения получали все то, что могли присылать родные наши, и нередко даже из рук самих генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири, но все-таки это показывает, как занималось нами правительство. Ясно было, что ему очень хотелось, чтобы местные власти поступали с нами строго, без излишнего снисхождения, не доводя этого, впрочем, до той степени, чтобы высшая власть должна была вмешиваться и быть судьею между исполнителями своей воли и угнетенным лицом, на которое оно хотя и негодовало, но на стороне которого могли быть справедливость и общественное мнение.

Во всех своих действиях относительно нас правительство в продолжение нашего долговременного пребывания в Сибири руководствовалось одним произволом, без всяких положительных правил. Мы не знали сами, что вправе были делать и чего не могли. Иногда самый пустой поступок влек за собою неприятные розыски и меры правительства; а в другое время и важнее что-нибудь не имело никаких последствий. Так, например: снятие некоторыми из нас дагерротипных портретов с тем, чтобы послать их к родным, побудило правительство к запрещению не только снимать с себя дагерротипы, но даже и обязало нас подпискою не иметь у себя никаких дагерротипных снимков. К счастию еще нашему, что орудия правительства, т. е. исполнители его воли, принимали в нас участие и оказывали его во всех случаях, где не могли подвергнуться ответственности за особенное к нам снисхождение. Это много улучшило наш быт, который без того был бы очень незавиден. Сверх того, мы были под непосредственным ведением и надзором учрежденного императором Николаем корпуса жандармов и III отделения собственной его канцелярии. Это, впрочем, гово-

ря правду, скорее служило к пользе, нежели ко вреду нашему. Лица корпуса жандармов, с коими случалось нам иметь сношения, оказывались людьми добрыми и внимательными к нашему положению. Через них и через III отделение мы могли доводить до сведения государя наши просьбы и наши жалобы и, следовательно, иметь всегда возможность защитить себя в случае какого-либо явного, незаконного притеснения. Правда, что до этого никогда не доходило, и мы не имели надобности жаловаться; но все-таки это могло удержать многих от несправедливого на нас нападения или от ложных доносов. Расскажу здесь одну меру правительства, которая явно показывает, до какой степени оно старалось истребить в обществе всякое об нас воспоминание (вопреки даже естественным понятиям) и вместе с тем желание явить пример своего милосердия и правосудия *.

В 1842 году всем женатым товарищам нашим предложено было отправить детей своих, рожденных в Сибири, в разные учебные заведения России со всеми правами прежнего звания их родителей, но с одним условием, чтобы изменить их фамилии. Предложение странное и столь же затруднительное, как и обидное для родителей и детей, когда они войдут в лета. С одной стороны, родителям больно было лишить своих детей всех выгод воспитания и прав преимущественных сословий; а с другой — также прискорбно совершенно отказаться от них, сознать себя недостойными передать им свою фамилию; лишить их, так сказать, законности рождения и подвергнуть обидным упрекам — иметь родителей, не носящих с ними одной фамилии.

Кроме Давыдова, все вообще отказались от этой милости, и она не достигла своей цели. Правда, что впоследствии правительство вместо того, чтобы понять всю несостоятельность такой меры, настояло на своем и по смерти некоторых женатых товарищей наших, возвратив детей в Россию, поместило их, с переменою фамилий, в разные учебные заведения.

Через три года по выезде нашем из Петровского отправилась оттуда и последняя категория, так что уже

---

* Последняя фраза, отсутствующая в печатных текстах, восстановлена по автографу Басаргина.

там никого не осталось. Комендант и все прочие офицеры возвратились в Россию. Тюремный замок наш обратили в помещение простых ссыльнокаторжных, подвергнувших себя одиночному заключению. Товарищи наши первого разряда поселены были, подобно нам, в разных городах и селениях Сибири.

Не лишним считаю упомянуть здесь, кто и где в это время находился: за Байкалом в Чите — Завалишин 1-й. В Селенгинске — двое братьев Бестужевых и Торсон. В Баргузине — два брата Кюхельбекеры. В с. Кабанском — Глебов. В Петровском заводе остались на поселении, по собственному желанию, Горбачевский и Мозалевский. В Иркутске и в близлежащих селениях — два брата Муравьевых, Волконский, Трубецкой, Юшневский, Панов, Вольф, два брата Поджио, Вадковский, Сутгоф, Бечасный, Быстрицкий, Громницкий, Муханов, два брата Борисовых и Артамон Муравьев. В г. Канске Енисейской губернии: Щепин-Ростовский, Соловьев и Арбузов. В городе Красноярске: Митьков, Давыдов и Спиридов. В г. Минусинске: Киреев, два брата Крюковых, Фролов, Тютчев, Фаленберг, два брата Беляевых и осужденный прямо на поселение Мозгалевский. В Туруханске: Аврамов 2-й и Лисовский. В Енисейске: Якубович. В г. Тобольске: Свистунов, Штейнгейль (переведенный из Красноярска по собственному желанию), Фонвизин, два брата Бобрищевых-Пушкиных и Краснокутский. В г. Кургане: Нарышкин, Лорер, Лихарев, Розен, фон Бриген, Фохт, Швейковский и Назимов. В Ишиме: Одоевский. В Туринске: Ивашев, Пущин, Оболенский, Анненков и я. Я жил сначала в Туринске, вместе с Ивашевыми. Туда же потом приехали Анненковы и Пущин. Когда Ивашев и жена его скончались, а Анненков переведен в Тобольск, то и мы с Пущиным просили перевода: Пущин в Ялуторовск, а я в Курган. Прожив в Кургане пять лет, меня зачислили в гражданскую службу, и потому я должен был переехать в Омск, откуда, по просьбе моей, был переведен окончательно в Ялуторовск, где и находился до возвращения в Россию. В Ялуторовске: Муравьев-Апостол, Якушкин, Тизенгаузен, Ентальцев и Черкасов. Впоследствии многие отправились на службу рядовыми на Кавказ, а некоторые переведены, по просьбе своей, в другие места. В военную службу поступили: Сутгоф, Беляевы, Игельстром, Вязем-

ский, Загорецкий, Кривцов, Чернышев, Нарышкин, Лорер, Лихарев, Розен, Назимов, Одоевский, Черкасов и некоторые другие. Одни из них дослужились до офицерского чина и возвратились в Россию, другие умерли на Кавказе от болезней или были убиты горцами.

Несмотря на рассеяние наше по всей Сибири и на отправление некоторых на Кавказ, мы все составляли как будто одно семейство: переписывались друг с другом, знали, где и в каком положении каждый из нас находится, и, сколько возможно, помогали один другому. Редко, очень редко случалось нам слышать что-нибудь неприятное об ком-либо из товарищей [133]. Напротив, все известия, доходившие до нас, были самые утешительные; все мы вообще, в тех местах, где жили, пользовались общим уважением, с достоинством шли тем путем, который провидению угодно было назначить каждому из нас. Я уверен, что добрая молва о нас сохранится надолго по всей Сибири, что многие скажут сердечное спасибо за ту пользу, которую пребывание наше им доставило. Неудивительно после этого, что все искали нашего знакомства и что некоторые из прежних наших сослуживцев, увидя кого-либо из нас после 20-, 30-летней разлуки, позабывали различие взаимных общественных положений наших, встречались с нами с прежнею дружбою и откровенно сознавались, что во многих отношениях мы счастливее их.

Но между тем время шло обычным путем своим и для нас шло так скоро, что из молодых людей мы сделались стариками. В продолжение 20-летней жизни моей в Тобольской губернии большая часть товарищей моих оставила этот мир. В последние годы смертность между ними особенно увеличилась. В 1840 году я потерял друзей моих Ивашевых. Жена умерла прежде от простудной нервической горячки. Ровно через год, и в тот же самый день, скончался и муж от апоплексического удара. Маленьким сиротам их, сыну и двум дочерям, позволено было ехать в Россию к родным, которые впоследствии устроили судьбу их. Также и из других мест доходили до меня часто грустные известия о кончине кого-либо из наших. Фонвизину, Тизенгаузену и двум Бобрищевым-Пушкиным позволено было возвратиться в Россию к своим семействам. К концу царствования Николая Павловича оставалось нас в Сибири не более 25 человек. В ми-

И. Д. ЯКУШКИН
Художник К.-П. Мазер. Холст, масло. 1851 г.

нуту смерти покойный государь не мог не вспомнить ни дня вступления своего на престол, ни тех, которых политика осудила на 30-летние испытания. От всей души желал бы и желал собственно для него, чтобы в эту торжественную минуту, отложив свои помыслы о земном величии, он сделался из умирающего царя простым христианином, готовым предстать перед судом всевышнего. Но, кажется, не так оставил он этот мир *.

* Две последние фразы, изъятые цензурой из печатного текста, восстановлены по автографу Н. В. Басаргина.

И. И. ПУЩИН

Карандашный рисунок К.-П. Мазера. 1850 г.

Помещаю здесь одно весьма странное и до сих пор необъяснимое для меня обстоятельство. Рассказ мой может быть интересен как факт, который для тех, кто не усомнился в моей правдивости, послужит доказательством, до какой степени в прошедшее царствование* трудно было найти правосудие и как мало была обеспечена частная собственность, когда она попала в руки сильных этого мира. В излагаемом мною случае кто могли

* В печатном тексте вместо слов «в прошедшее царствование» явно в результате цензурного вмешательства значилось: «в прошедшие времена».

быть эти сильные и имело ли правительство обо всем этом сведение, мне неизвестно. Передаю только то, что знаю и за достоверность чего ручаюсь всем, что есть свято. Если бы нынешнее правительство захотело исследовать это обстоятельство, то нет сомнения, что оно могло бы теперь открыть истину и найти виновных.

В 846, 47 и 48 годах, когда я жил в Омске, там находился на жительстве, под надзором полиции, статский советник князь Грабе-Горский[134]. В 825 году он был вице-губернатором на Кавказе. За что был сменен, не знаю, но событие 14 декабря застало его в Петербурге, куда он приехал оправдываться или искать нового места. Когда войска вышли на площадь, Грабе-Горский явился туда, не принадлежа нисколько к обществу, и был арестован как участник в бунте. Хотя следствие доказало его непричастность, но как в ответах своих Комитету он выражался довольно дерзко и сверх того был на замечании у правительства за свою строптивость, то его хотя и не судили, но послали в одно с нами время в Сибирь под надзором полиции. Сначала ему назначали местом пребывания Березов, а потом перевели в Тару. Тут опять он попал под следствие, был арестован, судим, оправдан и отправлен на жительство в Омск, где я и застал его. В это время ему уже было лет под 70. Это был видный, красивый старик, говоривший всегда с жаром и любивший рассказывать свои военные подвиги. Действительно, в кампании 812 года он очень отличился, получил много орденов, в том числе и св. Георгия, и был переведен в гвардейскую артиллерию. Гражданская служба его была не так блестяща, как военная: репутация его как чиновника была незавидна. Известно только было, что он имел большие деньги, а как он нажил их и откуда они достались ему, знал только он сам и его собственная совесть.

В Омске он жил скромно, даже бедно. Получал от правительства 1200 руб. сер. в год и, кажется, не имел других способов. Он был везде принят, но не пользовался общим расположением по своему строптивому характеру, по страсти рассказывать одно и то же, т. е. или свои военные подвиги, или жалобы на несправедливость и притеснения разных правительственных лиц. Вместе с тем он не пользовался также и большим доверием к своим рассказам.

Зная о нем понаслышке, я, признаюсь, старался избегать его знакомства. Но он сам посетил меня. Вежливость требовала, чтобы я его принял и заплатил визит. Не знаю, почему, даже против моего желания, он сделался так расположен ко мне, что стал нередко заходить и просиживать у меня по целым часам, толкуя о том, что для меня было вовсе неинтересно и чему во многом я не слишком ему верил. Часто приходилось мне зевать при его рассказах, а иногда, увидя, что он идет ко мне, я не оказывался дома.

Раз как-то зашла речь об Таре, о следствии, которому он там подвергся. Он стал подробно рассказывать о нем, но как мне показалось, что он говорит вздор, то я невольно выразил мое сомнение. В самом деле, трудно было поверить, чтобы, живя в Таре, он обладал такими огромными средствами, как выходило из его слов, и чтобы тамошние чиновники, желая воспользоваться его достоянием, обвинили его в вымышленном ими самими заговоре, хотя я вместе с тем и знал, по окончании его тарского дела, что он точно был обвинен несправедливо и что некоторые из тех лиц, которые ложно донесли на него, преданы были суду и обвинены. Но я предполагал, что они сделали донос из желания выслужиться перед правительством и по негодованию на него за какую-нибудь с его стороны дерзость. Видя его в нужде и бедности и сомневаясь в его правдивости, мог ли я поверить, чтобы у него было несколько миллионов? Да и откуда ему, казалось, их взять, и как все это случилось в Таре?

Заметив мое сомнение, он сказал мне: «Вижу, что вы мне не верите. Теперь пока я объясню вам, как получил я эти богатства, а потом представлю и доказательства. До сих пор я их никому не показывал из опасения, чтобы меня их не лишили. У нас ведь все можно делать властям. Но вам, надеясь на вашу скромность и дорожа вашим мнением, я решаюсь их показать».

Вот его рассказ:

«Фамилия наша в Польше пользовалась большим значением. Она даже находилась в родстве с последним королем, Станиславом Понятовским [135], и я сам начал службу его пажем. Мы имели в Польше большие имения, по которым и теперь продолжаются у меня процессы. В дошедшей мне в разное время движимости, состоявшей из денег, билетов опекунского совета, долговых обя-

зательств, драгоценных вещей и т. д., заключалось более 6-ти миллионов рублей ассигнациями. Эта движимость, когда меня арестовали в Петербурге, находилась у моей жены. При окончании дела моего она была больна, но дочь посещала меня в больнице, где я лежал некоторое время до отправления моего в Сибирь. Через нее я дал знать жене, чтобы она переслала мне при случае это имущество туда, где я буду находиться.

В Березове я жил без всяких средств. Жена и дочь хлопотали, чтобы меня оттуда перевели, и, наконец, через два года они успели выхлопотать мой перевод в Тару. По прибытии в Тобольск тамошний полицмейстер объявил мне, что губернатор давно меня ожидает, и поручил ему немедленно меня к нему привести. Этот губернатор был Сомов, только что прибывший из России, с которым я прежде вместе служил и находился в дружеских отношениях. Он встретил меня как старого приятеля и товарища, повел сейчас в кабинет и, взяв все предосторожности, чтобы никто не помешал нам, объявил, что при отъезде из Москвы виделся с моей женою, которая поручила ему передать мне все мое движимое имущество. «Если тебе нужны наличные деньги,— прибавил он, вручая мне билеты опекунского совета,—то я с удовольствием разменяю тебе один из них». И действительно, я тогда взял у него 30 тысяч рублей вместо одного из билетов на такую же сумму.

Вот как это состояние дошло до меня в Сибирь.

Приехавши в Тару, разумеется, я начал жить довольно роскошно, по сравнению с тамошними чиновниками, и особенно при тогдашней дешевизне. Чиновники эти были, более или менее, люди дурные. Они с завистью смотрели на меня, и так как я не был лишен ни своего звания, ни чина, то и в этом отношении я стоял выше их и мог отклонять всякое их намерение сделать мне неудовольствие.

Покуда Сомов был губернатор, никто из них не смел ко мне привязываться. Но вам может быть известно, что он вскоре умер; тогда они видимо переменились. Я, впрочем, не обращал на это внимания, зная, что никакого вреда они мне сделать не могут; а от личного оскорбления я был огражден своим званием.

В это время кончилась польская революция 1830 г. Два раза в неделю проходили через Тару многолюдные

партии ссыльных, между коими большею частию были тогда поляки, ссылаемые за возмущение. Все они были в самом бедственном положении, изнуренные и без одежды. По чувству сострадания и даже потому, что я сам был поляк, мне пришло на мысль по возможности быть им полезным. Средства у меня были, и я распорядился таким образом, чтобы к приходу каждой партии иметь в готовности некоторые предметы из одежды, как-то: полушубки, сапоги, валенки, рубашки и т. д., которые и раздавал нуждающимся. Сверх того у меня заказывался для них сытный обед человек на 100 и более. Это продолжалось всю осень и, разумеется, возродило в городе различные толки о моем богатстве и вместе с тем подало мысль враждебным чиновникам погубить меня и воспользоваться моим достоянием. Они составили донос, что я имею намерение возмутить край с помощью ссыльных поляков, что с этой целью я помогаю им и трачу на это большие суммы, которые, вероятно, доставляются мне тайным образом от врагов русского правительства. Донос этот был отправлен к генерал-губернатору Вельяминову[136], и вследствие этого началось мое тарское дело. В Тару приехал сейчас же исправляющий должность губернатора А. Н. Муравьев. Он арестовал меня и взял с собою в Тобольск. Имущество мое было запечатано и отправлено вместе со мною.

В Тобольске сделана была ему подробная опись, и оно было у меня отобрано. Опись эта была составлена в двух экземплярах. Один, за подписью плац-майора и генерал-губернатора, отдан был мне; а другой, за моею подписью, плац-майор взял с собой вместе с имуществом.

Опись, мне выданная, хранится у меня и служит явным доказательством справедливости того, что я вам говорю.

Дело продолжалось, как вы знаете, около 4-х лет. Как ни старались найти что-либо преступное в моих действиях, но ничего не могли отыскать. Меня оправдали совершенно и перевели на житье в Омск. Чиновников, сделавших донос, предали суду и решили отставить от службы и впредь никуда не определять.

После этого, разумеется, я стал требовать возвращения моего достояния. Обращался к генерал-губернатору, князю Горчакову[137], писал шефу жандармов[138], князю Голицыну[139] и т. д., но везде встречал одно молчание.

На бумаги мои мне не отвечали. При личном моем свидании с Горчаковым он покачал головою и советовал мне оставить это дело без дальнейшего розыска. Словом, я видел ясно, что мне не хотят возвратить его. Опись, у меня находящуюся, я не решился представить потому, что могли ее уничтожить и лишить меня всякого доказательства. Она и теперь у меня, и я боялся даже показать ее кому-либо; но вам когда-нибудь покажу, чтобы истребить в вас всякое сомнение. Сверх того, надобно вам сказать, что в это время мне назначили от правительства 1200 р. в год и утвердили в княжеском достоинстве, как будто бы хотели этим меня задобрить».

Сознаюсь, что, слушая, хотя и со вниманием, этот рассказ, я не поверил ему. Характер и репутация князя Грабе-Горского возбуждали во мне большое сомнение в истине его странной истории. Сомов действительно был губернатором в Тобольске и умер там же, не прослужа даже году. И то было совершенно справедливо, что относилось к доносу тарских чиновников и до арестования Горского Муравьевым. Но можно ли было поверить, чтобы такое огромное имущество могло исчезнуть без вести? Нельзя, чтобы о нем не знали многие из служащих лиц. Да и сам бывший генерал-губернатор Вельяминов пользовался заслуженной репутацией честного человека и, конечно, не захотел бы участвовать в похищении чужой собственности. Муравьев также известен за человека бескорыстного. Одним словом, как я ни соображал все обстоятельства, убеждение мое оставалось то же, что и прежде, т. е., что Горский, по неудовольствию своему на правительственные лица, выдумал всю эту историю без всякого основания. Последствия еще более утверждали меня в этом мнении. Прошло несколько месяцев, но он не показывал обещанной описи и даже не упоминал о ней, ни о деле своем. Я так был уверен, что весь рассказ его вымышлен, что никому даже не говорил об этом, боясь показаться доверчивым простаком. Наконец, я и сам перестал об этом думать. Сам же Горский возбуждал во мне после этого какое-то неприятное чувство, ибо я видел в нем человека, желавшего очернить репутацию таких лиц, которые оказали ему правосудие в деле его. В начале 1848 года я собирался ехать из Омска на жительство в Ялуторовск. Мы с женою

укладывали поутру кое-какие вещи для отправления с обозом, как вдруг явился Горский.

«Я приехал к вам проститься,— сказал он, входя в залу.— Может быть, вам не удастся ко мне заехать или вы меня не застанете дома. Мне же надобно, при отъезде вашем, истребить ваше ко мне недоверие и попросить доброго совета. Я привез показать вам опись, о которой говорил. Вот она; уверен, что она удивит вас и уничтожит всякое сомнение. Прочитайте и скажите по совести: что мне делать?»— прибавил он, подавая мне бумагу в несколько сшитых листов.

Совсем некстати было его посещение; время было для меня дорого, и он мешал нам. Я должен был, однако, взять бумагу и прекратить прежнее занятие. Пригласив его сесть, я, как теперь помню, стал читать вслух с прежним недоверием и с убеждением, что эта бумага мне ничего не докажет. Жена моя была всему свидетельницей. Вот что читал я:

«Опись имуществу, принадлежащему стат. советнику Грабе-Горскому (тогда он не был еще утвержден князем), отобранному у него тобольским плац-майором, полковником Мироновым, по распоряжению г. генерал-губернатора Запад. Сибири генерала от инфантерии Вельяминова 1-го в Тобольске, такого-то года, месяца и числа.

1) Билеты Московского и С.-П. Опекунского советов, следуют суммы и номера, с означением годов и чисел. Всего без процентов на сумму более 2 миллионов ассигнациями.

2) Заемные, частные обязательства, от кого и на какую сумму, более миллиона.

3) Драгоценные вещи: 3 больших солитера, по оценке самого Грабе-Горского, с чем-то 600 т.

4) Портрет короля Станислава, осыпанный бриллиантами.

5) Потом исчисление разных других вещей, табакерок, часов, колец и проч. Всего же на сумму более миллиона.

6) Турецких шалей, платков и проч., на сколько, не упомню.

7) Батистового белья и еще что-то. Затем следовали еще разные предметы, с оценкою и без оценки.

Вся опись помещалась на $2\frac{1}{2}$ листах, и в конце подведен итог деньгами, с чем-то 6 мил. рублей. Потом было

подписано: означенные билеты и документы и все вещи от статского советника Грабе-Горского приняты, и в его присутствии опись сия составлена такого-то года, месяца и числа в г. Тобольске. Подписал: тобольский плац-майор полковник Миронов. Далее:

Означенные в сей описи билеты, документы и вещи от тобольск. плац-майора полк. Миронова для хранения получил генерал-губернатор Зап. Сибири генерал от инфантерии Вельяминов 1-й».

Последняя подпись была написана собственною рукою генерал-губ. Вельяминова, которую я очень хорошо знал, имея случай часто видеть прочие бумаги в Главном управлении Западной Сибири.

Можно представить себе мое удивление, когда я кончил читать опись и когда убедился, что она была точно подписана Вельяминовым. Руки плац-майора я не знал, и признаюсь, что если бы опись была подписана им одним, то я все-таки остался бы при прежнем мнении и скорее подумал бы, что Горский все это сам составил. Но рука Вельяминова была хорошо мне знакома, подписаться под нее было невозможно, тем более, что нужно бы было писать не одну фамилию, а целых три строки мелким письмом. Если бы Горский решился на такой поступок, тогда бы, вероятно, кроме фамилии, остальное он написал бы другою рукою, как это и делается в официальных бумагах. Все это вполне убедило меня, что опись справедлива. Я стоял несколько секунд в удивлении и потом показал подпись жене. Горский видимо торжествовал и опять повторил: «Ну что, убедились ли теперь? Скажите же, что мне с этим делать?»—«Отправить прямо к государю».—«Но дойдет ли она до него и вместо удовлетворения не пошлют ли меня опять в Березов? Или, что еще хуже, не посадят ли в сумасшедший дом как безумного или ябедника? Уничтожить опись недолго. Тогда чем мне доказать справедливость моей жалобы? А ведь жаловаться мне надобно на людей сильных, всемогущих в житейских делах».

Я не знал, что на это отвечать, и сказал ему, что решительно не могу дать никакого дельного совета. «Все, что я могу сказать,— прибавил я,— ограничится тем, что остаюсь совершенно убежден в истине всего и прошу извинения в сомнении, которое до сих пор имел».—«На этот раз с меня и этого довольно,— сказал он мне, пожав

руку.— Я рад, что, по крайней мере, один честный человек будет знать, что, обвиняя моих гонителей, я говорю правду и имею право их обвинять. Если не доживу * до того времени, что мне позволят возвратиться в Россию, то обращусь с этой бумагой к правосудию царя.

Три года после этого он умер в Омске, не дождавшись нового царствования, которое, может быть, доставило бы ему возможность отыскать свою собственность.

Отдел III

Окончив рассказ мой о том, что касалось собственно до меня и всех нас, проживших в Сибири большую половину жизни, я не могу не сказать несколько слов об этой замечательной стране, бывшей предметом долговременных моих наблюдений и размышлений.

Сибирь на своем пространстве представляет так много разнообразного, так много любопытного, ее ожидает такая блестящая будущность, если только люди и правительство будут уметь воспользоваться дарами природы, коими она наделена, что нельзя не подумать и не пожалеть о том, что до сих пор так мало обращают на нее внимания. Хоть в последнее время самый ход событий много подвинул ее во многих отраслях народного благосостояния и внутреннего устройства, но она все еще находится на низших ступенях общественного быта, все еще ожидает таких мер и преобразований, которые бы могли доставить то, чего у ней недостает, и тем бы дали ей возможность развить вполне свои силы и свои внутренние способы. Тогда нет никакого сомнения, что она мало бы уступала Американским Штатам в быстрых успехах того материального и политического значения, которые так изумительны в этой юной республике, и в отношении достоинства и прав человека (я разумею здесь вопрос о невольничестве) превзошла бы ее.

Вот чего недостает Сибири: внутренней хорошей администрации, правильного ограждения собственности и личных прав, скорого и строгого исполнения правосудия как в общественных сделках, так и в нарушении личной безопасности; капиталов; путей сообщения; полезных мер и учреждений в отношении просвещения и нравствен-

* Так в подлиннике.— *И. П.*

ности жителей; специальных людей по тем отраслям промышленности, которые могут быть с успехом развиты в ней, наконец, достаточного народонаселения.

Первый из этих недостатков бросается в глаза каждому мыслящему обитателю Сибири. Управление края находится в руках людей, не имеющих никакого понятия о гражданском благоустройстве. Эти лица, не обладая ни теоретическими познаниями, ни практической опытностью, не имея стремления к общей пользе, думают только о собственных ничтожных выгодах, об улучшении своего личного вещественного быта, об удовлетворении чувственных наслаждений или мелких честолюбивых видов. Они действуют не в смысле той пользы, которую общество вправе от них требовать, а, напротив, считают, что управляемые, т. е. общество, созданы для того, чтобы устроить их личное благосостояние. От этого происходит, что при отправлении своих служебных обязанностей они имеют в виду самих лишь себя и ни во что ставят пользу общественную и справедливость. Из каждого административного распоряжения высшей власти они извлекают только то, что им выгодно, и в этом смысле стараются привести его в исполнение. Искаженное ими, а иногда и худо понятое управляемыми, оно редко достигает своей цели, если же и достигает, то далеко не оправдывает ожиданий.

Для устранения этого гибельного направления должностных лиц в Сибири правительству необходимо обратить особенное внимание на выбор и нравственность определяемых им туда чиновников. Бесспорно, что при настоящем порядке вещей и вообще всего общественного быта в России эта задача весьма трудная, которую вдруг и вполне разрешить невозможно, но полагаю, что время и строгое, постоянное наблюдение за действиями судебной и исполнительной власти в Сибири, внимание правительства к истинным заслугам должностных лиц, как бы ни маловажно было их значение, и соответственные этим заслугам награды, особенно же обеспечение их вещественного быта, могли бы постепенно искоренить или по крайней мере значительно уменьшить стремление к лихоимству и много улучшить нравственность чиновников. Пример нижнеудинского исправника Лоскутова ясно показывает, как много может принести пользы для края самое незначительное правительственное лицо, понимаю-

щее свою обязанность и действующее, может быть, без особого сознания, на пользу общественную. В таком крае, как Сибирь, где огромные пространства отделяют не только верховую власть, но и высшие инстанции от управляемых, необходимо существует много произвола, и жалобы притесненных редко и с трудом доходят до того места или лица, которые могут защищать их.

Тот, кто хотя несколько обратил внимание на ход общественного быта в этом крае, не может не согласиться со мною, что как в отношении администрации, так и в отношении всех других вопросов общественного быта много бы принесло пользы для Сибири учреждение наместничества с такими правами, которые бы дозволяли доверенному лицу, облеченному в эту должность, действовать в некоторых случаях, не ожидая разрешения высшей власти, и в особенности, если бы это лицо было одним из членов царской фамилии или одним из самых высших сановников империи, лицо, которое, пользуясь полным доверием государя, не опасалось бы брать на свою ответственность такие распоряжения или такие административные меры, на которые не смеет решиться простой генерал-губернатор. Независимо от пользы, которую бы такой наместник оказал личным своим присутствием в Сибири, где он сам мог бы видеть и соображать то, что нужно для края, и где распоряжения его исполнялись бы без всякого замедления, благодетельно было бы также его постоянное пребывание в отношении выбора и назначения должностных лиц. Нет сомнения, что за ним охотно бы последовало на службу в этот отдаленный край много хороших и деловитых людей, имея в виду заслугами своими обратить на себя его внимание и получить достойные за то награды. При нем гражданская служба в Сибири не имела бы одну только корыстолюбивую денежную цель, а могла бы быть основана на побуждениях более возвышенных. С другой стороны, угнетенные находили бы в нем близкого защитника, и жалобы их легко бы могли доходить до него.

Учреждение двух департаментов Сената — гражданского и уголовного, а также и высшего учебного заведения принесло бы тоже несомненную пользу для Сибири. Ныне каждое гражданское и уголовное дело, поступающее в Сенат, тянется иногда более 10 лет, и окончательное решение воспоследует тогда уже, когда в гражданском

процессе тот предмет, о котором шло дело, до такой степени уменьшится в своем значении, что не вознаградит даже расходов продолжительного иска. В уголовном же деле осуждение виновного по долговременности суда никогда почти не достигает своей цели, ибо, вместо того, чтобы служить примером справедливой строгости законов за содеянное преступление и удовлетворением общества за нанесенное ему зло, оно возбуждает одно только сострадание к виновному, так долго томящемуся под судом за давно уже забытый всеми поступок. Нельзя не согласиться, что в делах гражданских скорость судебного решения в высшей степени необходима как для сохранения и ограждения частной собственности, так и для обеспечения общественных сделок и договоров, на которых основаны успехи промышленности, торговли и развитие народного богатства. В делах же уголовных она не менее значительна как в отношении преступника, так и самого общества. Первый (не говоря уже о том, если подсудимый должен быть оправдан) чем скорее подвергнется наказанию, тем справедливее оно будет казаться всем и тем сильнее пример его будет действовать на других; а последние вместо сострадания к виновному будут видеть в его осуждении справедливое возмездие за соделанное им преступление.

С открытием высшего учебного заведения в каком-либо из центральных сибирских городов образование молодых людей всех сословий, поступающих по окончании своего воспитания или на служебное поприще в Сибири или избирающих промышленные и торговые занятия, принесло бы величайшую пользу краю. В особенности же, если бы при этом высшем заведении учреждены были специальные обучения, согласные с местными требованиями. Недостаток в образованных, а тем более в дельных специальных людях так ощутителен в Сибири, что иногда самые выгодные для страны и для частных лиц предприятия, для которых найдутся и капиталы, и желающие заняться ими, потому только не могут состояться, что нет людей, способных привести их в исполнение. Выписывать таких людей из России или из-за границы иногда невозможно как по значительности требуемого ими содержания, так и по сомнительности в их знании и их нравственности. Мне самому случалось видеть, как иногда самое выгодное промышленное фабрич-

ное предприятие не имело успеха и вовлекало в огромные убытки именно от того только, что вместо дельного и знающего человека употребляли какого-нибудь словоохотливого хвастуна, обманувшего рассказами о своих познаниях и обещаниями выполнить то, о чем он не имел никакого понятия. Самая золотопромышленность, которая так обогатила многих, а других пустила с кошелем, принесла бы в тысячу раз более выгоды и стране и самим золотопромышленникам, если бы с самого начала нашлись люди, которые бы понимали это дело, и если бы занимающиеся ею не принуждены были действовать более или менее ощупью. Во всех других отраслях промышленности недостаток специальных людей еще более ощутителен. Удивительно даже, как некоторые заведения при таких невыгодных условиях могут приносить пользу своим учредителям, и это можно объяснить только местными удобствами и природным богатством края. Нередко случается видеть, что промышленное заведение, хоть сколько-нибудь согласное с требованиями и произведениями той местности, где оно учреждено, несмотря на недостаток заведений учредителя, на всевозможные неудачи, приносит иногда в Сибири большие выгоды, и я не раз был свидетелем, как таковые заведения после продолжительных попыток и неудач обогащали, наконец, своих владельцев. Что же было бы, если бы с самого начала принялись за них со смыслом и знанием дела. При таком недостатке дельных людей, разумеется, редкий, который решится пожертвовать небольшим капиталом своим на дело, ему неизвестное, и одни только богатые капиталисты могут быть исключением в этом отношении. При тех естественных богатствах, которыми наделена Сибирь, при той дешевизне первых потребностей и того разнообразия* произведений различных местностей нет никакого сомнения, что с необходимыми капиталами и сведущими людьми вся Сибирь вскоре бы покрылась бесчисленными промышленными заведениями, соответствующими местным потребностям, удобствам и произведениям.

Хоть недостаток капиталов и сказывается теперь в Сибири, но это обстоятельство не так еще важно, и ему легко можно пособить. Во-первых, при тех условиях, в которых находится теперь общественный быт в Сибири,

* Так в подлиннике.— *И. П.*

большая часть местных капиталов остается в бездействии. Большие сибирские капиталисты — некоторые из них золотопромышленники и откупщики — живут большею частью в России и употребляют все то, что доставляет им Сибирь, не в самом крае, а вне его. Маленькие — боятся пускать свое достояние в такие обороты, где опасаются первой неудачи, и занимаются только тем, к чему привыкли, чем занимались исстари и что приносит хотя небольшой, но верный доход. Между ними есть даже и такие, которые, нажив небольшое состояние, совсем бросают занятия, опасаясь потерять приобретенное. С лучшим устройством страны, с положительным обеспечением собственности, с уверенностью в скором правосудии по гражданским искам и в несомненном покровительстве правительства, равно как и в возможности находить дельных и знающих людей для всякого промышленного предприятия, все эти капиталы необходимо обратятся в действие и поступят в капиталы производительные.

Кроме того, весьма было бы полезно, если бы правительство не только не воспрещало, но содействовало своими узаконениями основанию разного рода частных компаний как на акциях, так и по условиям или договорам. Тогда могли бы образоваться огромные капиталы для таких предприятий, к которым невозможно приступить одному частному лицу, как бы ни велико было его состояние.

Учреждение местных банков с обеспечением предъявленного ими капитала недвижимою собственностью, напр. застрахованных от огня домов и заведений в главных городах Сибири, могло бы также увеличить местные способы и обратить в производительные капиталы такую собственность, которая остается теперь без всякого производительного движения.

Пути сообщения необходимы для Сибири более, нежели где-либо. При разнообразии ее климата, местностей и произведений внутренняя и внешняя торговля ее не иначе может получить успешное развитие, как при удобствах сообщения. Самое даже благосостояние жителей этого обширного края зависит от того. В продолжение моего долговременного пребывания в разных местах Сибири я был не раз свидетелем, до какой степени недостаток сообщений лишил тот край, где я находился, или выгодного сбыта излишнего, или возможности приобрес-

ти необходимое. Например, до 1835 года в Забайкальском краю, равно как и в других местах Иркутской губернии, при хорошем урожае какого-либо произведения этих стран, как-то: хлеба, орехов, табаку и т. д., товар этот продавался за самую низкую цену, потому что потребность в деньгах и некоторых необходимых предметах принуждала небогатых жителей сбывать излишек за какую бы то ни было цену. Несколько зажиточных купцов скупали эти произведения за бесценок и выжидали такого года, когда оказывался на какой-либо из купленных им предметов неурожай, и тогда сбывали его по неимоверным ценам, в десять и более раз дороже. Таким образом, несколько лиц быстро обогащались, а весь край страдал.

В Тобольской губернии до 1850 года цены на хлеб были так низки, что не вознаграждали трудов земледельцев, между тем как в то же время в Томске и Красноярске они возвысились до такой степени, что разоряли золотопромышленников, принужденных платить от пяти до шести рублей за пуд ржаной муки и по 12 и 15 рублей за пуд мяса, тогда как ту же говядину в Тобольской губернии и в киргизской степи можно было иметь по рублю и менее за пуд. В течение последних десяти лет сообщение между Тобольской и Томской губерниями, по случаю заведения двух или трех пароходов, по рекам Иртышу и Оби и нескольким полноводным немного улучшилось, и от этого небольшого улучшения как в той, так и в другой губернии цены на их местные произведения почти что уравнялись. Мне кажется, что по географическому положению Сибири железная дорога от Тюмени до Перми[140] и водяное сообщение посредством пароходства по рекам Иртышу, Оби, Енисею, Ангаре, Лене, Амуру, Байкальскому морю, озеру Зайсану и в киргизской степи по реке Ише удовлетворят настоящие требования сибирского края в отношении всех отраслей промышленности и торговли.

Здесь, разумеется, я только поверхностно могу коснуться тех улучшений, которых ожидает Сибирь, и не вхожу ни в какие подробности, для объяснения которых нужно иметь и более данных и более сведений, нежели имею я. Частный человек, какое бы он ни имел стремление к пользе общей, не может изучить совершенно все потребности такой обширной страны, как Сибирь, и ука-

зать с положительным знанием дела, как и что надо сделать. Для этого недостаточно целой жизни, и сверх того надобно обладать такими сведениями, для приобретения которых независимо от средств нужно бы было еще другую жизнь. Достаточно и того, если с полным усердием к общественной пользе гражданин, любящий свое отечество, совестливо сообщит благонамеренному правительству общие свои идеи, которые оно имеет более средств обсудить в подробностях и применить к делу*.

Если бы действительно правительство пожелало подвинуть успехи благосостояния этой страны и для этого вознамерилось ознакомиться с ее настоящим положением, то оно легко могло бы исполнить это, учредив в губернских сибирских городах несколько комиссий и возложив на них обязанность представить ему подробный и совестливый отчет о состоянии каждой из них в отношении административном, так и в отношении общественного местного ее быта вместе с проектом тех улучшений и преобразований, которые могут оказаться нужными для края. Я бы посоветовал только в этом случае не возлагать учреждение этих комиссий на местные власти. Они, не в укор будет им сказано, составят их из своих приближенных, которые весьма естественно постараются одобрить все прежние распоряжения своих начальников, доказать, что край пользуется самыми благодетельными учреждениями и что следует изменить только то, что не согласуется с собственными их видами. Почему бы не отправить в каждую губернию по одному доверенному лицу из деловых и благонамеренных людей и дать им полномочие составлять таковые комиссии под своим председательством из лиц, избранных ими на месте тех со-

* Это было писано до 1850 года. С тех лет особенно Восточная Сибирь постоянно обращала на себя внимание правительства и публики. С назначением генерал-губернатора графа Муравьева-Амурского многое изменилось в ней как в отношении управления, так и в ее территории. Присоединение Амурского края, свободное плавание по Амуру до его впадения в океан, учреждение двух новых областей — Приамурской и берегов Восточного океана, основание нескольких городов и портов, перевод областного управления из Камчатки в один из портов Восточного океана, транзит с Китаем и Японией — все это содержит много полезного для будущности Восточной Сибири. В Западной части были сделаны некоторые приобретения за рекой Ишим, основаны несколько <нрзб.> и укрепились на границах киргизской степи к Коканду и Ташкенту.

словий и людей, которые окажутся наиболее для того способными и полезными? Эти комиссии могли бы действовать независимо от местных властей и имели бы право требовать от них те сведения, которые им нужны и которые могут быть им доставлены. Сии комиссии не имели бы права приступать ни к каким исполнительным распоряжениям, а только бы занялись точным исследованием настоящего положения губернии, верным и отчетливым изложением оного, для соображения высшей власти, и своими предположениями для улучшения в ней всех отраслей гражданского и общественного быта — предложениями, основанными на общей пользе, на знании края и обстоятельств. Правительство, получив отчет этих комиссий, могло бы правильно и более или менее безошибочно сообразить общие и местные узаконения, меры и учреждения, которые бы могли наиболее согласоваться с выгодами этой обширной страны.

В заключение скажу несколько слов о сибирском народонаселении и тех мерах, которые, по мнению моему, могли бы служить к его просвещению и к улучшению его нравственности.

В Сибири общественные элементы относительно разделения народонаселения на сословия или касты несколько различны с Россией. В ней нет дворянства, нет крепостного состояния, исключая очень немногих и весьма незначительных помещиков (их всего наберется едва ли десятка два), перевезенных на пожалованные предкам их в прежние царствования земли крепостных людей из России. Но, с другой стороны, есть два лишних разряда — поселенцев и ссыльнокаторжных. Первые пользуются совершенно свободой и лишены только некоторых незначительных прав в сравнении с крестьянами, а последние живут по казенным заводам и употребляются в самые тяжелые работы, находясь в совершенном распоряжении правительства и местных начальств. От этого изменения в составе народонаселения происходят значительные различия в общественном устройстве того или другого края. Отсутствие крепостного состояния благодетельно действует на быт низшего класса, т. е. крестьян. Здесь, в Сибири, они гораздо смышленее, гораздо зажиточнее, гораздо выше в общественном значении, нежели крестьяне русские. Их разделяет меньшее расстояние от высшего сословия, они гораздо независимее, свободнее в сношениях

с ними, и переход из одного сословия в другое совершается гораздо легче. Нельзя также не признать, что полезно для края и то, что в нем дворянства или, лучше сказать, помещиков нет. Это избавляет его от значительного числа непроизводительных лиц и капиталов, скорее затрудняющих, нежели поощряющих успехи народного богатства, и часто примером своим и своими исключительными привилегиями вредно действующих на общественный быт. Но с другой — это самое лишает Сибирь некоторого общественного надзора за действиями должностных лиц и позволяет последним прибегать к произволу и уклоняться от правосудия и законности, не имея над собою, так сказать, постоянного косвенного контроля.

Два излишние разряда сибирского народонаселения, поселенцы и ссыльнорабочие, приносят, в свою очередь, и пользу и вред здешнему обществу. В отношении нравственности они много вредят ему, ибо постоянно поддерживают худые наклонности человека между низшими сословиями и умножают преступления против собственности и личной безопасности. Но зато хотя понемногу, сравнительно с пространством края, но все-таки увеличивают постепенно народонаселение и доставляют обществу много способных, смышленых, хотя и не весьма нравственных людей, которых, впрочем, действуя с осторожностью и благоразумием, можно всегда употребить с пользою *.

---

* Не излишним считаю сказать здесь мое мнение насчет поселенцев и ссыльнорабочих, ежегодно прибывающих в Сибирь. Система, принятая в отношении их правительством, не совсем полезна для края и требует много лучшего. Поселенцы худою нравственностью своею много вредят обществу и не только портят нравы туземцев, но часто даже вовлекают их в преступления. Мне кажется, что гораздо лучше было бы, если бы некоторое время по прибытии в Сибирь они не пользовались тою свободою, которая им теперь предоставляется, и находились бы в это время под особым надзором и только по прошествии известного срока и по испытании их причислялись к волостным и получали те права, которыми теперь пользуются и тотчас по прибытии своем. Почему бы не избрать в Сибири какой-нибудь малонаселенный округ и помещать туда новоприбывших поселенцев? Этот округ мог бы иметь особое управление, и надзор за ссыльными мог бы также быть особенный. Там бы можно было также учредить, под ведением нарочно назначенных для этого должностных лиц, некоторые ремесленные и земледельческие заведения, где употреблялись бы ссыльные. По прошествии известного срока и по засвидетельствовании начальства о хорошем поведении ссыльные поступали бы оттуда на совершен-

Лихоимство и система откупов суть два величайших врага общественного быта в Сибири. Первое до такой степени развилось во всех слоях общества, что заразило без исключения все сословия, начиная от правительственных мест до последнего крестьянина. Кто только может, тот и берет в Сибири, и берет с такою наглостью, с таким отсутствием всякого приличия, с такою вопиющею несправедливостью, что решительно нет такой общественной сделки, нет такого дела, как бы оно ни было ничтожно и справедливо, которое бы обошлось без взяток. Всего же грустнее видеть, что это проникло в самые даже низкие слои общества; крестьяне, которые наиболее терпят от него, в свою очередь, так им заражены, что когда кто-либо из них поступит на общественную должность в своей волости, то необходимо становится отъявленным взяточником и готов всеми средствами притеснять своих собратий, чтобы иметь повод к лихоимству. В городах то же самое. Едва купец или мещанин избран обществом головою, старостою или каким-нибудь членом городского управления, он в ту же минуту забывает прежний свой быт и становится чиновником со всеми его

ную свободу и причислялись бы к крестьянским обществам. Неисправимые же оставались бы там навсегда. Ежегодно главный начальник этого округа представлял бы список тех из ссыльных, которых бы он нашел достойным освободить и водворить крестьянами. От этого, я уверен, очень бы выиграла нравственность низших классов сибирского народонаселения и очень бы уменьшились преступления противу личности и собственности. Независимо от местного надзора высшие правительственные лица Сибири могли бы посещать этот округ и лично видеть, так ли все исполняется, как желает правительство.

Относительно ссыльнорабочих на рудниках и заводах тоже можно сказать многое. Во-первых, по моему мнению, нравственность их гораздо удобнее к исправлению, нежели нравственность поселенцев, о чем я, кажется, уже говорил. Вследствие этого я считаю, что ни в каком случае не должно на них смотреть, как на неисправимых членов общества. Наказание, которое налагает на них вечное клеймо и навсегда исключает из общества, по всей справедливости, должно быть отменено — быт их должен быть улучшен, работы положительнее, определеннее, управление ими смягчено; произвол их начальников сколько можно ограничен, и сверх того необходимо дать им возможность хорошим поведением заслужить облегчение их участи. Почему бы, например, не предоставить местным властям тех из них, которые своим усердием и улучшением своей нравственности заслужат внимание начальства, представлять к освобождению от работы и к переводу в округ поселенцев, откуда они могли бы поступить даже и в крестьяне.

дурными свойствами и сверх того без всякого знания дела *.

Трудно, весьма трудно будет благонамеренному правительству искоренить это зло. Для этого необходимо и большое терпение, и большое искусство, и много помощи со стороны людей нравственных, бескорыстных и пре-

---

* Помещаю здесь несколько случаев взяточничества и поступков должностных лиц, за достоверность которых могу поручиться, потому что жил там, где они происходили.

1) Один зажиточный крестьянин, будучи на охоте, убил вместо дикого дворового гуся, принадлежащего другому крестьянину, тоже зажиточному. Оба они за это поссорились. В это время в волость приехал заседатель, и обиженный принес ему жалобу. Заседатель узнал, что оба мужики богаты, обещал ему, если он подарит ему 50 рублей, не только взыскать за убитого гуся, но и наказать крестьянина, его убившего. Тот, из желания поставить на своем и отомстить своему сопернику, согласился дать деньги. Тогда заседатель посадил первого крестьянина в волостную тюрьму и продержал его некоторое время, дав ему знать через волостного писаря, что если он даст ему сто рублей, то будет выпущен, а противник его будет посажен на его место. Этот тоже согласился—был выпущен, а второй крестьянин посажен. Эти попеременные аресты продолжались до тех пор, пока оба крестьянина не убедились, что их дурачат за их же деньги. А между тем заседатель приобрел от обоих 800 рублей. Когда же увидал, что уже более нельзя получать, то призвал к себе обоих мужиков и помирил их. Но что всего удивительнее и показывает, до какой степени может простираться наглость,— это то, что тот же самый заседатель, не называя себя, рассказывал эту историю в обществе нескольких лиц, которым она не была известна, как пример умного и ловкого лихоимца.

2) Каждое следствие, как бы оно ни было маловажно, служит поводом к лихоимству следователей. Если даже нужно сделать простой повальный обыск, то и тут не обойдется без значительной взятки с того селения, до которого это касается. Заседатель, стряпчий, исправник, напр[имер], дает знать, что такого-то числа он будет для опросу и чтобы весь народ был в сборе. Если ему поднесут значительный подарок, то он приедет в свое время и кончит как следует дело. В противном случае же народ в волости прождет его неделю, две, а он отзовется, что не мог прибыть к назначенному им самим времени по какому-либо особенному непредвиденному случаю. Но как крестьянам, особенно в рабочее время, каждый день очень дорог, то они охотно решаются, чтобы не потерять больше, платить следователю за каждое даже пустое дело.

3) Мне самому случилось избавить одну деревню от значительного расхода по требованию какого-то землемера. Раз как-то приходит ко мне знакомый крестьянин, поставлявший мне дрова, и просит моего совета, дать ли приехавшему в их деревню землемеру 500 руб., настоятельно им требуемых. «А зачем он к вам приехал?» — спросил я.— «Проверять план, батюшка,— отвечал крестьянин,— этот самый план был два года тому назад составлен другим

данных отечеству. Необходимы также и многие правительственные меры: узаконения, более согласные с пользою общественною и иногда противоречащие принятым понятиям о самодержавии. Распорядительный и вполне понимающий административное дело наместник, о котором говорено было выше, может принести в этом отноше-

---

землемером, которому мы уже подарили. Он же говорит, что если мы не дадим ему пятьсот рублей, то проживет у нас более месяца и каждый день потребует 10 подвод и человек 20 рабочих. Теперь же сами знаете — страдное время. Чего это нам будет стоить?» Я подумал и отвечал ему: «Делайте, как знаете, но я бы ни за что не дал и лучше бы перенес эту тягостную повинность. Сверх того, я что-то сомневаюсь, имеет ли он такое поручение, а если и действительно имеет, то, вероятно, оно дано ему именно с тем, чтобы покормиться около вас. Если вы дадите нынешний год, немудрено, что на следующий или через год опять прислан будет к вам новый экземпляр и потребует новых 500 р., так что этому и конца не будет. Если же выдержите, то, может быть, окончится одним разом. Впрочем, опять повторяю, делайте, как хотите, я не советую, я говорю просто, как думаю». Крестьянин ушел; недели через две, увидевшись со мной, рассказал мне, что они поступили, как я говорил, ничего не дали землемеру, и тот, пробыв у них дней пять, уехал, не поверяя план свой.

4) У одного из моих знакомых купцов один чиновник занял деньги и дал закладную на свой дом. По прошествии срока и по несостоятельности должника купец подал закладную ко взысканию. Дело очень простое; стоило только поступить согласно самому ясному из законов. А между тем оно продолжалось около четырех лет и до сих пор не окончено. В просьбе не отказывают, но пересылают ее из окружного суда в губернское правление, оттуда в губернский суд, потом обратно опять в окружной суд и нигде не полагают окончательного решения.

5) Каждое имущество, поступающее по какому-либо случаю в опеку, или до окончания спора, или до совершеннолетия, особенно в первом случае, почти совершенно уничтожается вследствие нерадения, злоупотреблений и т. д. Я сам испытал это на себе. Имение жены моей было в споре и находилось в опеке. При начале тяжбы оно состояло по весьма худо составленной и неполной описи на сумму 60 т[ыс]. ассигн. Тяжба продолжалась восемь лет, и, когда последовало окончательное решение, мы получили всего едва 4 тыс. рублей серебром.

В том городе, где я жил, все члены окружного суда были, наконец, отданы под суд за растрату нескольких опекунских имуществ. Этот суд над ними, если бы он скоро был окончен и виновники подверглись бы справедливому наказанию, мог бы служить благодетельным примером, но, к несчастию, он продолжался столько времени, что, за исключением одного, все успели умереть, не дождавшись конца, и на них уже смотрели не как на виновников, а как на страдальцев. Преемники же их забыли уже и думать о том, что их ожидает, если будут поступать точно так же.

нии большую пользу и мало-помалу ослабить эту всеобщую заразу. Взяться за это надобно с большою осторожностью и большим хладнокровием. Во время пребывания моего в Сибири я сам был свидетелем, как недостаточно одной строгости, одного желания исправить лихоимство, чтобы достигнуть предполагаемой цели. Некоторые из генерал-губернаторов, преследуя без разбору взяточничество, делали более вреда, нежели пользы, и, губя мелких, еще неопытных чиновников, попадавшихся по собственной оплошности, при первом иногда случае, таких чиновников, которые еще могли легко исправиться и быть порядочными исполнителями их распоряжений, находились в совершенном ослеплении насчет самых отъявленных лихоимцев, которые искусно управляли ими, пользуясь некоторыми из их слабостей, и которых они считали за самых честных, благонамеренных людей.

Второе, еще большее зло, потому что оно действует и на нравственность и на материальное благосостояние самого многочисленного класса народонаселения,— система винных откупов, составляющих вместе с тем один из значительнейших источников государственного дохода,— так явно противоречит всем понятиям о благоустроенном и нравственном обществе, что излишним бы было повторять то, что известно и самому правительству и каждому сколько-нибудь рассуждающему гражданину. Напрасно первое, т. е. правительство (и в этом должно отдать ему справедливость), старалось в разные времена улучшить эту систему, напрасно предполагало оно согласовать ее хоть сколько-нибудь с нравственностью. Каждый раз оно должно было убедиться в невозможности, развивая ее, увеличивать государственный доход и улучшать в то же время народные нравы. И действительно, каким образом может усиливаться источник дохода, основанного на сбыте такого предмета, потребность которого уничтожает достоинство человека, без вредного влияния на его нравственное состояние? Тут, сколько я полагаю, ложно самое основание, и потому какую бы хитрую систему ни создали на этом основании, какой бы ни старались придать ей нужный вид, одним словом, в какое бы платье ни одели ее, она была и будет всегда гибельна для народного благосостояния и народных нравов.

Неужели правительство или, лучше сказать, государственные люди, составляющие проекты откупов и зани-

мающиеся этим источником государственных доходов, не понимают, что откупщики, принимающие на себя обязанность удовлетворять народную потребность в спиртных напитках, заключали и заключают с правительством при каждой системе откупов такие условия, которых они не могут выполнить, если будут действовать в смысле заключенного договора. Они только потому и соглашаются на все ограничения, что наперед уверены в том, что будут иметь возможность не стесняться своими обязательствами и действовать более или менее произвольно. Для этого они сами или доверенные их весьма естественно прибегают к подкупам лиц, от коих зависит надзор за их действиями, и, стало быть, распространяют лихоимство, и без того уж столь повсеместное. Само правительство, т. е. даже те главные члены его, которые по своему положению и по своим правилам не причастны к этой заразе, по необходимости должны смотреть сквозь пальцы на противозаконные действия откупщиков, ибо в противном случае сии последние могут оказаться несостоятельными и, следовательно, лишить казну значительной части ее доходов.

Вот почему мы всюду замечаем, и в особенности в Сибири, что откупщики имеют большой вес в главных правительственных местах и что там, где откуп не доволен мелкими должностными лицами, иногда ему противодействующими или по независимому своему характеру, своим честным правилам, но чаще потому, что недовольны получаемым от него окладом, он весьма легко выхлопатывает их увольнение или перевод в другое место. От этого происходит то, что люди, желающие быть честными, не хотят занимать таких должностей, где они необходимо навлекут на себя неудовольствие и даже преследование высшего начальства. Те же из них, которые не могут существовать без службы и, следовательно, совершенно зависят от нее, поневоле делают сделку со своею совестью и подчиняются общепринятым относительно откупов правилам, т. е. получают от него оклады и содействуют ему в противозаконных действиях. Мне самому не раз случалось слышать от некоторых чиновников, которые по многим отношениям заслуживали уважения, что они берут от откупа именно потому, что во всяком случае должны смотреть сквозь пальцы на его действия, и что если бы они поступили иначе, то не остались бы и месяца

при своих должностях. Следовательно, не бравши от откупщиков, они лишили бы себя только способов, не принося никакой этим пользы в служебном отношении. Таковые мнения и таковые, можно сказать, вынужденные сделки с совестью имеют вредное влияние на бескорыстие и честность чиновников. Один раз допустивши себя к некоторого рода лихоимству и находя оправдание в самом положении обстоятельств, тот чиновник, который бы, может быть, никогда не решился на взятки, мало-помалу изменяет свои понятия о бескорыстии и, видя вокруг себя беспрестанные лихоимства, делается вскоре и сам отъявленным лихоимцем.

Но откупы еще вреднее действуют на нравственность и вещественный быт низших сословий народонаселения. Распространяя, с одной стороны, пьянство и сопутствующие ему пороки и даже преступления, они, так сказать, подрывают самое основание общественного благосостояния и имеют гибельное влияние на народные нравы. Я уверен, что если рассмотреть хорошенько все уголовные дела, то окажется, что большая половина преступлений была совершена или в пьяном состоянии или по причине страсти к вину. С другой стороны, они значительно истощают материальные способы низших сословий. В Сибири, где труд земледельца и ремесленника так щедро вознаграждается и самою природою, и местными удобствами, крестьяне могли бы быть гораздо богаче, одним словом, решительно благоденствовать, если бы не тратили и деньги, и время, и здоровье на гибельную наклонность к пьянству. Они даже и теперь в несравненно лучшем положении, нежели крестьяне России. Что же бы было, когда бы они сохранили все то, что издерживается ими в пользу откупов, и когда бы истребилась в них мало-помалу эта вредная и безумная страсть к горячим напиткам?

При нынешней системе откупов правительство не может принять никаких благодетельных мер к искоренению в народе этой страсти. Оно должно довольствоваться тем только, что само поощряет ее, хотя и должно смотреть сквозь пальцы на все то, что делается во вред общественных нравов*.

* В Петербурге как-то вышла очень остроумная карикатура. Представлен крестьянин, и по одну сторону его церковь, а по другую — питейный дом. Министр государственных имуществ тащит его за руку в первую, а министр финансов за другую в последний, и таким образом разрывают мужика на две части.

К несчастью, оно должно даже иногда противиться благонамеренным усилиям частных лиц в этом отношении. Так, напр[имер], воспрещено было общество трезвости, которое начинало было учреждаться, по примеру Англии и Соединенных Штатов, в Остзейских губерниях [141].

Но мне возразят, может быть, что легко осуждать этот источник государственных доходов, но не так легко заменить его и что недостаточно того, чтобы указать на необходимое и всем известное зло, надобно вместе с тем объяснить, как устранить его без ущерба казне. Будучи частным, а не правительственным лицом, я не могу знать все отрасли государственных доходов, которые бы могли заменять этот грязный источник, что было бы, мне кажется, гораздо выгоднее, справедливее и полезнее, если бы все то, что правительство получает от откупов, шло к нему прямо от тех, кто доставляет возможность откупщикам не только исполнять свои обязательства с правительством, но обогащаться самим и издерживать огромные суммы на подкупы и на управление питейными сборами. Тогда бы все расходы и все то, что наживают так скоро и так несправедливо откупщики, осталось бы чистою прибылью для народа, и вместе с тем нравственная польза много бы приобрела от этого. Не странно ли, не грустно ли видеть теперь, каким почетом пользуются у правительства люди, нажившие в самое короткое время огромные состояния. Как эти люди за какие-нибудь вздорные пожертвования на пользу общую из того, что они приобрели такими грязными путями, превозносятся и восхваляются органами правительства как самые лучшие граждане отечества! К чему служит тогда честность, прямота, бескорыстие, все нравственные достоинства, когда можно приобрести и почет, и уважение, и даже известность, идя таким путем, где отсутствуют лучшие принадлежности человечества?

Указать, как обратить в прямой налог или в разные косвенные налоги государственный доход от откупов, я не имею возможности. Это дело тех людей, в руках которых находятся бразды правления. Во всяком случае, мне кажется, что если бы нужно было пожертвовать частию доходов и для этого сократить некоторые государственные издержки, то и тогда не следовало бы задумываться. Правительство со временем выиграло бы от того не только в одном нравственном отношении, но

и в отношении будущих своих способов, основанных всегда на народном благосостоянии.

Наконец, самое сильное, самое действительное орудие для улучшения народной нравственности есть, без сомнения, религия, которая имеет тем большее влияние на человека, чем ум и сердце его простее, чем понятия его ближе подходят, как сказал сам Спаситель, к понятиям детей. И действительно, у нас в России духовенство могло бы оказать величайшие услуги народной нравственности, если бы действовало согласно своему назначению в этом мире. К несчастию, и особенно в Сибири, не так поступает оно и не тому направлению следует. Занятое исключительно, по одностороннему образованию своему, внешними церковными обрядами и личными материальными выгодами, в которых так нуждается по своему общественному положению, оно не приносит десятой доли той пользы, которую могло бы приносить, и часто своим примером и своим корыстолюбием служит соблазном для мирян. Если благонамеренное правительство захочет иметь в нем благодетельного и сильного помощника к нравственному улучшению своего народа, то необходимо должно обеспечить вещественный быт его и деятельно заняться его образованием, как умственным, так и религиозным. Тогда только духовенство вполне поймет свое назначение в этом мире и сделается достойным орудием к достижению той высокой цели, которая предназначена всему человечеству.

Отдел IV [142]

Тридцатилетие царствования покойного императора Николая как во внешней политике, так и во внутреннем управлении выразило вполне свой характер. Если бы события последнего времени не показали, до какой степени оно было несогласно с настоящим положением государства, если бы кончина его последовала до начатия последней войны [143], многие, может быть увлеченные наружным величием России и некоторыми удачными эпизодами его политики в течение этого долгого периода времени, остались бы в заблуждении насчет того, что он сделал и чем он был для России. Преемнику же его досталось бы в наследство отвечать перед современниками и потомством за все то, что не имело случая выразиться

и, может быть, подвергнуться несправедливому осуждению в неумении идти по следам своего предшественника и блистательно окончить то, что им было начато и отчасти совершено. Но провидение не захотело подвергать ответственности нового царя за действия его родителя. Оно как будто нарочно продлило жизнь последнего до того периода борьбы с западными державами, когда уже никто не мог сомневаться и в ошибочности его политики, и во внутреннем неустройстве России. Он оставил престол именно в то время, когда наследник его не отвечал за последствия войны, мог свободно действовать к восстановлению мира и согласиться на такие уступки, которые были вынуждены обстоятельствами. Новый государь не только этим не навлек на себя укора своих подданных, но заслужил всеобщую признательность.

Эту войну можно считать даже благодетельною для России, если смотреть с той точки зрения, что она явила во всем блеске русский народ, его самоотвержение, неограниченную его любовь к своему отечеству и указала вместе с тем новому правительству необходимость изменить прежнюю политику, несостоятельность которой так видимо подтвердилась событиями, и следовать путем, более согласным с истинной жизнью государства. Нет никакого сомнения, что теперь оно не только не встретит противодействия в необходимых для блага России преобразованиях, но найдет везде деятельных и преданных сотрудников. Этим отчасти она обязана будет последним событиям предшествующего царствования.

Это царствование началось тридцать лет тому назад при самых горестных, но вместе с тем благоприятных для него обстоятельствах. Кровь русская была пролита у подножья нового престола[144], но это не было виною правительства. Оно защищало себя, и этого права никто не посмеет у него оспаривать. Оставшись победителем, оно вдруг приобрело независимо от вещественной большую нравственную силу и при понятиях русского народа о самодержавии могло действовать, не встречая нигде не только сопротивления, но даже противоречия.

Рассмотрим, как оно воспользовалось своим выгодным положением.

Вместо того, чтобы приступить к тем преобразованиям, в которых нуждалась Россия, вместо того, чтобы заменить вредные для ее блага учреждения новыми, соот-

ветствующими и времени, и общему требованию, оно вопреки собственной пользы явило себя грозным последователем внешней и внутренней политики всех предшествовавших царствований. С одной стороны, оно предстало перед Европою бдительным стражем самовластия, явившись врагом всех прав народных, противником просвещения, одним словом, приняло на себя роль защитника всех устарелых идей, несогласных ни с духом времени, ни с общим направлением европейского общества. Понятно, что европейские государи обрадовались такому могущественному союзнику, который в случае нужды мог оказать им и нравственную, и материальную помощь при их внутренних распрях с подданными. Они при сознании могущества России, олицетворенной в особе государя, видели в нем главного сподвижника прав и преимуществ верховной власти, царственного вождя, готового во всякое время защитить их, и это положение между коронованными главами Европы не могло не льстить его самолюбию, не возбуждать в нем преувеличенного понятия о своем значении, своей силе и не вовлечь его во все действия и интриги европейской политики.

Уничтожив единственную оппозицию в России, заключавшуюся в тайном обществе и в малом числе лиц, сочувствовавших побежденным, он предал членов этого общества всей строгости законов и произволу самодержавной власти своей, увеличенной одержанной победой. Преувеличивая с целью, а может быть, и без намерения, угрожавшую престолу и государству опасность, он торжествовал эту победу как восстановитель общественного спокойствия, а потом отправился в Москву исполнять торжественный обряд своего коронования[145], не сомневаясь в той раболепной преданности, с которою все сословия России встретят его. Но вместе с тем, желая отвлечь общественное внимание от предмета, исключительно занимавшего его в первые шесть месяцев нового царствования,— суда над так называемыми государственными преступниками, он воспользовался некоторым недоразумением с персидским двором и объявил войну шаху[146]. Русские войска, всегда готовые приняться за оружие, с радостью отправились на такое поприще, где они могли быть существенно полезны для славы своего отечества и где пылкая молодежь пыталась познать новые лавры,

новые награды за военные подвиги. Вся Россия, видевшая в военной славе единственный предмет своей гордости и привыкшая к победам, которые заменяли ей все другие общественные успехи, с участием следила за ходом войны и торжествовала вместе с царем своим подвиги российских войск.

Война эта не могла не иметь успеха. Персия в отношении численности войск, финансов, военного искусства и вообще всех средств своих не могла состязаться с Россией и рано или поздно должна была признать себя побежденной. Так и случилось. Едва прошел год, как, положив оружие, она вынуждена была просить мира, и этот мир, заключенный на выгодных для России условиях и доставивший ей значительные приобретения [147], озарил новое царствование блеском военной славы и увеличил значение владыки русского народа.

Вскоре за тем последовала Наваринская битва [148], столь в свое время превозносимая. В смысле морского военного дела она была подвигом очень неблестящим, а в смысле нравственном поступком несправедливым. В Англии хотели даже судить Кодрингтона за нарушение нейтралитета и данных ему инструкций, и общественное мнение во всей Европе было тогда в пользу греков против турок, и потому английское и французское правительства должны были поневоле одобрить действия своих адмиралов. Вслед за нею началась турецкая война, обратившая на себя внимание Европы [149]. Первый год был не совсем счастлив для русского оружия, но в следующий победы графа Паскевича в Малой Азии, переход графа Дибича через Балканы и занятие Адрианополя [150] блистательно вознаградили прежние неудачи и принудили Порту просить мира. Войска наши могли бы беспрепятственно вступить в Константинополь, но, опасаясь заступничества западных держав, государь должен был довольствоваться Адрианопольским трактатом, по которому Россия приобрела некоторые земли и большое влияние на Востоке [151], показав вместе и силу своего оружия, и свою умеренность.

По окончании этих двух кампаний значение императора как в Европе, так и внутри России много увеличилось. Это было время, в которое он мог бы легко предпринять в своем государстве без всякой опасности для себя и для своей власти все те внутренние преобразования, которые

нашел бы согласными с пользой и достоинством своего народа. Никто не дерзнул бы ему противоречить, никто не посмел бы не одобрить его распоряжений, никто не подумал бы, что он делает это не по собственному влечению. Все исполнилось бы по одному его слову тихо, спокойно, безропотно. Так силен он был в это время, и так готовы были все повиноваться ему.

Но, к несчастью и его собственному, и всей России, возвеличенной успехами своего оружия, обстоятельствами и удачами трехлетнего царствования, он думал лишь об одном себе, о настоящем и позабыл о своем народе и об истории. Он опасался малейшим сочувствием к народу, малейшим уклонением от принятой им консервативной системы ослабить понятие о самодержавии, опасаясь возродить в умах даже тень независимости, надежду на учреждения, более согласные с духом времени. Крепостное состояние, это грязное пятно в жизни русского народа, которое так легко мог бы он вычеркнуть из будущей истории России и которое он сам по своему образованию и по своей вере, как христианин, не мог не считать вопиющей несправедливостью, унижением человечества, не удостоилось даже его внимания потому только, что с его уничтожением могла возродиться мысль об основных преобразованиях, о законности естественных прав человека [152].

Не странно ли было видеть, читать и слышать в последнее время все то, что он сам говорил о притеснении христиан в Турецкой империи, все то, что он считал законным предлогом к последней войне, все, что печаталось с разрешения правительства в газетах и журналах об этом вопросе, и знать в то же время, что у нас в России десять миллионов христиан-сограждан томятся в неволе у их собратий по вере, по отечеству и что в продолжение 30 лет самого спокойного царствования не сделано ни малейшей попытки снять с них эти оковы, ни малейшего узаконения в пользу их освобождения.

И как легко мог бы он уничтожить это пятно, заслужить этим признательность современников и уважение потомства. Какая бы была прекрасная страница в истории его царствования! Но он не хотел этого и не хотел потому только, что боялся ослабить временную самодержавную власть свою. Спрашиваю, есть ли тут что-нибудь высокого?

Вся политика, все действия его носили отпечаток величайшего эгоизма. Я преобладаю во всем и везде[153]. Не встречая никакого сопротивления внутри России и наложив оковы на самую мысль своих подданных, он весь обратился к внешней политике, где находил пространное поле для своей себялюбивой деятельности и где надеялся играть роль Агамемнона в ареопаге европейских владык[154]. Обстоятельства содействовали много к тому, чтобы питать в нем это понятие о своем значении. В Европе из всех коронованных лиц не было ни одного гениального человека. Сверх того, каждый из них был более или менее озабочен внутренним положением своего государства, тайной или явной борьбой со свободою мысли, одним словом, исключительно был занят охранением своих прав и преимуществ от притязания подданных и потому смотрел на русского царя как на нужного и сильного заступника, к которому он мог прибегнуть в крайнем случае и который своим грозным, могущественным положением, своею явною враждою к новым идеям доставил бы ему большую нравственную помощь во всех случаях, касавшихся до неприкосновенности его власти. Особенно соседние государства Австрия, Пруссия и вся Германия находились под непосредственным его влиянием. Турция после Адрианопольского мира, убедившись в своем бессилии, не имела уже никакого голоса и поддерживалась одною политикою европейских государств.

Таким образом, все содействовало к тому, чтобы придать его политике характер самый резкий, не нуждающийся в осторожности, в мягкости, и убедить его самого, что страх, непреклонная настойчивость и воля, не терпящая противоречий, не знающая препятствий и не подчиняющаяся закону необходимости, суть единственные качества самодержавного государя. Что только таким образом должно управлять массами и заслужить в истории имя Великого! Уверенный в своей силе, ложно убежденный в твердости своего характера и даже некоторого рода в высшем призвании остановить, уничтожить не только в России, но и в целой Европе дух свободомыслия и утвердить верховную власть на прочных, не разрушаемых основаниях, он не задумался явно показать свою цель, не прибегая к предосторожностям, не заимствуя помощи ни от общественного мнения, ни от любви своих подданных. Подобно колеснице Джаггернаута[155], он

шел по избранному им пути, раздавляя все, что встречал на дороге, и с самоуверенностью смотрел на коленопреклоненный по странам народ [156].

Результаты такого управления и такой политики соответствовали вполне их свойствам. Внутри государства общее раболепие, недостаток в людях государственных, ибо лица сколько-нибудь дельные, знающие себе цену, независимые по своему характеру и своим правилам не могли быть безусловными, слепыми орудиями, следовательно, удалялись или устранялись на первом шагу служебного поприща. На нем оставались и выслуживались только люди, исполнявшие беспрекословно, без размышления волю своего владыки. Эти люди довольствовались одними выгодами, не думая нисколько о том, полезно или вредно обществу то, что исполняют [157]. Как от этого, так равно и от отсутствия всякого умственного развития, от совершенного порабощения мыслящей, нравственной стихии человека, от оков, наложенных на просвещение, на воспитание, одним словом, на все, что составляет лучшее достояние человечества,—повсеместная привязанность к материальной стороне жизни, эгоизм и все сопутствующие им худые наклонности и пороки. Лихоимство приняло огромные размеры и коснулось даже лиц, стоявших на высших ступенях общественной лестницы. Отвратительный разврат распространился во всех сословиях. Религия служила маской для лицемерия и мирских вещественных выгод.

Одним словом, материализм в полном смысле и в своих гнусных, отвратительных видах. Законы не исполнялись, роскошь, привязанная к чувственным наслаждениям, заразила все слои общества. Всякий помышлял только о том, как бы скорее нажиться какими бы то ни было путями, а потом наслаждаться грязным добром своим, утопая в роскоши и разврате. Одним словом, общество в России представляло подобие общества римского в последние времена его упадка. Одного только страшились, одного только не позволялось: противоречить правительству, рассуждать о верховной власти. Малейшее в этом случае отступление, малейшее свободное слово, действие наказывалось как величайшее преступление. Ссылка в Сибирь и каторжная работа ожидали всех тех, кто высказывал хоть тень свободомыслия [158].

При таком порядке вещей и направлении общества

самые даже вещественные выгоды государства страдали. Все отрасли народного материального благосостояния не могли получить того развития, которое бы они получили при других условиях гражданского быта. Успехи торговли, промышленности задерживались, с одной стороны, стеснительными узаконениями и мерами правительства, а с другой — уважением законов, отсутствием правосудия и вдобавок недостатком образования и необходимых сведений.

Откупная система, которая и в прежние царствования была явным злом для государства, при императоре Николае получила такое развитие, которое не позволяло сомневаться в участии самого правительства или, по крайней мере, высших правительственных лиц в ее вредных и противозаконных действиях. С каждыми новыми откупами возвышались на торгах откупные цены, и для этого правительство прибегало к тайным сделкам с торгующими ею, награждало известных своей нечестностью, своим плутовством откупщиков, если они только надбавляли цену, и заключало с ними условия такого рода, которые допускали их уклоняться от общих по этому предмету узаконений.

Относительно войск, этой опоры своего могущества, покойный государь не только следовал прежней системе, но еще умножил военные силы и подвергнул их более строгой дисциплине. Беспрестанные смотры, военные праздники, маневры занимали большую часть его времени, а выправка солдат, одиночное фронтовое учение служили постоянным предметом занятий офицеров и нижних чинов. На материальную и существенно военную части, как-то: на оружие, на меткость стрельбы, на улучшение обмундировки, не столько обращалось внимания. В отношении продовольствия и по части комиссариатской существовали большие злоупотребления, а о сохранении здоровья солдат и об улучшении их служебного быта нисколько не заботились. Лазареты и вообще вся военно-медицинская часть находились в плохом состоянии. Занимались более наружностью, старались на смотрах показать товар лицом и мало думали об образовании искусных врачей, об усовершенствовании способов лечения, об уходе за больными.

Морская сила обратила особенное внимание императора. Для будущих видов его нужно было увеличить, усо-

вершенствовать флот, и потому в этом отношении сдвиги были очевидные, успехи и улучшения. Чтобы возбудить рвение и усердие в моряках, он назначил одного из сыновей своих в морскую службу[159] и старался возвысить эту часть отличиями, особенною благосклонностью и скорыми повышениями. Балтийский флот был увеличен целою дивизиею, а Черноморский не только что увеличен, но и преобразован совершенно, так что впоследствии он явился с таким блеском, который останется навсегда в летописях морской военной истории.

Опасаясь военной молодежи, к которой принадлежала большая часть членов уничтоженного им при восшествии тайного общества[160], он затруднил производство как в гвардии, так и в армии. Прежде оно шло так быстро, особенно в первой, что чин полковника получали ранее тридцатилетнего возраста. При нем же в штаб-офицеры производились уже люди пожилые, прослужившие 20 и более лет в обер-офицерских чинах. Этим он надеялся уничтожить значение и влияние молодежи в войсках. Расчет его в этом отношении был верный, но не верный в другом. Он лишил армию молодых начальников, столь полезных в тех случаях, где потребна большая деятельность, самоотвержение, энтузиазм и все принадлежности юных лет.

В отношении гражданского благоустройства лучшая заслуга его была составление и обнародование свода законов[161]. Прежде него изучение отечественных законов, которых незнанием, впрочем, никто не смел отговариваться, было недоступно. Это было нечто вроде хаоса, в котором нельзя было найти никакого толку. Процессы гражданские, дела уголовные производились, не основываясь почти ни на чем. Стоило только подыскать какой-нибудь хотя сколько-нибудь подходящий закон, основать на нем решение — и возражать уже было нельзя. Так называемые стряпчие, люди, посвятившие себя ябедам, проводившие жизнь свою, роясь в грудах разного рода узаконений всех царствований, одни только могли кое-как действовать в процессах и оттого пользовались большими выгодами. Они только могли указывать иногда судьям на неправильность их суждений и отыскивать для этого законы, противоречащие тем, на которых последние основывались. От этого происходило, что не только достояние, но самая участь людей находилась во власти

лихоимцев и ябедников. С обнародованием свода законов, где, несмотря на некоторую запутанность, все-таки можно доискаться и справиться в каждом тяжебном деле, кто прав и кто не прав, где обозначены обязанности и права всех сословий и всех должностей, где, по крайней мере, можно найти при каждом встретившемся обстоятельстве, что законно и что противозаконно, не только простые граждане, но и благополучные чиновники много выиграли как для своего спокойствия, своей совести, так и для ограждения своей собственности и своей личности. Этим сводом Россия обязана как покойному государю, так и исполнителю его воли графу М. М. Сперанскому.

Учреждение Министерства государственных имуществ можно отнести также к числу благодетельных мер правительства. Оно показывает желание ознакомить простой народ со своими правами и обязанностями и сколько-нибудь оградить его от произвола, от притеснений местных управлений. Вместе с тем, по смыслу своего учреждения, оно занялось распространением между государственными крестьянами полезных сведений по части земледелия, хозяйства и разного рода ремесел и крестьянских промыслов. Мысль учреждения этого министерства принадлежит графу Киселеву, который и был назначен министром[162]. Хорошо зная этого государственного сановника, я убежден, что самые благие намерения руководили его при основании своего министерства, и если он не вполне достиг своей цели, если, как я слышал от многих лиц, достойных веры, оно идет не совсем хорошо и что вкралось множество злоупотреблений, то это отношу я скорее не к свойству или погрешностям самого учреждения, а к негодности и худому качеству орудий, которыми должно было действовать и без которых нельзя обойтись, а также отчасти и к противодействию тех, чьи выгоды или виды это учреждение нарушало. Можно к этому прибавить, что по цели своей, будучи некоторым успехом в отношении народного быта и народных прав, оно при понятиях покойного государя не могло быть вполне развито, должно было подчиниться тому, что не согласовывалось с его свойствами, и потому следствия его не могли быть так благодетельны.

Этими двумя распоряжениями ограничиваются существенно полезные действия правительства относительно

внутреннего и гражданского благоустройства. Остальные законодательные и правительственные меры в течение этого продолжительного царствования или были вызваны обстоятельствами и так ничтожны, что не стоит о них и говорить, или имели целью, как, например, присоединение униатов, придать большую силу верховной центральной власти и упрочить ее политику.

Гонения и наказания противу свободы мышления не прекращались во весь этот долгий период времени. Студенты, профессора университета, журналисты, уклонившиеся хоть несколько от определенного им пути, выражавшие сколько-нибудь свободно мысль свою, часто даже по простому подозрению лишались мест, ссылались под присмотр полиции в отдаленные губернии, а иногда подвергались осуждению к ссылке в Сибирь или сажались в крепости [163].

В отношении книгопечатания цензура была так строга, что не пропускала даже самых невинных выражений, часто не дозволяла изложение простых исторических фактов и самых безвредных рассуждений. В университетах и высших учебных заведениях инспектора назначались из военных, и студенты подвергались под их надзором самой строгой дисциплине. Многие из юношей за неосторожное слово, за выраженное изустно или на бумаге непозволительное желание теряли всю будущность свою, ссылались на Кавказ солдатами или в Сибирь на поселение. Одним словом, это был некоторого рода терроризм, который затруднял общественные сношения и принуждал каждого более или менее сосредоточиваться в самом себе или в своем семействе.

Учреждение корпуса жандармов и 3-го отделения собственной канцелярии государя было предназначено для того, чтобы заведовать тайною полициею в государстве и наблюдать за общественным мнением [164]. Оно имело своих тайных и явных агентов. Это учреждение могло бы быть страшным орудием гибели при худых качествах исполнителей, но, к счастью, с самого начала граф Бенкендорф, принявший на себя должность шефа жандармов, будучи добрым человеком, старался принимать в свой корпус более или менее хороших людей. В том же смысле поступал и преемник его, так что оно не имело тех вредных последствий для общества, которые бы можно было ожидать и опасаться [165].

Приступаю теперь к внешней политике правительства.

По заключению Адрианопольского мира государь, достигший в молодых еще летах некоторой славы и большого веса в Европе, пользовавшийся неограниченною властью в самой России, предполагал, может быть, спокойно идти путем своей политики. Он надеялся при малейшем удобном случае утвердить окончательно свою власть в тех странах, которые наиболее подчинялись его влиянию, и преобладание своей политической системы в остальной части Европы. К югу — Турция, обессиленная, распадающаяся, к западу — славянские племена, находившиеся под игом Австрии, были заманчивой целью для его честолюбивых видов. С одной стороны, осуществить идею Петра Великого, намерения Екатерины: изгнать из Европы турок, завоевать древнюю византийскую столицу, колыбель православия, сделаться главою пятнадцати миллионов греков, своих единоверцев, с другой — соединить племена славянские, избавить их от чуждого ига, наконец, утвердить во всей Европе преобладание своей политики, уничтожить развивающиеся понятия о свободе и правах народных, заключить в определенные границы свободу мысли и иметь сателлитами своих остальных европейских государей — вот картина, которая представлялась ему в будущем и которую более или менее определенно рисовало его воображение. Надобно сознаться, что эта картина была заманчива и хотя не совсем была согласна с прямодушною политикою, хотя не заключала в себе ничего существенного для блага народов и самой России, но по понятиям государя не могла не казаться ему делом великим — достойною для него целью.

Вскоре, однако, он увидел необходимость отложить на время свои виды и обратить не только внимание на неожиданно совершившиеся события в Европе, но и действовать против них оружием. Июльская революция изгнала Бурбонов, прочных союзников России, и, учредив во Франции правление более свободное, имела влияние на всю Европу[166]. Во многих местах вспыхнули возмущения против установленных властей, народы вновь потребовали прав своих, и вся Европа перешла в какое-то тревожное состояние, которое восстанием Польши коснулось и России.

Это восстание принудило государя отказаться на время от деятельного участия в европейских делах и обратить силы своего государства на возмутившуюся Польшу. Никто не мог сомневаться в последствиях борьбы последней с Россией. Несмотря на мужество ее малочисленного войска, на чрезвычайные усилия, которые она делала в этой борьбе, она не могла по своему положению и своим способам состязаться с таким исполином без посторонней помощи. Этой же помощи при тогдашних обстоятельствах в Европе ниоткуда нельзя было ожидать, и почему, невзирая на ошибки русских полководцев, она должна была пасть. Нескольких месяцев достаточно было, чтобы потушить возмущение и восстановить прежнее владычество русского царя [167].

По окончании польской кампании начались преследования польских инсургентов. Большая часть из участвовавших в ней офицеров, генералов бывшей польской армии, членов национальных собраний, духовных и должностных лиц, признавших сторону учрежденного революционного правительства, предана была суду, имения их конфискованы, а сами или сосланы в Сибирь, или в отдаленные русские губернии. Остальные искали спасения за границей и рассеялись по всей Европе, в Германии, Англии, Франции и Соединенных Штатах, поселяя в народах страх и ненависть к русскому владычеству. Прежнее законоположение Польши, дарованное ей по Венскому трактату императором Александром, было уничтожено [168]. Кодекс Наполеона, которым руководствовались в Польше [169], был заменен в уголовных и некоторых других делах русскими законами. Польская армия перестала существовать и по частям вошла в состав русских войск, начиная от бригадных генералов до главнокомандующего, одним словом, национальность была совершенно почти уничтожена, и с каждым днем появлялись законы и распоряжения правительства, не позволявшие сомневаться в намерении его сделать из Польши провинцию русской империи и навсегда силою слить оба народа воедино, не отступая ни от каких для этого мер, как бы они ни были жестоки и несправедливы.

Как русский, я не могу быть защитником Польши, не могу желать, чтобы Россия принуждена была силою отказаться от своих завоеваний, стоивших ей столько крови и пожертвований, но как человек, как гражданин христи-

анского мира, должен сознаться и сожалеть, что политика русских царей из личных своих видов обрекла столько жертв и отняла отечество у целого народа. Что выиграла Россия от завоевания Польши? Негодование и укоризну всей Европы, огромные траты людей и государственных доходов, ненависть целого народонаселения, опасность иметь под боком постоянного врага и при каждом затруднительном случае, при каждом разрыве с какою-либо из европейских держав отделять значительные силы единственно для того только, чтобы охранять в этой стороне свои владения и останавливать там беспрестанное брожение умов. Сверх того, какое горестное, плачевное зрелище русское правительство находит в необходимости постоянно являть глазам своего народа и всей Европы. Беспрестанные осуждения, казни, ссылки и непрерывный ряд разного рода жестоких мер против людей, которых все преступление состоит в том только, что, не понимая и не принимая политики русских государей, они предаются несбыточной надежде восстановить свое отечество и свою независимость.

Не благоразумнее ли, не согласнее ли бы с выгодами России была такая политика, которая вместо того, чтобы покорить, поработить Польшу, старалась бы устроить ее, упрочить ее самостоятельность, охранить от притязаний других держав и тем сделать ее навсегда своею союзницею. Тогда бы с этой стороны она служила для нас всегдашним оплотом противу тех, кто захотел бы вторгнуться в наши пределы, а в войне внешней или умножила бы наши силы, или, по крайней мере, оставалась нейтральною, избавила бы нас от необходимости отделять огромное число войск для охранения наших с нею границ. Вместе с тем какую нравственную силу, какое бы уважение приобрело русское правительство во мнении других государств. Европа, не страшась преобладающей, завоевательной политики России, с доверенностью смотрела бы на ее преуспевание и во всех существенных, жизненных вопросах своего внешнего и внутреннего существования видела бы в ней силу, сохраняющую, благодетельную для своего политического быта, а не разрушающую, не грозящую рано или поздно покуситься на самостоятельность ее политических обществ и не только остановить успехи ее цивилизации, но даже отодвинуть ее к векам варварства.

Мне кажется, что как в жизни человека, так и в жизни целого общества или государства всякий не только противоправительственный, но даже неблагоразумный поступок влечет за собой такие последствия, на которые иначе нельзя смотреть как на наказание самого провидения.

В отношении Польши нельзя не согласиться, что Россия дорого платилась и платится за ошибочную, скажу более, недобросовестную политику прежних царствований. Теперь хотя бы правительство и желало возвратить, восстановить прошедшее, но уже этого нельзя сделать, и волею или неволею оно должно следовать тем путем, который избран его предшественниками, и нести на себе тягостное бремя всех последствий их неблагоразумных видов. Дай бог, чтобы, обсудя здраво и прямодушно этот вопрос, оно нашло такой исход, который бы согласовался и с пользою государственною, и с правилами нравственной, человеколюбивой политики. Этим оно заслужило бы всеобщую признательность своих подданных и вместе с тем восстановило бы себя в общем мнении всего мира. Дай также бог, чтобы в то же время прекратилась и эта продолжительная, вековая ненависть между двумя единоплеменными народами и чтобы они, забыв прошедшее, существовали впредь или добрыми союзниками, или единоотечественными братьями.

Потушив польское восстание, покойный император не остановил прежней политики своей вмешиваться во все европейские дела и играть в них господствующую роль, в особенности же в отношении Турции, которую он считал, рано или поздно, своей добычею. Неустройство, внутренние раздоры и самый состав этого государства давали беспрестанный повод первенствующим европейским державам участвовать не только в ее внешних сношениях, но даже и во внутреннем ее управлении. Несогласия, а в скором времени и явный разрыв султана с египетским пашою, своим вассалом, и успех оружия последнего, завоевавшего Сирию и грозившего самому Константинополю, доставили случай Англии, Франции и в особенности России вмешаться в эту междоусобную войну и явиться согласно политике своей защитником той или иной стороны [170]. Франция держала сторону Мехмета-Али и хоть явно не помогала ему, но видимо сочувствовала его успехам. С другой стороны, Англия

по своим видам на Востоке, опасаясь допустить Францию к большему там влиянию в том случае, если бы египетский паша завладел престолом оттоманов, и Россия, согласно своей постоянной цели не допускать в Турции учреждения самостоятельного и прочного правительства, приняли сторону султана. Русский государь, не довольствуясь переговорами, высадил значительный корпус войска на азиатский берег Босфора [171] и этим не только защитил столицу Турции, но и остановил успешные действия Ибрагима-паши после его Конийской победы[172]. Пользуясь этим случаем, он заключил дополнительный трактат с Махмудом без посредничества прочих европейских держав и, приобретая таким образом преобладающее влияние на Востоке, сделал большой шаг в видах своей политики. После долгих переговоров к примирению обеих враждующих сторон и несогласия Мехмета-Али принять сделанные ему предложения соединенный английский и российский флот начал действовать против него, отнял приморские города Сирии и принудил его, наконец, не только отказаться от своих завоеваний, но и принять такие условия, которые отнимали у него политическую независимость и делали его простым вассалом султана даже в отношении самого Египта. Франция хотя и была оскорблена такими действиями Англии и России, противными ее видам и в которых ее даже не пригласили участвовать, но не могла или не считала для себя возможным явно вступиться за своего египетского союзника.

Весьма естественно, что после этого Россия приобрела большой вес и большое влияние в Турецкой империи [173], который она старалась через своих агентов поддерживать не только в самом правительстве, но и во мнении его подданных. Все христианское народонаселение Турции, принадлежащее большей частью к православному исповеданию и составляющее почти половину жителей Турецкой империи, смотрело на русского царя как на единственного своего защитника, как на будущего властелина, который должен был рано или поздно избавить их от турецкого ига. Вместе с тем и прочие европейские державы, не сомневаясь более в видах России, усмотрели всю опасность такой политики и хотя не могли явно остановить ее успехи, зорко за ней следили и ожидали только благоприятного случая, чтобы отнять у нее возможность привести

в исполнение свои намерения. С этих пор сношения главных европейских держав с Турцией представляют непрерывный ряд интриг и всякого рода тайных действий их дипломатии, которыми та и другая из них домогались приобрести исключительное влияние на Оттоманскую Порту[174].

Итак, чтобы выразить в нескольких словах внешнюю и внутреннюю политику покойного государя, безошибочно можно сказать, основываясь на очевидных, отчасти вышеобъясненных фактах, что первая заключалась в домогательстве распространить свое владычество, с одной стороны, уничтожением Турецкой империи, покорением ее областей русскому престолу или основанием нового государства для одного из потомков дома Романовых, а с другой — соединить все славянские племена под державой русского царя. Далее, в явном желании приобресть господствующее, безраздельное влияние на остальную часть Европы и прочно утвердить правила самодержавия изгнанием и подавлением всех свободных идей, одним словом, в намерении основать некоторого рода всемирную монархию, главою которой был бы русский император. Вторая же — уничтожить в России всякую тень оппозиции, развить идею и правила самовластия до крайних их пределов и иметь в ней могущественное и беспрекословное орудие к достижению своих целей.

Я уверен, что тот, кто хотя несколько вникнет в смысл действий и событий прошедшего царствования, будет согласен с этим об нем мнением, которое, несмотря на все уверения в бескорыстии, на все старания покойного государя скрывать свое намерение, утвердилось почти во всей Европе и заставило даже самые дружелюбные для него правительства убедиться в его властолюбии и угрожающей им опасности.

Да и как можно было предполагать с его стороны, чтобы европейские государства из каких-нибудь личных, мелких видов их правлений согласились отказаться от своей самостоятельности, своей независимости и допустить Россию в 19 веке осуществить идею Карла Великого, Карла 5-го и, наконец, Наполеона, этого гения-исполина новейшей истории[175]. Деяния и окончательный результат последнего столь еще свежи в памяти поколения, могли бы служить поучительным примером для покойного госу-

даря, но уроки прошедшего редко принимаются в соображение там, где действуют страсти или честолюбивые побуждения и где искажает все лесть и раболепие. Иначе как можно бы было объяснить то ослепление, которому подвергаются самые даже высокие умы, не перестающие увлекаться надеждою остановить пути самого провидения, столь явно предназначившего человечество не к животной невольнической жизни рабов, а к успехам и усовершенствованиям, согласным с природою разумных существ.

Да и вправду сказать, самый характер покойного императора и его, так сказать, государственные и административные способности не были на той высоте, которая требовалась от них обстоятельствами, вызванными его политикой. То, что он сам в себе считал твердостью и в чем многие, подобно ему, ошибались, было скорее упрямство, необузданная настойчивость, нежели твердость характера. Не отнимая у него много достоинств как человека, не оспаривая умственных его способностей, в нем нельзя было, однако ж, признать ничего гениального, а одностороннее образование, сильная раздражительность и преувеличенное о себе понятие мешали ему видеть настоящую сторону, стать на настоящей точке зрения в самых обыкновенных вопросах государственного управления. Так, например, имея такие обширные виды, он не старался или не умел приготовить к удобному для исполнения их времени ни людей, способных помогать ему, ни государственные финансы, ни материальную и искусственную часть своей военной силы, одним словом, увлекаясь наружным величеством России, ее безропотною покорностью и численным превосходством своего войска, он не понял, что этого недостаточно не только к наступательной войне с целою Европою, но даже и к войне оборонительной, к собственной защите своей. Восставая, возмущаясь против злоупотреблений, он ничего не предпринимал, чтобы истребить или уменьшить их, а думал, что все дело правителя состоит только в том, чтобы без пощады наказать тех, которые случайно окажутся виновными. Под влиянием своей раздражительности он часто оскорблял самых преданных ему людей и вместе с тем не замечал, что совершалось у него перед глазами самыми близкими к нему сановниками. Дела генерала Тришатного и Политковского показали целой

России и всей Европе, что делалось между высшими правительственными лицами и на что способны государственные сановники России![176]

Он не понял или не хотел понимать, что люди дельные, способные имеют характер более или менее независимый и потому не могут быть слепыми орудиями власти. От того-то за все его царствование не образовалось ни одного вполне государственного человека или знаменитого полководца. Генерал Ермолов, пользовавшийся заслуженной репутацией и доверенностью сограждан, должен был провести весь период его царствования в бездействии[177]. Некоторые из молодых людей, военных и гражданских, много обещавших на своем поприще, должны были оставить службу и жить частными людьми. Одним словом, ничто не показало в нем такого администратора, который для выполнения своей цели заранее приготовляет все то, в чем окажется надобность в данное время.

А это настоящее, можно сказать, неблагоразумное, преследование свободы мышления, доходившее даже до смешного, сколько вреда сделало ему не только в общем мнении, но даже и в исполнении его намерений. Оно восстановило против него как в Европе, так и в самой России всех сколько-нибудь благомыслящих людей и заставило одуматься даже его приверженцев. Каждый явно видел, что можно ожидать в будущем при таком правительстве, которое хочет иметь одних бессмысленных рабов.

Еще более вреда сделало ему такое поведение и такой образ действий во внешних его сношениях с Европою. Независимо от опасений увеличивающегося могущества России европейские и особенно германские правительства беспрестанно были оскорбляемы его вмешательством в их взаимные между собою отношения в таких делах, которые нисколько не касались России, тоном, каким он при этом обращался с ними. Англия, которой он не сочувствовал, но которую всех более опасался, старалась воспользоваться каждой его неосторожностью, чтобы втайне приготовить сильную против него оппозицию, и выжидала удобного времени и новых ошибок с его стороны для вступления в явную и успешную с ним борьбу. Франция в правление Людовика-Филиппа по робкой внешней политике своей не была опасна для него, но он

не любил представительного правления, не любил и короля, который, будучи обязан престолом Июльской революции и получивший власть по воле народной, своим конституционным поведением, своею тесной связью со средним сословием (bourgeosie) унижал в его глазах свое достоинство и служил вредным примером для других государств. После Февральской революции, сначала его поразившей своею неожиданностью и устрашившей своими последствиями[178], как только что заметил реакцию, так всеми силами стал помогать ей. Золото и интрига России много послужили к избранию и возведению на престол Людовика-Наполеона и к реактивным событиям в Италии и в Германии. Ему не пришло в голову, что, содействуя к возвышению наполеоновской династии, он приобретал этим не покорного союзника, а могущественного врага, который даже для поддержания власти своей, для склонения на свою сторону общественного мнения и для обессиления внутренних враждебных ему партий находился в необходимости возбудить воинственный дух Франции, воспользоваться первым удобным случаем отплатить России за 1812 год и стереть этим пятно, оставшееся на ее военной славе. Зная характер французов, Людовик-Наполеон понимал хорошо, что этим только он может утвердиться на престоле и заставить общественное мнение забыть противозаконность своих прежних действий и свое прошедшее. Покойный государь, содействуя к его возвышению, не сообразил, увлекаясь своей ненавистью к свободным учреждениям, что он воздвигает этим новое и сильное препятствие к осуществлению своих будущих видов.

В отношении Австрии, Пруссии и Германского союза тоже двусторонняя и противная своим собственным выгодам политика. С одной стороны, несомненная, всегдашняя и существенная помощь правительствам против всех либеральных идей и покушений, а с другой — беспрестанное оскорбление этих же самых правительств неуместным вмешиванием в германские дела, надменным тоном, поведением и явным домогательством не только пробуждать, поддерживать сочувствие, но и умножать своих приверженцев как между славянскими народами, вошедшими в состав Германской империи, так и между публицистами и высшими сановниками каждого государства. Все это, весьма естественно, посеяло недоверие

в германских правительствах к видам русского императора и явно показывало его политические намерения, столь противные выгодам и независимости Германии.

Что делалось, обсуждалось втайне европейскими дворами, какие были их взаимные по этому предмету сношения, одним словом, как действовала современная европейская дипломатика, скрывается еще под непроницаемой завесой и не поступило в достояние истории. Но можно заключить по некоторым политическим уверениям, приписываемым известным по значению своему авторам, и по тому, что было печатано в разных временных сочинениях и журналах по поводу восточного вопроса и последних событий, что давно уже все европейские правительства более или менее желали уменьшить могущество и влияние России на Европу, остановить честолюбивые замыслы ее правительства к новым успехам на избранном им пути.

До Февральской революции или, лучше сказать, до Венгерской кампании [179] хотя влияние России на европейские дела было значительнее, нежели влияние других государств, исключая, может быть, Англии, но его принимали как естественное следствие ее могущества и некоторым образом как вознаграждение за те поддерживания и ту помощь, которую оказывал покойный государь правительствам в их распрях и междоусобиях с подданными.

С Венгерской же войны, предпринятой без всяких выгод для собственного государства, а единственно в пользу Австрии, с этого именно времени, когда пожертвовано тысячи русских войск и миллионы русских денег для восстановления разрушавшегося престола потомков Габсбургского дома, все европейские правительства сделались тайными его недоброжелателями, тем более, что и его высокомерие, перейдя за пределы благоразумной политики, оскорбляло беспрестанно те из них, которые по своему положению или обстоятельствам боялись навлечь на себя его гнев. Так, например, в несогласиях Пруссии с Австрией в чисто германском вопросе он дал знать первой, готовившейся взяться за оружие, что объявит себя против той, которая начнет военные действия, и потом принудил их своим вмешательством прекратить спорный вопрос, противно видам и желаниям лучшей союзнице своей Пруссии[180]. Король ее, будучи самым

близким родственником покойного императора[181], неоднократно испытывал следствия его высокомерного характера и начинал опасаться его властолюбия, не был уже так расположен поддерживать его политику. Австрийский император, обязанный ему престолом, тяготился этим, отчасти зависимым положением, тем более, что выгоды его государства не согласовывались иногда с тем, что требовалось от него признательностью. Взаимное сочувствие русских и венгерцев в эту кампанию было и неприятно, и оскорбительно для австрийского правительства. Русские, помогая австрийцам, не любили их, при всяком случае смеялись над ними и оскорбляли их самолюбие, в то же время дружили и с уважением обращались с венгерцами, которые, в свою очередь, платили русским тою же монетою[182]. Даже полководцы венгерские клали оружие с условием вручить его русским, а не австрийцам. Таковая симпатия между теми и другими не могла нравиться австрийцам и заставила их опасаться за будущее. Они даже могли думать, что русское правительство с намерением старалось возбудить к себе и к своим войскам сочувствие венгерцев, и потому немудрено, что по окончании кампании вместо приятельского союзника государь приобрел в австрийском императоре тайного недоброжелателя, страшившегося дорого поплатиться за сказанное ему благодеяние и потому жадно выжидавшего случая избавиться от этого страха и упрочить свою независимость.

Некоторые события во время венгерской кампании, как-то: нарушение нейтралитета Дунайских княжеств, переход через них русских войск и преследование венгерцев в самих княжествах, в особенности же требование у турецкого правительства выдачи венгерских и польских предводителей восстания, перешедших в турецкие владения, более и более показывали Европе, как мало уважал покойный государь мирные трактаты и независимость соседних государств. В дело о выдаче Кошута и его сподвижников вступились Англия и Франция, поддерживаемые общественным мнением. Посланники их внушили и помогли турецкому правительству отвергнуть настоятельные по этому случаю требования России и Австрии[183], что и было причиною большого неудовольствия русского государя против Турции. С этого времени влияние России на турецкое правительство стало видимо уменьшать-

ся, а в мыслях императора Николая утверждается намерение не медлить окончательными посягательствами на независимость и самостоятельность Оттоманской Порты.

Всем известно, какое малозначащее само по себе обстоятельство дало повод к войне, угрожавшей воспламенить всю Европу. Франция и Англия в последнее время приобрели господствующее влияние на турецкое правительство, смотревшее с недоверчивостью на Россию, и при всяком случае старались уменьшить еще более ее значение в турецкой политике. Вопрос о ключах к храму господню в Иерусалиме служил только предлогом [184]. Главное дело заключалось в том, что Порта более и более освобождалась от влияния России и подчинялась политике западных держав. Тут прослеживалось также частное обстоятельство, которое много повредило императору Николаю. Я хочу сказать о личном неудовольствии на него лорда Стрэдфорда-Рэдклифа, английского посланника при Оттоманской Порте. Последний считал себя оскорбленным русским государем. Не мог простить ему этого и, где только мог, старался вредить ему [185]. Со своей стороны, покойный государь, негодуя на Порту за ее уклонение от его влияния, особенно в делах о польских и венгерских выходцах, которых ему очень хотелось иметь в своих руках, в полной уверенности на свои силы и свои средства, обманутый насчет положений других держав, решился ускорить события и приступить к исполнению давно задуманного им намерения.

Опасаясь одной Англии и предполагая, что прочие державы не посмеют препятствовать ему и ограничатся одними только дипломатическими возражениями, он при образовании нового английского министерства под председательством лорда Абердина, которого считал своим приверженцем, открыл свои намерения английскому посланнику, думая выгодными обещаниями привлечь на свою сторону британское правительство. При этом случае он имел неосторожность выразиться оскорбительно о других державах, у которых не считал даже нужным спросить их мнение. Лорд Сеймур (английский посланник) с согласия императора передал разговор свой и ноту русского правительства своему министру, которое, таким образом, узнав положительные виды государя и начав с ним дипломатическую полемику, стало принимать на всякий

случай свои меры и, вероятно, вошло в тайные сношения по этому вопросу с другими державами. Ему немудрено было склонить их всех на свою сторону. Людовик-Наполеон с радостью вступил в союз с Англией. Для его политики ничего не могло быть выгоднее, как роль защитника Турецкой империи и война с Россией, в которой он надеялся показать с блестящей стороны военные силы и средства Франции и которая могла не только упрочить, но даже прославить его царствование, а ему самому придать большее значение в Европе. Австрия и Пруссия не могли также одобрить намерений русского государя и, сверх того, были оскорблены его к ним неуважением. Первая, сверх того, по своему географическому и политическому положению страшилась распадения Турецкой империи и новых с этой стороны завоеваний России. Она охотно вступила бы в более тесный союз с западными державами, если бы не опасалась показаться перед светом неблагодарною за недавнее благодеяние, оказанное ей российским императором в венгерском возмущении.

Таким образом, тогда как государь мечтал заставить Турцию надменным тоном своей дипломатики или силою оружия покориться неизбежной судьбе своей и перейти из самостоятельного существования в положение, зависимое от России, и, может быть, даже овладеть самим Константинополем и оставить после громкое имя в истории, западные государства своим тесным союзом, своими приготовлениями и дипломатическими сношениями с остальной Европой выдвигали сильный против него оплот и с уверенностью в успехе ожидали, когда наступит время действовать. Посланники их в Константинополе зорко следили за каждым шагом русской политики и обещаниями поддержать Турцию, вселяли в нее уверенность и увеличивали свое на нее влияние.

Неблагоразумие и неосторожность русских агентов еще более запутывали и без того уже ошибочную русскую политику. В Болгарии, Черногории, Сербии и в самых даже славянских владениях Австрии они старались возжечь пламя возмущения и обещали помощь России. Они везде распространяли слух, что наступил последний час турецкому владычеству и что одного слова российского императора достаточно, чтобы положить ему конец. Что это слово, поддержанное миллионом войска и огромным

флотом, готово уже уничтожить существование Порты и основать на ее развалинах новое христианское государство.

Во многих местах Турецкой империи, обитаемых народами греческого исповедания, вспыхнули преждевременно возмущения, и в самом даже Константинополе попадались в руки Оттоманского правительства русские агенты, объяснявшие своими поступками настоящие виды русского двора. В самой России появились рукописные статьи преданных правительству авторов, в которых высказывалась возможность присоединения славянских племен к России и об их готовности войти в состав единоплеменной с ними империи. Никто не сомневался, что они были писаны с согласия самого правительства, тем более, что в том же смысле, хотя и с большею осторожностью, выражались и печатные органы правительства. Таким образом, прежде начатия военных действий цель его [Николая I.—*И. П.*] сделалась очевидна и вся Европа имела время приготовиться к предстоящим событиям.

Наконец, последовало посольство князя Меншикова [186]. Это посольство было одной из величайших ошибок покойного государя и его советников. Оно в одно время показало Европе и настоящую цель его требований и робость, опасение приступить к решительным мерам. Не знаю, правда или нет, но только я слышал от людей достоверных и по своему положению в обществе знавших то, что происходит за кулисами, что когда в тайном совете государя рассуждали об этом посольстве, то один из лучших государственных людей был такого мнения, что или совсем не посылать Меншикова и ограничиться простыми дипломатическими нотами и действиями аккредитованного посланника, или, отправляя, поддержать его требования Черноморским флотом и двухсоттысячною армиею. Первый должен был стать под самым Константинополем, а вторая, занявши княжества, ожидать последнего слова российского посла, чтобы идти вперед или возвратиться в свои границы. Совет дельный, который, может быть, дал бы другой исход событиям. Немудрено, что турецкое правительство, устрашась близких последствий и будучи застигнуто врасплох, согласилось бы на все требования князя Меншикова или же занятие Константинополя и распадение Турецкой империи соверша-

лось прежде, чем западные державы могли подать ей существенную помощь. Конечно, в последнем случае могла бы возгореться продолжительная европейская война, но уже не за интересы Турции, и в этой войне обладание Босфором, Константинополем и единоверными с нами провинциями Турции доставило бы нам огромные преимущества. Правда, что и тогда исход такой всеобщей войны мог быть не в нашу пользу, тем более, что со стороны России она не была бы основана на чистых началах, по крайней мере, мы бы имели на своей стороне более вероятий к успеху, и легко могло случиться, что европейские государства, не имея уже надежды спасти Турцию, согласились бы разделить между собой ее области.

Но из всего заметно, что покойный государь сам боялся приступить к решительным мерам и полагался более на свою политику, нежели на свое оружие. Он не переставал надеяться, что достигнет желаемых им результатов одною наружною твердостью и грозным своим положением и что со своей стороны европейские державы, ограничась возгласами, побоятся выжечь пламя европейской войны и вступить в борьбу с таким исполином, как Россия. Он никак не воображал (и это было следствием его высокомерной самоуверенности), что они давно уже выжидали благоприятных для них обстоятельств, чтобы ослабить Россию и остановить ее помыслы к завоеваниям. Теперь он сам представлял им к тому удобный случай.

Поведение князя Меншикова в Константинополе было в высшей степени неблагоразумно. Своим надменным обращением, несоблюдением приличий он оскорблял достоинство независимого государства и гордость нации. Предъявив требования своего двора, которые низводили Турецкую державу на степень вассальства и делали русского царя покровителем половины народонаселения всей империи, он вместе с тем ясно высказывал, что могло ожидать в будущем Турецкое правительство, если признает покровительство России. Не слушая возражений, не соглашаясь на переговоры, не допуская никаких уступок, он поставил Турецкий диван в необходимость предаться совершенно внушениям западных держав и отвергнуть его предложения [187]. Английский, французский, австрийский посланники очень ловко воспользовались

ошибками князя Меншикова. Показывая, с одной стороны, желание миролюбиво окончить несогласия России с Турцией, с другой — своими обещаниями и, наконец, формальным договором утвердили последнюю в решимости на отчаянную борьбу с Россией.

Уезжая без успеха из Константинополя и получив от государя особенное на то полномочие, князь Меншиков по возвращении в Одессу приказал русским войскам, стоявшим на границе, перейти Прут и занять княжества. Два корпуса действующей армии немедля исполнили это повеление и вступили в Молдавию и Валахию [188]. Этим движением нарушался опять Адрианопольский договор и в тогдашних обстоятельствах [это] могло считаться началом военных действий. Соединенный англо-французский флот, в свою очередь, приблизился к Дарданеллам, и хотя переговоры между западными державами, Турцией и Россией продолжались, но все уже предвещало неизбежную войну, тем более, что государь отвергал всякое посредничество и не хотел слышать об общем покровительстве турецких христиан. Изъясняя по-своему прежние договора с Турцией, он настаивал на своем, хотел иметь дело с нею одною и не соглашался отступить от своих требований. Ни Австрия, желавшая принять на себя роль посредника, ни Пруссия, старавшаяся советами своими склонить его к уступкам, не могли ничего сделать. Будучи уверен, что Франция и Англия не решатся на явную борьбу с Россией, он думал своим упорством и решительными мерами принудить их отказаться от намерений защитить Турцию и, делая шаг вперед к своей цели, надеялся, что они сейчас отступят и предоставят Порту судьбе своей и его великодушию.

Посмотрим теперь, как приготовился покойный государь к этой войне внутри государства своего и какие были его действия как политика, администратора и полководца. Управляя по своему произволу общим мнением в России, он хотел придать предстоящей войне характер религиозный, водрузил знамя креста за угнетенных единоверцев и старался возбудить в подданных своих всеобщее к ним сочувствие. Но он не подумал в то же время, как странно должно было показаться всякому рассуждающему человеку такое ревностное в русском царе желание быть защитником жителей другого государства, находящихся

более 400 лет под игом своих завоевателей, тогда как десять миллионов собственных его подданных, одной с ним веры, одного происхождения, томятся в оковах рабства и тщетно ожидают своего освобождения. Какое противоречие, какая несообразность! То же самое проявляется и в другом отношении. Умножая до огромных размеров численность своих войск, он не заботился о необходимых при этом случае административных распоряжениях касательно продовольствия, их вооружения, их размещения в смысле стратегическом, не заботился о приготовлении для такой войны достаточного количества военных снарядов и других принадлежностей военного дела. Финансы России были также не в уровень с предстоящими обстоятельствами, одним словом, затруднения, недостатки всякого рода должны были оказаться при самом начале кампании. Как полководец он и его помощники явили такое отсутствие военных способностей и дарований, такое неразумение высших стратегических правил, что беспрестанные ошибки их бросаются в глаза всякому человеку, сколько-нибудь понимающему военное дело. В одном только они не ошиблись. Это рассчитывая на мужество и храбрость войск. В этом с ними была уверена вся Россия, и события блистательно оправдали эту уверенность.

Первый выстрел в этой войне сделала Турция, но ей и нельзя было поступить иначе. Движение русских было такого рода, что она должна была препятствовать им, тем более, что в войне нельзя было сомневаться и что по составу своих войск наблюдательное положение было для нее хуже военного[189]. Вслед за тем последовало формальное объявление войны с той и другой стороны.

Синопское дело, столь прославленное, было новой и большой ошибкой в политическом смысле[190]. Оно окончательно убедило западные державы в необходимости действовать оружием и положить конец всем переговорам. Вместе с тем как электрическая искра оно воспламенило в Европе общее мнение против покойного императора и заставило даже приверженцев его отказаться от тщетных усилий оправдать его намерения. Лишь только весть об истреблении турецкого флота достигла Константинополя, соединенный англо-французский флот занял Босфор и вышел в Черное море. Правительства же обеих союзных держав стали деятельно готовиться к войне и снаряжать десантные войска для подкрепления Турции.

Все события этой жестокой войны так свежи еще у всех в памяти, что я считаю излишним говорить о них. Несправедливо, неблагоразумно начатая, имевшая целью не пользу России, а личные расчеты властолюбия, при этом ошибочно, бездарно веденная как в административном, так и в стратегическом отношении, она должна была окончиться, как обыкновенно кончаются все предприятия людей, которые ни во что ставят жизнь и благосостояние подобных им, не подчиняются никаким нравственным правилам и не хотят слушать поучительных наставлений истории [191], одним словом, таких людей, которые действуют, имея в виду одно только собственное *Я*, а других считают безгласными орудиями, ступеньками к своему возвышению. Конец таких людей бывает всегда один и тот же. Иногда еще при жизни их наступает минута разочарования, они усмотрят, может быть, но уже поздно, всю ошибочность, всю суетность, всю порочность своих прежних убеждений и своих поступков. История рано или поздно воздает им должное, запишет на своих скрижалях новый поучительный пример, который, в свою очередь, также может послужить уроком для их последователей.

Нельзя не поместить здесь, однако же, несколько эпизодов последней войны, ясно показывающих, с каким отсутствием политических и военных соображений действовали покойный император и его полководцы. Например, переход через Дунай и осада Силистрии предприняты были в такое время, когда союзные войска стали прибывать уже на подкрепление турок и могли сделать высадку во фланг русским, когда Австрия явно объявила уже себя на стороне союзников и, следовательно, заняв княжества, могла стать у нас в тылу, отрезать от сообщений и, таким образом, без боя погубить нашу армию. По части высадки союзников в Крым? Как могла бы она совершиться, если бы приняты были хоть какие-нибудь предварительные меры. Всей России, всей Европе было известно из всевозможных журналов, даже наших собственных, что готовится сильный десант в Крым, что союзные войска имеют намерение овладеть Севастополем и уничтожить там русский флот. Их корабли беспрестанно обозревали в виду русских крымские берега, брали промеры, а наши, между тем, оставались сложа руки спокойными зрителями и не только не готовились к отпору, но

с насмешками над союзниками хвастались своею беспечностью и спокойствием своих вождей[192]. Я помню, как в то время каждый был уверен, что в Крыму находится многочисленное войско и приняты все меры, чтобы отразить высадку, и что потому в газетах наших так спокойно, так самоуверенно говорят о ней. Вскоре узнали, к несчастью, как велико было там войско и какие приняты были меры. А Альмская битва, а обход союзниками Севастополя, а дела Инкерманские и Чернореченские?[193] С одной стороны, храбрость, самоотвержение войск, с другой — бездарность, беспечность вождей, исполненные ошибками распоряжения, и военные, и административные. Сколько крови, сколько юных прекрасных жизней, сколько вещественного благосостояния принесено было в жертву властолюбию, руководимому упрямством и неспособностью.

И тут-то именно ясно высказалось в покойном государе отсутствие той твердости, которая спокойно смотрит на события, не падает духом перед неудачей, а управляет кормилом государства в самую жестокую бурю так же хладнокровно, как в хорошую погоду. Вместо того, чтобы своим присутствием одушевить войска, ускорить административные распоряжения, обсудить своими глазами на месте состояние армии и действия исполнителей его воли, он заперся во дворце своем, с беспокойством, тревогой ожидал каждого известия и упадал духом при каждом неблагоприятном донесении. Наконец, его сильная физическая натура не выдержала всех нравственных потрясений и разочарований. Не дожив до конца вызванных им самим событий, он покинул этот мир, оставляя в наследство преемнику своему борьбу с целой Европой, армию хотя многочисленную, мужественную, но худо устроенную, смущенную поражениями и потерями, истощенные финансы, недостаток в полководцах и государственных людях и, наконец, обязанность поддерживать некоторое время такую политику, которая делала врагами его всю Европу.

Бог помог новому царю исправить одну из главных ошибок прежнего царствования, и хотя он должен был исправить ее с пожертвованиями, но благодетельные результаты этих пожертвований уже очевидны[194]. Мир и спокойствие водворились в России и в целой Европе. Россия не потеряла своего места в ряду первенствующих

европейских держав. Уважение к особе государя и к его характеру скорее увеличилось, нежели уменьшилось. Начинания его вселяют общую к нему доверенность, а новые пути, которыми он предполагает следовать, обещают для России развитие ее внутренних средств с благосостоянием, успехи просвещения, улучшение ее гражданского и общественного быта, а для него самого любовь народную, всеобщее доверие, уважение современников и потомства, блестящие страницы в истории и, наконец, милость и награду от самого провидения. Да поможет ему бог исполнить всеобщие ожидания и да утвердит его помыслы идти неизменно тем путем, который ведет к исполнению этих ожиданий.

Скажу еще несколько слов о том, в чем заключаются эти ожидания с моей стороны и в чем состоит, по моему мнению, истинное назначение России в судьбах всего человечества.

МЫСЛИ О БУДУЩНОСТИ РОССИИ И ЕЕ ПОЛИТИКЕ [195]

Россия по своему географическому положению, своему пространству, своим внутренним средствам, наконец, по свойству своего народонаселения есть единственное в Европе государство, которое может не только существовать, но и развивать свои силы и свое благосостояние независимо от внешней политики. Ей не нужно следить за каждым действием той или иной державы, за каждым европейским событием и опасаться всякую минуту нарушения так называемого политического равновесия в Европе. Англия ли, Франция или другая какая держава возьмет случайный перевес в отношении какого-либо современного вопроса, что ей за дело до того? Ей нечего бояться за себя, за свою самобытность, за свои государственные интересы. При всех политических потрясениях в Европе она может спокойно идти своим путем и заниматься своим внутренним благоустройством, не обращая внимания на то, что делается вне ее пределов. Но этим преимуществом она может пользоваться только при одном условии: не домогаться, в свою очередь, не принадлежащего ей влияния на события, отказаться от политики завоевательной, не участвовать во внутренних распрях между правительствами и подданными других государств.

Тогда никто не подумает и не посмеет не только вмешиваться в ее собственные внутренние дела, но и отказать ей в том законном участии в важных европейских событиях, которые ей принадлежат как одной из первенствующих держав земного шара.

Это выгодное положение России дает возможность ее правительству, если оно поймет его и захочет следовать настоящим интересам своего государства, обратить большую часть своего внимания и своих вещественных способов на внутренние успехи и улучшение своего народа. Оно позволяет ему не следовать примеру прочих держав как в отношении военных сил своих, так и в отношении тех огромных расходов, которых требует внешняя политика при постоянном в ней участии и при желании играть главную роль. Для ограждения внутреннего общественного порядка едва ли нужна и треть того числа войск, которое она содержит и теперь, а для необходимых внешних сношений едва ли потребна половина тех издержек, которые она должна делать при теперешнем ее участии во всех европейских событиях. Следовательно, большая часть государственных доходов, употребляемых им на эти предметы, могут служить к внутреннему устройству государства, к улучшению его вещественного и нравственного благосостояния.

Уменьшив армию до трети или хотя бы до половины настоящего числа и на всякий случай обезопасив себя такими учреждениями, которые бы могли доставить ему во всякое время для защиты государства* необходимые военные силы, русское правительство, с одной стороны, подало бы этим двигательный пример другим государствам и, может быть, со временем изменило бы и их политику, а с другой — как для себя, так и для народа своего произвело бы самые счастливые результаты.

Во-первых, рекрутские наборы, эта столь тягостная повинность для простого народа, были бы не так часты, как теперь. У земледелия, промышленности не отнималось бы столько молодых и полезных рук. Народонаселение гораздо бы скорее увеличивалось. Нижним чинам можно было бы сократить сроки службы и тем поселить в них

* Должно предполагать, что при такой миролюбивой и добросовестной политике это время никогда не наступит.

уверенность возвратиться в прежний свой быт. Ныне отставные солдаты приходят на работу дряхлые, изувеченные, в тягость и себе, и своим семействам, и обществу. Тогда же, напротив, они возвращались бы из службы полезными, трудолюбивыми гражданами.

С уменьшением расходов на содержание войск правительство избавилось бы от необходимости прибегать к таким источникам доходов, которые вредят общественному благосостоянию и общественным нравам, и вместе с тем имело бы возможность приступить к мерам и преобразованиям, согласным с пользою государства, как, например, заменение откупной системы другими налогами, уничтожение крепостного состояния, образование и т. д. Все эти меры, клонящиеся к истинной пользе государства, придали бы большой вес правительству в общем мнении и послужили бы к развитию народного богатства, народного образования, которые, в свою очередь, усилили бы государственные средства и источники его доходов.

Но, что всего важнее, такая система и такой пример могли бы совершенно изменить существующее теперь общее направление внешней политики, основанное на самых мирных началах, противных и нравственности, и собственным выгодам каждого государства. Вместо того, чтобы жить добрыми соседями, не вредить, а помогать друг другу в достижении общей цели всего человечества, европейские правительства существуют какими-то тайными между собою врагами, с завистью следят за каждым успехом, за каждым действием той или другой державы, рассчитывают использовать свои выгоды на неудачах или действиях прочих государств. Для этого они истощают свои собственные средства, содержат огромные армии, поддерживают такие правительства, которые заслуживают ненависть своих подданных, вступают в противные их выгодам союзы и нередко прибегают к оружию и проливают потоки крови для удовлетворения мелочного честолюбия или для поддержания так называемого европейского равновесия, случайно нарушаемого или властолюбивыми замыслами, или законченными успехами другой нации, по такому пути, которым сами не хотят следовать.

Каждое из правительств просвещенных обществ, и в особенности те из них, которые имеют целью не собст-

венные выгоды, а благо народное, видят хорошо всю неосновательность такой политики, но боятся по своему положению изменить ее, чтобы не ослабить средств для своей защиты в случае внешней войны или внутренних смут. Одна Россия в этом случае может взять безопасно инициативу и мало-помалу склонить другие державы последовать ее примеру.

Нет сомнения, что она нашла бы во всех государствах много союзников для новой своей политики. Общество друзей мира, в котором участвуют благонамеренные и просвещенные люди всего света, служит доказательством, что здравый смысл, руководясь человеколюбием, стал уж прояснять общественные идеи и понял, что война — это воззвание к материальной силе, это легкий способ удержать слабейшего противника. Это ultima ratio* сильного, который чувствует свою несправедливость, есть величайшее зло и никогда не может быть оправдано, если предпринимается не для собственной защиты.

И в самом деле, во всяком спорном вопросе что может доказать успех оружия? Одно только — что или сила ваша превосходнее, или вы искуснее вашего противника, или, наконец, что средства ваши значительнее, чем у него. Может ли этот успех изменить свойство спорного вопроса, сделать несправедливое — справедливым и обратно? Зачем же прибегать к такому средству, которое нисколько и никогда не убеждает. Зачем предоставлять решение того, что относится к умственной, нравственной принадлежности человечества, просто силе вещественной. Согласно ли это хоть сколько-нибудь со здравым смыслом?

Но мне возразят, может быть, что хоть война и зло, но зло необходимое, что во всяком политическом вопросе каждая страна считает себя правою, и потому когда истощаются взаимные доводы, убеждения, то есть прекращаются дипломатические переговоры, то необходимо должно прибегнуть к оружию, чтобы решить спорный вопрос. Спрашивается, почему это? В частных недоразумениях, тяжбах, когда обе стороны не могут миролюбиво окончить дело, не прибегают же они к физической

---

* Последний довод (лат.).

силе*, а предают дело суду и покоряются его решению. Почему между государствами не может быть точно так же, как между частными людьми? Почему не установить с согласия всех правительств постоянный конгресс из полномочных всех держав? Его решению подлежали бы все спорные дела, которые не могут окончиться миролюбиво самими правительствами. Нельзя предполагать, чтобы такой конгресс обсудил и решил несправедливо, тем более, что заседание и прения его могут быть гласны. С другой стороны, нельзя также предполагать, чтобы та держава, которая будет недовольна его решением, отказалась повиноваться ему. Имея тогда против себя общее мнение своих подданных и всего света, она не захочет вступить в состязание с целым союзом государств, а если и будет так упорна и недальновидна, что решится на такую борьбу, то скоро должна будет раскаяться в своем неблагоразумии, и пример ее послужит для всех поучительным уроком на будущее время.

При таком политическом положении европейских обществ нельзя сомневаться, чтобы не прекратились навсегда и самые войны, и те бедствия, которые сопровождают их.

Но во всяком случае, если бы другие государства не захотели согласоваться с такой политикой, то Россия без всякой опасности для своей самобытности и своего могущества положительно могла бы следовать ей.

И тогда какой нравственный вес имела бы Россия, ее правительство в общем мнении всего света. Будучи единственною державою, которая, занимаясь внутренним устройством своим, своими собственными делами, не домогается распространять ни своего владычества, ни своего влияния на другие государства, она бы не замедлила пожать плоды своего благоразумия и своей умеренности.

Нет сомнения, что каждая нация, каждое государство существует и развивает свой общественный быт во имя какой-нибудь идеи, согласно какой-нибудь цели провидения, которое, таким образом, постепенно ведет человечество к усовершенствованию и окончательному его назначению.

* Я говорю здесь о просвещенных нациях. В диком состоянии человек беспрестанно прибегает к силе вещественной или телесной, и это одно из лучших доказательств против войны между образованными государствами.

Так, например, англичане, по своему положению и национальному характеру, видимо, предназначены к тому, чтобы населять необитаемые земли, распространять европейскую цивилизацию в целом мире — быть руководителями на пути промышленности и торговли, то есть на пути вещественного благосостояния людей. Назначение Франции состоит в развитии умственного, гражданского и общественного образования человечества. Италии — в усовершенствовании изящных наук, или, так сказать, изящного отдела цивилизации. Германские народы взяли на свою долю область отвлеченных идей и улучшение семейного быта, семейных нравов. Так, в древнем мире греки и римляне, в средние века варварские народы, каждый следовали цели, указанной им провидением, и сошли со сцены, когда исполнили свое предназначение.

Какая же в этом отношении должна быть цель России? В чем должно состоять ее предназначение, ее заслуга в пользу человечества?

До Петра Великого Россия, как полный жизни и здоровья младенец, росла, постепенно развивала свои физические силы. С его времени начинается период ее нравственного и умственного воспитания согласно с направлением европейской цивилизации. Правда, что ее воспитатели не всегда совестливо, не всегда удачно исполняли свои обязанности, и тем не менее она подвигалась в своем образовании и достигла таким образом взрослого возраста. До сих пор ее правители и сама она (может быть, даже согласно с целью самого провидения) имели только в виду увеличить материально ее состав, ее телесные силы, и потому мы видим, что преобладающая идея политической жизни России в продолжение этого последнего полуторавекового периода была идея завоеваний военной силы, увеличения своих владений, своего имущества, одним словом, все то, что в лета юности и несовершенной зрелости ума так льстит самолюбию, так действует на воображение. Существование ее было существование ребенка, младенца, юноши под надзором опекунов и воспитателей, которые заботились о ее вещественном быте, о ее достижении, пользовались выгодами, которые доставляло им положение их, и не только не старались о ее умственном, внутреннем развитии, но даже затрудняли его. Стало быть, до настоящего времени она жила частью для себя, для своей будущности, большей частью

для своих правителей и ничего не сделала еще для пользы человечества. Но такое существование огромной державы, как Россия, не могло и не может быть неизменным назначением провидения, которое неисповедимыми путями своими ведет каждый народ к общей цели всего человечества. Нельзя же предполагать, чтобы оно допустило, предназначило Россиею поглотить все прочие национальности, основать всемирную монархию и остановить постоянное усиленное движение человеческого рода к своему усовершенствованию. Нельзя предполагать, чтобы оно хотело основать в целом мире некоторого рода Китайскую империю, подчинить лучшие принадлежности разумных существ материальной силе и обречь их на вечную неподвижность.

Последняя война, остановив завоевательные намерения России на востоке и западе Европы, была, кажется, последнею попыткою ее юной натуры к всемирному владычеству. Если бы эта война была удачна, если бы Россия достигла цели своего правительства и, разрушив Турецкую державу, овладела столицею бывшей Византийской империи, она силою самих обстоятельств принуждена была бы идти далее по этому пути, и один бог знает, какие вышли бы от этого последствия. Благодетельное провидение, не допустив ее исполнить неблагоразумное желание свое и заставив ее изменить свою политику и свои виды, указало ей и ее правительству настоящее их назначение в среде просвещенных европейских держав.

Это назначение, с одной стороны, то есть относительно Европы и образованного мира, состоит, мне кажется, в том, чтобы своею рассудительной умеренностью, своим добросовестным поведением, согласным со справедливостью и истинными пользами государства, изменением существующей и теперь общей политики, основанной на недоверчивости и властолюбии, ввести новые начала во взаимные отношения образованных обществ; осуществить и развить идею политического союза, согласного с независимостью каждой нации и основанного не на силе вещественной, а на преобладании рассудка и правосудия. С другой — усваивая и распространяя успехи европейской цивилизации и правила учения внутри своего государства, служить вместе с тем проводником этих правил и этой цивилизации для грубых непросвещенных народов Азии, смежных с ее границами, и, следовательно, сделаются

некоторым образом преобразователем большей части азиатского материка. Для этого, конечно, ей случится, может быть, прибегать иногда к силе вещественной, к оружию и распространять свои владения, но таких завоеваний никто не поставит ей в вину потому, что они будут оправданы необходимостью и основаны на справедливости и на благе самих завоеванных стран.

Итак, содействовать примером своим и законным нравственным влиянием к изменению внешней политики просвещенных наций и к основанию между ними нового, лучшего порядка политических отношений, заняться преимущественно внутренним устройством своего государства и действовать с благодетельными видами на соседние племена Азии — вот что должно быть отныне постоянной целью русского правительства и что неминуемо доставит России и внутреннее благосостояние и высокое значение между образованными нациями.

Какие бы успехи могла сделать Россия по этому пути, если бы покойный император в продолжение своего тридцатилетнего царствования вместо того, чтобы тратить способы своего обширного государства на содержание миллиона войск и на политические свои виды на Западе, действовал в смысле истинного назначения России. Какой бы славой озарил он свое царствование и каких благодетельных результатов мог бы достигнуть.

Россия независимо от того значения, которое она необходимо имеет между первенствующими европейскими державами по своему географическому положению, по своему пространству и числу своего народонаселения, обладает сверх того такими выгодами и преимуществами, которые ставят прочие государства в некоторую даже от нее зависимость. Я хочу сказать здесь о ее плодородии и ее земледельческой промышленности. Чем был Египет для Италии во времена римского владычества, тем в настоящее время может статься Россия для всей Европы. В неурожайные годы она спасает от голода европейские государства, она одна не боится умножения народонаселения, ибо с каждым годом может увеличивать сбыт своих произведений на европейских рынках. При усовершенствовании земледельческой промышленности, при уничтожении крепостного состояния и при лучшем устройстве общественного и гражданского быта производительность ее увеличится еще более. Какое значение, какое влияние

это одно обстоятельство должно доставить ей в целой Европе?

Я изложил здесь вкратце мои мысли и мои заключения насчет будущности России собственно для себя, чтобы впоследствии поверил их с действительными событиями, которых могу быть еще свидетелем. Убежденный в сбыточности моих желаний и предположений и в полной надежде — судя по начинаниям — на новое царствование, я молю создателя, чтобы он просветил лучами всеобъемлющего, божественного разума своего нового нашего царя и утвердил его в намерении царствовать для блага России.

Пишу эти последние строки в день, назначенный для коронации, и присоединяю мольбы мои к мольбам и благословениям всей России. Да не обманутся общие надежды всех россиян и да ознаменуется его царствование благодетельными подвигами к устройству, просвещению, благосостоянию и славе нашего драгоценного отечества.

3 сентября 1856 года *.

ЖУРНАЛ

1856, октябрь [1]

Не знаю еще сам, на что решусь. Поеду ли в Россию или останусь в Сибири? В первой нет уже никого из близких мне людей. Разве поклониться праху усопших и ожидать в родном краю, когда наступит очередь сое-

---

* Далее следует зачеркнутый Н. В. Басаргиным текст, доступный для прочтения: «Надежды мои на нового царя России более и более оправдываются. Великодушное его сердце обратило и на нас его милосердие. В день коронования своего он совершенно изменил нашу участь, сделав из ссыльных изгнанников свободными гражданами. Итак, наша тридцатилетняя ссылка окончилась, но менее половины дожили до этого дня. Во всей Сибири осталось только 26 человек, которые воспользуются этой милостью. Собственно для нас в наши преклонные лета возвращение всех прежних прав не имеет большого значения, но для семейных, для детей их оно чрезвычайно важно. С моей стороны, с глубокою душевною признательностью прочел я высочайший о том манифест и вознес к всевышнему теплые мольбы мои за доброго и великодушного царя». Последующий текст так зачеркнут, что может быть прочтен лишь при помощи специальной техники.

диниться с ними. С другой — я свыкся, полюбил ее. Она дорога мне по воспоминаниям того, что я испытал, и тех нравственных утешений *, которые нередко имел. Но мне будет грустно, тяжело остаться одному, разлучиться навсегда с товарищами тридцатилетнего изгнания, которых я привык считать более чем родными. Одним словом, сам не знаю, как поступить.

Во всяком случае, предаваясь промыслу всевышнего, я мало думаю о кратковременной предстоящей мне жизни. Я надеюсь до конца идти тем путем, который указало мне провидение, и сохранить чувства и правила, поддержавшие меня в тяжкие дни испытаний.

В мои преклонные лета и при слабости моего здоровья я уже не могу быть лицом действующим. Мне остается только быть зрителем совершающихся событий и радоваться, когда будут оправдываться мои надежды на новое царствование, на нового государя, которого по какому-то безотчетному чувству я люблю искренне.

Ноябрь. Я получил на днях письмо от доброго Барышникова, он спрашивает меня, воспользуюсь ли я милостью государя и буду ли в России? Но тут же изъявляет желание увидеться со мной и на будущее лето хочет возвратиться из-за границы в свое имение. Я решаюсь ехать. Но надобно кончить здесь кое-какие домашние и хозяйственные дела — съездить в Туринск, Курган и Омск.

Декабрь. Я уже приступил к исполнению моего намерения, продал дом, мебель и весь свой ненужный скарб. Не знаю, выдержит ли мое здоровье такой дальний путь. С некоторого времени я чувствую себя гораздо слабее и хилее. Одышка не дает мне покоя. Очень бы желал повидаться с Барышниковым и еще кое с кем в России, но не уверен, позволит ли провидение исполнить это желание.

Неделю тому назад отправились отсюда Оболенский и А. В. Ентальцева. За ними уехал Пущин. Скоро поедут Муравьев [2] и Якушкин. Останусь я один. Я получил письмо от сестры покойной жены моей Бутович с приглашением приехать на жилье в Киев. Если бог позволит, то, повидавшись с Барышниковым, съезжу и в Киев.

Уже пятеро из наших отправились в Россию. Первый

---

* Так в подлиннике.— *И. П.*

Штейнгейль, он не заезжал к нам, потом Волконский из Иркутска, после него Батеньков из Тюмени. Последнего я не знал прежде и познакомился с ним во время проезда. Он человек замечательный как по уму, так и по характеру. Непонятно, как, пробыв в крепости 20 лет, он так сохранился. Все его суждения, даже письма носят какой-то оригинальный отпечаток и показывают в нем недюжинного человека.

Странно и даже больно мне, что я до сих пор не получал писем от племянниц. Неужели они испугались моего возвращения и боятся навязать себе на шею скучное и тяжелое бремя — старика дядю.

Наконец пришло письмо от Машеньки[3], очень милое и радушное. Она зовет меня к себе жить на Кавказ. Предлагает даже для этого способы. Я рад за нее, что она так поступает. Помощи мне ее не нужно, а нужна только ее любовь. От Оленьки[4] же до сих пор ничего нет. Жаль, если вмешиваются тут расчет и соображения. Очень бы желал, чтобы это забытие самого близкого и родного происходило скорее от молодости и ветрености, чем от других каких-либо причин.

Переехавши в Россию и поселясь в деревне, где у меня много свободного времени, а особенно зимою, я решился продолжать мои записки. Две причины побудили меня к этому. 1) Испытанные мною ощущения при свидании с родными, которых я нашел еще в живых, и с потомством умерших и при возобновлении связей с прежними моими друзьями, сослуживцами и знакомыми, а также и при новых отношениях общественной жизни. 2) Совершавшиеся в это время многозначительные события в нашем отечестве: я уверен, что для будущих читателей этих записок не лишен будет некоторого интереса взгляд на эти события человека, пострадавшего именно за те идеи, которыми руководствуется ныне само правительство, человека, уже отжившего свой век и остающегося простым беспристрастным зрителем настоящих общественных изменений.

Остановившись на том месте, когда я решил переехать в Россию, не знал еще сам, как это исполнить. Не лишним нахожу описать здесь жизнь в Ялуторовске. Это объяснит, почему мне грустно и тяжело было расставаться с моим прежним бытом и почему я только по долгом размышлении решился покинуть Сибирь. Ялуторовск —

маленький, но опрятный и красивый городок на самой почти границе с Россией. Через него идет большая дорога в Сибирь. Там поселено было нас несколько человек: я, Пущин, Оболенский, Муравьев-Апостол и Якушкин. Трое из нас были люди семейные, и все мы были чрезвычайно дружны между собой. Не проходило дня, чтобы мы не виделись и, сверх того, раза четыре в неделю обедали и проводили вечера друг у друга. Между нами все почти было общее, радость или горе каждого разделялось всеми, одним словом, это было какое-то братство — нравственный и душевный союз [5]. Маленькое и дружное наше общество увеличивалось сосланными туда поляками — их было человек шесть, из них один женатый. Все они были люди довольно образованные, весьма добрые и нравственные. Некоторые из местных чиновников и граждан Ялуторовска были с нами также довольно коротки и оказывали нам не только уважение, но даже искреннюю преданность. Стало быть, несмотря на все невзгоды нашего общественного положения, жизнь наша там текла мирно, покойно и не лишена была нравственных наслаждений. Присоедините к этому некоторые материальные удобства — следствие дешевизны необходимых потребностей. Нередкий приезд знакомых в Сибирь или из Сибири, которые обыкновенно останавливались на день, на два гостить у нас, и вы, конечно, согласитесь, что такая жизнь стоила того, чтобы жалеть о ней, и особенно тогда, когда ожидает неизвестность. Побывав зимою 1856 года в Кургане, в Туринске и Тобольске, где у меня были и родные, и много воспоминаний, и устроив житейские дела, я к концу февраля мог уже выехать в Россию.

К крайнему сожалению, должен заметить здесь, что местные губернские власти, которые до этого времени, казалось, были очень к нам внимательны и благосклонны, показали после манифеста какое-то особенное недоброжелательство. Губернатор *(Арцимович)* [6] вместо того, чтобы послать сейчас же тогда состоявшийся манифест и предписать уездному начальству распорядиться нашим отправлением, более месяца продержал его у себя и не иначе выдал товарищам моим виды на проезд, как по неоднократному их требованию. В видах этих означено было, что они находятся под надзором полиции, тогда как в манифесте ничто о том не было сказано. Правда, что впослед-

ствии на протест их об этом распоряжении он отменил его и извинился, что это сделано было по ошибке, но все-таки этот поступок показывает если не прямое желание повредить нам, то, по крайней мере, совершенное равнодушие к изменению нашей участи. Что же касается меня собственно, то, находясь на службе, я должен был подать просьбу об отставке и хотя я сам лично просил Арцимовича, будучи в Тобольске, чтобы сперва выдали мне аттестат, но едва мог получить его накануне моего отъезда из Ялуторовска. Так что если бы еще промедлили неделю или две, то мне уже нельзя бы было ехать зимою. Целых 5 месяцев тянулось самое пустое дело, которое могло кончиться в один день. Не жалуясь и не обвиняя никого, я, однако же, имею полное право сказать, что сочувствия и участия ускорить исполнение высочайшей к нам милости местные власти нисколько не показали. Неужели, занимая места, должностные лица должны отказываться от наилучшей принадлежности человека — расположения к ближнему и все подчинять только формам и букве закона. Вообще я заметил, что молодые люди, выходящие из школы правоведения (Арцимович там воспитывался), особенно равнодушны к людям. Все у них основано на холодных расчетах и их личных соображениях. Никогда не проявляется душа.

Февраля 21 мы оставили Ялуторовск, откуда уже все товарищи мои уехали прежде. Брат жены моей[7] приехал из Омска проводить нас и в это время сделал нам предложение жениться на нашей воспитаннице Полиньке[8]. Этот союз был по мыслям и мне, и жене, и самой Полиньке. Но как она была еще слишком молода, то, не давая положительного слова, а обнадежив его в нашем на то согласии, мы отложили окончательное решение до того времени, когда она сама будет в состоянии обсудить его предложение и дать ответ, основанный на обдуманном суждении и на своих к нему чувствах. Побывать в России, увидать там свет и людей было полезно, по нашему мнению, и для нее. Она была слишком неразвита и темна и умственно походила скорее на ребенка, нежели на взрослую девушку, а потому мне казалось, что путешествие в Россию, зрелище новых предметов, о которых она не имела даже понятия, сношения с лицами большего образования, чем ялуторовское маленькое общество, одним словом, новая сфера, в которую она войдет на некоторое время, мо-

гут с пользой подействовать на ее окончательное домашнее воспитание.

В день нашего отъезда все знакомые собрались проводить нас. Явились из простонародья и все те, которые или служили нам, или имели какое-либо с нами сношение. Тут я не мог не заметить с особенным чувством искреннего их к нам доброжелательства и привязанности. Прощаясь с нами, все они навзрыд плакали, напутствовали нас самыми теплыми благопожеланиями. Отслужив молебен, мы сели в свой возок и отправились со слезами на глазах, глубоко тронутые общим к нам сочувствием. Грустно мне было оставлять край, где я так долго и покойно жил, пользуясь общим расположением.

Путь наш был на Шадринск, Челябинск, Златоуст и Казань. Дорога была дурная, ухабы страшные, здоровье мое сильно терпело, иногда я едва мог переводить дыхание, садясь в возок.

В одиннадцатый день мы приехали в Казань. Усталый, изнуренный, я решился тут несколько дней отдохнуть и, остановившись в гостинице, поехал навестить молодого Якушкина, пользовавшегося в Казанской клинике[9]. К несчастью моему, он жил на 4-м этаже, и я должен был идти по ужасно высокой лестнице. Войдя к нему в комнату, я едва уже мог дышать, а просидев у него полчаса, с трудом от него вышел. При возвращении в гостиницу у меня сделался сильный припадок одышки, так что целую ночь я вынужден был сидеть в прямом положении и не смыкал глаз. К утру я так ослаб, что едва двигался. Послали за доктором, который дал мне лекарство и велел поставить пиявки, и хотя на третий день я несколько поправился, но выехал из Казани чрезвычайно слабым.

Дорога от Казани до Нижнего была также очень плохая. В Нижнем я пробыл около двух недель и опять должен был лечиться. Марья Александровна Дорохова[10], начальница Нижегородского института, давно с нами знакомая, и семейство военного губернатора А. Н. Муравьева приняли нас с неподдельным радушием и почти ежедневно навещали меня больного. Я увиделся тоже в Нижнем с тестем Машеньки Ивашевой — г. Трубниковым и старым своим сослуживцем Ал. Ег. Крюковым, которые оказали нам самое искреннее расположение. В Нижнем мы оставили свой возок и перешли в тарантас.

Выехав 20 марта по шоссе, мы прибыли через два дня во Владимир, а на третий день в Липню, где находится имение покойного брата, принадлежащее теперь его вдове. Она с племянницей моей, дочерью другого моего брата, тоже умершего, находилась в это время в Курске. Я остановился у них в доме и послал сказать о своем приезде двоюродной сестре моей, живущей в нескольких верстах от Липни. На другой день она приехала ко мне и едва не упала в обморок, увидавши меня после 33 лет разлуки. Оба мы расстались молодыми людьми. Она была тогда девушкой, а теперь жила вдовою и уже старушкою. Мы поехали к ней, ночевали у нее и на другой день отправились в Покров, а оттуда в Москву, где я надеялся прожить некоторое время, чтобы восстановить свое здоровье. Пробыв два дня в Покрове, где я нашел кое-кого из прежних моих знакомых дряхлых уже стариков, мы приехали в Москву 26 марта и остановились у Якушкиных с тем, чтобы приискать себе подле них небольшую квартиру [11].

Отец Якушкина, ялуторовский товарищ мой, встретил меня с неприятною новостью. По распоряжению генерал-губернатора графа Закревского [12] нам не дозволялось останавливаться в Москве, и сам Якушкин на другой же день нашего приезда выезжал на житье в Тверскую губернию в имение одного из своих знакомых [13]. Эта новость разрушила все мои предположения и приводила меня в большое затруднение. Здоровье мое было так расстроено, что медицинские пособия и покой были мне необходимы. В Москве я надеялся восстановить хоть несколько свои силы и дождаться приезда родственника моего Барышникова из-за границы, чтобы ехать к нему в деревню, вместо этого я должен был больной выехать из Москвы и жить несколько месяцев без всякого пособия в каком-нибудь уездном городе, не имея ни души знакомой.

Не понимаю, как могло состояться подобное распоряжение. Вероятно, оно сделано было без ведома доброго государя нашего, потому что носило отпечаток явного к нам недоброжелательства. Нельзя предположить, чтобы, делая нам милость, он в то же время подвергал нас мелочным затруднениям в образе нашей жизни [14]. Пять-шесть возвратившихся дряхлых и болезненных стариков не могли быть опасными ни своим присутствием в столи-

це, ни своими мыслями. Не позволяя нам оставаться в Москве, нас лишали утешения видеться с оставшимися нашими родными, которые большей частью жили там или в Петербурге. Лучшее же доказательство, что государь об этом и не думал,— это то, что впоследствии по просьбе нашей последовало высочайшее разрешение каждому из нас приезжать в столицу. Стало быть, распоряжение генерала Закревского было не что иное, как личное и собственное его недоброжелательное действие.

В Москве это распоряжение возмутило всех благомыслящих людей, и многие посоветовали мне ехать к графу Закревскому для личного объяснения. Я так был болен, что сам этого сделать не мог и послал вместо себя жену мою. Он принял ее очень вежливо, но сказал решительно, что по существующим правилам долго оставаться в Москве он мне дозволить не может и разрешает отдохнуть только несколько дней. При разговоре Закревского с женой у него вырвалось престранное замечание, явно показывающее отсутствие всякого сочувствия к ближнему. Когда жена сказала ему, что я очень болен и что покой мне необходим, он возразил, что странно, что мы все возвращаемся больными. Он не подумал ни о наших летах, ни о тридцатилетнем нашем страдальческом изгнании и нашел странным, что дряхлые старики, проехавши три тысячи верст по скверным дорогам и без всяких удобств, приезжают расстроенные здоровьем и имеют надобность в отдохновении. Это замечание показывает, до какой степени черствы сердца у людей, привыкших повелевать и считать за ничто все то, что ниже их на ступенях общественной лестницы.

Мне опять советовали потребовать медицинского свидетельства и написать к шефу жандармов, но, признаюсь, я так был огорчен таким нечеловеческим приемом, такими мелочными придирками, что подумал: «Le je ne vaut pas la chandelle» * и решился больной выехать из Москвы.

Как ни грустно было встретить мне такое жестокосердное равнодушие в правительственных лицах, но, с другой стороны, меня много утешил прием прежних моих сослуживцев и знакомых. Лишь только они узнали о моем приезде, все поспешили посетить меня и показали самое

* Игра не стоит свеч (франц.).

искреннее участие, самую неподдельную радость при свидании со мной. Каждый из них предлагал мне свои услуги и свое ходатайство. Некоторые из них занимали значительные места. Вот лица, с которыми я виделся тогда в Москве: Новосильцева, барона Ховена, Путяту, Вельтмана, Горчакова, Пушкина, князя Голицына, Менда. В особенности Новосильцев и Ховен каждый день меня навещали и делили со мной все время моего пребывания в столице. Душевное сердечное им за то спасибо.

У Якушкина я познакомился со многими московскими литераторами: Бабстом, Забелиным, Коршем, Кетчером, Павловым, Дмитриевым и многими другими. По просьбе их я читал им мои записки, которые, конечно, из вежливости они одобрили. Из родственников своих я нашел в Москве Ребиндерову, Прокудину-дочь, зятя Алсуфьевых и некоторых других.

В это время ожидали в Москве многих изменений и более либерального направления нового царствования. Все единогласно осуждали прежнюю систему и радовались, что наконец была надежда и дышать, и говорить свободнее. Цензура начинала уже смягчаться, появились в печати такие статьи, за которые прежде этого авторы насиделись бы в крепости. Сочинения Герцена, «Полярная звезда», «Колокол» и «Голоса из России» ходили по рукам печатанные и переписанные. Люди старого времени с негодованием смотрели на ежедневные успехи новых идей, так давно таившихся под гнетом тридцатилетнего самодержавия. Привыкнув встречать одно лишь раболепное повиновение и приказывать без всякого рассуждения, они с ужасом усматривали, что век их уже проходил и что скоро наступит время, когда нужно будет властвовать не одною силой, а умом, и что тогда волею или неволею они должны будут сойти со сцены и, может быть, отдать отчет перед потомством в своих произвольных и нерациональных действиях.

После шестидневного пребывания в Москве я собрался в путь и решился ехать сначала к племяннице в Курск, а потом к сестре покойной жены моей в Киев, 2 апреля отправился из Москвы все еще больной и запасся на случай письмом к одному известному по своей практике доктору в Серпухове. Благодаря богу, однако же, надобности в нем не предоставилось. При выезде моем погода была прекрасная, появилась весна в самом цветущем

своем виде. Деревья начинали распускаться, дни стояли теплые, и свежий воздух так благодетельно подействовал на мое здоровье, что с каждым днем я более и более укреплялся в силах.

Через Серпухов, Тулу, Орел мы прибыли по шоссейной дороге в Курск накануне святого воскресенья 6 апреля.

В Курске я отыскал сейчас же свою племянницу и жену покойного брата, которые приняли нас самым родственным образом. Мы переехали к ним и прожили у них очень спокойно и весело более двух недель. Там я нашел одного из старых своих товарищей по службе и прежнюю очень близкую знакомую даму. Они очень нас обласкали и даже уговаривали навсегда поселиться в Курске. Город и климат курский мне понравились. В Курске мне очень помог тамошний медик, так что при выезде моем в Киев около 25 апреля я был почти совершенно здоров.

В Киев мы приехали, не помню, 2 или 3-го мая. Путешествие наше было самое приятное, время было самое прекрасное, дорога сухая, места в Курской, Черниговской, Киевской губерниях живописные. Одним словом, я с каждым днем оживал и какое-то безотчетное приятное чувство наполняло дряхлый состав мой. А сам Киев что за прелестный город? Я невольно выскочил из экипажа, когда мы приближались к мосту, и не знал, чем более восхищаться — искусству ли и бесподобной отделкой самого моста или роскошному, величественному виду древней столицы России — колыбели русского православия.

Мы приехали в Киев в то самое время, когда случилась там известная история студентов с полковником Фон-Брimmеном. Флигель-адъютант граф Бобринский прибыл в это время на следствие, и в городе только и говорили, что об этом происшествии [15].

Остановившись в гостинице, я отправился сейчас отыскивать наших товарищей, живших в Киеве: Трубецкого, Давыдовых и Юшневскую. Первого я застал на отъезде к дочери, жившей с мужем в деревне. Прошло двадцать лет, как мы расстались с ним, и очень обрадовались, увидевшись. У него я нашел полковника Бобрищева-Пушкина, брата одного из наших товарищей. Потом пришла дочь его — жена попечителя Киевского учебного округа Ребиндер — милая и добрая женщина [16].

От Трубецкого я пошел к Давыдовым, жившим подле него, а потом к Ребиндеровым. Все они приняли меня как близкого родного, и А. И. Давыдова сейчас сама отправилась к жене, чтобы взять ее и Полиньку к себе.

Мы пробыли в Киеве четыре дня, исправили в это время экипаж, повидались с Юшневской, осмотрели город, Лавру, очень приятно проводили время в обществе своих сибиряков и, наконец, отправились к сестре моей Бутовичевой[17], которая в это время жила с мужем в деревне своей в 70-ти верстах от Киева. Жена и Полинька с особенным восхищением осматривали все достопримечательности Киева.

История студентов могла иметь неприятные последствия не только для них самих, но и для начальника Киевского учебного округа, а потому попечитель Ребиндер, муж Трубецкого дочери, очень был ею встревожен, и это несколько мешало нам чувствовать вполне все удовольствие нашего там пребывания.

На другой день по выезде из Киева мы приехали в Мировку (имение Бутовичевых) и были встречены с чувством живейшей радости как сестрою, так и ее мужем. Поместье было у них большое, и нам отвели прекрасную комнату окнами в сад. Много было общих воспоминаний, много было что передавать друг другу. Все прошедшее будто вновь ожило в моей памяти. А между тем, расставшись 32 года тому назад, когда она была еще ребенком, а я молодым человеком, мы встретились теперь уже в таких летах, когда один стоял на краю могилы, а другая перешла за большую половину жизни.

Два месяца я прожил у Sophi, и это время пролетело незаметно. Чудный климат, прекрасный сад, живописное местоположение, все удобства жизни, посещения соседей, прогулки по окрестностям, приятное общество, предупредительность и ласка хозяев, одним словом, ничего не доставало к тому, чтобы отдохнуть и телом, и душою. Здоровье мое с каждым днем укреплялось и даже мог ходить без усталости по две и по три версты. А фруктов столько, сколько душе угодно. Здесь надобно заметить, что я до них большой охотник. И сестра, и муж ее, даже мать последнего, так полюбили и меня, и жену, и Полиньку, что просили неотступно поселиться у них и вместе провести остаток жизни.

Но обстоятельства требовали моего возвращения

внутрь России. Надобно было видеться с Барышниковым и самобытно устроиться где-нибудь. По моему независимому характеру я знал, что нигде мне не будет так хорошо, как у своего собственного очага. К тому же будущая судьба Полиньки меня озабочивала. Чтобы окончить начатое дело замужества, надобно было побывать еще раз в Сибири.

Замечу здесь также, что, несмотря на сердечный, вполне радостный прием, нам сделанный, на любезность и особенное расположение всех соседей сестры моей, польский элемент, преобладающий в Киевской губернии, был мне не по сердцу. Что-то отзывалось не отечественным. Даже обычаи и образ воззрения на самые простые вещи и отношения не согласовывались с теми понятиями, с теми привычками, которые я усвоил в продолжение всей моей жизни. В особенности не понравился мне простой народ своим особенным раболепием и своею несмышленостью.

Общественное и нравственное расстояние между помещиками и крестьянами было так велико, что я невольно возмущался при их самых обыкновенных между собою сношениях. Рабство проявлялось во всей наготе своей и не смягчалось ни обращением господ, ни поведением и самосознанием подвластных. Самые даже формы их отношений были унизительны для человечества. Здесь надобно еще заметить, что Бутовичевы по своему образованию и по своим душевным наклонностям считались там одними из самых лучших и снисходительных помещиков.

В конце мая месяца мы с женой поехали в Тульчин, где я так счастливо провел несколько годов своей молодости и где покоится прах первой жены моей. Полиньку оставили у Бутовичевых, которые дали нам своих лошадей и легонький экипаж. Тульчин был от них в 240 верстах. В четыре дня мы доехали туда. Путь наш был на Белую Церковь, Сквиру, Летичев, Немиров и Брацлав. Подольская губерния представляется роскошным садом. Места чудные, климат бесподобный. Местности красивые. Невольно восхищаешься и думаешь: вот где бы жить. В особенности понравился мне Немиров, местечко чистенькое, опрятное, отличающееся какою-то свежестью. Оно до сих пор принадлежит графу Потоцкому, которого я знал еще юношей и который, как говорят, много сделал полезного для края.

Очень изменился Тульчин с того времени, как я оставил его, и изменился не в свою пользу. Сад запущен, жители большей частью одни евреи и кое-кто из отставных чиновников. Домики обветшали, но я скоро узнал знакомые здания и глубоко вздохнул, проезжая мимо прежней своей квартиры. Былое теснилось в моих воспоминаниях. Все прошедшее представилось мне так отчетливо, как будто возвращался после самой кратковременной отлучки.

Остановившись в еврейской корчме и напившись чаю, мы пошли с женой на кладбище. Я бежал, она, бедная, едва поспевала за мной. Увы! Старого кладбища уже не существовало. Устроено было новое, очень обширное, сажень во сто от первого, и оно уже было почти все наполнено могилами. Эти покойники все жили, когда я оставил Тульчин, и переселились в вечность во время моего отсутствия. Какой предмет для размышлений! А мы, бедные, так хлопочем о нескольких днях этой временной скоротечной жизни.

Хотя на старом кладбище осталось только несколько холмиков и два-три разрушившихся памятника, но я сейчас же отыскал могилу жены и дочери и почти прямо, не останавливаясь, пришел к ним. Так сохранилась в памяти моей и вся местность и самое место ее успокоения. Не стану говорить о чувствах, которые в ту минуту наполняли меня. Памятник ее был разрушен, тополи, которые были тогда посажены, не существовали. Скот ходил свободно по обросшему травою лугу. Сохранившиеся возвышения были изрытыми. Горько мне было смотреть на эту картину разрушений. Грустно было подумать, сколько чистых, прекрасных созданий тлеют под этой некрасивой внешностью. Могилы жены моей и младенца дочери я на другой же день приказал поправить и уложить дерном, чтобы защитить, сколько можно, от бродящего скота.

На другой день мы служили на могиле ее панихиду, с грустными, но усладительными чувствами возвратился я на квартиру. Бог дозволил мне еще раз поклониться ее праху и помолиться на месте, где покоятся ее останки. Сколько раз в продолжение тридцатилетней моей ссылки я мечтал о том, увижу ли я когда-нибудь ее могилу. Побываю ли в тех местах, где испытал я первое чувство взаимной любви и где так безоблачно, хоть и кратковременно, был счастлив. Бывший в Тульчине католический костел обращен был в русскую церковь, и мы были два

раза в ней у обедни. Заходили к священнику, которого я просил присмотреть за могилой жены, на что он охотно согласился.

Я посетил тогда старую свою знакомую девицу Белявскую, которую я оставил молодой еще девушкой, а теперь встретил чистой и опрятной старушкой. Много припомнили мы с ней из прошедшего бытия, вспоминали многие случаи прошедшей жизни. Я уверен, что и она с удовольствием провела несколько часов с человеком, знавшим ее тридцать два года тому назад. Я нашел в Тульчине человек трех-четырех, которые меня помнили, и в том числе вдову генеральшу Давыденкову, ее муж служил вместе со мною.

После четырехдневного пребывания мы отправились в обратный путь в Мировку, заехав еще раз проститься с дорогим для меня прахом. Там нас уже ждали. Мужу сестры моей надобно было ехать в Киев, где он выбран был предводителем дворянства. Прожив в Мировке до начала июня, мы отправились вместе с сестрою в Киев и прожили там около недели. Само собою разумеется, что я делил все это время между ними и своими добрыми сибиряками-товарищами.

Время прибытия из-за границы Барышникова приближалось. Я получил от него письмо о его выезде из Франкфурта и поэтому поспешил ехать в смоленское его имение, куда он должен был скоро приехать. Дорога от Киева до Смоленска была для меня самой скучной. Дождливая погода нас преследовала, а недостаток с лошадьми на станциях и страшная грязь замедляли наше путешествие. Целых одиннадцать дней мы ехали с небольшим семьсот верст.

В Алексино (имение Барышникова) мы приехали прежде него. Нас приняли племянник и племянница А. П. Чебышева, которые со дня на день ожидали его приезда. Для нас отвели прекрасное и удобное помещение и с особенною заботливостью старались, чтобы нам было хорошо и покойно.

Шесть дней мы жили до прибытия самого хозяина, и в это время я успел полюбоваться прекрасным и вполне барским его имением. Огромный каменный дом, две церкви, обширный и прекрасный сад. Множество оранжерей с плодовыми деревьями и редкими растениями, несколько больших прудов, одним словом, тут было все для при-

вольной и роскошной жизни богатого и образованного помещика.

Наконец, я увиделся с самим хозяином. Прошло более 30 лет, как мы расстались с ним, и в продолжение этого времени общение и отношения наши не прекращались, я всегда с чувством признательности буду вспоминать его постоянные обо мне заботы во все время моей ссылки Трудно было бы описать нашу встречу. Его любящая душа вполне высказалась при этом случае. Он непременно захотел, чтобы мы поместились подле него, и окружал нас такою внимательностью, которая предупреждала малейшие мои желания.

Вскоре собрались у него его близкие родные. За стол нас садилось человек до сорока и до пятидесяти. Все они, видя дружбу его ко мне, оказывали нам самое искреннее расположение. Всем нашлись удобные помещения в его огромном доме. Утро мы проводили большей частью у себя. Я же в это время обыкновенно часа два беседовал с ним вдвоем. Перед обедом гуляли по саду, а потом собирались в общую гостиную. После обеда я уходил к себе отдыхать и являлся к общему чаю. Вечером музыка, иногда танцы и маленькая игра в вист или преферанс. После ужина я опять заходил к нему, и мы передавали друг другу все, что было с нами в продолжение нашей разлуки, и все то, что каждый из нас думал и ожидал для будущности России. Так пролетели незаметно три месяца. Здоровье мое укрепилось, и надобно было помышлять об отъезде в Москву и об устройстве будущего своего быта. Хотя Барышников и приглашал меня жить у него в имении, но я на это не решился. Сам он должен был по своей болезни ехать опять за границу, а мне оставаться одному и жить без дела на чужой счет не хотелось.

Надобно заметить здесь, что в это время по моей просьбе к шефу жандармов я получил разрешение жить в Москве с дозволения тамошнего военного генерал-губернатора. Барышникову тоже настало время отправляться за границу, и потому в половине ноября я выехал из Алексино, исполненный сердечной признательностью и к провидению, дозволившему мне увидеться с ним, и к нему за его теплые ко мне чувства.

В Москву мы приехали 19 ноября, и, остановившись на Тверской в гостинице, я отправился сейчас же к пле-

мяннице на Басманную, куда потом приехала и жена с Полинькой. После обеда у меня сделался сильный припадок одышки, так что я должен был тут ночевать и прибегнуть к пособию медика. Пиявки, ножные ванны и лекарства внутрь прекратили к утру пароксизм, но я чрезвычайно ослаб и совершенно изнеможденным должен был ехать к генерал-губернатору. Там я едва взошел на лестницу, и граф Закревский, увидев меня, кажется, вполне убедился, что я тяжело болен. Он дозволил мне прожить в Москве, сколько я пожелаю, но советовал переехать из гостиницы и жить на квартире; поняв, к чему клонился совет его, я ему ответил, что, привыкнув жить 30 лет с открытыми окнами и дверьми и не имея нужды скрывать своих убеждений, я не опасался никакого надзора и никакой полиции.

Гостиница, где мы остановились, была не совсем удобна, номер тесен и душен, поэтому я стал приискивать маленькую квартиру среди города. Вскоре мы нашли такую на бывшей Дмитровке и туда переехали.

Я располагал пробыть в Москве месяца два, не более, чтобы несколько поправить здоровье, а главное, поместить свой маленький капитал, с которого казенными тремя процентами жить мне было невозможно. Надеялся также приискать небольшое населенное имение в одной из близких от Москвы губерний.

Болезнь и усталость не позволяли мне часто выезжать, тем более, что начались уже сильные морозы. Прежние сослуживцы и сибирские товарищи мои, жившие в то время в Москве (Нарышкин, Волконский, Ентальцева), нередко меня навещали. Бедный Якушкин (отец) в то время уже не существовал. Он кончил страдальческую жизнь свою в августе этого года, и одною из причин его смерти был отчасти принужденный выезд его из Москвы. Часть зимы и всю весну до тех пор, пока не выслали ему по ходатайству сына высочайшее разрешение жить в столице, он должен был с расстроенным здоровьем находиться в деревне без всяких удобств и пособий. Там он простудился и переведен был в Москву больной и безнадежный. Два месяца боролся он с болезнью и, наконец, окончил дни свои среди своего семейства. Мир праху его! Он был добрый, правдивый и в полной мере достойный человек.

Прочие мои товарищи, возвратившиеся из Сибири,

с разных мест, устраивали свой быт. Оболенский, Свистунов, Батеньков — в Калуге, Пущин в Бронницах, Волконский в Москве. Штейнгейль, фон дер Бриген в Петербурге, на что было особенное высочайшее дозволение. Анненков в Нижнем, Трубецкой, Давыдова, Юшневские, Быстрицкий в Киеве. Один я только не знал, где и как приютиться окончательно. Меня удивила, чтобы не сказать более, женитьба Пущина на вдове Фонвизина, удивила самым неприятным образом. Привыкнув видеть в нем (несмотря на некоторые недостатки) честного, бескорыстного человека, я должен был многое изменить в своем об нем мнении и убедился, что не все то золото, что блестит [18].

В это время уже было заметно новое либеральное направление правительства. В журналах появились статьи, рассуждавшие о многих основных государственных вопросах, явно нападавшие на вековые злоупотребления по всем отраслям общественного и гражданского быта. В них всего более нападали на крепостное состояние и на лихоимство. Сочинения Щедрина (Салтыкова), Григоровича, Писемского, Некрасова, Аксакова, Бабста, Каткова, Кавелина и многих других с жадностью всеми читались, но всего более занимали общественное мнение листки Герцена, печатанные им в Лондоне и ходившие по рукам во многих тайно привозимых или присылаемых оттуда экземплярах. В них представлялись во всей наготе и возмутительные злоупотребления, несправедливости, и безнравственность, корыстолюбие многих лиц, стоявших на высшей ступени государственного управления. Говорят, что сам государь почерпнул из них много для своего сведения и не раз убеждался в справедливости того, что в них излагалось.

Я был тогда оглушен всеми толками, которые возбуждали эти вопросы. Многие из моих прежних знакомых — люди уже немолодые, чиновники, привыкшие смотреть на власть и на существующие учреждения с привычной точки зрения и надеявшиеся дожить свой век так, как они прожили большую половину своей жизни, разумеется, считали рассуждения передовых людей опасными для общего спокойствия. С другой стороны, некоторые мои знакомые из числа этих писателей и их друзей, образ мысли которых более согласовался с моим собственным, и которые в других формах, в других выражениях гово-

рили почти то, что тридцать лет тому назад было предметом постоянных наших прений, сообщали мне и свои желания, и свои опасения, и свои надежды на виды нового правительства.

Должно заметить здесь, что государь высоко стоял во мнении этих людей и что все действия его единодушно одобрялись. Прощение <павших> студентов, справедливое негодование на московскую полицию в деле московских, показав его прекрасную душу и его отеческое сердце, заслужили всеобщее к нему расположение и любовь [19]. Напротив того, те из защитников старого порядка, которые опасались нововведений, были им недовольны и, к стыду своему, распускали самые нелепые о нем слухи, которым, впрочем, никто из сколько-нибудь мыслящих людей не верил.

В этом положении находилось московское общество, когда нежданно явился манифест об улучшении крепостного быта. Можно представить себе, как он поразил отсталых людей, как обрадовал всех, кто мыслил прямодушно, бескорыстно, и какое действие он произвел на все общество [20].

Сначала большая часть дворянства испугалась: она вообразила, что вслед за этим последует всеобщее восстание крепостных и что они могут не только лишиться состояния, но и опасаться за жизнь. Вскоре, однако же, терпеливое и благоразумное поведение крестьян уничтожило этот страх, и тогда явились новые опасения потерять часть достояния, лишиться таких прав, которые были им дороги и по привычкам к нерациональному понятию о сельском хозяйстве.

Тогда в Москве только и было речей, что о предстоящем общественном изменении. Многие из помещиков, не думавшие никогда об этом вопросе и мало занимавшиеся сельским хозяйством, другие, привыкшие к обычаям и следствиям крепостного быта, в особенности барыни, наконец, все те, которые боялись всякого рода нововведений, громко восстали против такого переворота. Они утешали себя надеждою, что когда правительство заметит сильную оппозицию в дворянстве и когда сами крестьяне дадут повод опасаться введения нового порядка, то оно отступит от своих видов и отложит исполнение их на долгое время.

Но они не рассчитывали на твердость характера госу-

даря, на его непоколебимое убеждение в справедливости и своевременности обдуманного им изменения. С другой стороны — большая часть юного поколения, ученые, литераторы, одним словом, просвещенные и передовые люди общества пламенно присоединились к видам правительства, начали говорить и писать в пользу этого переворота, писать и с усердием, достойным полного одобрения, посвятили труды свои для того, чтобы рационально обсуживать этот вопрос со всех его сторон, нравственной, экономической и политической. Появились множество новых журналов по крестьянскому делу, и во всех старых помещались беспрестанно статьи, логически справедливо осуждавшие прежние порядки и доказывавшие все выгоды не только для государства, но и для самих помещиков от предстоящего изменения.

Нельзя не признать, что содействия этих людей и их рвение подвинуть этот вопрос настолько, чтобы уже нельзя было воротиться назад, много помогли правительству. Они изменяли мнение большей части тех, которые или по лености рассуждать, или по привычке к прежним идеям были сначала противниками этого изменения и которые потом перешли на его сторону. Против него остались одни только лица закоренелые в предрассудках и по невежеству своему, не имевшие никакого влияния на общественное мнение.

Не довольствуясь словом и пером, они в торжественных собраниях произносили речи, исполненные здравого смысла и увлекательного красноречия в пользу освобождения крестьян, и отдавали должную справедливость правительству, восхваляя его по этому случаю действия.

Первое из таковых собраний было в Купеческом клубе, где собралось около 200 человек ученых, литераторов и просвещенных людей разных сословий и где за обедом говорены были речи в пользу улучшения быта крестьян. Эти речи были потом помещены в журналах и отличались столько же справедливостью суждений, сколько и пламенною любовью к человечеству [21]. Я жил тогда против самого Купеческого клуба, и по окончании обеда ко мне заехали некоторые из участников этого торжества, которые с одушевлением передали мне о том, что происходило там.

Здесь надобно заметить, что это некоторого рода официальное празднество возбудило против его учредителей

негодование всех противников эмансипации и особенно неблаговоление военного генерал-губернатора, который даже запретил некоторым из своих подчиненных, желавших в нем участвовать, быть там. Этот обед был им представлен высшей власти в виде опасной для спокойствия столицы протестации со стороны оппозиционной партии[22], но государь умел отличить истину и приказал благодарить тех, которые так торжественно показали свое желание содействовать его видам[23].

Между тем как московское дворянство, вопреки ожиданиям царя, медлило с предоставлением своей просьбы об улучшении быта крестьян, Нижегородская, Петербургская и некоторые другие губернии одна за другою испрашивали высочайшего разрешения об открытии комитетов и немедленно получали его. Наконец, и в Москве убедились, что государь не отступит от твердо принятого им намерения и что более нельзя уже было медлить и навлекать на себя недовольство монарха и негодование низшего сословия. В речи своей московскому дворянству во время своего пребывания в Москве государь очень справедливо выразил свое неудовольствие на медленность его содействовать высочайшей воле[24]. К тому же у многих благомыслящих людей вследствие более ясных понятий о предстоящих изменениях, усвоенных с того времени, как этот вопрос сделался почти исключительным предметом всех толков и рассуждений, переменилось совершенно мнение, и они, не задумываясь, явили свою готовность согласоваться с видами правительства. Тогда-то и Московская губерния последовала примеру других и вошла с просьбою о высочайшем дозволении учредить Комитет по крестьянскому делу. Это было в конце февраля месяца, около семи недель после того, как состоялся первый об этом манифест[25].

В это самое время я оставил Москву и переехал на житье во Владимирскую губернию, где жили мои родные со стороны покойного отца моего.

Вопрос об уничтожении крепостного состояния так важен для будущего благосостояния России во всех отношениях, что всякому гражданину, любящему свое отечество, нельзя не радоваться тому, что правительство, наконец, приступило к мирному его разрешению, и не желать от всей души, чтобы это грязное пятно в истории общественного русского быта, исказившее его нравствен-

ность и препятствовавшее всем отраслям народного богатства и благосостояния, не исчезло навсегда из русских летописей и не соделалось простым воспоминанием прошедшего. Но надобно также желать и того, чтобы переход из крепостного состояния в свободное совершился мирно, тихо, без всяких потрясений государственного состава, чтобы как те, которые получают новые права, так и те, которые должны им возвратить их, остались в самых лучших между собою отношениях и чтобы собственность и выгоды преимущественного сословия сколько можно менее потерпели от этого общественного изменения. Я не берусь здесь излагать свои о том мысли. Об этом предмете так много толкуют и словесно, и письменно, и дельно, и недельно, что излишним считаю увеличивать своими суждениями как то, так и другое. Люди опытные, понимающие дело гораздо лучше меня, и мне подобные, разберут и объяснят все стороны этого важного вопроса. Я здесь только замечу, кстати, что все то, что теперь об этом пишут, более сорока лет тому назад занимало мысли просвещенных людей того времени и не тайно, а гласно было говорено ими, когда не совсем безопасно было проповедовать подобные истины. Вот что говорится о крепостном состоянии в статистике Арсеньева 1818 г., по которой мы тогда учились:

Крепость земледельцев есть также великая преграда для улучшения состояния земледелия. Человек, не уверенный в полном возмездии за труд свой, вполовину не производит того, что в состоянии сделать человек, свободный от всяких уз принуждения.

Доказано:

а) что земля, возделанная вольными крестьянами, даст обильнейшие плоды, нежели земля одинакового качества, обработанная крепостными. Истина непреложная, утвержденная опытом многих веков протекших, что свобода промышленности и промыслов есть самое верное ручательство в приумножении богатства частного и общественного и что для поощрения к большей деятельности и к большему произведению нет лучшего, надежнейшего средства, как совершенная, не ограниченная ничем гражданская личная свобода, единый истинный источник величия и совершенства всех родов промышленности[26].

В Москве я испытал на себе, до какой степени не обеспечена в России собственность, до какой степени недея-

тельность и равнодушие и отсутствие правосудия в судебных местах покровительствуют обман и безнравственность. Один дворянин, помещик взял у меня с лишком 3 тысячи руб. серебром и в обеспечение этого долга выдал мне законное условие на запродажу леса в имении своей жены, от которой была у него на то доверенность. В скором времени открылось, что эта доверенность была ложная, недействительная. Поступок этот подвергал его лишению всех прав состояния и ссылке на поселение. Сначала я было не хотел его преследовать законным порядком и надеялся, что, одумавшись, он возвратит мне мою собственность. Но вместо того, чтобы окончить это дело без огласки, он скрылся с моими деньгами, и я вынужденным нашел обратиться к судебному месту того уезда, где он имел имение. Поехав туда сам, я узнал, что он не первый уже раз посягает таким образом на чужое достояние и что для того, чтобы лишить кредиторов своих возможности получить удовлетворение, он надавал на всех родственников своих ложные обязательства. После этого безрассудно бы было с моей стороны щадить его, и потому, объяснив в моем прошении его поступок со мной и представив факты, служащие явными тому доказательствами, я потребовал, чтобы с ним поступлено было согласно законам. Дело было явное, чистое. Условие между нами было засвидетельствовано у маклера, им подписано, одним словом, никакие оправдания с его стороны не могли затмить истины, а между тем вот уже около года по этому делу нет никакого решения, деньги мне не возвращают, он проживает свободно и, вероятно, изобретает новый обман, а просьба моя лежит под сукном.

Когда же дождемся мы, чтобы честный человек был огражден от обмана и от ухищрений бессовестных, когда дождемся мы, чтобы в судах наших творилась правда, чтобы судьи были не простыми приказными, заботящимися о своих только выгодах и старающимися из каждого дела извлекать одну только собственную пользу, а защитниками невинных — строгими исполнителями закона. По моему мнению, в этом случае никакие меры и распоряжения правительства не будут в состоянии изменить вековое гибельное направление наших гражданских властей, начиная от высших до последних инстанций. Одна только гласность может помочь этому злу. Действуя на общественное мнение, она одна может заставить лихоим-

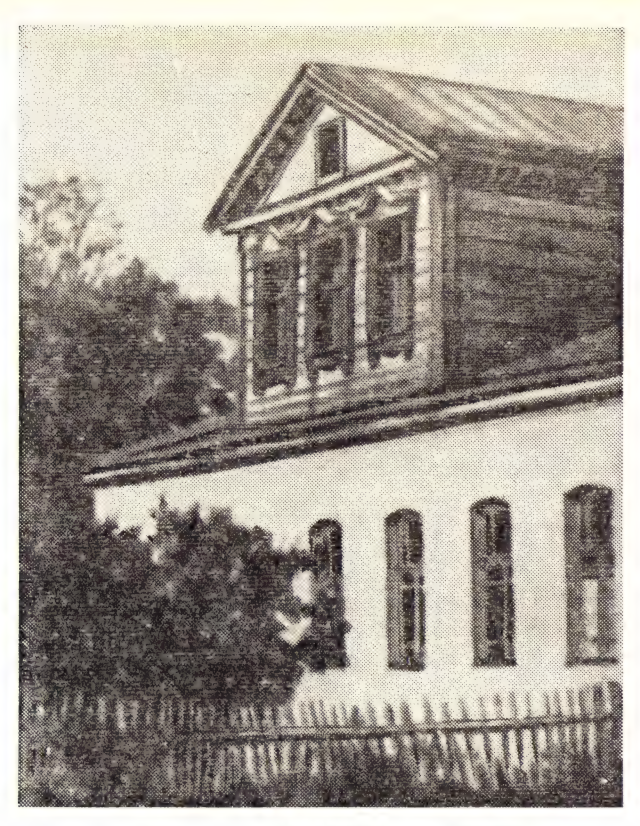
ца и бессовестного исполнителя закона трепетать перед своим трибуналом. Она одна может открывать тайны неправосудия и защитить угнетенных от судебных грабительств.

С другой стороны, самый даже образ нашего судопроизводства подвергает тех, которые по несчастью имеют дела,— к зависимости от суда и произвола их. Низшая инстанция всегда найдет и возможность и причины оправдать себя не только в медленности, но и в несправедливости решений, да и в высших присутственных местах, которым захотели бы приносить жалобы, заседают лица с теми же самыми воззрениями и правилами, как и в низших. Рука руку моет, говорит пословица. Только уже самая вопиющая несправедливость и особенное ходатайство за притесненное лицо могут иногда подвергнуть взысканию несправедливого и погрязшего во взятках судью.

Гласность судопроизводства, свобода обращения к общественному мнению в случае неправосудия, строгий надзор за исполнением судебных обязанностей и, наконец, воспитание юношества в таких правилах, которые бы заставляли их гнушаться лихоимства, могут совершенно изменить теперешнее направление наших гражданских властей.

Приехав в конце февраля месяца в г. Покров, я остановился тут до весны и нашел себе маленькую квартирку. Вскоре двоюродная сестра моя предложила мне купить у нее маленькое имение в 30 верстах от города по Владимирской дороге. В этом имении был небольшой домик и необходимая усадьба с садом и всеми службами. Имение это пришлось мне по мыслям, тем более, что в трех верстах от него схоронены были все мои родные. Я согласился на ее предложение и, уговорившись в цене, решил доживать тут остальной свой век. В конце апреля мы приехали сначала в Липню, деревню вдовы брата моего, и потом к сестре, в купленное мною имение. В начале мая вместе с нею поехали во Владимир и там совершили купчую. Возвратившись, я занялся небольшим хозяйством своим и необходимыми поправками в доме и усадьбе.

Между тем брат жены моей беспрестанно писал к нам и напоминал о данном ему обещании выдать за него Полиньку. Сама она желала этого союза и не переменила

ДОМ Н. В. БАСАРГИНА В ЛИПНЕ

своих мыслей в России. Хотя мы могли бы пригласить его приехать к нам, что он сейчас исполнил бы, но нам хотелось самим посмотреть его образ жизни, узнать покороче его служебные отношения и средства к семейному быту, а потому, не откладывая в долгий ящик, мы решили этим же летом ехать в Сибирь и там окончательно устроить судьбу их, а потом уже заняться устройством и своего существования в России.

10 июня мы отправились в путь. Во Владимир приехал проводить нас другой брат жены моей, служащий профессором в Петербургском университете[27]. Мы там пробыли с ним дня четыре и поехали дальше. В Нижнем думал я застать Пущина, но он выехал оттуда за 2 дня

до моего приезда, и мы с ним разъехались дорогой. Дорохова, Муравьев и Анненков приняли нас, как родных. Свояченицы княжны А. И. Шаховской так были внимательны и любезны со мной и с женой, что я не знаю, как и благодарить их за их доброе к нам расположение. В Нижнем же пришло известие о намерении государя посетить этот город во время ярмарки. Все приготовлялись к его приезду [28].

Анненков, получивши от родных своих часть имения покойной его матери, был уже нижегородским помещиком и потому избран был в члены комитета по крестьянскому делу. Он сообщил мне журнал заседаний комитета, и я с любопытством прочел его занятия. Вообще прения и толки членов показывали незнание парламентских форм и обычаев и переходили часто в личности. Видна также была цель защитить сколько возможно собственные интересы.

Мне посоветовали отправиться до Перми на пароходе и оставить в Нижнем карету, которая могла затруднить меня. Я не совсем благоразумно поступил, отправляясь в этот путь в рессорном экипаже. Вообще в России для дальних дорог тарантас всего удобнее. В нем и поместительнее и даже покойнее сидеть, в случае починки везде можно исправить. Карету же или дормез надобно уже иметь новые и самой прочной работы, а то может случиться, что придется бросить их на станции.

Сообразив это, я решился оставить в Нижнем свой экипаж, сесть на пассажирский пароход и плыть водою до Перми, а там уже купить тарантас. По расчету моему это сохраняло у меня почти столько прогонных денег, сколько нужно было заплатить за него. Стало быть, я все-таки был в выгоде. Сохранил свою карету, приобретал тарантас и избавился с лишком тысячи верст сухопутной дороги, которая по случаю ненастья и гористого местоположения могла быть очень затруднительна.

Пробыв и отдохнув в Нижнем около 10 дней и взяв билеты на пароход «Молодец» общества Меркурий, мы отправились оттуда 26-го июня. Путешествие наше водное было самое приятное, время стояло теплое, общество пассажиров прекрасное. Пароход шел быстро и в шесть дней совершил этот рейс. Прекрасная каюта, удобное помещение, вкусный стол и для чтения два-три журнала. Утром мы гуляли по палубе, проводили время в разго-

ворах и в чтении. После обеда отдыхали и опять выходили на палубу. Вечером составлялся преферанс или приятная и одушевленная беседа, одним словом, не заметил, как прошли все 6 дней, и я, со своей стороны, советую всякому ехать летом из Нижнего до Перми водою, а не сухим путем, который и утомителен, и скучен, и по сравнению гораздо дороже.

В Перми я купил себе прекрасный тарантас и пробыл там два дня. Взяв билет на вольных почтах до Екатеринбурга, мы отправились дальше и, к несчастью, должны были проститься с хорошей погодой. При выезде нашем пошел дождь и не переставал уже до самого Омска. На другой же день дорога испортилась, и мы ехали до Екатеринбурга по страшной грязи и по самой гадкой дороге. Я каждую минуту опасался за наш экипаж и благодарил бога, что не поехал в карете, которая никак бы не выдержала такого пути. Тарантас же наш оказался столь прочным, что не потребовал ни малейшей поправки.

Живши в Сибири, мне не раз приходила мысль о пользе железной дороги между Тюменью и Пермью. Эта дорога соединила бы Сибирь с Россией и доставила бы сбыт всем произведениям первой, увеличив вместе с тем торговые сношения второй. В Перми начинается водное сообщение по системе российских рек, а в Тюмени такое же сообщение по системе сибирских. Соединив железной дорогой эти два пункта, исчезли бы все путевые препятствия между обеими странами *, и обе они только выиграли от этого соединения во всех отношениях своего благосостояния. В особенности теперь, когда Амурский край принадлежит нам и когда для Восточной Сибири открылись новые торговые сообщения с Америкой и другими приморскими державами. Я даже изложил тогда свое об этом мнение в кратком проекте, который привез с собой в Россию и который передал некоторым лицам, и в том числе генерал-губернатору Восточной Сибири графу Муравьеву-Амурскому, видевшись с ним в начале января месяца в Москве [29].

Не зная хорошо местности между Екатеринбургом и Пермью чрез Уральские горы, я не смел говорить тогда об удобствах или затруднениях в отношении устройства этой дороги. Теперь же, проезжая эти места летом, я

* Так в подлиннике.— *И. П.*

воспользовался случаем, чтобы внимательно рассмотреть их, и могу сказать ныне, что Уральский хребет не слишком возвышен, что препятствий больших нет, что местность везде большею частью удобная и что издержки на сооружение железной дороги в этом краю сравнительно не должны быть значительными. Польза же и выгода чрезвычайно важны и велики.

Из Екатеринбурга мы поспели на Шадринск, а не на Тюмень, потому что Тюменская дорога, по случаю ненастья, была очень дурна. Из Шадринска в одни сутки мы поехали в Ялуторовск.

Тут я намерен был остановиться недели на две, чтобы повидаться с прежними знакомыми нашими. Было около полутора года, как я выехал из Ялуторовска, и в это короткое время нашел столько перемен в составе тамошнего должностного общества, что едва отыскал между ними кое-кого из старых знакомых. Обыватели же из купечества и простонародья встретили нас с восхищением. Все, узнав о моем приезде, тотчас же явились к нам и так рады были нас видеть, как будто бы мы были самые близкие им люди. Остановились мы у купца Балакшина, с которым мы были в коротких отношениях и в семействе которого Полинька имела несколько подруг.

Прожив в Ялуторовске очень весело и приятно более двух недель, мы отправились в Омск — окончательный пункт нашего путешествия, ибо там служил брат жены моей и находились многие ее родные. Ненастная погода опять нас преследовала. Дотащившись кое-как до Ишима, мы должны были там остановиться дня на три. Дождь лил ливнем и почти не переставал до самого нашего приезда в Омск. Последний день только небо несколько прояснилось.

По дороге из Ишима до Омска я встретил курьера от генерал-губернатора Восточной Сибири, везшего в Петербург донесение о заключении трактата с китайцами, по которому уступали нам левый берег Амура и утверждалось свободное по нему плавание[30]. Это было большое приобретение и особенно для будущего времени. Муравьев вполне заслуживал признательность правительства своими неусыпными трудами, своими распоряжениями, своею настойчивостью в этом важном для России деле. Он первый возымел мысль овладеть им и наконец окончил с успехом его приобретение. Надобно отдать спра-

ведливость и правительству, которое достойно его наградило [31].

В Омск мы приехали утром 1 августа и остановились у сестры жены моей. Она, муж ее почтенный, добрый старик, и все их многочисленное семейство встретили нас с открытыми объятиями. Нам отвели покойную комнату, и к обеду все родные собрались к нам. Лобызания и шумное общество взрослых и малолетних до того взволновали меня, что я начинал чувствовать приближение своего припадка и потому сей час после стола удалился в свою комнату и оставался один, пока несколько успокоился. Вечером я мог уже принимать к себе и провел несколько усладительных часов в искренней и задушевной беседе с добрыми и близкими мне по чувствам людьми. Жениха, т. е. брата жены, не было в городе, он по службе находился в киргизской степи, и ему сей час дано было знать о нашем прибытии.

На другой день я сделал кое-какие визиты к прежним знакомым, а потом проводил время в своем родственном кругу и в приготовлениях к Полинькиной свадьбе. Кто выдавал дочь или сестру, тот поймет, сколько бывает житейских мелочных хлопот по этому случаю.

Дня через четыре после нашего прибытия в Омск приехал и наш жених из степи. Я не воображал, чтобы он так горячо любил нашу Полиньку. Она, со своей стороны, показывала к нему расположение, но вела себя чрезвычайно пристойно и с достоинством — медлить было нечего. Все, что мы узнали и от родных своих, и от посторонних, говорило в его пользу, следовательно, никаких особенных препятствий, исключая необходимых приготовлений к браку, не было. Мы решились в конце этого же месяца соединить их, провести с ними недель пять-шесть и потом возвратиться осенним путем в свой угол. Хорошего санного пути дожидаться было долго, да и к тому же я боялся сильных морозов, а рано выехать было опасно. В России зимняя дорога начинается довольно поздно.

Я редко выезжал по своему слабому здоровью, но у родных наших к обеду и к вечеру были беспрестанные гости. На сцене был неизменный преферанс, и мы проводили время не скучно. Утро я сидел у себя, читая журналы, жена ездила по лавкам и, возвращаясь, показывала мне покупки. Иногда заходила беседовать со мной

сестра жены, ее муж и его зять — человек очень дельный и умный, занимавший место товарища военного губернатора области сибирских киргизов.

Управление Западной Сибири во время теперешнего генерал-губернатора шло и идет, по пословице, через пень-колоду. Генерал Гасфорд[32] сам по себе человек добрый, честный, но без ясных административных идей. Все делается у него по заведенному порядку. Подписывая бумаги, принимая подчиненных с важностью начальника и рассказывая всем и каждому о своих подвигах военных и гражданских, он воображает, что делает все, что требуется от настоящего государственного человека, каким он себя почитает. А между тем некоторые из его подчиненных, слушая с раболепием его о себе рассказы, управляют им и заставляют делать то, что им хочется. К тому же он не имеет никакой поддержки при дворе и в министерствах, а потому всего боится и хотя не сознается в этом, но видно, что думает только, как бы удержаться сколько можно долее на месте. При таком управлении немудрено, что Западная Сибирь вместо того, чтобы усиленно развивать все отрасли своего благосостояния и улучшать свой нравственный и вещественный быт, остается в самом незавидном положении и служит житницею для чиновников, имеющих должностные места.

В бытность мою в Омске я был очевидцем весьма смешной и вместе с тем прискорбной комедии провинциального унижения и раболепства должностных лиц перед молодым чиновником, присланным из Петербурга по какому-то особенному делу в Западную Сибирь. Это был не более как секретарь Сибирского комитета, юноша, едва только поступивший на службу из школы правоведения. Сам генерал-губернатор и все высшие по нем чиновники, старики генералы, военные и гражданские, друг перед другом старались заслужить и обратить на себя его внимание. Для него делались обеды, вечера, устраивали охоты, представляли на его смотр разные учреждения, даже пожарную команду. Смешно и гадко было смотреть на все эти проделки. Они так живо напомнили гоголевского «Ревизора», с тою только разницею, что там действующими лицами были мелкие, необразованные уездные чиновники, а здесь люди сановные и более или менее понимающие то, что они делали. Юноша этот приходился мне сродни и был у меня. Я не вытерпел и сказал ему,

что все эти фарсы должны его затруднять. Он смешался и отвечал мне, что действительно такое преувеличенное внимание ставит его в ложное положение.

Вот какими людьми управляется обширный и богатый край, находящийся в столь отдаленном расстоянии от центральной высшей власти, что редкие только действия местного начальства могут подвергаться ее контролю. Какое сравнение с управлением Восточной Сибири, конечно, и там много произволу, но, по крайней мере, видны удовлетворительные результаты распоряжений местной власти, видна жизнь и устои общества. В Западной же Сибири, с одной стороны, застой и не согласный с пользой страны порядок управления, а с другой — явное предпочтение личных интересов перед интересами общественными, или, лучше сказать, что управляемые служат только средствами к пользе и выгодам управляющих.

Грустно было мне смотреть на все это, тем более, что я люблю Сибирь — люблю тамошний народ, который, несмотря на свои недостатки, на свои пороки, несравненно смышленее, понятливее и самостоятельнее, чем простонародие в России. Самые даже чиновники не так грязны, как те, которых мне случалось встречать в российских губерниях, по крайней мере, в них более наружного достоинства и приличия. Нужен только человек с головой, с сердцем и с царским доверием, чтобы дать этому краю новую жизнь, новый вид и упрочить его благосостояние. Ознакомясь с местными обстоятельствами, с потребностями и способами этой обширной страны, он вскоре сам увидит то, что необходимо оставить, что изменить и что преобразовать и, наконец, что добавить нового к существующим учреждениям. Самое трудное для него будет находить честных, деятельных и усердных исполнителей.

24 августа была свадьба Полиньки. Это был заключительный акт принятых нами в отношении ее обязательств. В продолжение 10 лет мы свято и добросовестно исполняли их и, наконец, устроили ее будущность, насколько можно представить слабому человеческому рассудку. Если потом не так сделается во всех отношениях хорошо, как мы предполагаем, и союз этот не будет счастлив, я не отдам богу отчет в худых его последствиях. Ей постоянно внушались правила самой чистой нравственности и того, что нужно для счастья семейной

Н. В. БАСАРГИН. ЖУРНАЛ
Лист рукописи. ЦГАОР

жизни, обоим им даны советы, как поступать для того, чтобы избежать житейские невзгоды, и некоторые средства, достаточные для удовлетворения необходимых материальных надобностей. Одним словом, ничего не было забыто, не было оставлено без внимания при этом союзе двух близких нам лиц.

Мне приятно было, что обряд бракосочетания совершил наш почтенный ялуторовский протоиерей Знаменский, которого я привык уважать за его святительские достоинства. Вечером был у нас ужин, на котором присутствовало человек 25 родных и близких знакомых, и на другой день обед. Этим окончились все свадебные празднества. Полиньку нашу все полюбили. В первое воскресенье после свадьбы молодые делали визиты — были и у генерал-губернатора, который на третий же день посетил их и потом вскоре пригласил к себе на бал.

Вскоре мы должны были праздновать и другую свадьбу — племянницы жены моей, молодой девушки одних лет с Полинькой. В этой я и жена были посажеными отцом и матерью со стороны жениха. Жить продолжали мы в доме родных, потому что наших молодых квартира была не так просторна, чтобы нам иметь в ней удобное помещение. Впрочем, мы каждый день были с ними вместе.

Во все время нашего пребывания в Омске ненастная погода не прекращалась. Грязь была страшная, так что в некоторых местах не было прохода, я никуда почти не выезжал и дожидался только ясного времени, чтобы готовиться к обратному пути. Местность Омска самая неприятная. Зелени почти нет, климат нездоровый — ветры летом и бураны зимой располагают к беспрестанной простуде. Сама постройка города дает ему какой-то неопрятный и грустный вид. Пространные площади около крепости и неправильные грязные форштаты кругом не представляют ничего красивого. Жизнь обывателей (должностных военных и гражданских) большей частью официальная и служебная. Десять лет тому назад я прожил в нем два года и был очень рад, когда оставил. Он нисколько не изменился с тех пор, как будто еще постарел.

Наконец время прояснилось. Начались небольшие морозы, и нам медлить было нечего. 25 сентября, простившись с родными и знакомыми, мы отправились

в обратный путь. Полинька с мужем и кое-кто из родных поехали провожать нас до первой станции. Там мы ночевали и на другой день рано утром пустились в дорогу. Бедная Полинька, прощаясь с нами, плакала неустанно и, наконец, упала без чувств в объятия жены. Это проявление ее чувств при ее обычно твердом характере доказывало всю ее к нам привязанность.

До Ялуторовска мы дотащились с грехом пополам. После ненастного времени настали морозы, и мы должны были ехать по замерзшей грязи. В деревнях не было почти проезду. В Ялуторовске пробыли опять более недели и взяли с собою оттуда девушку, которая у нас жила прежде с малолетства и которая теперь просилась с нами в Россию. Теперь я уже навсегда прощался с прежними местами своего пребывания в Сибири и потому с особенным грустным чувством оставлял Ялуторовск и тамошних знакомых своих. До Шадринска мы доехали скоро, оттуда до Екатеринбурга дорога была сносная, но с Екатеринбурга началась сущая каторга. Удивляюсь и теперь, как выдерживал наш тарантас. Иную станцию от 25 до 30 верст мы ехали по 7, 8 и 9 часов, только и просили ямщика ехать тише и тише. Лошадей впрягали нам по пяти и шести, и нередко мы встречали переломанные экипажи и однажды даже были поражены упряжью почтовой кареты. В нее была запряжена двадцать одна лошадь.

Бесспорно, что беспрестанные дожди и ранние холода много испортили дорогу, но все-таки было очевидно, что местные власти нисколько не заботились об ее исправлении. Кучи песку, навезенные давным-давно для поправки дороги, лежали, заросшие травой, и представлялись вроде маленьких холмиков. Попадавшиеся иногда крестьяне с кирками и заступами сидели, ничего не делая, и на вопрос, отчего не работают, отвечали, что они явились по распоряжению земского начальства не за тем, чтобы работать, а так, дня на два—на три, для вида, и по прошествии же этих дней возвратятся домой, о чем у них уже было слажено с начальством. Вот как идет у них управление. А сколько терпят между тем от этого проезжающие и торговля. Мне сказывали, что возвращающиеся с нижегородской ярмарки купцы принуждены были платить на иной станции по 10 и 12 руб. серебром за каких-нибудь 25 верст, за одну тройку. Разумеется,

вместо тройки надобно было впрягать лошадей шесть. Это еще больше убеждало меня в необходимости железной дороги по этому тракту.

Едва в 9-й день после выезда нашего из Екатеринбурга мы прибыли в Пермь. Расстояние же всего 370 верст. Я был весь измучен и должен был остановиться отдохнуть дня два. Пароходство тогда уже прекратилось и, следовательно, из Перми иначе нельзя было ехать, как сухим путем. По Каме уже шел лед, но мы благополучно переплыли ее на лодке и в 13-й день самой мучительной езды, донельзя усталые, прибыли в Казань. К нашему несчастью, на последней станции перед Казанью, где мы остановились ночевать, я и жена так угорели, что едва могли выйти и сесть в тарантас. В Казани вследствие всех дорожных беспокойств и в особенности от угара у меня сделался сильный припадок, который продолжался около суток, так что после этого я едва мог держаться на ногах.

Я спешил оставить Казань. Мне казалось, что тамошний воздух и старинные массивные постройки города, с его узкими улицами, не позволяют мне свободно дышать. И в самом деле, выехав из Казани почти совсем больной, я скоро почувствовал облегчение, а приехав в Васильсурск, совсем поправился, оставалась одна только слабость.

Оттуда мы своротили в сторону от большой дороги, в деревню двоюродной сестры моей, находящейся в Симбирской губернии, пробыли там два дня и потом выехали опять на Нижегородский тракт в знаменитом селе Лыскове. На другой же день 2 ноября прибыли в Нижний, где и остановились дней на пять.

Пребывание государя в Нижнем оставило во всех жителях этого города самое приятное и признательное воспоминание. Он был там донельзя добр, весел и любезен. Его слова нижегородскому дворянству показывают столько же доброты сердца, сколько и твердости в однажды принятых убеждениях. Доброе семейство Муравьева, Дорохова и Анненковы встретили нас, как родные. Занятия Комитета по крестьянскому делу в Нижегородской губернии были уже окончены. В Петербург отправили два проекта. Один большинства, неудобоисполнимый в применении, не облегчающий, а отягчающий участь крестьянам и явно противоречащий смыслу высо-

чайшего желания. Другой, составленный меньшинством членов, более согласный с видами правительства, в более либеральном духе и не столь затруднительный в применении, как первый. Я их читал и полагаю, что последний, особенно если уменьшить предположенную в нем ценность земли, удовлетворительно разрешит трудную задачу уничтожения крепостного состояния в Нижегородской губернии.

8 ноября мы оставили Нижний и уже по льду перебрались через Оку. Дорога была санная, но мы ехали по шоссе на колесах в оставленной мной там карете. Тарантас наш мы дали доехать до Покрова одному знакомому, отправлявшемуся в это время в Москву. Наконец, пробыв 3-е суток во Владимире, мы прибыли 13-го числа вечером в свое сельское уединенное жилище, где предполагаем провести остальные дни свои.

Это имение, как я уже говорил, прежде куплено было мною у моей родственницы, и я не затруднялся приобресть населенную собственность потому только, что крепостное состояние в России уничтожалось и, следовательно, такое владение не противоречило моим понятиям и моим правилам. Купивши ее в мае месяце, я отправился недели через две в Сибирь, стало быть, не имел времени даже ознакомиться с новым своим приобретением. Приехав теперь на житье, я, разумеется, стал вникать во все подробности моего маленького деревенского хозяйства в отношении крестьян и дворовых людей с помещиком, в образ жизни, нравственность, поведение тех и других, в их обязанности, их занятия, одним словом, во все, что составляло их быт и их значение в общественной, семейной жизни. Наблюдения эти занимали меня тем более, что, будучи всегда по теории и по нравственным убеждениям противником крепостного состояния, я мог поверить теперь на самом деле справедливость своих прежних суждений. К тому же при предстоящем разрешении современного вопроса об уничтожении крепостного состояния каждому рассуждающему человеку не мешает знать положение, в котором находится большая часть крепостных людей, и вникнуть в те причины, которые поставили их в это положение.

Если бы я даже никогда не думал о нравственном положении помещичьих крестьян, то и тогда бы одного-двух месяцев деревенской жизни *достаточно было, чтобы*

сделать из меня пламенного приверженца их освобождения. Надобно еще заметить здесь, что родственница моя и родители ее, от которых она получила это имение по наследству, были люди добрые и далеко не такие, чтобы не заботиться о благосостоянии их человеческой собственности. Не менее того все вообще хозяйство, управление, нравственность и понятия всего этого маленького населения представлялись таким хаосом самых явных противоречий здравому смыслу, самых бестолковых идей, самых унизительных проявлений и пороков рабства.

Начну с крестьян: они были на барщине, но на барщине нисколько для них не отяготительной. Каждое тягло обрабатывало в поле менее чем одну казенную десятину. Других работ почти никаких не было, сами же они пользовались по две десятины на тягло, и, сверх того, летом, во время сенокоса и жнитва, созывались из соседних деревень помочи. Каждый крестьянин при таком порядке управления должен бы был благоденствовать, а выходило напротив.

Все они были не скажу бедные, но и не зажиточные. Собственные их пороки были леность, нерадение, в некоторой степени пьянство и в высшей лживость и лицемерие. Не было ни одного, который делал бы что-нибудь охотно, с желанием угодить и исполнить добросовестно. На словах униженность, раболепие, а на деле как бы увернуться от работы, сделать ее кое-как, выйти поздно, уйти рано или совсем не прийти. То, что можно было окончить в день двум-трем человекам, делалось десятью в неделю и то скверно, без всякого старания. Расскажу здесь один случай, который всего лучше объяснит их леность и недобросовестность или, лучше сказать, барщинную работу помещичьих крестьян.

В мае месяце, вскоре после покупки этого имения, я спросил старосту, что теперь делают крестьяне. Дни летние — сложа руки сидеть было бы безрассудно. Он мне отвечал, что кончили только посев ярового хлеба и что теперь недели две с лишком до возки навоза полевой работы не будет, и каждый займется у себя дома. Помещику же они обыкновенно в это время исправляли кое-что по усадьбе, вот и теперь надобно было починить и исправить забор около сада. Я сам осмотрел предполагаемые поправки и спросил, во сколько дней они их кончат. Ответ старосты и крестьян был такой, что дай бог

всей барщине сделать их в две недели. По-моему же, работы тут было двум человекам на пять — на шесть дней. Я велел собрать всех крестьян и предложил им, не хотят ли они на господскую работу нанять, а самим ехать возить лес на кирпичные заводы, что было для меня чрезвычайно выгодно. Они подумали и согласились. Тут же наняли двух человек из своих и дали им за всю работу тринадцать рублей серебром, а сами в течение шестнадцати дней до возки навоза выработали одиннадцать человек с лошадьми 176 р. 50 коп. Вот что значит барщина. Вот сколько пропадает обыкновенно драгоценного для крестьянина времени при невольном, вынужденном труде.

Решившись сколько возможно улучшить их быт, мало-помалу исправить недостатки, вредные для них самих, я оставил, однако же, до разрешения вопроса об уничтожении крепостного состояния прежний порядок, т. е. барщину, чтобы не вводить чего-нибудь нового на короткое только время и чтобы потом с большим знанием дела и всех местных обстоятельств устроить их сколько можно для них выгоднее при новых отношениях между ними и помещиком. Сам же, не входя много в подробности своего хозяйства и не нарушая незавидного прежнего управления, занялся одним только наблюдением за действиями, поступками, нравственностью и сельскими занятиями лиц, составляющих население моего маленького имения.

В самое короткое время я не мог не заметить в крестьянах, и в особенности в дворовых, отсутствия самых простых правил нравственности. Крестьяне не имели к помещику никакого усердия, напротив, старались скорее вредить ему, нежели помогать, даже невзирая на собственный от того ущерб. Так, например, они без спросу и без малейшей пощады рубили небольшой, но единственный в имении лес, который нарочно оставлен был на всякий случай для их же будущих надобностей. Так, насилу могли добиться, чтобы они поправили необходимый для них же колодец, на что материал им был дан господский. Так, для каждой бездельной поделки или часовой работы надобно было посылать десять раз, пока придет тот, за кем посылалось. А работали кое-как — просто смех и горе. Привыкши в Сибири к вольному труду, я невольно возмущался, смотря на их работу. Мне

понадобились один раз две простые форточки в рамах, я послал за лучшим плотником, который прежде сам брал подряд, и что же — он ровно четыре дня делал эти форточки, по вечерам брал свечи и едва, наконец, кончил их. Между тем как тут всей работы было на два — на три часа, и, сверх того, я ему положил за них полтину серебром.

В другой раз я едва в неделю добился, чтобы перевесить дверь, которая неплотно притворялась. Одним словом, грустно и возмутительно было смотреть на все это. Точно так же отправлялась и вся сельская барщинная работа. Земля пахалась дурно. Под малейшим предлогом иные не выходили совсем на работу, а другие приходили позже, а уходили как можно раньше. Ссоры и ругательства с старостой, жалобы его на крестьян и крестьян на него были беспрестанны. Когда же позовешь их и станешь выговаривать, то начнут уверять все в преданности, самая грубая лесть, самые раболепные проявления. Признаюсь, никогда не ожидал я встретить такую полнейшую испорченность в правилах, полное отсутствие всякого понимания честности и своего достоинства как человека, своих даже выгод.

Но это я описал только лучшую половину населения, вторая, т. е. дворовые, были во сто раз еще хуже. Я не мог представить себе, проживши половину века со свободной прислугой, на какой жалкой и вместе с тем испорченной ступени стоит эта многочисленная часть крепостного сословия. Расскажу факты, они лучше объяснят и покажут в настоящем виде весь этот мир и вместе с тем наведут и на причины такого нравственного упадка.

В имении, мною купленном, было одиннадцать человек дворовых мужского пола и одиннадцать женского. Чрезвычайно много для такого незначительного поместья. Человек пять мужчин и столько же женщин имели определенное занятие, например кучер, повар, человек и мальчик для прислуги и скотник. Из женщин прачка, ключница, скотница и две девушки, остальные были без должностей и исполняли то, что заставляли их делать, а делать было ровно нечего. Все они были на месячине и маленьком жалованье и получали, по-моему мнению, не совсем достаточно. Правда, что у них оставалось много свободного времени и если бы они были ремесленные

люди, то могли бы порядочно зарабатывать, но мне кажется, что не должно этого брать в расчет при назначении содержания прислуги, и потому я опять повторяю, что тем, что они получали, довольны быть они не могли. Родственница моя, женщина уже немолодая и несколько старого века, оставляла все, как оно было прежде — тридцать лет тому назад, и потому ей, может быть, не приходило и в голову, что для настоящего времени недостаточно того, что для прежнего было довольно.

Впрочем, дворовые хоть и были недовольны содержанием, но не роптали, а хотя иногда и роптали, но самой госпоже не жаловались. Напротив, в глаза превозносили ее до небес. И в самом деле, она действительно была женщина добрая, то они делали, что хотели, и пополняли свои недостатки, чем и как только могли. Господская собственность считалась ими за ничто — вечно смотря на нее как на средство ловко (а иногда даже и очень неловко) отделить от нее для себя частицу. Таким образом укоренился между ними порок, не скажу воровства (потому что они, вероятно, не считали его таковым), но недобросовестности или нечестности.

При продаже этого имения родственница моя объявила мне, что всем дворовым людям даны ею отпускные, которыми, однако, они могут воспользоваться только по ее смерти. Я же уговорил ее дать эти отпускные немедленно, на что она и согласилась. Стало быть, войдя во владение, я нашел дворовых людей не крепостными, а свободными.

Их было так много для меня, по моему образу жизни и по маленькому моему хозяйству, что я было хотел сначала оставить только половину, а остальных уволить. Но между ними были люди, которые уже давно служили и которым трудно бы было найти себе место, и потому я решился до времени оставить всех и предложить каждому из них свои условия насчет его обязанностей и содержания. Например, повару кроме достаточной месячины я назначил 4 р. серебром в месяц, двум людям при помещиках по 3 руб. и т. д.

Сравнительно с прежним их содержанием это было несравненно более, и я полагал, что они не только будут довольны, но обрадуются такому распоряжению. Вышло, однако же, напротив. Сейчас у них явилась мысль, что они мне необходимы и что без них я не буду знать, что

делать, и потому все почти объявили, что плата эта для них недостаточна. Когда же я сказал им на это, что более дать не могу и что если они недовольны, то могут приискивать себе другого хозяина, а что я, со своей стороны, также найду другую прислугу, то они, потолковавши между собою и поразузнавши на стороне о жалованье служителям, явились ко мне через несколько дней с искренней просьбою позволить им остаться с изъявлением полной готовности служить за назначенную им мною плату.

Хотя поступок этот доказывал мне ясно их недобросовестность, но, не желая лишать их верного места, а некоторых даже куска хлеба, я оставил у себя не только тех, которые были мне нужны, но даже излишних.

Вскоре потом я заметил, до какой степени была развита между ними зависть и недоброжелательство друг к другу. Те из них, которым по их летам и по их обязанностям и предложено было меньшее жалованье, стали завидовать получавшим более и не упускали случая наговаривать на них. Разумеется, я с первого же раза вывел на чистую воду их сплетни и тем прекратил навсегда это повсеместное обыкновение деревенской дворни.

Беспорядочность и лень были отличительными чертами этого жалкого народа. Если случалось, что приказывают кому-либо, все находившиеся тут бросались как сумасшедшие, перепутывали все на изворот и потом оставляли без исполнения до тех пор, пока не повторишь десять раз одного и того же. Догадаться сделать, исправить что-нибудь и не дожидайся. Самые даже простые обязанности исполнялись медленно, неохотно или так, чтобы только показать свое мнимое усердие. Сколько раз случалось мне заметить, что одну и ту же комнату мели три или четыре человека в продолжение одного часа и в то же время ни один из них без особенного приказания не заботится прибрать в сенях, закрыть порядком ставни или закрыть как следует печь.

Неопрятность и неряшество их тоже возмущали меня. Нельзя представить себе, до какой степени понятие о чистоте было далеко от них. Многого мне стоило добиться до того, чтобы они хоть сколько-нибудь соблюдали чистоту и около себя и в том, чем каждый занимался по своей обязанности.

Но все эти недостатки не значили ничего в сравнении

с их лживостью. Странно, до какой степени порок этот развит в людях крепостного состояния. Это я даже замечал и прежде в так называемых господских домах. Стоит только спросить господину своего дворового служителя о чем бы то ни было, можно быть наперед уверенным, что в ответе необходимо будет большая или меньшая ложь. Ему, вероятно, сейчас представляется, что вы спрашиваете его с какой-нибудь целью, и он ответит вам так, чтобы вы не могли узнать истины. И это даже не в каком-либо важном, до него касающемся обстоятельстве, а так при каждом незначительном вопросе.

Сколько раз я мог поймать свою прислугу в этой лжи, но мне совестно было обличать их, и я молчал, подавляя в себе неприятное чувство, а они, кажется, думали, что нет ничего легче, как меня обмануть. Если что изломается, разобьется, то уже не ищите виновника, хотя все и уверены, что не только взыскания, но даже выговора не будет. Если же станете доискиваться, боже упаси, поднимется шум, глупые уверения в усердии, укоризны друг на друга и общее недовольствие, а все-таки вы не добьетесь истины, и выйдет, что вещь разбилась или изломалась сама.

Не мог я тоже привыкнуть к их образу выражаться и говорить со мной. Привыкнув обходиться с людьми свободными, я был в Сибири для служителей моих никто более, как старший в доме, т. е. хозяин, с которым они заключили взаимно-обязательные условия: с одной стороны, служить и исполнять все в разумной мере то, что от них требуется, а с другой стороны, получать за то положенное вознаграждение и удовлетворительное содержание. Если обе стороны были друг другом довольны, то не расставались десятки лет, в противном случае очень полюбовно рассчитывались и расходились.

В отношениях наших соблюдались только такие формы, которые для них не были унизительными, а в отношении меня в должной степени вежливы и благопристойны. Здесь же, напротив того, их способ выражаться и вообще образ их сношений со мной был до того унизителен и раболепен, что я не раз возмущался им, и мне многого стоило, чтобы, наконец, приучить их к простой обходительности со мной. Например, господская рука была не рука, а ручка, не нога, а ножка, господин не ходит, не ест, не пьет, а изволит ходить, изволит кушать,

изволит забавляться, изволил занемочь и т. д. Как-то раз я заметил одной женщине, что ее выражения неправильны, что ручки только у детей и что слово «изволил» не идет к такому действию, которое совершилось против желания, например: упасть и ушибиться. Она с удивлением посмотрела на меня и отвечала, что я, конечно, изволю шутить, что рука у простонародия, а у господина ручка и что нельзя про них говорить иначе, как с прибавлением *изволил* ко всему, что они делают и что с ними случается.

Признаюсь, я долго не знал, как приступить к изменению в них этих форм, а надобно было начинать с этого, чтобы дойти, наконец, и до постепенного уничтожения их нравственных недостатков. Решившись жить в деревне и находясь по своим летам и своему расстроенному здоровью вне круга общественной деятельности, я считал обязанностью своей принести хоть маленькую пользу человечеству, действуя с благонамеренной целью на крошечную его частицу, меня окружающую. Задав себе задачу улучшить их вещественное благосостояние и нравственные качества, я ни на минуту не уклонялся от этой цели и согласовал с нею свои действия. В этом отношении мне помогло одно обстоятельство: мы привезли с собой из Сибири девушку, которая у нас жила с самого малолетства и так к нам привыкла, что сама просилась ехать с нами в Россию. Она почти выросла в нашем доме и была, так сказать, нами воспитана. Мы обходились с нею не как с простою служанкою, а как с верным и преданным существом. Ее же обращение с нами было самое простое, ровное, без всякого раболепства и унижения. Сначала моя новая прислуга с удивлением смотрела на наши отношения с этой девушкой. Им было странно, непонятно, как могла она сидеть, когда я или моя жена входили в комнату, как она при каком-нибудь поступке не целовала руки и не затрудняясь просила, что ей было нужно, а главное, как могла она быть с нами откровенной в случае какой-либо неосторожности или даже ветрености. Их изумляло то, что мы никогда на нее не сердились и если и приходилось делать иногда выговор, то делали его покойно и ласково. Привыкши к своим понятиям, они пытались, хотя и неудачно, сбить ее с толку и лгать так же, как лгали сами. Но она благоразумно отвечала им, что так вести себя с нами не привыкла, да этого и не

было нужно, потому что мы легко извиняли ей всякую ошибку, ложью же и неправдою можно как более огорчить и потерять наше доверие. Такой очевидный пример не мог на них не подействовать благодетельно, хотя первоначально и смешивал их понятия.

Не прошло и трех месяцев, как я стал замечать в них видимую перемену к лучшему, сплетни и наговоры друг на друга прекратились, уменьшились и наклонности к вину. Появилось непритворное желание угодить, исполнить порядочно то, что требовалось от них, и, наконец, стала заметна некоторая искренность. С моей стороны в этом случае не было употреблено не только каких-либо строгих мер, но никогда не было даже выговора. Я только старался показать им, что обман и всякие недостатки я замечаю и хотя с неудовольствием, но снисходительно переношу все как необходимое следствие их прежних обычных наклонностей.

С крестьянами я вел себя с большей обдуманностью и желал развить в них чувство справедливости, старался даже в самых обыкновенных случаях соблюдать строгое беспристрастие. Так, например, несмотря на то, что они были на барщине, я не употреблял их, кроме определенных занятий, ни на какие произвольные господские работы. А если и случалось иногда прибегать к их труду, то платил им как вольным.

Вместе с тем я требовал от них, чтобы то, что они должны были делать, делалось хорошо и чтобы никто без особенной причины не уклонялся от своих обязанностей. Вместе с тем явным образом отличал тех, которые вели себя добросовестно. Каждая их добровольная мне услуга не оставалась без заметки и вознаграждения.

Более четырех месяцев я не прибавлял ничего к моим записям. Летнее время и некоторые занятия по устройству моего жилища и хозяйства отвлекали меня от этого. Надобно было также совершить маленькие путешествия в Тульскую и Тамбовскую губернии. В первой я купил для моей племянницы небольшое имение, принадлежавшее нашему роду, а во вторую нужно было съездить, чтобы повидаться с двоюродным братом, с которым некогда мы были очень дружны, даже вместе воспитывались. Кроме того, у нас были с ним и семейные дела. Путешествие наше было самое приятное, погода стояла

прекрасная, и мы с женой вполне наслаждались отличным в этом году летним временем.

В это время получил я прискорбное известие о смерти нашего товарища Пущина, одного из лучших моих друзей. Он был почти одних со мною лет и пользовался всегда прекрасным здоровьем. Я подозреваю, что некоторые нравственные причины по приезде его в Россию имели гибельное влияние на организм. В продолжение всех трех лет он постоянно был болен и жил в деревне, отказываясь от общества, которое он всегда любил.

Мне не удалось видеться с ним в России, и кончина его меня крайне огорчила. Вскоре я узнал также и о смерти Бригена. С тех пор как мы возвратились в Россию, пятеро из наших, оставивших вместе со мною Сибирь, уже не существуют. Якушкин, Тизенгаузен, Пущин, Бриген и А. В. Ентальцева. Мир праху их!

До поездки моей в продолжение весны и части лета я занимался улучшением моей усадьбы и переправками в доме. Работали большей частью свои крестьяне, но я им платил за все по высокой цене, а как в этот год по случаю сооружения железной дороги заработная плата была очень высока, мне же откладывать постройку было невозможно, ибо в доме почти нельзя было жить, то и приходилось платить очень дорого. Плотник, даже посредственный, получал в сутки не менее 80 копеек серебром. Крестьяне сначала было не совсем охотно нанимались на мою работу, опасаясь, что я не дам им настоящей цены и буду засчитывать барщину. Но когда увидели, что я поступаю добросовестно и выгода вся на их, а не на моей стороне, то упрашивали даже меня не нанимать посторонних, а оставлять работы за ними.

Жизнь моя в деревне была чрезвычайно приятна и покойна. Занятия на постройке, в саду, по маленькому моему хозяйству, переписка с родными, знакомыми и друзьями, чтение книг и журналов, которые по случаю важных событий, совершавшихся в России, и по дозволенной им правительством свободе говорить и рассуждать обо всем без большого стеснения не могли не быть занимательны[33]. Кое-какая работа умственная и, хотя не частые, посещения родных и соседей — все это наполняло время и не допускало скучать. К тому же и политические европейские дела в этом году представляли много интересного для мыслящего человека. Война итальянская, по-

ложение самой Италии, политика и действия правительства французского, австрийского, английского и других государств доставляли беспрестанную пищу для размышлений и разговоров[34].

По возвращении моем после поездки в Тульскую и Тамбовскую губернии я прожил месяца полтора в деревне, где в это время начались и продолжались летние работы, сенокос, жнитво и посев хлеба, в половине же августа отправился я опять с женой в Смоленскую губернию для свидания с Барышниковым, приехавшим в это время из чужих краев. У него мы пробыли до начала октября и провели время самым приятным образом. Независимо от дружеского и образованного общества мы пользовались всеми удовольствиями роскошной сельской жизни. Вечерами слушали превосходную музыку, гуляли в его обширном и прекрасном саду, ели бесчисленное множество фруктов, в дружеской беседе незаметно проводили время.

3 октября я выехал от него через Москву в Виреево. В Москве пробыли только два дня. Без всякой причины у меня сделались припадки одышки, так что я во все время не мог никуда выйти из комнаты. Волконский, Трубецкой и С. Н. Бибикова навещали меня. Как только я почувствовал себя несколько лучше, то спешил выехать из Москвы, где воздух казался мне удушливым.

В Покрове мы получили грустное известие о смерти свояка моего Я. С. Капустина, бывшего председателем казенной палаты в Тюмени. Весть эта очень огорчила нас, особенно жену. Сестра ее осталась после него с огромным семейством и с самыми недостаточными средствами.

Возвратясь в Виреево, мы вели жизнь самую уединенную. Погода в это время стояла такая, что нельзя было никуда выйти. Во время отсутствия моего работы на железной дороге хотя и подвинулись, но не так, как я ожидал. Вообще заметно по управлению Главного общества железных дорог большое нерадение. Много пройдет еще времени, пока у нас в России акционерные общества станут заниматься своими делами добросовестно и представят отчеты и действия свои со всею гласностью на суд общественного мнения, да и самое это мнение еще не образовалось в такой степени, чтобы контроль его был всемогущ — как в Англии. Принятая пра-

ДОМ, В КОТОРОМ БАСАРГИНЫ ЖИЛИ В МОСКВЕ
(Тверской бульвар, 15)

вительством в это время финансовая мера о пяти процентах и прекращении помещения частных капиталов в Опекунский совет [35] весьма благодетельно должна подействовать на наши финансы и частные капиталы, которые до сих пор лежали в банках, не принося государству той пользы, которую можно от них ожидать, и доставили владельцам их без всякой с их стороны деятельности незначительные доходы. Эта мера принята была всеми благомыслящими людьми с признательностью и возбудила некоторый ропот в одних только закоренелых в предрассудках и убеждениях, т. е. лицах, не желающих ничем заниматься, кроме своего собственного существования. Вообще все лучшие и передовые журналы отдали ей полную справедливость [36]. Крестьянский вопрос также подвигается к окончанию. В последнем номере «Московских ведомостей» есть уже об этом положительные известия [37]. Все, и особенно люди, сочувствующие этому благодетельному и великому перевороту, с нетерпением ждут окончательной развязки, которая совершенно преобра-

зует наше сельское хозяйство. Даже у меня в маленьком имении моем в ожидании этой развязки все остановилось в самом вредном для хозяйства положении. Перемену к улучшению делать нельзя, потому что было бы неблагоразумно вводить что-либо новое на несколько дней, а между тем старое до того дурно, что из рук вон. Сверх того, при настоящем ожидательном положении оно сделалось еще хуже. Крестьяне и дворовые, смотря на свой теперешний быт как на временный и ожидая конца теперешнему порядку, нисколько не заботятся об исполнении своих обязанностей.

Конечно, можно бы принудить их к тому, но для этого надобно вмешивать местную власть и принимать меры, которые противны моим правилам, а потому я и смотрю на все сквозь пальцы, стараясь кое-как поддерживать хозяйство миролюбивыми и кроткими убеждениями, весьма часто не ведущими ни к какому удовлетворительному результату.

Говорят, что в январе последует окончательный манифест о крестьянском деле. Помоги бог доброму государю нашему совершить это дело на благо России.

На днях я прочел в «Русском вестнике» замечательные статьи Безобразова об аристократии и интересах дворянства [38]. Все, что говорится в них, так дельно и так справедливо, что чувствуешь особенное удовольствие, читая их. До сих пор нигде мне не случалось встречать такую ясность в изложении, такую, как в этих статьях. Много на своем веку прочел я и политических, и экономических, и другого рода творений, рассуждавших о тех же предметах, но никогда не случалось мне находить такие добросовестные и вместе с тем убедительные доказательства непреложных истин общественного устройства.

Можно ли было ожидать пять лет тому назад, что у нас в России будут не только так писать, но даже и печатать. Вот что значит некоторая свобода мысли и слову!

На какой бы высоте находилась теперь Россия, если бы настоящий порядок существовал уже 35 лет, если бы прошедшее царствование шло тем самым путем, которым следует новое.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ ДЛЯ КОЛОННОВОЖАТЫХ И ОБ УЧРЕДИТЕЛЕ ЕГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МУРАВЬЕВЕ[1]

Недавно случилось мне прочесть краткую биографию генерал-майора Николая Николаевича Муравьева[2], изданную в 1852 году некоторыми из бывших его воспитанников. Она была напечатана в немногих только экземплярах и предназначалась как предмет воспоминания для тех, кто находился некогда в его учебном заведении[3]. Будучи одним из воспитанников этого заведения, я с истинным удовольствием прочёл эту маленькую брошюру, напоминавшую мне давно минувшее былое. Вместе с тем она подала мне мысль изложить некоторые собственные мои воспоминания о незабвенном для меня корпусе колонновожатых и о достойном во всех отношениях его учредителе и начальнике.

Сорок два года тому назад я приехал в Москву семнадцатилетним юношей, чтобы начать свое служебное поприще. Не имея определенной цели, при весьма недостаточном образовании, без всякой протекции и при материальных средствах самых ничтожных, но с пламенным желанием посвятить себя умственному и честному труду, я некоторое время не знал, на что решиться и как начать свой трудный путь самостоятельной жизни. Матери у меня не было (я лишился ее три года тому назад), и с ее кончиною прекратилось мое ученье. Три лучшие года юности я, как говорится, бил баклуши у отца в деревне. Он был человек уже пожилой, чрезвычайно добрый, но с устарелыми помещичьими понятиями и считал образование скорее роскошью, чем необходимостью. Я же сам, достигнувши 17-летнего возраста, позаботился о том, чтобы сделать из себя что-нибудь годное. Когда я передал отцу мое намерение, он не противился, с чувством благословил меня и снабдил небольшою суммою денег.

Прибывши в столицу, я сообразил мои финансовые средства и, уверившись, что при строгой экономии я могу кое-как прожить ими год-другой, решился поступить вольным слушателем в Московский университет, чтобы потом держать экзамен. Явясь к тогдашнему ректору И. А. Гейму[4], я получил от него записку о дозволении посещать лекции. На другой день рано утром я был уже

в классе, но, пришедши гораздо прежде профессора, так был возмущен неприличным поведением и дерзостью некоторых подобных мне юных слушателей, что с прискорбием должен был отказаться от университетских лекций и возвратился домой, не зная, что с собою делать.

Я уже было хотел поступить на службу в Сенат и оставить намерение докончить свое воспитание, но, встретясь случайно с А. А. Тучковым[5], только что произведенным по экзамену из пажей в офицеры Квартирмейстерской части, и узнав от него о существовании корпуса колонновожатых, в котором тогда воспитывался его родной брат, я решился поступить в это заведение. Тучков по просьбе моей согласился охотно сам представить меня генералу Муравьеву.

На другой день поутру мы отправились с ним к Николаю Николаевичу. С первых слов этого доброго и достойного человека нельзя было не почувствовать к нему сердечного влечения. Расспросив меня с участием обо всем, до меня относящемся, и вникнув во все подробности моего положения и моего воспитания, он с отеческою заботливостью объяснил мне все, что требуется для поступления в корпус и что ожидает каждого из воспитанников его при хорошем или худом прилежании и поведении. К счастию моему, рассказав ему откровенно мои скромные познания в русском и французском языках, в истории, географии и арифметике, я был им обнадежен, что они достаточны, чтобы выдержать экзамен для поступления в его учебное заведение, и он тут же согласился принять меня учащимся с тем, чтобы, по представлении свидетельства о дворянстве, допустить к испытанию в колонновожатые.

В следующее утро я уже сидел на классной скамейке. Преподававший офицер (Н. Ф. Бахметев) был предуведомлен генералом и, сделав мне легкое испытание в арифметике и русской грамматике, объявил, что я поступаю в его класс, т. е. последний или, лучше сказать, малолетний.

В этом классе я был старше всех летами, и, признаюсь, мне было как-то совестно сидеть с детьми. Всех нас было человек около тридцати. Класс наш был самый шумный и далеко не отличался прилежанием. Преподавателю стоило много труда объяснять ученикам предмет свой и наблюдать за тишиною в классе. Юные товарищи

мои, из коих некоторые были богатые матушкины сынки, не очень боялись своего наставника, который, в свою очередь, был еще сам так молод, что легко понимал их невнимательность к его увещаниям и снисходительно извинял многое. Самое главное наказание было: оставление в классе без обеда. Редко проходил день, чтобы кто-нибудь не подвергался этому наказанию.

Помню, с каким, бывало, уважением мы смотрели на воспитанников высших классов и как завидовали, смотря в двери, до прихода офицера, на учащихся 3-го класса, когда они повторяли свои уроки, чертя мелом на черной большой доске геометрические фигуры или решая алгебраические задачи. Все это казалось нам недоступною премудростию. И как благодарны мы были, когда кто-нибудь из них приходил к нам и с самодовольною улыбкою объяснял какое-нибудь нехорошо понятое нами правило арифметики.

В корпусе было всего пять классов: четвертый класс, или самый последний (в брошюрке он назван приуготовительным), 2-е отделение третьего класса, 1-е отделение третьего класса, второй и первый. В год проходился весь курс математики, необходимой для офицерского экзамена, так что колонновожатый, который выдерживал каждый раз переводный из класса в класс экзамен, мог пройти весь курс в один год и удостоиться испытания к офицеры. Но если кто хотя один раз оставался в прежнем классе, тот уже только в следующий год мог быть выпущен. Вот почему юные товарищи мои в 4-м классе не слишком заботились об учении. По летам их нельзя было произвести в офицеры, и потому они не старались переходить в высшие классы. Что же касается до меня, то, сознавая всю пользу и собственную выгоду в прилежном учении, я решился во что бы то ни стало выдерживать каждый раз переходные экзамены, и как я вступил в корпус при начале курса, то и надеялся в течение года пройти все, что требовалось для офицерского экзамена.

Кроме математики преподавались и другие науки. В 4-м проходилась или, лучше сказать, повторялась русская грамматика, священная история, кроме того, мы писали под диктовку по-русски и по-французски и занимались черчением и ситуационною рисовкою. В 3-м — российская и всеобщая история, география, полевая фор-

тификация и рисовка. Во 2-м — долговременная фортификация, всеобщая история, черчение и рисование планов, правила малой и средней съемки с объяснением употребления инструментов. Наконец, в 1-м — тактика, краткая военная история, геодезия, правила большой съемки *. Военную историю и тактику читал сам генерал, и надобно было видеть, с каким всегда удовольствием шли к нему в класс. Объяснял он чрезвычайно ясно, говорил увлекательно, примешивал в свою лекцию множество любопытных и поучительных анекдотов из своей долговременной военной жизни, и все это передавалось им с таким добродушием, с таким знанием дела и понятий каждого из его слушателей, что его лекции считались не учением, а скорее отдохновением и приятною поучительною беседою.

Сначала мне было очень трудно не отставать от преподавания и идти вместе с теми, которые слушали его во второй и третий раз. Я просиживал целые ночи за учебными книгами и за грифельною доскою. Во 2-е отделение 3-го класса я выдержал испытание хорошо и был переведен, но в этом классе, где по части математики все было для меня ново, требовались с моей стороны большие усилия, чтобы не отставать от преподавания. Напряженные занятия, ночи, проводимые без сна, тревожная забота, чтобы выдержать предстоящий экзамен,— все это подействовало на мое слабое и без того здоровье. К этому присоединилась простуда, и я серьезно занемог грудною болезнью и кровохарканьем.

Делать было нечего, следовало лечиться и оставаться дома**. Но и тут я не хотел запускать ученье и оставлять надежды на переход в следующий класс. Подружившись с некоторыми из колонновожатых высших классов, я просил одного из них ежедневно навещать меня и повторять со мною каждую новую лекцию, без меня пройден-

* Распределение предметов преподавания впоследствии несколько изменилось, как видно из упомянутой брошюры, а равно часы преподавания и другие подробности.

** Жили мы по своим домам и ежедневно ходили в классы, в дом генерала. Колонновожатые — как юнкера — не имели права ездить, а должны были ходить пешком и только в 15° морозу позволялось им надевать шинели. Я строго соблюдал эти правила (с конца января 1818 г. я был уже колонновожатым) и простудился, путешествуя четыре раза в день, в одном мундире, от Каменного моста на Большую Дмитровку и обратно.

ную. Вместе с тем я обложил себя учебными курсами и таким образом на болезненном одре следил за преподаванием. Надобно заметить здесь, что в нашем заведении между взрослыми воспитанниками существовала такая связь и такое усердие помогать друг другу, что каждый с удовольствием готов был отказаться от самых естественных для молодости удовольствий, чтобы передавать или объяснять товарищу то, что он или нехорошо понимал, или когда случайно пропускал лекцию. Сами даже офицеры на дому своем охотно занимались с теми, кто просил их показать что-нибудь непонятное им. Случалось даже обращаться за пояснениями к самому генералу, и он всегда с удовольствием удовлетворял нашу любознательность. Этот дух товарищества и взаимного желания помогать друг другу был следствием того направления, которому он умел подчинить наши юные умы.

В это время помощником генерала и инспектором классов был его сын, штабс-капитан гвардейского Генерального штаба М. Н. Муравьев, нынешний министр государственных имуществ[6]. Он заметил, что некоторые из колонновожатых в низших классах иногда ложно сказываются больными и пропускают лекции, свободно гуляя по столице. Для прекращения этого беспорядка он испросил у отца своего разрешение отправлять показывающихся больными в военный лазарет. Это распоряжение сильно оскорбляло наше самолюбие, и мы считали его в высшей степени несправедливым. Как нарочно, я занемог в это самое время и получил записку от дежурного офицера, что если завтра не явлюсь в классы, то буду отправлен в больницу. Такая строгость сильно меня огорчила. Мне казалось, что прилежанием моим я представил достаточное ручательство в моем ревностном желании учиться и что распоряжение, относящееся более до малолетних учеников, не следовало бы применять ко мне. Сверх того, по общему понятию, отправление в больницу унижало меня в глазах прочих. К тому же в лазарете я не мог продолжать своих домашних учебных занятий, да и товарищ мой не мог уже посещать меня. Все это ужасно как меня взволновало, и, не зная, как поступить, я решился отправиться прямо к генералу и объяснить ему мое положение. Хотя тогда мне уже сделалось несколько лучше, но я был еще так слаб, что едва мог одеться. По бледному, исхудалому лицу моему

можно было судить о моей тяжкой болезни. Идти пешком я не мог и на этот раз считал себя вправе нарушить запрещение ездить. Закутавшись в шинель, сел я на извозчика и велел ехать прямо к Николаю Николаевичу. Это было после обеда. Я подъехал к крыльцу; никого не встретив и войдя в залу, попросил дежурного доложить о себе; генерал сейчас же вышел и, увидев меня, с сожалением и участием спросил, что мне надо. С волнением, почти со слезами, рассказал я ему об оскорблении, которое чувствовал, и о том, как мало заслужил подобную строгость. Добрый Николай Николаевич, видя, что я говорю правду и что лицо мое служит явным этому доказательством, старался меня успокоить, обещая до совершенного моего выздоровления оставить меня дома, не требуя никаких донесений и доказательств о моей болезни. Он обещал вместе с тем сказать об этом сыну и в заключение взял с меня слово не выходить с квартиры до тех пор, пока совсем не оправлюсь.

Успокоенный его словами и участием, я возвратился домой в веселом расположении духа. Как будто целая гора свалилась с плеч моих. После этого я продолжал лечиться и по-прежнему заниматься. Когда же выздоровел, то наступила уже масленица, и в классах начались экзамены. Явясь к генералу, я рассказал ему, что в продолжение болезни учебные занятия мои не прекращались, и просил дозволить мне вместе с прочими держать экзамен в 1-е отделение 3-го класса, с тем, однако ж, чтобы мой экзамен отложить до первого дня великого поста, потому что в свободные дни масленицы я успею еще лучше себя к нему приготовить. Он охотно согласился на это, и таким образом, благодаря снисходительности Николая Николаевича, его участию к моему положению, а вместе с тем и радушному усердию моего товарища, я перешел в свое время в высший класс.

Все это я говорю для того только, чтобы показать, как добр и снисходителен был Николай Николаевич, как он знал каждого из своих воспитанников и как умел привлечь к себе их сердца. Найдутся, конечно, люди и теперь, а тогда их было еще больше, которые утверждают, что одною только строгостию можно дойти до хороших результатов при воспитании юношества. Генерал Муравьев и его учебное заведение служат неопровержимым доказательством противного. Без преувеличения можно

сказать, что все вышедшие из этого заведения молодые люди отличались — особенно в то время — не только своим образованием, своим усердием к службе и ревностным исполнением своих обязанностей, но и прямотою, честностью своего характера. Многие из них теперь уже государственные люди, другие — мирные граждане; некоторым пришлось испить горькую чашу испытаний [7], но все они — я уверен — честно шли по тому пути, который выпал на долю каждого, и с достоинством сохранили то, что было посеяно и развито в них в юношеские лета.

При поступлении моем в корпус колонновожатых штаб его был следующий: начальником ген.-майор Н. Н. Муравьев, помощником его сын, гвардии Генерального штаба штабс-капитан М. Н. Муравьев; офицерами-преподавателями: гвардии подпоручик Петр Иванович Колошин, Квартирмейстерской части подпоручик Христиани, Вельяминов-Зернов и Бахметев. Вскоре был второй выпуск. Из вновь произведенных были оставлены в корпусе прапорщики Зубков, Крюков и князь Шаховской. Бахметев же и Вельяминов-Зернов выбыли из корпуса. В 4-м классе математику преподавал сначала Бахметев, а потом Зубков и временами кн. Шаховской. В обоих отделениях 3-го класса Крюков и князь Шаховской, во втором Христиани, в первом Колошин. Тактику читал сам генерал, полевую и долговременную фортификацию Колошин. Он же и Шаховской — всеобщую и русскую историю и географию. Рисование и черчение сначала Христиани, а потом прикомандированный к корпусу капитан Диаконов. Сверх того, Колошин и Христиани исправляли по временам должность помощника инспектора, а прочие офицеры по очереди дежурили по корпусу. Летом 1818 года колонновожатый Лачинов, бывший в Персии с генералом Ермоловым, был произведен за отличие и оставлен при корпусе.

С ноября до начала мая корпус находился в Москве. Классы и чертежная помещались во флигеле дома, принадлежавшего генералу, на Большой Дмитровке. Самый дом был тогда занят Английским клубом, и одну из пристроек его на дворе занимал Николай Николаевич. Все колонновожатые и офицеры жили на своих квартирах. Первые получали по 150 руб. асс. в год жалованья, а последние по чинам их. Классы начинались в летние месяцы в 8 часов утра, а в зимние в 9 и продолжались

до 12 и до часа. После обеда же от 2 до 6-ти. Следовательно, учились всего восемь часов в день. Математические лекции были ежедневно по одной для каждого класса, но иногда и по две. Рисовальный общий класс тоже каждый день. Прочие по три раза в неделю; но иногда случалось, что и последние преподавались ежедневно. Вообще на это не было положительного правила. Так как все предметы преподавались по программе, то случалось иногда, что в одном предмете преподаватель оканчивал курс, а в другом он же, или другой, был еще далеко от конца. Тогда лекции последнего учащались. Наблюдали только, чтобы к приблизительно назначенному времени преподавание всего, что входило в программу каждого класса, оканчивалось одновременно, и тогда начинались переводные экзамены. Те, которые выдерживали их, поступали в высший класс, а с оставшимися и вновь поступившими из низшего класса начинался прежний курс. В мае месяце колонновожатые отправлялись под надзором офицеров в село Осташево — имение генерала Муравьева в 100 верстах от Москвы, по Волоколамской дороге. Там размещались они в деревне по крестьянским квартирам. В то же время приезжал туда и сам генерал. Тут начинались летние занятия, фронтовое ученье, съемка и т. д. Для прочих классов, кроме второго, научные занятия с приездом в Осташево прекращались, по 2-му классу преподавание продолжалось до окончания всего классного курса. Те из колонновожатых этого класса, которые оказывались, по экзамену, достойными к переводу в первый, предназначались, вместе с находившимися уже в нем, к офицерскому экзамену, и им всем около половины сентября, т. е. в то время, когда кончались летние занятия, начиналось преподавание предметов, входящих в программу первого класса. В Осташево обыкновенно оставались до начала зимы, или, лучше сказать, до окончания всего курса первому классу; так что по возвращении в Москву первоклассные колонновожатые в корпусе уже не учились, а занимались у себя повторением всего пройденного в продолжение года и приготовлением к офицерскому экзамену, который, смотря по обстоятельствам, бывал иногда в декабре, иногда в январе и феврале месяцах *.

* То, что я говорю здесь, относится к 818 и 819 годам, когда

Вообще жизнь в Осташеве и летние занятия очень нам всем нравились. На квартирах у крестьян мы помещались по двое и по трое. Каждый избирал себе в товарищи того, с кем он был более близок, кто более сходился с ним в характере и в образе мыслей. При этом входили в расчет и обоюдные финансовые средства. Богатые обыкновенно жили поодиночке или с такими же богатыми. Имевшие ограниченные способы находили равных себе по состоянию. Хотя многие из колонновожатых были люди зажиточные, даже богачи и знатного аристократического рода, но это не делало разницы между ними и небогатыми, исключая только неравенства расходов. В этом отношении надобно отдать полную справедливость тогдашнему корпусному начальству. Как сам генерал, так и все офицеры не оказывали ни малейшего предпочтения одним перед другими. Тот только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно вел себя, пользовался справедливым вниманием начальства и уважением товарищей. Замечу здесь, что всего чаще даже попадались под взыскание молодые аристократы. Имея более средств, они иногда позволяли себе юношеские шалости, за которые нередко сажали их под арест. Между нами самими богатство и знатность не имели особенного весу, и никто не обращал внимания на эти прибавочные к личности преимущества. Да и сами те, которые ими пользовались, нисколько не гордились этим, никогда не позволяли себе поднимать высоко голову перед товарищами, которые, в свою очередь, не допустили бы их глядеть на себя с высоты такого пьедестала.

Вот порядок, который был заведен во время пребывания нашего в деревне. Все колонновожатые были разделены на несколько отделений, человек по 10 и по 12. Начальником каждого назначался один из старших колонновожатых первого класса. Обязанность его состояла в том, чтобы наблюдать за воспитанниками своего отделения. В 9 часу вечера он должен был собрать и вести свое отделение на перекличку к дежурному офицеру и потом, по пробитии зори и по сигналу из пушки, обойти в 10 часов всех своих колонновожатых, осмотреть, дома

я был в корпусе сначала колонновожатым, а потом офицером и преподавателем. После меня, т. е. от марта месяца 820 и 824 года, делаемы были некоторые изменения, а наконец и самый корпус переведен в Петербург.

ли каждый из них, и потушить у них огонь. Потом все начальники отделений вместе отправлялись к дежурному офицеру и рапортовали ему или об исправном состоянии всего, что подлежало их надзору, или доносили о том, если что оказывалось не в должном порядке; напр., если кого из колонновожатых не было дома или когда собравшиеся вместе отказывались разойтись и тушить огонь. Дежурный офицер, по получении рапортов от начальников отделений, шел к генералу и, в свою очередь, обо всем доносил ему. На другой день в 8 часов, также по пушечному сигналу, начальники опять вели свое отделение к старому дежурному, который сдавал дежурство новому, а сей последний, сделав перекличку, объявлял колонновожатым их занятия на этот день. Потом все расходились по квартирам и, напившись чаю, собирались отделениями к новому дежурному, который в 9 часов, и также по пушке, вел их в дом генерала для предназначенных им занятий.

Эти занятия состояли в лекциях, в рисовке планов, в черчении и в одиночном и фронтовом учении, для чего нарочно назначался в корпус на летние месяцы знающий свое дело унтер-офицер. В 12 часов утренние классы кончались, и колонновожатые под надзором дежурного офицера возвращались на свои квартиры. В два часа, также по сигналу и тем же порядком, они шли опять к своим занятиям, а в шесть прекращали их.

Эта жизнь в деревне, исключавшая все другие светские развлечения, кроме общества своих товарищей и таких удовольствий, в которых всякий мог участвовать, чрезвычайно как сближала молодых людей между собою и способствовала к основанию самых прочных между ними союзов. Многие из колонновожатых, находившиеся в одно время в корпусе, остались впоследствии на всю жизнь в самых близких и дружеских между собою отношениях, несмотря даже на различие их общественных положений. Сверх того, она много содействовала к возбуждению особенного рвения к ученью и полезным занятиям. Пример прилежных, старательных воспитанников, заслуживших безукоризненным поведением своим внимание начальства, не мог не действовать благодетельно на юные умы и нравственность остальных.

Справедливость требует сказать, что добрый начальник наш умел всегда отличать тех, кто того заслуживал.

Но он делал это таким образом, что самолюбие других не было оскорблено. Всякий видел в его особенном расположении к кому-нибудь справедливую дань прилежанию и нравственным качествам, так что большею частью тот, кого от отличал, был в то же время любимцем и своих товарищей. Странная вещь — молодежь по какому-то инстинкту почти всегда очень верно судит и делает свои заключения о каждой личности из своей среды. От безотчетного ее наблюдения не скроются никакие недостатки, как бы ни старался иной таить их самым тщательным образом. Последствия всегда оправдывали то мнение, которое составлялось в нашем учебном заведении об каждом из воспитанников. Мне самому случилось встретить, после весьма продолжительного времени, некоторых из моих товарищей по корпусу, и я был удивлен, найдя в пожилых уже людях, в отцах семейства, в важных общественных лицах те самые черты и особенности характера, на которых мы основывали некогда свое об них мнение.

Нельзя, чтобы не случалось иногда между 70-ю юношами каких-нибудь шалостей, каких-нибудь предосудительных поступков. Безнаказанно не проходило ничего. Но тут поступаемо было Николаем Николаевичем с величайшим тактом, с большою осмотрительностью и совершенным знанием юношеской природы. Принималось в соображение не столько самый поступок, сколько причина, побудившая к нему. Если эта причина не имела в себе ничего противного правилам нравственности, если это было увлечение, следствие прежнего неправильного воспитания, пылкого характера, необдуманности, резвости, одним словом, если провинившийся не сделал ничего такого, что бы унижало его,— наказание было легкое, иногда ограничивалось простым выговором или увещанием. Но зато когда поступок показывал испорченность характера, явный предосудительный порок, тогда взыскивалось очень строго, и виновный подвергался иногда исключению из заведения. В этом случае генерал Муравьев как будто предугадывал правила будущего царственного руководителя общественного воспитания в России, который впоследствии с такою любовью, с такою отеческою снисходительностью поступал не раз с провинившимися воспитанниками русских учебных заведений[8]. Воображаю, как бы порадовался наш добрый бывший

начальник теперешней системе воспитания и тому, что делается с некоторого времени для блага России.

В настоящее отрадное время молодые люди, выпущенные из корпусов и служащие в учебных заведениях и в войсках, конечно, уже хорошо понимают всю пользу справедливого, кроткого обращения с подчиненными, не только из дворян, но даже и из простого сословия. Но еще не так давно, а тем более сорок лет тому назад, надобно было иметь слишком высокое образование и особенную твердость и в характере и в убеждениях, чтобы действовать вопреки господствовавшей системе военного воспитания. Надевая тогда мундир, юноша должен был отказываться от своей личности, смотреть на все глазами начальника, мыслить его умом, делать без рассуждений все, что ему приказывалось. Горе было тому юноше, который осмеливался отступить хотя сколько-нибудь от этого правила. Потеря всей карьеры и нередко и тяжелое наказание на всю жизнь было его уделом. Не так поступал с своими питомцами Николай Николаевич. Он иногда радовался даже, когда замечал проявление самостоятельной личности, и, не стесняя юный рассудок, старался только направить его на все полезное, на все возвышенное и благородное.

Свободное от занятий время мы посвящали дружеским беседам; сходились по нескольку человек у кого-либо из своих товарищей, где была попросторнее квартира, читали вслух, играли в шахматы (карты воспрещались) или, закурив трубки, толковали о том, что могло иногда занимать нас. Собирались также и с тем, чтобы вместе повторять то, что нам преподавалось. Тут каждый охотно помогал другому и объяснял, в чем тот затруднялся. По праздникам и воскресным дням ездили верхами по окрестностям, играли в мяч, в городки и в бары[9]. Помню, что последняя игра очень нам нравилась. Она могла быть конная и пешая. Конная была гораздо занимательнее. Мы скакали друг за другом по всему пространству обширного луга, примыкавшего к деревне, и для глаз это была прекрасная картина. Но она не всегда оканчивалась благополучно. Случались нередко падения и ушибы, и оттого она дозволялась нам только при участии офицеров, которые наблюдали за порядком и не допускали играющих очень горячиться. Пешая же была безопасна и имела следствием одну усталость.

Весною пребывание наше в Осташеве было непродолжительно. В конце мая мы все разъезжались на съемку Московской губернии. Съемка была трех родов: большая, средняя и малая. Две первые предназначались для составления общей тригонометрической сети. В первой употребляли повторительный круг, а во второй теодолиты. Малая, или топографическая, производилась астролябиями и планшетами[10] при 100- и 250-саженном масштабе на английский дюйм. На большую и среднюю назначалось по офицеру с несколькими колонновожатыми, а на малую — несколько партий, состоящих от 10 до 12 человек каждая под начальством офицера. При всяком инструменте малой съемки находился один из старших колонновожатых и один или два из младших. Кроме того, для носки цепи, кольев и инструментов давалось каждой партии от 20 до 25 нижних чинов из команды, которая высылалась к нам сейчас по прибытии в Осташево на все летнее время стоявшею вблизи бригадою. Таких партий на малую съемку отправлялось три или четыре.

В первый год, когда я был еще колонновожатым, досталось мне быть в партии, снимавшей окрестности Москвы. Офицером у нас был В. Х. Христиани, и пребывание его было в Москве. Мне дали планшет, двух помощников и четырех солдат. Съемка была очень подробная, 100 сажен в дюйме. Я трудился усердно и в продолжение лета снял до 20 планшетов, или около сотни квадратных метров. Название некоторых мест я уже теперь забыл, но припоминаю Царицыно, Останкино, Архангельское и деревни Верхние и Нижние Котлы. Помню также, как встревожила наша съемка крестьян. С каким любопытством и недоверчивостью они смотрели на наши занятия! Им вообразилось, что у них отбирают земли, и они всеми средствами старались затруднить наши работы: весьма неохотно отводили квартиры и давали подводы, а иногда очень грубо отказывались от всякого пособия и даже стращали изломать инструменты, а нас попотчевать кольями. Но после некоторого времени все это уладилось. Мы платили им за все не только исправно, но даже щедро, и под конец они даже полюбили нас.

С каким, бывало, удовольствием, по окончании дневного труда и ходьбы возвратившись на квартиру, напьешься чаю, поешь щей, каши, молока и уляжешься

отдыхать с трубкою и книгою в руках! Жуковский *, Батюшков, русская история Карамзина, записки военного офицера Глинки, трагедии Озерова и «Вестник Европы» Каченовского с жадностью читались нами [11]. Для доказательства, как восприимчива наша память в юные лета, скажу здесь, что даже теперь в моей памяти сохранилось гораздо более из того, что я прочел в то время, нежели то, что я читал, хотя и с большим вниманием, впоследствии. Целые страницы из стихов Жуковского, Батюшкова, Озерова я могу прочесть наизусть без ошибок, хотя с тех пор не заглядывал в их сочинения.

К концу августа мы возвратились в Осташево, и тогда начались опять классы. Занимались много также и отделкою планов нашей съемки, вычислением треугольников для большой и средней тригонометрических сетей, равно как и прокладкою их. Эти занятия хотя и были довольно скучны, но весьма полезны как применение теории к практике. Я в это время был уже в первом классе, выдержав весною в Москве экзамен из 1-го отделения 3-го класса во второй, а в Осташеве, при отправлении на съемку, из 2-го в 1-й. Вникнув хорошо в математику, я уже шел вперед без больших усилий и был уверен, что выдержу офицерский экзамен не хуже других. В Осташеве стоял я вместе с колонновожатым первого класса Самойловичем, отличным математиком, и как мы были с ним очень хороши, то он с удовольствием объяснял мне всякое затруднение. Я много ему обязан в своих успехах.

Вообще весь первый класс был между собою очень дружен, и это выразилось на деле, когда Самойловича, бывшего начальником отделения, хотели посадить под арест за то, что он не привел одного колонновожатого на перекличку. Все мы отправились к генералу и почти со слезами просили его извинить ему это упущение по службе. Генерал был тронут таким доказательством наших дружеских между собою отношений и удовлетворил нашу общую просьбу. Тогда мы, по окончании класса, с триумфом принесли на руках Самойловича на его квартиру. Но после этого он отказался от отделения, и я был назначен начальником на его место.

---

* Жуковский находился в приятельских отношениях с Муравьевым и его старшими сыновьями. См. о Муравьеве в Сочинениях Жуковского, изд. 1857 г. т. XI, в статье о привидениях.

Существовавшее тогда мнение, что неизбежные расходы колонновожатых были так значительны, что одни только богатые люди могли отдавать детей своих в заведение, было совершенно несправедливо, и лучшее доказательство я сам. Средства мои были весьма ограниченны, я мог издерживать едва тысячу рублей ассигнациями в год. Этой суммы мне было, однако же, очень достаточно на все. Разумеется, что при этом надобно было жить расчетливо. Были богачи, которые проживали тысяч по 10, по 15. Тянуться за ними было нельзя, да и не для чего. Они курили, или, лучше сказать, жгли табак в 25 р. фунт. Мы же употребляли двухрублевый и нисколько этого не стыдились. Они издерживали в конфектной лавке во время пребывания в Осташеве на одни сладости по тысяче и по две, мы же в нее и не заходили. Они держали по нескольку человек прислуги, по нескольку верховых и упряжных лошадей, мы же ограничивались одним человеком, а лошади и вовсе не имели. Одним словом, итог ежегодного расхода зависел собственно от нас самих, а не был необходимым, одинаковым условием для каждого из колонновожатых.

К началу декабря месяца мы возвратились в Москву, а в начале января назначены были первому классу офицерские экзамены. Стало быть, нам оставалось с лишком месяц на приготовление. Весь курс учения был нами пройден, и мы ходили только часа на два в день в чертежную, а иногда на лекцию к генералу, доканчивавшему с нами стратегию. Это время было для нас самое тревожное. Мы по целым дням и ночам сидели за учебными книгами; повторяли и поодиночке и вместе, делая по программе друг другу испытания. Когда станешь, бывало, повторять, все, кажется, знаешь, но лишь только положишь книгу и отойдешь от доски, представляется, что и то не твердо, и другое. Помню, что я обыкновенно приказывал своему человеку будить меня в три часа, и будить непременно, так что если я разосплюсь и не стану вставать, то, несмотря ни на что, обливать даже меня холодною водою. Человек у меня был почти одних со мною лет, недальнего ума, но очень ко мне преданный. Он всегда á la lettre* исполнял то, что было ему приказано, и не отставал от меня, пока я не встану с постели,

* Буквально (франц.).

а раза два употреблял даже воду. Сердиться за это на него я не имел права.

Такая бессонная ночь и тревожная жизнь могла иметь вредное влияние на здоровье, а занемочь во время экзаменов было бы большим несчастием. Сверх того, утомляясь беспрестанными повторениями одного и того же, затмевалось самое знание, а потому недели за две до начатия испытаний я оставил все занятия, чтобы дать голове освежиться и не истощать напрасно физические силы. Это, я думаю, послужило мне в пользу, ибо Самойлович, знавший математику лучше меня, но не поступивший так же, как я, с меньшею против меня ясностью отвечал на офицерском экзамене.

Наконец, в половине января 819 года начались эти экзамены. Всех первоклассных было 21 человек. Экзаменаторами были наши офицеры, и из них составлялся комитет под председательством генерала. Ежедневно, кроме праздников и воскресений, экзаменовали по два человека, одного — от 9 до 12, а другого — от 3 до 6 после обеда. Каждый колонновожатый должен был выдержать два испытания, сначала из математических наук, а потом точно таким же образом из остальных. На этих экзаменах могли бывать и университетские профессора, и всякий военный офицер ученого рода войск. Некоторым почетным лицам посылались пригласительные билеты, а к высшим сановникам, как, напр[имер], к московскому главнокомандующему графу Тормасову [12] и к корпусному командиру графу Толстому [13], ездил с приглашением сам генерал.

Я был седьмым по списку в классе и с трепетом ожидал своей очереди. Первые шесть выдержали экзамен прекрасно, когда же наступил мой день и я пришел в восемь часов утра к генералу, то он с веселым видом сказал мне, что предшественники мои так отвечали, что уже лучше нельзя, но что он желает, чтобы и я выдержал не хуже их. Наконец, пробило 9 часов, и я стал у доски. Не знаю, почему, но, против моего ожидания, я нисколько не оробел, свободно отвечал на вопросы и так же свободно решал предлагаемые задачи. Припоминаю, что при выводе одной большой формулы из геодезии, переписывая ряд алгебраических величин, я ошибочно поставил не ту букву. Хотя экзаменаторы это заметили, но меня не предупредили, и я продолжал делать выводы, не заме-

чая сделанной ошибки. Когда же потом у меня вышла не та окончательная формула, то я сейчас понял, от чего это произошло, и, обращаясь к экзаменаторам, без всякого смущения объяснил им, почему именно оказывается такая разность моего вывода с настоящею формулой. А как переписанная мною строка не была еще стерта, то я и указал на ошибочную букву. Это очень понравилось экзаменаторам, и они тут же сказали мне, что хотя и заметили мою ошибку, но не указали на нее, желая узнать, как я потом выпутаюсь и объясню окончательный вывод.

По окончании экзамена добрый Николай Николаевич обнял меня и сделал самое лестное приветствие. В экзаменском листе моем везде стояло «отлично». Это значило даже выше полных баллов. С восхищением я пришел домой и потом стал исподволь приготовляться к другому экзамену, в военных и других науках, который должен был наступить для меня недели через три.

Второй экзамен я выдержал также хорошо и получил полные баллы, но Самойлович отвечал лучше моего и имел везде «отлично», так же как и в математике. Между тем в математических науках он был сильнее меня, а военные и историю я знал лучше его. Это может объясниться только тем, что каждый из нас менее обращал внимания на те предметы, в знании коих он был уверен *.

К концу февраля наши экзамены кончились, и представление о нашем производстве пошло в Петербург. Мы все тогда занялись приготовлением офицерской амуниции. Ходили по лавкам, закупали шарфы, эполеты, аксельбанты, заказывали мундиры, шинели и т. д., ожидая с нетерпением вожделенного приказа. Всякий, кто был когда-нибудь военным, испытал в свое время наши тогдашние чувства и наши ожидания. С каким, бывало, удовольствием, вставая поутру, мы предавались невозмутимому far niente** и всем сладостным фантазиям нашего вооб-

---

* На этом экзамене моем присутствовал бывший флигель-адъютант полковник Михайловский-Данилевский [14]. Он спросил меня, знаю ли я что-нибудь из истории знаменитых осад этого и прошлого столетий. Хотя в программе этого не было, но из рассказов генерала и собственного чтения я что-то знал и отвечал ему, что могу рассказать осаду Сарагосы [15], что и сделал довольно удовлетворительно, так что потом генерал благодарил меня. Мне же это была лучшая награда.

** Ничегонеделанию, пустякам (и т.).

ражения. Посещая беспрестанно друг друга, мы условливались в неизменной дружбе и в постоянной переписке. С каким уважением смотрели на нас оставшиеся в корпусе колонновожатые, завидуя нашему счастию, которого могли ожидать только через год! И как внимательно рассматривали мы один у другого мундиры и офицерские вещи! Это время можно считать одним из счастливейших даже в самой юности.

Теперь, когда стоишь на краю могилы, все это кажется обыкновенным следствием несозревшего рассудка, юности, не вкусившей еще горьких плодов житейского опыта. Но и теперь не те же ли мы юноши с сединами? Вот этот сановник, занимающий важный пост, который так неутомимо трудился и сгибался всю свою жизнь, или этот дряхлый богач, так счастливо и с таким умением наживший огромное состояние, наконец, эта чиновная старушка, так ловко и так выгодно составившая блестящие партии своим дочерям: не все ли они своего рода дети, как бы ни высоко стояли они во мнении других и своем собственном? Пройдет год, два — покрытая богатой парчой колесница отвезет их на общее для всех пристанище, и тогда все, что они созидали, все эти плоды их опытности, их ума, их расчета, к чему они послужат для них? Не такими ли они кажутся детьми, гонявшимися за призраками, но с тою только разницею, что юноша хотя и увлекается игрушками, но увлекается с побуждениями более чистыми, более возвышенными и не столь себялюбивыми?

10 марта мы были произведены прапорщиками в свиту е. и. в. по Квартирмейстерской части, исключая двух, назначенных в армейские полки. Приказ о производстве привез генералу князь Меншиков, бывший в то время генерал-адъютантом, но числившийся по Генеральному штабу и находившийся в это время в Москве. Помню, что я и человека три из колонновожатых находились в тот день у генерала в чертежной. Как только Николай Николаевич объявил нам о производстве, мы бросили наши занятия и поскакали домой, отправив с радостною вестью гонцов ко всем товарищам. Через час или два все мы уже явились в новых блестящих мундирах к генералу. Он весело нас встретил, поздравил каждого и тут же объявил, что я и еще трое из вновь произведенных остаемся на год при корпусе преподавателями. Это было

весьма лестно для нас и согласовалось вполне с нашим желанием — жить в Москве, вблизи родных, и служить при начальнике, которого мы любили. Вечером почти все мы явились в театр, заняв почти целый ряд кресел, что, конечно, заставило публику догадаться о новом выпуске из муравьевского училища, как тогда называли наше заведение.

Кроме нас четверых, остальные товарищи наши назначались кто в 1-ю армию, кто во 2-ю, кто на Кавказ. С месяц они еще прожили и повеселились в Москве, а потом отправились по своим местам. Грустно мне было расставаться с некоторыми, но мы дали слово писать друг другу и надеялись будущую зиму встретиться опять в Москве, куда многие из них обещались приехать в отпуск. Мы же четверо спустя несколько дней занялись службою в заведении. Меня назначили преподавателем во 2-е отделение 3-го класса, самое тогда многолюдное после 4-го класса.

Перед Святой я поехал на 28 дней в отпуск к отцу в деревню. Старик был в восхищении, увидевши меня с небольшим год после разлуки нашей в блестящем мундире и так скоро достигшим цели своих желаний. Он признавался мне, что никак не ожидал, чтобы вышел какой-нибудь толк из намерения моего проложить самому себе путь, без всякой протекции, и что, отпуская меня, страшился, чтобы вместо чего-нибудь доброго не вышла бестолочь и не пострадала вся моя будущность. В глазах всех родных моих я также много выиграл и приобрел их выгодное о себе мнение. Меня это чрезвычайно радовало и удовлетворяло очень естественное юное мое самолюбие.

В мае по обыкновению мы отправились опять в Осташево и оттуда на съемку. Не стану повторять здесь того же порядка занятий и надзора за воспитанниками. Собственно для меня разница состояла в том только, что я уже не подчинялся правилам, установленным для колонновожатых, а наблюдал вместе с другими офицерами, чтобы они в точности исполнялись ими. Мы по очереди дежурили, делали переклички, водили их в классы, ходили с рапортами к генералу и читали каждый в своем классе в назначенное время лекции. Нам было очень нетрудно исполнять наши обязанности, потому что вообще, исключая обыкновенных незначительных резвостей,

все колонновожатые вели себя примерно и нас любили. С своей стороны, каждый из нас, т. е. из офицеров, старался приобрести их уважение и любовь как своим поведением и обращением с ними, так и готовностью помогать им в учении. Между собою мы были также очень дружны, и никаких раздоров и интриг между нами не было.

Меня назначили на малую съемку и дали человек двенадцать колонновожатых, с командою нижних чинов и, кажется, пятью инструментами. Съемка моя была около Нового Иерусалима, верстах в 40 или 50 от Осташева. Я жил в деревне с одним из съемщиков и объезжал два раза в неделю работы других. Когда кто-либо из них оканчивал планшет или план, снятый астролябией, то привозил ко мне, я же поверял эти планы с местностью, сводил с другими, а потом уже отвозил в Осташево, с своим удовлетворением в точности съемки. Когда оказывалось при моей поверке, что съемка была неверна, то, сделав выговор старшему колонновожатому, я заставлял его переснять ту же местность. Но это случалось очень редко, раз или два в продолжение всего лета.

Самая главная забота наша состояла в сохранении миролюбивых отношений между колонновожатыми и крестьянами. Первые по молодости лет не всегда были осторожны и не очень терпеливы, а вторые отказывались часто исполнять даже законные их требования, недоверчиво смотрели на их занятия, и от этого часто происходили неприятные столкновения и жалобы. Впрочем, все это улаживалось, и особенных неприятностей и историй не было. В праздничные и воскресные дни все колонновожатые, находящиеся у меня под начальством, приезжали ко мне, и мы вместе проводили время.

По возвращении в Осташево начались обычные учебные занятия и переводные из класса в класс испытания, на которых мы были экзаменаторами. После вечернего рапорта генерал почти всегда оставлял дежурного у себя ужинать, а в праздники приглашал всех офицеров к обеду. Нельзя представить себе, как занимательна была его беседа. Он выбирал всегда какой-нибудь поучительный предмет для разговора или рассказа, примешивал множество забавных и любопытных анекдотов, описывал с такою верностью события прошедшего времени и известные исторические лица, в них участвовавшие, что, бывало, боишься пропустить каждое его слово. И все это

говорилось так просто, с таким добродушием, хотя иногда и с шутливыми замечаниями, которые придавали еще более занимательности его рассказам. После всякого вечера, проведенного у него, каждый из нас выходил с новым знанием чего-нибудь полезного, любопытного и в самом веселом расположении духа.

Со мною случилось в это время неважное происшествие, которое осталось у меня навсегда в памяти. Один раз в глубокую осень 819 года, будучи дежурным и проведя вечер у генерала, я после ужина возвращался на квартиру свою. Путь мой лежал сначала через сад, а потом саженей 200 по мелкому кустарнику, который кончался у проспекта, ведущего в деревню. При самом выходе из кустарника стояла гауптвахта. В это время так как команда, назначаемая к нам на летнее время, была уже отправлена в свое место, то здание оставалось пустым. Дня же за три до того утонул какой-то осташевский крестьянин, и тело его положили до приезда земской полиции в одну из комнат гауптвахты. Я это знал и, приближаясь в лунную, светлую ночь к этому месту, почувствовал невольный страх. Устыдясь внутренно своей робости, я тут же решился преодолеть ее: войти в комнату, где лежал утопленник, и посмотреть на него. Вошел я довольно смело, луна светила в окно, но лишь только я приподнял покрышку с обезображенного трупа, меня вдруг обдало таким запахом, что в ту же минуту мне сделалось дурно, и я едва выполз из комнаты. Чистый воздух несколько освежил меня, но все-таки со мной началась рвота. Кое-как дошел я до своей квартиры и всю ночь ужасно страдал. Фельдшер, за которым я послал и которому рассказал случившееся, поил меня всю ночь мятой и клал припарки к животу. Только к вечеру на другой день я совершенно оправился. Товарищи очень смеялись, узнавши обо всей этой истории; но на меня этот случай так подействовал, что до сих пор я избегаю смотреть на утопленников.

Из Осташева приехали мы в Москву уже по санному пути. Тут начались приготовления к новому выпуску. Мы, с своей стороны, сколько могли, помогали тем из колонновожатых, которые были назначены к офицерскому экзамену. Повторяли с ними и делали им пробные испытания. Так как эта зима была последняя, которую мы проводили на службе в Москве, потому что с производ-

ством новых офицеров нам следовало отправляться в какую-либо из армий или на Кавказ, то мы и спешили насладиться всеми тогдашними удовольствиями столицы: ездили в театры, в собрания и по бальным вечерам. Одним словом, собственно для меня эта зима была самая шумная во всей моей жизни.

В этих воспоминаниях моих, кроме самого генерала, я не упоминаю о других лицах, хотя многим из моих старых товарищей по корпусу я обязан большою признательностью за сохранение их теплых ко мне чувств. Но и в этом случае даже я считаю, что Николай Николаевич был главным виновником такой прочной нравственной связи между своими воспитанниками. Он умел поддерживать и развивать в них все, что служит к укреплению близких, дружеских отношений между благомыслящими людьми, в каких бы ни находились они положениях.

Наконец, наступило время проститься и с Москвою, и с корпусом. В марте 820 года новый выпуск был произведен, и мы четверо и вместе с нами Лачинов командированы во 2-ю армию. Я попросился на месяц в отпуск и провел его у отца, куда в это время приехали и два служившие мои брата. В конце же апреля отправился к своему назначению.

В заключение скажу, что Николай Николаевич не переставал следить за службою своих воспитанников и после того, как они выбывали уже из корпуса. Когда приедешь, бывало, в Москву в отпуск и явишься к нему (а каждый из нас считал это за непременную обязанность), с какою ласкою встретит он, с каким участием станет расспрашивать он обо всем, что касается до каждого из нас! Как он радуется, когда кто отличится чем-нибудь и получит награду! Как всегда, видимо, утешительно ему было слышать, что воспитанники его везде считаются за людей дельных и пользуются особенным вниманием своих начальств! И всегда, бывало, кончит приглашением посетить заведение. «Ну, теперь сходи, братец, в классы,— скажет он,— покажись старым твоим товарищам и новобранцам — это будет и тебе и им приятно, а многим из них, сверх того, и полезно. Увидевши тебя, каждый из них подумает, как бы скорее быть тем же, и постарается лучше учиться». Иногда даже сам поведет туда, чтобы показать все, что было им вновь придумано и введено для улучшения корпуса.

Мир праху твоему, человек добрый и гражданин в полном смысле полезный! Ты положил немалую лепту на алтарь отечества, и нет сомнения, что потомство оценит тебя и отдаст справедливость твоим бескорыстным заслугам. Память же о тебе в сердцах воспитанников твоих сохранится, я уверен, доколь хотя один из них будет оставаться в этом мире!

[ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. А., Н. А., М. А. БЕСТУЖЕВЫХ, ОБ И. Д. ЯКУШКИНЕ, И. И. ПУЩИНЕ, М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЕ, П. И. ПЕСТЕЛЕ, М. П. БЕСТУЖЕВЕ-РЮМИНЕ, С. П. ТРУБЕЦКОМ]

Начинаю эту статью под влиянием не совсем приятного впечатления после прочтенных мною в трех книжках «Отечественных записок» 1860 года писем покойного Марлинского (А. А. Бестужева)[1]. Не могу понять цели их издания, а тем более причин, побудивших его родных передать во всеуслышание то, что писалось им для самых только близких лиц, где он часто говорит с ними не только нараспашку, но даже преувеличивая свои недостатки, чтобы представиться чем-то вроде дона-Жуана mauvais genre*. Это жалкое самообольщение было, как кажется, семейной принадлежностью всех братьев Бестужевых. Двух из них — Николая и Михаила — я знал очень коротко и был с ними дружен. Оба они, в особенности первый, при кротком, уживчивом характере, добром прекрасном сердце, при замечательных нравственных и умственных достоинствах имели несчастную слабость донжуанствовать, и не столько на деле, сколько для того, чтобы пользоваться незавидной репутацией львов нынешнего века, против которых ни одно женское сердце не может устоять. Разумеется, все те, кто хорошо их знали, смотрели на это снисходительно и, отдавая полную справедливость их достоинствам, извиняли в душе такой безвредный для других недостаток, но не менее того, однако же, он давал часто повод к смешным сценам и невольно заставлял улыбаться людей самых серьезных. К этому надо присоединить, что, не обладая великосветским образованием и не зная так называемый jargon du

* Дурного тона (франц.).

monde* [1] и всех требований и правил высшего общества, они нередко давали право смеяться над собою тем, кто во многих других отношениях стоял гораздо их ниже.

Чтение писем А. А. Бестужева еще более убедило меня, что этот недостаток был у всех у них общий, и я бы, конечно, не стал о нем упоминать, если бы г. Семевский и те, которые передали ему письма Марлинского [2], не выставили его перед публикой — ей же, конечно, нисколько не занимательно знать о страсти к донжуанству одного из бывших своих любимцев. Что Александр Бестужев при многих своих литературных достоинствах был фразер — это уже давно доказано. Что в его произведениях более фраз и мыльных пузырей, чем существенных достоинств (может быть, вследствие тогдашнего духа времени), в этом все согласны. Но зачем же делиться с публикой его самохвальством, его ложными понятиями о чести (смотри те письма, где он говорит о благосклонности к нему женщин и об обольщении жены своего товарища по несчастью Б[улгари], у которого он гостил в Керчи и которому он так худо заплатил за доверие и гостеприимство) [3]. Этого публике вовсе не нужно было знать, ибо оно нейдет нисколько к делу и только налагает какую-то грустную оттушевку на такую личность, которая пользовалась и стоила общественной симпатии. Если бы предавать гласности все поступки и помышления лиц, более или менее известных по своей деятельности в разных сферах общественной жизни, то не было бы ни одного из них, который бы сохранился чистым в памяти соотечественников.

Есть деяния и поступки, которые принадлежат всеобщему обсуждению, которые составляют достояние гласности, открывайте, выставляйте их. Когда государственный литературный деятель вследствие ложного понимания публики, не знающей его тайных действий и намерений, стоит в глазах общества на незаслуженном пьедестале, вы имеете полное право свести его с него или, наоборот, если он не оценен как следует, если не пользуется тем почетом, который заслужил, или, что хуже, если искажают его благонамеренные полезные цели и действия, вы даже обязаны, имея к тому возможность, восстановить его в общественном мнении. Но, с другой стороны,

* Светская манера разговора (франц.).

есть много таких поступков и действий, которые не имеют ничего общего с публикой, которые могут только обсуждаться в семейном близком кругу и в которых виновный должен отдавать отчет свой только совести или своему духовнику, таких, по моему мнению, не следует касаться, не следует предавать гласности. Какая, например, нужда публике знать, что А[лександр] Бестужев любил донжуанствовать, что имел в этом отношении ложные нравственные понятия или что он любил иногда писать высокопарные французские письма, не зная хорошо французского языка и делая ошибку на ошибке. Письма его предназначались <нрзб.> для знания братьями, сестрами, он никогда не воображал, чтобы они могли сделаться достоянием публики. Зачем же, таким образом, выставлять его в более или менее смешном виде. Это не услуга и не почитание его таланта, скорее недоброжелательство, и я удивляюсь, как могли согласиться его родные на эту неблаговидную выставку его личности.

Напрасно стали бы мне возражать, что издатель имел в виду благонамеренную цель представить его откровенный, несколько легкомысленный характер, готовый всегда увлекаться, и тем объяснить в хорошую сторону то, что бросало на него невыгодную тень. Но достиг ли он цели, и нужно ли было это? Смешная сторона останется всегда смешной, а противонравственный поступок никогда не будет чистым. Что А[лександр] А[лександрович] был человек добрый, с любящей душой, вполне преданный своим родным (это он беспрестанно доказывал), не говоря о его храбрости, ибо не считаю ее большим достоинством, что он имел дарование и как литератор пользовался в свое время большим влиянием на общество. Все это несомненно и не требует доказательств. Но что вместе с тем характер его был легкомыслен, не имел твердости, что убеждения его не были прочны и часто изменялись при каждом обстоятельстве, что он гонялся более за призраками, чем за существенным, жертвовал будущей своей оценкой и своей репутацией, как человек и литератор, для преходящей минуты, что его преувеличенное о себе мнение доходило до самообожания, одним словом, что он, подобно всем людям, имел и много достоинств и много недостатков — этого всего тоже нельзя не признать. Хотя Н. И. Греч, сравнивая его с К[ондратием] Ф[едоровичем] Р[ылеевым], отдает ему преимущество

перед последним[4], но, несмотря на такой авторитет, я не только не убежден в том, но скажу более, что их обоих нельзя даже сравнить между собою. Р[ылеев] был человек с твердыми непоколебимыми убеждениями, с положительным, хотя и пламенным взглядом на то, что входило в круг тогдашнего мышления. В нравственном отношении он был безукоризнен. Такие личности, как К[ондратий] Ф[едорович], или погибают, что и случилось с ним, или становятся в голове своего поколения, оставляя после себя незабвенное имя в потомстве. Бестужев же был человек обыкновенный, и если бы не его временные литературные успехи, то никто бы даже и не знал о его существовании.

Во многих отношениях покойный брат его Ник[олай] Алек[сандрович] стоит гораздо его выше. По способностям своим, по своей деятельности он был весьма замечательною личностью. Чем не занимался он? И литературой, и живописью, и механикой. У него были золотые руки, все же, что он делал, исполнялось им с большой отчетливостью и знанием дела. Характер у него был самый уживчивый, кроткий, добрый, веселый. Не будь в нем несчастной склонности к донжуанству (которая, в сущности, и в Сибири, где он провел век свой, никому не вредила, исключая его самого, и то со смешной стороны своей), он далеко бы выходил из ряда обыкновенных людей. Le ridicule gens du monde est quelquefois plusqua un dépense *.

Грустно подумать, что сестры и близкие покойного Марлинского, из каких-нибудь вещественных выгод для живущих, не подумали о том, что могут повредить репутации так много любившего их брата. Желательно, чтобы это было сделано ими скорее по необдуманности, нежели из материального расчета.

Скажу теперь несколько слов о нас самих, т[о] е[сть] о тех из наших сибирских изгнанников, которые вследствие манифеста или возвратились в Россию, или остались доживать свой век в Сибири. Четыре года прошло с тех пор, как состоялся этот манифест. Он застал в живых только 25 человек и то более или менее дряхлых стариков[5]. В продолжение последних четырех лет многие из

* Смешное в глазах общества есть нечто большее, чем недостаток (франц.).

этих оставшихся уже переселились в вечность. В России не стало Якушкина, Тизенгаузена, Пущина, Бригена, Щепина-Ростовского. В Сибири — Башмакова, Кюхельбекера, Бечаснова.

Некоторые из умерших были люди замечательные и оригинальные по своим нравственным качествам и своему характеру, и я не считаю лишним описать тех из них, кого я более знал. С Якушкиным, Пущиным и Тизенгаузеном я прожил около десяти лет в городке Ялуторовске Тоб[ольской] губ[ернии], а с двумя первыми прежде этого десять лет в Петровской тюрьме.

Иван Дмитриевич Якушкин по своему уму, образованию и характеру принадлежал к людям, выходящим из ряду обыкновенных. Отличительная черта его характера была твердая, непреклонная воля во всем, что он считал своей обязанностью и что входило в его убеждения. Будучи предан душою всему прекрасному, всему возвышенному, он был отчасти идеалист, готовый жертвовать собой для пользы ближнего, а тем более для пользы общественной. Об себе он никогда не думал, нисколько не заботился ни о своем спокойствии, ни о своем материальном благосостоянии. В последнем отношении он доходил даже до оригинальности. Имея очень ограниченные средства, он уделял последние на помощь ближнему и во все время жительства своего в Сибири не мог завести себе даже шубы. В Ялуторовске, без всяких средств, он вздумал завести школу для бедного класса мальчиков и девиц и одною своею настойчивостью, своей деятельностью и, можно сказать, сверхъестественными усилиями достиг цели. Для этого он в течение 10 лет должен был бороться не с одними материальными надобностями, но и с препятствиями внешними. Правительство строго воспрещало, чтобы кто-либо из нас имел влияние на воспитание юношества. За этим предписывалось наблюдать местным властям, от которых нельзя было скрывать его участия. Начались доносы, следствия, происки недоброжелателей из местных чиновников, смотревших на нас, как на порицателей такого порядка, с которым были существенно соединены их выгоды и их значение. Все это надобно было терпеть и кое-как улаживать. К чести высших губернских властей должно сказать, что они в этом случае постоянно были на стороне полезного дела и хотя явно не могли защищать того, что касалось до

нас, часто под сурдинку содействовали намерениям Якушкина и одобряли его прекрасную цель. Вскоре сказались благодетельные следствия заведенной им школы. Простой народ с радостью отдавал в них своих детей, которые кроме рукоделия и первоначального научного образования получили тут и некоторое нравственное воспитание. Якушкин по целым дням проводил с учениками и ученицами, сам учил их, наблюдал за преподавателями и их руководил. Часто даже помогал бедным из своего тощего кошелька и нисколько не затруднялся просить у каждого, имеющего способы помочь нуждам школы. Пользуясь общим уважением, он воспользовался этим, чтобы где только возможно приобретать материальные средства для основанного им заведения. Пример его подействовал и на высшие местные власти. В Тобольске и Омске само начальство завело подобные женские учебные заведения, которые по значительности своих средств получили, разумеется, и большее развитие. Ялуторовская школа, несмотря на бедные свои способы, не только существовала во все время пребывания нашего в Сибири, но и теперь даже продолжает существовать под ведением местного училищного начальства. Можно положительно сказать, что общественное женское образование низших классов народонаселения Тоб[ольской] губернии многим обязано И. Д. Якушкину.

В частных сношениях он отличался замечательным прямодушием и был доверчив, как ребенок. Будучи весьма часто обманут, он никогда на это не жаловался. Горячо вступался за хорошую сторону человеческой природы, не обращал никакого внимания на худую и всегда заступаясь за тех, кто нарушал какой-нибудь нравственный закон, приписывая это не столько испорченности, сколько человеческой слабости.

Одного только не прощал он и в этом отношении был неумолим. Это — лихоимства. Ничто в его глазах не могло извинить взяточника. Конечно, в этом случае он иногда противоречил самому себе и своему снисхождению к остальным недостаткам человечества. Но именно это-то и служит доказательством, что суждения его не были плодом необдуманной и принятой без убеждения мысли. К этому надобно присоединить, что он любил горячо спорить и всегда готов был вступиться за того, кто не мог или не умел сам себя защитить.

Были в нем также и недостатки, но они еще более высказывали прочие его достоинства. Например, он был большой систематик и доходил в этом отношении иногда до упрямства. Приехавши в Ялуторовск, он остановился на прескверной квартире и прожил в ней двадцать лет, именно потому, что все советовали ему переменить ее, а ему хотелось доказать, что можно жить во всяком жилище. Не раз он бывал даже оттого болен, но никогда не признавал настоящую причину и не любил, когда ему напоминали об ней. Пришло ему также в голову, что полезно купаться в самой холодной воде,— он вздумал испытать это на себе и отправлялся каждый день на Тобол в ноябре даже месяце при 5 и 6 градусах морозу. Выйдет, бывало, из реки синий, измерзший, с сильной дрожью и уверяет, что это чрезвычайно приятно и полезно. Впрочем, раз простудившись жестоко и получив горячку, он принужден был отказаться от этого удовольствия, хотя и не сознавался, что причиной болезни было осеннее купание.

Возвратившись в Россию к сыновьям своим, он прожил только несколько месяцев. Главной причиной его кончины было невнимание и неизвинительное равнодушие местного московского начальства. В Москву, где в то время служил его сын, он приехал зимой 1857 г., больной, надеясь тут отдохнуть от дальней дороги и поправиться.

Но генерал-губернатор Закревский * требовал непременно, чтобы он выехал из столицы на основании манифеста. Родные и некоторые знакомые Якушкина уговаривали его просить государя о позволении остаться в Москве, но

---

* Я также на себе испытал бесчувствие бывшего г[енерал]-губ[ернатора] Закревского. Приехавши в Москву вскоре после Якушкина, больной и измученный дальнею и скверною дорогою, не имея достаточных сил ехать к г[енерал]-губ[ернатору], я послал жену мою попросить его дозволения прожить мне в Москве до летнего времени. Закревский хотя принял ее очень вежливо, но никак на это не согласился, а на возражение моей жены, что я так болен и слаб, что едва хожу по комнате, отвечал: «Это одна и та же история, все возвратившиеся из Сибири жалуются и на болезнь, и на усталость». Как будто не естественно, что дряхлые, болезненные старики, проехавши более 2-х или трех тысяч верст по скверной зимней дороге, имеют нужду в отдохновении. Несмотря на болезнь, я принужден был отправиться из Москвы в самую распутицу в начале апреля месяца и кое-как добрался до Курска, где и остановился до лета.

он, никогда и ни о чем не просивши во всю жизнь, не хотел изменить своему правилу и уехал в деревню Тверской губернии, принадлежавшую одному из старых его сослуживцев[6]. Там он без врачебных пособий и при худом помещении опасно занемог, так что сын его, получив разрешение на его жительство в столице, должен был сам ехать, чтобы довезти его. Через два месяца его не стало. Мир праху твоему, добрый и благородный товарищ. Жалеть о нем нечего. Ему легко и хорошо в лучшем мире.

Другой ялуторовский товарищ мой — Пущин, умерший в России в 1859 году[7], был общим нашим любимцем, и не только нас, т[о] е[сть] своих друзей и приятелей, но и всех тех, кто знал его хотя бы сколько-нибудь. Мало найдется людей, которые бы имели столько говорящего в их пользу, как Пущин. Его открытый характер, его готовность оказать услугу и быть полезным всякому, его прямодушие, честность, в высшей степени бескорыстие высоко ставили его в нравственном отношении, а красивая наружность, особенный приятный способ объясняться, умение кстати безвредно пошутить и хорошее образование* увлекательно действовали на всех, кто был знаком с ним и кому случалось беседовать с ним в тесном дружеском кругу. Происходя из аристократической фамилии (отец его был адмирал)[8] и выйдя из лицея в гвардейскую артиллерию, где ему представлялась блестящая карьера, он оставил эту службу и перешел в статскую, заняв место надворного судьи в Москве. Помню и теперь, как всех удивил тогда его переход и как осуждали его, потому что в то время статская служба, и особенно в низших инстанциях, считалась чем-то унизительным для знатных и богатых баричей. Его же именно и была цель показать собою пример, что служить хорошо и честно своему отечеству все равно где бы то ни было, и тем, так сказать, возвысить уездные незначительные должности, от которых всего более зависит участь низших классов. Надобно сказать, что тогда он уже принадлежал к обществу и, следовательно, полагал, что этим он исполняет обязанность свою как полезного члена в видах его цели[9].

---

* Он воспитывался в лицее и вышел в первый выпуск вместе с поэтом Пушкиным, князем Горчаковым, нынешним министром иностранных дел, и многими другими, заслужившими почетное имя между русскими сановниками, учеными и литераторами.

В Чите и Петровском, находясь вместе со всеми нами, он только и хлопотал о том, чтобы никто из его товарищей не нуждался. Присылаемые родными деньги клал почти все в общую артель и жил сам очень скромно, никогда почти не был без долгов, которые при первой высылке денег спешил уплатить, оставаясь иногда без копейки и нуждаясь часто в необходимом. Это бескорыстие, или, лучше сказать, бессребреность доходила до крайних пределов и нередко ставила его самого в затруднительное и неловкое положение; но он всегда умел изворачиваться без вреда своей репутации и не нарушая правил строгой честности.

Нельзя сказать, чтобы и он не имел своих недостатков. Мнение света, то есть людей его знающих, слишком много значило для него, и нередко он поступал вопреки своему характеру и правилам, чтобы заслужить одобрение большинства. Кроме того, у него была и еще слабость: это особенное влечение к женскому полу. Покуда он был молод, ее мало кто замечал и всякий более или менее извинял его, под старость же она казалась в строгом смысле предосудительной, хотя в отношении его и прощалась теми, кто хорошо его знал, ибо вполне искупалась многими другими его прекрасными качествами. Впоследствии именно эти недостатки были причиною его неблагоразумной женитьбы и отчасти преждевременной кончины [10].

Упомяну также в нескольких словах о Михаиле Карловиче Кюхельбекере, умершем в 1858 г. в Сибири. Он отличался неимоверною добротою и оригинальностью характера. Служив отлично в морской службе в Гвардейском экипаже, он пользовался репутацией дельного и деятельного офицера. В [1]825 году, возвратясь из кругосветного путешествия, он вскоре был взят 14 декабря на площади, куда явился вместе с прочими товарищами своими и частью Гвардейского экипажа. Будучи осужден, он и в день сентенции, возвратясь в свой каземат, не столько думал о себе, сколько о других. У него был денщик, который хорошо ему служил и которого он очень любил. Предвидя его незавидную будущность, если ему придется воротиться в экипаж и поступить во фронт, Кюхельбекер вздумал написать о нем в[еликому] к[нязю] Михаилу Павловичу и просил своему денщику его покровительства. Эта просьба была довольно оригиналь-

на, потому что он был осужден именно за то, что не допустил в[еликого] к[нязя] подойти и говорить с войсками, вышедшими на площадь, и даже угрожал ему тем, что он вынужден будет приказать стрелять по нем[11]. К чести великого князя, надобно прибавить здесь, что он уважил просьбу Кюхельбекера и взял денщика к себе. В Чите и Петровском он нас всех очень занимал рассказами о своих путешествиях и во время болезни кого-либо из нас исправлял постоянно должность сестры милосердия. Отправляясь из Петровского в 1832 г. и будучи поселен за Байкалом в Баргузине, он вскоре женился и остался тут навсегда, потому что большое семейство и скудость средств не позволяли ему и думать о возвращении в Россию. Там он был всеми любим и при материальных недостатках своих находил возможность помогать неимущим и делиться с ними последним.

Я бы мог также припомнить кое-что и о прочих товарищах, имевших каждый, в свою очередь, и свои достоинства, и некоторые, может быть, недостатки, но, не имев с ними близких отношений более 20 лет, я опасаюсь сказать что-нибудь несправедливое.

Недавно мне случилось пробежать Донесение тайной следственной комиссии и Верховного уголовного суда над государственными преступниками 1825 г., а также и то, что печаталось тогда в русских газетах и журналах. Боже мой, в каких ужасных красках изображены все обвиненные. Время и обстоятельства частью оправдали их перед потомством, и, вероятно, я не ошибусь, если скажу, что теперь уже никто не верит тому, что писалось тогда по заказу угодниками власти. Впрочем, удивляться тут нечему. В тридцать пять лет многое изменилось в понятиях общества: многое черное сделалось белым, а многое белое — черным. Многое из того, за что мы были осуждены, составляет теперь предмет ожидаемых реформ. Об этом пишут, рассуждают и говорят во всеуслышание. То, что ныне делается не только безнаказанно, но за что даже награждают,— за то именно 35 лет тому назад мы были осуждены, сосланы и томились в темницах. Если бы это же самое случилось 100 лет назад, нас бы, вероятно, колесовали, четвертовали, резали языки, били кнутом и т. д. За примерами недалеко ходить в русской истории XVIII столетия.

С другой стороны, нельзя не подумать, как странны

бывают понятия и суждения людей. Все оправдывается успехом. Ныне Гарибальди герой, Наполеон III великий человек потому именно, что удача на их стороне. Если бы первый был разбит при высадке в Сицилию и взят в плен, он был бы злоумышленник, разбойник, одним словом, человек самый вредный для общества, и большинство рукоплескало бы его казни. Если бы второму не удался переворот 2 декабря 1852 г., его бы судили, как клятвопреступника, как возмутителя, и общественное мнение не сказало бы даже слова в его пользу[12].

Жестоко, безнадежно бы было нравственное положение тех, кто, жертвуя собой для общей пользы, потерпит неудачу и вместо признательности и сожаления подвергнется несправедливому осуждению современников, если бы для них не существовало истории, которая, внеся в скрижали свои совершившийся факт, постепенно с течением времени очищает их от всяких неправд и представляет потомству в настоящем виде. А как человечество хоть и незаметно, но с каждым днем идет вперед, рассеивая покрывающий его мрак, то да утешатся все те, кто действует во имя успеха и страдает в этой временной жизни за свою благую цель. Настанет, несомненно, та минута, когда потомство признает их заслуги и с признательностью станет произносить их имена.

Такая участь ожидает со временем память пяти страдальцев, погибших на эшафоте в июле 1826 года.

Двух из них я знал и потому вменяю себе в обязанность вспомнить о них, изложив мое о них, так сказать, мнение.

С Павлом Ивановичем Пестелем я был коротко знаком и могу смело сказать, что мое суждение о нем будет основано на самых положительных данных. Когда он погиб, ему был 31 год. Он был старшим сыном известного сибирского генерал-губернатора Пестеля, получил хорошее образование и был выпущен из камер-пажей офицером в гвардию в 811 году вместе с нынешним министром двора[13]. В кампании 1812 года он находился адъютантом при графе Витгенштейне и обращал на себя внимание усердием, деятельностью, отличился во многих сражениях, даже, кажется, был ранен[14] и слыл за дельного офицера и способного исполнителя.

Возвратясь в Россию штаб-ротмистром гвардии со многими знаками отличия[15], он остался при графе и

заведовал его личной канцелярией, пользуясь полною его доверенностью. По вступлении в общество, которого он был одним из учредителей, он неутомимо занялся изучением политических и экономических наук, посвящая на это все свободное от службы время. Обладая замечательным умом, даром слова и в особенности даром ясно и логически излагать свои мысли, он пользовался большим влиянием на своих товарищей по службе и на всех тех, с кем он был в коротких отношениях. Я познакомился и сблизился с ним в 1820 году в м[естечке] Тульчине, где тогда находилась главная квартира 2[-й] армии. В это время он имел преобладающее влияние на всю тогдашнюю молодежь и пользовался этим влиянием не из самолюбия, а для того, чтобы действовать в пользу общества и его цели, будучи сам готов на все для этого пожертвования. Я давно знаю один из его поступков, который делает ему большую честь. Он готов был пожертвовать всеми своими служебными выгодами, чтобы достичь одного полезного для общества результата. Это, однако, не состоялось. Но при всем уме своем Пестель имел также недостатки. Желание подчинить своим идеям убеждения других было одним из них. Кроме того, он часто увлекался и в серьезных политических разговорах, особенно когда встречал противоречие, доходил до крайних пределов своих выводов и умозаключений. Это давало иногда повод к таким разговорам, которые хотя и не имели определенной цели, но в то время посеяли разномыслие и внушали некоторое опасение во многих членах общества, а впоследствии при следственных допросах были причиною осуждения многих невинных в злых умыслах против правительственных лиц. Все это происходило оттого, что в жару прений он, желая усилить доказательства, увлекался против собственной воли и потом иногда сам сознавался в том. Нельзя также не упомянуть здесь о том, что он не имел способности внушать к себе полного доверия. Причиною этого были нередко его хотя и правдивые, но довольно резкие замечания насчет тех лиц, с которыми он был тесно связан по обществу, которые невольно заставляли присутствующих сомневаться в его искренности.

Исключая этих недостатков, я не знаю, в чем бы можно было упрекнуть Пестеля. Сколько я ни припоминаю теперь его поведение в обществе во все время, пока

мы жили в Тульчине, я не нахожу ничего такого, в чем бы можно было обвинить его. Что он действовал прямо, честно, без всякой задней мысли в отношении себя, что он видел в обществе не средство к своему возвышению, а цель достичь желаемых результатов для блага России, в том я не только не сомневаюсь, но готов везде и всегда утверждать это. Судя его как человека, можно находить в нем много погрешностей, недостатков, уклонений от строгих правил нравственности, но и тут честность, бескорыстие, равнодушие к материальным выгодам и потребностям жизни составляли отличительные черты его характера. Как член же общества, как деятель политический, в первый раз задумавшийся в России об общественном перевороте не в пользу лица, а в пользу народного блага, он, кроме выше приведенных мною недостатков, зависевших не от него собственно, был, по моему мнению, вполне безукоризнен.

Многими подробностями из его жизни в Тульчине я мог бы подтвердить мое о нем заключение, но предоставляю потомству подробно разобраться и оценить эту замечательную личность своего времени.

Другой из пяти казненных, с которым я познакомился и сблизился в крепости, когда уже нас судили, был Михаил Бестужев-Рюмин. Я был помещен в начале моего заключения в таком сыром и душном каземате, что вскоре я сделался серьезно болен и потому по настоянию крепостного доктора был переведен в другой, более просторный. Когда я вошел в мое новое мрачное жилище, то от нечего делать я стал ходить по комнате и в это время услышал, что в соседнем со мною каземате кто-то напевал казацкую песню об изнывающем пленнике. Голос показался мне знакомым: «Est ce n'est pas vous monsieur Viviens?»*— спросил я. (Вивиен был один из моих тульчинских знакомых и служил офицером в Польской уланской дивизии.)— «Et vous le connaissez, cher camarade?— отвечал он мне.— Puis j'aussi vous demande sans indiscretion qui êtes vous»**. Назвавши себя, я, в свою очередь, спросил, с кем я имею утешение быть соседом.

* Это не вы, господин Вивиен? (франц).

** Вы его знаете, дорогой товарищ? Позвольте мне также вас спросить, кто вы такой (франц.).

«Я Бестужев-Рюмин»,— отвечал он, и вместе с этим я услышал бряцание кандалов.

Таким образом мы познакомились. В крепости не то, что в свете, связи делаются скоро. Потребность сочувствия и утешительное развлечение сообщать друг другу свои затворнические мысли располагают узников к доверию и откровенности, чем нередко, разумеется, пользуются соглядатаи ко вреду их. Может быть, то же было и с ним. Во всяком случае, мы хотя с Бестужевым и опасались этого, но, откинув излишнюю осторожность, продолжали говорить между собой при всяком удобном случае.

В нашем тогдашнем положении скрывать себя друг перед другом не было надобности, и потому я убежден, что в пять месяцев, мною с ним проведенных, я узнал его лучше, чем бы в пять лет при другой обстановке и при других обстоятельствах. Да и к тому же у него был такой характер, что он даже не умел себя скрывать. Это было пламя, которое ярко вспыхивало при одной капле масла. Все в нем доходило до крайних пределов, до какого-то фанатизма. Преданность его к людям, которых он любил, не имела границ и готова была на все жертвы, не исключая даже слепого безотчетного повиновения их воле. Это был в полном смысле слова Магомедов сеид [16]. Не думаю, чтобы собственные убеждения его были тверды, но, по крайней мере, в свое время он был искренен, и он ни за что бы не изменил им, покуда сам не признал бы их ошибочность.

Доверие его походило на детское (да и ему было всего 22 года) [17]. Не имея никаких задних мыслей, будучи на совести всегда чист, он не затруднялся передавать каждому все то, что было у него на душе; готов был при каждом случае сознаться в своей ошибке, хотя бы это было десять раз на день. Образование по-тогдашнему он получил прекрасное, знал французский, немецкий и английский языки и хорошо, правильно изъяснялся на них. Очень много читал, любил музыку и хоть не обладал обширным умом, подобно Пестелю, но даже и в этом отношении мог обратить на себя внимание. Говорил он хорошо, но всегда скоро и восторженно. Воспламенялся очень легко и особенно при таком рассказе или разговоре, который затрагивал сердечные его струны. Я очень сожалею, что, познакомясь с ним так коротко, я не мог

видать его физиономии*, но мне говорили, что она была очень выразительна, в особенности глаза, которые при малейшем душевном волнении, а оно случалось при каждой интересовавшей его беседе, воспламенялись как искры и находились в беспрестанном движении.

Любовь его к Сергею Ивановичу Муравьеву-Апостолу доходила до обожания, и я уверен, что в последние минуты мысль, что их ожидает одна и та же участь, утешала и того, и другого.

Остальных трех я не знал. Рылеева мне случалось видеть два раза в Петербурге у общего нашего знакомого А. О. Корниловича, а с Муравьевым-Апостолом я один раз встретился на станции около Киева. Каховского же ни разу не видал, даже до сентенции не слыхал об нем.

Приехавши в Москву в ноябре месяце 1860 года, чтобы провести в ней зиму, я нашел в ней только одного из сибирских товарищей своих, князя Трубецкого, семидесятилетнего старца. Не суждено было мне увидаться с ним. Приехал я больной и никуда не мог выезжать. Он тоже был нездоров, и потому каждый из нас ожидал выздоровления, чтобы приехать к другому. Но вдруг я поражен был неожиданной вестью о его смерти. У него ночью сделался паралич сердца, и он скончался в несколько минут. Не стану говорить ни о горести его детей, ни о том сочувствии, которое оказали ему не только те, кто его знали, но и все мыслящие люди нашей древней столицы. Скажу лучше несколько слов об этой замечательной личности в наш эгоистический век — замечательной не по твердости характера или по каким-либо принадлежностям гениальных умов, но по своей любви к ближнему, по неимоверной доброте души и той всегдашней готовности, с которою он рад был с полным самопожертвованием идти на помощь кому бы то ни было, и особенно друзьям своим. Трубецкой, как известно, играл незавидную роль в происшествии 14 декабря. Когда он прибыл в Восточную Сибирь вместе с прочими, начались его нравственные испытания, а с тем вместе выказались в полном свете его душевные качества.

---

* Мы разговаривали через две деревянные стены наших казематов, между коими был коридор, но выходить и видеть друг друга никак не могли.

Долгое время товарищи его не могли иметь к нему того сочувствия, которое было общим между ними друг к другу. Он не мог не замечать этого, и хотя ни одно слово не было произнесено в его присутствии, которое бы могло прямо оскорбить его, не менее того, однако, уже молчание о 14 декабря достаточно было, чтобы показать ему, какого все об нем мнения. Около года продолжалось это тягостное для него положение, но ни одного ропота, ни одной жалобы не было слышно с его стороны. Наконец, его доброта, кротость победили это неприязненное чувство, и мы все от души полюбили его. Да и могло ли быть иначе, когда мы узнали эту прекрасную душу, этот невозмутимо кроткий, добрый характер? Сколько раз у больных товарищей своих просиживал он по целым ночам, с какой деликатностью, предупредительностью старался он разделять свои вещественные средства с неимевшими их. С каким участием разделял он и скорби и радости каждого из нас, наконец, как благородно, как, скажу даже, великодушно вел он себя в отношении тех, которые наиболее осуждали его! Конечно, эти осуждения были отчасти справедливы, но много ли вы найдете людей, которые, признавая даже себя виноватыми в чем бы то ни было, безропотно, с кротостью и достоинством покорятся всем следствиям своей ошибки или слабости. Вся же его вина в отношении общества нашего и товарищей своих состояла в том, что у него недостало твердости характера в ту минуту, когда она была нужна для выполнения принятой добровольно на себя обязанности.

РАССКАЗЫ

НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ МОЕЙ В СИБИРИ (ЕРМОЛАЙ, МАРЬЯ, МАСЛЕННИКОВ)

В настоящее время, когда поднято столько общественных вопросов, когда и правительство, и мыслящая часть публики обращают свое внимание на положение низших сословий, когда самые даровитые писатели наши, изучая быт и нравственные качества народа, знакомят с ними своих многочисленных читателей, я не считаю лишним прибавить к их художественным и красноречивым рассказам несколько воспоминаний из моей долговременной жизни в таком краю, где я имел время и возможности коротко ознакомиться со всеми его общественными слоями.

В этих воспоминаниях стоят не на последнем плане несколько отдельных лиц из простого народа, поразивших меня в свое время свойствами и чертами характера. Теперь, когда начинается некоторая разумная связь высших сословий с низшими, первые легко поймут, что и между последними даже в самой отверженной части общества могут быть такие личности, которые при других обстоятельствах, при других условиях жизни могли бы занять видное место между своими соотечественниками.

Хотя по летам моим я принадлежу к старому поколению и далеко отстал от нового во всем, что входит в круг современного образования, но как прежде, так и теперь я вполне сочувствую успехам не мнимого, а настоящего просвещения, основанного, по моему мнению, на неуемной любви к ближнему и справедливости. Следуя всегда этому правилу столько же по рассудку, сколь-

ко и по чувствам моим, я считаю, что в человеческой природе не может быть ни одного примера *исключительного преобладания зла над добром* и что в мире не найдется такого злодея, в котором не было бы чего-нибудь хорошего, такой струны, которая бы не издавала сочувствующего добру звука. Согласно с этим я всегда смотрел на дурные поступки людей как на нравственные болезни, а на самых даже закоснелых преступников как на людей нравственно больных, которых следовало бы лечить с особенным вниманием и любовью, а не преграждать им все пути к выздоровлению. Я убежден, что с успехами просвещения и гражданственности люди будут иначе смотреть на нравственные недуги своих собратьев и что даже в уголовных законодательствах наших исчезнут мало-помалу средневековые правила возмездия, на котором большею частью они основаны.

Весьма буду рад, если мои рассказы возбудят хотя в нескольких лицах живое участие к тому разряду людей, на которых до этого времени смотрели или как на отверженных, или как не стоящих внимания членов общества.

ЕРМОЛАЙ

В 1827 году мне случилось проезжать по тогдашнему большому тракту в Иркутск через Нижнеудинский уезд. Путешествие это было зимою. Я ехал не один, а с тремя товарищами одних почти со мною лет. Ехали мы, или, лучше сказать, нас везли очень скоро, а так как у всех нас зимняя одежда далеко не согласовалась с сибирскими январскими морозами, то и принуждены мы были часто останавливаться, чтобы отогреть наши жестоко зябнувшие члены[1]. Проезжая Нижнеудинский уезд Иркутской губернии, мы именно по этой причине остановились в каком-то большом селении, название которого теперь не упомню. Хотя тут же находилась и станция, но не знаю теперь почему (вероятно, потому, что она оказалась или угарною или холодною), мы заехали в лучший крестьянский дом этого селения.

Дом был двухэтажный, и, войдя в верхний этаж, мы сейчас заметили, что хозяин был зажиточный человек. Комнаты были высокие, светлые, с кафельными печами

и хотя просто, но чисто и прилично убраны. Вместо лавок стояли диваны и стулья. В шкафу за стеклами красовалась фарфоровая с позолотою посуда, чайные и столовые серебряные ложки и другие принадлежности крестьянской роскоши. В передних углах образы, из которых многие были в серебряных окладах. Хозяин, которого звали Ермолаем, человек лет сорока пяти с умной и выразительной физиономией, встретил нас приветливо, поблагодарил, что мы к нему заехали, и приказал работнику поставить самовар, стал хлопотать вместе с женой за приготовлением обеда. На все наши возражения, что нам довольно одного чая и что мы не голодны, а только немного прозябли, он отвечал, что без обеда нам выехать от него не следует и что пока готовят и запрягают лошадей, все будет готово. «Не подумайте, господа,— прибавил он,— чтобы я что-нибудь взял за это с вас. Вы меня обидите, если захотите платить за мой хлеб-соль».

Такое с его стороны радушие не позволило нам отказаться от его приглашения, и мы согласились исполнить его желание. Сняв с себя верхнюю теплую одежду, мы уселись около стола и в ожидании самовара закурили трубки, узнав наперед, что хозяин не старообрядец. Вскоре он сам подсел к нам и, пока его жена постилала скатерть, устанавливала поднос с посудой и всем, что нужно для чая, он стал говорить с нами о местных событиях того времени, показывая в разговоре замечательную сметливость и большой здравый смысл.

В продолжение беседы нашей я как-то подошел к окну и, увидав, что строится новая церковь, архитектура которой мне очень понравилась, спросил его, где же старая и какими средствами сооружается новая. Всем ли обществом или богатыми жителями селения? «Это я один строю, батюшка,— отвечал он.— Старая сгорела от грозы. Не могу добиться разрешения на постройку. Нам, поселенцам, везде затруднения, даже и в богоугодных делах». Узнав, что он из ссыльных, я с удивлением посмотрел на него, и он, заметив это, продолжал: «Вы, может быть, не поскучаете послушать мою историю. Я охотно ее рассказываю всякому». Все мы стали просить его об этом, и он с заметным удовольствием начал рассказ свой.

«Я был крепостным человеком господина Ъ. Барин мой был единственным сыном у матушки, женщины стро-

гой, но благочестивой. Я служил при нем камердинером, и как он считался по гвардии, то мы и жили с ним в Петербурге. Матушка же его в орловской своей деревне. Они были очень достаточны, и барин мой крепко меня любил. Житье мое было хорошее, привольное, денег всегда было вволю, а в молодые лета им цены не знаешь, и мы с барином так порядочно тратили их на всякую всячину. Казалось бы, только хорошо жить да бога благодарить, а именно на это так и не ставало ума-разума. Лезет, бывало, в голову дурь, да и полно. Барин поедет в собрания, в театр, а я тем временем в трактир сыграть партию- другую на биллиарде, или выпить чайку, или виноградного. Так жил я до 806 года. В это время объявлен был поход на француза в Австрию[2]. Гвардия выступила, а с ней и мой барин. Меня же он отправил с лошадьми, коляской и многими другими лишними вещами, всего будет тысяч на пять, к матери своей, приказав все это ей доставить и, взявши от нее денег, приехать к нему на австрийскую границу. Я доехал до Орла благополучно, оставалось только верст 200 до нашей деревни. В Орле я остановился, чтобы дать отдохнуть лошадям и нанять других ямщиков. Между тем сам пошел для развлечения в трактир, там немного подгулял, играл с неизвестными мне людьми на биллиарде, проиграл им все бывшие при мне деньги и потом пошел по приглашению их к ним на квартиру отыгрываться, где и обыграли они меня в карты. Коляску, лошадей, вещи — я все проиграл им пьяный почти до бесчувствия. Утром на другой день, когда я проснулся и пришел в себя, побежал было к разбойникам, но их и след простыл. Хозяин же дома объявил мне, что и знать не знает таких людей, что и меня не знает, и что все это я говорю вздор. Что было делать? Я не знал прозваний игравших со мной мошенников и едва мог бы признать их в лицо. Однако же я объявил обо всем полицмейстеру, тот посадил меня под арест и, снявши допрос, отправил к барыне по пересылке, произведя между тем розыски. Барыня, как и должно было ожидать, сильно на меня прогневалась и сослала на поселение. Конечно, если б в это время был налицо молодой барин, он бы не сделал так, а, наказав, простил бы меня.

Вот каким образом,— продолжал он,— я попал в матушку Сибирь. Пришедши с партией в Нижнеудинск,

а шел я с лишком года, меня назначили в это селение, которое тогда было еще не так многолюдно. Исправником в это время был здесь, дай бог ему царствие небесное, Лоскутов *, о котором, конечно, вы слыхали, а если не слыхали, так услышите. Это был человек редкий, необыкновенный, каких мало на свете и каких надобно в Сибири. Нечего сказать, строг был, но зато справедлив, и не один из нашего брата, поселенцев, обязан ему не только своим достоянием, но и своим исправлением. Я, со своей стороны, всякий день молю о нем бога. При нем, бывало, бросьте кошелек с деньгами на большой дороге, никто не тронет или сейчас же объявит о находке. Вот и призывает меня Лоскутов к себе. «Ты назначен,— говорит он мне,— в такое-то селение. Место привольное, если не будешь пить и будешь трудиться, то

---

* Действительно, Лоскутов был замечательной личностью своего времени, и его имя до сих пор вспоминается и с трепетом, и с признательностью. Нижнеудинский уезд был положительно им пленен и устроен. Без всякого образования, но с хорошими умственными способностями, а главное, с твердой, непреклонной волей, он действовал и распоряжался по своему усмотрению, не обращая внимания на формы и не стесняясь никакими препятствиями. Что по своему мнению он считал полезным и справедливым, то он и делал, не спрашивая разрешения и не давая никому отчета. Долгое время он был любимцем бывшего иркутского губернатора Трескина (тоже дельного, строгого и распорядительного человека), и пока тот управлял губернией, ему все сходило с рук, потому что видимые результаты его управления уездом заставляли снисходительно смотреть на его поступки. Поступки же эти хоть и приносили пользу для края, но ознаменовывались самым вопиющим произволом и часто даже бесчеловечием. По приезде в Сибирь генерал-губернатором покойного графа Сперанского к нему поступило множество жалоб на Лоскутова, которые оказались более или менее справедливыми. Трескин был уже тогда удален от должности, и, следовательно, некому было заступиться за него. Сперанский отрешил Лоскутова от должности и предал суду, до окончания которого он умер, не оставив после себя никакого состояния, что доказывает его бессребреность. В ней отдавали ему справедливость не только те, которые более других возмущались его действиями, но даже самые лица, от него пострадавшие. Я был в Сибири, когда память о нем была еще свежа, и потому видел сам и слышал много такого, что говорило в его пользу, а с другой стороны, не мог не возмущаться тем, что рассказывали о его жестокостях и его произволе. Такой человек, как Лоскутов, мог только при тех обстоятельствах, в которых находилась тогда эта часть Сибири, действовать так, как он действовал, и быть ей полезной. При других условиях и в благоустроенном крае он или поступал бы иначе, или бы сейчас был предан суду и сошел бы со сцены.

скоро разбогатеешь. Смотри, не ленись, работай примерно, через шесть месяцев я заеду к тебе и если найду, что ты ничего не приобрел, ничем не обзавелся, запорю до смерти. Если же увижу, что ты трудишься хорошо, то готов буду сам тебе помогать».— «Батюшка, ваше высокоблагородие,— отвечал я,— усердия у меня достанет, да и работать я рад, но тяжело будет подняться, не имея ничего. Придется ведь долго еще жить в работниках, пока не скоплю деньжонок на свое обзаводство».— «Правда,— возразил он,— ты говоришь хорошо, но так ли будешь поступать. Увидим. За деньгами дело не станет. Вот тебе сто рублей, распорядись ими с умом, но помни, что я даю их тебе взаймы и не только потребую у тебя назад деньги, но и отчета в твоем хозяйстве». Я вышел от него, взявши деньги, не без страха, ибо знал уже от своей братвы ссыльных, что как он говорит, так и поступает. Ровно через шесть месяцев Лоскутов приехал по какому-то делу в наше селение и в тот же день пришел осмотреть мое хозяйство, велел даже принести напоказ крынки с молоком и, оставшись доволен, позволил мне еще держать у себя данные им деньги. В продолжение этих шести месяцев я женился, обзавелся домом, посеял хлебца, завел лошадь, корову и овец. Бог помог мне выручить порядочную сумму от охоты за козулями. Я по примеру здешних старожилов устроил в лесу две засады, и богу было угодно, чтобы в засады мои попалось этого зверя более, чем у других, так что я в первый год продал мясо и шкур рублей на 200. Вот как я начал. Правда, трудился с женой денно и нощно, но господь, видимо, помогал моим трудам. Лоскутов, бывало, не нарадуется, войдя ко мне. «Ай да Ермолай, молодец, люблю таких». Лет через десяток я завел большую пашню, стал держать работников, пускать в извоз лошадей. У меня начали останавливаться кяхтинские приказчики с чаем. Одним словом, я разбогател по крестьянскому быту. Мог бы и еще более разбогатеть. Стоило только пуститься в казенные подряды. Меня приглашали и даже насильно втягивали чиновники, да сам я не захотел. Тут не всегда поступается на честных правилах, надобно делить, давать, надобно плутовать, воровать у казны, да и концы уметь хоронить. Мне этого не хотелось. Пусть уже другие от этого богатеют, а не я. Мне бог позволил нажить копейку честным образом. Велика его милость была ко

мне, грешному, надобно было стараться заслужить прежние грехи. У меня это не выходило из головы. Вот как только случились лишние деньги, я и написал письмо к прежнему барину, вложил в него 4 тыс. ассигнациями и отослал к нему, прося у него прощения и уведомляя о своем житье-бытье. Матушка его в это время давно уже скончалась. Барин же мне отвечал и приглашал меня воротиться в Россию, обещая об этом хлопотать. Вот и письмо,— прибавил он,— вынимая из шкафа бумагу *. Но мне уже здесь было так хорошо, что я и не подумал о возвращении. К тому же бог благословил меня семейством. Лоскутов, узнав, что я отослал барину деньги, при целом обществе поцеловал меня и сказал: вот, ребята, берите пример с Ермолая, и тогда будете людьми. Потом я захотел из благодарности за милость божию ко мне выстроить ему храм и долго хлопотал у преосвященного о разрешении. Наконец получил его, когда старая ветхая церковь сгорела от грозы. Пашни у меня более ста десятин. Две заимки (заимками называются в Сибири некоторого рода фермы с хозяйственными постройками, скотом и находящимися при них пашнями, лесом и лугами), держу около 40 работников и занимаюсь извозами. Все здешние крестьяне меня любят и со мной советуются. Я же дал обещание никому не отказывать в помощи, не спрашивать у просящего, кто он и на что ему. Вот еще недавно, нынешнею осенью, еду я на заимку верхом и встречаю несколько человек беглых. «Куда путь держите»,— спрашиваю я их.—«К Ермолаю на заимку,— отвечают они.— Он, мы слышали, добрый человек, поможет нам».—«Ермолай-то добрый человек,— говорю я,— да законы-то строги, а у него на заимке много работников. Ну как они вас задержат да представят к начальству? Пойдемте-ка лучше к нему на дом». Я поворотил назад, они пошли за мной! Я накормил их, дал белья и снабдил кое-чем на дорогу. Рассуждаю так: дело правительства

---

* Мы с любопытством прочли это письмо. Барин писал к нему, что он был поражен его поступком, показывал его письмо всем своим знакомым. И что если только он изъявит желание воротиться в Россию, то он немедленно будет об этом хлопотать, и что нет никакого сомнения, успеет в этом. Заметно было, что Ермолай и сам часто читал его и давал читать другим. Оно от времени и употребления пожелтело и походило на старую ассигнацию.

ловить беглеца, мое же накормить и помочь человеку»*.

Мы внимательно слушали этого замечательного человека. Удивлялись его простой, но здравой философии и по окончании его рассказа от всего сердца его обняли. Вот вам преступник, господа сочинители и исполнители уголовных кодексов и общественных учреждений. Вы скажете: это исключение. Да, исключение, но кто вам дал право отнимать все будущее у подобного вам. Это дело одного бога. Вы же можете быть одними только нравственными врачами. Лечите, старайтесь лечить как можно искуснее, не вредя здоровых органов, и когда вылечите, возвратите обществу его члена, который может быть для него полезнее многих других, в особенности своим примером, а не клеймите его вечным позором.

Напившись прекрасного чая и сытно отобедав, причем было даже и виноградное вино, мы простились с нашим добрым хозяином, который взял с нас обещание посетить его непременно в том случае, если кому-либо из нас приведется ехать обратно по этой дороге.

Лет через десять, возвращаясь из-за Байкала в Западную Сибирь, мне надобно было опять проезжать это селение. Вспомнив о Ермолае и о моем обещании, я остановился прямо у него. Десять лет несколько изменили черты его, и хотя седина начинала уже очень обозначаться, но все еще он казался бодрым и здоровым человеком. Сначала он было меня не узнал, но потом, когда я припомнил ему мое первое посещение с обстоятельствами, которые его сопровождали, то он, как заметно было, чрезвычайно мне обрадовался. В это время он уже не так деятельно занимался своим хозяйством. Смерть единственного сына, мальчика лет 15-ти, наложила на него печать душевной скорби и лишила его цели трудиться для будущего. В разговоре со мной он не раз упо-

* В Восточной Сибири существует обыкновение, которое показывает, какими глазами сельское народонаселение смотрит на беглых, оставляющих нередко места их ссылки вследствие тяжелых и изнурительных работ, дурного обращения местного начальства или собственного худого поведения. В каждом селении при домах вы увидите под окнами небольшие полки, на которых на ночь кладут печеный хлеб, творог, крынки с молоком и простоквашею. Беглые, проходя ночью селения, берут это все с собою как подаяние. Этот обычай избавляет вместе с тем жителей от воровства, ибо недостаток в пище заставлял бы поневоле многих из проходящих беглецов прибегать к покушению на чужую собственность.

минал, что бог этой потерею пожелал наказать его за прежние его проступки, что как ни тяжела ему эта утрата, но он должен безропотно покориться воле всевышнего, и при этом крупные слезы падали из глаз бедного отца на его седую бороду [3].

МАРЬЯ

В одном из уездных городов Западной Сибири, где я жил несколько лет [1], у меня находилось в услужении крестьянское семейство пригородной волости. Оно состояло из мужа, жены и двух детей. Муж был кучером, а жена исправляла должность повара, потому что очень порядочно готовила кушанье. Она находила для себя выгоднее жить в услужении, чем заниматься хлебопашеством, которое при тогдашней дешевизне хлеба в том краю скудно вознаграждало труды бедного земледельца, не имевшего других источников к приобретению и не знавшего никакого ремесла. Может быть также, что привычка жить в работниках или в услужении отнимала у них охоту заниматься собственным хозяйством; не менее того оба они были люди хорошего поведения, усердные и прилежные к делу, так что я не желал иметь лучшей прислуги. Мужа звали Гаврилой, а жену Марьей.

Мне нравилась в особенности жена. Это была женщина кроткая, трудолюбивая и очень к нам привязанная. По прошествии некоторого времени, когда мы хорошо ее узнали, то во всем на нее полагались, и она составляла нам будто часть нашего семейства. Ни одного раза не случалось ни мне, ни жене моей заметить какое-либо с ее стороны нерадение или отступление от правил честности, и как при этом она хорошо готовила и была нраву веселого, то мы были рады, что нашли такую женщину.

В течение пяти лет, то есть во все время нашего пребывания в этом городе, она постоянно жила у нас, и я даже крестил одного из ее детей.

Мужем я также был некоторое время доволен. Но в продолжение пяти лет два раза он отходил от меня месяцев на пять или на шесть и вот по какому случаю. Проживши сначала года полтора так хорошо, что мне не случалось ни разу делать ему даже замечание, он вдруг переменил поведение, стал пить, пьяный грубить

и худо смотреть за лошадьми. Сначала я было не обращал на это внимание и внутренне извинял его. Где же найти людей, думал я, со всеми достоинствами и особенно в темном классе, куда нравственное образование не могло пустить глубоких корней. Но, наконец, это усилилось до такой степени, что я должен был принять меры. Разумеется, единственное средство было уволить его и взять другого. Но, имея в виду его прежнюю службу, мне жаль было расставаться с ним. Сверх того, я хотел попробовать, не подействуют ли мои увещевания. Сначала я переговорил об этом с его женой, но она мне сказала, что вряд ли слова мои помогут. Тогда, выбрав время, когда он был трезв, я призвал его к себе и сказал ему: «Любезный Гаврила, что это с тобой сделалось? Полтора года я был так тобой доволен, что не желал бы иметь лучшего человека, но вот с месяц как на тебя нашла какая-то дурь. Ты сам видишь, что ты стал совсем другой, нежели был до этого времени. Одумайся, исправься и живи по-прежнему, а не то нам придется с тобой расстаться». Вот его ответ: «Я, сударь, вами доволен, и мне лучшего места не найти. Но ведь не все же жить одинаково. Жил долгое время хорошо, надобно и худенько пожить». Я не мог не рассмеяться такой логике и сказал ему на это: «Ну, так вот что, Гаврила, пока ты хочешь жить худенько, живи у тех, кому это нравится, а когда захочешь опять жить хорошо, приходи ко мне, и если место будет свободно, то я возьму тебя». На том мы и решились. Я его рассчитал, жена осталась у меня, а он нашел себе другое место. Через шесть месяцев он пришел ко мне и опять стал хорошо себя вести. Потом, года через два, явился сам с просьбой уволить и рассчитать его и потом опять месяцев через пять поступил ко мне и оставался уже до тех пор, как я совсем выехал из города. В продолжение всего времени его служения, исключая месяца, о котором я говорил уже, вел он себя примерно.

Как ни странным покажется такое проявление хороших свойств и дурных наклонностей в простой, не получившей образования личности, но тут нет ничего такого, чего бы нельзя было понять или чему удивляться. Тот же факт, в котором играет роль его жена, так поразителен и так непонятен, что я и тогда, и теперь не иначе могу объяснить его себе, как следствием борьбы лучших

свойств человека над нечистыми его побуждениями и окончательной нравственной над ними победы.

Три года с лишком жила у нас Марья, и именно в то время, когда ее муж вторично отошел от меня, мы стали замечать в ней некоторую перемену. Будучи веселого, общительного характера, она вдруг сделалась грустна, задумчива и при этом неимоверно нам услужлива. Полагая, что такая перемена была следствием тревожных ее дум о муже, мы старались всеми силами ее успокоить и особенно были к ней ласковы.

Однажды утром, когда я сидел у себя в кабинете и чем-то занимался, она вошла ко мне, но вошла не как обыкновенно, а с робостью и грустным, печальным видом. «Что тебе нужно, Марья?— спросил я, взглянув на нее.— Здорова ли ты?» — «Здорова и пришла к вам за своим делом,— отвечала она запинаясь.— Хочу просить у вас милости. Не откажите мне в просьбе моей».— «С удовольствием исполню ее, разумеется, если она дельная, в чем я и не сомневаюсь. Говори же, что тебе нужно?»

Довольно долго стояла она молча, наконец тихо и с расстановкой произнесла: «Бога ради, посадите меня в острог»,— при этом на глазах ее были слезы.

Я так был поражен ее словам, что некоторое время не знал, что ответить ей. Мне представилось, что она нечаянно совершила какое-нибудь преступление, не сделала ли что-нибудь со своими детьми? «Как в острог,— проговорил я наконец с удивлением,— за что, что ты сделала?»—«Сделать я ничего не сделала,— отвечала она кротко,— но вот уже около месяца у меня в голове вертится только одна мысль, как бы посидеть в остроге вместе с преступниками. Как ни старалась я отбиться от этой мысли, ничего не могу сделать над собою! И во сне-то вижу и наяву думаю, как там хорошо, как весело там, ну так бы туда и побежала. Боюсь, что если вы меня не посадите, то я что-нибудь да сделаю, чтобы попасть туда, а ведь у меня дети. Н[иколай] В[асильевич], что тогда будет с ними?»

«Послушай, Марья,— сказал я ей подумав,— ты сама понимаешь, что твоя просьба так странна, так необыкновенна, что вдруг я не могу на нее согласиться, тем более, что исполнение ее зависит не от меня, как ты знаешь. Дай подумать, я переговорю сначала с городничим,

а может быть, и доктором. Теперь ступай, а я съезжу к ним».

Она поклонилась и молча вышла. Покуда запрягали лошадь, я сходил к ней на кухню. Все там было в порядке. Она хотя и задумчивая, но занималась своим делом. Дети бегали около нее.

Сказав несколько слов жене, чтобы она осторожно наблюдала за ней, я отправился сначала к доктору. Когда я передал ему это необыкновенное обстоятельство, он решительно признал его признаком сумасшествия и сейчас же поехал со мною, чтобы ее освидетельствовать. По дороге мы заехали к городничему, рассказали ему этот странный случай и пригласили с собой.

Приехавши ко мне, мы призвали ее в мой кабинет и долго очень ласково говорили с ней. На все она отвечала со смыслом, без всякого признака помешательства и только упорно стояла на своем желании пожить в остроге, признавая его, со своей стороны, также странным, как оно казалось нам. Городничего, доктора, несмотря на все их уверения, что в остроге было и скучно и дурно и что там соблюдалась большая строгость, она умоляла выполнить ее просьбу, а меня во время отсутствия своего позаботиться о детях. На свое же место обещала найти временно хорошую стряпку.

Когда доктор щупал у нее пульс, она, улыбаясь, сказала ему: «Я ничем не больна, сударь, и поверьте, что нахожусь в своем уме. Моя просьба, конечно, заставляет вас сомневаться в моем рассудке, но вы сами видите, что я не сумасшедшая, хотя и не могу объяснить вам моего желания, непонятного для меня самой».

Отпустив ее, мы долго рассуждали о таком необыкновенном случае. Доктор не заметил в ней ни одного признака сумасшествия и советовал исполнить ее просьбу. Я бы мог взять ее в больницу, говорил он, но это всегда можно будет сделать, если окажется, что она помешана. Теперь же лучше попробовать согласоваться с ее желанием, тем более, что от того вреда никому не будет. Городничий также согласился, и мы решили в этот же день после обеда отправить ее в острог. Разумеется, что все расходы на ее там содержание я взял на себя.

Когда они уехали, я объявил ей, что просьба ее будет исполнена и что после обеда за ней придут, чтобы отвести в тюремный замок. Она со слезами поблагодарила

меня, не выказав, однако, никакого особенного удовольствия.

Явился, наконец, квартальный с двумя инвалидными солдатами. Последние были с ружьями и с примкнутыми штыками. Она сначала как будто бы испугалась, но вскоре оправилась и стала собираться, прощаясь с нами и детьми. Я объяснил ей, что буду иногда ее навещать в остроге и что как только ей там наскучит и она пожелает выйти, то это будет сей час исполнено. Я хотел было посылать ей туда кушанье, но она решительно отказалась от того. Пошла она между двумя часовыми грустная, с поникшей головой, точно преступница, которую ведут наказывать. Ее поместили в женском отделении вместе с теми, которые содержались там.

Долго рассуждал я об этом непонятном явлении и мог только объяснить его себе тем, что ей пришла в голову какая-то преступная мысль, от которой она не могла избавиться. Пользуясь нашим доверием, она во всякое время могла похитить у нас и ценные вещи, и деньги, которые, как ей было известно, лежали всегда в шкафе, ключ от которого часто оставлялся ей же или просто на столе. Может быть, это искушение ее преследовало и не давало покоя. Чтобы навсегда избавиться от него и вместе с тем наказать себя за дурные помыслы, она, должно быть, решилась прибегнуть к такому средству, которое бы беспрестанно напоминало ей гибельные следствия преступления. Когда я сообщил мое предположение доктору, то он согласился, что оно вполне объясняет ее поступок, тем более, что умственного расстройства у ней не оказалось.

Более месяца просидела она в остроге и ничем не отличалась от прочих заключенных. Она сама не хотела никаких для себя преимуществ или послаблений. Употреблялась вместе со всеми на работу, мыла в остроге полы и довольствовалась той же пищей. Ни разу также не пожелала видеть детей. Я иногда навещал ее и всегда заставал сидящею грустно на нарах. На вопросы мои, не наскучила ли ей эта жизнь, она отвечала, что не пришла еще пора оставить ей острог. Наконец, по прошествии пяти недель дала мне знать, что желает выйти. Я сказал об этом городничему, который сейчас же приказал ее выпустить.

Она пришла жить опять ко мне, заплакала, увидавши

детей, и несколько времени была задумчива. Потом это прошло, и она оставалась у нас еще около двух лет, ведя себя примерно и оказывая нам большую преданность. Разумеется, мы не намекали ей об этом происшествии, и как мне ни хотелось узнать от нее самой настоящую тому причину, но я боялся огорчить ее напоминанием грустного прошедшего.

Впоследствии, лет через пять, я жил в ста с небольшим верстах от этого города, и она, узнав, что мы очень нуждаемся в стряпке или поваре, предлагала мне через одного из моих знакомых приехать к нам в услужение, несмотря на то, что в это время она уже жила своим домом и находилась в довольстве, окруженная семейством.

«Скажите им,— прибавила она, когда он писал о ней в своем к нам письме,— что я предлагаю это не из нужды, а помня их ко мне милости». Разумеется, я не хотел воспользоваться ее к нам признательностью.

Много ли найдется людей с высшим образованием, которые бы так умели совладеть со своими дурными побуждениями и которые бы для смирения их не задумывались прибегнуть к такому сильному средству.

МАСЛЕННИКОВ

Долгое время по независящим от меня обстоятельствам я проживал за Байкалом в Петровском чугуноплавильном заводе[1]. Это было тогда большое селение с двумя с лишком тысячами жителей, большей частью ссыльнокаторжных, то есть сосланных в работу за самые важные преступления. Завод принадлежал казенному ведомству и управлялся горными чиновниками. Работы производились ссыльными, получавшими от казны паек натурою и ежемесячное самое ничтожное жалованье, так что содержания этого далеко не могло доставать на самые необходимые потребности. И, однако, большая часть из семейных ссыльных, устраивавших себе отдельные хозяйства, жила порядочно. Но зато остальные, одинокие, частью находившиеся в остроге, а частью жившие по квартирам, были в самом жалком положении. Соразмерность между теми и другими зависела более или менее

от местного заводского начальства. Если управляющий заводом был человек добрый, честный и распорядительный, который поступал с ссыльными кротким образом и распоряжался казенными работами так, что оставалось время работать на себя, и дозволялось это. Если он обращал внимание на материальный быт ссыльных и на улучшение их нравственности, тогда положение их улучшалось, и многие из холостых старались обзавестись семейством и своим хозяйством. Такие жили уже большей частью спокойно, беспрекословно исполняли приказания начальства, никуда не отлучались без позволения, одним словом, мирились со своей судьбою и делались обыкновенно порядочными людьми. Остальные же по дурной нравственности или другим каким-нибудь причинам, проводя целые дни в тяжкой работе, в душном, грязном остроге, без одежды зимой и летом, питаясь так, чтобы не умереть только с голоду, весьма естественно возмущались своим положением и думали только о том, чтобы как-нибудь хотя бы даже преступлением от него избавиться. Если ко всему этому присоединялось, что начальники завода поступали с ними жестоко и не заботились о их материальном быте, то неудивительным покажется, что многие из числа их при малейшей возможности бежали из завода и скитались по окрестным местам, прибегая часто по необходимости к разного рода преступлениям.

Зимой побеги эти были невозможны. Где бы могли укрыться беглые в 30-градусный сибирский мороз, не имея даже и теплой одежды. Но с наступлением теплого времени, весной, когда вся природа сбрасывала с себя белый саван и облекалась в свою роскошную одежду, когда все пробуждалось к жизни и наслаждениям под животворными лучами солнца, в это время и у этих несчастных рождалось непреодолимое желание сбросить свои оковы, вырваться на свободу и подышать чистым воздухом. Это называлось ими *погулять на просторе*. Обыкновенно побеги начинались с конца апреля и прекращались в октябре. К этому времени большая часть из беженцев возвращалась на свои места или, пробравшись к другим заводам, являлась там с повинной головой. Разумеется, что многие из них погибали и что, не смея явно показываться в населенных местах, они часто должны были прибегать для своего существования к раз-

ным хитростям и поступкам, нарушавшим и общественную безопасность, и права собственности.

Хоть такие побеги строго наказывались и ни одному из беглых не сходило с рук его виновное отсутствие, но в человеке так сильна потребность свободы, что это нисколько их не удерживало, и они переносили ожидавшее их наказание с твердым намерением при первом удобном случае поступить так же. Всех их держать постоянно в заключении и охранять военною силой местное начальство по недостаточности средств не имело никакой возможности. Одни только отъявленные злодеи содержались всегда скованными, под строгим присмотром и не употреблялись даже на работы. Остальные же по пробытии нескольких месяцев в остроге и по наказании за побег отпускались вскоре или на квартиры, или хоть и оставались жить в остроге, но могли отлучаться для своих надобностей по заводу.

В таком состоянии находилось народонаселение Петровского завода, когда я прибыл туда. В продолжение семилетнего моего там пребывания мне случалось нередко иметь сношение с этими людьми, отвергнутыми обществом, и не раз думать и рассуждать с другими о таком неестественном их положении.

Здесь должно заметить, что местное начальство, разумеется с разрешения высших властей, чтобы сколько-нибудь прекратить ихние побеги и избавить окрестные места от преступлений беглецов, не имея возможности само посылать за ними погоню и отыскивать их по огромному пространству Забайкальского края, прибегло к такой мере, которая доставила ему в этом отношении содействие всего бурятского населения, кочующего в уездах Верхнеудинском и Нерчинском, где преимущественно находятся казенные заводы. Эта мера состояла в том, что каждому буряту дозволялось ловить ссыльного и в случае сопротивления убивать его. Если бурят приводил в завод пойманного, то ему платилось 10-ть ассигнаций, если же он убивал его и указывал место, где находился труп, то давалась половина этой суммы.

Разумеется, что эта мера, согласовавшаяся с выгодами идолопоклоннического бурятского населения, находившегося почти в диком состоянии, была ими охотно проводима в исполнение, так что в продолжение всего лета кочующие около Петровского завода буряты партиями

отправлялись верхом по лесам отыскивать беглых. Если кому-либо из них, вооруженному луком, стрелою и винтовкою, случалось встретить в лесу беглого, то бурят приказывал ему остановиться на некотором от него расстоянии и потом идти впереди его по направлению к заводу, имея наготове или стрелы, или винтовку. Если беглый повиновался, то он приводил его живым и получал следующее вознаграждение, если же беглый покушался уйти от него куда-нибудь в сторону, в чащу леса, то он стрелял в него из винтовки или лука и таким образом убивал его, а потом отправлялся в завод дать об этом знать. Редко случалось, чтобы беглец уходил от преследующего его бурята, которому известны были все места и который, сверх того, будучи верхом, не боялся нападения со стороны ссыльного.

Весьма натурально, что эта мера хотя и достигала в некоторой степени той цели, для которой она была установлена, но вместе с тем ставила ссыльнокаторжных в самые враждебные отношения с бурятскими племенами. Не восходя к причинам, побудившим к ней местное начальство, не разбирая, что буряты в этом случае были простыми, бессознательными ее орудиями, ссыльные перенесли на них всю свою ненависть и им одним приписывали убийства и предательства своих товарищей, попадавших в их руки[2].

Стало быть, между ними и бурятами была непримиримая вражда. Те и другие ненавидели и боялись встретиться один на один друг с другом.

Все сказанное мною было необходимо, чтобы понять характер личности ссыльного, о котором я намерен говорить.

В то время, как я жил в Петровском заводе, он управлялся человеком добрым, справедливым, который входил в положение ссыльных, старался, по возможности, улучшить их быт и потому был ими любим. При нем в мое время хотя и случались летние побеги, но гораздо в меньшем числе, нежели прежде, и вообще в заводе было так спокойно, что, бывало, без всякого опасения можно ходить ночью в самых отдаленных и пустынных местах. При нем число семейных значительно увеличилось, и большая часть из них занималась разного рода ремеслами. Были и плотники, и столяры, и кузнецы, и часовщики, и серебряных дел мастера, одним словом, для

всякой работы можно было найти знающего свое дело ремесленника.

Между этими ремесленниками был некто Масленников, отличный столяр и плотник, человек небольшого роста, но крепко сложенный и казавшийся на вид лет тридцати. Мне иногда случалось иметь с ним дело, и когда нужны были кое-какие столярные поделки, то я всегда посылал за ним. Он имел свой собственный домик, был женат и жил в довольстве. Раз как-то он перестилал у меня в комнате пол. Смотря на его работу и замечая его силу и ловкость, я спросил его, сколько ему лет и давно ли он в заводе.

«В заводе я около 30 лет,— отвечал он,— а от роду мне будет за пятьдесят».—«Трудно поверить этому, любезный Масленников,— возразил я.— Тебе на вид не кажется и сорока. Видно, житье здесь тебе хорошее, что ты не стареешь?» — прибавил я. «То ли еще бы было, если б я не подвергался столько раз заводской расправе. Дед мой жил 120 лет, а отец еще и теперь живет. Еще недавно я получил от него известие».—«А ты откуда родом?»— спросил я. «Из города Орла, тамошний мещанин».

На этот раз разговор наш тем и кончился. Мне совестно было спрашивать его, за что он был сослан и почему часто подвергался заводской расправе. Не менее того он меня заинтриговал, и дня через два, разговаривая с одним из заводских служителей, я спросил его, знает ли он Масленникова, какого он поведения и за что его наказывали несколько раз?

«Как не знать Масленникова,— отвечал он,— его не только в заводе все знают, но даже и кругом верст на пятьдесят, а особливо буряты. Теперь он прочен, смирен, трудолюбив, а то был бедовый человек. Никто, сам прежний управляющий В. не мог пособиться с ним. Раз шесть он был наказан кнутом, и ему все это было нипочем. Сам угомонился и вот уже лет десять как стал порядочным человеком».

Натурально, что такой об нем отзыв возбудил еще более мое любопытство, и я стал было просить служителя рассказать мне о нем поподробнее.

«Пожалуй, я расскажу вам все, что знаю,— отвечал он,— но всего лучше спросите у него самого. Он лгать не будет и не скроет от вас ничего из своей жизни в заводе».

В скором времени Масленникову случилось опять у меня работать, и я, полагаясь на слова служителя, с некоторой осторожностью и лаской попросил его рассказать мне свою историю.

«Извольте, сударь,— отвечал Масленников,— другому, может быть, я бы не так охотно стал рассказывать свою буйную жизнь, но от вас ничего не утаю. Вы хоть и осудите, но и пожалеете меня.

Я был единственным сыном зажиточного орловского мещанина. Три года ходил в училище, выучился грамоте, читать, писать — не научился только смирению. Нрав у меня был крутой, строптивый, что я раз задумал, того, бывало, уже никто и ничем не остановит. Отец и мать любили и баловали меня. Всякая наука мне давалась легко. В столярном ремесле не было мне равного в целом городе. Но жизнь я вел разгульную, что, бывало, выработаешь, то и прогуляешь. Приятелей нашлось много, и я часто кутил с ними по целым ночам. Так прошло года два-три. Мне же стала надоедать такая жизнь, и я было задумал жениться и остепениться. Нашел невесту, и тут-то и постигло меня несчастье: в припадке ревности я совершил большое преступление — убийство. Скрыть было нельзя, да я и не старался. Меня осудили, наказали и сослали в работу. Вот каким случаем попал я в Петровский завод лет около 30 тому назад.

Тогда было не то, что теперь. Начальство было дурное. Нашего брата, ссыльного, не считали и человеком. Поступали с нами больно жестоко. Заводским начальником был сначала Т.., а потом В... Вы, я думаю, слышали, что был за зверь последний? Да, к тому же, он обирал нас даже и в жалованье. При нем, как настанет, бывало, лето, половина завода пойдет гулять по лесам. Осенью, разумеется, большая часть возвратится, и их накажут, но все-таки месяца три-четыре они побудут на свободе. Остальных перебьют буряты или представят живыми в завод. Вот тут и пойдет расправа. Милости не жди.

И проклятое же это племя бурятское. Им бы только получить за нашего брата деньги, а убить человека ровно ничего не значит.

Возмутился я такой их к нам злобою. Жаль мне стало своего брата, хоть и знал, что многие из них никуда не годятся. Но все же ведь люди, а не животные, да и христиане притом. Вот я и стал придумывать, как бы тут

поступить, чтобы отбить охоту у бурят охотиться на ссыльных. До этого времени я сам еще ни разу не бегал из завода. И пришла мне мысль: точно так же, как они ходят на ловлю наших, ходить и нам на ловлю их самих. Ведь это, рассуждал я сам с собой, будет не убийство, а война между нами. Захотелось мне также, чтобы они наперед об этом знали. Вот как только пригонят они беглого в завод, я им и скажу, чтобы они приготовились на будущий час к расплате, что я собираюсь сам разделаться с ними. А они отвечают мне: «Только попадешься, батька, в лесу и тебя приведем или убьем». Хорошо, думал я, увидим, чья возьмет.

На следующий же год я бежал из завода, да и гулял месяцев пять. Много натерпелся и холоду и голоду, а все-таки выполнил свое намерение, отмстил бурятам. Отнял сначала у одного из них винтовку, невзначай напавши на него, а потом и начал стрелять по ним. Трех оставил на месте, человек двух ранил. С своими я не ходил, разве где встретишься, а больше все один. Оно и безопаснее, да и отвечать потом одному.

Осенью, воротившись в завод, я сам пришел к начальнику и рассказал ему все как было. Послали на те места, где находились убитые, и всех нашли. Меня заковали, посадили в острог, судили и наказали кнутом. Года два продержали скованным, но как я вел себя смирно, то опять освободили, а на следующее лето я опять отправился расправляться с бурятами.

Так в продолжение 12 лет бегал я пять раз и каждый раз приходил в свой завод. Воровать я не воровал, от врагов ничем не пользовался, кроме винтовки, которую каждый раз прятал в лесу, когда наступало время возвращаться. Разумеется, спуску мне не было. Наказывали больно, допрашивали, кто у меня сообщники, но я ни разу никого не оговорил, а отвечал за все один. Управляющий В., бывало, с пеною у рта начнет меня пытать и так и сяк, а я все стою на одном. Один, да и только. Уж и из своих-то рук бивал он меня, и палками-то и розгами, и на хлеб, и на воду сажал. Нет, да и полно. Бывало, так и скажу прямо. Хоть убейте меня, В. В., а я не отстану от своего дела. Да ты знаешь, говорил он мне, что я могу засечь тебя кнутом до смерти. Ну, что ж, В. В., отвечу я, туда и дорога, я готов и на это. До сих пор не могу понять, почему он так долго щадил

мою жизнь. Или нужен я ему был по своему ремеслу, или извинял он в душе мне упрямство, думая пересилить его. К тому же все время, пока я судился и жил в заводе, вел себя я так, что никто худого обо мне сказать не мог.

В то время находился у нас в заводе грек, старичок дряхлый, но самой благочестивой жизни. Не знаю, за что он был сослан, но уже давно его освободили от работ, и он жил на воле. Все его очень уважали, и сам начальник обращался с ним почтительно. Не раз даже слушал он от него укоры за жестокое обращение с ссыльными, и хотя слова его были напрасны, но В. не мстил ему за это. Этот старичок полюбил меня и в частых беседах со мной старался увещеваниями и духовными назиданиями отклонить меня от моей войны с бурятами. Но я был глух к его наставлениям и также к его просьбам.

Наконец, настало, видно, уже время и мне очувствоваться. В последний раз я возвратился в завод лет одиннадцать тому назад. Управляющий вместо того, чтобы, по обыкновению, ругать и бить меня, хладнокровно велел меня заковать в железа и снять допрос. Я все рассказал, что в этот раз сделал. Меня судили, и суд кончился скоро. К рождеству вынесли уже решение: наказать меня сто одним ударом кнута и потом заковать на всю жизнь. Выслушав равнодушно приговор свой, я отправился в острог ожидать исполнений и только думал о том, чтобы приготовиться к смерти, если дадут приказание меня засечь, потому что это зависело совершенно от воли управляющего. Стоило только приказать палачу. По обращению же его со мной я не мог заметить, что у него была какая-то особенная мысль в отношении меня.

Вечером в тот день, когда прочли мне приговор, приходит ко мне старичок грек. Я всегда был рад беседовать с ним, а тут еще более обрадовался его посещению. «Масленников,— сказал он мне грустно, кротко,— я пришел с тобой проститься. Сколько раз ни старался я обратить тебя на путь истинный, ты не хотел меня слушать. Буйная голова твоя противилась всем моим увещаниям. Не понимаю, как до сих пор ты избежал того, что тебе ныне придется. Мне сделалось известным, что управляющий дал приказание палачу не оставлять тебя в живых. Я пошел к нему и после долгого разговора упросил его отменить это приказание в том случае, если ты дашь

слово никогда вперед не бегать. Одумайся, раскайся и обещай мне сдержать свое слово. Тогда я поручусь за тебя, и наказание будет обыкновенное. Если же ты и теперь останешься при своем упорстве и греховных помыслах, то да будет воля божия, приготовься вскоре предстать пред его судом. По крайней мере, я со своей стороны делал, что мог, чтобы совратить тебя с гибельного пути». Видя пред собой и выслушав этого кроткого, благочестивого восьмидесятилетнего старца, почитаемого нами за святого человека, я не мог не почувствовать не то что раскаяние, а какое-то сомнение насчет того, что я до сих пор почитал справедливым. В первый раз слезы показались на моих глазах, какое-то особенное чувство, которого я не могу объяснить, внезапно овладело мною. «Слушай, Марк Петрович,— отвечал я ему.— Слова твои и твое ко мне доброжелательство тронули меня. Ты это видишь по этим слезам. Не подумай, чтобы я испугался смерти. Давно уже, как только я решился исполнить мое намерение, я приучал себя к мысли о ней. Двенадцать лет веду я такую жизнь, много грехов взял я на свою душу и только потому так спокойно ожидаю суда божия, что считаю себя правым в моей вражде с бурятами. Ведь убивают же людей на войне, и бог за это не взыскивает. Не могу же я переменить свои мысли в одну минуту, да и когда? В то время, как вынуждают меня к тому угрозою. Дай мне дня два подумать. Давши слово, следует его сдержать. Надобно сперва увериться, буду ли я в состоянии это сделать. Чтобы и тебя не ввести в ответственность. Ты видишь, что я не хочу ни себя и никого обманывать».— «Хорошо,— ответил он,— пусть будет потвоему. Исполнение приговора должно быть в сочельник. Накануне этого дня я зайду к тебе и узнаю, на что ты решился. Теперь же я пойду к управляющему и передам ему наш с тобой разговор. Прощай, да просветит господь твой ум, и да расположится твое сердце к смирению и добрым помыслам».

Оба эти дня я не переставал думать об увещаниях Марка Петровича. Крепко не хотелось мне покоряться угрозам управляющего. Мне казалось стыдно и самого себя, и товарищей, что не выдержу до конца моей войны с бурятами. Смерти я не боялся, но не прочь был и пожить еще. Слова старика грека глубоко запали ко мне в душу, и я бы хотел хоть сколько-нибудь при жизни

замолить перед господом великие грехи мои. Убийство бурят я и тогда и даже теперь не считаю большим грехом. Правда, они тоже люди, но нехристи, идолопоклонники, да к тому они сами заставили меня поступать с ними, как с врагами. Одним словом, долго, до конца почти второго дня я колебался то в ту, то в другую сторону. Наконец, перекрестился и решил дать слово не бегать, моля господа, чтобы он помог мне сдержать его.

Пришел Марк Петрович, и я объявил ему о моем решении. Он со слезами обнял меня и сказал: «Пойми, Масленников, что я за тебя порукою и пред богом и пред людьми. Теперь каждая пролитая тобою капля бурятской крови ляжет на мою совесть».

Он объявил управляющему о моем решении. На другой день исполнили надо мною приговор. Тело мое не щадили, да и сам я не желал и не просил пощады. Крепкая натура моя выдержала истязание. Шесть недель, однако, пролежал я в больнице, потом месяца три прожил скованным в остроге и, наконец, был выпущен на квартиру.

Через год я женился. Обзавелся домом, хозяйством. Работаю, живу хорошо и уже забыл думать о побегах. Теперь, к тому же, и начальство у нас хорошее. Надобно быть очень дурному человеку, чтобы скитаться по лесам, вместо того чтобы покойно жить в заводе и делать свое дело».

«Ну, а скажи мне, Масленников,— спросил я его, когда он кончил свой рассказ,— очень боялись тебя буряты?»—«Бояться-то очень боялись, и теперь даже, когда, случится, встретишься в заводе с бурятом, он иногда остановится и спросит: а что, добрый человек, жив ли еще Масленников? Когда же услышит, что я сам именно тот Масленников, то выпучит бельмы и никак не поверит. Они себе представляют меня каким-то страшилищем».

«А подействовала ли твоя с ними война на ловлю ссыльных и вражду к ним?»—«Вражды у них и тогда не было. Они просто ходили на ловлю из желания получить наградные деньги. Не думаю, чтобы мои походы и тогда останавливали их. У бурята только тогда и страх, когда он лицом к лицу с опасностью. Лишь только она миновалась, он уже и забывает об ней. Народ больно глупый.

Добавлю, что впоследствии я не один раз имел воз-

можность убедиться из рассказов посторонних лиц в справедливости всего, что говорил мне о себе Масленников. В мое время он был на хорошем счету у начальства и очень уважаем своими братьями-ссыльными. Старика грека не было уже на свете, но все его помнили как самого благочестивого человека.

Что, если бы такой характер получил образование и хорошее направление? Замечу здесь, что между ссыльнокаторжными найдется много личностей, которые при других обстоятельствах, при другом воспитании и при другой обстановке могли бы стать выше многих прежних и современных кумиров. Почему бы не заняться с умом, осторожностью и любовью к ближнему этой нравственно больною и отверженною частью общества? Будем надеяться, что и до нее дойдет, наконец, своя очередь.

[О ДВУХ СЕСТРАХ]

Во время пребывания моего в Москве в 1820 году [1] я был неожиданно действующим лицом в одном событии, которое оставило глубокие следы в моей памяти. Теперь, когда крепостное состояние отживает свой век, когда через некоторое время все безобразные его следствия сделаются одними преданиями, в справедливости которых могут усомниться наши потомки, я не лишним считаю рассказать это событие, как факт, изображающий, с одной стороны, порочную закоснелость помещичьих нравов тогдашнего времени, а с другой — беззащитную зависимость крепостного сословия, подвергавшую его самым ужасным и возмущающим следствиям произвола. Этот факт, в достоверности которого не усомнятся, надеюсь, все те, кто хотя несколько меня знают, послужит неопровержимым доказательством против защитников прежнего порядка, не перестающих до сих пор находить и проповедовать какое-то воображаемое ими сходство между крепостным состоянием и патриархальным бытом древности.

Тогда в Москве жили многие мои родные, с которыми я делил время моего отпуска. Между ними находилась одна из моих двоюродных сестер. Это была замужняя молодая женщина, с которою я был очень дружен. Она жила с мужем у его родной тетки — старушки доброй, но

несколько своенравной и преданной донельзя набожности. Не имея собственного состояния, они совершенно от нее зависели и должны были снисходить всем ее странностям. Впрочем, надобно сказать, что эти странности не выходили из границ и искупались ее к ним любовью и вниманием. Я почти каждый день бывал у них. Старушка, не знаю, почему, как-то полюбила меня. В доме их я встречал беспрестанно монахов, монахинь, странниц и странников.

Здесь надобно заметить, что старушка была коротко знакома с известной и богатой г[рафи]ней О[2]. Набожность той и другой и одинаковый взгляд на вещи их сблизили. Обе они жили недалеко друг от друга и часто виделись.

Однажды после обеда я приехал к сестре и, как домашний человек, вошел без доклада в гостиную. Все они сидели за круглым столом перед самоваром. Кроме тетки, сестры и ее мужа тут находились два незнакомые мне лица. Это были очень молоденькие девушки, одетые в черном костюме, похожем на одежду монастырских послушниц. Привыкнув встречать у них подобные личности, я не обратил на них большого внимания, но не мог не заметить, что внезапное мое появление смутило несколько и тетку, и сестру. Вскоре старушка, сказав со мною несколько слов и допив свою чашку, встала с дивана и увела с собою девушек.

Когда они ушли, я спросил у сестры своей, что это за новые у них лица, откуда они и неужели такие молодые девушки ходят за сбором. Сестра и муж ее дали мне знать, чтобы я говорил тише. Первая потом прибавила: «Я после расскажу тебе, cousin, их историю — теперь же некогда, тетушка сейчас возвратится, и ей, может быть, покажется неприятным, что мы об них говорим с тобой. Пока это еще секрет».

В самом деле, вскоре тетка возвратилась одна, и мы продолжали беседовать; но разговор как-то не клеился. Видно было, что их всех что-то занимало и что я был лишний. Заметив это и посидев с четверть часа, я сказал, что мне нужно ехать куда-то на вечер, и стал прощаться. Они меня не удерживали. Сестра же, провожая меня, сказала потихоньку, что при первом удобном случае она мне все объяснит и что я услышу невероятные вещи.

Разумеется, что все это меня заинтересовало. Возвратившись домой, я старался отгадать, какая могла быть тут тайна, но потом подумал, что из пустяков не стоит ломать себе голову и что вскоре сестра расскажет мне все, я перестал этим заниматься.

На другой день я встал довольно поздно, и человек, войдя ко мне, подал мне записку, присланную от сестры. Вот ее содержание: «Mon cousin, мы ожидаем тебя сегодня утром. Я пишу по поручению тетеньки, которая сама расскажет тебе все, что касается до двух девушек. Мы обе очень бы желали, чтобы ты не отказался участвовать в таком деле, для которого нам нужен человек, как ты. Приезжай скорее».

Напившись чаю, я отправился к ним, ожидая с нетерпением объяснения тайны. Когда я приехал, старушка повела меня к себе в комнату, что делалось только в чрезвычайных случаях и с людьми, к которым она была особенно расположена. Там мы с нею и сестрою уселись на диван, и вот что узнал я.

Обе девицы были крепостные дворовые богатого помещика д[ействительного] с[татского] с[оветника] Т. Имение его находилось в Тамбовской губернии, где он постоянно жил. Они были сестры и его незаконнорожденные дочери от крепостной девки. Таких, как они, было у него и еще много. Все они записывались в ревизию и жили в довольстве, не употребляясь на работу. Им даже давали некоторое образование. Учили грамоте, иных даже музыке и всякого рода рукоделиям. По достижении известного возраста они предназначались к тому же, чем были некогда их матери, а потом, смотря по обстоятельствам, или выдавались замуж с маленьким приданым за каких-нибудь приказных, мещан и т. д., или оставались на пенсии в числе дворни. Матерям было строго запрещено говорить им, кто был их отцом.

Эти две девицы, однако, знали об этом. Мать их, женщина набожная, несмотря на строгость своего господина, устрашилась сделаться как бы сообщницею в преступном кровосмешении и предупредила дочерей. Тогда все они стали придумывать, как избавиться от угрожающей им опасности, и, наконец, решились обратиться к игуменье ближнего женского монастыря, с которою мать была знакома. Эта игуменья была женщина хорошая, богобоязненная. Сначала она испугалась принять

участие в таком деле, которое подвергало ее гневу и преследованиям человека сильного и безнравственного, но, с другой стороны, страшилась отказать в помощи, принять тяжкий грех на душу. Вот на что, наконец, она решилась. Будучи несколько знакома с г[рафи]ней О., она обещалась написать ей об них письмо по почте, а им сказала, что если они надеются потихоньку уйти и добраться до Москвы, то графиня, без сомнения, защитит их. Главное дело состояло в том, чтобы попасть в Москву, не возбудив подозрений во время приготовлений к побегу, и потом избегнуть преследований. В этом случае помогла им мать. Так как она была свободна располагать своими действиями, могла даже отлучаться и надзора за ней не было, то она взялась устроить их побег, нанять лошадей и т. д. Разумеется, что потом участие ее не могло скрыться, и она подвергала себя всем следствиям гнева раздраженного помещика, но в этом случае она не задумалась обречь себя на жертву и исполнила с высоким самоотвержением то, что внушали ей совесть, религия и материнская любовь.

Когда все было готово, обе сестры отправились в темную зимнюю ночь, напутствуемые благословениями несчастной матери. Путешествие окончилось счастливо, хотя нет никакого сомнения, что на другой же день, когда побег их сделался известным, послана была за ними погоня. Г-ну Т. не могло, однако, прийти в голову, чтобы они поехали прямо в Москву. Там никого не было, кто бы мог скрыть их. О графине же О. он не мог и подумать. Вероятно, поиски ограничились близлежащими местами.

Добравшись кое-как до Москвы, они сейчас же явились к гр. О. Отыскать ее было нетрудно; письмо игуменьи дошло до нее гораздо прежде, и потому она уже была предупреждена. Графиня, как известно ее современникам, была женщиной, исключительно предавшейся набожности. Все ее богатство шло на добрые дела церкви, монастырей и т. д. Конечно, в ее образе жизни много было восторженного, не совсем рационального, но нельзя было отказать ей в больших нравственных достоинствах, нельзя было сомневаться в чистоте ее убеждений, в ее добродетельных деяниях и в искренности религиозных чувств. Она как будто обрекла себя как искупительная жертва памяти своего родителя. Все время свое она по-

священала молитве, поклонению святым угодникам и беседе с духовными лицами обоего пола, из коих некоторые не совсем прямодушно пользовались ее особенною склонностью и неограниченною доверенностью. При дворе она была очень уважаема и, как я уже выше сказал, находилась в хороших отношениях с теткой моей сестры.

Весьма естественно, что, предуведомленная письмом игуменьи, она заинтересовалась судьбою обеих девушек. Вероятно, в письме этом объяснялся весь ужас их положения, собственные же их мольбы, слезы и изъявленное ими желание провести жизнь в монастыре еще более подействовали на ее религиозные чувства и утвердили в намерении спасти их от преследования порока и сохранить для служения богу эти два чистые, невинные создания.

В этом деле она поступила чрезвычайно осторожно. Опасаясь оставить их у себя, чтобы не подать повод к разным преувеличенным толкам и огласке, она, переговоря с теткой сестры моей, поместила их у нее, отправив к г-ну Т. письмо с предложением внести за их отпускные значительную сумму.

Когда я увидал их в первый раз, они уже более недели находились в Москве, и графиня ожидала с часу на час ответа на свое предложение. Предполагая, что г. Т. сам приедет в Москву и что ей придется иметь с ним объяснение, она желала найти человека, которого бы могла с уверенностью употребить для переговоров по этому щекотливому делу. Тетка сестры моей, с которой она об этом посоветовалась, взялась найти такого человека, и ее выбор пал на меня.

Старушка окончила занимательный для меня рассказ свой предложением, или, лучше сказать, просьбою, быть посредником в этом добром деле. Разумеется, что я охотно согласился, и мы тут же решили, не теряя времени, ехать к графине. Она взялась представить меня ей и уверила, что графиня с удовольствием даст мне полномочие действовать ее именем для успешного окончания этого дела.

Я был чрезвычайно вежливо и любезно принят графиней. Для меня было лестно ее доверие и очень интересно видеть вблизи такую замечательную личность того времени. Она одобрила мои намерения, как действовать при переговорах с г. Т., и в отношении цены выкупа

просила не затрудняться, хотя бы это перешло за 10 т[ыс]. рублей.

Дня через два после этого получен был ответ г. Т. Он решительно отказывался отпустить своих крепостных девушек за какую бы то ни было цену, уверял графиню, что они ее обманывают и что, употребляя во зло ее доброту, хотят безнаказанно воспользоваться плодами своего преступления. Далее он говорил, что, учинив побег, они унесли у него деньгами и вещами на несколько тысяч рублей и что об этом подано уже им явочное прошение в тамошнюю полицию; что он очень жалеет, что не может сделать ей угодное, но что в этом случае и совесть, и закон требуют от него исполнения обязанности справедливого и строгого помещика; что вслед за этим письмом он сам приедет в Москву и остается уверенным, что графиня не захочет скрывать у себя преступниц.

Дело принимало оборот довольно серьезный. Право и закон были на стороне г. Т., и если бы графиня не имела такого значения в обществе и при дворе, то пришлось бы, конечно, скрепя сердце предоставить обе жертвы плачевной их судьбе. Но именно в этом случае весьма было кстати, что сильные этого мира могут безнаказанно стать вне закона. Когда, по получении этого письма, я был позван к графине на совещание, то предложил ей дать мне право при решительном несогласии г. Т. отпустить девушек объявить ему, что графиня ни в каком случае ему их не выдаст, а, описав их положение и объяснив все, поручит их покровительству и защите вдовствующей императрицы[3].

Видно было, что графине очень не хотелось прибегать к такой крайней мере, но должно отдать ей справедливость, что она не задумалась на нее согласиться и только просила меня, чтобы я сначала употребил все возможные убеждения, увеличил бы, как хотел, сумму выкупа и даже, если бы нужно было, просил г. Т. сделать это как личное ей одолжение. Уговорясь, как действовать, я с нетерпением ждал прибытия г. Т. Графиня при первом его посещении не должна была принимать его, но попросить оставить свой адрес и дать ему знать, что на другой день утром явится к нему ее доверенный.

Через несколько дней тетка сестры моей, у которой я бывал почти каждый день, известила меня о приезде г. Т. и вручила мне его адрес. На другой день рано

утром я отправился к нему в гостиницу «Лондон», в Охотном ряду, где и теперь она еще существует. Он занимал один из лучших номеров.

Приказав доложить о себе, я в ту же минуту был приглашен и, войдя в первую из прихожей комнату, нашел г. Т. совсем уже готового принять меня. Это был человек пожилой, но хорошо сохранившийся, высокого роста брюнет, с аристократическими манерами. Он чрезвычайно вежливо встретил меня и сейчас же приступил к делу, прося меня объяснить ему, каким образом две бежавшие его девушки очутились вдруг у графини О. и какая причина заставляет ее принимать в них такое незаслуженное ими участие? Я отвечал, что мне об этом ровно ничего не известно, что я не знаю также, как и почему она принимает в них такое участие, а что я приехал к нему только с тем, чтобы передать предложение графини и договориться с ним в цене их выкупа. «До известной суммы,— прибавил я,— мне дано право согласиться, но если требование ваше будет превышать ее, то я сообщу о том графине. Вот почему,— сказал я в заключение,— потрудитесь объявить мне, сколько вы желаете получить за их отпускные?»

«Мы смотрим, кажется, на это дело с разных сторон,— возразил он,— и к тому же вы крайне ошибочно обо мне судите. Скажу вам просто и коротко, что в деньгах я не нуждаюсь. Если бы я любил их, то, конечно, обрадовался бы такому случаю. Но я ставлю свои правила и обязанности выше денег и, следовательно, смотрю на это дело иначе. Две крепостные девки мои бежали, совершив преступление — кражу. Вы хотите, чтобы вследствие необдуманной прихоти знатной женщины, которую они обманывают, я согласился вместо заслуженного наказания наградить их. Спрашиваю вас, какой тут нравственный смысл и какие могут быть от того последствия? После этого все мои две тысячи душ захотят делать то же, да и не у одного меня, а у всех помещиков. Да это просто явное нарушение всех общественных законов. Это первый шаг к безначалию, к ниспровержению всякой законной власти. И чтобы я в мои лета, в моем звании согласился из каких-нибудь денежных выгод на такое беззаконное дело! Никогда, положительно говорю, никогда этого не будет. Вы еще так молоды, что слишком легко судите об обязанностях, лежащих на человеке, про-

служившем 30 лет государю и отечеству и достигшем некоторого общественного значения. Эти обязанности для меня священны, и я исполню их, хотя бы этим и навлек на себя, к моему сожалению, неудовольствие такой особы, как графиня, которую я вполне уважаю. Слава богу,— прибавил он,— мы живем не в Турции и не в эпоху безначалия, а управляемся положительными законами, которые защитят и меня, и права мои от всякого насильственного посягательства со стороны кого бы то ни было. Конечно, мне весьма будет неприятно иметь дело с графиней, и я бы очень был рад избегнуть этого; но я не виноват в том: справедливость и закон на моей стороне, и я уверен, что ни ее знатность, ни богатство, ни общественное значение не в состоянии будут сделать из черного белое и лишить меня моих прав и моей собственности».

Я внимательно слушал, не перебивая его; он же говорил с таким жаром, с таким, как мне казалось, прямодушием, что я начинал уже сомневаться в справедливости наших об нем сведений. Более полутора часа продолжалась моя беседа с ним. Одно только мне показалось странным: он как будто старался вызвать меня на более откровенные объяснения в отношении обеих девиц. Это внушило мне недоверчивость к его протестациям и заставило решиться на последнее средство, которое могло возбудить в нем справедливое негодование, если бы совесть его была чиста.

«Итак,— сказал я наконец,— вы решительно отвергаете предложение графини. То ли я должен заключить из нашего разговора? Потрудитесь сказать мне это в двух словах, чтобы не было недоразумения».

Он как будто смешался, но потом, оправившись, отвечал: «Совершенно так. И в самом деле, пора уже прекратить этот неприятный для меня разговор. Потрудитесь передать его графине. До завтрашнего утра я буду ждать ее согласия выдать моих беглянок. Если же не получу их, то приступлю немедленно к законным средствам, хотя это, повторяю, и очень будет для меня неприятно».

«С графиней вы дело иметь не будете,— возразил я.— В случае окончательного вашего несогласия на ее предложение она уже решилась, как поступить ей, и уполномочила меня объявить вам это. Сегодня же обе девуш-

ки с ее письмом будут отправлены в С[анкт]-П[етербург] к вдовствующей императрице, которой она объяснит их положение, ваши на них права, а также и их — на ваши к ним обязанности, одним словом, все то, что ей известно и что, конечно, легко обнаружится, если государыня не откажет в своем им покровительстве. Стало быть, графиня будет в стороне, и вы будете иметь дело не с нею, а с императрицей. Это и для вас будет, конечно, лучше, если вы чувствуете себя совершенно правым».

Я встал и взялся за шляпу. Последние слова мои, видимо, его поразили. Он начал скоро ходить по комнате, и, когда я стал прощаться с ним, он с заметным волнением сказал мне: «Прошу вас оставить это дело до завтрашнего дня. Приезжайте ко мне утром, и я вам дам решительный ответ. Теперь же этот разговор так утомил меня, что я ничего не могу сказать положительно. Во всяком случае, уверьте графиню в моем желании сделать ей угодное».

Я вышел, оставив его в большом смущении. Передав мой разговор с ним тетке моей сестры, которая в тот же день должна была сообщить его гр. О., я рано утром на следующий день отправился к г. Т.

«Видите ли,— сказал он, встречая меня,— как я сговорчив, когда дело идет, чтобы угодить даме. Вы, конечно, не ожидали так скоро и так дешево окончить со мною дело. Вот обе отпускные моим беглянкам. Дай бог, чтобы они не заставили раскаиваться графиню в принятом ею участии. Денег за них мне не надобно. Если я поступаю вопреки убеждению и нарушаю свою обязанность как помещик, то по крайней мере не из денег, а из одного желания исполнить требование графини. Мне бы хотелось, однако, самому вручить ей эти бумаги. Можно ли будет это сделать?»

Я так был удивлен неожиданным оборотом этого дела и так был рад успешному его окончанию, что не знал, верить ли мне его словам. Я боялся, не было ли тут с его стороны какого-либо обмана или насмешки, и потому, взяв со стола отпускные, прочел их. Уверившись в их действительности и оправившись от первого впечатления, я отвечал ему, что не нахожу никакого возражения против его желания отдать лично отпускные графине, но что прошу его только дать мне время известить ее о его посещении.

Уговорившись, чтобы он отправился к ней часов в двенадцать, я поскакал с радостною вестью к моей старушке, рассказал ей все случившееся и просил ее немедленно передать графине счастливый результат моего посредничества и приготовить ее к посещению г. Т.

Далее все кончилось, как следует. Он сам вручил графине обе отпускные и, несмотря на все ее убеждения, никак не хотел взять денег. Обе девушки помещены были в какой-то монастырь, и как я вскоре оставил Москву, то и не знаю, что потом с ними сделалось. Не знаю также и об участи их матери. Впоследствии среди развлечений, свойственных тогдашним моим летам, я нередко с горьким чувством вспоминал об этом эпизоде моей жизни. Он оставил во мне непреодолимую ненависть к крепостному состоянию.

И в самом деле, если мы обсудим без предубеждения, с должною снисходительностью к человеческим слабостям это грустное следствие крепостного состояния, одно из тысячи ему подобных, то убедимся, что виною всему само учреждение, а не люди, которые действуют в нем более или менее согласно с его духом. Человек — вещь. Этой вещью всякий пользуется, смотря по тем понятиям, которые он усвоил, по влечению своих страстей, наклонностей, под влиянием своего воспитания, своих привычек, своего темперамента и характера. Этот г. Т. при других обстоятельствах, при другой внешней обстановке, при другом воззрении на подобных себе, при других общественных условиях был бы, вероятно, совсем иным человеком и, может быть, даже человеком замечательным по уму и нравственным качествам. Даже в этом случае это бескорыстие меня удивило и хотя далеко не примирило с его порочною натурою, но как-то отрадно отзывалось при моих воспоминаниях об этом событии. А мать этих девушек, показавшая такое самоотвержение, такое христианское понятие о своем долге, сама ли она виновна в той участи, на которую обрекло ее крепостное состояние? Наконец, эти девицы, изъявив желание провести жизнь в стенах монастырских, не были ли они вынуждены к тому их безвыходным положением и теми обстоятельствами, в которых находились и которые без крепостного состояния не могли бы существовать?

Вот ряд мыслей и вопросов, которые представлялись мне всегда при воспоминании об этом давно прошедшем

событии, и признаюсь, что чем более я рассуждал об этом, тем снисходительнее делался к лицам и тем враждебнее становился к самому учреждению, имевшему такое гибельное влияние на всю общественную и частную жизнь в нашем отечестве. Оно лежало тяжелым грузом на нравственных понятиях всех сословий и искажало лучшие принадлежности человеческой природы, не допуская их свободного развития. Радуюсь, что я дожил до того времени, когда это безобразное чудовище находится при последнем уже издыхании...

СТАТЬИ

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ

Не входя в историческое исследование вопроса, когда и как установилось в России крепостное состояние, я принимаю его как существующий факт и беру за основание моих об нем суждений его настоящее положение в России и его влияние, его следствия на общественный быт нашего общества.

Надобно заметить здесь, что крепостное состояние в России в настоящую эпоху значительно изменилось и улучшилось против прежнего. Не далее как за сорок лет тому назад, в детстве моем, я не только слышал, но отчасти был нерассудительным свидетелем таких отвратительных поступков, таких жестокостей, которых теперь уже быть не может и о которых порядочные люди того времени судили без особенного негодования, считая их обыкновенным следствием худой нравственности и личного характера помещика, о котором шла речь [1].

Отчасти само правительство некоторыми узаконениями своими, а еще более успехи просвещения и улучшений нравов смягчили участь крепостного сословия. Теперь редкие помещики смотрят на рабов своих как на неодушевленную вещь, с которой для своего удовольствия или для своей пользы они могут делать, что хотят. Да и сами крепостные люди не так уж безусловно покоряются всем прихотям и притеснениям помещиков. Нередко случается, что, восставая против жестокости господ и подвергаясь чрез то строгости законов, они протестуют этим против учреждения, лишающего их естественных прав человека.

Многие из просвещенных помещиков нашего времени понимают всю неосновательность, всю несправедливость своих прав на такую противоестественную собственность

и согласны в том, что рабство не только искажает общественные права, но и вредит вещественному благосостоянию России.

Большая часть, однако же, следуя прежним понятиям, страшась нововведений и предпочитая удовлетворение своих прихотей, своих привычек и мелочные расчеты настоящего справедливости и будущим положительным выгодам своим, защищают крепостное состояние и восстают против его уничтожения.

Все они согласны, впрочем, что рано или поздно оно должно прекратиться силою самих обстоятельств и что этот переворот, если не будут приняты предварительные меры, может быть опасен для общественного спокойствия и в особенности для них самих.

Что крепостное состояние вредно для общественных нравов, не стоит и доказывать. С одной стороны, оно поддерживает невежество и грубые животные инстинкты в десятке миллионов русских граждан низшего сословия, а с другой — препятствует образованию, искажает понятия и способствует к развитию порочных наклонностей в высшем сословии государства.

Очевидно, что оно вредит также и общественному благосостоянию, замедляет успехи народного богатства. В помещичьих имениях хлебопашество, хозяйственная экономия в промышленных и фабричных заведениях редко улучшаются и не приносят тех выгод, которые бы можно было ожидать от них, если бы имения эти были свободные. Доходы с них вместо того, чтобы увеличивать производительные силы государства, идут на требования бесполезной роскоши или на удовлетворение предосудительных прихотей и безнравственных удовольствий. Вот почему мы видим, что большая часть помещичьих имений обременены долгами и, находясь под залогом в государственных кредитных учреждениях, весьма часто по несостоятельности должников поступают в продажу с аукционного торга.

Само правительство ясно понимает весь вред и всю несправедливость этого общественного порядка, но не решается изменить его, или опасаясь ослабить свою власть, или полагая, что не настало еще время и недостает средств приступить к освобождению крестьян.

Если одни только эти причины останавливают его, то полагаю, что в этом случае оно судит ошибочно и в пре-

увеличенном виде представляет себе препятствия, которые могут встретиться.

С одной стороны, его власть и его влияние на общество с уничтожением рабства скорее увеличатся, нежели ослабнут. Более десяти миллионов его подданных будут прямо зависеть от него и будут ему признательны за оказанное им и потомкам их благодеяние. Дворянство и особенно мелкопоместное, лишась не принадлежащих ему прав на столь значительную часть народонаселения, не будут уже иметь такого значения в общественном составе и, обратясь к выгодным для государства занятиям, умножат собою среднее производительное сословие, столь полезное для общественного благосостояния. Владельцы больших поместьев, выделив при освобождении своих крестьян необходимую им часть земли, сохранят остаток и если захотят, то могут употреблять свободные свои капиталы на улучшение этой собственности. Они составят некоторым образом русскую аристократию, иногда необходимую и всегда полезную в монархических правлениях.

На вопрос, настало ли время к уничтожению крепостного состояния, отвечать нетрудно.

Во-первых, мне кажется, никогда не может быть рано или поздно исправлять несправедливое, вредное общественное учреждение, которое не согласно ни с духом христианской религии, ни с достоинством и правами человека, ни с нравственными понятиями образованного общества, ни с пользою самого государства. Во-вторых, освобождение крестьян в наш век уже потому своевременно, что необходимость его проникла в убеждения и что если некоторые возражают против него, то это только по причине худо понимаемых личных выгод, только потому, что не думают о будущем и хотят представить потомству развязывать с большим трудом и с большей опасностью узел, который можно гораздо легче и с меньшими переживаниями развязать в настоящее время.

Труднее будет отвечать на вопрос о средствах правительства к освобождению крепостного сословия в России.

Разумеется, что оно не может отобрать просто крестьян от помещиков и зачислить их в крестьяне государственные. Не может также освободить их без надела землею. В первом случае оно бы поступило противозаконно и даже несправедливо. Противозаконно потому, что помещик владел доселе крестьянином, хотя вопреки пра-

ву естественному, вопреки правилам нравственным и т. д., но согласно существовавшему несколько веков узаконению. Он покупал его, получал в наследство, одним словом, приобретал, как всякую другую собственность, основываясь на законе. Следовательно, лишать его прав на эту собственность без всякого возмездия было бы несправедливо. Освободить крестьян без этого возмездия было бы все равно, что произвольно отнять у владельца какую бы то ни было принадлежащую ему собственность. Это возродило бы необходимо всеобщий ропот, всеобщее неудовольствие, которое бы могло подвергнуть государство беспорядкам и смутам, причем справедливость не была бы на стороне правительства. С другой стороны, оставив крестьян без земли, которая неоспоримо принадлежит помещикам и составляет их неотъемлемую по всем правам и понятиям собственность, значило бы лишать вдруг десять и более миллионов грубых, непросвещенных людей, не знающих других занятий, кроме земледелия, всяких средств к существованию. Значило бы наводнить Россию бродягами, готовыми по своей грубой натуре и по своему невежеству на самые отчаянные и противозаконные проступки. Не говоря уже о том, каким бедствиям могло бы это подвергнуть внутренний порядок и общественный быт России, но даже самому правительству нелегко бы было справиться с этим новым и многочисленным элементом своего народонаселения.

Стало быть, необходимо при освобождении крестьян платить помещикам как за них самих, так и за необходимую для них землю.

Рассмотрим, какие средства имеет к тому правительство и как удобнее и легче сделать это?

Полагая в России с лишком 10 миллионов крепостных душ и считая ценность их с землею кругом за каждую душу по 200 р. сереб.*, выходит, что для выкупа их всех

---

* Эта сложенная общая цена скорее высока, нежели низка. В некоторых губерниях можно купить крестьян с достаточным количеством земли по 150 р. и даже по 100 р. сереб. за душу. В устроенных только имениях с хозяйственными или фабричными заведениями и в лучших по плодородию губерниях крестьянская душа с землею стоит более 200 р. сереб., но как при освобождении крестьян хозяйственные заведения могут не поступать в продажу и как излишек земли за наделом крестьян может также оставаться у помещика, то я полагаю, что 200 р. сер. за душу будет даже слишком много в общей сложности.

от помещиков потребуется с лишком 2 000 000 000 р. сер. Если бы правительство могло без затруднений располагать такою суммою, то освобождение крестьян совершилось бы вдруг и не представило бы никаких затруднений, кроме необходимых при этом случае административных распоряжений.

Но вряд ли правительство может найти вдруг такую огромную сумму, не обременив себя стеснительным долгом, который потребует для уплаты одних процентов значительной части государственных доходов и который, следовательно, очень затруднит его как в финансовом отношении, так и во внутренних административных его распоряжениях.

Не зная достоверно положения, в котором находится финансовая часть России, я только могу предполагать, что правительству нельзя приступить к такому огромному займу без большого вреда своему кредиту и всем отраслям государственного управления как в отношении общественного благоустройства, так и в отношении народного благосостояния.

Основываясь на этом предположении, я считаю возможным для правительства без большого затруднения, хотя и не вдруг, но постепенно, достигнуть той же самой цели.

Уменьшив хотя одной третью числительность армии и отказавшись от излишнего участия в великих событиях Европы, правительство, без всякого сомнения, будет иметь ежегодный остаток от государственных доходов по крайней мере в 70 млн. или более рублей сереб. Из этого остатка, если оно будет употреблять четыре седьмых, то есть 40 млн. р. сереб., на выкуп помещичьих крестьян, то в продолжение 26 лет уничтожение крепостного состояния совершится без всяких потрясений и без больших затруднений. Остальные 3/7 оно может обратить на внутренние улучшения государства.

Объясняю предложение мое в цифрах: ежели употребить из государственного дохода в течение 26 лет по 40 млн. на покупку дворянских имений и прибавить к ним ежегодные доходы с этих имений, то (полагая последние только в 5 процентов с капитала) в двадцатишестилетний срок всей суммы выйдет более двух биллионов руб. сереб., на которые выкупятся с лишком 10 миллионов душ, и, следовательно, к концу срока рабство совершенно прекратится.

*Вот расчет**

Годы	Сумма ежегодная для выкупа, миллионов	Сколько каждый год будет выкупаться душ	Из определенных капиталов	Из доходов с имений
1	40	200 000	40 000 000	—
2	42	210 000	—»—	2 000 000
3	44 100	220 500	—»—	4 100 000
4	46 300	231 500	—»—	6 300 000
5	48 600	243 000	—»—	8 600 000
6	51 050	255 250	—»—	11 050 000
7	53 600	268 000	—»—	13 600 000
8	56 280	281 400	—»—	16 280 000
9	59 500	296	—»—	19 500 000
10	62 600	313	—»—	22 600 000
11	65 200	326	—»—	25 200 000
12	68 450	342 250	—»—	28 450 000
13	71 880	359 400	—»—	31 880 000
14	75 675	378 375	—»—	35 675 000
15	79 260	396 300	—»—	39 260 000
16	83 245	416 225	—»—	43 245 000
17	87 885	439 425	—»—	47 885 000
18	92 300	461 500	—»—	52 300 000
19	96 895	484 475	—»—	56 895 000
20	101 740	508 600	—»—	61 740 000
21	105 850	529 250	—»—	65 850 000
22	112 340	561 700	—»—	72 340 000
23	117 935	590	—»—	77 935 000
24	123 860	619 300	—»—	83 860 000
25	130 200	651	—»—	90 200 000
26	136 585	683	—»—	96 585 000

* Дробь откидывается.

2 053 333 000 10 266 450

Основываясь на этом расчете, можно предполагать, что процесс освобождения крестьян окончится даже ранее означенного срока. Множество имений будут покупаться менее чем по 200 р. сереб. за душу, доходы с них могут быть более пяти процентов с употребленного на них капитала. Легко может случиться, что некоторые благонамеренные помещики и особенно не имеющие прямых наследников, будут безвозмездно освобождать своих крестьян, другие же передавать их правительству с выгодными для него условиями, одним словом, в течение двадцати лет, вероятно, встретятся множество таких случаев, которые будут способствовать ускорению окон-

чательного результата этого в высшей степени благодетельного государственного предприятия.

Какую нравственную силу, какие вещественные выгоды приобретет правительство, когда достигнет окончательной цели! Государственные доходы увеличатся ежегодно по крайней мере на 150 млн. руб. сереб. Внутреннее благосостояние государства сделает во всех отношениях быстрые успехи, которые еще более увеличат средства правительства. Большая часть выдаваемых за имения капиталов поступит, без сомнений, в капиталы производительные и послужит к развитию промышленности, торговли, к умножению народного богатства! Вот неминуемые и нисколько не преувеличенные следствия этого великого дела. Но всего вернее будет то, что истребится навсегда из будущей жизни русского народа самое несправедливое, вредное и несогласное с духом христианства учреждение.

Что же касается до административных распоряжений к исполнению этого предприятия, то надобно стараться сколько возможно их упростить и отделить до окончательного результата от прочих частей государственного управления. Можно было бы именно для этой цели учредить особый временный департамент при Министерстве государственных имуществ, который бы заведовал покупкою помещичьих имений, распоряжался бы их управлением, получал ежегодно ассигнованные на то суммы, вел бы все расчеты по этому делу и, наконец, представлял бы ежегодно полный и ясный отчет своим действиям.

Прежде чем приступить к этому делу, правительство могло бы пригласить из каждой губернии по одному или двум из почетных просвещенных представителей дворянского сословия обсудить с ними необходимость, справедливость и основательность этого предприятия, составить положение и правила, необходимые для руководства, и сделать гласными как смысл указания, так и все то, что будет относиться до исполнения этого великого дела[2]. Мне кажется, что лучше бы было начать и продолжать покупку дворянских имений не повсеместно в целой империи, а по губерниям, определив наперед, в каких из них каждый год правительство будет по предварительной оценке выкупать их. В этом случае жребий мог бы решать, какою из губерний начать и какою кончить. Вла-

дельцы знали бы наперед, когда наступит их очередь передавать имения правительству, а крестьяне с терпением и с уверенностью ожидали бы определенного времени своего освобождения.

Трудно и бесполезно бы было означать все подробности административных по этому предмету распоряжений. Они будут зависеть от обстоятельств, которые сами покажут, что надобно делать, как действовать, чтобы успешнее, правильнее, с меньшими затруднениями и не нарушая общественного спокойствия достигнуть предполагаемой цели.

НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ

Изложив некоторые суждения и предположения мои об уничтожении крепостного состояния в России[1], я не считал нужным объяснять все зло, всю несправедливость, все отвратительные следствия этого общественного учреждения. Но, размыслив потом, что многие из соотечественников моих до сих пор еще не убеждены в необходимости освобождения крестьян и считают, что крепостное состояние так же справедливо, как и полезно для общественного порядка в монархическом правлении, я решился войти в некоторые подробности из того, что мне известно о его вредном влиянии на нравы, на просвещение и на вещественное благосостояние общества.

Есть два разряда защитников крепостного состояния. Одни очень хорошо видят всю дурную его сторону, понимают всю неосновательность, всю несправедливость этого учреждения, но, пользуясь его следствием, участвуя в некоторых материальных выгодах, которые оно доставляет им, ставя выше всего удовлетворение своих чувственных прихотей, одним словом, руководимые чистейшим эгоизмом, нисколько не помышляют о пользе общей, ни во что ставят правила нравственности религии и смело провозглашают себя поборниками рабства, стараясь представить противников своих как людей опасных для общественного спокойствия, вредных нововводителей, авторов утопий, подрывающих основание государственного благоустройства. Другие люди добрые, благонамеренные, которые или по своему характеру, по своему положению,

или образу своей жизни не рассуждали никогда об этом вопросе, смотрели только на поверхность общественного быта, которые судят и других по себе, полагая, что все поступают точно так же, как они сами, и видят в крепостном состоянии род патриархального политического учреждения, освещенного временем и привычкою. Эти люди, напуганные доводами и возгласами первых, замечая, что и при существовании рабства Россия не перестает преуспевать, боятся всяких нововведений, не смеют переменить в общественном здании ни одного негодного камня из опасения обрушить все здание. Они не понимают, что только поправляя, возобновляя это здание, можно сохранить его и что, отвергая необходимую перестройку, они обрекают его рано или поздно к совершенному разрушению.

Убеждать первых было бы напрасным трудом. К счастью, с успехами просвещения число их не должно быть значительно. Вторые, если усмотрят гибельные следствия рабства, если убедятся в возможности прекратить его, неминуемо изменят прежние свои понятия и перейдут на сторону защитников освобождения крестьян.

Рассмотрим сначала вопрос о рабстве со стороны религиозной и нравственной, со стороны божеского и человеческого правосудия. Первое познаем мы из духа и правил христианской религии, второе должно необходимо согласоваться с ним.

Спрашиваю теперь защитников крепостного состояния, можно ли предполагать, чтобы учреждение, ставящее подобных нам людей на степень неодушевленной вещи, было в видах провидения, чтобы бог создавал одних людей служить всю жизнь свою средством к улучшению благосостояний других, к удовлетворению их страстей, их чувственных наслаждений, их вещественных удобств, их роскоши. Можно ли предполагать, чтобы провидение предназначило одни и те же создания свои идти в этой жизни такими разными, такими противоположными путями? Я понимаю различие в общественном положении людей и не только признаю это различие, но считаю его справедливым, необходимым. Оно существует и должно существовать в каждом обществе вследствие превосходства одних членов его перед другими по уму, образованию, государственным заслугам, вследствие большего трудолюбия, примерности, большей деятельности,

большей способности пользоваться обстоятельствами и выгодами общественного быта. Если бы было иначе, не было бы ни соревнования, ни успехов, ни развития лучших принадлежностей человеческой природы, и общество перешло бы в дикое состояние, потеряло бы мало-помалу все признаки гражданственности. Но, понимая необходимость этого различия, полагая его даже в видах провидения, я вместе с тем не могу представить себе, чтобы у значительной части человеческого рода было отнято право и возможность жить для себя, пользоваться своими трудами, своими способностями к улучшению своего быта, чтобы эта часть была предназначена не иметь свободной воли, зависеть совершенно от произвола подобных себе, чтобы она переходила как вещь от одного лица к другому и безусловно покорялась всем прихотям их увлечений, их неблагоразумия, их страстей и их животной природы. И все это потому только, что одни родились дворянами, а другие крепостными. Не странно ли, не больно ли видеть, как умный, смышленый, понимающий дело крестьянин должен иногда выполнять безрассудное, противное его убеждению приказание глупого своего господина. И неужели все это согласуется с волей создателя!

Если разобрать теперь подробно все следствия крепостного состояния, все то, что может случиться и что действительно случалось от него в общественном быту, то нас невольно поразит вся беспросветность этого учреждения, весь вред, который оно наносит нравам, семейным отношениям и самым священным узам родства. Рассуждали ли когда-нибудь защитники рабства, что отец, мать, брат, сестра, даже муж могут быть крепостными людьми сына, брата, жены. А между тем это не только не противозаконно, не только не невозможно, но нередко даже случалось. Были примеры, что сын, отданный в рекруты, дослужился до офицерского чина и покупал имение, к которому принадлежали его родители и родственники. Что этот сын, основываясь на своем помещичьем праве, подвергал истязаниям своих родных. Были примеры, что помещик, женившись на крепостной девке, передавал ей имение и она делалась госпожою своего отца, своей матери. Были даже примеры, что помещица, вышедшая замуж за своего крепостного человека, будучи недовольна мужем, отдавала его в рекрут-

ство. Конечно, во всех этих случаях, когда они доходили до сведения правительства, оно принимало сторону нравственности, сторону прав человечества, противо силы закона, но при этом оно должно было отступать от законности, должно было действовать произвольно и прибегать к косвенным мерам для предупреждения подобных случаев. Неужели все это можно согласовать с правилами христианской религии, с божеским и даже человеческим правосудием.

А если заглянуть в семейный быт, в частную жизнь многих помещиков, какую отвратительную, какую безобразную картину представляет крепостное состояние. Разврат, основанный на праве и обязанностях (droit de seigneur)*, подведенный под условия общежития и гостеприимства, наконец, вошедший в общий обычай деревенской жизни помещиков. Следствия этого разврата: растление нравов как самих господ, так и рабов их, кровосмешения, противонравственные отношения между родителями и незаконнорожденными детьми — неестественные связи между последними, власть и права помещиков над братьями своими по отцу или матери. Гаремы для жертв сластолюбия, незаконнорожденное потомство их, зачисленное в крепостное состояние, вошедшее в состав дворни, занимающее должности лакеев, кучеров, девок-любовниц, одним словом, такая безнравственная, отвратительная путаница, что нельзя об ней подумать без невольного ужаса и негодования**.

---

* Право господина (сеньора) (франц.).

** Помещу здесь кстати несколько примеров ужасной безнравственности, бесчеловечия помещиков в отношении своих крепостных, которых я сам был свидетелем в молодости моей, а в одном из них даже действующим лицом[2].

1) В двадцатых годах, взявши отпуск, я прожил почти всю зиму в Москве, где имел много родных. Будучи дружен с одной из моих двоюродных сестер, молодой женщиной, недавно вышедшей замуж, я очень часто посещал ее. Она жила с мужем в доме родной тетки — последней, чрезвычайно набожной и очень умной старушки, коротко знакомой с известной гр[афиней] А. А. Орл[овой]. Эта старушка, не знаю почему, полюбила меня. Раз как-то, приехавши к ним вечером и войдя без доклада в гостиную, я застал их всех около чайного стола. Посторонних никого не было, кроме двух очень молоденьких девушек, одетых в черное, монашеского покроя платье. Мне часто случалось встречать там и монахов, и монахинь, и всякого звания духовных особ, и потому я не обратил на них внимания. Меня удивила, однако же, чрезвычайная их молодость и смущение старушки при моем появлении. Девушки

Даже если вникнуть в самый быт помещичьих крестьян, в их отношения с помещиками, если рассмотреть, как управляется большая часть последних первыми, как они обращаются с ними и на какое бедственное, исполненное всех лишений существование они обречены. Конечно, найдутся и такие помещики, у которых крестьяне, по сравнению с прочими, благоденствуют, но число их не должно быть значительно, потому что для этого требуется много условий. Кроме доброго сердца, образова-

---

не замедлили выйти, тетка последовала за ними, и когда она ушла, то я спросил сестру, что значит это смущение и кто эти девушки. Сестра ответила, что ей нет времени объяснять всего, что, вероятно, старушка или сама сейчас возвратится, или позовет ее к себе, что в другой раз она мне все подробно расскажет, а теперь нужно мне уехать и не мешать им. Я послушался и отправился домой. На другой день утром получаю от сестры записочку с приглашением скорее приехать к ним. Она присовокупляла тут же, что старушке большая во мне надобность и что она уверена, что я не откажусь оказать ей услугу и сделать доброе дело. Натурально я сейчас поехал и вот что узнал от них. Обе эти девушки, сестры, были незаконнорожденные дочери богатого помещика Тамб[овской] губернии. Он им дал порядочное воспитание и держал их в совершенном уединении в своей деревне, где мать их, крепостная девка, занимала должность ключницы и где им обеим готовилась участь их матери. Сия последняя догадалась о намерении преступного отца и судя по тому, как он уже не раз поступал прежде, по естественной родительской любви решилась спасти эти две новые жертвы от угрожающей им гибели, сообщила им предстоящую будущность и нашла средства к их побегу. Убежав ночью из деревни, они отправились в ближайший женский монастырь, которого настоятельница была им несколько знакома, и просили ее защитить их. Добрая игуменья, опасаясь гнева богатого и сильного помещика, но желая вместе с тем спасти от гибели две юные, невинные жертвы, отослала их в Москву с письмом к гр[афине] Ор[ловой], которая была с ней в хороших отношениях. В этом письме она рассказала обстоятельно все дело и просила ее принять их под свое покровительство. Графиня охотно исполнила это — дала знать помещику, что девушки находятся у нее, и предложила ему 3 тыс. руб. асс. с тем, чтобы он дал им отпускные. А между тем, не желая делать огласки, просила тетку сестры моей принять их до окончания переговоров к себе в дом.

Помещик отвечал на письмо графини, что он удивляется участию, которое она принимает в его крепостных девках, бежавших от него и обокравших его на несколько тысяч рублей (о чем и подана уже им явка), что он не соглашается на ее предложение и вслед за этим ответом сам будет в Москву. Не желая лично вести с ним переговоры, графиня просила тетку моей сестры найти ей посредника, который бы вошел в сношения с помещиком, со дня на день ожидаемым. Старушка сочла меня способным для этого и почти со слезами упрашивала меня принять на себя этот

ния, благого намерения надобно знание, уменье и даже самоотвержение, надобно, чтобы сам господин входил во все подробности управления, чтобы он отказывался нередко от настоящих собственных выгод для улучшения быта своих крестьян и для будущей своей пользы. Как часто бывает, что самый благонамеренный и добрый помещик, не желая или не умея заниматься хозяйством, передает управление именьем наемщику, который, думая только о своих выгодах, обращается с бедными крестья-

---

труд. Я охотно согласился, мы поехали вместе с ней к графине и уговорились, как действовать. Вскоре приехал в Москву помещик. Я отправился к нему в гостиницу и повторил от имени графини ее предложение. Предполагая встретить грубого, закоснелого невежду, я очень удивился, найдя в нем образованного по тогдашнему времени человека, говорящего очень свободно по-французски, с светскими и даже аристократическими манерами (он был действительный статский советник). Выслушав меня, он пустился в рассуждения о том, как несправедливо, противозаконно, как неприлично даже такой высокой особе, как гр[афиня] Ор[лова], принимать сторону крепостных девок противу их господина, нарушать священные права собственности, одним словом, наговорил мне все то, что говорят обыкновенно люди, защищающие крепостное состояние как одно из коренных учреждений русского народа, и кончил тем, что никогда не согласится дать свободу двум негодницам, нарушившим свои обязанности и сделавшим преступление. Что хоть он поступает так вопреки своей выгоде, потому что они не стоят и десятой доли предлагаемой за них суммы, но что обязанность помещика и совесть не позволяют ему думать при этом случае о выгодах, а, напротив, велят употребить все усилия, чтобы показать пример справедливой строгости. Я слушал его с удивлением, он говорил так красноречиво, так убедительно даже, что если б мне неизвестны были достоверно все ужасные подробности этого дела, если б я заранее не был предупрежден против его лицемерия, то легко мог бы принять его за человека с твердыми убеждениями, совершенно невинного, который за правду готов всем жертвовать. Он, может быть, не думал, чтобы мы всё знали об нем, не думал, чтобы гр[афиня] Ор[лова] захотела приступить к решительным мерам. Но я, имея от нее предварительное разрешение, как поступить в случае его несогласия, очень спокойно отвечал ему: «Мне очень жаль, что вы отвергаете предложение графини. Принявши его, все кончилось бы тихо и миролюбиво. Теперь же вы заставляете ее прибегнуть к такому средству убеждения, которое может иметь неприятные для вас последствия. *Ей всё известно*, решительно *всё*,— повторил я, стараясь придать этому слову большое значение, — и я от имени ее предуведомляю вас, что она решилась передать этих девиц под покровительство императрицы, объяснив ей подробно их положение и ожидающую их будущность». Надобно было видеть, в какое смущение привели его слова мои. Он стал ходить по комнате, минут с пять молчал, наконец, обращаясь ко мне, сказал: «Попросите графиню подождать дня два, три, я буду

нами с вопиющею несправедливостью и доводит, наконец, не только их, но и самое имение до совершенного разорения.

Как ни старалось правительство в этом отношении оградить крестьян и их вещественный быт от произвола помещиков, но меры и узаконения его редко достигали цели. Так, например, торг рекрутскими квитанциями, подававший повод к страшным жестокостям, к самым безнравственным поступкам помещиков *, хотя был несколь-

---

у нее и привезу мой ответ». На этом мы расстались. В ту же минуту я отправился к графине и сообщил ей весь наш разговор. Она решилась ждать его ответа. На третий день он явился, привезя с собой две отпускные, и не взял денег. Посещение его продолжалось несколько минут. Меня при этом не было. Он сказал, отдавая ей бумаги, что желает сделать ей угодное, дает свободу девушкам без всякого вознаграждения. Она довольно сухо и с достоинством поблагодарила его. Обе девицы после этого вступили, кажется, в монастырь.

2) В уезде, где находилось наше имение, жил очень богатый помещик, человек немолодой по наружности, довольно образованный, очень гостеприимный и нельзя сказать, чтобы злой. Мне известны были даже некоторые случаи его благотворительности и желания оказать услугу ближнему. По знакомству с ним отца моего, мне случалось бывать у него, и я был невольным свидетелем его отвратительного поведения с крепостными. В деревне, где он жил, построено было несколько отдельных домиков (гаремов, как он называл), куда приводились из всех его деревень молодые крестьянские девки 15 и 16 лет. Он их держал у себя по году и по два и потом отсылал обратно к родителям с позволением выходить замуж. Ни одна девка не отдавалась в замужество без того, чтобы не побывать у него, как выражался он, на смотру. За исключением этого гадкого обычая, или, лучше сказать, порока, он мог бы называться порядочным человеком и не был лишним ни в каком образованном обществе. Что делало из него такое чудовище, как не крепостное состояние?

Я бы мог набрать много подобных примеров, мог бы представить множество самых безнравственных обычаев деревенской жизни наших помещиков и помещиц, которые все проистекают из одного источника — *рабства*. Но, не желая останавливаться на таком грязном предмете, полагаю, что и рассказанного мною достаточно, чтобы оправдать мои суждения. Справедливым считаю сделать здесь оговорку. Я рассказываю то, что делалось 30 лет тому назад. Находясь все это время в Сибири, я сужу о теперешнем времени только по слухам, которые, впрочем, заставляют меня думать, что хотя кое-что и изменилось к лучшему в нравах и обычаях помещиков, но главные недостатки нравственности и образования, происходящие от существования рабства, остались в них те же самые.

* Продажа крепостных людей в рекруты за чужие души в то время, когда я был еще в России, не могла не возбуждать негодо-

ко затруднен многими узаконениями, видимо, направленными к уничтожению этой постыдной торговли, но корыстолюбие находило всегда возможность, не нарушая законности, сдавать в рекруты крепостных людей в зачет за чужие души. Так, например, желая остановить продажу крестьян на своз без земли и тем уничтожить торговлю людьми, как вещью, оно постановило правилом, чтобы крепостные души не иначе продавались, как с землей[3], но это узаконение не принесло никакой пользы, потому что помещик мог очень легко, согласуясь с законом, уклониться от его цели, мог продавать своих крестьян с небольшими участками земли, который по вывозке купленных душ передавался ему обратно покупщиком. Так, наконец, с намерением улучшить быт помещичьих крестьян и ввести некоторую справедливость в распределение их труда оно назначило, сколько дней в неделю крестьянин должен работать на господина и сколько на себя, но и это узаконение не достигло цели[4]. Помещик, как распорядитель, брал на свою долю лучшие, ведреные, нужные дни для работы, а ненастные, праздники оставлял крестьянам. Многие из помещиков находили даже излишним прибегать и к этой уловке, а просто не исполняли узаконения.

Кто мог изобличить их в том, кто мог препятствовать им? Не крепостные же их люди, совершенно от них зависящие и которых они имели право наказывать и ссылать в Сибирь без всякого суда и следствия[5]. Редко, очень редко случалось и то уже в то время, когда жесто-

---

вания всякого порядочного человека. Некоторые из спекулянтов-помещиков покупали имение, выбирали из него всех годных в рекруты людей и отправляли их скованными в губернский город, где, поместив в каком-нибудь сарае, как животных, водили ежедневно по нескольку человек в рекрутское присутствие. За тех, которые оказывались годными и поступали в солдаты, они получали квитанции, которые потом продавали государственным крестьянам и мещанам, состоявшим на очереди к предстоявшему набору. Таким образом они выручали иногда более, чем стоило все имение. Старики же, негодные, а также земли и все деревенские угодья оставались у них в барышах. Я знал даже несколько помещиков, которые таким образом нажили себе большое состояние. Можно представить себе положение бедных крестьян в таких имениях. Некоторые из самых этих бесчеловечных помещиков не могли оставаться свидетелями ужасных и вопиющих сцен, происходивших в это время в их деревнях. Они уезжали и предоставляли исполнение своих спекуляций приказчикам или поверенным своим.

кость и бесчеловечие помещика переходило всякую границу, что правительство вступалось за крестьян, устраняло бесчеловечного господина от управления и отдавало его имение в опеку[6]. Стало быть, все эти меры правительства к улучшению крепостного состояния оказывались недействительными, и оно продолжало существовать в том же отвратительном виде. Одни только успехи образованности, смягчив, улучшив нравы дворянского сословия, просветив разум многих из них, принесли очевидную в этом отношении пользу.

В отношении успехов вещественного благосостояния, как-то: улучшение земледелия, скотоводства, лесоводства, домашнего хозяйства, сельских промыслов, одним словом, всей сельской экономии — этой значительной отрасли народного богатства, крепостное состояние имело самое вредное влияние. На удобрение земель, на сохранение лесов, на улучшение земледелия не обращается почти никакого внимания. Помещик старается только извлекать из своего поместья сколько можно более дохода, не думая о будущем и не заботясь о том, в каком положении он его оставляет после себя. Управляющий имеет в виду удовлетворять требования своих помещиков и набивает собственные карманы и потому в несколько лет доводит имение до совершенного разорения. Крестьяне, со своей стороны, не видя никакой для себя пользы от усиленного труда, от улучшения хлебопашества, от дельных соображений по хозяйству, не имея, так сказать, будущности, делают все кое-как, без всякого старания сделать хорошо, без желания улучшения. Необходимые для поместьев леса, вместо того, чтобы составлять неистощимый капитал, ежегодно приносящий известный доход, продаются на срубку. Полученные деньги издерживаются на удовлетворение роскоши и других прихотей. Имения теряют ценность и в таком виде поступают в Опекунский совет, не доставляя даже столько дохода, чтобы уплачивать проценты. Одним словом, крепостное состояние есть одна из главных причин, почему помещичьи имения, за исключением немногих богатых владельцев, находятся почти все в залоге и беспрестанно продаются с аукционного торга по несостоятельности помещиков. Нет того номера «Ведомостей», в котором бы не объявлялось о продаже 10, 20 и 30 имений.

Самое даже невежество владельцев в хозяйственной

экономии, в земледелии, в сельской промышленности происходит часто от крепостного состояния. Имея в своем распоряжении готовые руки, не платя за труд, редкий из них понимает, что этот труд стоит денег, а иногда и дороже их, что чем более издерживается труда на какой-либо предмет, тем дороже этот предмет обходится. Не платя ничего за работу, они не находят надобности сберегать труд, не находят надобности ни в машинах, ни в усовершенствованных орудиях земледелия, ни в улучшениях хозяйственной экономии. Ответ — *так делали наши деды, так и нам должно делать* — всегда готов у них, когда речь зайдет о каких-либо хозяйственных усовершенствованиях *.

Можно бы много сказать еще о вредном влиянии рабства на все отрасли народного благосостояния, на промышленность, торговлю, на внутреннее благоустройство государства, на все общественные, частные и семейные отношения, одним словом, на все элементы цивилизации. Можно бы наполнить целые тома рассказами о вредных последствиях, которые оно имело на жизнь народную, на дела государственные и на события политические в России, но это бы значило составить историю крепостного состояния**, для которой у меня недостает и материалов, и дарования. Ограничиваясь сказанным мною, я имею единственной целью обратить на этот вопрос внимание тех, кому не случалось думать о нем, предоставляя им самим с помощью своих собственных наблюдений и воспоминаний беспристрастно обсудить его и добросовестно произнести приговор свой. Остаюсь совершенно уверен, что во всяком благомыслящем, рассудительном человеке я приобрету нового последователя моего воззрения, верного и постоянного союзника против крепостного состояния.

---

* Разумеется, что я говорю здесь не о всех вообще помещиках. Некоторые из них, и особенно в настоящее время, деятельно следят за успехами просвещения в хозяйственном отношении и стараются вводить в свое сельское хозяйство все то, что служит к его усовершенствованию. Из таких помещиков мало найдется противников уничтожения крепостного состояния.

** Такая история была бы весьма любопытна и поучительна.

[ЗАПИСКА О ПОЗИЦИИ РАЗНЫХ СЛОЕВ ДВОРЯНСТВА В ВОПРОСЕ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА И О СПОСОБАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН]

Живши в Сибири, я изложил в кратком очерке мои мысли о крепостном состоянии в России. Это изложение было весьма поверхностно и основывалось на суждениях, более или менее общих каждому благомыслящему человеку [1].

Находясь более 30 лет вне общественного русского быта, я не мог смотреть на этот вопрос с настоящей, современной точки зрения. То, что я знал о крепостном состоянии, относилось к давно прошедшему времени или было основано на доходивших до меня слухах, не всегда верных, а потому я и не смел делать никаких положительных заключений, не смел входить в предположения, с которыми действительность могла быть в разногласии.

Все, что тогда было сказано мною, основывалось на моих позициях как христианина, на некоторых теоретических и практических данных, на моих суждениях о природе человека и, наконец, на малом числе давно минувших фактов прежнего моего пребывания в России, оставшихся у меня в памяти.

Вот почему также я не мог ничего сказать, как предполагал было разрешить этот вопрос согласно с справедливостью и духом времени, не подвергая сильному колебанию существующие общественные учреждения России [2].

Возвратившись на родину и прожив год в разных российских губерниях, я имел возможность познакомиться с настоящим положением крепостного состояния, тем более, что оно, так сказать, невольно заставляло меня поверять мои прежние об нем суждения и, будучи современным вопросом, необходимо должно было обратить мое внимание.

Я нашел в России несравненно более сочувствия, несравненно более гуманных понятий в образованном классе относительно этого вопроса, пережив то время, когда я должен был оставить ее. Теперь, сколько мне случалось заметить, вопрос освобождения крестьян находит много защитников между самим дворянством и не возбуждает в остальных того негодования, тех нелепых возражений

и даже брани, которым подвергалось прежде малое число людей, не разделявших мнения большинства.

Теперь даже те, которые не желают освобождения, стараются доказать не право свое на собственность крестьян, не законность обладания, но преждевременность разрешения этого вопроса в пользу эмансипации.

По мне и по-моему, вот как следует подразделить тех, которые участвуют в этом вопросе. Разумеется, исключая правительство.

1. Лица, основывающие свои суждения на одной теории и повинующиеся скорее чувствам своим, нежели обдуманному и согласному с бытностью умозаключению. Они не хотят знать никаких препятствий, не хотят соображать прошедшего и уверены, что правительству стоило только захотеть — и вопрос разрешится сам по себе без всяких затруднений. Число их незначительно, и оно состоит большею частью из молодых, пылких людей, занимающихся в кабинетах своих современными идеями.

2. Лица, понимающие свои обязанности в отношении крестьянского сословия, сочувствующие его положению, желающие как по своим правилам, так и по своему сердцу его освобождения, хорошо понимающие не только несправедливость этого учреждения, но и вред, который оно наносило, наносит и будет наносить вещественному и нравственному благосостоянию общества. Эти люди от всей души желают освобождения, но желают вместе с тем, чтобы оно сделалось без нарушений общественного спокойствия, прочно и не приводя в сотрясение государственный состав. Они признают затруднения, которые необходимо при этом встретятся, рассуждают беспристрастно, видят препятствия и полагаются на правительство, которому готовы ревностно содействовать, вопреки даже собственным выгодам. Число этих людей значительно, и в них правительство всегда найдет крепкую, рассудительную подпору.

3. Лица, которые равнодушно смотрят на то, так или иначе разрушился этот вопрос. В них правительство не найдет препятствия, и они будут всегда на стороне установленного порядка.

4. Люди хорошо мыслящие, но боязливые, не отвергающие прогресса, не опасающиеся каждого шага вперед. Они хоть и соглашаются в необходимости изменить положение крестьянского сословия, но находят, что не

настало еще для этого время, что это изменение при настоящем малом умственном развитии низших классов может быть причиною сильных потрясений в общественном быте и унижением дворянства. Они очень бы желали предоставить разрешение задачи своим потомкам и провести остаток жизни своей при прежнем положении вещей, сохранив между тем почетное место в рядах благомыслящих людей. Этих лиц много, и большей частью они состоят из среднего более или менее просвещенного дворянства, в молодости своей сочувствовавших современным идеям, но под старость желающих покойно дожить свой век.

5. Небольшое число лиц из этого же разряда дворян, не признающих и не понимающих ничего, кроме собственных выгод, или, лучше сказать, кроме удовлетворения своих личных побуждений. Они смотрят на крепостное состояние с одной только точки худо понятой собственной пользы, не заботятся о будущем, стараются всеми способами оправдать необходимость этого учреждения, представляют людей противного мнения вредными демагогами, пугают предсказанием всеобщего общественного расстройства и с самодовольствием считают себя и действительно находятся во главе защитников существующего порядка. Доводы их основаны большей частью на невежестве крестьянского сословия, на лености рабочего класса, на необходимости принуждать его к труду, руководить, направлять его занятия. Число таких людей в каждой губернии не весьма значительно, но они сильны своими резкими суждениями, своим упорством и многочисленностью своих нерассуждающих, закоренелых в предрассудках приверженцев из среды мелкопоместных дворян.

6. Именно эти мелкопоместные дворяне и составляют главный элемент противников освобождения крестьян. Обладая незначительными поместьями, выжимая, так сказать, весь сок из своих малых владений, без всякого правильного нравственного и умственного образования, с привычками к некоторой, не по своему состоянию, роскоши и праздной и более или менее порочной жизни, они очень справедливо и, так сказать, по-истинному опасаются уничтожения крепостного состояния. Тогда действительно положение их, по крайней мере на некоторое время, будет затруднительно. Вдруг измениться, сделать-

ся порядочными людьми они не могут. При недостатке образования им невозможно будет добывать вещественные средства собственным трудом. Сверх того, они весьма естественно опасаются при этом случае не только за свои выгоды, но и за личную безопасность. Нет почти никакого сомнения, что у большей части из них крестьяне не захотят оставаться, и, следовательно, земли их останутся необработанными, и они принуждены будут за бесценок сбывать их. Разумеется, в будущем государство от этого выиграет потому, что такой многочисленный, непроизводительный класс необходимо обратится к полезным занятиям, но первое время будет для него трудно и особенно если не возьмут при этом предварительных мер. Этот класс дворян очень многочислен, в каждой губернии наберется более тысячи таких помещиков, и они, по моему мнению, составляют одно из главных препятствий к успешному развитию этого вопроса.

Еще большее затруднение представляют и сами помещичьи крестьяне. Нельзя не согласиться, что у нас в России большинство, особенно в степных и белорусских губерниях, находятся на самой низшей степени и умственного развития. Здесь я, кстати, скажу тому, кто захотел бы принять этот факт за непреодолимое препятствие к их освобождению, что он ни в коем случае не может считаться таковым. Мнение, что надобно сперва просветить крестьян и потом уже сделать свободными, не имеет логического основания. Во-первых, каким образом образование может проникнуть между народом, у которого нет даже времени обеспечить свое существование, который всю жизнь свою должен трудиться в поте лица, чтобы не умереть только с голода. Наконец, если допустить даже, что оно и проникнет, то что из этого выйдет? Или крепостной крестьянин сделается несчастнее, нежели он был, потому что тогда он будет почитать свое положение невыносимым, будет вполне понимать незаконность своей зависимости, или, что еще хуже того, освобождение может начаться не сверху, а снизу, и тогда последствия будут самые ужасные. Я считаю непросвещение массы затруднением, но затруднением необходимым, которое должно входить в соображение при освобождении крестьян и против которого следует принять меры. Понимаю очень, сколько таких затруднений и препятствий должно встретиться при разрешении этой задачи. Но что дви-

гается без труда и препятствий? Крепостное состояние есть меч Дамоклов, висящий над общественным бытом России! Одни слепые не видят этого. Какую признательность заслужат от потомства и правительства и те лица, которые будут помогать ему, если этот меч будет ими снят осторожно.

Из того, что сказано мною, очевидно, что если правительство сочтет необходимым приступить к изменению крепостного состояния, то оно найдет много элементов, которые будут ему содействовать. Сдерживая излишнюю ревность некоторых, пользуясь усердием и благонамеренностью других, устраняя опасения боязливых и приняв предварительно меры в отношении мелкого дворянства и невежества самих крестьян, одним словом, действуя с осторожностью, но вместе с тем и с твердостью, оно необходимо достигнет цели и заслужит признательность современников и блестящую страницу в будущей истории России.

Приступаю теперь к изложению моего мнения относительно самого вопроса *уничтожения крепостного состояния в России.*

Всего бы лучше было, если б правительство имело средства выкупить крестьян у помещиков с частью земли, необходимой для их хозяйства. Тогда бы решение вопроса очень упростилось. Например: полагая достаточным количеством земли, которым теперь пользуются крестьяне в имениях, находящихся на пашне, заплатить за это владельцам по цене, назначенной для залога душ в Опекунском совете, и, сверх того, назначить несколько обязательных рабочих в году дней в пользу помещика*. Эта цена, я полагаю, вполне удовлетворила бы и самих помещиков и была бы довольно справедлива. Здесь должно взять в соображение, что как более половины имений находятся в залоге, то правительство, приняв на себя этот долг, платило бы ежегодно только по 5 1/2 процентов, более, нежели наполовину всей суммы, а через 33 года совершенно бы разделалось с Опекунским советом.

Представляю расчет в цифрах: помещичьих имений

* Можно постановить правилом, что впоследствии и от этих обязательных рабочих дней крестьяне могут откупиться по согласию с помещиком.

считается в России 10 000 000 душ. Полагая за каждую душу кругом 75 р. сер. всей суммы, потребуется 750 000 000. Следовательно, правительство должно иметь в своем распоряжении 375 мл[н]. налицо и платить ежегодно в Опекунский совет проценты с других 375 мл[н].

Если оно имеет возможность посредством внутреннего или внешнего займа располагать этой суммой, то, по мнению моему, вопрос об освобождении крестьян разрешится этим способом без большого затруднения. Для уплаты процентов этого займа правительство может наложить сверх подушного оклада некоторый оброк на освобожденных крестьян. При этом случае оно имело бы право вычитывать из следующих помещикам денег все прежние казенные на имениях недоимки, что несколько убавило бы необходимую на выкуп их сумму. Если же правительство не находит возможным употребить такую сумму на одновременный выкуп имений, то может приобретать их по частям, определив заранее, в каких губерниях каждый год должна производиться покупка. Но если и такой выкуп покажется для правительства обременительным, тогда освобождение крепостного сословия может состояться на других началах.

1. Определив известную сумму, дозволить каждому крепостному человеку или семейству откупиться взносом оной своему владельцу, с тем чтобы он или они сейчас же приписывались к какому-либо свободному сословию.

2. Определить постоянным образом отношения крестьян к их помещикам и то, чем крестьянин необходимо должен владеть.

3. Дозволить помещикам заключать с крестьянами взаимно обязательные договора. Но договора эти ни в коем случае не должны быть для крестьян обременительнее тех отношений, которые будут определены правительством.

4. Дозволить крестьянам переходить от одного владельца к другому, но с тем, чтобы переходящий крестьянин должен внести за себя и семейство известную умеренную плату. Если он сам внесет ее, то может поступить к другому помещику по условию, а если за него внесет тот, к кому он переходит, то крестьянин поступает к нему с теми же отношениями, которые имел к прежнему владельцу. При этом случае не иначе дозволять переход, как тогда уже, как крестьянин приищет себе место. Этим

способом оградится в некоторой мере крестьянский быт у помещиков и вместе с тем предотвратится бродяжничество.

5. Определить неприкосновенную собственность крестьянина и поставить в обязанность помещику наблюдать, чтобы эта собственность, или, лучше сказать, необходимый земледельческий капитал постоянно существовал. Если крестьянин по своему нерадению или худому поведению станет растрачивать оный и помещик не будет в состоянии сам остановить его, то обязан извещать о том местное начальство, которое немедля примет противу этого меры.

6. Учредить местные расправы для разбора жалоб помещиков и крестьян. В этих судах председателями должны быть уездные предводители, а членами дворяне и казенные крестьяне, первые по выбору, а последние по назначению правительства. Уездный стряпчий должен также присутствовать в них. Решения этих расправ могут быть письменные и словесные, а делопроизводство на простой бумаге.

7. Казенные повинности как денежные, так и натурой должны собираться избранными из крестьян лицами под ведением и надзором помещика.

8. Увеличить в небольшой степени подать и излишек против прежней предназначить для образования выкупной для крепостного сословия суммы, отправляя оный при каждом сборе в одно из кредитных установлений для приращения процентами.

9. Дозволить по завещанию отпускать на волю крепостных людей, но не иначе как с наделением известной пропорцией земли. Дворовых же людей, знающих ремесло или имеющих какой-либо промысел или какие-нибудь положительные способы к существованию,— без надела. Они, последние, должны немедленно приписываться к какому-нибудь свободному состоянию.

10. Дозволить завещать благоприобретенную собственность на выкуп помещичьих имений.

11. Не иначе дозволять помещикам брать из крестьян во двор для услуги, как с собственного согласия крестьянина и главы его семейства.

12. Дозволять дворовым людям по собственному желанию их поступать в крестьяне, с тем, однако ж, чтобы они наперед предъявили необходимые для того средства

свои и обязались исполнять законные отношения к помещику.

13. Дозволить дворовым откупаться от помещика за известную и умеренную сумму. Те же, которых помещик обучал на свой счет какому-либо ремеслу или художеству, обязаны сверх того внести то, что он на них истратил.

14. Если ремесленный человек прослужил 10 лет помещику, то сумма, истраченная на его обучение, не вносится.

15. Постановить правилом, что дворовые люди до 45 лет могут откупаться со взносом денег, после 45 лет имеют право делаться свободными без всякой платы, и, наконец, если помещик захочет отпустить человека 60 лет и более, то обязан обеспечить его существование. С таковых не взимать и казенных повинностей.

16. В отношении женского пола можно применить с некоторыми изменениями те же самые узаконения.

17. Когда соберется довольно значительная выкупная сумма, то можно будет приступить к покупке имений, начиная с мелкопоместных.

18. Эту сумму стараться увеличивать из всех возможных источников государственных и общественных доходов. Почему, например, не поставить правилом, чтобы при переходе из низшего сословия в высшее из крестьян и мещан, из купцов 3-й гильдии во 2-ю, из 2-й в 1-ю и, наконец, при возведении в личное и потомственное дворянство, при наградах чинами и знаками отличия, не брать некоторого для этой благодетельной цели процента.

19. Можно также при переходе имений, как движимых, так и недвижимых и особенно когда этот переход совершается не по прямой линии, включать какие-либо условия в пользу той же цели.

20. Изменить во всех актах, как-то: при продаже имений, при залоге их, одним словом, при всех законных делопроизводствах, наименование — души или крепостных, а означать главным предметом землю и при ней столько-то земледельцев, столько-то служащих*. Изла-

* Почему не дозволять покупать населенные имения купцам и другим лицам недворянского происхождения, но с тем ограничением, чтобы при покупке таких имений крестьяне делались свободными с наделом определенной части земли, за которую, равно как за то, что перестают быть крепостными, обязать их рабочими днями в пользу владельца имения. От этих рабочих дней и других

гаю здесь очень поверхностно все то, что относится к разрешению вопроса об освобождении крестьян. Нет сомнений, что найдется еще много способствующих к этому мер и что они все должны быть применены и к местностям, и к разным положениям помещичьих имений. Надобно только иметь в виду самые главные условия:

a) чтобы это освобождение совершалось с возможною справедливостью и возможною выгодою для обеих сторон,

b) чтобы сколько можно предохранить общественный быт от сильного потрясения и, наконец,

c) чтобы новые гражданские и общественные отношения как освобождаемого сословия, так и помещиков не ухудшились против прежнего как в вещественном, так и в нравственном смысле.

Нелишним считаю сказать мое мнение о том, как правительство могло бы приступить к выполнению этого столь важного общественного изменения.

1. Обнародовать ко всеобщему сведению высочайший манифест, в котором

a) изложить волю и намерение государя к изменению настоящего положения крепостного сословия, не входя ни в какие подробности. Это высочайшее намерение объяснить, с одной стороны, видами правительства улучшить его быт, а с другой — собственным великодушным желанием некоторой части просвещенных помещиков обратиться по этому случаю к высшей власти,

b) объявить, что до окончательного на этот предмет распоряжения, которое будет в свое время обнародовано, крепостные люди должны вполне повиноваться сущест-

---

обязательных услуг дозволять им откупаться или взносом единовременной суммы, или ежегодною платою в роде оброка. <Можно> бы было, смотря по <чертежу> имений, оценивать и то, что покупщик уступает находящимся при имении крестьянам. Разделив эту сумму на число тягол, получивших землю, назначить, что каждое тягло должно одновременно заплатить владельцу, чтобы совсем освободиться, <то> что оно должно платить ежегодно в виде оброка и, наконец, <сколько> по цене труда оно должно выплачивать этот оброк работой натурой. При переходе таких имений в другие руки они должны уже оставаться навсегда в этом положении. Нет сомнений, что многие лица недворянского происхождения воспользовались бы этим, чтобы владеть недвижимыми земельными собственностями, и я полагаю, что это бы весьма было выгодно для государства и в отношении успехов народного богатства.

вующим узаконениям и что малый шаг с их стороны, попытка преждевременно выйти из настоящего положения будет наказана по всей строгости существующих законов,

с) приложить к манифесту предварительные в этом отношении распоряжения.

Нет сомнения, что этот манифест предохранил бы низший класс от всяких неуместных и часто безрассудных толков. Опасение навлечь на себя строгость законов не позволило бы лицам крепостного сословия покушаться противу существующей власти помещиков и вместе с тем обнадежило бы их, что правительство серьезно приступает к изменению общественного их быта. Далее он ясно покажет дворянству высочайшее желание и необходимость изменить прежний в этом отношении порядок и изменить согласно со справедливостью и сколько возможно сохранив их выгоды.

Предварительные распоряжения правительства могут быть следующие. Отправить в каждую губернию доверенное лицо из генерал- и флигель-адъютантов или гражданских и военных высших чинов с высочайшим повелением: пригласить в губернский город дворян, изложить им виды правительства и предложить избрать из среды своей комиссию, которая под председательством присланного лица должна составить проект, как поступить в этой губернии в отношении изменений и улучшений быта помещичьих крестьян.

Между тем дозволить всякому представить в эту комиссию свои предположения и свои мнения. Составленный и обсужденный таким образом проект, сколько можно примененный к местности и обстоятельствам, поступит на рассмотрение высшей власти, которая, получив таковые проекты из всех губерний, будет иметь возможность сообразить все то, что согласно с ее видами и с местными обстоятельствами каждой губернии. Имея таким образом все материалы, все данные и ознакомясь более или менее с желаниями самого дворянства, она приступит к составлению окончательного узаконения, в котором все то, что может быть общим, будет таковым для всего государства, а то, что она найдет лучшим и выгодным для местности, войдет в особенное узаконение для той или другой губернии.

Осмелюсь заметить здесь, что ничего так не ослабляет общественного порядка, как неизвестность и сомнение.

Теперь везде и всюду говорят об изменениях крестьянского быта. Все уверены, что правительство имеет в виду освободить крестьян, но никто не знает положительно, как и когда это должно осуществиться. От этого происходят различные и часто несогласные со здравым рассудком толки, которые возбуждают, с одной стороны, опасения, а с другой — несбыточные и преувеличенные надежды и сомнения. В свою очередь, лица крепостного сословия также, по-моему, рассуждают об этом и весьма натурально много говорят вздора, передавая его друг другу. Их неуместные и преждевременные надежды поселяют в них недоверие и неуважение к владельцам, следствием которых могут быть беспорядки, неповиновения, а иногда и самые плачевные события, вредные самому делу освобождения и влекущие за собой более или менее невинные жертвы.

Смело могу сказать, что в этом случае гласность и общее ведение намерений и твердой воли высшей власти будут не только полезны, но даже в высшей степени благодетельны для всех.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ И СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОПРОСА ОБ ИЗМЕНЕНИИ КРЕПОСТНОГО БЫТА

Покров, 1858 года, марта 10 дня

Вопрос, долженствующий изменить крепостное состояние России и окончательно устроить общественный ее быт, так важен для будущности государства и так сложен и разнообразен в своем применении к местным и частным обстоятельствам не только каждой губернии, каждого уезда, но даже каждой помещичьей собственности, что всякое общее постановление необходимо встретит в тех, до кого оно будет относиться, или приверженцев, или противников, смотря по тому, согласуются ли с ним или не согласуются их местные личные выгоды.

Вот почему при самом начале суждений об этом вопросе возникло столько разногласий и столько различных противоречащих мнений. Государю императору благоугодно было предоставить российскому дворянству, как сословию, наиболее участвующему в нем, обсудить и решить его в губернских комитетах, не отступая от тех

правил, которые изложены в высочайшем по этому случаю манифесте и в циркулярах господина министра внутренних дел.

Нет сомнения, что всякий благомыслящий и просвещенный гражданин согласится с главными основаниями и положениями этого благодетельного изменения общественного быта и вполне постигнет его пользу. Противниками его могут быть только невежество, предрассудки и худо понимаемые личные выгоды.

Но главное дело состоит в том, как решить его, как согласовать в этом случае пользу помещиков и их крестьян, как с наименьшею потерею для первых улучшить быт последних? Как исполнить это без потрясений общественного порядка, без нарушения прав собственности, основанных на прежних узаконениях, обычаях и освещенных временем? Одним словом, как окончательно устроить новый порядок, удовлетворив, сколько возможно, всем требованиям справедливости?

Считая обязанностью каждого благомыслящего человека, любящего свое отечество, класть последнюю лепту своего достояния, вещественного или умственного, на пользу общую, я, по примеру многих других, решился изложить свое мнение и некоторые суждения по поводу этого важного вопроса.

Во-первых, мне кажется, что в этом случае надобно отделить общие основные положения вопроса от подробностей частных. Первые независимы ни от местности, ни от обстоятельств той или иной губернии. Будучи общими и обязательными для всего государства, их можно только согласовать с местными условиями, но не изменять или отвергать.

Вот эти положения:

1. Уничтожение крепостного состояния в более или менее продолжительное время.

2. Вещественное улучшение крестьянского быта.

3. Больший или меньший надел земли крестьянам.

4. Справедливый и сколько менее отяготительный выкуп этой земли и самой личности крестьянина от помещиков.

5. Прикрепление крестьян к земле, на которой они ныне находятся, посредством таких условий, которые были бы выгодны для той и другой стороны и согласны с местными обстоятельствами.

Частные положения могут быть следующие:

a) Количество и оценка уступаемой земли согласно с местными качествами этой земли и ее значением в сельском хозяйстве.

b) Оценка личности крестьянина по их промыслам, состоянию и местным удобствам. В иных губерниях и даже имениях личность крестьянина значит весьма много, в других — очень мало.

c) Способ, каким образом этот выкуп может совершиться без излишнего обременения крестьян, ибо в противном случае предоставится явная невозможность к такому выкупу.

d) Обеспечение платежа этого выкупа деньгами или работою.

e) Отношение крестьян и помещиков в продолжение того времени, пока этот выкуп не совершится окончательно.

f) Меры к изменению быта и положения дворовых людей.

g) Необходимые узаконения и меры к обеспечению сельского хозяйства в остающейся у помещиков земле посредством вольного труда и, наконец,

h) учреждение местных судебных расправ для разбирательства недоразумений и нарушений условий между крестьянами и помещиками во время переходного состояния, т. е. пока не совершится окончательное освобождение первых.

О положениях общих нечего и говорить. Их основательность и справедливость понятны и очевидны для каждого мыслящего человека. Как я уже сказал, одно только невежество и предрассудки могут их опровергать, да и то без всякого логического основания, потому что само правительство выразило в этом отношении свои виды и свою волю.

В отношении частных положений можно сказать следующее: надел земли крестьянам и оценка ее должны быть произведены для каждого имения особенно. В этом случае должны быть приняты в соображение местность, качество и количество земли каждого поместья. Необходимо также брать во внимание мнение самого помещика и его крестьян.

Личность крестьянина также должна подвергнуться строгой и справедливой оценке, смотря по промыслу и

условиям местности, относительно промышленных и земледельческих занятий и по состоянию, в котором находятся крестьяне.

Выкуп совершиться может одновременным взносом всей суммы, следующей с каждого имения, если крестьяне имеют на то способы, или ежегодною уплатою процентов на капитал в виде оброка и определенного частью на погашение долга. Чем эта последняя будет значительнее, тем скорее окончится выкуп. Ежегодный платеж этих процентов, казенных повинностей и части капитала на погашение долга не должен превышать тех способов, которыми крестьянин может располагать независимо от необходимых расходов на свое содержание при обыкновенном, но не усиленном труде.

Весьма бы желательно было, чтобы во время переходного состояния отношения крестьян с помещиками были как менее сложны и чтобы скорее установились между ними отношения вольного труда и наемной заработной платы.

Весьма естественно, что представится надобность в каждом поместье сделать размежевание земли так, чтобы часть, остающаяся у помещика, не была чересполосною с крестьянами и чтобы обе эти части отмежеваны были отдельно.

Теперь приступаю к изложению моего мнения о возможности обеспечить владельцам населенных имений выкупной суммы за уступаемую крестьянам землю и за личность крестьянина, а также и о том, как скорее установить между ними простые отношения вольного труда и наемной заработной платы. Это, по моему мнению, вполне может достигнуться учреждением губернских банков, в ведение которых поступят все крестьяне помещичьих имений.

Вот мои соображения по этому случаю. Избираю для примера одну какую-нибудь губернию, положим, хотя Владимирскую. В ней земля не имеет той ценности, как в хлеборобных российских губерниях, но зато личность крестьянина по промыслам и местным обстоятельствам должна цениться дороже. Положим, что в каком-нибудь имении этой губернии каждая душа с наделом $2\frac{1}{2}$ десятины земли, в том числе усадебной, лесных дач, покосов и неудобной, оценится в 100 р. сер.: полагаю 50 р. за

землю и 50 за личность крестьянина. Стало быть, в имении, где будет 100 душ, выкуп их с наделом 250 десятин земли обойдется 10 тыс. руб. Губернский банк выделит помещику на эту сумму облигаций с обязательством платить ежегодно по 4% до окончательной уплаты этого долга.

Эта облигация не может поступить в обращение, а принадлежит как недвижимая собственность имению, так что передача ее другому лицу не иначе может совершиться, как посредством купчей крепости. Этим способом предотвратится увеличение денежного рынка в государстве и сохранятся на время необходимые для сельского хозяйства капиталы.

100 душ крестьян и 250 десятин земли, поступая в ведение банка, обеспечивают вполне эту сумму.

Губернский банк назначает от себя с достаточным жалованием особенных управляющих из дворян к имениям, поступающим в его ведение. Смотря по местным обстоятельствам, к 1500 или 2000 душ одного. Эти управляющие обязаны доставлять в положенные сроки бездоимочно ежегодный с крестьян сбор, наблюдать за их хозяйством, решать маловажные недоразумения в случае несостоятельности крестьянина, отдавать его в заработки к помещикам и получать с них условную цену для пополнения сбора.

Этот ежегодный сбор с крестьян определяется 4-мя процентами на выданную облигацию, 1 1/2 процентами на уплату казенных повинностей, 4-мя процентами на погашение долга и 1/2% на расходы по управлению. Следовательно, всего 10 процентов с 100 р. сер. или 10 с души. Полагая же на каждое тягло 2 1/2 души, выйдет, что оно [тягло.— *И. П.*] должно платить ежегодно 25 руб., включая тут уже все повинности. Оброк вовсе не отяготительный.

Этим способом в течение 20 лет весь долг будет уплачен, и тогда крестьянин поступит в ведение государственных имуществ.

Уплата облигаций, или, лучше сказать, погашение всего долга по губернии, должна производиться ежегодно по жребию. Перед концом каждого года владельцы облигаций, желающие получить деньги, представляют о том сведения в банк. Если желающих получить окажется более, нежели банк может выплатить, то между ними

решает жребий. Если их менее, то они все удовлетворяются и для остальных денег приступают тоже к жребию между остальными владельцами облигаций. Ежегодно банк представляет отчет о всех своих действиях и о том, сколько уплачено в этот год долга, сколько осталось, кому и за какие облигации сделана уплата.

Я полагаю, что эта мера вполне достигнет цели, разрешая вопрос выкупа и обеспечивая совершенно помещика в отношении платежа выкупной суммы. Вместе с тем она не обременяет ни государство долгом, ни денежного рынка излишеством бумажной монеты, временно сохраняя при имениях необходимые для сельского хозяйства капиталы. Она также может быть применена по всем местностям, не требуя ни наличных капиталов, ни особенных и спорных распоряжений.

Для первого года, может быть, потребуется в каждой губернии до 100 т[ыс]. серебром, чтобы пустить в ход это учреждение прежде, нежели наступят сроки ежегодного сбора с крестьян. Но эта сумма незначительна и легко может найтись в каждой губернии, то нет сомнения, что многие зажиточные помещики охотно согласятся дать ее на время губернскому банку за 4%. В конце же первого года она уже будет уплачена.

Одна из главных выгод этой меры состоит в том, что отношения между крестьянами и помещиками делаются сейчас же весьма простыми и основанными на вольном труде и заработной плате. Переходное положение, весьма затруднительное для тех и других, прекращается в самом начале. Остающаяся у помещиков земля обрабатывается, а заведения поддерживаются процентами на получаемый ими выкупной капитал. Если в этом случае и будет некоторая потеря владельцев, то она не будет значительна и вполне вознаградится более рациональным сельским хозяйством.

Сверх того, при вольном труде и более хозяйственных распоряжениях земледелие и вообще вся сельская экономика сделают необходимо быстрые успехи.

Эти мысли и соображения были набросаны мною вследствие часто слышимых сомнений насчет обеспечения платежа выкупной суммы и затруднительности помещиков ведаться с крестьянами во время переходного состояния. Представляя их для соображений при предстоящих суждениях об этом вопросе в губернских комитетах, я очень

буду рад, если в них найдется что-нибудь дельное и удобное для применения при составлении проектов, долженствующих поступить на рассмотрение правительства.

Вот расчет мой.

С наделом $2^1/_2$ десятины на душу за десятину — 20 р. сер., за личность — 50 р. сер., всего — 100 р. сер.

Полагая тягло в $2^1/_2$ души, придется на тягло земли $6^1/_4$ десятины, а выкупная сумма 250 р. сер.:

По 4 процента в год — 10

Казенных повинностей — 3-75

На управление — 1-25

На погашение долга — 7-50

В запас капитала — 2-50

Всего в год — 25 р. сер.

В имениях, заложенных в Опекунском совете, при уплате облигаций губернских банков следующая в совет сумма вычитается и отсылается прямо туда. Оставшиеся деньги выдаются владельцу облигации.

Крестьяне каждого имения имеют право выплачивать единовременно весь свой долг в губернский банк, но не поодиночке, а всем обществом или взносом всей суммы.

Запасный капитал в последний для выкупа год приобщается к частям в выкупной сумме, и, следовательно, выкуп может совершиться ранее 20 лет. Сверх того, можно найти, и нет сомнения, что найдутся, и другие источники к увеличению выкупной суммы. Например: частные пожертвования, остатки от казенных повинностей, от суммы, назначаемой на управление от перехода крестьян в другие сословия с определением комитетами платежей за таковой переход, наконец, от некоторых пособий правительства от продажи облигации губернских банков, причем надобно испросить у правительства, чтобы пошлины при совершении купчих крепостей оставались в губернском банке для увеличения выкупных сумм. При всех источниках и условиях весьма легко может быть, что в некоторых губерниях погашение всей выкупной суммы совершится не более как в 15 лет.

Запасной капитал образуется для того, чтобы в некоторых несчастных случаях, например, когда произойдут в имениях пожары, когда случится особый неурожай или при других каких-либо общих бездействиях, иметь всегда под руками средств к скорой и правильной помощи. Об нем надобно составить основательные положения.

ЗАПИСКИ О СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЯХ ДЕРЕВЕНСКОГО ЖИТЕЛЯ, ВОЗВРАТИВШЕГОСЯ ИЗ ССЫЛКИ

От начала 1857 по 1861 год

3 сентября 1856 года получили мы манифест 26 августа, возвращающий нас на родину после тридцатилетней ссылки. Его привез молодой Волконский, сын одного из наших товарищей, отправленный нарочно из Москвы к генерал-губернатору Восточной Сибири в Иркутск, где проживал его отец[1]. Путь его лежал через Ялуторовск, и он остановился часа на два, чтобы сообщить нам эту новость.

Впечатление, которое произвела на нас, и особенно на меня, эта полуамнистия, определить трудно. Радоваться было нечему. Когда свечка потухает, немного уж пользы для нее, если ее перенесут из жаркой и удушливой атмосферы в другую, где воздух посвежее. Так точно и с нами. Возвратиться в Россию болезненными стариками, без всякого состояния, когда уже все прежние связи прерваны, когда большая часть близких сердцу современников наших лежали в земле, когда вместо живых людей приходилось каждому приветствовать одни могилы и при этом начинать жить сызнова, применяться к новым понятиям, вступать в новое общество, заводить новые связи и трудиться, может быть, из насущного куска хлеба. Вот перспектива, которая ожидала большую часть из нас, за исключением немногих, сохранивших состояние и имевших свое семейство. Она была вовсе неутешительна. Но, с другой стороны, если, откинув собственную личность, смотреть на эту амнистию с точки зрения более возвышенной, то есть как проявление другого образа мыслей, других и более гуманных понятий в новом правительстве, если видеть в ней осуждение прежнего властолюбивого, эгоистического владычества и [желание] идти другим путем, более согласованным с духом времени, с общественной пользой, то это действие высшей власти имело свое значение и не могло не возбудить в нас радостные надежды. Более или менее оно и было так принято почти всеми нами. По крайней мере теми из нас, которые сохранили заветные убеждения и свои правила.

И сказать не в похвалу себе, много надобно было прилагать и твердости характера и силы воли, чтобы

пройти в течение тридцатилетия через все испытания вещественные и нравственные, начиная с оков, крепостей, острогов, тюрем, голода, холода, всякого рода лишений, унижений, преследований, каторжных работ, поселений и до 14[-го] класса включительно. Надобно было, говорю я, во все это время много перетерпеть, передумать, здраво обсудить, чтобы сохранить свято свои убеждения и свое достоинство и выйти в нравственном отношении цельным из этой долговременной и весьма нелегкой для сил человеческих борьбы.

Пусть другие, кто нас знает, решают вопрос этот в нашу пользу или против нас. Самим вам говорить об этом не приходится. Будучи людьми очень обыкновенными, скажу более — в отношении научного образования даже отсталыми, большая часть из нас вследствие стечения обстоятельств и той роли, которую довелось нам разыгрывать, не только сберегла, но увеличила сумму нравственных убеждений, сочувствующих всему хорошему, которые в юности еще направляли наши помыслы и поступки. Теперь, когда предвидится возможность жить и действовать именно этими убеждениями, когда некоторые из них, считавшиеся уже несбыточной мечтой, могли осуществиться, то весьма естественно, что, несмотря на разрушенную уже физику, на болезненную старость, что-то радостно-утешительное отозвалось в душе нашей при мысли пожить хотя несколько годов в новом и лучшем положении, если не деятелем, то по крайней мере близким зрителем ожидаемых преобразований, так сказать, присутствовать при всех успехах отечества нашего насчет своего политического возрождения. Это только и может объяснить наше почти общее желание воспользоваться амнистией, покинуть Сибирь и возвратиться на родину, хотя уже во многих отношениях нам чуждую, но все еще пламенно любимую.

Как много, как видимо изменилась она после того, как мы ее оставили. В тридцать лет достаточно было одного времени, чтобы улучшить ее вещественный быт, несмотря на то, что в прошедшее царствование препятствовали ее успехам. В гражданском же и нравственном отношении трудно было нам судить о ней. Возвращаясь на третий год нового царствования, в то уже время, когда оно начинало изменять прежнюю систему и приступило к благодетельным преобразованиям общественного устройства,

мы необходимо должны были найти в обществе брожение, с одной стороны, тревожное беспокойство и неудовольствие многочисленных поборников старого порядка, привыкших в долговременный николаевский период к безотчетному повиновению, к чисто материальной жизни и к палочной дисциплине, а с другой — восторженные надежды, и пламенные ожидания, и умственная деятельность в мыслящей, передовой части общества, хотя и немногочисленной, но сильной своими справедливыми общеполезными воззрениями и идеями.

Следовательно, вот в каком состоянии мы нашли то общество, в котором и с которым должны были жить отныне. Положение наше в нем было довольно затруднительное, ненормальное. С одной стороны, недостаточность наших материальных способов и наша незавидная внешняя обстановка ставили нас в последних рядах этого общества, а с другой — наше прошедшее, некоторые сохранившиеся связи и наши передовые понятия растворяли везде перед нами двери и давали право на особенное внимание. При таких условиях нелегко было в новом быту нашем быть на приметном месте и не уронить себя в общем мнении.

Разумеется, что новые сношения и связи составились нами преимущественно между людьми, которым мы сочувствовали и которые, со своей стороны, видели в нас долговременных страдальцев за общие с ними идеи. Но и здесь должно сознаться, что в научности и образовании мы далеко отстали от многих и, следовательно, не могли иметь большего между ними весу. Сверх того, неимение средств к жизни делало многих из нас зависимыми от обстоятельств и случайностей. Одним словом, отсутствие всего, что так высоко ценится большинством и без чего человеку нельзя вполне свободно располагать собою, не могло не затруднять нас в нашей новой жизни и не иметь влияние на наше положение в обществе.

К счастью моему, я приехал из Сибири хотя с небольшими, но достаточными для скромной жизни средствами и потому мог жить независимо от людей и обстоятельств. Оставшиеся в живых родные мои были большей частью люди небогатые, они встретили меня ласково, радушно, но сначала как будто опасались, что я предполагаю жить на их счет, и даже некоторое время не совсем верили тому, что у меня есть свои маленькие средства. Убедив-

шись же в этом, сделались еще ко мне внимательнее. Впоследствии же, к сожалению моему, я должен был убедиться, что материальные расчеты чрезвычайно как много для них значили. То, что я испытал в этом отношении на себе, вероятно, испытали с некоторыми изменениями и другие мои товарищи. Вообще в продолжение нашего отсутствия из России нравственная сторона общественной и семейной жизни значительно упала. Эгоистические правила развились в большом размере, и вещественные наслаждения и потребности стали преобладающими понятиями большинства. Все измерялось на этот аршин, все думали только о собственных выгодах и удовольствиях. Во всех сословиях господствовала неимоверная роскошь, всякий жил выше своих средств, помышлялось только о том, чтобы каким бы то ни было образом добывать их, и потому смотрели на все с этой точки зрения.

Разумеется, что находилось много исключений, и эти исключения могли благодетельно действовать на будущность. Я говорю все это для того, чтобы показать, как трудно было наше положение в современном обществе при наших воззрениях, при наших недостаточных способах, наконец, летах и правилах.

Замкнувшись, так сказать, в самих себе, поддерживая необходимые только отношения с обществом и оставаясь простыми беспристрастными зрителями умственного движения, которое было вызвано новым царствованием, и всего, что совершается перед моими глазами, я намерен продолжать мои записки, изложить в кратких очерках главные из современных событий так, как они представляются мне при тех понятиях, которыми я привык руководствоваться. При таких сведениях, которые я мог иметь в отдаленном уголке моей уединенной жизни.

Весьма натурально, что рассуждения мои будут носить отпечаток моей собственной личности, а в изложении самих событий многое может быть пропущено и даже иногда неверно. Не участвуя в них, а только следя за ними и следя в отдалении, не все из них могли дойти до меня. Сверх того, я могу только знать и судить о том, что делалось явно об окончательных видимых последствиях. Все то, что совершилось за кулисами, все то, что предшествовало проявлению этих событий, те подробности, которые сопровождали их и действия лиц, которые

в них участвовали, этого, разумеется, я по своему положению знать не мог. Конечно, при таких недостатках моего изложения оно не может иметь большого интереса. но я и сам не считаю рассказ мой чем-нибудь очень дельным. На него должны смотреть только как на суждения и мысли человека прошедшего времени, страдавшего 30 лет за те идеи, из которых некоторые проводятся ныне в исполнение самим правительством.

Чтобы судить хоть сколько-нибудь правильно о событиях нового царствования, надо представить себе ясно положение, в котором находилась Россия при кончине императора Николая. Постараемся изобразить это положение, хотя и в общих чертах, но как можно вернее и добросовестнее.

Война с западными державами, с лишком год продолжавшаяся при жизни прежнего государя[2], ознаменовалась рядом беспрестанных неудач и материальным истощением государства.

Многочисленные войска наши гибли не столько от самого неприятеля, сколько от бездарности, нераспорядительности полководцев, худого административного порядка и от незнаний современных улучшений в военном деле. Тридцатилетняя уверенность русских в превосходстве и непобедимости их армии исчезла и заменилась всеобщим опасением, всеобщим недоверием к правительству, даже подозрением в изменах. С другой стороны, внешняя политика наша находилась в самом невыгодном положении. В Европе Россия не имела ни одного приязненного государства. Все или явно восстали против нее, или тайно желали ее унижения. Одни только Соединенные Штаты несколько ей сочувствовали, но помощи ждать она от них не могла.

Дипломатические переговоры, начатые в 1850-м году еще при жизни императора Николая с западными державами, не привели ни к какому результату, да и не могли кончиться миролюбиво, потому что требуемые уступки оскорбляли в высшей степени самолюбие русского государя и, так сказать, сводили его с того пьедестала, на котором он стоял в ареопаге европейских владык и в общественном мнении не только России, но и целого мира[3]. Стало быть, война угрожала принять еще большие размеры и России предстояли самые тяжкие, самые продолжительные испытания не с тем уже, чтобы востор-

жествовать, а чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя.

А между тем все ее усилия истощались именно в самых бесплодных жертвах. Материальные ее средства, с такой готовностью и покорностью приносимые на защиту отечества, вследствие всеобщих злоупотреблений и ошибочных распоряжений или уничтожались без всякой пользы, или пополняли карманы лихоимцев всякого разряда, и военных, и гражданских, и провиантских, и комиссариатских, и даже, наконец, факторов-евреев. Усиленные наборы рекрутов приводили в отчаяние низший класс народонаселения [4] и все-таки были недостаточны на пополнение потерь потому, что до прибытия своего на места назначения рекрутские партии таяли как воск. Потери же в самих войсках увеличивались со дня на день. Госпитали были наполнены больными, так что недоставало мест, куда класть их, а об уходе, содержании, лечении уже нечего и говорить. Произведенные по окончании войны следствия о злоупотреблениях в русской армии ясно показали, как и куда употреблялось все то, чем жертвовала Россия в эту славную эпоху для народа и войск и бесславную для их полководцев и распорядителей [5].

Внутреннее государственное и общественное состояние России было в это время в самом жалком, самом расстроенном положении. Тридцатилетнее правление покойного императора, основанное на всеобъемлющей централизации, довело значение и действие самого общества до нуля. Все сосредоточивалось в одной его особе, все исходило от него; правительство вмешивалось во все мельчайшие подробности не только общественной, но иногда даже частной жизни. Оно заведовало и всей администрацией, и полицией, и финансами, и торговлей, и промышленностью, и народным образованием, и даже самыми мышлениями управляемых. Горе было тому, кто хоть несколько разнился с его системой действий. На этой централизации сходились все у престола и отсюда посредством безгласных, раболепных орудий расходились по всему пространству империи, по всем отраслям государственного управления.

Но эти безгласные и раболепные орудия в отношении престола, знавшие и понимавшие одну только волю монарха и безусловное повиновение власти, в свою очередь, явились неограниченными властителями в тех местах или в тех учреждениях, которыми они заведовали, не имея

вместе с тем ни одной ясной, ни одной правильной идеи по какому бы то ни было предмету государственного управления. Все помыслы их обращены были только на то, чтобы сохранить в верховной власти хорошее мнение о своей преданности, а в отношении края безусловную его покорность и такое спокойствие, которое бы равнялось безжизненности. О том же, в каком положении находятся управляемые, что делается во вред или в пользу их, никто не думал и не хотел думать.

Весьма естественно, что такой порядок, продолжавшийся тридцать лет и в такое время, когда в других государствах Европы с каждым днем успехи по всем отраслям общественного быта шли более или менее вперед, необходимо устранял Россию от всех современных улучшений жизни в нравственном, так и материальном отношении. Идеи, понятия современного поколения оставались без развития, промышленность, торговля, народное богатство не делали никаких успехов. Увеличивались одни только злоупотребления, лихоимство и растление нравов, поощряемое в низших классах гибельною системой винных откупов, а в высших — официальным лицемерием, роскошью и жаждой к вещественным наслаждениям.

Правительство, для того только, чтобы не ослабить своего всемогущего влияния, своей централизации, отказывалось даже от самых очевидных улучшений в правительственном отношении. Оно всеми силами не только затрудняло, но часто даже просто не дозволяло учреждение акционерных компаний, опасаясь, с одной стороны, тесного соединения значительного числа граждан даже для промышленных выгод, а с другой — боясь потерять частицу того контроля, которому оно подвергало все действия общественной жизни.

Вот почему в то время, когда в Англии, Соединенных Штатах, Франции и большей части Германии в два последние десятилетия успехи промышленности посредством ассоциации так быстро увеличили народное богатство, когда эти страны покрылись сплошной сетью железных дорог, так много способствующих не только размену материальных произведений, но и размену мыслей, Россия оставалась только зрительницей этого движения и только под конец царствования Николая увидела у себя первую железную дорогу[6]. Но и тут исполнение доказало все непонимание самых простых начал экономической науки.

Правительство, боясь ассоциаций, приняло на себя постройку этой дороги, издержало на это вдвое более того, что бы она стоила частным лицам, поручило это дело человеку, ничего не понимающему, кроме фельдфебельской должности, и грязному во всех отношениях[7], потом постановило такие правила, при соблюдении которых уничтожалась вся польза железной дороги, и, наконец, дало полную свободу всякого рода злоупотреблениям. По крайней мере половина всей израсходованной на нее суммы пошло или на ненужные вовсе украшения, и в карманы строителей. Многие из последних приобрели огромные состояния, а у главного распорядителя явились более 10 тыс. душ крестьян. Правила же, поставленные первоначально для проезжающих по железной дороге, так хорошо были придуманы, что не позволяли пользоваться выгодами этого сообщения большей части пассажиров.

Но, с другой стороны, при существовавшем судопроизводстве, при полной безгласности и при той безответственности, которою пользовались все власти в отношении управляемых, никакое частное предприятие не могло иметь успеха. Никто не решался употребить на какое-либо промышленное дело свой капитал, если не имел в виду заинтересованных протекторов между сильными этого мира. Оттого большая часть свободных капиталов лежала без действий в кредитных учреждениях. Владельцы довольствовались получением 4%, а кредитные учреждения отдавали их под залог дворянских имений большей частью для непроизводительных потреблений и на удовлетворение роскоши.

Таким образом большая часть частных достояний поступила в залоги, дворянство обедняло, а эти капиталы, вместо того, чтобы увеличивать ежегодно народное богатство, служили только к некоторой выгоде Опекунского совета, к поощрению недеятельности в их владениях и к разорению земельных собственников.

Вот в коротких словах положение, в котором покойный государь оставил Россию своему наследнику. Горько для него в последние минуты разочарование, но оно было неизбежным следствием всего его правления. Впрочем, и в этот торжественный час он не был все-таки убежден в ошибочности своей системы, потому что сказал будущему государю: «Не такою надеялся оставить я тебе Россию, а устроенную, благоденствующую»[8]. Как будто

мертвое спокойствие, безжизненность — одно и то же, что устройство и благоденствие.

Трудно, чрезвычайно трудно было положение нового царя России*. С одной стороны, война и война несчастливая. Борьба почти со всею Европою. Армия, потерявшая уверенность от неудач, ослабевшая от потерь. Бездарные полководцы, всюду кража и злоупотребления, расстроенные финансы и совершенный недостаток в государственных людях. Придворные льстецы и сребролюбцы — вот что окружало его и что оставил ему в наследство покойный. А между тем вследствие прежней системы само общество не могло принимать никакого участия в делах, все лежало на нем одном, никто не смел и думать о том, чтобы облегчить его тягостное бремя. Всякое действие, всякая вынужденная обстоятельствами мера относилась прямо к нему — ставилась ему в вину. Всякий ожидал от него почти невозможного, и если невозможное не исполнялось, приписывал это худому распоряжению правительства.

Здесь, однако, должно заметить, что именно те люди, которые в прежнее царствование наиболее терпели от произвола верховной власти, которые не допускались ни к какому участию в делах, потому что мнения и правила их не согласовывались с исключительными и раболепными идеями того времени, возвысили теперь свой голос в пользу нового государя, стараясь справедливо доказать, что он не обязан нести солидарности за действия прежнего правительства, что надобно принимать в соображение трудности обстоятельств, в которых он находится. Хоть людей этих было и немного, но так как это были люди передовые, мыслящие, причем же они говорили правду, то общественное мнение, пробудившееся от долговременного сна, стало на их сторону и возложило упования свои на юного государя, известного уже и прежде необыкновенною кротостью характера. Седовласые царедворцы должны были умолкнуть и внутренне сознаться в ошибочности прежней системы и их собственных действий, основанных на одном угождении и лести.

С другой стороны, европейские державы с кончиною

---

* На полях приписка (здесь и далее — рукой Басаргина): «Положение верховной власти после кончины Николая».

покойного императора сделались гораздо сговорчивее и стали менее опасаться завоевательной политики русского двора *. Дипломатические сношения возобновились, и хотя падение Севастополя нанесло тяжелую рану России, но вместе с тем оно показало и все мужество, все геройство русских войск. Честь оружия была спасена. Оставалось только решиться на некоторые уступки, и новый государь не задумался это сделать. Мир был заключен, и Россия с признательностью приняла его, ибо понимала очень хорошо всю трудность обстоятельств, не им самим вызванных. Никто не смел и не имел права поставить в вину Александру II этого мира, всякий ясно видел его необходимость и его современность [9]. Так судила о нем и вся Европа, оказавшая при этом случае государю свое сочувствие и свое уважение.

По заключении мира надобно было приняться за устройства внутренние, за преобразование всей системы прежнего порядка**. Но здесь именно открыли совершенный хаос. За что только ни возьмись, все было гнило, все носило следы тления и возмутительного безобразия. Это было ветхое, разрушающееся здание, которое строилось в продолжение полутораста лет не по какой-либо рациональной системе, а по произволу лиц, действовавших самовластно и безотчетно. Не говоря уже о правительстве, самое общество было искажено, с одной стороны, долговременным раболепием, отсутствием свободной мысли, а с другой — всеми привычками, всеми недостатками ничтожной роли, которую оно играло в государстве. Прибавьте к этому крепостное состояние и откупную систему, столь гибельно действовавших на все отрасли общественного развития и порождавших неправильные, превратные идеи в кучу отвратительных пороков.

Не ставя нисколько в вину новому государю первые его действия по вступлении на престол, действия, которые основывались на чувствах долга и любви к покойному родителю и которые были отчасти внушены ему советниками и любимцами покойного, я скажу только, что эта некоторого рода солидарность, добровольно им принятая в отношении прежнего царствования, очень мешала

---

* На полях приписка: «Улучшение дипломатии. Сношения и заключение мира».

** На полях приписка: «Внутреннее состояние России».

ему впоследствии при его благих намерениях*[10]. Гораздо бы лучше было и для него самого, и для России, если б на первом шагу своем порешил дело с прежним порядком и с людьми, с этим порядком приверженными, он вступил бы смело на другой путь. Тогда не было бы того колебания, которое замечается теперь во всех действиях правительства, клонящихся к улучшению государственного и общественного быта[11]. Тогда яснее бы обрисовались люди, хотящие или не хотящие помогать ему, и всякий бы знал, чего именно оно желает. Тогда не нужно бы было правительству употреблять такие лица, которые на каждом шагу стараются его затруднить и которые под сурдиной ему противодействуют, являя между тем наружную преданность. Надобно было понять, что все то, что находилось во главе правительства при прежней системе, все то, что привыкло действовать вследствие прежних понятий об обществе и власти, об управлении и о своем в нем значении, все то, что привыкло пользоваться выгодами раболепного повиновения и злоупотреблениями, которые хотят истребить, не могло быть участником и деятелем при новом порядке вещей. Пусть лучше бы эти люди остались в явной оппозиции — эта оппозиция нисколько не была бы опасна, тем более, что все эти люди не могли быть на хорошем счету в общественном мнении. Они гораздо опаснее теперь, когда занимают важные в управлении места и могут не только тайно, но даже и явно препятствовать естественному ходу событий в предпринятых преобразованиях. К тому же всякое их вредное действие или влияние прикрывается волею и именем монарха, и, следовательно, все то, что делается без его ведома и даже против его желания, относится большинством общества, и особенно людьми не рассуждающими, прямо к нему.

Укажу на некоторые действия верховной власти, имевшей прекрасную цель, но в исполнении носящей несомненные признаки вредного влияния приверженцев прежнего порядка и недостатка свободной воли в правительстве.

Амнистия, дарованная политическим страдальцам прежнего царствования, которые в течение тридцати лет несли тяжелый крест испытаний всякого рода и против

* На полях приписка: «Невыгода принять солидарность».

которых гнев покойного императора не уменьшался ни на волос во всю его жизнь, была делом в высшей степени не только добрым, но и справедливым *. Правительство не могло не понимать того возмутительного неправосудия, с которым они судились во время *оно*. Ему нельзя было не знать, что виновность их, преувеличенная разгневанным владыкою и безжалостным подобострастием Следственной комиссии и Верховного уголовного суда, при тюремном одиночном заключении и отсутствии всякой законной защиты не была такого рода, чтобы нести за нее столь ужасное и продолжительное наказание [12]. Сверх того, из всех так называемых государственных преступников осталось уже очень немного и то дряхлых, болезненных стариков [13].

Для них самих эта амнистия ровно ничего не значила. Что могло быть для них радостного явиться в преклонные лета на два, на три года в новое для них общество без всяких собственных средств к существованию. Но она много значила в отношении самого их дела, в отношении того мнения, которое составилось об нем, в отношении самого правительства и как уступка общественному мнению, явно выразившемуся в их пользу, даже в прежнее царствование [14]. Смотря на амнистию с этой точки зрения, она была делом здравой политики и чрезвычайно народным. Но как исполнена была она? Вместо того чтобы простить просто и возвратить всех безусловно, начались опять категории и ничтожные оговорки подразделений. Кто возвращался с княжеством, графством, кто без этих титулов, одни могли жить где им угодно, другим запрещалось жить в столицах. Возвращалось потомственное дворянство, но не чины и знаки отличия [15]. Спрашиваю, есть ли тут правильное понимание дела? И не явно ли высказывается во всем этом участие старых царедворцев, боявшихся полной амнистии, как явной улики в их несправедливых действиях во время суда над мнимыми преступниками. Один только Тургенев получил полное прощение и именно потому, что в продолжение ссылки жил очень покойно в чужих краях, принял даже иностранное подданство и на призыв покойного государя к суду отказался явиться, представив очень справедливую причину — отсутствие правосудия в этом деле [16]. Опять

---

* На полях приписка: «Амнистия».

говорю, не явное ли здесь влияние людей прежнего порядка на доброе и великодушное сердце государя, который, вероятно, и не подумал, что этим уменьшаются все достоинства амнистии. И посмотрите, как эти люди пользуются его добротою, чтобы затемнить ее в общественном мнении. Мнимо-политические преступники, т. е. настрадавшиеся за свое мнение, а некоторые даже за одни слова, хотя и возвращены, но не прощены вовсе, между тем как простые преступники, воры, грабители, взяточники, уличенные и наказанные, подобно К. Д.[17] и т. д., прощены совершенно, и все прежнее возвращено им. Можно было бы спросить, где тут справедливость? Я не скажу и уверен, что чувство это в государе, судя по многим его действиям, весьма сильно, но, к несчастью, то, что до сих пор его окружает, не всегда прямодушно пользуется его добротою.

Еще страннее и неуместнее было обнародование брошюры барона Корфа почти вслед за возвращением политических изгнанников *[18]. Что хотело показать этим правительство? Неужели оно опасалось нравственного влияния на общественное мнение. Неужели оно думало, что нужно было напомнить обществу то несчастное время, когда свершалась над ним казнь, и неужели оно предполагало этим в высшей степени бездарным сочинением восстановить против них общее мнение[19]. Я не полагаю этого, а, напротив, думаю, что государя уговорили в этом случае старые любимцы его родителя, участвовавшие в осуждении возвращенных им изгнанников, чтобы показать обществу, что это осуждение было правильно и что они должны были так действовать. С другой стороны, им, может быть, хотелось показать всем, что и настоящее правительство смотрит на это дело с той же точки, как они. И как плохо, даже недобросовестно в отношении к правительству написана эта брошюра. Например, что это за письмо покойного императора Александра к Кочубею, в котором он так жестоко говорит об окружающих его царедворцах, из которых впоследствии многие занимали государственные должности[20]. Думаю, что читается статья не в пользу, а против правительства. Да и к чему было приводить это письмо? Что оно доказывает? То, что давно уже всем известно о придворной челяди. Вмес-

* На полях приписка: «Брошюра б[арона] Корфа».

те с тем оно отчасти служит как бы оправданием тем, которые хотели изменить этот порядок[21]. А разговор Константина Павловича с Николаем? Его намек на свои записки, которые через двадцать лет отыскались в столе князя Волконского и о которых очень наивно говорится, что в них оказалось то же самое, что помещено было в тогдашних ведомостях при восшествии на престол Николая[22]. Можно ли этому верить? Можно ли допустить, чтобы Волконский, который был олицетворением трусости, осмелился скрывать у себя те самые записки, которых доискивался император. Не заставляет ли это предполагать, что действительно покойный Константин Павлович оставил после себя что-то письменное, которое многое объясняло и что было по смерти его уничтожено или скрыто. Зачем обо всем этом говорить, зачем возрождать сомнения, когда все уже перестали о том и думать. А, наконец, наивный рассказ о молодом человеке, явившемся к государю перед 14-м декабря[23]. Кто поверит всей этой идиллической беседе покойника с гвардейским подпоручиком. Согласно ли это хоть сколько-нибудь с характером покойного и особенно в такое критическое для него время — когда дело шло о престоле? Много и много можно еще было сказать и доказать не только вздорного, но даже вредного для самого правительства и для памяти покойного государя в этой брошюре, но она не стоит того, чтобы заниматься ею, не стоит даже и критики. Мы только потому и говорим о ней, чтобы показать, как неуместно и вполне нерасчетливо было ее появление. И опять-таки государь нисколько не виноват в том[24]. Где ему входить во все подобные мелочи, когда на нем лежало бремя всеобщей государственной неустроенности.

Да и не показал ли он именно в то самое почти время, когда выходила эта бездарная книжонка, замечательный пример великодушия и любви к своим подданным *. Дело студентов, в котором замешано было несколько десятков молодых людей, из которых в прежнее царствование большая часть отправилась бы в Сибирь, кончилось тем, чем никто и не ожидал. Простив всех, он явил пример великого милосердия и показал действием в этом случае по внушению своего сердца — без всякого посто-

* На полях приписка: «История киевских студентов».

роннего влияния, как умеет он отличать преступление от порывов и увлечений молодости [25].

В продолжение первых двух лет своего царствования он не имел даже времени осмотреться*. Год целый еще продолжалась война, отвлекавшая общее внимание и особенно внимание правительства от всего постороннего. Война эта с каждым днем раскрывала общественные недуги и всю несостоятельность прежнего порядка. По окончании ее надобно было заняться устройством, переформированием и уменьшением войска. Надобно было рассчитываться с прежней системой истощать и без того уже расстроенные государственные финансы, на то, чтобы уничтожить грустные ее плоды. И все это надобно было делать теми же людьми, которые привыкли к этой системе, которые пользовались ее результатами, которым она доставила и значение, и почести, и богатство. Правда, нашлись несколько молодых личностей, не принимавших участие в прежних злоупотреблениях и выказавших свои способности, свою распорядительность и свое мужество в последнюю войну и особенно при защите Севастополя. Их преимущественно употребил государь для того, чтобы открыть вопиющие злоупотребления, распространившиеся в последнее время по всем частям военного ведомства, а некоторых из них назначил на второклассные должности по разным отраслям управления. Но, к сожалению, должен заметить, что все эти желания исправить и улучшить администрацию делались вяло, с беспрестанными колебаниями и не с тою твердою, железною волею, как бы следовало. Это именно оттого, что старые сановники прежнего времени занимали почти все высшие государственные места и не только неохотно, но даже с заднею мыслью исполняли волю монарха. Вот именно тут-то и оказалась погрешность той солидарности, которую принял на себя государь в отношении царствования своего родителя. Не обладая той силой воли, как Петр I, ни его железным, непреклонным характером, будучи по природе своей добр, кроток, он невольно попадал под влияние окружающих его советников, действовавших на его сердце и на его беспредельное уважение к памяти отца [26].

Не менее того, должно отдать справедливость, что,

* На полях приписка: «Первые два года царствования и сановники прежнего времени».

несмотря на эти колебания, несмотря на все препятствия, он неизменно следовал своим преобразовательным идеям и ни на минуту не оставлял их*. Свобода мысли, некоторая гласность не только допускались, но даже поощрялись правительством. Россия как будто пробудилась от летаргического сна. Все, что только могло думать, заговорило и словесно, и письменно**[27]. Нельзя представить себе той радости, с которой Россия приняла это снятие оков с мысли того умственного движения, которое в самое короткое время распространилось повсюду, и всех благодетельных от того последствий. Появились сотни новых журналов[28], все вопросы политической, экономической и нравственной жизни стали обсуждаться со всех их сторон. Конечно, о многом судилось и вкось и впрямь, но это не мешало быстро подвигаться умственному развитию в России. Появилось множество обличительных статей, раскрывавших все раны нашей общественной жизни. Заговорили даже о будущих надеждах на улучшение гражданского быта, указывались и возможности к этому, и средства для достижения этой вожделенной цели. На сцену выступили некоторые талантливые и передовые личности, могущие со временем играть значительную роль в будущности нашего отечества.

Материальная сторона нашей общественной жизни подверглась также благодетельным реформам. Повсюду стали учреждаться акционерные компании***. Мертвые капиталы вышли на божий свет и посредством соединения, подобно тому, как из малых источников составляются большие реки, стали оплодотворять нашу промышленность. Начались сооружаться частными предприятиями железные дороги. Водные сообщения посредством новых компаний пароходства способствовали развитию торговли. Одним словом, всюду заметна была правительственная деятельность. Правительство не только не препятствовало этому движению, но даже поощряло его, с одной стороны, гарантируя с иных компаний дивиденты, с другой — уменьшая проценты в кредитных учреждениях и

---

* На полях приписка: «Твердость убеждений государя».

** На полях приписка: «Гласность и умственное движение в России».

*** На полях приписка: «Материальные и промышленные улучшения».

давая некоторые преимущества акционерным сообществам.

Надо при этом сознаться, однако ж, что многие из этих акционерных предприятий вследствие недостаточности иногда и совершенного отсутствия экономического нашего образования далеко не оправдывали ожиданий *. Даже — почему не сказать — сделались в руках недобросовестных людей поприщем для злоупотреблений и личных интересов, но как же могло быть иначе? Там, где действуют люди, всегда будет и хорошая, и дурная сторона их действий, в особенности же когда общество еще мало понимает то, на что обратило свою деятельность, и когда самые даже судебные учреждения, которые должны оградить их от обмана и недобросовестности, не на той степени совершенства, чтобы как следует защитить правого. К сожалению, именно в этом отношении и страдает до сих пор наше отечество, ожидая с нетерпением преобразование нашего судопроизводства.

Впрочем, обращаясь опять к акционерным сообществам, утешимся мыслью, что за всякое воспитание, за всякое приобретение в чем-либо опытности необходимо надобно поплатиться. Так и в этом случае.

Приступаю теперь к самому важному, самому жизненному вопросу нашего общественного быта, получившему на третий год царствования Александра II столь неожиданное для большинства решение **. Это решение было вполне согласно с требованием века, с пользою отечества и с чувством справедливости, всегда присутствующим более или менее в человеческой совести. Я говорю здесь о крестьянском вопросе. Давно уже — в первые годы царствования Александра I — вопрос об уничтожении крестьянского состояния обсуждался передовыми людьми своего времени. О нем думали Сперанский, Мордвинов*** и т. д. Сам император Александр желал этого освобождения особенно в начале своего правления. Деланы были даже некоторые попытки, окончившиеся ничтожными и ни к чему не ведущими мерами и учреждениями[29]. Опасение возбудить неудовольствие дворянства и страх внутренних смут при освобождении 20 млн. рабов-

---

* На полях приписка: «Ошибки».

** На полях приписка: «Крестьянский вопрос».

*** Далее зачеркнуто: «Воронцов».

пролетариев, существовавших одною только грубо материальной жизнью, заставлял отступать тогдашних мыслителей и государственных людей от проведения в жизнь их намерений. Покойный император Николай, сколько заметно было из некоторых его действий и слов, также был не прочь от того, чтобы уничтожить крепостной быт или, по крайней мере, улучшить положение крепостных[30]. Но те же самые причины заставили и его откладывать до удобного времени это дело. Будучи занят господствующей мыслью: сохранять мертвую тишину в государстве, он боялся тронуть этот вопрос, чтобы не возродить народные волнения и не дать повода новым идеям проникнуть в общество[31]. А между тем с течением времени, несмотря на тугое развитие общественного образования, гуманные идеи хотя и медленно, но все-таки распространялись между мыслящей частью общества, так что когда снята была печать с уст и оковы с мысли, этот вопрос появился одним из первых как предмет суждений и разговоров. Правительство не только не мешало этим суждениям, но даже явно высказывало свою симпатию к заступникам эмансипации.

Так прошел весь 1857 год, везде толковали об этом вопросе. В журналах появилось множество статей против крепостного состояния. Его обсуждали и со стороны нравственной, и со стороны экономической. Сначала защитники крепостного права пытались было доказывать нелепыми доводами и неуместными сравнениями патриархального быта древних времен с настоящим положением крепостных людей преимущество и выгоды этого средневекового учреждения, но, будучи легко опровергаемы самыми простыми и живыми логическими возражениями, уклонились от прений и замолкли. Впрочем, большая часть дворянства, частью из личных интересов, частью вследствие привычек своих, а наиболее по своему малому образованию, оставались на стороне крепостного права. Они надеялись, что правительство долго еще не приступит к разрешению этого вопроса и что подобно, как при Александре I, поговорят об этом некоторое время, потом перестанут, и все останется по-прежнему. Вдруг манифест государя от января[32] и циркуляры министра внутренних дел[33] упали как бомба среди изумленных защитников и противников крепостного права. Надобно было видеть, какое это произвело волнение в Москве и повсю-

ду. С одной стороны, столько восторженной радости, а с другой — сколько ропота, опасений и т. д.[34]. Начались толки и вкривь, и вкось. Ясно было, что весьма немногие понимали настоящее значение предстоящего общественного переворота. Одни считали это дело чрезвычайно простым, незатруднительным при выполнении, другие, напротив, видели в нем гибель всему обществу, уничтожение дворянства, немедленные неминуемые смуты, потерю всего достояния. Как те, так и другие, разумеется, ошибались. Прошло несколько времени, умы успокоились и стали хладнокровно рассуждать. Правительство в этом случае поступило весьма благоразумно. Оно предоставило самим помещикам инициативу к уничтожению крепостного состояния и дозволяло свободно рассуждать об этом предмете[35]. Гласность чрезвычайно много помогла к разъяснению и правильному обсуждению этого вопроса. Многие из противников эмансипации поняли, в чем дело, и, убедившись не только в справедливости, но и в пользе этого изменения, перешли на сторону его защитников. Таким образом, в весьма непродолжительное время о ней уже судили как о событии неизбежном, для которого наступило время.

Надобно отдать справедливость и низшему классу народонаселения, который в этих столь близких ему обстоятельствах вел себя прилично. Нигде не было не только смут, но даже особенного неповиновения властям и господам. Крестьяне сей час поняли, что вдруг нельзя было освободить их, что надобно сначала определить, устроить их будущий быт и что без властей быть им нельзя. Это ясное понимание своего положения выразилось их спокойствием и их миролюбивыми ожиданиями предстоящих изменений[36]. Между тем по распоряжению правительства устраивались всюду губернские по этому делу комитеты, для которых составлена была программа, обозначавшая главные только условия освобождения крестьян и не допускавшая их доходить в своих проектах до нелепицы. В границах этих условий они могли свободно рассуждать и излагать свои мнения о лучшем решении вопроса во всех его частях и со всех его сторон. Проекты этих комитетов, составленные на основании большинства голосов каждого из них, должны были рассматриваться в Главном комитете по крестьянскому делу, в котором председательствовал сам государь[37], и служить главными

материалами для окончательной редакции общего законоположения по этому важному вопросу.

В продолжение всего 1858 года и большей половины 859[-го] губернские комитеты, постепенно в каждой губернии учрежденные, занимались составлением проектов улучшения быта крестьян. Между тем свободное суждение об этом вопросе в журналах и отдельных сочинениях, поощряемое до известных пределов самим правительством[38], способствовало очень много к пояснению дела и к распространению в большинстве мыслящей публики более правильных и практических идей по этому предмету. Особенно отличались своими гуманными, справедливыми и дельными воззрениями на крестьянский вопрос журналы «Русский вестник», «Современник», «Отечественные записки», «Атеней» и «Сельское благоустройство»[39]. Можно сказать положительно, что в продолжение двух лет произошли большие перемены в общественном мнении в пользу эмансипации. Никто уже не только не сомневался в ней, но почти каждый считал ее более или менее необходимой.

По мере того как губернские комитеты оканчивали свои проекты, они представляли их в Редакционную комиссию, составленную под председательством генерал-адъютанта Ростовцева из людей более или менее деловых и современных. Об этой комиссии и особенно о председателе ее в обществе господствовало двоякое мнение. Одни уверены были, что она выполнит свое дело хорошо и добросовестно, другие, напротив, обвиняли ее в наклонности к бюрократизму и формальности, без ясного понимания общественной пользы. Так как занятия этой комиссии не кончены, то и нельзя судить преждевременно о том, что она сделает. А между тем председатель ее, один из любимцев государя, умер, оставив по себе, с одной стороны, много ценителей его достоинств, а с другой — не меньшее число сомневающихся в чистоте его правил. Пишущий эти строки мог бы тоже сказать свое о нем мнение, но воздерживается и предоставляет времени разрешить вопрос о характере г[енерал]-а[дъютанта] Ростовцева, деятельности которого нельзя не отдать справедливость[40].

Представленные в Редакционную комиссию проекты губернских комитетов не все отличались добросовестностью и ясным пониманием дела. Большая часть из них

носила оттенок личных интересов. Во всех почти комитетах прения членов были не миролюбивы и доходили часто до грубых нападений на личности. Большая часть из них представила по два проекта: один — большинства, основанный на явном желании обратить решение вопроса в пользу дворянства, а другой — меньшинства, имевший более справедливое и рациональное воззрение на это дело. Из этого должно заключить, что мыслящих, практических и добросовестных людей между российским дворянством находится менее, нежели таких, которые или вовсе ни о чем не думают, или думают только о своих собственных интересах. Впрочем, это не мешает той силе, которая делает перевес в событиях этого мира, оставаться на стороне меньшинства, ибо она заключает в себе разумную и нравственную часть нации. Нередко из губернских комитетов поступали к правительству жалобы на неприличные слова и поступки некоторых депутатов, и оно вынужденным нашлось делать им выговора, а некоторых даже исключать из комитетов по высочайшей воле.

Московскому дворянству государь был вынужден по крестьянскому вопросу сказать даже несколько жестких слов[41], а в иных губернских городах, посещаемых им в продолжение этого времени, делать замечания или на медленность, или на неправильные действия комитетов.

К концу 1859 года, когда большая часть проектов была представлена в Редакционный комитет, правительство сочло нужным прекратить письменные прения об этом предмете. Журналы перестали помещать статьи о крестьянском деле, и в самом даже обществе разговоры и суждения о нем сделались не так уж полемичны. Все ожидали с нетерпением окончательного решения, а между тем другие вопросы занимали общественное мнение.

Многие не одобряли распоряжений правительства о прекращении гласных суждений о крестьянском деле во время действий Редакционной комиссии. Это правда, что оно поступило в этом случае вопреки принятой им системе насчет гласности и как будто наклонилось к реакции, но, по моему мнению, хотя оно и действительно погрешило против самого правила, тем не менее, оно доставило этим больше свободы действий Редакционной комиссии и дало ей более времени обсудить и сообразить представленные проекты губернских комитетов, не отвле-

кая ее внимание беспрестанными, посторонними рассуждениями о каждой части крестьянского вопроса, иногда не подходящими даже к делу и нередко противоречащими не только собственному воззрению правительства, но даже и самому здравому смыслу.

Весьма естественно, что в продолжение этого времени правительство иногда делало уклонения от принятой им сначала свободы суждений и через это подвергалось упреку со стороны либеральных людей, хотя и совершенно преданных ему, но дорожащих приобретенным ими правом обсуживать общественные вопросы. Эти люди, с одной стороны, не хотели принимать в соображение, что в неограниченной монархии не легко правительству пользоваться бесконтрольной властью. Так соразмерять свои действия, чтобы они никогда не противоречили общей его системе и особенно когда во главе большей части правительственных ведомств находятся деятели прежнего времени, старающиеся беспрестанно свертывать на прежний путь, иногда без всякого намерения, а нередко и с сокровенной целью, а с другой — сами даже они или, лучше сказать, некоторые из них, ранее блиставшие способностями и выходящие более или менее из среды людей обыкновенных, повинуясь честолюбивым помыслам, желали играть более значащую роль при новых событиях и обратить на себя общественное внимание. Так, например, история при дворянских выборах в Тверской губернии наделала много шуму и заставила правительство действовать по старым началам. А между тем вся эта история началась из пустяков, скорее от ошибки, чем от обдуманного поступка, министра внутренних дел, не сообразившего, что предписанием свыше насчет запрещений рассуждать о крестьянском деле во время выборов он нарушает основной Закон. Горячие умы между тверским дворянством, по своим способностям стоявшие выше других, а по идеям своим считавшиеся людьми передовыми, с жаром воспользовались этим обстоятельством, чтобы увлечь за собою большинство собрания, и представили, хотя и в покорном адресе, государю свои права и свои желания [42].

Разумеется, что государь если и оправдывал в душе этот поступок, то не мог, однако, компрометировать своего министра, действовавшего его именем, и потому вынужденным нашел изъявить тверскому дворянству свое

неудовольствие. История эта на некоторое время обратила на себя и на главного в ней деятеля г. Унковского общественное внимание и тем доставила ему то, что удовлетворяло его честолюбие[43]. Тут и обвинить некого и удивляться нечему, все это весьма естественно и беспрестанно делается в тех государствах, где существует и свобода мысли, и свобода слова.

В начале 1859 и в 1858 году во многих местах России в польских губерниях выразилось замечательное явление в народной жизни, обратившее на себя внимание мыслящей публики*. Во многих уездах значительное число крестьян целыми селениями и волостями отказывались от употребления горячих напитков и давали в этом обет и обязательную между собой подписку с добровольным согласием в случае нарушения обета подчиняться известным и определенным наказаниям. Началось с Ковенской губернии. Примеру этому последовали и во многих других как польских, так и российских губерниях[44]. Так что не проходило номера газеты, чтобы не сообщался новый факт такого утешительного проявления в отношении нравственности сельского населения. К несчастью, это прекрасное намерение и добровольная решимость низшего класса освободиться от наклонности к пьянству находились в явном противоречии с выгодами откупщиков и тех, кто из личных интересов им потворствует, а потому не удивительно, как теми, так и другими употреблены были все меры, и меры самые недостойные, чтобы уничтожить при самом начале этот высокий и нравственный подвиг простого сословия. В некоторых местах откупщики сбавили нарочно цену на вино, даже иногда отпускали его даром, чтобы совратить народ с настоящего пути, в других — при содействии местных властей они прибегали к угрозам и обманам. Даже рассеивали ложные слухи, что деньги, поступающие за вино, идут на выкуп крестьян от помещиков, одним словом, со стороны их не было упущено ничего, чтобы противодействовать этому вредному для их кармана проявлению. Правительство некоторое время молчало и дозволяло одобрять периодическим изданиям это похвальное направление крестьянского сословия, но, наконец, вероятно по жало-

* На полях приписка: «Утешительное явление в жизни русского простонародия».

бам откупщиков и их сильному влиянию на высшую администрацию, взяло их сторону — запретило писать и рассуждать об этом предмете и позволило местным властям (покровительствующим откупщикам) действовать в этом случае согласно их выгодам [45].

Разумеется, что при таком противодействии и местного начальства, и откупщиков, и высших властей, и при всякого рода нарушениях народ не мог устоять в своем похвальном намерении, и мало-помалу это утешительное явление исчезло, так что к концу 859 года о нем уже не было и упоминаемо.

Здесь кстати сказать несколько слов о господствующей системе откупов, так гибельно действующей на все отрасли народного благосостояния и на самое основание общественной жизни *. Представляя людям, занимающимся откупными делами, легкий и верный способ к обогащению, но с условием руководствоваться одними личными интересами и ни во что не ставить все остальные, она являет плачевное зрелище, с одной стороны, разбогатевших грязных личностей, пользующихся в обществе не только значением, но и некоторого рода уважением с толпою своих клиентов и огромным влиянием на все правительственные места, на всю администрацию, начиная с самого мелкого чиновника до высших сановников государства, а с другой — искусно и систематически распространяемое развращение нравов низшего сословия, обложенного ими самою тягостною, безжалостною податью, которое лишает его почти необходимого и доводит до нищеты и беспросветной животной жизни. Встречаются при этом случае и такие грустные примеры, что одни и те же люди, нажившие в грязном деле откупов огромные состояния, вдруг являются защитниками интересов ограбленного ими сословия и проповедниками современных идей. И эти люди, несмотря на грязное свое прошедшее, ставятся на пьедестал и занимают в общественной жизни почетное место наряду с передовыми и образованными гражданами[46]. Такова сила богатства в наш материальный век и так мало еще развиты нравственные понятия большинства.

Одно из главных и настоятельных требований нашего общественного быта — это преобразование нашего судо-

* На полях приписка: «Откупная система».

производства и судоустройства *. В этом отношении бесправие, любостяжание и бюрократическая путаница достигли своих крайних пределов, так что при увеличивающихся день ото дня вещественных интересах, требующих беспрестанного внимания и вмешательства судебной власти, нет уже никакой возможности оставаться при старом порядке. Общественное мнение давно уже выразилось по этому вопросу, и само правительство признало необходимость преобразования существующего судопроизводства. В каком виде будет это изменение, какие начала будут служить основанием новому порядку, покажет будущее.

По крайности до сих пор все, что пишут и чего желают по этому предмету, носит отпечаток современных идей и знания юридического дела: уничтожение бюрократизма и запутанных форм, устное и гласное судопроизводство, адвокатура, суд присяжных и несмещаемость судей. Вот в коротких словах главные требования общественности органов в этом отношении. Слышно, что при министерстве юстиции составлено несколько комиссий и что в скором времени выйдут некоторые уже постановления. Нельзя, впрочем, ожидать чего-нибудь окончательного до разрешения крестьянского вопроса, который особенно занимает теперь правительство и который так тесно связан со всеми будущими преобразованиями по всем частям государственного управления и устройства.

В прошедшее царствование полиция, к которой должно отнести некоторым образом и жандармские части, несмотря на дурную организацию свою, играла весьма важную роль в государственном управлении **. Обращая мало внимания на существенную сторону своего предназначения, на защиту личности и собственности граждан от всякого рода злоумышленных покушений, на сохранение порядка и общественной безопасности и т. д., она преимущественно занималась тайным наблюдением за мнениями и поступками частных и должностных лиц, сколь-нибудь разномыслящих с правительством, и следила неусыпно за самыми невинными проявлениями образа их мыслей, даже в интимных беседах. Это «похвальное» занятие отвлекало ее от прямых обязанностей, о которых она мало помышляла и заботилась об одних лишь личных

* На полях приписка: «Судоустройство».
** На полях приписка: «Полиция».

служебных выгодах. Даже по устройству своему и составу ее действия не согласовывались с настоящей целью ее учреждения [47], а потому общественное мнение имело о ней самое невыгодное понятие, и лишь только допущена была гласность, как громко стали говорить о необходимости улучшить и преобразовать эту часть внутреннего управления [48]. Происшествие с г. Якушкиным в Пскове, где ясно сказалось все бесправие и произвол, даже незнание законов и обязанностей со стороны высших лиц губернской полиции, одним словом, все их грехи, о которых до этого времени рассуждалось только в частных разговорах и которые гласность вывела наружу [49].

Это происшествие, говорят, наделало много шуму и дало повод обществу выразить свое мнение насчет лучшего устройства как самой полиции, так и содержания арестантов. Вот лучшее доказательство, как высшие правительственные лица стараются показать явное пренебрежение к общественному мнению. В происшествии с Якушкиным, которое сделалось гласным и в котором общее мнение обвиняло псковского полицмейстера, начальство не только что не взыскало с него за самоуправство, но представило к награде, и через несколько времени он получил орден за свою деятельность, распорядительность и усердную службу. В этом незначительном в общем обстоятельстве явно высказывалось недоброжелательство высших правительственных лиц к современным понятиям об обязанностях полиции и о правах, ограждающих личность управляемых *.

Много также печаталось и рассуждалось о частном и государственном кредите и вообще о всей финансовой системе. Нельзя было не признать видимого расстройства государственных финансов по окончании войны с западными державами [50]. Неумеренный выпуск кредитных билетов для покрытия усилившихся в военное время расходов вместо государственных займов так увеличил денежный рынок бумажными номинальными ценностями, что курс их упал на 10 и более процентов по сравнению со звонкою монетою и почти на 25 при всех других менах и сделках.

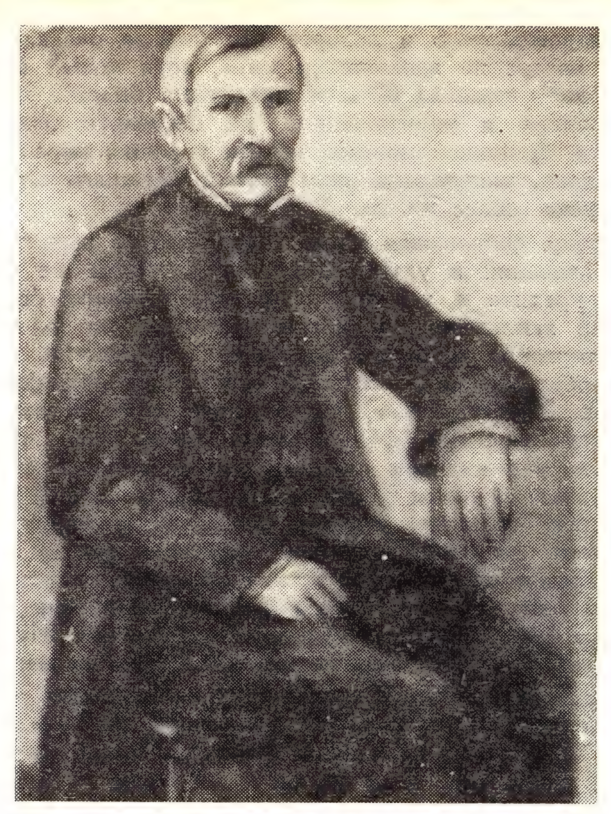
Вот главная причина того явления, которое мы назы-

* Последний абзац написан сбоку на левой свободной кромке страницы перпендикулярно тексту.

ваем дороговизною и которое так быстро оказалось повсюду вскоре по заключении мира, хотя новый министр финансов[51] выменял 60 млн. кредитных билетов на звонкую монету и уничтожением их несколько поддержал ценность бумажной монеты, но эта хорошая мера не могла, однако, уничтожить последствий прежнего огромного ее выпуска (более 300 млн.).

Вообще финансовая часть наша требует значительных преобразований и улучшений, в особенности же в отношении кредита и, тем более, кредита частного, без которого ни земледелие, ни промышленность, ни внутренняя наша торговля не могут достичь того развития, которое так необходимо для вещественного благосостояния государства. Известно уже, что правительство серьезно занимается многими финансовыми вопросами, что оно намерено учреждением Земских банков и более строгими и точными законами относительно займов между частными лицами положить прочное основание частному кредиту. Обмен билетов Опекунских советов и других кредитных учреждений на 5-процентные облигации и понижение еще на один процент оставшихся в Опекунских советах вкладов без изъятия кредитных установлений Министерства финансов считаются весьма полезными мерами.

Прошедший 859 год ознаменовался успехами русского оружия на Кавказе. В продолжение лета все укрепленные места, занимаемые мюридами Шамиля, были взяты русскими, а, наконец, в конце августа месяца и сам он отдался в плен[52]. Эти успехи доставили справедливую славу главнокомандующему Кавказскими войсками князю Барятинскому, любимцу государя, и были награждены блестящим образом. Георгий 2-й степени, Андреевская лента и чин фельдмаршала были ему даны в течение трех месяцев. Разумеется, что эти награды возродили некоторые неудовольствия и ропот между высшими военными сановниками николаевского времени, игравшими уже первые роли в то время, когда Барятинский был молодым офицером, и теперь стоявшими выше его в военной иерархии[53]. Но этот ропот не разделило общественное мнение. Барятинский пользовался репутацией человека честного, благородного, и хотя военные заслуги его, может быть, и не заслуживали наград, которые он получил по особой дружбе к нему монарха, по крайней мере публика считала его самым достойным их из всех близких лиц, окружав-

Н. В. БАСАРГИН
Фотография конца 1850-х—начала 1860-х гг.

ших царя. Хотя скорое окончание последней войны с Шамилем много говорило в пользу его военных дарований, но если взять в соображение средства, которыми он располагал, власть, которой пользовался, и ту неограниченную доверенность, которую имело к нему правительство, доставлявшее ему без промедления все требуемые им средства, чего не было ни при одном из прежних главнокомандующих, то неудивительным покажется, что он мог достигнуть лучших и более решительных против своих предшественников результатов. Впрочем, даже из разговоров самого Шамиля, живущего теперь пленником в Калуге, оказывается, что самые успехи мюридизма и продолжительное сопротивление Шамиля русскому ору-

О. И. БАСАРГИНА
Фотография конца 1850-х—начала 1860-х гг.

жию были скорее делом худых распоряжений русских властей на Кавказе, их худого обращения с горцами, их желания поддерживать эту войну, доставлявшую им и почести, и награды, и деньги, а не тех непреодолимых препятствий, которые они встречали со стороны враждебных населений Кавказа. Все это показывает, до какой степени в прошедшее царствование общественная польза жертвовалась для личных мелочных выгод тех, которые употреблялись правительством во всех частях администрации.

Еще в 1858 году совершилось для будущности России одно весьма важное событие: присоединение Амурского края и всего левого берега Амура до его впадения в Ти-

хий океан. Этим приобретением обязана [Россия] генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Без него и его деятельности никогда и никому не пришло бы в голову завладеть этим краем. Еще в 1850 году начались первые разведывания устьев Амура и его усилия склонить правительство занять их. Много и долго надобно было ему бороться с тогдашними высшими властями, чтобы заставить их разделить его мнение и содействовать его намерениям. Нынешний государь, был тогда наследником, и великий князь Константин взяли его сторону, и, несмотря на сопротивление министра иностранных дел, опасавшегося восстановить против себя Англию, нарушить дружественные отношения с Китаем, план генерала Муравьева о завладении устьями Амура был отчасти принят правительством, и ему даны средства для действования в этом смысле. После этого в продолжение шести или семи лет продолжались разного рода экспедиции. Наконец, сам генерал-губернатор в 1854 г. отправился с некоторым числом войск и значительными запасами [продовольствия] на пароходе и плоскодонных судах по течению Амура для окончательного присоединения этой земли и для защиты новых таможних заселей от нападения Англии и Франции во время Восточной войны. Эта экспедиция и последовавшие за ней действия против англичан имели удовлетворительный успех, так что новая Амурская колония уцелела [54]. По заключении мира [55] начались переговоры с Китайским правительством об уступке левого берега Амура и его устья России и о свободном плавании по нему. Несмотря на нерешительность и проволочки китайцев, переговоры эти увенчались успехом, и в 1858 году генералу Муравьеву удалось заключить с ними трактат, согласный с его желанием [56]. Таким образом, страна эта была приобретена Россией, и началось длительное и серьезное заселение и устройство этого края. При устье Амура учреждено было военное губернаторство восточных берегов Тихого океана, Петропавловский пост уничтожен и главное пребывание высшего начальства переведено в Николаевск, т. е. в устье Амура, куда отправлены значительные морские и сухопутные силы. Часть последних вместе с отправляемыми ежегодно переселенцами всяких сословий предназначались для заселения края, который климатом своим и местоположением обещал много в будущем. Сверх того, на половине пути по

Амуру учрежден новый город Благовещенск и новая Приамурская область.

В Николаевском порту начались уже торговые сношения со многими морскими державами, особенно с Америкой и англичанами, а в Иркутске образовалась акционерная компания для торговли по реке Амуру, которой даны большие льготы и привилегии.

В последнее время много писали об Амурском крае и в публике много было толков и суждений о пользе и невыгодах этого приобретения. Разумеется, ко всему этому примешивались частные интересы, предубеждения, личные отношения, преувеличивание, с одной стороны, и противоположные суждения — с другой. Приверженцы генерала Муравьева и все те, кто более и менее участвовали в его действиях по этому делу, превозносили его заслуги, его распоряжения, его деятельность, ум и т. д. Говорили с восторгом об этом крае, представляли его уже устроенным, благоденствующим и обещающим в самом скором времени не только вознаградить то, чего стоило России его приобретение, но открыть обильные источники для его деятельности, промышленности, торговли, одним словом, описывали его вторым Эльдорадо[57]. Весьма натурально, что эти неуместные и явно преувеличенные выходки заинтересованных в этом деле лиц породили в публике сомнения и недоверие. Явились статьи, опровергавшие эти восторженные хвалы и, в свою очередь, старавшиеся доказать не только малое значение этого края в отношении выгод России в настоящее время, но даже бесполезность его в будущем. Вместе с тем они нападали на административные распоряжения тамошних главных властей и представляли положение этой страны в самом плачевном состоянии[58]. Конечно, как с той, так и с другой стороны есть и часть правды и неправды. Одни бросались в одну крайность, а другие — в противоположную, и хотя мыслящая часть публики не могла не заметить то и другое, но также и не могла составить об этом деле и крае, по его отдаленности, определительного понятия. Наше мнение, основанное на тех данных, которые мы могли иметь в продолжение нашего пребывания в Сибири, и на некоторых сношениях с лицами, участвовавшими в этом приобретении, состоит в том, что для будущности России завладение Амурским краем чрезвычайно важно и будет иметь самые благодетельные по-

следствия, но что теперь пока он не только не приносит, но еще и долгое время не будет приносить для России существенной пользы, а, напротив, будет требовать значительных с ее стороны пожертвований. Многое зависеть будет в будущем от того, как станут там распоряжаться главные деятели, как сумеют они заселить эту страну и воспользоваться ею для развития земледелия, промышленности и торговли между будущими ее обитателями. Для этого края период, когда нужны были люди, горячо действующие, не обсуждающие, а во что бы то ни стало превозмогающие препятствия, кончился, настала пора для деятелей более благоразумных, но твердых в своих намерениях, умеющих искусно, спокойно и постепенно приводить их в исполнение.

Дипломатические сношения наши с европейскими дворами находились с окончанием войны в самых лучших отношениях. По всем вопросам европейской политики Россия вела себя прямодушно и безукоризненно и оттого именно заслужила общее доверие. Новый министр иностранных дел Горчаков пользуется не только расположением государя, но и общим уважением как соотечественников, так и всего образованного мира[59]. Сначала замечалась особенная симпатия русского правительства к политике Франции и во всех международных вопросах, как, например, в делах восточных, т. е. Турции, Дунайских княжеств, Сербии и т. д., Россия разделяла мнение и была на стороне Франции, но потом, кажется, она несколько отдалилась от политики Наполеона III и вместе с Пруссией по итальянскому вопросу как до войны, так и по заключении Виллафранкского мира сблизилась с Англией. В одной только Австрии оказывается не столько еще в самом правительстве, сколько в самой русской нации, особенное недоброжелательство. Это неприязненное чувство к Австрии разделяет с Россией и вся Европа. Австрийское правительство, основанное на самых своекорыстных видах и при отсутствии всяких нравственных правил, восстановило против себя общее мнение всей Европы, а ее политика и дипломатика, отличаясь непрямодушием, неблагодарностью, потеряли всякое к себе доверие. Надобно, впрочем, упомянуть здесь, что в европейской политике Россия все это время играла второстепенную роль, потому что вопросы, занимавшие доселе Европу, исключая, может быть, Сербии и Дунайских кня-

жеств, которые решились согласно с ее видами, не касались настолько ее интересов, чтобы принимать в них прямое и положительное участие[60]. В них достаточно было показать одно только свое прямодушное воззрение и выразить его твердо дипломатическим образом. Следствием такой умеренной и добросовестной политики оказалась возможность убавить численность войск, что и было исполнено правительством. Уменьшив почти до половины русскую армию, оно сократило через это государственные расходы и вместе с тем не только могло улучшить содержание остальных войск, но и заняться с лучшими результатами их военным образованием и устройством[61].

1859 год ознаменовался войной между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией — с другой. Россия не принимала в ней участия, исключая некоторых дипломатических сомнений, да и те не имели большого значения. Она исключительно занималась своими внутренними делами и сохранила со всеми державами дружеские международные отношения. Сочувствие ее, как и сочувствие всего образованного мира, было, однако же, на стороне Франции, ополчившейся за итальянскую национальность. Война была непродолжительна. Битвы при Мадженты и Сольферино, в которых австрийцы блистательным образом были разбиты французами и сардинцами[62], а главное, совершенное расстройство австрийских финансов прекратили ее. Виллафранкский мир, столь неожиданно последовавший за сольферинскою победою, уничтожил преобладающее господство австрийцев в Италии[63]. Конечно, Наполеон III мог бы совершенно изгнать их из Италии, но его политика предпочла заключить скорее мир, чтобы не давать повод другим державам вмешиваться в итальянский вопрос. Этим он оставил дело итальянской независимости неконченым и навлек на себя подозрение в своекорыстных видах, особенно когда впоследствии принудил Сардинию уступить Савойю и Ниццу[64]. Вскоре за этим миром началось в Италии сильное движение в пользу национальности. Вопреки статьям Виллафранкского договора, Парма, Тоскана, Модена и Романья изъявили твердое желание освободиться от прежних своих правителей, сторонников и клиентов Австрии, и присоединиться к Пьемонту. Италия и Виктор Эммануил сделались лозунгами патриотов[65].

Тщетно французское правительство уговаривало их

согласоваться с условиями Виллафранкского договора. Тщетно Австрия, папа и прежний их герцог предъявляли права свои, единодушное желание народа и замечательная при этом твердость и последовательность в изъявлении народной воли разрушили все тонкости и дипломатические хитрости изначальных владельцев и их покровителей.

Зная, что главные европейские державы, особенно Англия, не позволят Австрии вмешаться вооруженною силою в их дела, и будучи убеждены, что общественное мнение всей Европы на их стороне, они настоятельно и единодушно требовали присоединения к Пьемонту, который, со своей стороны, хоть явно и не домогался этого присоединения, но сочувствовал их желанию и, наконец, согласился на него.

Таким образом, к концу 1859 года образовалось в Италии значительное государство в 8 или 9 миллионов жителей с представительными и свободными учреждениями.

Но этим итальянский вопрос далеко не кончился. Пьемонтское правительство под сурдинку с итальянскими патриотами явно старались соединить всю Италию в одно целое. Они очень хорошо поняли, что настало самое удобное и, можно сказать, единственное время освободить свое отечество от долговременного чужеземного ига и основать самостоятельное государство. В начале 1860 года во всей Италии преобладала одна мысль, одно желание — не допускать вмешательства сторонних держав, основать самим собою прочное, самостоятельное единство и соединить все отдельные ее области под один скипетр короля-патриота. Новый король обеих Сицилий, наследовавший скипетр после известного своим деспотизмом отца[66], дал повод и возможность итальянским патриотам вмешаться в междоусобные распри Неаполя[67]. Вместо того чтобы признать при вступлении своем на престол систему прежнего управления, чего настоятельно требовали от него Англия, Франция и Сардиния, вместо того чтобы понять требование, в коем выразилось народное желание, вместо того чтобы, подобно Сардинии, стать в Южной Италии во главе национального движения, он явно и решительно явил себя защитником прежнего порядка и тем, так сказать, сам лишил себя престола. Возмущение началось в Сицилии — стране с давнего времени угнетенной, где господствовал самый вопиющий произвол. Это возмуще-

ние казалось так незначительным. Инсургенты имели так мало материальных средств, королевские войска были так сильны и, по-видимому, так преданы своему королю, что все ожидали скорого окончания их восстания. В газетах уже объявлялось, что, будучи везде разбиты, они скрывались только кое-где в горах, что королевские войска, не встречая нигде серьезного сопротивления, занимаются преследованием их малочисленных шаек. Начались даже судебные следствия и казни. Дело инсургентов казалось потерянным. Но вдруг оно приняло совершенно другой оборот. Итальянские патриоты и люди, сочувствующие им в Италии, Англии, вступились за сицилийских инсургентов, явились деньги, оружие, люди и все, что нужно для поддержки инсуррекции. Ополченцы со всех сторон стекались под знамена Гарибальди, который по своему характеру, своей преданности к народному делу вследствие прежних своих подвигов в 1848 году и партизанских действий в предшествующую войну пользовался всеобщим доверием нации и справедливою славою как воин и как человек[68]. Снарядилась экспедиция, и до двух тысяч человек ополченцев, большею частью служивших у Гарибальди, в числе которых были люди самых лучших итальянских фамилий, под его личным предводительством отправились на помощь сицилийцам. Между тем в Генуе, в Аахене и других итальянских городах образовались комитеты для содействия войсками и материальными средствами национальному движению за независимость и единство Италии. Гарибальди, избежав счастливо встречи с неаполитанским крейсером, высадился в Марсале (сицилийском городке) и сейчас начал наступательные действия. Слава его имени, надежда на поддержку Англии и Сардинии и особенно ненависть к правительству Франциска привлекли к нему немедленно все сицилийское народонаселение. Вскоре он осадил Палермо, месяц — и разбил королевские войска, из которых большая часть перешла на его сторону, устроил правильное управление и был провозглашен диктатором[69]. Двух месяцев было достаточно ему, чтобы завоевать весь остров и очистить его от неаполитанских войск. К нему беспрестанно прибывали новые ополченцы, так что вскоре армия его состояла уже из 40 тыс. Правда, что это не было в точном смысле регулярное войско, но оно чрезвычайно было способно к партизанской войне и, одушевленное идеей

ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ Н. В. БАСАРГИНА

Пятницкое кладбище в Москве

освобождения Италии и высоким чувством патриотизма, не могло не иметь решительного перевеса над наемными королевскими войсками, привыкшими более к грабежу, чем к битвам. Личные достоинства генерала Гарибальди много содействовали успехам его оружия. За свою простоту, бескорыстие, пламенную преданность к отечеству, за свое мужество, распорядительность и знание выбирать себе помощников он был боготворим не только своим войском, но и всей Италией. Имя его было в устах каждого — начиная от ребенка до дряхлого старика.

С ним соединилась идея независимости и благоденствия отечества. Его же лозунг был: Италия и Виктор

Эммануил, т. е. соединение всех частей ее под скипетром короля, известного своей честностью и преданностью народному делу.

Освободив Сицилию, Гарибальди не задумался высадиться в Неаполитанское королевство[70]. Поздно уже увидел Франциск II свою ошибку. Поздно уже вздумал он действовать так, как бы следовало сначала, т. е. при вступлении своем на престол. Соглашаясь на отделение Сицилии, обязываясь ввести прежнюю конституцию в Неаполе, освободить всех узников по политическим делам и назначить конституционное министерство, он думал, что этого будет достаточно, чтобы расположить к себе народ и отсрочить угрожающую опасность. Но время уже прошло. Никто не верил искренности его слов и действий. Сделай он это добровольно, вступив только на престол, весьма вероятно, что не было бы сицилийского восстания и неаполитанские патриоты не стали бы искать от хорошего лучшего. Гарибальди и его ополченцы не имели бы повода высаживаться в Сицилию, да и великие европейские державы, заинтересованные в итальянском вопросе, не допустили бы без причины нападение на такое правительство, которое само явило готовность согласоваться с требованием века, с общим желанием нации. Сама Сардиния принуждена бы была останавливать неуместное рвение горячих приверженцев, выжидая более удобного времени для осуществления своего плана соединения всех частей Италии в одно целое.

Разумеется, что винить в этой, по-видимому, грубой ошибке Франциска II нельзя. Будучи воспитан в таких правилах, которые не позволяли ему не только сочувствовать настоящим патриотам Италии, но даже понимать и видеть это положение, он думал делать свое дело, продолжая царствовать, подобно своему отцу, имевшему самые превратные понятия о правительственных обязанностях и царствовавшему по указаниям австрийской политики, с которой он был неразрывно связан и своими семейными отношениями, и худо понимаемыми личными выгодами.

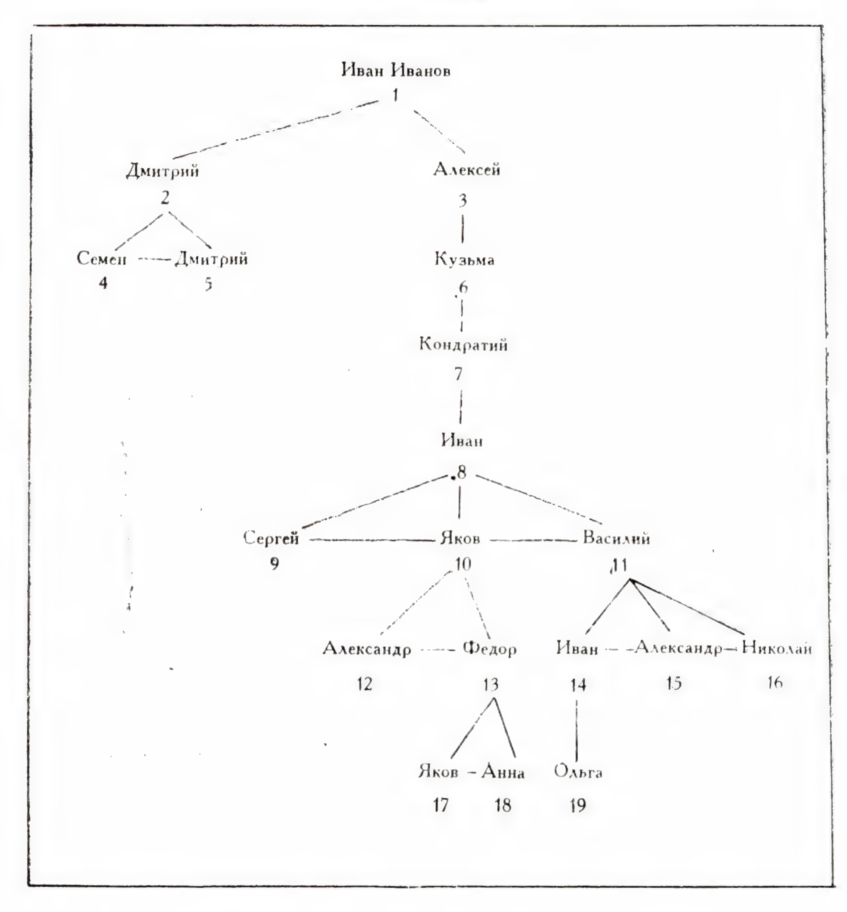
Лишь только генерал Гарибальди появился на неаполитанском материке с несколькими тысячами своих ополченцев, как король должен был оставить Неаполь, где первый встречен был с торжеством и провозглашен общим диктатором Королевства обеих Сицилий. Таким

образом судьба Франциска II была решена, и хотя он еще держался с частью войск, оставшихся ему верными в Гаэте и Канде[71], но нет почти сомнений, что все же он должен будет оставить свое государство, подобно Тосканскому, Моденскому и Парменскому герцогам[65]. Флот и часть армии перешли на сторону диктатора, который продолжал действовать именем короля Сардинского, объявив, что он до тех пор не положит оружия, пока вся Италия не будет освобождена и пока он не провозгласит ее единство и независимость под скипетром Виктора Эммануила с высоты Квиринала[72].

Здесь, однако ж, итальянский вопрос вступает в новую фазу и уже связуется с интересами и политикой всех европейских государств, особенно Англии, Франции и Австрии. Покуда дело шло о Тоскане, Парме, Модене, Сицилии, Неаполе, ни одна из великих европейских держав не имела нужды заботиться, так или иначе кончится вопрос о их присоединении к Пьемонту. Заинтересованными лицами были одни только их прежние правители и сами жители этих областей. Разумеется, что европейские государства принимали большее или меньшее участие в совершавшихся в Италии событиях согласно духу своих правительственных учреждений, своих дипломатических отношений и своему географическому положению. Так, например, Австрия сочувствовала и сколько могла отстаивала права прежних правительств, тогда как Англия и Франция держали сторону народную, а Россия и Пруссия равнодушно следили за событиями, не помогая и не противодействуя ни той, ни другой стороне. Можно даже сказать с некоторой уверенностью, что, кроме Австрии и некоторых близких ее союзников между членами Германского союза, остальная Европа не недовольна была тем, что в Италии возникает новое сильное государство и что эта страна после долговременного ига возрождается к новой национальной жизни. Но когда с падением Королевства обеих Сицилий и с присоединением его и Римских провинций к Сардинскому королевству вопрос итальянский коснулся Венеции и самого Рима, где светская власть находилась в руках духовного владыки католического мира[73], тогда нельзя не предвидеть больших затруднений и серьезного вмешательства великих держав в дела Италии. Теперь именно настало самое опасное время для итальянского вопроса, когда малейшие

ошибочные действия руководителей народного стремления могут неисправимо повредить делу и воспламенить европейскую войну. Между владыками первенствующих держав в нынешнем году начались уже частые свидания, предшествующие их намерению согласиться в том, где должно прекратиться невмешательство, и быть готовыми на всякий случай [74]. Вообще заметно, что влияние Франции значительно уменьшилось и некоторые недовольства поселились в остальных европейских державах к видам французов [75].

РОДОСЛОВНАЯ РОДА БАСАРГИНЫХ С КРАТКИМ ПОЯСНЕНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
1843 год

№ 1. Иван Иванов, за ним по выписи с Владимирских книг 145, 146, 147, 149, 150, 151 и 152 годов значились Владимирского уезда в Небольской волости треть сельца Михейцева и треть деревни Напутной и двор бобыльский, в котором людей 4 человека с землею и во 152 году ему отказаны различные пустоши.

№ 2. Дмитрий Иванов владел третью сельца Михейцева и третью деревни Напутной, которые после даны брату его Алексею, также владел различными пустошами Владимирского уезда в Жегаловской волости, которые даны детям его: Семену и Дмитрию.

№ 3. Алексей Иванов в 142 году по вводной грамоте царя Михайла Федоровича получил во владение поместья брата его Дмитрия Владимирского уезда в Небольской волости треть сельца Михейцева и деревни Напутной, в которых был двор бобыльский и людей 3 человека, а по даче 162 года значились за ним различные пустоши.

№ 4 и 5. Семен и Дмитрий Дмитриевы во 153 получили во владение поместья отца их Владимирского уезда в Жегаловской волости, как сказано выше.

№ 6. Козьма Алексеев получил во владение поместья отца своего Алексея и дяди Дмитрия Ивановых, что видно как из копии с выписи упомянутых Владимирских книг, так и из копии с отказа 1785 года июля 23 дня.

№ 7. Кондратий Козьмин по наследству владел имением отца его, что видно из упомянутого отказа.

№ 8. Иван Кондратьев, артиллерии майор, ему чрез Ковровский уездный суд 1785 года июля 23 дня отказано имение предков его по челобитью.

№ 9, 10 и 11. Сергей, Яков и Василий Ивановы были: 1-й секунд-майором, 2-й лейб-гвардии прапорщиком, 3-й надворным советником, что видно по делам.

№ 12 и 13. Александр и Федор Яковлевы внесены в родословную книгу по представленной поколенной росписи, после Федор штабс-капитаном, что видно по делу.

№ 14, 15 и 16. Поручик Иван, подпоручик и кавалер Александр и коллежский регистратор Николай Васильевы в родословную книгу внесены по свидетельству 12-ти благородных особ.

№ 17 и 18. Яков и Анна Федоровы по метрическим удостоверениям Московской духовной консистории.

По сим доказательствам род сей по определениям Владимирского дворянского депутатского собрания 1792 генваря 24, того же года октября 16, 1817 сентября 30 и 1828 г. марта 6 дня признан в дворянстве и внесен в 6 часть родословной книги; в 1-м значится 13, во 2-м 1, в 3-м 2 и последнем 2 лица.

Указом Временного присутствия геральдии 1 апреля 1843 года за № 1341 род гг. Басаргиных в древнем дворянстве по недостаточности документов не утвержден.

Требуется представить в дополнение доказательства:

1) акт о переходе родового имения от Ивана Кондратьевича Басаргина к дальнейшему потомству,

2) удостоверение губернского правления о существовании недвижимого имения в роде Басаргиных,

3) грамоты жалованные, по которым имели право владеть крестьянами предки в роде Басаргиных.

4) об Сергее, Якове, Василии Ивановых документы о службе их. Об Федоре Яковлевиче тоже. Об Иване, Александре и Николае те же документы о службе.

Формулярный список о службе исправляющего должность

I	II	III	IV	V	VI	VII
Чин, имя, отчество, фамилия, должность. Лет от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание	Из какого звания происходит	Есть ли имение: у него самого и у родителей: родовое	Есть ли имение: у него самого и у родителей: благоприобретенное	Есть ли имение: у жены, буде женат: родовое	Есть ли имение: у жены, буде женат: благоприобретенное	Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных по службе деяний или отличий, не был ли особенно кроме чинов чем награждаем и в какое время; сверх тех, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невиновным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончилось?
Писарь 3-го разряда Николай Васильевич Басаргин. Исправляющий должность регистратора Ялуторовского земского суда, пятидесяти двух лет, православного исповедования. Жалование 142 р. 85 3/4 коп.	Бывший поручик, лишенный за прикосновенность к происшествию 14 декабря 1825 года чинов и дворянства	Нет	Нет	Нет	Нет	По высочайшему повелению, объявленному господином министром внутренних дел, господином генерал-губернатором Западной Сибири 15 января 1846 года за № 259, дозволено ему, Басаргину, вступить в гражданскую службу в Сибири канцелярским служителем 4-го разряда и на основании сего господином генерал-губернатором Западной Сибири определен в штат канцелярии пограничного начальника. Тысяча восемьсот сорок шестого года, марта двадцать первого дня. По протоколу состоявшего в должности пограничного начальника 15 мая 1846 г. за № 1793 зачислен писцом 3-го разряда. Г. генерал-губернатором Западной Сибири

регистратора Ялуторовского земского суда писца 3-го разряда Басаргина

Составлен июля 1-го дня 1854 г.

VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV
Годы	Месяцы и числа	Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно?	Был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно передан суду, когда и чем дело кончено?	К продолжению статской службы способен и повышению чином достоин ли, если же нет, то по каким причинам?	Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, явился ли на срок и если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительной?	Был ли в отставке с награждением чином или без оного, когда и с которого по какое именно время?	Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно, год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедования?
		Не был	По происшествии 14 декабря 1825 г. приговорен был Верховным уголовным судом к политической смерти и ссылке потом вечно в каторжную работу, из которой по высочайшей воле поступил на поселение и, наконец, в гражданскую службу, как выше значится	Способен и достоин	Не был	Не был	Женат на Ольге Ивановне, детей не имеет, жена православного исповедования
1846	март 21						
1846	мая 15						

I	II	III	IV	V	VI	VII
						вследствие высочайшего повеления перемещен в штат Ялуторовского земского суда. Г. управляющий Тобольскою губернией предписанием от 22 июля 1853 г. № 5184 дал знать Ялуторовскому земскому суду, что государь император во всемилостивейшем внимании к засвидетельствованию господина генерал-губернатора Западной Сибири об отлично-усердной службе и похвальном поведении Басаргина высочайше соизволил на перечисление его из 4-го в 3-й разряд канцелярских служителей. По постановлению земского суда исправляет должность регистратора с 11-го ноября 1853 года

VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV

1848 февраль
7

КОММЕНТАРИЙ

ЗАПИСКИ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 167

В деле находятся беловой и черновой автографы, а также список, сделанный несколькими почерками с явными следами типографской разметки. С этого списка текст «Записок» был набран для первой книги историко-литературного сборника «Девятнадцатый век» (1872), издаваемого П. И. Бартеневым.

Беловой автограф имеет чернильную нумерацию на лицевой и оборотной сторонах листа, проставленную самим Басаргиным, и более позднюю карандашную, обозначенную в архиве. При брошюровке дела была нарушена авторская нумерация текста. Л. 1—30 подшили правильно, однако последующие за ними оказались подшитыми в совершенно произвольной очередности, а именно: 229—240; 205—228; 193—204; 191—192; 171—190; 169—170; 167—168; 147—166; 145—146; 143—144; 123—142; 121—122 (между л. 122 и следующим л. 97 вшит рисунок птички, очень тонко выполненный карандашом); 97—120; 73—96; 71—72; 51—70; 43—50; 31—42. Естественно, имеется настоятельная необходимость привести расположение листов в архивном деле в соответствие с авторской нумерацией.

Между л. 41—42 чернильной нумерации и 22 карандашной имеется вкладыш, написанный, скорее всего, Е. И. Якушкиным, следующего содержания:

«Записки Н. В. Басаргина. Черновой 73 ½ листа. Беловой 240 страниц.

Приложения: 1. Мысли о будущности России и ее политике, от 241—264 стр.

2. О крепостном состоянии, 265—276.

3. Несколько рассуждений о крепостном состоянии, 277—292.

4. О старообрядцах и преимущественно живущих в Западной Сибири, 293—315.

5. (То же — черновик на 5 листах).

6. Некоторые мысли и соображения по поводу вопроса об изменении крепостного быта. Покров 1858 10 марта (1 четвертка, 18 стр.).

7. Тетрадь без заглавия (Мысли о Крымской войне и состоянии по возвращении в Россию) в четвертку».

Судя по данному перечню, Е. И. Якушкин собирался подготовить к печати названные произведения Басаргина.

«Записки», как помечено в конце раздела под названием «Мысли о будущности России и ее политике», были завершены 3 сент. 1856 г. Дата поставлена не произвольно и не случайно. В этот день Басаргин узнал из коронационного манифеста Александра II об амнистии оставшихся в живых декабристов.

Впоследствии Басаргин, перечитывая свое сочинение, внес в его первую часть (до 53-го листа авторской нумерации) немало конкретных уточнений, которые написал на полях рукописи, обозначив их крестиками. О более позднем происхождении отмеченных вставок говорит как их содержание, так и то, что в самом тексте крестики поставлены над строкой, к которой они относятся, поскольку у них не было заранее заготовленного места. Эти дополнения печатаются под строкой основного текста. Там же воспроизводятся сноски, сделанные Басаргиным в момент написания воспоминаний. Первые десять из них были автором пронумерованы. Порядковый номер сносок Басаргина восстановлен в настоящем издании в скобках после звездочек. Вставки же, которые Басаргин делал по ходу изложения в самом тексте воспоминаний, включены в основной корпус «Записок».

Следует особо оговорить мотивы и форму подачи нескольких очень важных по содержанию примечаний, которые отсутствуют в автографе (с. 99, 104, 106, 111). Есть основания предполагать, что они принадлежат Басаргину, поскольку речь в них идет о фактах, очень близких мемуаристу, и, кроме того, часть этих примечаний написана от первого лица. Возможно, Басаргин записал их на отдельном листке (такой случай имеет место в литературном наследии мемуариста), который впоследствии затерялся, или они были устно сказаны Е. И. Якушкину. Во всяком случае, эти примечания настолько значительны, что исключать их из воспоминаний невозможно. Они заключены в квадратные скобки.

Н. В. Басаргин не дал своим воспоминаниям какого-либо особого названия. Правда, на верхнем обрезе первого перебеленного листа им написано: «Мои воспоминания», а ниже «...своего рода предисловие». Но обе надписи им же густо зачеркнуты. Поэтому при установлении названия воспоминаний следует исходить из того, что в тексте предисловия, а позднее в «Журнале» они названы автором «Записками». Это название и поставлено в заголовок воспоминаний.

В настоящем издании «Записки» Басаргина печатаются по беловому автографу и в такой последовательности листов, которая установлена самим автором. В качестве своеобразного эпилога в состав «Записок» включен текст рукописи «Мысли о будущности России и ее политике», являющейся их логическим завершением.

[1] Вторая армия в то время являлась наиболее многочисленным войсковым соединением в России. Охраняя юго-западные границы страны, она дислоцировалась на территории Украины и Молдавии.

[2] *Витгенштейн Петр Христианович* (1768—1842), генерал, участник коалиционных войн против Франции (1805—1807). В Отечественной войне 1812 г. командовал отдельным корпусом, прикрывавшим Петербург. 28 апр. 1813 г. после смерти М. И. Ку-

тузова был назначен главнокомандующим русскими войсками. Из-за неудач под Люценом и Бауценом заменен 29 мая 1813 г. на этом посту М. Б. Барклаем де Толли. С 1818 г. командующий 2-й армией. В 1826 г. присвоено звание фельдмаршала. В 1828 г. руководил русскими войсками в войне против Турции. С 1829 г. в отставке. С 1834 г. кн.

[3] *Киселев Павел Дмитриевич* (1778—1872), гр., участник Отечественной войны 1812 г. С 1819 г. начальник штаба 2-й армии. После русско-турецкой войны 1828—1829 гг. управлял Молдавией и Валахией в качестве наместника. В 1835 г. возглавлял секретный комитет по крестьянскому делу. С 1837 г. министр вновь образованного Министерства государственных имуществ. В 1837—1841 гг. провел реформу управления государственными крестьянами. В 1856—1862 гг. посол в Париже. Затем в отставке.

[4] Это примечание зачеркнуто карандашом, вероятнее всего, кем-то из лиц, готовивших «Записки» к печати, хотя ценность его несомненна. Оно содержит очень интересные сведения о лицах, составлявших дружественный кружок единомышленников при штабе 2-й армии, среди которых многие состояли членами Союза благоденствия, и дает материал для датировки написания этой части «Записок».

[5] Имеется в виду Венский конгресс (сент. 1814 — июнь 1815 г.), который подвел итоги войны крупнейших европейских государств против наполеоновской Франции. По заключительному акту Венского конгресса, подписанному 9 июня 1815 г. Россией, Австрией, Англией, Пруссией, Францией и рядом других государств, была перекроена карта Европы без какого-либо учета национальных интересов многих европейских народов.

Страны-победители действительно делили «Европу, как свое достояние». Решения Венского конгресса закрепили политическую роздробленность Италии и Германии, а также расчленение Польши между Россией, Австрией и Пруссией. По определению Ф. Энгельса, это был «большой конгресс крупных и мелких деспотов», на котором «народы покупались и продавались, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей» (Энгельс Ф. Положение в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 568). Созданная Венским конгрессом система международных отношений была дополнена учреждением 26 сент. 1815 г. Священного союза, имевшего целью борьбу против национально-освободительного и революционного движения на европейском континенте.

[6] Тайная революционная организация карбонариев возникла в Италии в начале XIX в. Члены ее боролись за национальное освобождение своей родины от французского, а позднее австрийского ига, за объединение Италии в демократическое государство. Центром деятельности карбонариев, составлявших в различных городах и землях ложи — венты, было Королевство обеих Сицилий, где в 1821 г. генерал Пепе возглавил военную революцию против династии Бурбонов. Карбонарии положили начало также революции в Пьемонте в 1821 г. В Италии карбонарии просуществовали до конца 1840-х гг. Во Францию карбонаризм пришел из Италии в 1820—1821 гг. Целью французских карбонариев было свержение династии Бурбонов. Однако все их попытки поднять восстание

потерпели неудачу. В 1830-е гг. французские карбонарии вошли в различные тайные республиканские общества.

Декабристы, конечно, учитывали опыт карбонариев. Есть данные о связи итальянских и французских карбонариев с дворянскими революционерами России (Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909. С. 362—376).

В современной историографии справедливо утверждается, что в 1820-е гг. движение карбонариев и движение декабристов складывалось в рамках «общеевропейской истории» и, уходя корнями в родную почву, каждое в то же время питалось общими интересами и идеями эпохи. И то и другое движение приняло типичную для того времени заговорщическую форму, опиралось на кадры армии, делало ставку на военную революцию; «оба движения, выступая под антиабсолютистскими знаменами, добивались конституционного переустройства общества, одним словом, носили военный, буржуазно-либеральный характер» (Мизиано К. Ф. Итальянское рисорджименто и передовое общественное движение в России XIX в. // Россия и Италия. М., 1968. С. 99).

Иного свойства, чем революционные венты карбонариев, был немецкий «Союз добродетели» — Тугендбунд. Он был основан с ведома прусского правительства 16 апр. 1808 г. в Кенигсберге. Целью общества было возрождение «национального духа» и свержение французского ига. Выражая приверженность королю и правительству, Тугендбунд действовал с учетом их интересов. Союз был официально распущен 10 янв. 1810 г. на основании указа короля Фридриха-Вильгельма III от 31 дек. 1809 г. из-за боязни вызвать недовольство Наполеона.

Текст первой редакции устава Тугендбунда, опубликованный в 1815—1816 гг., декабристы использовали при составлении первой части «Зеленой книги» — устава Союза благоденствия (Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. 3-е изд. Спб., 1900. С. 367—380, 547—567; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. С. 416—428).

[7] Декабристов отличала исключительная начитанность и осведомленность в передовой политической и экономической западноевропейской литературе. Влияние ее сказалось и на конституционно-теоретических сочинениях Пестеля, Н. Муравьева, и на формировании взглядов дворянских революционеров. В их показаниях на следствии из западно-европейских мыслителей чаще всего упоминались имена Бентама, Беккария, Вольтера, Дэтю де Траси, Констана, Дельлома, Макиавелли, Монтескье, Руссо, Сея, Сисмонди, де Сталь, Филанджери и некоторых других (Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов; Ланда С. С. Дух революционных преобразований... 1816—1825. М., 1975).

Примечательно, что Н. В. Басаргин на следствии, стремясь скрыть свой интерес к политическим сочинениям, все же показывал: «Из книг, хотя я читал много, но политических весьма редко и то такие, кои не запрещены правительством, как-то творение M. Stail, Pilangieri, Bentham и тому подобные» (*ВД.* Т. 12. С. 310).

[8] «Зеленая книга» — устав Союза благоденствия; названа так по цвету переплета, который был выбран не случайно. Зеленый цвет символизировал надежду. Первая часть «Зеленой книги», пронумерованная и прошнурованная, имела печать в виде улья и

пчел вокруг него. В первой части излагались основные организационные принципы тайного общества и обязанности его членов. «Сокровенная цель» Союза благоденствия, состоявшая во введении представительного правления и в уничтожении крепостного права, была означена во второй части «Зеленой книги», которая формально не была принята декабристами и до нас не дошла.

[9] Мемуарист действительно допускает неточность, заявляя, что «в составлении «Зеленой книги» и в первоначальном учреждении общества» (речь идет о Союзе благоденствия) участвовал Пестель. Последнего не было в Москве, когда вследствие неудачи так называемого Московского заговора осенью 1817 г. прекратил свое существование Союз спасения, костяк которого явился основой Союза благоденствия (Порох И. В. Деятельность декабристов в Москве (1816—1825) // Декабристы в Москве. М., 1963). Возможно, Басаргин непроизвольно связал слышанные им рассказы об активной деятельности Пестеля в написании устава Общества истинных и верных сынов Отечества (Союза спасения), а также о его роли в создании Тульчинской управы Союза благоденствия с историей возникновения самого тайного общества в целом.

[10] И. Г. Бурцов после смертельного ранения, полученного в сражении против турок при Байбурте, скончался 23 июля 1829 г.

[11] В собственноручной записке П. Д. Киселева о тайном обществе читаем: «Бурцова, Аврамова, Басаргина считал до последней минуты как людей мне преданных, честных и со мною откровенных — ошибся. Пестеля почитал человеком умным, но безнравственным, шуткой, по сходству лица его, называл его Макиавелли и в часы отдохновения любил его общество, но никогда не замечал вольнодумства» (*ИРЛИ*. Ф. 143 (П. Д. Киселева). Ед. хр. 29. 6. 139).

[12] 13 февр. 1820 г. седельщик Пьер Лувель убил кинжалом наследника Бурбонов, племянника Людовика XVIII герцога Беррийского, желая тем самым в дальнейшем прекратить правление ненавистной династии. Следствием убийства явилась отставка правительства Деказа (1780—1860) и приход к власти кабинета герцога Ришелье (1766—1822). В стране началась полоса ультрароялистской и дворянско-клерикальной реакции, известной под названием «третьей реставрации». 29 июля 1820 г. вступил в силу новый избирательный закон, согласно которому значительно расширилось представительство крупных землевладельцев в палате депутатов (Пугачев В. В. Луи-Пьер Лувель и движение декабристов // Освободительное движение в России. Саратов, 1978. Вып. 7; История Франции. М., 1973. Т. 2. С. 183).

[13] Национально-освободительное восстание в Греции началось в марте 1821 г. под руководством А. Ипсиланти, возглавлявшего тайное революционное общество «Филики Этерия» (гетерия), созданное в 1814 г. в Одессе греческими патриотами.

[14] *Фридрих Вильгельм III* (1770—1840), король Пруссии с 1797 г. Под давлением общественного мнения вынужден был в 1807 г. освободить крестьян от крепостной зависимости, правда без земли, а также ввести новое городское управление.

[15] *Меттерних Клемент Венцель Лотар* (1773—1859), кн., реакционный австрийский государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел (1809—1821), канцлер (1821—1848), один из главных организаторов Священного союза.

[16] *Занд Карл Людвиг* (1795—1820), студент богословского

факультета Тюбингенского университета; заколол в 1819 г. кинжалом в Мангейме драматурга и романиста Августа Коцебу, апологета Священного союза, за издевательское отношение к немецкой молодежи и по подозрению, что написал сочинение, направленное против академических свобод в немецких университетах. Казнен по приговору, утвержденному герцогом Баденским. Аналогия убийства А. Коцебу с дворцовым заговором в России, о котором знал Александр I и в результате которого в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. погиб его отец Павел I, является искусственной и неоправданной.

[17] Басаргин не совсем точно передает суть позиций крупнейших европейских держав по отношению к греческому восстанию. В частности, Англия не собиралась оставаться в стороне от событий. Заявление министра иностранных дел Англии Джорджа Каннинга, сделанное 25 марта 1823 г., о том, что Англия признает греков и турок воюющими сторонами, из чего следовало, что правительство Великобритании считает восстание греков законным, было нацелено против Священного союза. Дипломатический ход Д. Каннинга должен был обеспечить господство английской буржуазии на ближневосточном рынке за счет ослабления экономического и политического влияния России. Александр I поначалу колебался в подходе к восстанию в Греции. Он не мог не учитывать ту безусловную поддержку, которой пользовалось греческое движение в общественном мнении России, и те политические и стратегические перспективы, которые открывались перед Россией в условиях греко-турецкого конфликта. Но принцип легитимизма, лежащий в основе политики Священного союза, в конце концов взял верх, и Александр I отказал в поддержке восставшим грекам.

[18] Следует подчеркнуть, что в качестве важной причины роспуска Союза благоденствия Басаргин называет и чисто конспиративные соображения, на что в советской историографии не всегда делается должный акцент.

[19] *Раевский Владимир Федосеевич* (1795—1872), член Союза благоденствия, арестован 6 февр. 1822 г. за революционную пропаганду среди солдат в школах взаимного обучения по системе английского педагога Юзефа Ланкастера (1771—1838); был первым декабристом, представшим перед царским судом. Разбирательство его вины продолжалось в течение шести лет в пяти специальных комиссиях и в Следственной комиссии по делу декабристов. Документы судного дела В. Ф. Раевского и причастных к нему лиц составляют 40 томов и находятся в 13 архивохранилищах страны. Первая судная комиссия под председательством командира 6-го пехотного корпуса (в состав которого входила 16-я пехотная дивизия) генерала И. В. Сабанеева приговорила В. Ф. Раевского к смертной казни. Да и в дальнейшем ему угрожала самая суровая кара. Но он мужественно и умело вел себя во время следствия и не признавал предъявленных ему обвинений, храня тайну революционного заговора. В конце концов Следственная комиссия под председательством генерала В. В. Левашова представила царю проект приговора. После его утверждения Николаем I 15 окт. 1827 г. В. Ф. Раевский был лишен дворянства, офицерского чина, всех наград и сослан на поселение в Сибирь (Щеголев П. Е. Владимир Раевский (первый декабрист) // Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926; Брегман А., Федосеева Е. Владимир Федо-

сеевич Раевский: Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980—1983. Т. 1—2.

[20] Сеид — слово арабского происхождения, что в переводе означает начальник, господин. Сеидами назывались потомки пророка Мухаммеда от его дочери Фатьмы. Сеиды пользовались у мусульман особым почетом, поскольку в силу своего общественного положения могли обуздать произвол местных властей и вступиться за народ. Басаргин вкладывал в это словоупотребление особый смысл. Под сеидами мемуарист, скорее всего, подразумевал беспредельно преданных и покорных последователей таких идеологов и лидеров декабристского движения, как П. И. Пестель и С. И. Муравьев-Апостол.

[21] Незадолго до смерти Басаргин, скорее всего по просьбе Е. И. Якушкина, снова вернулся к характеристике вождя Южного общества, повторив в принципе то, что писал о нем ранее. Однако он дополнил ее важным выводом об исторических заслугах П. И. Пестеля перед русским освободительным движением. «Обладая замечательным умом, даром слова и в особенности даром ясно и логично излагать свои мысли, он пользовался большим влиянием на своих товарищей по службе и на всех тех, с кем он был в коротких отношениях. <...> Но при всем уме своем Пестель имел также недостатки. Желание подчинить своим идеям убеждения других было одним из них. Кроме того, он часто увлекался и в серьезных политических разговорах <...> доходил до крайних пределов своих выводов и умозаключений. <...> Нельзя также не упомянуть здесь о том, что он не имел способности внушать к себе полного доверия. <...> Исключая этих недостатков, я не знаю, в чем бы можно было упрекнуть Пестеля. Сколько я ни припоминаю теперь его поведение <...>, он действовал прямо, честно, без всякой задней мысли в отношении себя <...>. Как член же общества, как деятель политический, в первый раз задумавшийся в России об общественном перевороте не в пользу лица, а в пользу общественного блага, он <...> был, по моему мнению, вполне безукоризнен» (наст. изд., с. 338—339).

[22] Подробней об этом см.: Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов. М., 1963. С. 178—179.

[23] *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769—1834), русский государственный деятель, временщик при Павле I и Александре I, ген. от артиллерии, военный министр (1808—1810), председатель Департамента военных дел Государственного совета с 1810 г.; главный начальник военных поселений с 1817 г., т. е. с момента их возникновения. Пользовался особым доверием Александра I, олицетворял собою дух деспотизма и грубой военщины.

[24] *Милорадович Михаил Андреевич* (1771—1825), боевой генерал, герой Отечественной войны 1812 г. После заграничных походов командовал гвардейским корпусом; был петербургским военным ген.-губернатором. Во время восстания декабристов 14 дек. 1825 г. на Сенатской площади был смертельно ранен П. Г. Каховским.

[25] *Дибич-Забалканский Иван Иванович* (Иоганн Карл Фридрих Антон) (1785—1831), русский военный деятель, ген.-фельдмаршал с 1829 г. Сын прусского офицера, перешедшего в 1798 г. на русскую службу. И. И. Дибич, будучи офицером Семеновского полка, участвовал в войне с Францией (1805—1807). В 1812—1813 гг. обер-квартирмейстер корпуса, затем ген.-квартирмейстер

армии П. Х. Витгенштейна. С 1815 г. начальник штаба 1-й армии. В 1821 г. сопровождал Александра I на Лайбахский конгресс Священного союза. С 1823 г. начальник Главного штаба и управляющий Квартирмейстерской частью. Был с Александром I в Таганроге и присутствовал при его кончине. Информировал вступившего на престол Николая I о заговоре декабристов, руководил их арестом во 2-й армии и принимал участие в политическом процессе над ними. Фактически он командовал русской армией в войне с Турцией в 1828—1829 гг. Командовал войсками, направленными в 1830 г. на подавление восстания в Польше. Умер в 1831 г. от холеры.

[26] *Чернышев Александр Иванович* (1785—1857), кн., русский военный и государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г., ген.-адъютант (1812), ген. от кавалерии (1826). Пользовался особым расположением и доверием Александра I и Николая I. Ему было поручено арестовать П. И. Пестеля и забрать его бумаги, что он и выполнил при содействии надворного советника Вахрушева 13 дек. 1825 г. В 1826 г. активный член Следственной комиссии по делу декабристов, в 1832—1852 гг. военный министр, в 1846—1856 гг. председатель Государственного совета. *Ожаровский Адам Петрович* (1766—1855), ген.-адъютант, во время Отечественной войны 1812 г. командовал отдельным корпусом. Позднее член Государственного совета, сенатор.

[27] *Воронцов Михаил Семенович* (1782—1856), кн., ген.-фельдмаршал, сын известного дипломата в годы царствования Екатерины II и Александра I; рескриптом Александра I от 7 мая 1823 г. был назначен новороссийским ген.-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области.

[28] *Левшин Алексей Ираклиевич* (1799—1879) в 1823 г. служил в канцелярии М. С. Воронцова, с 1831 по 1837 г. градоначальник Одессы; основал «Одесский вестник» и публичную библиотеку. В 1854—1859 гг. был товарищем министра внутренних дел и принял активное участие в подготовке крестьянской реформы. А. И. Левшину принадлежит проект рескрипта виленскому ген.-губернатору В. И. Назимову (1802—1874) от 20 нояб. 1857 г., положившего начало официальным мероприятиям правительства по освобождению крестьян. *Бруннов Филипп Иванович (1797—*1875), гр., русский дипломат. В 1823 г. служил в канцелярии М. С. Воронцова. Участвовал под его началом в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В 1829—1831 гг. один из ближайших помощников министра иностранных дел Нессельроде. На посту посланника России в Лондоне (1840—1854, 1858—1874) проводил политику англо-русского сближения.

[29] Басаргинская характеристика Пушкина очень субъективна; кроме того, в нее вплетаются явно гипертрофированные слухи, распространяемые о поэте его недоброжелателями (Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 152).

[30] Конгресс Священного союза в Вероне (Северная Италия) проходил с 20 окт. по 14 дек. 1822 г. В нем участвовали Александр I, австрийский император Франц I, прусский король Фридрих Вильгельм III, правители Неаполитанского и Сардинского королевств и многочисленные дипломатические представители России, Австрии, Пруссии, Франции и Великобритании. Главный итог кон-

гресса — решение о вооруженной интервенции Франции против революционной Испании.

[31] *Шатобриан Франсуа Рене* (1768—1848), французский писатель и политический деятель. В 1803 г. по предложению Наполеона Бонапарта принял на себя обязанности посла в Риме, но когда последний провозгласил себя императором (1804), Шатобриан ушел в отставку. Во время второй реставрации Бурбонов (1815—1830) посол в Берлине и Лондоне, управлял Министерством иностранных дел (до 1829 г.). После 1830 г. отошел от политической деятельности.

[32] Здесь речь идет о подавлении революции, возглавляемой Риего-и-Нуньесом (1785—1823), национальным героем испанского народа. 1 янв. 1820 г. батальон, которым он командовал, восстал в защиту конституции 1812 г., чем начал военную революцию в стране. 7 марта 1820 г. революционные войска заставили короля Испании Фердинанда VII восстановить конституцию 1812 г. После начала французской интервенции в апр. 1823 г. Риего безуспешно пытался организовать сопротивление. 15 сент. 1823 г. он был схвачен сторонниками короля и 7 нояб. казнен в Мадриде.

[33] Южные поселения, располагавшиеся на территории Слободско-Украинской, Херсонской и Екатеринославской губ., возникли в 1817 г. и составляли 20 кавалерийских полков.

[34] *Витт Иван Осипович* (1781—1840), ген. от кавалерии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. 19 авг. 1814 г. назначен начальником украинской казачьей дивизии. В 1817 г. ему поручили формирование южных кавалерийских поселений, начальником которых Витт стал в 1823 г. В мае—июне 1825 г. через своего агента херсонского помещика А. К. Бошняка сумел узнать о существовании тайного общества на юге России, о чем лично сообщил Александру I в Таганроге 18 окт. 1825 г. Участвовал в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. 29 авг. 1831 г. был назначен варшавским военным губернатором. С апр. 1832 г. состоял инспектором всей поселенной кавалерии. П. И. Багратион называл Витта «лжецом и двуличкой», а Ф. Ф. Вигель считал, что «всякого рода интриги были стихией этого человека» (Красный архив. 1925. Т. 2(9)).

[35] На петербургской встрече Пестеля с руководителями Северного общества (Н. М. Муравьевым, Н. И. Тургеневым, Е. П. Оболенским и др.), состоявшейся весной 1824 г., обсуждались вопросы об организационном объединении Северного и Южного обществ, о единой политической программе декабристов, о современных революционных действиях. Вопреки мнению, господствующему в буржуазной историографии (В. М. Довнар-Запольский), о неудачной миссии руководителя южан, советскими исследователями установлено, что Пестелю удалось достигнуть определенных успехов. Так, было принято в принципе решение о взаимном членстве «южан» и «северян» до созыва объединенного съезда, о создании комиссии по выработке согласованной программы движения, о взаимной поддержке в случае непредвиденного вооруженного выступления какого-либо из обществ ранее намеченного на 1826 г. срока восстания (З а х а р о в Н. С. Петербургское совещание декабристов в 1824 г. //Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 113—

[36] *Корнилович Александр Осипович* (1800—1834), штабс-ка-
114).

питан Генерального штаба, декабрист, историк, писатель. Участвовал в ряде литературных объединений: «Общество громкого смеха», «Вольное общество любителей российской словесности», которые являлись легальными филиалами Союза благоденствия. В день восстания находился на Сенатской площади. Осужден по III разряду. В 1832 г. отправлен рядовым на Кавказ и определен в Ширванский полк. Умер от болезни желчного пузыря.

[37] Поэма была написана в 1824 г. и опубликована в 1825 г. в Москве в издательстве С. Селивановского (Рылеев К. Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956. С. 372—373).

[38] Близкие по содержанию и звучанию слова вложил А. С. Грибоедов в уста героини комедии «Горе от ума» Софьи Фамусовой: «Счастливые часов не наблюдают».

[39] О состоянии Басаргина красноречиво свидетельствовало его письмо к П. Д. Киселеву от 12 сент. 1825 г., в котором говорилось: «Я весьма ошибся, думая перенести потерю жены моей с большим хладнокровием — чем более проходит времени после сего ужасного происшествия, тем более и физика и нравственность мои ослабевают под бременем горести. Все мысли мои устремлены к предмету, более не существующему. Каждая вещь напоминает мне и счастье, которым я наслаждался, и всю великость моей потери. <...> В моем теперешнем положении место, где жена моя навсегда меня оставила, не может быть моим пребыванием, и если ваше превосходительство не окажете мне помощи в сем случае, то я совершенно не буду знать, что с собой делать. Будучи так много вам обязан, я не имею никакого права что-либо от вас требовать, но, зная вас, я твердо уверен, что вам утешительно будет помочь в несчастье и возвратить спокойствие человеку, который гордился своею к вам преданностью.

Генерал Бахметьев назначается генерал-губернатором в российские губернии, и вашему превосходительству не трудно будет доставить мне при нем место по особым поручениям. Не имея в виду в сем случае никаких выгод по службе, я ищу только одного спокойствия и удаления из Тульчина. В кругу родных моих, живущих в тех губерниях, куда А. Н. назначается, я найду более средств хотя несколько изгладить из памяти случившееся со мною.

Не стану говорить вашему превосходительству, как тяжело мне будет перейти к другому начальству. В продолжение шести лет вы узнали мои правила и, как кажется, отдавали им справедливость, а потому я надеюсь, что при занятии другого места вы вспомните человека, который беспрекословно и с удовольствием старался исполнить свои обязанности. При перемене места я желал бы сохранить военное звание и остаться в том же полку. Это более для того, чтобы в повышении иметь одну только линию и не обязывать протекцией и особенным вниманием моего начальства» (*ИРЛИ*. Ф. 143. Ед. хр. 29.60.80).

[40] Официальные документы об отречении от престола вел. кн. Константина и манифест о вступлении на царствование Николая I были опубликованы 16 дек. 1825 г. в газете военного министерства «Русский инвалид», где их мог прочесть Н. В. Басаргин.

[41] К нояб. 1825 г. усилиями М. М. Нарышкина в Могилеве, штаб-квартире 1-й армии, была создана управа Северного общества, в которую входили адъютанты главнокомандующего ген. от инфан-

терии Ф. В. Сакена поручик П. П. Титов и капитан В. А. Мусин-Пушкин, а также офицеры Квартирмейстерской части подполковник Гвоздев и поручик А. А. Жемчужников. В декабрьские дни 1825 г. могилевские декабристы оказались бездеятельными, а после разгрома восстаний в Петербурге и на Украине управа перестала существовать. Титов и Мусин-Пушкин вместе с другими декабристами предстали перед Следственной комиссией.

[42] Речь идет о членах тайного общества Александре Александровиче и Николае Александровиче Крюковых.

[43] Сведения Басаргина о двух доносителях на декабристов — Аркадии Ивановиче Майбороде и Иване Васильевиче Шервуде — отличаются достоверностью и точностью. Действительно, Майборода был переведен в Вятский полк из 34-го егерского. В Вятском полку в чине капитана командовал 1-й гренадерской ротой. В авг. 1824 г. Пестель принял его в Южное общество. Растратив полковые деньги и пытаясь уйти от военного суда, капитан Майборода 25 нояб. 1825 г. написал донос на имя Александра I, который и направил через генерал-лейтенанта Л. Рота, командира 3-го пехотного корпуса, в Таганрог, не зная о смерти царя. В виде награды был переведен в том же чине в л.-гв. Гренадерский полк, откуда вновь вернулся в армию. Дослужился до полковника, командовал Апшеронским полком. В начале 1844 г. в г. Темир-Хан-Шуре окончил жизнь самоубийством. Унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка *Шервуд* (1798—1867), по национальности англичанин, из-за неосторожности Ф. Ф. Вадковского узнал о существовании тайного общества, о чем при посредничестве Аракчеева и Клейнмихеля лично сообщил Александру I 14 июля 1825 г. в Петербурге. Получил задание продолжать тщательное наблюдение. В нояб. 1825 г. послал Дибичу в Таганрог подробный рапорт о достигнутых результатах. Был произведен в прапорщики, а затем в поручики; указом Сената от 1 апр. 1826 г. повелено было ему именоваться «Шервуд-Верный». Дослужился до полковника (1833). За ложный донос посажен в Шлиссельбургскую крепость. С 1851 г. находился под секретным надзором. В связи с коронацией Александра II 30 июля 1856 г. помилован.

[44] На вопрос Следственной комиссии в связи с показаниями Вольфа Н. В. Басаргин отвечал: «В проезд мой в С.-Петербург действительно штаб-лекарь Вольф говорил мне о том, чтобы не открывать нахождения моего в обществе. Представляя причину, что как в продолжение последних годов существование тульчинского общества почти прекратилось, и мы никакого участия не принимали, то и можем отрешись по справедливости в непринадлежности к сему обществу. Но одно собственное убеждение в незнании действий общества решило меня не сделать полного показания, и я в сем сознаюсь откровенно» (*ВД*. Т. 12. С. 294).

[45] *Башуцкий Павел Яковлевич*, ген.-лейтенант, комендант Петербурга. За особое усердие в день 14 дек. 1825 г. получил звание ген.-адъютанта. Позднее член Верховного уголовного суда по делу декабристов. Один из тех, кто требовал для большинства декабристов смертной казни.

[46] Как установлено, слуга Басаргина, помещенный в середине февр. 1826 г. в рабочий дом Приказа общественного призрения «для прокорма», затем находился под присмотром в Сводном батальоне и в конце июля того же года был отправлен в «Веневский

уезд Тульской губ., где он был записан по ревизии и где находились его родители» (Рахматуллин М. А. Рядом с декабристами // История СССР. 1979. № 1. С. 190).

[47] В издании П. Е. Щеголева говорится, что в опубликованном тексте «Записок» допущена опечатка и что вместо фамилии Граббе следует читать Габбе (с. 294). На самом деле Басаргин не ошибся, и в его воспоминаниях речь шла именно о командире Северского конно-егерского полка члене Союза благоденствия Павле Христофоровиче Граббе, которого он мог видеть вместе с А. Н. Муравьевым 14 янв. 1826 г. По официальным данным, все они в это время оказались на Главной гауптвахте. Кроме того, следует учесть, что командир 16-го егерского полка полковник Михаил Андреевич Габбе, которого имеет в виду П. Е. Щеголев, вообще не привлекался к следствию по делу декабристов и, следовательно, не мог находиться в числе арестованных (Пушкин Б. Арест декабристов // Декабристы и их время. М., 1933. Т. 2. С. 385, 391, 398. Ср.: *ВД*. Т. 8. С. 60—61, 301).

[48] *Левашов Василий Васильевич* (1783—1848), ген.-адъютант, ген. от кавалерии. Был председателем Комиссии военного суда, учрежденного при Петропавловской крепости 21 окт. 1820 г. в связи с волнением солдат Семеновского полка. Во время процесса над декабристами являлся правой рукой царя. С 1833 г. гр. В 1847—1848 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров.

[49] По политическим соображениям и личным мотивам кроме названных мемуаристом Л. П. Витгенштейна, А. А. Суворова, П. П. Лопухина, С. П. Шипова, М. Ф. Орлова были освобождены А. С. Грибоедов (по просьбе «отца-командира», как называл Николай I генерала И. Ф. Паскевича), братья В. А. и Л. А. Перовские, Н. И. Депрерадович, сыновья Н. Н. Раевского и некоторые другие. Всего из 579 человек, причастных к следствию, 34 были освобождены с оправдательным аттестатом (*ВД*. Т. 8. С. 13).

[50] 15 дек. 1825 г. Николай I обратился с приказом к гвардейским войскам, в котором говорилось: «Храброе российское воинство! Верные защитники царя и отечества! <...> В самые дни горести вы, верные храбрые воины, приобрели новую, незабвенную славу, равную той, которую запечатлели вы своею кровью, поражая врагов царя и отечества, ибо доказали своим поведением, что вы и твердые защитники престола царского на поле брани, и кроткие исполнители закона и воли царской во время мира» (Шильдер Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование. Спб., 1903. Т. 1. С. 309). Этим убеждениям и оценкам Николай действительно оставался верен до последней минуты. В предсмертном обращении к жене, детям и ближайшим сподвижникам он сказал: «Благодарю славную верную гвардию, которая спасла Россию в 1825 г.» (Мелкие рассказы М. М. Попова // Рус. старина. 1896. Т. 86. Кн. 6. С. 612. Ср.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1894. Т. 8. С. 389).

[51] *Сукин Александр Яковлевич* (1764—1837), ген. от инфантерии, ген.-адъютант; во время процесса над декабристами был комендантом Петропавловской крепости и членом Верховного уголовного суда.

[52] 17 дек. 1825 г. по приказу Николая I был учрежден Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общест

ва под председательством военного министра А. И. Татищева. В его состав вошли вел. кн. Михаил Павлович, А. Х. Бенкендорф, П. В. Голенищев-Кутузов, А. Н. Голицын, В. В. Левашов, а позднее И. И. Дибич, А. Н. Потапов, А. И. Чернышев. Правителем дел был назначен А. Д. Боровков. С 14 янв. 1826 г. Комитет определено не называть «тайным», а в мае 1826 г. он переименован в Комиссию. В Комитете (потом Комиссии) было проведено свыше 140 заседаний, в итоге чего составлено пресловутое «Донесение Следственной комиссии».

[53] Аудитор (слушатель — лат.) — чиновник военно-судебного аппарата.

[54] *Мысловский Петр Николаевич* (1777—1846), священник Казанского собора; получил поручение навещать в Петропавловской крепости арестованных декабристов. Пользовался доверием и расположением многих из них (Е. П. Оболенского, Н. И. Лорера, И. Д. Якушкина и др.). Вместе с тем ряд декабристов относился к нему настороженно и даже отрицательно (М. С. Лунин, Д. И. Завалишин, П. А. Муханов). К их числу принадлежал и Н. В. Басаргин. По мнению сестры декабриста П. А. Муханова, Мысловский был «агентом государя, шпионом, который испортил жизнь многих доверившихся ему» (Дневник Е. Шаховской // Голос минувшего. 1920—1921. С. 108).

[55] *Татищев Александр Иванович* (1763—1833), ген. от инфантерии, в 1824—1827 гг. военный министр. За особое усердие на посту председателя Следственной комиссии по делу декабристов получил в 1826 г. графский титул.

[56] *Голицын Александр Николаевич* (1773—1844), государственный деятель; в 1805—1806 гг. обер-прокурор Синода, в 1817—1824 гг. министр народного просвещения и духовных дел, позже главноуправляющий почтовым департаментом.

[57] *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), русский военный и государственный деятель. Участник войн против Франции (1805—1807), Турции (1806—1812), Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг. В 1819—1821 гг. начальник штаба гвардейского корпуса. На основе доноса М. К. Грибовского в 1821 г. представил Александру I записку о деятельности Союза благоденствия. Активный участник подавления восстания 14 дек. 1825 г., видный член Следственной комиссии по делу декабристов. В янв. 1826 г. составил проект создания центрального органа политического сыска, использованный при учреждении 3 июля 1826 г. III отделения с. е. и. в. канцелярии, начальником которого Бенкендорф был со дня его основания и до конца своей жизни.

[58] *Михаил Павлович* (1798—1848), вел. кн., младший сын Павла I, генерал-инспектор по инженерной части (1825), главный начальник военно-учебных заведений (1831), главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами (1844). Представительствовал от царствующей фамилии в Следственной комиссии по делу декабристов.

[59] *Голенищев-Кутузов Павел Васильевич* (1772—1843), гр., ген.-адъютант, главный директор кадетского корпуса (1823—1826), член Государственного совета (1825), петербургский ген.-губернатор (1825—1830). Был членом Следственной комиссии по делу декабристов, руководил казнью П. И. Пестеля, К. Ф. Рылее-

ва, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского.

[60] *Потапов Алексей Николаевич* (1772—1847), дежурный генерал Главного штаба, член Следственной комиссии по делу декабристов. С 1825 г. ген.-адъютант. Командовал резервным кавалерийским корпусом, член Государственного совета.

[61] *Адлерберг Владимир Федорович* (1791—1884), царский сановник, ген.-адъютант (1828), гр. (1847). Во время следствия по делу декабристов выполнял обязанности помощника правителя дел комиссии; главноуправляющий почтовым департаментом (1842—1857), министр императорского двора и уделов (1852—1870).

[62] *Блудов Дмитрий Николаевич* (1785—1864), гр. (1842), русский государственный деятель, автор «Донесения Следственной комиссии», товарищ министра народного просвещения (1826—1828), управляющий Министерством юстиции (1830—1831; 1838—1839), министр внутренних дел (1832—1838), главноуправляющий II (кодификационного) отделения с. е. и. в. канцелярии (1839—1862), председатель Государственного совета и Комитета министров (1855—1864).

[63] Речь идет о конституционном проекте П. И. Пестеля, который являлся предметом особого интереса царских следователей. В конце концов Следственной комиссии удалось заполучить в свои руки этот документ, и он сыграл немалую роль в обвинении Пестеля (Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1961. С. 347—389).

[64] Речь идет о В. Ф. Раевском.

[65] *Бестужев-Рюмин Михаил Павлович* (1801—1826), подпоручик Полтавского полка, ближайший сподвижник С. И. Муравьева-Апостола, один из руководителей восстания черниговцев. Казнен 13 июля 1826 г. Н. В. Басаргин написал о нем короткое воспоминание (наст. изд., с. 339). *Андреев Андрей Николаевич* (1804—1831), подпоручик л.-гв. Измайловского полка. Был принят в Северное общество за неделю до восстания, участвовал в совещаниях на квартире Рылеева. Утром 14 дек. уговаривал солдат не присягать Николаю I, во время восстания находился на Сенатской площади в составе верных царю войск. Приговорен по VIII разряду к лишению чинов, дворянства и на вечное поселение в Сибири. В ночь на 28 сент. 1831 г. сгорел вместе с декабристом Н. П. Репиным в с. Верхоленском Иркутской губ.

[66] *Мартынов Павел Петрович* (1782—1838), ген.-майор, командир 3-й бригады 2-й гвардейской дивизии; с 15 дек. 1825 г. ген.-адъютант. *Сазонов Николай Гаврилович* (1782—?), ген.-майор, начальник инженерной службы гвардейского корпуса. *Стрекалов Степан Степанович* (1782—1856), ген.-майор, личный порученец Николая I; с 15 дек. 1825 г. ген.-адъютант.

[67] Басаргина вызвали в Следственный комитет для очной ставки с Пестелем 22 апр. 1826 г. (*ВД*. Т. 12. С. 305).

[68] Действительно, Басаргин на следствии подписал показания Пестеля, не допустив очной ставки с ним (*ВД*. Т. 12. С. 305—306).

[69] Несмотря на тенденциозный и фальсификационный характер «Донесения Следственной комиссии», убедительно раскрытый в «Разборе Донесения тайной Следственной комиссии государю императору в 1826 году» М. С. Лунина (Лунин М. С. Сочине-

ния, письма, документы. Иркутск, 1988), этот официальный документ, содержащий определенный фактический материал, вскоре изъяли из обращения. Цензурный запрет на «Донесение Следственной комиссии» был снят лишь в начале 1881 г. (*ВД*. Т. 6. С. XXXII—XXXIII).

[70] Тело покойного императора Александра I было привезено 11 марта 1826 г. в Царское Село, откуда 18 марта переправлено в Казанский собор Петербурга. В течение семи дней к нему был открыт доступ. 25 марта 1826 г. состоялось захоронение тела Александра I в соборе Петропавловской крепости (Рус. биогр. словарь. Спб., 1826. Т. 1. С. 381—382). Его жена, императрица *Елизавета Алексеевна* (1779—1826), умерла в г. Белеве 4 мая 1826 г., возвращаясь из Таганрога. Похоронена в Петербурге.

[71] Речь идет о Крымской войне, к событиям и социально-историческим урокам которой декабристы обращаются в своих мемуарах постоянно.

[72] После начала деятельности Верховного уголовного суда из его состава, по предложению М. М. Сперанского, 7 июня была выбрана Ревизионная комиссия, в которую вошли от Государственного совета ген.-адъютант А. Д. Балашев, гр. К. А. Ливен, кн. Н. К. Салтыков; от Сената Д. О. Баранов, В. И. Болгарский, И. П. Лавров; от военных и гражданских чинов гр. Ю. А. Головкин, гр. К. О. Ламберт, ген.-лейтенант Н. М. Бороздин. Кроме того, по распоряжению Николая I в нее были введены А. Х. Бенкендорф, В. В. Левашов и А. И. Чернышев. Ей поручалась формальная проверка предварительного следствия. Каждому из подсудимых было задано всего три вопроса: 1) Его ли рукой подписаны показания? 2) Добровольно ли подписаны? 3) Были ли даны очные ставки? Ревизионная комиссия провела работу в течение двух дней, опросив 120 человек и подтвердив правильность действий Следственной комиссии.

[73] Речь идет об одном из стихотворений английского поэта-романтика *Томаса Мура* (1779—1852), вошедшем в его лирический сборник «Мелодия», опубликованный в 1804 г.

[74] В ЦГАОР (ф. 279, д. 196) хранится несколько иной перевод стихотворения Мура «Музыка», сделанный Басаргиным с английского списка, также находящегося в этом деле.

[75] 10 июня 1826 г. была утверждена разрядная комиссия в составе П. А. Толстого (председатель), М. М. Сперанского, И. В. Васильчикова, Г. А. Строганова, С. С. Кушникова, В. И. Энгеля, Д. О. Баранова, П. И. Кутайсова, Е. Ф. Комаровского. Через 17 дней — 27 июня — комиссия завершила разбивку подсудимых на 11 разрядов, поставив пятерых декабристов — П. И. Пестеля, К. Ф. Рылеева, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина и П. Г. Каховского — вне разрядов.

[76] Зерцало — эмблема правосудия, устанавливавшаяся в дореволюционной России в присутственных местах, в виде увенчанной двуглавым орлом трехгранной призмы с наклеенными на гранях указами Петра I о соблюдении законности.

[77] Подписанный Николаем I 1 июня 1826 г. указ Сенату определял состав Верховного уголовного суда, в который вошли 18 членов Государственного совета, 36 сенаторов, 3 митрополита от Синода и 15 особо назначенных высших военных и гражданских чинов. Всего в него входило 72 человека, представлявших собой

высшую бюрократию. Председателем суда был назначен кн. П. В. Лопухин, его заместителем — кн. А. Б. Куракин, а обязанность ген.-прокурора была возложена на министра юстиции кн. Д. И. Лобанова-Ростовского (*ВД.* Т. 17. С. 69—70, 75—76).

[78] Экзекутор — судебный чиновник.

[79] *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839), государственный деятель, гр. (1839), директор департамента Министерства внутренних дел (1803—1807), с 1807 г. статс-секретарь Александра I. Автор «Введения к уложению государственных законов» (1809). В конце 1811 г. подвергся опале и оказался в ссылке (1812—1816). Был пензенским губернатором (1816—1818) и ген.-губернатором Сибири (1819—1821). В конце 1821 г. возвращен в Петербург. Сыграл решающую роль в выработке судебно-процессуальных норм во время следствия и суда над декабристами. С 1826 г. фактически возглавлял II отделение с. е. и. в. канцелярии, занимавшееся кодификацией законов. С 1838 г. председатель департамента законов Государственного совета.

[80] Ореолом самопожертвования проникнуты многие сочинения А. И. Герцена, в которых декабристы выступают страдальцами за свои высокие идеалы. Так, в статье «Концы и начала», использованной В. И. Лениным в великолепном публицистическом произведении под названием «Памяти Герцена», Искандер написал: «Люди 14 декабря, фаланга героев. <...> Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия. Но кто же их-то душу выжег огнем очищения, что за *непочатая сила* отреклась в них-то самих от *своей* грязи, от наносного гноя и сделала их мучениками будущего?» (*Герцен.* Т. 16. С. 171). Не исключено, что Басаргин мог испытать влияние герценовской трактовки подвига декабристов.

[81] *Головин Евгений Александрович* (1782—1858), ген. от инфантерии. Во время событий 14 дек. 1825 г. в звании ген.-майора командовал 4-й бригадой 2-й гвардейской дивизии и помешал прийти на помощь восставшим офицерам и солдатам Финляндского полка. Варшавский военный губернатор (1828—1837), командующий Кавказским Отдельным корпусом (1838—1841), с 1845 г. ген.-губернатор Прибалтийского края, с 1848 г. член Гос. совета.

[82] *Муравьев Александр Николаевич* (1792—1863), отставной полковник Генерального штаба, с 1856 г. ген.-майор. Был одним из основателей Союза спасения и членом Союза благоденствия. Осужден по VI разряду и сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. В февр. 1828 г. определен на службу городничим Иркутска. В 1832—1834 гг. тобольский гражданский губернатор. В янв. 1834 г. переведен председателем Вятской уголовной палаты, через год стал председателем Таврической уголовной палаты, в 1837—1839 гг. архангельский гражданский губернатор, потом член Совета Министерства внутренних дел и начальник штаба 2-го пехотного корпуса. В 1856—1861 гг. нижегородский военный губернатор. Горячий поборник освобождения крепостных крестьян. Первым браком был женат на *Прасковии Михайловне Шаховской* (1790—1835), а вторым — на ее сестре *Марфе Михайловне* (1799—1885).

[83] В планах государственного переворота, разрабатываемых

декабристами, большое внимание уделялось созданию временного правительства. В числе кандидатов в члены временного правительства фигурировали имена М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, А. П. Ермолова, Н. Н. Раевского, И. М. Муравьева-Апостола, Д. А. Столыпина, Д. О. Баранова и некоторых других (Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982). Александр I знал об общественной популярности этих лиц. В записке, написанной незадолго до смерти, он отмечал, что «дух вольномыслия получил широкое распространение», вследствие чего возникли тайные общества, «которые имеют <...> секретных миссионеров для распространения своей партии: Ермолов, Раевский, Киселев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие» (Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. Спб., 1905. Т. 4. С. 330).

В ходе процесса над декабристами имена сановных лиц, подозреваемых в связях с заговорщиками, очень интересовали следствие. Личный осведомитель Николая I из состава Следственной комиссии генерал В. И. Болгарский сообщал в одном из донесений царю о дошедших до него слухах: «<...> усердные патриоты не могут верить, чтоб одна молодежь предпринимала такую важную в государстве перемену, не имея скрытых и осторожных, но важнейших сообщников. Слишком много толков о подозрении на адмирала Мордвинова, Сперанского и Булгакова» (*ЦГАОР*. Ф. 109, 1826. С.-А. Оп. 5. Д. 3174. Л. 15).

[84] Здесь Басаргин еще раз возвращается к урокам Крымской войны, обнаружившей всю гнилость самодержавно-феодального социально-политического строя России.

[85] В другой редакции «Записок» написано: «У двоих из них, кажется, Пестеля и Каховского <...>» (*ЦГАОР*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 167).

[86] П. В. Голенищев-Кутузов, руководивший казнью декабристов, доносил Николаю I после ее свершения: «Экзекуция кончилась с должною тишиною и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть» (Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 181. Подлинник хранится: *ЦГАОР*. Ф. 782 (Коллекция Зимнего дворца). Оп. 1. Д. 1446. Л. 30).

[87] *Лопухин Петр Васильевич* (1753—1827), кн., государственный деятель. При Екатерине II — ярославский и вологодский ген.-губернатор; при Павле I — ген.-прокурор (1798—1799); при Александре I — министр юстиции (1803—1810), председатель департаментов гражданских духовных дел, законов Государственного совета, председатель Комитета министров (1816—1823); председатель Верховного уголовного суда по делу декабристов.

[88] *Вальтер Скотт* (1771—1832), английский писатель, создатель жанра исторического романа. Наиболее известные романы: «Уэверли» (1814), «Пуритане» (1816), «Роб Рой» (1818), «Айвенго» (1820), «Квентин Дорвард» (1823). *Джеймс Фенимор Купср* (1789—1851), американский писатель. Наиболее известные произведения: «Пионеры» (1823), «Последний из Могикан» (1826).

[89] *Тургенев Николай Иванович* (1789—1871), один из видных деятелей Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества; ученый-экономист, автор книги «Опыт теории налогов» (Спб., 1818), действ. статский советник, крупный чиновник Министерства финансов. В июне 1824 г. уехал на лечение за границу и во время событий 14 дек. 1825 г. не был в России. Он отказался выполнить требование царского правительства вернуться в Петербург, чтобы предстать перед Следственной комиссией по делу декабристов. Осужден заочно по первому разряду и приговорен к каторжным работам навечно (*ВД*. Т. 17. С. 225). В 1847 г. издал в Париже книгу «Россия и русские» (т. 1—3, на франц. яз.), в которой весьма субъективно изложил историю тайных обществ, а также высказал свои взгляды на перспективы экономического развития России, акцентируя внимание на необходимости освобождения крестьян. 4 июля 1856 г. обратился к Александру II с прошением о помиловании. Амнистирован полностью 26 авг. 1856 г. В мае 1857 г. приехал в Петербург, и ему были возвращены чины, ордена, все права по происхождению, кроме прав на прежнее имущество (Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1. С. 143).

Несмотря на это за ним был установлен секретный полицейский надзор. Видимо, чувствуя его, Н. И. Тургенев через месяц попросил выдать ему заграничный паспорт. На запрос об этом московского ген.-губернатора А. А. Закревского начальник III отделения В. А. Долгоруков ответил: «Удовлетворение ходатайства Тургенева было бы преждевременно. Он только что возвратился в Россию». Однако Александр II разрешил выдать Н. И. Тургеневу заграничный паспорт (*ЦГИАМО*. Ф. 16. Оп. 47. Ед. хр. 76. Л. 7, 9). В связи с приездом Н. И. Тургенева распространился слух о том, что его хотят сделать министром финансов (*ЦГАОР*. Ф. 109, 1857. С.-А. Оп. 5. Д. 43. Л. 3). Достоверно известно, что Н. И. Тургенев был еще в России в июле 1859 г. В письме к Е. И. Якушкину из Твери от 19 июля 1859 г. М. И. Муравьев-Апостол сообщал, что у него были А. В. Поджио, Г. С. Батеньков, а также Н. И. Тургенев, который «приезжал из Парижа получить наследство от своей сестры» (*ЦГАОР*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 603. Л. 1). Возможно, он приезжал и в 1864 г. (Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. С. 489).

[90] Несмотря на настоятельные и неоднократные просьбы *Анастасия Васильевна Якушкина* (1806—1846) не получила разрешения поехать в Сибирь к мужу. По словам Е. Е. Якушкина, внука декабриста, «попытка А. В. Якушкиной уехать к мужу в Сибирь имеет длинную и не совсем ясную историю с печальным концом» (см. его примечания к «Запискам» И. Д. Якушкина. М., 1925, с. 180). Вероятно, разлука с горячо любимым мужем явилась одной из причин ранней смерти А. В. Якушкиной. Роковую роль в ее судьбе сыграл Николай I, запретивший поездку в Сибирь (Щеголев П. Е. Николай I и декабристы. Пг., 1919. С. 37; Порох В. И. К истории отправки декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина в Сибирь // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 235—239).

[91] *Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич* (1788—1850), историк, автор «Словаря достопамятных людей земли русской», «Истории Малороссии», а также других трудов, тобольский (1825—

1828) и виленский губернатор (1836—1838), член совета министра внутренних дел (1839) и член Департамента уделов (1840).

[92] Басаргин имел в виду каторжного поселенца Масленникова, о котором он, так же как и о Ермолае, написал специальный рассказ, публикуемый в наст. издании.

[93] *Лавинский Александр Степанович* (1776—1844), тайный советник; входил в состав тайного комитета по исполнению приговора над декабристами, осужденными на каторгу и ссылку в Сибирь.

[94] *Лепарский Станислав Романович* (1754—1837), ген.-лейтенант; в 1810—1826 гг. командовал Северским конно-егерским полком, шефом которого был Николай I. 24 июня 1826 г. получил предложение занять место коменданта Нерчинских рудников, куда на каторжные работы царь намеревался отправить осужденных декабристов. В качестве коменданта был весьма гибок, неуклонно выполняя волю царя и проявляя терпимость по отношению к декабристам.

[95] Имеется в виду Д. И. Завалишин. Причина непонятного для Басаргина распоряжения местных властей относительно Завалишина объяснена последним в его «Записках»: «В Тобольске произошла смена провожатого. Фельдъегеря заменил чиновник, жандармов — казаки. Так доехали мы до Томска, где остановились так же, как и в Тобольске, в доме полицмейстера. Вдруг выходит фельдъегерь Воробьев из числа тех, которые сопровождали всегда самого государя. Меня отделяют от товарищей и передают ему. Дело в том, что в Петербурге вспомнили, что незадолго перед тем, возвращаясь из Калифорнии, я проезжал через Сибирь, и произвел там проезд мой сильное впечатление. Поэтому, опасаясь моего влияния и моих сношений в Сибири, послали за мной вдогонку самого надежного и самого быстрого фельдъегеря для того, чтобы привезти меня отдельно и как можно скорее» (Записки декабриста Д. И. Завалишина. Спб., 1906. С. 257).

[96] Юридические права жен декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь, были определены «высочайше утвержденным» предписанием от 1 сент. 1826 г. Согласно ему декабристки теряли свое прежнее звание и впредь должны были именоваться «женами ссыльнокаторжан», а дети, рожденные в Сибири, записывались в разряд казенных крестьян. Далее следовало распоряжение отправлять письма «не иначе, как только через коменданта» и категорическое запрещение «отлучаться от места, где будет пребывание» (Щеголев П. Е. Жены декабристов и вопрос об их юридических правах // Исторические этюды. Спб., 1913. С. 397—441). Однако родственные и личные связи жен декабристов в высшем свете позволяли им в Сибири нарушать эти предписания, что дало повод некоторым мемуаристам, и в том числе Басаргину, писать о том, что они «пользовались всеми правами своими».

[97] Жандармский полковник Ф. Кильчевский в донесении А. Х. Бенкендорфу от 9 апр. 1832 г. о положении дел в Петровском заводе сообщал: «Генерал-майор Лепарский предоставил право женам государственных преступников требовать его к себе во всякое время, если иметь будут в том надобность. <...> Он между ними как отец одного семейства и никак не отступается от предписанного или им обзаведенного порядка. Однако г. Лепарский говорит, что для него гораздо спокойнее было иметь 100 мужчин, нежели одну женщину» (Кодан С. В. Декабристы в Петровском

заводе // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1985. Вып. 4. С. 251—252).

[98] Н. В. Басаргин имеет в виду экспедиции 1854 и 1855 гг. по Амуру от истоков до устья, которые были проведены под руководством ген.-губернатора Восточной Сибири *Николая Николаевича Муравьева* (1809—1881), получившего после этого титул графа Амурского.

[99] *Батеньков Гавриил Степанович* (1793—1863) действительно находился в разных тюрьмах в течение 20 лет и только 11 марта 1846 г. был доставлен в Томск на поселение. *Кюхельбекер Вильгельм Карлович* (1797—1846) просидел в крепостях до дек. 1835 г., после чего был обращен на поселение в Баргузин. *Поджио Иосиф Викторович* (1792—1848) явился жертвой происков своего знатного тестя — сенатора, ген.-лейтенанта А. М. Бороздина, в результате которых находился в тюремном заключении до июля 1834 г. Водворен на поселение в Усть-Куду 5 сент. 1834 г.

[100] Н. В. Басаргин имеет в виду русско-иранскую войну 1826—1828 гг. и русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

[101] Свое послание декабристам Пушкин передал А. Г. Муравьевой, которая в начале янв. 1827 г. уехала из Москвы в Сибирь к своему мужу Н. М. Муравьеву.

[102] В другом авторитетном списке стихотворения вместо слова «там» значится «том» (Одоевский А. И. Собрание стихотворений и писем. М.; Л., 1934. С. 151).

[103] Впервые стихотворение «Кн. М. Н. В-ой» было напечатано в 5-й книге «Библиографических записок» за 1861 г., с. 132.

[104] *Анненкова Полина (Прасковья) Егоровна* (урожд. Гебль, 1800—1876) приехала в Читинский острог к И. А. Анненкову в марте 1828 г. Ей принадлежат воспоминания (Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. Пг., 1915).

[105] О побеге П. Высоцкого см.: Дьяков В. А., Кацнельсон Д. Б., Шостакович Б. С. Петр Высоцкий на сибирской каторге (1835—1836) // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1979. Вып. 4.

[106] Басаргин забыл дату начала пешего перехода декабристов из Читы в Петровский завод. Первая партия покинула Читу 7 авг. 1830 г., вторая — 9 авг. К месту назначения декабристы пришли 23 сент., пройдя свыше 650 км.

[107] Речь идет о братьях Александре Петровиче и Петре Петровиче Беляевых.

[108] Речь идет об Андрее Ивановиче и Петре Ивановиче Борисовых.

[109] *Фишер Федор Богданович* (1782—1854), ботаник, адъюнкт-профессор Московского университета (1812—1823), затем директор императорского ботанического сада, академик. Ему принадлежит описание многих новых видов растений.

[110] *Карамзин Николай Михайлович* (1766—1826), писатель-сентименталист, публицист, историк. Автор «Истории государства Российского» (в 12 томах, 1816—1829).

[111] *Батюшков Константин Николаевич* (1787—1855), русский поэт-романтик.

[112] Декабристу *С. Г. Волконскому* (1788—1865) принадлежат очень интересные воспоминания, в которых центральное место занимает рассказ о военных событиях 1805—1814 гг. (Записки Сергея Григорьевича Волконского. Спб., 1902).

[113] *Муравьев Михаил Никитич* (1757—1807), общественный деятель, писатель. В 1785 г. был приглашен Екатериной II преподавателем к вел. кн. Александру и Константину Павловичам по словесности, истории и нравственной философии. В 1800 г. назначен сенатором, в 1801 г. Александр I определил его секретарем в собственный кабинет для принятия прошений. В 1802 г. назначен товарищем министра, с 1802 г. одновременно являлся попечителем Московского университета. Организовал при университете ряд научных обществ, хирургический, клинический, повивальный (акушерский) институты, ботанический сад, музей натуральной истории. Принимал участие в выработке нового устава университета. Яркий представитель сентиментализма в русской литературе; автор «Эклоги», «Басен в стихах», «Похвального слова Ломоносову». Полные собрания его сочинений в стихах и прозе издавались в 1819—1820, 1847, 1857 гг.

[114] *Уваров Сергей Семенович* (1786—1855), ученый, государственный деятель, гр. (1846), почетный член Петербургской академии наук (1811). Занимался классической древностью и археологией. В 1811—1822 гг. попечитель Петербургского ученого округа. В 1810-х—начале 1820-х гг. общался с К. Н. Батюшковым, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, Н. И. Гнедичем, братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми, входил в литературное общество «Арзамас». В 1818—1855 гг. президент Академии наук. В годы царствования Николая I — один из столпов реакции. С его именем связано оформление теории официальной народности. С 1832 г. товарищ министра, в 1837—1849 гг. министр народного просвещения.

[115] *Оленин Алексей Николаевич* (1763—1843), археолог, историк, палеограф, художник, член Государственного совета. С 1804 г. почетный член Академии художеств, с 1817 г. ее президент. С 1841 г. директор Петербургской публичной библиотеки. Им написан ряд работ, из которых наиболее известны «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне тмутараканском...» (Спб., 1806), положившее начало научной палеографии и эпиграфике, «Рязанские русские древности...» (Спб., 1833) и «Опыт об одежде, оружии, нравах и степени просвещения славян...» (Спб., 1832). Составил план издания летописей («Краткое рассуждение об издании полного собрания деписателей» // Сын отечества, 1844. Т. 12. № 7).

[116] *Панин Никита Петрович* (1770—1837), которого в данном случае имеет в виду Басаргин, был одним из ярких представителей аристократической оппозиции. В 26 лет стал ген.-майором. В 1797 г. перешел на дипломатическую службу. Был посланником в Берлине, в 1799 г. назначен вице-канцлером. В конце 1800 г. по приказу Павла I был уволен от должности и сослан в свое подмосковное имение. Явился одним из вдохновителей заговора против Павла I, хотя непосредственного участия в нем не принимал (Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 135). После воцарения Александра I был возвращен из ссылки и восстановлен в должности вице-канцлера, но вскоре ушел в отставку. Согласно авторитетным свидетельствам, Н. П. Панин составил конституционный проект, направленный на ликвидацию в России «дикой неурядицы падишахского управления» (там же, с. 126). Пользовался большим уважением у декабристов.

[117] 27 июля 1830 г. в Париже вспыхнуло вооруженное восста-

ние, которое явилось следствием тяжелого положения трудящегося люда, испытавшего на себе промышленный кризис и неурожаи 1828—1829 гг. Главной движущей силой восстания были рабочие и ремесленники, получившие поддержку мелкой и средней буржуазии, а также радикальной части интеллигенции (особенно студенчества). 29 июля восставшие овладели Тюильрийским дворцом. Власть в столице перешла в руки «муниципальной комиссии», в состав которой входили представители умеренно-либерального крыла крупной буржуазии (генерал Лабо, банкиры Ж. Лаффит и К.-П. Перье, а также командующий Национальной гвардией М.-Ж. Лафайет). Династия Бурбонов была свергнута. 2 авг. Карл X отрекся от престола, а 7 авг. королем Франции был провозглашен герцог Луи Орлеанский, тесно связанный с крупной финансовой и земельной буржуазией.

[118] Во время пребывания в должности хозяина артели Басаргин вел точный учет сумм, вносимых ее членами. В архивном деле под названием «Записи прихода и расхода денег по артели, организованной декабристами на Петровском заводе за 1829—1839 гг.» содержатся весьма интересные сведения. Судя по «Записям», больше всех в фонд артели внес с июля 1829 по март 1837 г. С. Г. Волконский — 15 319 р. 57 к. «Записи» высвечивают еще один любопытный аспект. С. П. Трубецкой начал вносить в артель деньги только с 1833 г. Вероятно, это было следствием некоторой отчужденности по отношению к нему декабристов в первые годы их пребывания в Чите и Петровском заводе.

[119] Восстание в Польше началось 29 нояб. 1830 г. и закончилось поражением восставших 8 сент. 1831 г.

[120] Свадьба В. П. Ивашева с *Камиллой Петровной Ледантю* (1808—1839) состоялась 16 сент. 1831 г. (*ВД*. Т. 8. С. 320. Ср.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 172—176). Об их романтических отношениях очень прочувствованно, но с большими фактическими ошибками написал А. И. Герцен в «Былом и думах» (*Герцен*. М., 1956. Т. 8. С. 59—61. Ср.: Буланова О. К. Роман декабриста. М., 1925).

[121] Поручики Литовского пионерного батальона Александр Иванович Вегелин и его двоюродный брат Константин Густавович Игельстром являлись членами тайного Общества военных друзей и по приговору военного суда от 15 апр. 1827 г. были сосланы на каторжную работу в Сибирь сроком на 10 лет. Каторгу отбывали вместе с декабристами в Чите и Петровском заводе. По указу 8 нояб. 1832 г. обращены на поселение вместе с поименованными мемуаристом декабристами.

[122] Действительно, память изменила мемуаристу. А. Г. Муравьева умерла 22 нояб. 1832 г., а А. С. Пестов — 25 дек. 1833 г.

[123] Дочь Муравьевых — *Софья* (Нонушка), в замужестве *Бибикова* (1826—1892).

[124] У бабушки жили умственно неполноценная *Екатерина* (1824—1870) и вторая дочь Муравьевых — *Елизавета*, умершая в девические годы.

[125] О каком Шишкове идет речь, неизвестно.

[126] В конце XVIII в. в Оренбурге возник кружок, имевший первоначально масонский характер. В начале 1820-х гг. он превратился в тайное общество, напоминающее декабристские организации. Во главе его стояли директор оренбургской таможни П. Е. Ве-

личко, а после его смерти чиновник и писатель П. М. Кудряшов. Он «завербовал нескольких молодых людей, служивших в тамошнем гарнизоне» (*ПЗ*. 1862. Кн. 7. Факсимильное издание. М., 1968. С. 92). Среди них были портупей-прапорщик *Василий Павлович Колесников* (1803 — после 1874), впоследствии автор «Записок несчастного, содержащих путешествие в Сибирь по канату» (последнее издание — Челябинск, 1975); прапорщик *Дмитрий Петрович Таптиков* (около 1797 — после 1862), *Хрисанф Михайлович Дружинин* (1808 — после 1862) и некоторые другие. Все они стали жертвами провокации Ипполита Иринарховича Завалишина, сосланного в начале 1827 г. в оренбургский гарнизон солдатом. По его доносу в апр. 1827 г. члены оренбургского кружка были арестованы и преданы военному суду. 12 авг. 1827 г. Николай I подписал приговор, по которому Колесникова, Таптикова и Дружинина осудили на каторжные работы в Сибирь сроком от 3 до 6 лет. Такая же судьба постигла и провокатора-доносчика И. И. Завалишина. Все они отбывали наказание вместе с декабристами вначале в Чите, а затем в Петровском заводе.

[127] *Кучевский Александр Лукич* (около 1780—1871), майор Астраханского гарнизонного полка; был арестован 13 янв. 1822 г. по подозрению в антиправительственной деятельности. Ему вменили в вину составление тайного общества в Астрахани, за что военным судом 13 янв. 1827 г. он был лишен чинов, дворянства и сослан на каторжные работы в Нерчинские рудники. После неудавшегося заговора (Нечкина М. В. Заговор в Зерентуйском руднике // В сердцах Отечества сынов. Иркутск, 1975) И. И. Сухинов переведен в Петровский завод. С 1839 г. на поселении в Тугуевской слободе. О Сосиновиче данных нет.

[128] *Сулима Николай Семенович* (1777—1840), ген.-лейтенант. Участвовал в войнах против Наполеона, в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. и в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. В 1833—1835 гг. был ген.-губернатором Восточной, а в 1835—1837 гг. — Западной Сибири. *Броневский Семен Богданович* (1786—1858), ген.-лейтенант, сенатор. С янв. 1835 по 1837 г. был ген.-губернатором и командующим войсками Восточной Сибири.

[129] *Чевкин Константин Владимирович* (1802—1875), ген.-адъютант, начальник штаба Горного корпуса (1834—1845), сенатор (1845), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями, председатель Департамента государственной экономии Государственного совета (1863—1871), председатель комитета по делам Царства Польского (с 1872 г.). *Бахговут Александр Федорович* (1806—1883), ген. от кавалерии, участник русско-иранской войны 1826—1828 гг.; участвовал в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. и национально-освободительного движения в Венгрии (1849). В Крымской войне командовал всей русской кавалерией.

[130] У Ивашевых остались дети: *Мария* (1835—1897), в замужестве Трубникова, *Петр* (1837—1896) и *Вера* (1839—1897), в замужестве Черкесова.

[131] Имеется в виду *Джордж Вашингтон* (1732—1799), первый президент США (1789—1797), командующий армией колонистов в борьбе за независимость в Северной Америке, приведшей к ликвидации английского колониального господства и провозглашению

независимости страны; председатель конвента по выработке конституции США.

[132] *Ребиндер Григорий Максимович* — жандармский полковник, назначенный в 1838 г. после смерти ген.-майора С. Р. Лепарского комендантом Петровского завода. В начале 1840-х гг. комендант г. Николаева Херсонской губ. *Казимирский Яков Дмитриевич* — с 1838 г. плац-майор Петровского завода. Впоследствии начальник жандармского округа в г. Омске, ген.-майор. Состоял в дружеских отношениях со многими декабристами. *Лепарский Осип Адамович* — племянник С. Р. Лепарского, плац-майор Петровского завода. После смерти дяди уехал в Европейскую Россию. Умер в 1876 г.

[133] В официальной справке за янв. 1843 г. о поведении Басаргина говорится: «Из каторжной работы на поселении с 1836 года, сначала в городе Туринске, потом в 1842 году переведен в город Курган. Занимается чтением духовных книг, ведет себя хорошо, в образе мыслей скромен» (*ЦГВИА*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13174. Л. 1).

[134] *Горский Осип-Юльян Викентьевич* (1766—1849), с 1804 г. на военной службе юнкером. Отличился в Отечественной войне 1812 г., имел награды. В 1819 г. назначен кавказским вице-губернатором и произведен в статские советники, но в 1822 г. за злоупотребления уволен со службы. Не будучи декабристом, Горский 14 дек. 1825 г. оказался, имея при себе пистолет, «в толпе восставших». Хотя мотивы поведения Горского на Сенатской площади были неясны, в ночь с 14 на 15 дек. он был арестован. На следствии давал противоречивые по содержанию и вызывающие по форме показания. Верховный уголовный суд не вынес Горскому никакого приговора и представил дело на высочайшее усмотрение. 5 марта 1831 г. по состоянию здоровья переведен в Тобольск, а оттуда в Тару. Позднее жил в Омске, где и умер 7 июля 1849 г. Известен как обманщик и авантюрист. Эпизод, о котором рассказывает далее Н. В. Басаргин (конфискация имущества Горского),— скорее всего одна из многочисленных мистификаций, на которые был способен Горский.

[135] *Понятовский Станислав Август* (1732—1798), последний польский король (1764—1795), избран при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II. После третьего раздела Польши отрекся от престола (25 нояб. 1795 г.) и доживал свои дни в России.

[136] *Вельяминов Иван Александрович* (1771—1837), ген. от инфантерии, участник войн с Наполеоном в 1805—1814 гг. С 1827 г. командир Отдельного Сибирского корпуса и ген.-губернатор Западной Сибири.

[137] *Горчаков Петр Дмитриевич* (1789—1868), ген. от инфантерии, командир Отдельного Сибирского корпуса и ген.-губернатор Западной Сибири (1837—1851).

[138] Начальником III отделения и шефом жандармов в 1826—1844 гг. был ген.-адъютант А. Х. Бенкендорф, а после его смерти, до 1856 г., кн. *Алексей Федорович Орлов* (1786—1861).

[139] Вероятно, речь идет об *Александре Федоровиче Голицине* (1796—1864), который в царствование Николая I был председателем комиссии прошений на высочайшее имя.

[140] Среди неопубликованных сочинений Н. В. Басаргина, хранящихся в фонде Якушкиных, имеется статья «Об устройстве железной дороги от г. Тюмени до р. Камы» (*ЦГАОР*. Ф. 277. Оп. 1.

Д. 179), в которой излагается проект постройки названной магистрали и обосновываются экономические выгоды от его осуществления.

[141] Общества трезвости стали создаваться в России с авг. 1858 г. вначале в Виленской и Ковенской губ., а затем распространились на 32 северо-западные, центральные и поволжские губернии. Они были по сути организованным протестом податного сословия против откупной системы в связи с повышением косвенного налога на водку и вылились в так называемое трезвенное движение, ставшее одним из проявлений антикрепостнической борьбы масс. С мая 1859 г. крестьяне и городские низы от отказа употреблять водку перешли к разгрому питейных заведений. Активные действия происходили в 15 губерниях, где трезвенное движение было усмирено при участии войск. 780 зачинщиков были преданы военному суду, наказаны шпицрутенами и сосланы в Сибирь. Под непосредственным влиянием трезвенного движения указом от 26 окт. 1860 г. объявлялось об отмене откупной системы с 1 янв. 1863 г.

[142] В *ЦГАОР* (ф. 279, оп. 1, д. 180) имеется черновик «Отдела IV» под названием «Записки Н. В. Басаргина о Крымской войне и внешней политике России».

[143] Н. В. Басаргин имел в виду Крымскую войну 1853—1856 гг.

[144] Речь идет о восстании на Сенатской площади Петербурга 14 дек. 1825 г.

[145] Очень эмоционально и психологически точно воспроизвел А. И. Герцен сцену коронации 19 июля 1826 г. Николая I в статье «К нашим», опубликованной в первой книге *ПЗ* (авг. 1855 г.). В этот день «победу Николая над пятью,— писал Искандер,— торжествовали в Москве молебствием. Середь Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства. Вся царская фамилия молилась, около нее сенат, министры, а кругом на огромном пространстве стояли густые массы гвардии, коленопреклоненные, без кивера, и тоже молились; пушки гремели с высот Кремля. Никогда виселицы не имели такого торжества; Николай понял важность победы!» (*Герцен*. М., 1959. Т. 12. С. 299—300. Ср.: Т. 8. С. 62).

Акцент Басаргина на торжественном обряде коронования в Москве Николая I после казни пяти декабристов мог быть сделан под впечатлением чтения *ПЗ*, экземпляр которой был в Ялуторовске у И. Д. Якушкина (Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 177—178, 624—625).

[146] Русско-иранская война в царствование Николая I началась 16 июля 1826 г. нападением 30-тысячной армии под командованием Абасса-Мирзы, сына шаха, на пограничные земли России. Однако в ходе военных действий инициатива перешла к русской армии, которая в конце 1827 — начале 1828 гг. захватила Тебриз, Урмию и Ардебиль. Под угрозой полного разгрома шах Ирана Фетх-Али капитулировал.

[147] Мирный договор между Россией и Ираном при Николае I был подписан 10(22) февр. 1828 г. в д. Туркманчае (недалеко от Тебриза). В его составлении принимал непосредственное участие А. С. Грибоедов. Согласно Туркманчайскому договору к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханство и новая граница устанавливалась по р. Аракс. Кроме того, на Иран была наложена контрибуция в размере 20 млн. рублей.

[148] Наваринское морское сражение состоялось 8(20) окт. 1827 г.

между турецко-египетским флотом (82 корабля) под командованием Ибрагима-паши и объединенной эскадрой, состоявшей из кораблей Англии (командующий вице-адмирал Э. Кодрингтон), России (командующий контр-адмирал Л. М. Гейден) и Франции (командующий контр-адмирал А. Г. де Риньи) в составе 26 боевых единиц. Н. В. Басаргин неточно изложил фактическую сторону событий и совершенно неправильно оценил ход и результаты сражения. Корабли Англии, России и Франции были направлены к берегам Эллады для того, чтобы добиться от правительства Турции посредством военного нажима исполнения условий Лондонской конвенции 1827 г. о предоставлении Греции автономии. Возглавивший союзническую эскадру вице-адмирал Э. Кодрингтон имел приказ нейтрализовать турецко-египетский флот в Наваринской бухте. С этой целью союзническая эскадра вошла в гавань. Для ведения переговоров был направлен английский офицер-парламентер. Турки убили его и открыли огонь, который вызвал ответные действия союзников. В течение трех часов 55 кораблей из состава флота Ибрагима-паши были уничтожены, а остальные потоплены самими турками. В этом сражении особенно отличился русский флагманский корабль «Азов» под командованием капитана 1-го ранга М. П. Лазарева, экипаж которого геройски вел бой против пяти кораблей противника и победил их. В результате Наваринского сражения была подорвана военно-морская мощь Турции, что способствовало, с одной стороны, успеху национально-освободительной борьбы греческого народа, а с другой — победе России в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

[149] Русско-турецкая война второй четверти XIX в. продолжалась с 14(26) апр. 1828 г. по 2(14) сент. 1829 г.

[150] Мемуарист имел в виду занятие войсками генерала И. Ф. Паскевича на Кавказе в июле—авг. 1828 г. крепостей Карс, Ахалцих, Баязет, а в начале 1829 г. — Поти и Ардаган. Войска под командованием генерала И. И. Дибича 8(20) авг. 1829 г. взяли Адрианополь и стали реально угрожать Константинополю, в силу чего султан Махмуд II запросил мира.

[151] Согласно Адрианопольскому мирному договору, подписанному 2(14) сент. 1829 г., к России отошли на Кавказе Ахалцихский пошалык с крепостью Ахалкалаки и побережье Черного моря от устья р. Кубани до порта св. Николая. Кроме того, Греция получила независимость, а Сербия, Молдавия и Валахия — автономию. При этом Россия под давлением европейских держав вернула Турции все территории, захваченные у нее в Болгарии и Румелии.

[152] Н. В. Басаргин с полным основанием бросил Николаю I гневный упрек в том, что он не предпринял серьезных мер к ликвидации крепостного права, ограничившись лишь одними разговорами. Мемуарист, скорее всего, не знал о его беседе в 1834 г. с П. Д. Киселевым, во время которой царь демагогически заявил: «Я со вступления моего на престол собрал все бумаги, относящиеся до процесса, который я хочу вести против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи» (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Спб., 1888. Т. 2. С. 20). В течение 30-летнего царствования Николая I один за другим начиная с 6 дек. 1826 г. создавались секретные комитеты по крестьянскому вопросу, дея-

тельность которых не дала реальных результатов (Дружинин Н. М. Антикрепостническое движение. 1826—1850. Внутренняя политика // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1960. Т. 4. Гл. 4). А ведь то, что «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством», как писал А. Х. Бенкендорф во всеподданнейшем отчете III отделения за 1839 г., знали все в правительстве. В речи, произнесенной на заседании Государственного совета в марте 1842 г., Николай I сказал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным» (Сб. Российского исторического общества. Спб., 1896. Т. 98. С. 114). Николай I так и не решился всерьез изменить положение в русской деревне, и в первую очередь положение помещичьих крестьян.

Характеристика политики Николая I по крестьянскому вопросу, данная Басаргиным, созвучна ее оценке Герценом. Разоблачая рабско-верноподданническое утверждение автора анонимного послания к нему от 13 марта 1854 г., гласившее, что Николай I якобы «только о том и кручинится, чтоб освободить крестьян», Искандер с едким сарказмом возражал: «Согласитесь, что он был воздержаннее Сципиона [известного римского полководца *Публия Корнелия Африканского* (ок. 235—183 до н. э.), в течение многих лет готовившегося к Пуническим войнам и ведшего длительные дипломатические переговоры с царем Сирии Антиохом III.—*И. П.*], не давши в продолжение тридцати лет волю своему желанию, что, конечно, стоило бы меньше его отеческому сердцу, нежели перекрещивание униат и терзание Польши» (*Герцен*. Т. 12. С. 292). Ответ «анониму» был напечатан в 1-й книжке *ПЗ* за 1855 г., которую Е. И. Якушкин привез в Ялуторовск, и, следовательно, Басаргин мог его знать.

153 «Пусть погибнет Россия, лишь бы власть оставалась неограниченной и нерушимой» — таков в передаче Герцена девиз деспотизма в царствование Николая I. «Он властвует, чтобы властвовать,— писал Герцен,— <...> его цель увеличение императорской власти» (*Герцен*. М., 1956. Т. 7. С. 201; 324—325). По меткому определению А. Е. Преснякова, правление Николая I было апогеем самодержавия (Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925).

154 Стремление к гегемонизму в Европе было свойственно русскому самодержавию со времени злополучного Священного союза (1815—1830). В 1830—1840-х гг. усилиями Николая I Россия была превращена в жандарма Европы (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.1. С. 269). Об усилении влияния и роли Николая I на европейские дела в 1840-е гг. писали К. Маркс и Ф. Энгельс. «В период революции 1848—1849 гг. не только европейские монархи,— отмечали они,— но и европейские буржуа находили в русском вмешательстве единственное спасение против только что собравшегося с силами пролетариата. Царя провозгласили главою европейской реакции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 305).

Обращение Басаргина к одному из главнейших героев древнегреческого эпоса — Агамемнону и имело целью показать господствующее положение Николая I в Европе до Крымской войны.

155 Джаггернаут — европейская транскрипция имени Джаган-

натха (мировладыки), одного из богов религии индусов. Ему посвящено 24 праздника, из которых главный отмечается в июле, когда скульптурное изображение Джаганнатха вывозится на громадной 16-колесной колеснице. Религиозные фанатики, попадающие под колеса последней, гибнут, раздавленные ею. Использование Басаргиным индусской религиозной мифологии объясняется желанием мемуариста выразительно и эмоционально раскрыть деспотизм и жестокость «незабвенного» (о культе Джаганнатха см.: Невелева С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса. М., 1975; Рукавишникова Н. Ф. Колесница Джаганнатха: (Рассказы о странах Востока). М., 1983).

[156] Характеризуя николаевское царствование, Герцен писал: «На поверхности официальной России, «фасадной империи», видны были только потери, жестокая реакция, бесчеловечные преследования, усиление деспотизма. В окружении посредственностей, солдат для парадов, балтийских немцев и диких консерваторов, виден был Николай, подозрительный, холодный, упрямый, безжалостный, лишенный величия души — такая же посредственность, как и те, что его окружали». При Николае I «министерства превратились в конторы, их главы и высшие чиновники стали дельцами или писарями <...>. Большие знатоки всевозможных формальностей, холодные и нерассуждающие исполнители приказов свыше, они были преданы правительству из любви к лихоимству <...>. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая пошлость!» (*Герцен.* Т. 7. С. 209—210).

[157] Наиболее типичным представителем такого рода сановных лихоимцев являлся главноуправляющий в 1842—1855 гг. путями сообщения и публичными зданиями. *П. А. Клейнмихель* (1793—1869), ближайший сподвижник и друг Николая I, наживший на злоупотреблениях при строительстве железной дороги Петербург—Москва огромное состояние.

[158] О жестоких преследованиях в царствование Николая I всех инакомыслящих очень ярко написал Герцен. «Ужасный, скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель — всех их толкает в могилу неумолимый рок. История нашей литературы — это или мартиролог, или реестр каторги...

Рылеев повешен Николаем.
Пушкин убит на дуэли, тридцати восьми лет.
Грибоедов предательски убит в Тегеране.
Лермонтов убит на дуэли, тридцати лет, на Кавказе.
Веневитинов убит обществом, двадцати двух лет.
Кольцов убит своей семьей, тридцати трех лет.
Белинский убит, тридцати пяти лет, голодом и нищетой.
Полежаев умер в военном госпитале, после восьми лет принудительной солдатской службы на Кавказе.
Баратынский умер после двенадцатилетней ссылки.
Бестужев погиб на Кавказе, совсем еще молодым, после сибирской каторги» (*Герцен.* Т. 7. С. 208).

Список жертв Николая I можно было бы продолжить.

[159] Речь идет о вел. кн. *Константине Николаевиче* (1827—1892), который с 1853 г. был исполняющим обязанности, а с 1855 г. стал управляющим морским министерством.

[160] Автор имеет в виду тайные общества декабристов Северное и Южное, хотя говорит о них как о едином целом.

[161] 31 янв. 1826 г. согласно именному указу Николая I в составе его собственной канцелярии было создано II отделение, главная задача которого заключалась в систематизации и обнародовании законодательных документов. Николай I полагал, что кодификация законов в обстановке кризиса феодально-крепостнической системы укрепит государственный и общественный строй России.

В основном подготовка к изданию «Полного собрания законов Российской империи» (*ПСЗ*) была проведена М. М. Сперанским и завершена опубликованием в 1830 г. М. М. Сперанский проделал огромный объем работы, собрав в государственных учреждениях и архивах 30 600 документов, начиная с Соборного уложения Алексея Михайловича (1649) до 12 дек. 1825 г., которые составили 45 томов (Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М., 1981. С. 147—150). На основе ПСЗ для практических нужд был подготовлен и в 1832 г. издан 15-томный «Свод законов Российской империи», куда вошли лишь действующие законы.

17 янв. 1833 г. на заседании Государственного совета Николай I сказал, что цель кодификации «не созидать новых законов, но привести в порядок старые» (там же, с. 151).

Герцен справедливо писал о том, что «свод законов, изданный Николаем,— лучшее свидетельство отсутствия принципов и единства в имперском законодательстве. Этот свод представляет собою собрание всех существующих законов, это смесь распоряжений, повелений, указов, более или менее противоречивых, которые гораздо лучше выражают характер государя или интересы дня, нежели дух единого законодательства» (*Герцен.* Т. 7. С. 197).

Естественно, проведенная М. М. Сперанским в царствование Николая I систематизация законов ни в коей мере не изменила самой сущности самодержавной власти и ее прерогативов.

[162] Министерство государственных имуществ во главе с П. Д. Киселевым было учреждено в 1837 г. и явилось важнейшей составной частью реформы государственной деревни.

[163] Хотя Басаргин не назвал имен лиц, пострадавших за свое «вольнодумство», он совершенно верно охарактеризовал сущность карательной политики Николая I. Достаточно вспомнить имена А. И. Полежаева, братьев Критских, Н. П. Сунгурова, П. Я. Чаадаева, Н. И. Надеждина, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Т. Г. Шевченко, И. С. Аксакова, М. В. Буташевича-Петрашевского, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и многих других, чтобы отчетливо представить, как жестко преследовал «царь-капрал» своих идейных противников.

[164] Задачи III отделения были сформулированы его первым главноуправляющим и шефом корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфом в отчете на имя царя за 1826—1833 гг. Они заключались «в наблюдении за общим мнением, в открытии злоупотреблений сокровенных, в обнаружении страждущей невинности или преступления ненаказуемого» (*ЦГАОР.* Ф. 109. Оп. 223. Д. 1. Л. 45—45 об.). Еще более политически точно назначение III отделения определено в специальной «Исторической записке» о его деятельности, написанной 20 нояб. 1850 г. в связи с 25-летним юбилеем «резиденции у Цепного моста». Высшая полиция,— говорится

в «Записке», — «с одной стороны, обнимает важнейший предмет — безопасность престола и спокойствие государства, а с другой — устроена по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям и имеет обязанность между прочим следить за общим мнением и толками насчет правительства» (*ЦГАОР.* Ф. 109. Оп. 221. Д. 1-а. Л. 1).

А. И. Герцен называл III отделение и корпус жандармов, составлявшие при Николае I высшую политическую полицию, «вооруженной инквизицией, полицейским масонством, имевшим во всех уголках империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев слушающих и подслушивающих» (*Герцен.* Т. 7. С. 211).

[165] О доброте и гуманности А. Х. Бенкендорфа и А. Ф. Орлова у Басаргина сложилось явно превратное представление.

[166] См. примеч. 117. Отзвуками на события июльской революции 1830 г. во Франции были выступления трудящихся масс и буржуазии с лозунгами социальной свободы и национальной независимости в авг. 1830 г. в Бельгии, Гессене, Саксонии, Баварии, Брауншвейге, входивших в состав Германского союза, в Италии и Польше.

[167] Восстание в Польше в 1830—1831 гг. продолжалось немногим более девяти месяцев (см. примеч. 119). Руководители восстания, принадлежавшие к аристократическим верхам, не ставили задачу решить социальные проблемы, и прежде всего аграрный вопрос. Но восстание имело и прогрессивное международное значение, поскольку встало на пути замышляемой Николаем I интервенции во Францию и содействовало развитию революционного и национально-освободительного движения в Европе.

[168] 14(26) февр. 1832 г. Николай I подписал «Органический статут Королевства Польского», который подвел политические итоги неудачного восстания 1830—1831 гг. Согласно «Статуту», устанавливалась неразрывная связь Королевства Польского с Российской империей, отменялся акт специальной коронации русского царя в Варшаве, ликвидировался сейм и отдельная польская армия. Вся полнота власти сосредоточивалась в руках наместника, насаждавшего в польской административной системе нормы и порядки Российской империи.

[169] Так называется французский гражданский кодекс, в разработке которого принимал участие Наполеон I. Кодекс был утвержден 21 марта 1804 г. законодательным корпусом Франции. В нем провозглашались буржуазные принципы формального равенства граждан перед законом, гарантировалась охрана частной собственности и поощрялось капиталистическое предпринимательство. Защищая интересы крупной буржуазии, кодекс, по сравнению с феодальными правовыми нормами, действовавшими до Великой французской революции 1789—1794 гг., все же являлся прогрессивным юридическим документом. До 1814 г. кодекс Наполеона был введен в Великом герцогстве Варшавском, но после 1832 г. по сути дела неофициально заменен российскими судебно-правовыми законоположениями.

[170] Осенью 1831 г. произошел конфликт между султаном Турции Махмудом II и его вассалом египетским пашой Мехмедом-Али, отказавшимся повиноваться своему сюзерену. Сын паши Ибрагим в мае 1832 г. захватил г. Акку и, разбив турецкие войска, овладел

всей Сирией. Египетская армия стала угрожать Константинополю. Турецко-египетский конфликт из феодальной распри перерос в очень острую международную проблему, которая захватила Францию, поддерживавшую Египет, а также Англию и Россию, стремившихся укрепиться в Турции. В окт. 1832 г. турецкое правительство обратилось к Англии с просьбой оказать помощь военными кораблями. Но последняя, боясь вызвать этим усиление активности России в Малой Азии, не удовлетворила просьбу султана.

[171] 2 февр. 1833 г. турецкое правительство через русского посла в Порте А. П. Бутенева обратилось к Николаю I за помощью. 20 февр. 1833 г. русская эскадра в составе девяти кораблей под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева вошла в Босфор. В начале апр. 1833 г. около 14 тысяч русских солдат высадились на азиатском берегу Босфора недалеко от Константинополя. Царское правительство поставило в известность султана, что русские войска останутся в Турции до тех пор, пока Ибрагим-паша не уйдет за Тавр. «Это решение императора,— говорилось в дипломатическом документе,— бесповоротно. Оно в интересах султана и императора» (Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 181). Ультиматум Николая I возымел действие, и под дипломатическим давлением Англии и Франции в конце июня 1833 г. войска Ибрагима-паши отошли за Тавр. Но до этого в мае 1833 г. в Кютахии был подписан турецко-египетский договор, по которому к Египту отходили Сирия и Аданский округ. Правда, паша Мехмед-Али взамен признал себя вассалом султана.

[172] 21 дек. 1832 г. войска Ибрагима-паши при Конии разбили турецкую армию под командованием Рашида-паши, попавшего в плен к египтянам. Победа при Конии открывала Ибрагиму-паше дорогу на Константинополь.

[173] 8 июля 1833 г. в летней резиденции султана местечке Ункиар-Искелесси в знак благодарности за оказанную услугу турецкий уполномоченный подписал вместе с А. Ф. Орловым договор сроком на восемь лет, который предоставлял России особые привилегии в проливах, но привел к обострению англо-русских отношений.

[174] В ряду наиболее значительных договоров европейских государств, связанных с решением ближневосточной проблемы, стоят: 1) секретная конвенция России с Австрией, подписанная 18 сент. 1833 г. в Мюнхенгреце, в которой обе договаривавшиеся стороны заявили о своем намерении сохранить в неизменном положении Оттоманскую империю под управлением правившей в ней династии и 2) Лондонская конвенция между Англией, Австрией, Пруссией, Россией и Францией, с одной стороны, и Турцией — с другой, подписанная 13 июля 1841 г. Данная конвенция восстанавливала принцип, которым руководствовалось правительство Турции до Ункиар-Искелесского договора, а именно проливы Дарданеллы и Босфор в мирное время закрывались для военных судов всех стран. Привилегия России была ликвидирована, николаевская дипломатия потерпела поражение.

[175] Речь идет о бредовой, но весьма навязчивой среди некоторых правителей идее завоевания мирового господства.

[176] Казнокрадство и лихоимство были весьма распространенными явлениями даже среди генералитета и высшего чиновничества

России. Басаргин называет два имени, связанных с из ряда вон выходящими служебными злоупотреблениями, которые стали известны и получили скандальный резонанс в правительстве и общественном мнении. Имелись в виду, во-первых, систематическое и наглое казнокрадство в резервном корпусе, командир которого ген.-лейтенант Тришатный и его ближайший сподвижник ген.-лейтенант Добрынин были преданы военному суду «за злоупотребления, следствием которых была непомерная смертность между нижними чинами» (Никитенко А. В. Дневник. Л., 1955. Т. 1. С. 302, 516), и, во-вторых, дело председателя «Комитета о раненых» А. Г. Политковского.

В дневнике А. В. Никитенко под датой 5 февр. 1853 г. написано: «Еще новое и грандиозное воровство. Был некто Политковский, правитель дел комитета 18 августа 1814 года. В комитете накопился огромный капитал в пользу инвалидов. Этот Политковский — камергер, тайный советник, кавалер разных орденов и пр., и пр. Он в течение многих лет крал казенный интерес, пышно жил на его счет, задавал пиры, содержал любовниц. На днях он умер. Незадолго до его смерти открылось, что он украл миллион двести тысяч рублей серебром! Говорят, государь очень огорчен и разгневан. В самом деле, горько видеть такой разврат — и не где-нибудь в глуши, между приказной мелочью, а в кругу людей значительных, в своей столице, чуть не у себя дома» (там же, с. 360).

Николай I, по мнению Е. В. Тарле, «был потрясен не суммой кражи, а тем, что она совершалась много лет подряд, что на роскошных кутежах Политковского присутствовал весь сановный Петербург во главе с Леонтием Дубельтом, фактическим начальником III отделения» (Тарле Е. В. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 73; Любавский А. Русские уголовные процессы. Спб., 1868. С. 101—138). Члены «Комитета о раненых», причастные к казнокрадству, предстали перед военным судом.

[177] *Ермолов Алексей Петрович* (1777—1861), ген. от артиллерии, герой Отечественной войны и заграничных походов, с 1816 г. командовал Отдельным Кавказским корпусом и возглавлял в Тифлисе военную и гражданскую администрацию в Грузии, проводил жестокую колониальную и активную завоевательную политику на Кавказе. Вместе с тем отличался независимостью убеждений и резко отрицательным отношением к аракчеевскому режиму. Николай I не доверял А. П. Ермолову, подозревая его в связях с декабристами, которые прочили «проконсула Кавказа» в состав Временного революционного правления (Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов). В 1827 г. А. П. Ермолов был вынужден уйти в отставку и до конца своих дней оставался не у дел.

[178] Революция 1848 г. во Франции и последовавшие за ней события, о чем идет речь в «Записках» Басаргина, берут начало с демонстрации студентов, рабочих и представителей либерально-оппозиционной буржуазии, состоявшейся 22 февр. На следующий день она переросла в народное восстание, и 24 февр. король Луи-Филипп вынужден был отречься от престола. 4 мая 1848 г. Франция была провозглашена республикой, власть в которой захватила буржуазия. 10 дек. 1848 г. президентом Франции избирается Луи-Наполеон. Однако 2 дек. 1851 г. он совершает госу-

дарственный переворот, а ровно через год провозглашает себя императором под именем Наполеона III. Николай I, приветствовавший переворот 2 дек. 1851 г., который, по его мнению, спас Францию от «красной революции», неодобрительно отнесся к принятию Луи-Наполеоном титула императора. И все же под влиянием правительств Австрии и Пруссии смирился с этим. Революционные события во Франции нашли сочувственный отклик в Германии и Италии.

[179] Под Венгерской кампанией Басаргин имел в виду подавление национально-освободительного и революционно-демократического движения в Венгрии «русским крепостным войском» Николая I. 21 апр. 1849 г. австрийский император *Франц-Иосиф* (1830—1916), не будучи в состоянии своими силами подавить революцию в Венгрии, обратился к Николаю I с просьбой о помощи. По приказу царя 140-тысячная армия под командованием наместника Царства Польского И. Ф. Паскевича двинулась на усмирение восставших. 13 авг. 1849 г. у Вилагоша армия повстанцев, которой командовал генерал Гергей, без боя капитулировала.

[180] Николай I всеми силами противился объединению Германии, кто бы ни возглавлял его. Поэтому 2 авг. 1850 г. по инициативе Николая I представители России, Англии, Франции и Австрии подписали в Лондоне соглашение, которое отвергало притязание Пруссии на Гольштейн, оставляя последний за Данией. 29 нояб. 1850 г. во время конфликта между Австрией и Пруссией из-за Гессена Николай I в г. Ольмюце заставил прусского короля Фридриха-Вильгельма IV подписать соглашение, в котором последний отказывался от захвата Гессенской земли. Это соглашение известно в истории дипломатии под названием «Ольмюцкого унижения».

[181] Николай I был женат на сестре Фридриха-Вильгельма IV (1795—1861), который, таким образом, приходился шурином русскому царю.

[182] Капитан Алексей Гусев создал в интервенционистской царской армии группу сочувствовавших венгерским повстанцам. «Нет никакого смысла,— заявлял он,— проливать русскую кровь, чтобы помочь австрийскому императору — угнетателю славянских народов <...>. Если мы разобьем венгров, мы не освободим славян из-под власти Габсбургской монархии; единственный результат, которого мы добьемся, будет сводиться к тому, что отныне не только славяне, но и венгры также станут рабами немцев. Не за это, а против этого мы должны бороться» (Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. С. 237). В мае 1849 г. А. Гусев и семь его товарищей были арестованы и предстали в Минске перед военным трибуналом. В авг. они были повешены. В настоящее время одна из улиц Будапешта носит имя капитана А. Гусева.

[183] Австрийское правительство заочно приговорило руководителя венгерского национально-освободительного движения к смертной казни и направило султану Турции, куда эмигрировал в авг. 1849 г. *Лайош Кошут* (1802—1894), ноту с требованием выдать его. Такую же ноту послал и Николай I. Однако султан ответил, что мусульманская религия запрещает выдавать гостя. В 1852 г. по приказу Франца-Иосифа в Пеште была совершена символическая казнь Л. Кошута — повешен его манекен. В 1859 г. в Лондоне

Л. Кошут создал венгерский легион, который в составе войск Гарибальди принял участие в борьбе за освобождение Италии.

До конца своих дней Л. Кошут оставался страстным борцом за освобождение Венгрии и непримиримым врагом Габсбургов.

[184] Современники очень хорошо понимали всю надуманность спора о «палестинских святынях» и о ключах храма господня в Иерусалиме. Б. Н. Чичерин в записке, которая имела широкое распространение в рукописных списках в 1855—1856 гг., писал: «Ключи Вифлеемского храма служат предлогом для достижения целей политических» (Чичерин Б. Н. Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки князя С. П. Трубецкого. Спб., 1907. С. 127).

[185] Лорд *Стрэтфорд-Каннинг-Редклиф*, ярый противник русского влияния в Турции. В 1853—1855 гг. посол Великобритании в Константинополе. Еще в 1832 г. был оскорблен Николаем I, отказавшимся принять его послом в Петербурге, и, естественно, на всю жизнь сохранил откровенную неприязнь к русскому царю.

[186] *Меншиков Александр Сергеевич* (1787—1869), кн., военный и государственный деятель, с 1817 г. ген.-адъютант, ген.-квартирмейстер Главного штаба. За участие в подаче царю в 1821 г. записки об освобождении крестьян впал в немилость и в 1824 г. вынужден был уйти в отставку. В 1827 г. назначен начальником Главного морского штаба. В феврале—мае 1853 г. возглавлял дипломатическую миссию в Константинополе, имея чрезвычайные полномочия. В его задачу входило добиться от султана Абдул-Меджида официального признания особых прав русского императора в покровительстве православным подданным Турции и заключения тайной конвенции против Франции. Вел себя крайне высокомерно и вызывающе: потребовал и добился отставки министра иностранных дел Фуада-эфенди, сторонника Франции, неуважительно разговаривал с великим визирем Мехмет-Али и с самим султаном, чем явно провоцировал разрыв дипломатических отношений (Тарле Е. В. Сочинения. Т. 8. С. 143—188). В 1853—1855 гг. являлся главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму. Проявил себя бездарным военачальником и был отстранен от должности. В 1855—1856 гг. ген.-губернатор Кронштадта, в отставке жил в Москве. Во время подготовки крестьянской реформы, фрондируя против сторонников освобождения крестьян с землей, защищал интересы крепостников.

[187] 24 марта 1853 г. Меншиков вручил правительству Турции угрожающую ноту и проект конвенции, в которых содержались ультимативные требования подчинить всех православных подданных Османской империи особому покровительству русского царя, что было равносильно вмешательству в ее внутренние дела. После заседания турецкого дивана в ночь с 13 на 14 мая и следуя совету Стрэтфорда-Редклифа, султан отверг русский ультиматум. 15 мая вечером Меншиков отправил новому министру иностранных дел Рашид-паше ноту, в которой уведомлял, что он вынужден разорвать дипломатические отношения с Высокой Портой, и демонстративно покинул Константинополь. Басаргин, расценивая посольство Меншикова как величайшую ошибку Николая I, полагал, что именно оно привело к войне. В действительности же причиной Крымской войны явились противоречия в Малой Азии между Англией и Францией, с одной стороны, и царской Россией — с другой. По-

ведение Меншикова лишь ускорило уже назревший международный конфликт.

188 4-й и 5-й пехотные корпуса численностью около 82 тысяч солдат и офицеров под командованием М. Д. Горчакова 3 июля 1853 г. вступили в Дунайские княжества.

189 Турецкий султан 9 окт. 1853 г. потребовал в недельный срок вывести русские войска из Молдавии и Валахии. 16 окт. Турция объявила войну России.

190 30 нояб. 1853 г. русская эскадра под командованием П. С. Нахимова в Синопской бухте уничтожила турецкий флот на Черном море. Это поражение Турции ускорило вступление в войну на ее стороне Англии и Франции.

191 А. И. Герцен главным виновником «бесполезной, фантастической, религиозной» Крымской войны считал Николая I, который накликал ее на Русь. «Царь говорит,— писал Герцен 25 марта 1854 г. в обращении к русскому воинству,— что защищает православную церковь. Никто на нее не нападает <...>. Царь ничего не защищает и никакого добра никому не хочет; его ведет гордость, и для нее он жертвует вашей кровью <...>. Он начал войну, пусть же она падет на одну его голову» (*Герцен.* Т. 12. С. 201—202).

192 Действительно, союзные англо-франко-турецкие войска в количестве 62 тыс. человек, не встретив никакого сопротивления, высадились 14 сент. 1854 г. с кораблей около Евпатории.

193 20 сент. 1854 г. состоялось сражение на р. Альме, закончившееся поражением русских войск из-за бездарности генералов, командовавших ими. Затем последовало поражение у Инкерманских высот 5 нояб. 1854 г., открывшее путь союзникам к Севастополю.

194 Н. В. Басаргин подразумевал Парижский мирный договор, подписанный 30 марта 1856 г.

195 Автограф сочинения Басаргина «Мысли о будущности России и ее политике» хранится в *ЦГАОР* (ф. 279, оп. 1, д. 182). Печатается впервые.

Выделение этой части «Записок» в самостоятельное дело является следствием небрежной обработки рукописей Басаргина в архиве. Весьма существенно то обстоятельство, что текст этого сочинения начинается с 241-й страницы, проставленной рукой самого автора, и следует непосредственно за последней, 240-й, страницей IV отдела «Записок». Кроме того, органическая связь «Мыслей...» с «Записками» определяется заключительной фразой IV отдела последних, которая гласит: «Скажу еще несколько слов о том, в чем заключаются эти ожидания с моей стороны и в чем состоит, по моему мнению, истинное назначение России в судьбах всего человечества». Содержание «Мыслей...» полностью отвечает авторскому замыслу и тем самым дает основание для включения их как своеобразного эпилога в состав «Записок».

ЖУРНАЛ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 168

Автограф с многочисленными вставками и поправками Басаргина. Кроме того, в деле находится копия, переписанная двумя неиз-

вестными почерками, но с пропусками и ошибками, связанными с неточным прочтением подлинника.

В том же фонде (д. 182, л. 9 об.— 10) имеется, видимо, предварительная дневниковая запись Басаргина, датируемая октябрем— 18 нояб. 1856 г., которую он впоследствии отредактировал и превратил в начало «Журнала». Рукопись печатается впервые.

[1] На рукописи рукой Басаргина поставлена дата — октябрь 1856 г. Она фиксирует начало написания «Журнала». В дальнейшем «Журнал» в какой-то степени выполнял функции дневника и мемуаров, будучи органически связанным с «Записками» и являясь их своеобразным продолжением.

«Переехавши в Россию и поселясь в деревне, где у меня много свободного времени, а особенно зимою,— писал Басаргин,— я решился продолжать мои записки» (наст. изд., с. 260).

К осени 1859 г. относится запись Басаргина в «Журнале»: «Более четырех месяцев я не прибавлял ничего к моим записям. Летнее время и некоторые занятия по устройству моего жилища и хозяйства отвлекли меня от этого». Судя по содержанию «Журнала», Басаргин писал его до конца нояб. — начала дек. 1859 г., о чем говорят его ссылки на «последний» номер «Московских ведомостей», под которым он имел в виду газету от 22 нояб. (см. примеч. 37), и на четвертую часть статьи В. П. Безобразова, опубликованную в первой ноябрьской книге 24-го тома «Рус. вестника» за 1859 г. (см. примеч. 38).

[2] Речь идет о М. И. Муравьеве-Апостоле.

[3] *Машенька* — племянница Николая Васильевича, дочь его брата *Александра Васильевича Басаргина.*

[4] *Ольга Ивановна* — еще одна племянница декабриста, дочь его второго брата *Ивана Васильевича Басаргина.*

[5] Басаргин очень удачно и точно определил сущность взаимоотношений ялуторовских декабристов, как «какое-то братство — нравственный и душевный союз». Участники этого дружеского кружка не только часто собирались и проводили вместе досуг. Они, по свидетельству И. И. Пущина, выписывали коллективно различные периодические издания, занимались просветительской деятельностью (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 243).

Кроме названных Басаргиным декабристов в Ялуторовске жили вдовы их товарищей А. В. Ентальцева, Д. И. Кюхельбекер (жена М. К. Кюхельбекера) и до 1853 г. В. К. Тизенгаузен, с которыми ссыльные поселенцы поддерживали самые дружеские отношения.

[6] *Арцимович Виктор Антонович* (1820—1893), действ. статский советник. В 1854—1858 гг. был тобольским губернатором, а в 1858—1861 гг. — калужским. С 1862 г. сенатор, с 1863 г. вице-председатель Государственного совета Царства Польского.

[7] *Менделеев Павел Иванович*, младший брат *Дмитрия Ивановича Менделеева* (1834—1907).

[8] *Пелагея* (Полина), дочь умершего в 1844 г. декабриста Николая Осиповича Мозгалевского. С 1848 г. она воспитывалась в семье Басаргина. В 1858 г. вышла замуж за Павла Ивановича Менделеева.

[9] Скорее всего, Басаргин подразумевал старшего сына И. Д. Якушкина *Вячеслава* (1824—1861), который был человеком

болезненным. В письме к Н. Д. Фонвизиной И. И. Пущин писал 16 нояб. 1856 г.: «Послезавтра снимаюсь с якоря. <...> Ты уже знаешь, что Евгений [младший сын И. Д. Якушкина.—*И. П.*] 11-го числа уехал. <...> И. Д. [Якушкин.—*И. П.*] со мной не может ехать. Вячеслав все болен» (Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 316). 8 янв. 1857 г. Басаргин писал из Ялуторовска Е. П. Оболенскому о том, что «здесь они [С. П. Трубецкой и Свербеевы.—*И. П.*] застали одного Якушкина, который все еще не может выехать и вряд ли выедет прежде февраля. Впрочем, Вячеслав, видимо, поправляется, и теперь нужна только одна большая осторожность, чтобы ему привыкнуть на воздухе и не простудиться» (*ИРЛИ*. Ф. 606. № 2).

[10] *Дорохова Мария Александровна* (1811—1887), воспитательница дочери И. И. Пущина, двоюродная сестра декабриста Ф. Ф. Вадковского и З. Г. Чернышева, в конце 40-х — начале 50-х гг. директриса иркутского женского института. Была невестой декабриста П. А. Муханова, который умер 12 февр. 1854 г. накануне свадьбы. В конце 50-х — начале 60-х гг. директриса нижегородского женского института.

[11] Е. И. Якушкин, у которого в то время находился отец — И. Д. Якушкин, давний товарищ Басаргина, проживал по адресу: Мещанская часть, дом Абакумова, недалеко от церкви св. Филиппа.

[12] *Закревский Арсений Андреевич* (1783—1865), гр., командир Отдельного Финляндского корпуса, ген.-губернатор Финляндии (1823—1830), московский ген.-губернатор (1848—1859), реакционер-крепостник.

[13] И. Д. Якушкин в силу правительственного запрета жить в столицах и не имея пристанища, вынужден был принять приглашение друга юности *Николая Николаевича Толстого* (1794—1872) и поселиться в его имении с. Новинки Тверской губ. Там Якушкин прожил до 6 июня 1857 г., когда ему по состоянию здоровья разрешили приехать для лечения в Москву, где он и скончался 11 авг. того же года.

[14] Н. В. Басаргин заблуждался относительно того, что Александр II якобы не знал о полицейском надзоре за амнистированными декабристами и о запрещении им жить в Петербурге и Москве. Все притеснения, которым подвергались вернувшиеся из Сибири «апостолы свободы», делались по распоряжению царя или с его согласия.

[15] Студенческие «беспорядки» в Киевском университете в 1850-е гг. были явлением довольно частым. Они возникали как следствие грубого обращения администрации со студентами или являлись результатом их столкновений с военными. «Какой дух вызывал эти столкновения — вопрос пока не разрешенный,— писал А. Ф. Кистяковский — наблюдательный современник и активный участник студенческих выступлений.— Почему <...> частые столкновения между несколькими военными и несколькими студентами волновали все киевское студенчество, это следует приписать корпоративному духу, господствовавшему тогда между студентами» (Киевская старина. 1895. № 1. С. 11). Попечитель Киевского учебного округа Н. Р. Ребиндер, назначенный на эту должность 12 апр. 1856 г., объяснял студенческие волнения нравственным

упадком молодежи, который относил ко времени управления краем и учебным округом ген. от инфантерии *Д. Г. Бибиковым* (1837—1852). «В его время,— писал Н. Р. Ребиндер,— заметно было стремление подавить всякую мысль, заглушить все благородные человеческие стремления, заставить силою одного страха повиноваться воле главного начальника» (*ЦГИА*. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об. Любезно сообщено В. П. Павловой).

Случай, о котором упоминал Басаргин, произошел в начале апр. 1857 г. Студент-медик Яровицкий, скорее всего защищаясь от опасности быть укушенным, ударил собаку, принадлежавшую полковнику Бриммену. Тот «набросился на студента Яровицкого с бранью, позвал недалеко стоявших около его квартиры дворников и служителей, которые его [Яровицкого.— *И. П.*] схватили, тащили и вообще учинили над ним насилие» (Киевская старина. 1895. № 1. С. 11—12). Физическая расправа над Яровицким вызвала волну возмущения в студенческой среде. На следующий день около 300 студентов, выследив полковника Бриммена, избили его в театре. Вслед за этим последовали аресты зачинщиков. Для разбирательства дела в Киев был послан инспектор Министерства просвещения фл.-адъютант гр. В. А. Бобринский. По приговору специальной следственной комиссии исполнители насилия были приговорены к отдаче в солдаты. Однако Александр II распорядился «виновных, которые уже имели звание лекаря, послать на службу в отдаленные губернии» (там же, с. 12—13). Пострадал некоторым образом и Н. Р. Ребиндер, которого в авг. 1858 г. перевели в Одессу, правда, на ту же должность, а вместо него попечителем Киевского учебного округа назначили Н. И. Пирогова.

[16] *Ребиндер Александра Сергеевна* (1830—1860), старшая дочь С. П. Трубецкого.

[17] Имелась в виду сестра первой жены Н. В. Басаргина — *Софья Яковлевна Мещерская*, в замужестве Бутович.

[18] Как это ни странно, Басаргин единственный из декабристов несправедливо и ошибочно отреагировал на бракосочетание И. И. Пущина с Н. Д. Фонвизиной, которое состоялось 22 мая 1857 г. Нельзя не согласиться с С. Я. Штрайхом, что «пятидесятидвухлетняя Наталия Дмитриевна в браке с Пущиным вовсе не жертвовала собой. <...> Подобно тому, как Пущин в Наталии Дмитриевне, так и Фонвизина искала в нем нравственную поддержку для себя. К Пущину ее влекло и чувство многолетней симпатии» (Штрайх С. Я. Декабрист И. И. Пущин // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. С. 36).

[19] Суть дела изложена в докладной записке декана юридического факультета Московского университета профессора С. И. Баршева, поданной Александру II сразу же после событий. В ней говорилось: «29 сентября [1857 г.—*И. П.*] 13 человек студентов поляков собрались отметить день рождения одного из своих товарищей. Квартальный поручик Симонов и унтер-офицер Сергеев вторглись в квартиру и были оттуда выпровожены силой. Тогда они собрали ночных дворников, каких-то бродяг, взломали двери и избили студентов. Одного из них Симонов за ноги стащил по лестнице вниз. Этим Симонов не ограничился и уговорил частного пристава Морозова с помощью полицейской команды арестовать всех студентов. При этом Симонов поджигал студентов возгласами: «Бей ляхов-бунтовщиков» — и стал бить связанных нагайкой.

В результате избиения четверых студентов, изуродованных и обезображенных, положили в университетскую клинику».

Записка заканчивалась весьма эмоциональной сентенцией: «Оскорбив самым наглым образом студентов и публично опозорив их мундир, полиция в лице их оскорбила весь университет, который и является в этом деле настоящим истцом. Закон карает не только преступников, но и укрывателей преступления. В таком гнусном деле полиция заслуживает примерного наказания» (*ЦГИА*. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 618. Л. 1—2 об.).

Либеральная интеллигенция была возмущена диким разгулом полицейских чинов. 15 окт. 1857 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Общий голос, что молодые люди в этом деле вели себя превосходно. Даже враги университета во всем винят полицию. Все с нетерпением ждут решения государя (Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 461).

Однако в хоре протеста громче всех прозвучал голос «Колокола», издатели которого считали «дело это чрезвычайно важным», поскольку «мы узнаем по нем, что такое в самом деле правительственное направление в России» (*Герцен.* Т. 13. С. 79).

Под воздействием общественного мнения поручик Симонов, квартальный надзиратель Морозов, частный пристав Цвилинев, частный врач Лилеев были отданы под военный суд. Студент Ганусевич, более всего пострадавший, и его товарищи освобождены от ответственности (*ЦГИА*. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 618. Л. 2 об.).

Однако главные виновники полицейского произвола московский обер-полицмейстер ген.-майор А. А. Беринг и его покровитель «московский паша» А. А. Закревский остались в стороне. В связи с этим Герцен опубликовал в «Колоколе» заметку под названием «Москва», в которой писал: «Закревский отстоял Беринга, и он остается московским обер-полицмейстером. Вот вам и либеральный император, вот вам и сила общественного мнения» (*Герцен.* Т. 13. С. 89). И все же под нажимом широкого общественного недовольства Александр II в янв. 1858 г. уволил А. А. Беринга в отставку (*ЛН.* Т. 62. С. 370).

[20] Имелся в виду рескрипт Александра II от 20 нояб. 1857 г. прибалтийскому ген.-губернатору В. И. Назимову, в котором говорилось о необходимости дворянам этого края приступить к составлению проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Вслед за тем последовали рескрипты петербургскому ген.-губернатору *П. Н. Игнатьеву* (1797—1879) и нижегородскому губернатору А. Н. Муравьеву.

По свидетельству современника событий Д. Никифорова, бывшего в то время плац-адъютантом при коменданте древней столицы, «достигшая в Москве весть об адресе виленского дворянства, подавшего его вследствие старания генерал-губернатора Назимова, разразилась над Москвой подобно громовому удару» (Воспоминания Д. Никифорова. Москва в царствование императора Александра II. М., 1904. С. 41).

Первые высочайшие рескрипты, как об этом доносил царю шеф жандармов В. А. Долгоруков, произвели грустное и тревожное впечатление. Хотя, по предварительным слухам, все этого распоряжения ожидали, но, выраженное официально, оно озаботило тех, которые прежде одобряли означенную меру. Большая часть помещиков смотрит на это дело как на несправедливое, по их мнению,

отнятие у них собственности и как на будущее разорение» (*ЦГАОР*. Ф. 109. Оп. 223. Д. 23. Л. 123. Ср.: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 87).

[21] Торжественное собрание — обед в Купеческом клубе Москвы, о котором писал Басаргин,— состоялось 28 дек. 1857 г. На нем присутствовали 180 активных сторонников освобождения крепостных крестьян «сверху». Одним из инициаторов проведения собрания явился К. Д. Кавелин, который загодя приехал для этой цели из Петербурга в Москву. Кроме него в числе активных организаторов обеда были М. Н. Катков, М. П. Погодин и В. А. Кокорев.

По замыслам устроителей обеда — собрания, оно должно было решить две задачи: во-первых, публично продемонстрировать признательность и верноподданнические чувства царю за провозглашение им начала подготовки крестьянской реформы, а во-вторых, содействовать единению представителей различных течений среди либеральной интеллигенции, иначе говоря, по выражению М. Н. Каткова, «примирению и соединению всех литературных партий» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1901. Т. 15. С. 472).

Обед прошел в восторженно-монархическом духе. «Одна мысль, — писал М. Н. Катков,— господствовала в этом собрании, мысль о царе» (Рус. вестник. 1857. Т. 12. Ч. 2. С. 205). С речами-тостами в честь Александра II выступили М. Н. Катков, А. В. Станкевич, Н. Ф. Павлов и К. Д. Кавелин. Уже по окончании обеда вместо заготовленной речи с кратким словом обратился к присутствующим В. А. Кокорев. Подробный отчет о торжественном обеде и текст непроизнесенной речи В. А. Кокорева были опубликованы в журнале «Русский вестник» (1857, т. 12, ч. 2, с. 203—212 и 212—217). Но обед не достиг целей, которые ставили перед ним его организаторы. Он, во-первых, не привел к объединению либеральной интеллигенции, поскольку славянофилы отказались участвовать в нем, а во-вторых, правительство неодобрительно отнеслось к попытке западников активно включиться в решение крестьянского вопроса.

[22] Н. В. Басаргин оказался очень точно информирован о настроениях и действиях А. А. Закревского. Как вспоминал на склоне лет В. А. Кокорев, вскоре после обеда 28 дек. 1857 г. «граф Закревский прислал за мной и наговорил мне в самых желчных выражениях таких страхов и ужасов и таких угроз, что я счел за лучшее выслушать все их молча без всяких возражений» (Кокорев В. А. Воспоминания давно прошедшего // Рус. архив. 1885. № 3. С. 268—269). А. А. Закревский требовал от В. А. Кокорева прекратить всякого рода деятельность, связанную с подготовкой освобождения крестьян.

Однако угрожающее предупреждение ген.-губернатора не остановило В. А. Кокорева. Он почувствовал особый вкус к политическим банкетам, своеобразным манифестациям и 16 янв. 1858 г. устроил у себя дома обед, на который пригласил свыше 100 человек и среди них тех, кто не был 28 дек. 1857 г. в Купеческом клубе. 18 янв. 1858 г. А. А. Закревский доносил В. А. Долгорукову о том, что на обеде 16 янв. Кокорев, а также славянофилы Кошелев и Самарин читали подготовленные речи. Перед окончанием обеда В. А. Кокорев, напомнив, что 19 февр. исполняется трехлетие

царствования Александра II, «предложил для выражения верноподданнической любви и преданности к его величеству собраться в этот день на обед». Это предложение было встречено одобрительно, и сразу же началась подписка на участие в нем (Попельницкий А. З. Запрещенный по высочайшему повелению банкет в Москве 19 февр. 1858 г. // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 202).

Узнав о намерении Кокорева организовать в здании Большого театра грандиозный банкет, на котором предполагалось участие свыше 1000 человек, А. А. Закревский забил тревогу. Московский ген.-губернатор обратился к шефу жандармов за разъяснением, должен ли он «допускать вперед митинги наподобие заграничных и публичные политические обеды с речами об эмансипации, которые, подобно речам Кокорева, не успокаивая умов, только раздражают страсти и тем затрудняют спокойное и разумное обсуждение предложенного ныне дворянству государственного вопроса» (там же, с. 202—203).

В. А. Долгоруков незамедлительно передал донесение А. А. Закревского царю, и Александр II распорядился: «Не дозволять вообще публичных политических собраний или обедов с произнесением речей о государственных вопросах» (Дружинин Н. М. Москва и реформа 1861 г. // История Москвы. М., 1954. Т. 4. С. 25).

На этом закончилась банкетная кампания первых лет царствования Александра II с целью «завоевать умеренную свободу слова» (там же, с. 25).

[23] Вероятно, Басаргин в этом случае основывался на слухах, которые усиленно муссировались в Москве участниками обеда 28 дек. 1857 г. Так, М. Н. Катков писал М. П. Погодину 10 янв. 1858 г.: «Из Петербурга до сих пор слухи благоприятные. Государь выразился о наших речах весьма благосклонно. Они были представлены ему в рукописи. <...> В Москве мнения разделились: одни и очень сильно защищают нашу манифестацию, другие продолжают еще злобствовать» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 15. С. 492). Однако какого-либо официального поощрения выступавшим со стороны царя не последовало.

[24] Текст речи Александра II от 31 авг. 1858 г., обращенной к московскому дворянству, впервые на русском языке был опубликован 21 окт. 1858 г. в № 230 «Санкт-Петербургских ведомостей». Но до этого он появился на французском языке в газете «Le Nord». Вообще выступление Александра II получило широкую огласку, и сразу же текст его стал распространяться в списках. 6 окт. 1858 г. Семевский писал отцу: «Здесь ходит по рукам речь государя московскому дворянству. В благородных сильных словах он сильно распушил их за медлительность и неохоту в крестьянском деле» (*ИРЛИ*. Ф. 274. Оп. 1. Д. 41. Л. 650 об.).

А. И. Герцен с одобрением отнесся к назиданиям царя московскому дворянству. 7 окт. 1858 г. он писал сыну: «Дошла ли до тебя речь Александра II к московскому дворянству? Он их оборвал отлично за то, что они не хотят освобождать, и речь велел напечатать. Если не читал (я думаю, «Nord» у вас есть), я посылаю сегодня» (*Герцен*. М., 1962. Т. 26. С. 214). Под впечатлением выступлений Александра II перед дворянством Нижегородской и особенно Московской губ. Герцен, по всей вероятности, написал предисловие к «Материалам по крестьянскому вопросу», опубликованным в 26-м листе «Колокола» 15 окт. 1858 г. (Порох И. В.

А. И. Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX в. // Дисс. ...доктора ист. наук. Саратов, 1977. С. 246—247).

[25] Басаргин не совсем точно датирует обращение московского дворянства к Александру II с просьбой разрешить «учредить Комитет по крестьянскому делу». Такой адрес был принят 7 янв. 1858 г. на общем собрании предводителей, а также депутатов дворянства Московской губ. и сразу же отправлен царю (Воспоминания Д. Никифорова. С. 60). 16 янв. последовал рескрипт на имя московского ген.-губернатора А. А. Закревского. Однако начал свою деятельность московский комитет по крестьянскому делу только 26 апр. 1858 г.

[26] Басаргин дословно привел текст из книги известного ученого-статистика, географа и историка *Константина Ивановича Арсеньева* (1789—1865) «Начертание статистики Российского государства» (Спб., 1818, ч. 1, с. 106—107), не заключив его в кавычки.

[27] Д. И. Менделеев.

[28] В Нижнем Новгороде Александр II пробыл с 17 по 21 авг. 1858 г. и 19 авг. выступил перед губернским дворянством (Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и деятельность. Спб., 1911. Т. 1. С. 311—312).

[29] В архивных документах Басаргина текст упомянутой записки составляет дело под названием «Об устройстве железной дороги от г. Тюмени до р. Камы» (*ЦГАОР*. Ф. 279. Оп. 1. Д. 179). Суть ее кратко изложена в «Журнале». Кроме того, об этом же Басаргин писал в «Записке о развитии промышленности и торговли в Сибири» (там же, д. 176).

[30] Айгунский договор между Россией и Китаем был подписан 16(28) мая 1858 г. Согласно ему левый берег Амура от истоков р. Аргуни до самого устья закреплялся за Россией.

[31] *Муравьев Николай Николаевич* (1809—1881), ген.-губернатор Восточной Сибири (1847—1861). С его деятельностью связано изучение и освоение Дальнего Востока. В 1854—1855 гг. руководил экспедициями по Амуру вплоть до его устья перед окончательным разделом близлежащей территории между Россией и Китаем. В 1858 г. Н. Н. Муравьев возведен в графское достоинство с присоединением к его фамилии приставки «Амурский». Кроме того, произведен в ген. от инфантерии (Барсуков Н. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. Кн. 1. С. 527—528). С 1861 г. член Государственного совета.

[32] *Гасфорд Густав Христианович* (1794—1874), в 1851—1861 гг. ген.-губернатор Западной Сибири.

[33] Басаргин преувеличивал свободу печати. Если в янв. 1858 г. Главный цензурный комитет разрешил специальными «Правилами» вести печатную полемику относительно проектов освобождения крестьян и по ряду других вопросов «государственной и правительственной деятельности», то в дальнейшем в течение года издал десять секретных распоряжений, ограничивающих эти «Правила». Так, после опубликования в четвертой книжке «Современника» за 1858 г. проекта К. Д. Кавелина 22 апр. того же года последовал циркуляр, предписывающий цензорам не пропускать статьи, «кои могут волновать умы и помещиков и крестьян», и обращать «строгое внимание на дух и благонамеренность сочинений» (Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. М., 1974. С. 40—70).

[34] Басаргин имел в виду австро-итало-французскую войну 1859 г. и ее последствия, связанные с подъемом национально-освободительного движения, направленного на объединение Италии.

[35] По всей видимости, Басаргин имел в виду царский указ от 16 янв. 1858 г., согласно которому уменьшались выплаты на капиталы, внесенные в Опекунские советы, с 5 до 4% (*ПСЗ*. Собр. 2-е. Т. 33. № 32689. С. 46). Мотивировалось это тем, что скапливающиеся в кредитных учреждениях значительные капиталы «не могут доставить надлежащего движения» и быть использованы для развития экономики страны (там же, т. 32, № 32082, с. 604—605).

[36] Откликами на этот указ явились статья Е. И. Ламанского «Вклады в банках или билеты непрерывного дохода? Виды на усовершенствование кредитных установлений» (Рус. вестник. 1859. Т. 20. С. 221—244) и редакционное сообщение в «Экономическом указателе» И. В. Вернадского (вып. 46 от 16/28 нояб. 1857 г., с. 1106—1107).

[37] 22 нояб. 1859 г. в № 278 «Моск. ведомостей» сообщалось о том, что 10 нояб. в Пскове Александр II обратился к местным дворянам с речью, в которой благодарил их за сочувственное отношение к призыву правительства принять участие в подготовке крестьянской реформы. «Теперь это дело,— заявил царь,— <...> подходит к концу».

[38] Статья известного экономиста и публициста *Владимира Павловича Безобразова* (1828—1889), впоследствии академика и сенатора,— «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса» — была опубликована четырьмя частями в 19, 21, 23, 24-м томах «Рус. вестника» за 1859 г. По содержанию она представляет собой изложение взглядов умеренно-либеральной интеллигенции на решение крестьянского вопроса и связанных с ним преобразований в сфере гражданско-политических отношений. Исходный тезис ее гласил: «Упразднение крепостного права, очевидно, влечет за собой преобразование в общественных и государственных условиях жизни не только крестьян, но и помещиков. Если это преобразование совершится в таком направлении, которое будет содействовать улучшению быта крестьян, то оно должно неминуемо сопровождаться улучшением и в быте помещиков» (т. 19, кн. 1, с. 68—69).

Басаргину, вероятно, особенно понравилась конкретная программа решения крестьянского вопроса, выдвинутая В. П. Безобразовым. Она была изложена в следующих шести пунктах: 1 — освободить крестьян и ликвидировать принудительные формы эксплуатации последних (т. 24, кн. 1, с. 31); 2 — размер выкупных платежей должен определяться состоянием помещичьего хозяйства (там же, с. 32); 3 — государство обязано помочь выкупной операции (там же); 4 — освобождение крестьян провести с наделением их землей (там же); 5 — «отказаться от тяжкого гнета всех без изъятия искусственных привилегий вотчинной власти и искать вознаграждение за нее в правильной системе самоуправления» (там же, с. 33); 6 — «приготовить себя и грядущие поколения к исполнению такой задачи успехами умственного развития и воспитанием духа самостоятельности и гражданского характера» (там же, с. 34).

Осуществление выдвинутой программы должно было, по мне-

нию Безобразова, обеспечить естественные потребности русского дворянства, которые, как он считал, «можно назвать и интересами всего русского общества» (там же). Социально-экономическое сочинение Безобразова привлекло внимание Главного цензурного комитета. В специальном цензорском обзоре о нем отмечалось, что притязания автора, лишенные «прочной основы на русской почве, противны всем народным верованиям и убеждениям, наконец, несогласные <...> с общим духом и понятиями самого дворянства, могут волновать лишь людей крайне близоруких или ослепленных страстями. Тем не менее, такие признания, очевидно, терпимы быть не могут, и потому необходимо зорко следить, чтобы они не находили себе пищи даже в общих и отвлеченных рассуждениях по вопросам государственного права (*ЦГИА*. Ф. 869. Оп. 1. 1859. Д. 70. Л. 1—2 об.).

Статья Безобразова вызвала недовольство у Александра II как «несообразная с духом <...> государственных учреждений» (там же). В связи с этим Главный цензурный комитет 23 дек. 1859 г. издал циркуляр, запрещающий публикацию «статей, касающихся прав дворянства» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. Спб., 1862. С. 449—450). За разрешение напечатать статью Безобразова цензор А. Н. Драшусов был по распоряжению царя уволен 31 дек. 1859 г. Герцен, получив сведения о цензурных преследованиях В. П. Безобразова, поместил в разделе «Смесь» 62-го листа «Колокола» от 1 февр. 1860 г. заметку, в которой говорилось: «Правда ли, что В. Безобразову, как некогда Чаадаеву, запретили писать,— отчего не запретили ему думать, быть умным человеком и пр.?» (*Герцен*. Т. 14. С. 234).

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ ДЛЯ КОЛОННОВОЖАТЫХ И ОБ УЧРЕДИТЕЛЕ ЕГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЕ НИКОЛАЕ НИКОЛАЕВИЧЕ МУРАВЬЕВЕ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 169

Беловой автограф с авторской правкой. Опираясь на свидетельство самого Н. В. Басаргина о том, что сорок два года тому назад семнадцатилетним юношей он в 1817 г. приехал в Москву и поступил в школу колонновожатых, можно предположить, что эти воспоминания написаны в 1859 г. Впервые были опубликованы в «Рус. архиве» (1868, кн. 4—5, с. 793—822). Впоследствии дважды переиздавались в составе воспоминаний — в 1917 и 1982 гг.

[1] Училище колонновожатых возникло в Москве по инициативе и на средства генерал-майора Н. Н. Муравьева. Оно образовалось из общества математиков, организованного в 1810 г. его сыном М. Н. Муравьевым, студентом университета. В доме Н. Н. Муравьева частным порядком читались публичные лекции по математике и военным наукам, которые были необходимы офицерам Квартирмейстерской части. В 1815 г. по предложению начальника Главного штаба кн. П. М. Волконского 44 слушателя муравьевских

лекций после сдачи экзаменов были аттестованы офицерами и приняты на службу колонновожатыми. В 1816 г. курсы Н. Н. Муравьева преобразовали в Московское учебное заведение для колонновожатых, которое хотя и оставалось по-прежнему на его содержании, но получило значение государственного учреждения, так что все преподаватели и учащиеся считались состоявшими на военной службе. В 1816—1823 гг. училище окончило 138 человек. В 1823 г. Н. Н. Муравьев по состоянию здоровья отказался от заведования училищем. Оно было переведено в Петербург и просуществовало до 1826 г. Училище заложило учебно-организационные основы созданной 26 нояб. 1832 г. императорской военной академии Генерального штаба.

[2] *Муравьев Николай Николаевич* (1768—1840), ген.-майор, общественный деятель, писатель, отец А. Н. Муравьева — организатора Союза спасения, писателя Андрея Николаевича Муравьева, Н. Н. Муравьева-Карского, а также М. Н. Муравьева («вешателя»). Служил на флоте, в армии, в московской милиции. В 1812 г. был начальником штаба 3-го округа ополчения.

[3] Авторами брошюры были Н. В. Путята, В. Х. Христиани и другие выпускники школы колонновожатых. Басаргин, вероятно, не знал, что ее текст в виде статьи под названием «Николай Николаевич Муравьев» был опубликован в 5-й книжке «Современника» за 1852 г., отдел 2, с. 1—26 (Боград В. Журнал «Современник», 1847—1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 195, 512).

[4] *Гейм Иван Андреевич* (1758—1821), профессор, специалист в области истории и статистики, ректор Московского университета (1808—1819).

[5] *Тучков Алексей Алексеевич* (1800—1872), поручик, выпускник муравьевской школы колонновожатых, с 1820 г. в отставке. Член Союза благоденствия с 1818 г. В связи с процессом над декабристами был арестован, но по недостатку улик к суду не привлекался. Впоследствии предводитель дворянства Инсарского уезда Пензенской губ., известный деятель либерального движения. В 1850 г. вместе со своими зятьями Н. П. Огаревым и Н. М. Сатиным подвергался аресту по доносу о принадлежности к «коммунистической секте». Был близко знаком с А. И. Герценом. Дневник А. А. Тучкова опубликован в журнале «Вестник Европы» (1900, № 9).

[6] *Муравьев Михаил Николаевич* (1796—1866), гр., ген. от инфантерии, государственный деятель. Участник войны 1812 г. В молодости принадлежал к декабристскому движению и состоял членом Союза спасения и Союза благоденствия. После восстания Семеновского полка в 1820 г. отошел от тайного общества. Привлекался по делу декабристов, но вскоре был освобожден с оправдательным аттестатом; витебский вице-губернатор (1827), могилевский губернатор (1828—1829), один из самых рьяных усмирителей польского восстания 1830—1831 гг., гродненский (1831—1834), а затем курский губернатор, директор Департамента разных податей и сборов (1835—1839), сенатор и управляющий Межевым корпусом (с 1842), министр государственных имуществ (1857—1863). Являясь членом Главного комитета по крестьянскому делу, занимал откровенно крепостническую позицию. В 1863 г. в качестве ген.-губернатора северо-западных губерний подавлял восстание

в Литве и Белоруссии. Получил прозвище — «вешатель».

[7] Н. В. Басаргин имел в виду декабристов, окончивших в свое время школу колонновожатых, их было 24 человека. Из них за участие в тайных обществах кроме Басаргина пострадали Н. А. Крюков, братья Бобрищевы-Пушкины, А. З. Муравьев, П. А. Муханов, А. О. Корнилович, В. Н. Лихарев, Н. Ф. Заикин, Ф. П. Шаховской.

[8] Вероятнее всего, Басаргин подразумевал вел. кн. Михаила Павловича, начальника военно-учебных заведений (см. примеч. 11 к «Воспоминаниям об А. А., Н. А., М. А. Бестужевых <...>»).

[9] Название игры — «бары» — произошло, видимо, от древнерусского слова «барить» в значении «задерживать, заставить мешкать» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 49).

[10] Перечисляются инструменты для топографических съемок местности.

[11] *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852), русский поэт. Начав как сентименталист, стал одним из создателей русского романтизма. Основные произведения — баллады «Людмила» (1808), «Светлана» (1807—1812). Перевел «Одиссею» Гомера, произведения Ф. Шиллера, Дж. Байрона. *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880), русский поэт. Участник Отечественной войны 1812 г.; член Союза спасения, один из руководителей Союза благоденствия. Басаргин имеет в виду здесь его «Письма русского офицера» (1815—1816). *Озеров Владислав Александрович* (1769—1816), драматург, автор нашумевших в свое время трагедий «Эдип в Афинах» и «Дмитрий Донской». *Каченовский Михаил Трофимович* (1775—1842), русский историк, критик, сторонник классицизма, с 1837 г. ректор Московского университета; в 1805—1830 гг. (с некоторыми перерывами) редактор журнала «Вестник Европы».

[12] *Тормасов Александр Петрович* (1752—1819), боевой генерал. В Отечественную войну командовал 3-й армией. В 1814 г. назначен членом Государственного совета и главнокомандующим в Москве. С 1816 г. гр.

[13] *Толстой Петр Александрович* (1761—1844), гр., ген. от инфантерии. В 1806—1807 гг. участвовал в войне против Наполеона. В 1807—1808 гг. чрезвычайный посол в Париже. В 1812 г. командующий войсками Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губ. Руководил формированием ополченских полков. В 1813 г. во главе корпуса отличился под Дрезденом. С 1818 г. командовал в Москве 5-м пехотным корпусом. В 1828 г. главнокомандующий в Петербурге и Кронштадте. Был в числе усмирителей польского восстания 1830—1831 гг.

[14] *Михайловский-Данилевский Александр Иванович* (1790—1848), военный историк, ген.-лейтенант, сенатор (1835), член Российской Академии наук (1841). В 1812 г. вступил в Петербургское ополчение, был адъютантом М. И. Кутузова. В 1812—1815 гг. вел журнал боевых действий русской армии. В 1823—1825 гг. командовал бригадой. С 1826 г. занялся написанием истории войн России первой четверти XIX в. Его исторические сочинения носят описательный характер и страдают откровенной тенденциозностью, выражающейся в явном преувеличении заслуг Александра I в во-

енных успехах России (см. о нем: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1981).

[15] Сарагоса была осаждена войсками французских оккупантов во время войны с Испанией и с авг. 1808 до февр. 1809 г. героически оборонялась. Эпизоды этой обороны запечатлены в офорте Ф. Гойи «Какое мужество!» и в повести Переас Гальдоса «Сарагоса».

[ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. А., Н. А., М. А. БЕСТУЖЕВЫХ, И. Д. ЯКУШКИНЕ, И. И. ПУЩИНЕ, М. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРЕ, П. И. ПЕСТЕЛЕ, М. П. БЕСТУЖЕВЕ-РЮМИНЕ, С. П. ТРУБЕЦКОМ]

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 170. Л. 1—3. Д. 171. Л. 2—9

Автограф воспоминаний с многочисленными исправлениями и дополнениями составляет два отдельных дела: 170 под названием «Воспоминания Басаргина о А. А., Н. А., М. А. Бестужевых» и 171 — «Воспоминания Басаргина о И. Д. Якушкине, И. И. Пущине и др. и статья Басаргина о политике России». Статья Басаргина о внешней политике России, являвшаяся черновиком четвертого отдела «Записок», впоследствии была из дела 171 вынута и образовала самостоятельное дело 180 под названием «Записки Н. В. Басаргина о Крымской войне и внешней политике России».

Н. В. Басаргин не озаглавил специально воспоминания о своих товарищах, хотя явно намеревался опубликовать написанное, о чем говорит тот факт, что в самом тексте сочинения оно квалифицировано как статья.

Впервые с большими текстуальными погрешностями по сравнению с подлинником воспоминания были опубликованы Е. Е. Якушкиным в журнале «Каторга и ссылка» (1925, № 18(5), с. 162—175). Исходя, видимо, из внешнего признака, Е. Е. Якушкин считал, что в каждом деле находится самостоятельное воспоминание (там же, с. 161). Такая точка зрения противоречит содержанию воспоминаний, которые объединены Н. В. Басаргиным фразой, открывающей вторую часть припоминаний мемуариста (наст. изд., с. 330).

Рассматривая воспоминания как целостное произведение, составитель дал им условное название.

Воспоминания были написаны в июле — дек. 1860 г. и, по справедливому наблюдению Е. Е. Якушкина, явились последним сочинением в литературном наследии Н. В. Басаргина. В настоящем издании воспоминания печатаются по автографу с учетом всех исправлений и дополнений, которые специально не оговариваются.

[1] Семевский М. И. Александр Александрович Бестужев (Марлинский). 1797—1837 // Отеч. зап. 1860. Т. 130. Май. Отд. 1. С. 121—166; Июнь. Отд. 1. С. 299—348; 1860. Т. 131. Июль. Отд. 1. С. 43—100.

[2] Девяносто шесть писем А. А. Бестужева-Марлинского к братьям Николаю, Михаилу и Павлу за 1831—1837 гг. не случайно попали к М. И. Семевскому, будущему учредителю и издателю журнала «Рус. старина», начавшего выходить с 1870 г. Еще с кон-

ца 1850-х гг. М. И. Семевский энергично собирал материалы о братьях Бестужевых (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 424—474). Все письма А. А. Бестужева, опубликованные в «Отечественных записках», М. И. Семевскому передал близкий знакомый погибшего поэта и писателя и его родных Александр Николаевич Креницкий. Он же получил их от матери А. А. Бестужева и от его брата Павла (Отеч. зап. 1860. Т. 130. Май. Отд. 1. С. 123).

[3] Под криптонимом Б. подразумевался член Южного общества декабристов *Николай Яковлевич Булгари* (1803—1841), осужденный по VII разряду. После отбытия годичного тюремного наказания он служил с 1827 г. рядовым в армии. В 1832 г. получил офицерский чин прапорщика. В 1835 г. уволился с военной службы и определился переводчиком в Керченскую таможню. Летом 1836 г. и вторично в декабре А. А. Бестужев жил в Керчи, и у него возник роман с женой Н. Я. Булгари Антуанеттой Романовной, о чем он с циничной откровенностью поведал младшему брату (см. письмо к Павлу от 3—5 апр. 1837 г. // Отеч. зап. 1860. Т. 131. Июль. Отд. 1. С. 72—73. Ср.: Левин Ю. Д. Смерть русского офицера. Неизвестное письмо А. А. Бестужева (Марлинского) // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 4. С. 104—105).

[4] М. И. Семевский включил в качестве пояснений к письмам А. А. Бестужева представленные ему Н. И. Гречем отрывки из воспоминаний, правда, сделав в них большие купюры.

Н. В. Басаргин имел в виду следующий текст. А. А. Бестужев,— писал Н. И. Греч,— человек «добрый, откровенный, преисполненный ума и талантов, красавец собою. [Вступление его в эту сатанинскую шайку и содействие его могу приписать только заразительности фанатизма, неудовлетворенному тщеславию и еще фанфаронству благородства.] <...> Познакомившись с Рылеевым, который был несравненно ниже его и умом, и дарованиями, и образованием, [заразился его нелепыми идеями,] вдался в омут и потом не мог или совестился выпутаться, [руководствуясь правилами худо понимаемого благородства, находил, вероятно, удовольствие в хвастовстве и разглагольствованиях и погиб]» (Отеч. зап. 1860. Т. 131. Июль. Отд. 1. С. 88. В скобки взяты слова, не вошедшие в публикацию. Ср.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 473—474). Кроме того, Н. И. Греч, питавший злобную неприязнь к К. Ф. Рылееву, которого он считал главным виновником «злосчастных» событий 14 дек. 1825 г., заявлял: «Фанатизм силен и заразителен, и потому неудивительно, что пошлый, необразованный Рылеев успел увлечь за собою людей, которые были несравненно выше его во всех отношениях, например, Александра Бестужева» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. С. 446). Басаргин с большим достоинством дал отповедь клеветнику и защитил честь «Шиллера заговора», как называл К. Ф. Рылеева Герцен.

[5] В именном указе Александра II Сенату от 26 авг. 1856 г. «О милостях и облегчениях <...> лицам, подвергшимся наказаниям за преступления политические», поименованы 34 члена тайных обществ декабристов (*ПСЗ*. № 30883).

[6] См. примеч. 13 к «Журналу».

[7] И. И. Пущин умер 3 апр. 1859 г. и похоронен в г. Бронницы около алтарной абсиды Архангельского собора.

[8] Отец декабриста *Иван Петрович* (ум. 1842) был в годы Отечественной войны и заграничных походов ген.-интендантом, впоследствии сенатор. Адмиралом был дед декабриста *Петр Иванович Пущин* (ум. 1812).

[9] Деятельность на поприще юриспруденции декабристы рассматривали как важную форму воздействия на общество. Так, в уставе Союза благоденствия — «Зеленой книге» среди четырех отраслей, определявших сферы участия членов организации в практической работе, было названо «Правосудие». Памятуя об этом, И. И. Пущин принял решение (вслед за К. Ф. Рылеевым) поступить в суд. 5 апр. 1823 г. он становится сверхштатным членом Петербургской судебной палаты, а 13 дек. назначен судьей Московского надворного суда и приступил к исполнению своих обязанностей 14 марта 1824 г.

А. С. Пушкин в стихотворном послании к Пущину от 13 дек. 1826 г. очень верно оценил общественное значение смелого поступка друга. Поэт писал:

Ты победил предрассужденья
И от признательных граждан
Умел истребовать почтенья,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан.

(Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 561).

[10] См. примеч. 18 к тексту «Журнала».

[11] В рассказе о М. К. Кюхельбекере Басаргин допустил грубые и труднообъяснимые фактические ошибки, поскольку, как он писал, ему «недавно случилось пробежать Донесение тайной следственной комиссии и Верховного уголовного суда над государственными преступниками 1825 г., а также и то, что печаталось тогда в русских газетах и журналах» (наст. изд., с. 000). Во-первых, он приписал Михаилу Кюхельбекеру в день 14 дек. действия на Сенатской площади его старшего брата Вильгельма. О нем в «Донесении» говорилось: «Кюхельбекер (Вильгельм) дерзнул обратить оружие на великого князя Михаила Павловича» (*ВД*. Т. 17. С. 58). Решением Верховного уголовного суда коллежский асессор В. К. Кюхельбекер был приговорен по I разряду к казни отсечением головы «за то, что, по собственному его признанию, покушался на жизнь его высочества великого князя Михаила Павловича во время мятежа на площади, принадлежал к тайному обществу с знанием цели, лично действовал в мятеже с пролитием крови, сам стрелял в генерала Воинова и рассеянных выстрелами мятежников старался поставить в строй» (там же, с. 205). Совершенно иначе вел себя на площади лейтенант гвардейского морского экипажа М. К. Кюхельбекер, который «подходил к его высочеству великому князю Михаилу Павловичу и просил его высочество подъехать к экипажу [гвардейскому морскому.— *И. П.*] для прекращения мятежа» (там же, с. 124). Михаил Кюхельбекер был осужден по V разряду «за то, что, по собственному его признанию, лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов (там же, с. 210). Во-вторых, Басаргин переадресовал просьбу В. К. Кюхельбекера относительно дальнейшей судьбы его слуги

Семена Балашова, находившегося под арестом в Гродно, М. К. Кюхельбекеру. В действительности же В. К. Кюхельбекер в дополнениях к своим следственным показаниям писал: «<...> имею смелость его [Балашова.— *И. П.*] рекомендовать доброте и милости е[го] и[мператорского] в[ысочества] вел[икого] кн[язя] Михаила Павловича. Пусть принадлежит он вам, государь; удостойте принять его от руки недостойной и преступной, но которая вам дарит весьма ценный подарок, а именно дарит верного слугу» (*ВД*. Т. 2. С. 158. Ср. с. 176). Скорее всего, вел. кн. Михаил Павлович принял этот дар, в пользу чего говорит его ходатайство о смягчении приговора В. К. Кюхельбекеру (*ВД*. Т. 18. С. 226).

[12] Контрреволюционный государственный переворот, осуществлённый во Франции ее президентом *Шарлем Луи Наполеоном Бонапартом* (1808—1873) с помощью военщины, произошел 2 дек. 1851 г. В результате него будущий Наполеон III захватил всю полноту власти и 2 дек. 1852 г. провозгласил себя императором.

[13] Имелся в виду *Владимир Федорович Адлерберг* (1791—1884), бывший в 1852—1872 гг. министром двора. Действительно, он и П. И. Пестель одновременно были выпущены из Пажеского корпуса в дек. 1811 г. прапорщиками и направлены в гвардии Литовский (позднее переименованный в Московский) полк, с которым участвовали в Отечественной войне и заграничных походах.

[14] На Бородинском поле подпоручик П. И. Пестель получил пулевое ранение в бедро левой ноги. Он смело сражался в этом бою, за что награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость».

[15] П. И. Пестель участвовал во многих кровопролитных баталиях, проявив мужество и героизм, за что был удостоен орденов: российских — Владимира 4-й степени и Анны 2-го класса, австрийского — Леопольда 3-й степени, баденского военного ордена — Карла Фридриха, прусского — «За заслуги», а также ряда памятных медалей.

[16] См. примеч. 20 к «Запискам».

[17] Найденная метрическая запись о М. П. Бестужеве-Рюмине дает основание точно датировать его рождение — 23 мая 1801 г. (Мочульский Е. Н. Новые данные о биографии декабриста М. П. Бестужева-Рюмина // Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 348).

НЕКОТОРЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ЖИЗНИ МОЕЙ В СИБИРИ (ЕРМОЛАЙ, МАРЬЯ, МАСЛЕННИКОВ)

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 175. Л. 3—4. Предисловие

Рассказы «Ермолай», «Марья» и «Масленников» объединены не только общим заглавием, но и предисловием, которое в издании П. Е. Щеголева ошибочно предваряло рассказ «О двух сестрах» и вместе с последним было включено в состав «Записок». Порядок расположения рассказов соответствует авторскому заглавию, хотя события, описанные в рассказе «Масленников», по времени предшествовали тем, о которых автор повествовал в рассказе «Марья».

Скорее всего, рассказы «Ермолай», «Марья» и «Масленников» написаны во второй половине 1857 — первой половине 1858 гг., то есть после того, как Басаргин завершил свои воспоминания —

«Записки», в которых фабула двух из них («Ермолай» и «Масленников») кратко изложена.

ЕРМОЛАЙ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 175. Л. 11—16

Беловой автограф. Л. 14 и 15 подшиты в деле неверно: вначале идет оборотная сторона, а затем лицевая. В сокращенном варианте рассказ вначале увидел свет в качестве составной части «Записок» (наст. изд., с. 118—122).

Первая полная публикация текста рассказа «Ермолай» была осуществлена П. И. Бартеневым в 1872 г. в виде приложения к «Запискам» Басаргина в историко-литературном сборнике «Девятнадцатый век». Она имеет довольно значительные разночтения с подлинником. В настоящем издании текст рассказа отличается от первоначального варианта включением в него ряда авторских примечаний и дополнительных пояснений по поводу тех или иных понятий, а также отдельных фактов.

[1] В одной партии с Н. В. Басаргиным под конвоем фельдъегеря Воробьева препровождались в Сибирь М. А. Фонвизин, Ф. Б. Вольф и А. Ф. Фролов.

[2] Мемуарист допустил неточность в датировке описываемых им событий. Третья коалиционная война европейских держав (Англии, России, Австрии и Швеции) против наполеоновской Франции началась действиями Дунайской армии австрийцев под командованием фельдмаршала К. Макка 27 авг. 1805 г. Но еще до этого, 13 авг., русская армия, возглавляемая М. И. Кутузовым, двинулась из м. Радзивилов (Польша) на соединение с армией К. Макка.

[3] Возможно, эмоциональная концовка имеет автобиографический подтекст, обусловленный личными переживаниями Басаргина, потерявшего в разное время двух малолетних детей — дочь и сына.

МАРЬЯ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 175. Л. 24—27 об.

В деле имеются беловой и черновой автографы. Кроме того, в ГБЛ находится копия рассказа, снятая Е. Е. Якушкиным (ф. 369 (В. Д. Бонч-Бруевича), к. 415, ед. хр. 15). Вероятно, Е. Е. Якушкин намеревался опубликовать рассказ в сборнике «Звенья», редактором которого был В. Д. Бонч-Бруевич. Рассказ публикуется впервые.

[1] Уездным городом, в котором Н. В. Басаргин прожил около пяти лет (1837—1841), был Туринск. Видимо, автор именно его имел в виду в своем рассказе.

МАСЛЕННИКОВ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 175. Л. 16 об.—23

Беловой автограф. Краткое изложение содержания рассказа включено в «Записки» (наст. изд., с. 173—174). Полный текст печатается впервые.

[1] Весьма прозрачный намек на приговор Верховного уголовного суда по делу декабристов.

[2] Такая политика царской администрации объективно была направлена на то, чтобы насаждать национальную вражду и рознь.

[О ДВУХ СЕСТРАХ]

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 194. Л. 6—9 об.

Черновой автограф. Впервые рассказ был опубликован в 1917 г. П. Е. Щеголевым в составе «Записок» Н. В. Басаргина без расшифровки криптонима О. В сокращенном варианте, как наглядный пример бесчеловечного обращения помещиков со своими крепостными, рассказ приведен в примечаниях к записке «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии».

Название рассказа воспроизводит заголовок архивного дела. У самого Басаргина такого названия нет, но оно полностью соответствует содержанию рассказа. Поскольку в нем говорится о том, что в момент его написания крепостное состояние находится при последнем издыхании, можно предположить, что как самостоятельное произведение рассказ был завершен вскоре после опубликования в «Моск. ведомостях» 22 нояб. 1859 г. корреспонденции «Из Петербурга», в которой приведены слова Александра II, сказанные им дворянству Пскова, о скором окончании дела освобождения крепостных крестьян (см. примеч. 37 к «Журналу»).

[1] В автографе рассказа Басаргин неверно называет дату своего приезда в Москву во время отпуска. В действительности это произошло в 1822 г. (*ВД*. Т. 12. С. 304—305).

[2] Под криптонимом О. имелась в виду *Анна Алексеевна Орлова* (1785—1848), фрейлина двора, дочь ген.-аншефа *Алексея Григорьевича Орлова* (1737—1808), оставившего ей огромное наследство. А. А. Орлова под влиянием настоятеля Юрьевого монастыря архимандрита *Фотия* (1792—1838) отказалась от светской жизни и занялась благотворительностью. Предметом особой ее заботы являлись монастыри.

[3] Автор имел в виду жену Павла, мать Александра I, вдовствующую императрицу *Марию Федоровну* (1759—1828).

О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 184. Л. 1—6 об.

Рукопись представляет собой беловой автограф. На нем чернилами пронумерованы листы, порядковая последовательность которых начинается с 265-го и кончается 276-м. Кроме того, на рукопи-

си обозначена карандашная нумерация с 1-го по 6-й лист вместе с его оборотом. В деле имеется черновой правленый автограф с указанием листов с 68-го по 75-й.

Предположительно рукопись может быть датирована 1856— началом 1857 г., но до отъезда Басаргина из Сибири.

Место записки в цикле публицистических сочинений Басаргина, посвященных решению крестьянского вопроса, определяется, во-первых, ее содержанием, а во-вторых, ссылками на нее в последующих произведениях на ту же тему.

Цель записки противопоставить взгляды сторонников освобождения крестьян взглядам крепостников, выступавших в защиту старого режима. Одновременно она показывает, какое широкое распространение получили рукописные сочинения в связи со слухами о преобразовательных намерениях Александра II в крестьянском вопросе.

[1] Данное утверждение нашло конкретно-художественное раскрытие в рассказе «О двух сестрах».

[2] Любопытен тот факт, что Басаргин в своем проекте предвосхитил действия правительства по приглашению в столицу депутатов от губерний с целью обсуждения будущей реформы.

НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О КРЕПОСТНОМ СОСТОЯНИИ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 185. Л. 1—8

Черновой, изрядно правленный автограф. Печатается впервые. В тексте говорится о тридцатилетнем пребывании Н. В. Басаргина в Сибири и о том, что он судит «о теперешнем времени только по слухам». На основе этого можно предполагать, что «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии» были написаны до возвращения их автора в Европейскую Россию, но уже после смерти Николая I, то есть в 1856 г.

[1] По всей видимости, Басаргин имел в виду предшествующую записку «О крепостном состоянии», логическим продолжением которой и являются «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии».

[2] Далее под цифрой 1 кратко излагается сюжет, ставший предметом рассказа «О двух сестрах».

[3] Под этим правительственным правилом Басаргин подразумевал именной указ Александра I от 28 мая 1801 г. президенту Академии наук барону Николаи о запрещении печатать в газетах объявления о продаже людей без земли (*ПСЗ*. Собр. 1-е. Т. 26. № 19892). Как справедливо утверждал В. И. Семевский, «указ этот не достиг цели. Действительно, приличие было соблюдено, и постыдные объявления о продаже людей наравне с вещами и животными, испещрявшие газетные столбцы в два предшествовавшие царствования, исчезли, но они заменились объявлениями, что такой-то крепостной человек или такая-то крепостная девка отпускаются в услужение, а это значило, что они по-прежнему продавались» (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Спб., 1888. Т. 1. С. 241—242).

[4] Имелся в виду указ Павла I, данный им в день коронования 5 апр. 1797 г. и получивший название «О трехдневной барщине». Согласно ему предписывалось «наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издельев остающиеся в неделю 6 дней, по равному числу оных вообще разделяемые как для крестьян собственно, так и для работ их, в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяких хозяйственных надобностей» (*ПСЗ*. Собр. 1-е. Т. 24. № 17909). Последовавший за тем сенатский указ акцентировал лишь внимание на запрете работы крестьян в воскресные дни и совершенно обошел молчанием вопрос о трехдневной барщине. Таким образом, указ 5 апр. не изменял существа крестьянского законодательства, и, как тонко заметил мемуарист, «это узаконение не достигло цели», поскольку помещик мог заставить своего крепостного работать на него столько дней, сколько сам помещик назначит.

[5] Такое право помещики вновь (после ограничения его в 1809 г.) получили согласно указу от 3 марта 1822 г. (*ПСЗ*. Собр. 1-е. Т. 38. № 28954).

[6] В русском законодательстве опека как организация юридической защиты и попечения о личности и имуществе лишенных дееспособности лиц зафиксирована впервые официально в 1755 г. в «Учреждении о губерниях».

[ЗАПИСКА О ПОЗИЦИИ РАЗНЫХ СЛОЕВ ДВОРЯНСТВА В ВОПРОСЕ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА И О СПОСОБАХ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН]

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 186. Л. 1—13

Беловой автограф с исправлениями. Печатается впервые. Данное название значится на обложке архивного дела. У автора его нет. Однако содержание сочинения отвечает названию дела.

Судя по содержанию «Записки» и ее соотношению с другими сочинениями Басаргина на аналогичную тему, такими, как: «О крепостном состоянии», «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии» и «Некоторые мысли и соображения по вопросу об изменении крепостного быта», можно предположить, что она появилась на свет в конце 1857 — начале 1858 г., но до ознакомления ее автора с рескриптом Александра II ген.-губернатору прибалтийских губ. В. И. Назимову (данным 20 нояб. 1857 г.).

Главная мысль «Записки» заключается в обосновании необходимости освобождения крестьян с землей, которой они пользуются, но за выкуп. Освобождение должно быть проведено сверху и тем самым «предохранить общественный быт от сильного потрясения», то есть от крестьянской революции.

[1] Имелась в виду записка «О крепостном состоянии».

[2] В данном случае подразумевалась записка «Некоторые рассуждения о крепостном состоянии».

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ И СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОПРОСА ОБ ИЗМЕНЕНИИ КРЕПОСТНОГО БЫТА

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 183. Л. 1—10

Беловой автограф. Печатается впервые. В деле имеются разрозненные и незавершенные наброски под названием: «Некоторые суждения и мысли об изменении крепостного состояния», «Акционерное общество для получения и владения населенными земельными собственностями», а также «Правила, на коих общество владеет населенными имениями». Два первых из названных набросков не поддаются упорядочению и систематизации, а потому не могут быть опубликованы. Исключение составляют «Правила», представляющие определенный интерес при выяснении взглядов Басаргина на решение крестьянского вопроса. Вот их текст:

«1) Земля и все находящиеся на ней угодья, равно как усадьба и все другие постройки и заведения, составляют неотъемлемую собственность общества.

2) Крестьяне, находящиеся на этой земле, первые 10 лет от получения имения обществом управляются на основании прежних помещичьих на них прав.

3) Каждый из них имеет право выкупиться, внеся за себя или за семейство с землею или без земли определенную сумму.

4) По окончании 10 лет крестьяне делаются свободными и получают известную на семейство препорцию земли и угодий.

5) Если крестьяне остаются на месте с наделом земли, то сохраняют к обществу некоторые определенные обязанности относительно сельского хозяйства.

6) Эти обязательства могут быть различны <нрзб.> по свойству и положению имений — или в известном числе рабочих дней в году, или в занятиях по разного рода заведениям.

7) Все эти обязанности могут быть приведены в виде заработной платы, и, следовательно, каждый может освободиться от них ежегодным взносом денег.

8) Если же крестьянин по прошествии десяти лет или по взносе определенной суммы отходит из имения без надела земли, то все его обязательства к обществу прекращаются, и он, приписываясь к какому-либо сословию, делается совершенно свободным» (л. 16).

Приведенный текст дает представление о том, как Н. В. Басаргин представлял себе взаимоотношения между членами сельской поземельной общины («обществом») и помещиком после отмены крепостного права. Сохранение на 10 лет временнообязанного состояния говорит об умеренности его позиции в этом вопросе, хотя он и был сторонником освобождения крестьян с землей за выкуп.

«Некоторые мысли и соображения» были написаны вскоре после 16 февр. 1858 г., когда Секретный комитет переименовали в Главный комитет по крестьянскому делу. Басаргин оказался в русле широко распространенного среди поместного дворянства настроения и выразил свое отношение к предстоящей реформе крестьянского быта в специальной записке (Баграмян Н. С. Помещичьи проекты освобождения крестьян // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962. С. 18—21).

ЗАПИСКИ О СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЯХ ДЕРЕВЕНСКОГО ЖИТЕЛЯ, ВОЗВРАТИВШЕГОСЯ ИЗ ССЫЛКИ

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 174. Л. 1—28 об.

«Записки» представляют собой автограф с многочисленными исправлениями и дополнениями. Печатаются впервые.

Сверху названия, написанного рукой Басаргина, черными чернилами густо замазаны несколько слов, вероятно обозначавших первоначальное наименование рукописи. Ниже можно прочесть менее старательно зачеркнутое предложение: «Продолжение записок».

Под новым названием, которое и воспроизводится в книге, рукой Н. В. Басаргина написано: «От [1855] начала 1857 по [1860] 1861 год» (даты, взятые нами в скобки, зачеркнуты).

При оформлении дела была допущена ошибка в расположении листов, и начало рукописи (Л. 25—28 об.) оказалось подшитым в конце ее. В наст. издании эта оплошность исправлена.

Текст «Записок» разбит самим Басаргиным на своеобразные разделы-параграфы, названия которых вынесены автором на левую сторону рукописи. В наст. издании они воспроизводятся в подстрочных примечаниях.

[1] О миссии М. С. Волконского см.: Сокольский Л. А. Возвращение декабристов из сибирской ссылки // Декабристы в Москве. М., 1963.

[2] Крымская война была официально объявлена Турцией 4 окт. 1853 г., а Николай I умер 18 февр. 1855 г.

[3] Н. В. Басаргин, современник событий, верно охарактеризовал международное положение России накануне Крымской войны. Как отмечается в исследовании Е. В. Тарле, Николай I в определенные моменты умел пользоваться обстановкой в Европе и «за его продолжительное царствование выдавались периоды, когда русский царь занимал безусловно первенствующее положение в тогдашнем мире». В 1851 г. барон Х.-Ф. Штокмар, человек очень осведомленный, поскольку вращался в высших кругах английского двора, писал: «Когда я был молод, то над континентом Европы владычествовал Наполеон. Теперь дело выглядит так, что место Наполеона заступил русский император и что по крайней мере в течение нескольких лет он, с другими намерениями и другими средствами, будет тоже диктовать законы континенту». Е. В. Тарле справедливо заключал: «И это было мнением, господствовавшим в тот момент в Европе» (Тарле Е. В. Сочинения. Т. 8. С. 75—76).

Однако в 1853 г. международная конъюнктура изменилась. Явно агрессивные действия Николая I по отношению к Турции привели к созданию антирусской коалиции Англия—Франция. В ответ на составленную Австрией и Пруссией «Венскую ноту» от 31 июля 1853 г., в которой говорилось, что Османская империя должна соблюдать все условия Кучук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров, а также признать особые права и преимущества русской церкви, султан Абдул-Меджид, подстрекаемый английским послом Стрэтфордом-Редклифом, отказался ее выполнять, что было равносильно объявлению войны. Просчитался Ни-

колай I и в своей ориентации на поддержку Австрии и Пруссии. Более того, первая из них предъявила ультиматум о выводе русских войск из Молдавии и Валахии, которые они заняли 21 июня 1853 г. Все это предопределило потерю Николаем I решающей роли в международных делах Европы и Малой Азии.

[4] По данным Н. М. Дружинина, только в результате рекрутских наборов 1853—1855 гг. с каждой тысячи ревизских душ было взято в армию 42 человека, т. е. 4,2% всего мужского работоспособного населения (Дружинин Н. М. Москва в годы Крымской войны: История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 743—745). Однако и на этой широкой мобилизации правительство не остановилось. Размах военных действий и огромные людские потери заставили Николая I объявить 29 янв. 1855 г. созыв государственного подвижного ополчения из расчета 23 ратника с каждой тысячи ревизских душ (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1899. Т. 13. С. 377—378). Таким образом, всего на тысячу мужчин было мобилизовано 65 человек (то есть 6,5% всего мужского населения). В абсолютных цифрах русская армия достигла астрономической по тем временам величины — 2 млн. человек.

[5] Воровство и отвратительное состояние медицинского обслуживания в госпиталях во время Крымской войны было, за редким исключением, повсеместным явлением в русской армии. Так, к примеру, в Кишиневском военном госпитале с 1 по 16 сент. 1854 г. умерло 188 человек, а с 16 сент. по 4 окт. — еще 231 человек, причем не столько от ран, сколько от болезней и плохого ухода. Расследование причин массовой смертности вскрыло страшные злоупотребления в организации питания и снабжения медикаментами находившихся в госпитале солдат и офицеров. Как писал один из современников, «многие спешили воспользоваться временем и ковали железо, пока оно было горячо» (Тарле Е. В. Сочинения. Т. 8. С. 50—51). Наглое воровство, особенно высших интендантских чинов действующей в Крыму армии, не могло, естественно, остаться незамеченным. Особенно преуспевал на этом поприще главный интендант крымской армии ген.-лейтенант Ф. К. Затлер. Материальный урон, нанесенный им русской армии, был настолько значителен, что Герцен назвал ворюгу-интенданта «пятым союзником» Турции, «ограбившим не только Керчь, а всю армию в Крыму» (Герцен. Т. 14. С. 65).

Правительство долго старалось замять дело о грабежах комиссариатских высших чинов. Две следственные комиссии практических результатов не дали. Однако выступления в подцензурной печати (см., к примеру, статьи Н. Н. Обручева «Изнанка Крымской войны» и «Изнанка Крымской войны. Другая сторона» в «Военном сборнике» (1858, ч. 1, кн. 2; т. 2. кн. 4; т. 4, кн. 7) и особенно в «Колоколе» заставили все же Александра II отдать в 1859 г. генерала Ф. К. Затлера под суд. Он был разжалован в солдаты, и с него взыскали недостававшие по официальному счету казенные деньги, что, конечно, не покрывало наворованной им суммы.

[6] Официальное открытие железной дороги, связавшей Петербург и Москву, состоялось 1 нояб. 1851 г. На ее сооружение из казны истрачено 64 664 751 р. золотом.

[7] Н. В. Басаргин имел в виду ближайшего клеврета и любимца Николая I, главноуправляющего путями сообщения *Петра Андрее-*

вича Клейнмихеля (1793—1869), стяжавшего себе печальную известность первейшего российского мздоимца и казнокрада, «воратирана» (по словам П. В. Долгорукова). Он не чурался брать подряды и поставки под чужими именами и на этом наживать огромные суммы или просто присваивать в крупных размерах государственные деньги, как было при постройке после пожара 17 дек. 1837 г. нового Зимнего дворца и приобретении для него мебели. Особенно нажился он при строительстве железной дороги Петербург—Москва. О наглости и жестокости П. А. Клейнмихеля в делах собственного обогащения знала вся Россия, имя его было ненавистно людям.

[8] Н. В. Басаргин своими словами пересказал предсмертное назидание Николая I наследнику престола, изложенное в официальном сообщении следующим образом: «Я хотел продолжать трудиться так, чтобы оставить тебе государство благоустроенное, огражденное безопасностью извне, совершенно спокойное и счастливое; но ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю <...>. Тяжело тебе будет» (Сев. пчела. 1855. № 41. 23 февр.).

Имеется еще несколько вариантов предсмертного обращения Николая I к сыну Александру. Но, вероятно, наиболее точно оно передано в речи Александра II, произнесенной 19 февр. 1855 г. перед членами Государственного совета, явившихся в Зимний дворец для принятия присяги новому императору, в которой говорилось: «В годину тяжких испытаний постигло нас новое несчастье. Мы лишились отца и благодетеля всей России. Покойный государь, мой незабвенный родитель, любил Россию и всю жизнь постоянно думал об одной только ее пользе. Каждое его действие, каждое его слово имели целью одно и то же: пользу России. В постоянных и ежедневных трудах его со мной он говорил мне: хочу взять себе все неприятное и все тяжелое, только бы передать тебе Россию устроенною, счастливою и покойною. Провидение судило иначе, и покойный государь в последние часы своей жизни сказал мне: сдаю тебе мою Команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот» (Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1900. Т. 14. С. 3; ср.: Колокол. 1857. 1 окт. Л. 4. С. 32). Смысл всех вариантов «последнего слова» Николая I один: «команда» (типичная николаевская фразеология), то есть Россия, находится в бедственном положении, и Александра II ожидают многие трудности. Однако в назиданиях «Незабвенного», как справедливо писал Н. В. Басаргин, не содержалось признания ошибочности его системы.

[9] За успехи при подготовке Парижского мирного договора, подписанного 30 марта 1856 г., А. Ф. Орлов, возглавлявший русскую дипломатическую миссию, был пожалован Александром II княжеским титулом взамен графского. 5 апр. 1856 г. А. Ф. Орлов сменил пост главнокомандующего II отделения на кресло председателя Государственного совета, а вскоре и председателя Комитета министров.

[10] Н. В. Басаргин, как и многие его современники, особенно из числа либерально настроенной интеллигенции, находился в то время под гипнозом широко распространенного мнения о благих намерениях Александра II, осуществлению которых мешают якобы

бывшие николаевские сановники, продолжавшие окружать нового царя.

[11] О колебаниях Александра II во внутренней политике неоднократно сообщалось в «Колоколе». Так, А. И. Герцен с нескрываемой досадой констатировал в статье «1 июля 1858», что Александр II не оправдал надежд, которые «Россия имела при его воцарении». По мнению Герцена, царь «повернул слева да направо», и «его мчат дворцовые кучера, пользуясь тем, что он дороги не знает». В результате «государственный рыдван решительно начинает пятиться» (Колокол. 1858. 1 июля. Л. 18. С. 141—143. Ср.: Колокол. 1858. 15 нояб. Л. 28. С. 223—231, приложение к л. 49 от 1 авг. 1859 г. и др.). Поскольку не вызывает сомнения, что Басаргин читал «Колокол», то он мог письменно выразить свою солидарность с Герценом в оценке действий Александра II и его правительства.

[12] Очень обстоятельно и впечатляюще тенденциозность и лживость «Донесения Следственной комиссии» и вынесенного в соответствии с ним Верховным уголовным судом приговора по делу декабристов раскрыли в свое время М. С. Лунин и Н. И. Тургенев. «Разбор Донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году», написанный М. С. Луниным в нояб. 1839 г., распространялся в списках (Лунин М. С. Сочинения, письма, документы). Впервые он был опубликован Герценом в *ПЗ* на 1859 г., кн. 5. «Оправдательные записки» Н. И. Тургенева, содержавшие разбор «Донесения», вошли в его книгу «Россия и русские», изданную в 1847 г. на французском языке в Брюсселе (в русском переводе первый том книги Н. И. Тургенева появился в издании «Библиотека декабристов» (М., 1907, с. 104—148). И то, и другое сочинение могло быть известно Басаргину. Кроме того, он сам испытал на себе инквизиционный характер следствия и произвол николаевского судилища. Отсюда резко обличительная тональность оценки им деятельности Следственной комиссии и Верховного уголовного суда.

[13] По манифесту от 26 авг. 1856 г. из 31 декабриста, проживавшего в Сибири, были амнистированы 28 человек. «Забыли» о трех: П. Ф. Выгодовском, А. Н. Луцком, В. Ф. Раевском. Вернулись в Европейскую Россию в 1856—1859 гг.: И. А. Анненков, Н. В. Басаргин, Г. С. Батеньков, А. Ф. Бриген, А. А. Быстрицкий, А. П. Веденяпин, С. Г. Волконский, Ю. К. Люблинский, М. И. Муравьев-Апостол, А. А. Крюков, Е. П. Оболенский, А. В. Поджио, И. И. Пущин, П. Н. Свистунов, В. Н. Соловьев, С. П. Трубецкой, П. И. Фаленберг, А. Ф. Фролов, Д. А. Щепин-Ростовский, Б. И. Штейнгейль, И. Д. Якушкин. Всего 21 человек.

[14] Н. В. Басаргин справедливо подчеркнул роль и значение сочувственного общественного мнения к амнистированным декабристам и тем самым акцентировал внимание на такой стороне дела, которая не была отмечена другими современниками (в том числе и Герценом, писавшим о манифесте 26 авг. 1856 г.).

[15] Действительно, в именном указе Александра II от 26 авг. 1856 г. под названием «О милостях и облегчениях <...> лицам, подвергшимся наказаниям за преступления политические», который царь адресовал для исполнения Сенату, устанавливались различные категории пожалований (*ПСЗ*. Собр. 2-е. Т. 31. Отд. 1. № 30883. Ср.: там же, № 30877).

[16] См. примеч. 89 к «Запискам».

[17] Кого имел в виду Басаргин, установить не удалось.

[18] Описание дня 14 дек. и предшествующих ему событий, составивших книгу М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», было сделано в 1848 г. по поручению наследника престола вел. кн. Александра. Николай I внимательно прочитал творение «придворного евнуха», как назвал Герцен М. А. Корфа, внес исправления и удостоил его своим одобрением, но «отклонил мысль огласить это описание в общее сведение» (с. IV). Тем не менее «упомянутое описание было дважды [в 1848 и в 1854 гг.— *И. П.*] напечатано, но оба раза лишь в 25-ти экземплярах единственно для членов императорского дома и немногих приближенных, как семейная тайна».

После смерти Николая I Александр II «признать изволил за благо, в вечную память незабвенного родителя, сделать общеизвестным и повествование о первом дне царственного его пути» с целью «примирить великую тень с нарушением тайны ее скромности» (с. V), и книга увидела свет в 1857 г. Это было третье, но «первое для публики», издание книги М. А. Корфа.

[19] Н. В. Басаргин был прав в своих предположениях относительно побудительных мотивов издания клеветнического сочинения М. А. Корфа. Дело в том, что возвращение из далеких «сибирских руд» амнистированных декабристов проходило в обстановке политического подъема в стране и вызвало сильный общественный резонанс. Интерес и внимание к ним были всеобщими.

Известный собиратель народного творчества и журналист А. Н. Афанасьев в янв. 1857 г. сделал запись в своем дневнике: «Видел возвратившихся декабристов и удивлен, что, так много и долго пострадавши, могли так сохранить свои силы и свежесть чувства и мысли» (Цит. по: Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». С. 51—52). Опасаясь пагубных последствий влияния «провозвестников свободы» на общественное настроение, царское правительство решило их идейно дискредитировать. С этой целью и было выпущено в свет гнусное писание статс-секретаря барона М. А. Корфа (*Герцен.* Т. 13. С. 503—505, 514—516; Порох И. В. Герцен о революционных традициях декабристов // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. Саратов, 1968; *Эйдельман Н. Я.* Герцен против самодержавия. Гл. 1).

[20] М. А. Корф привел в своей книге текст письма 18-летнего наследника престола вел. кн. Александра от 10 мая 1796 г. к Виктору Павловичу Кочубею, в то время посланнику в Константинополе, написанного на французском языке (Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. Спб., 1857. С. 3—7; рус. перевод — с. 227—230). В письме содержится резкая характеристика ряда высокопоставленных сановников, фамилии которых автор скрыл за криптонимами. «Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей,— писал Александр,— которых не желал бы иметь у себя и лакеями; а между тем они занимают высшие места, как, например, З[убов], П[ален], Б[еннигсен], оба С[корятины], М[арин] и множество других, которых не стоит даже называть и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся» (там же, с. 228).

[21] Н. В. Басаргин намекал на декабристов.

[22] В 101-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 18 дек. 1825 г. были напечатаны: 1) Манифест Николая I о восшествии на престол (с. 1187—1188); 2) письмо вел. кн. Константина Александру I от 14 янв. 1822 г. с отказом от престола (с. 1188); 3) ответ Александра I Константину от 28 февр. 1822 г. (с. 1188); 4) Манифест Александра I от 16 авг. 1823 г. о передаче прав на престол Николаю (с. 1188—1189); 5) письмо вел. кн. Константина Николаю от 26 нояб. 1825 г. из Варшавы (с. 1189); 6) письмо вел. кн. Константина матери от 26 нояб. 1825 г. из Варшавы (с. 1190).

В 102-м номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 22 дек. 1825 г. был опубликован «Высочайший манифест» о событиях 14 дек. 1825 г., в котором говорилось, что восставшие «желали и искали, пользуясь мгновением, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мраке тайны между ними тлевшиеся и отчасти токмо известные правительству: испровергнуть престол и отечественные законы, прекратить порядок государственный, ввести безначалие» (с. 1199). Скорее всего, именно эти документы имел в виду М. А. Корф, как якобы отыскавшиеся в столе *Петра Михайловича Волконского* (1776—1852), начальника Генерального штаба, бывшего в свое время адъютантом вел. кн. Александра Павловича.

[23] Речь идет о Я. И. Ростовцеве.

[24] Н. В. Басаргин не знал, что инициатива издания книги «Восшествие на престол императора Николая I» принадлежала Александру II. 17 апр. 1857 г. он сказал М. А. Корфу: «Теперь наступило время обнародовать вашу «14 декабря» (Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. С. 35).

[25] См. примеч. 15 к «Журналу».

[26] Н. В. Басаргин верно отметил беспредельное уважение Александра II к памяти Николая I. В письме к папе римскому Пию IX, написанном в 1859 г., Александр II откровенно признавался: «<...> любовь моя к родителю была беспредельна; после образа бога его образ был для меня всего, всего священнее и драгоценнее. <...> я любил его более, нежели уважение позволяет нам любить себе подобных» (*ИРЛИ*. Ед. хр. 19 396).

[27] Характеризуя 1856—1858 гг., Н. В. Шелгунов писал: «Это было удивительное время, время, когда всякий захотел думать, читать и учиться и когда каждый, у кого было что-нибудь за душой, хотел высказать это громко. Спавшая до того времени мысль заколыхалась, дрогнула и начала работать. Порыв ее был сильный и задачи громадные. Не о сегодняшнем дне шла тут речь, обдумывались и решались судьбы будущих поколений, будущие судьбы всей России» (Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 93—94).

[28] По официальным данным, в 1856—1857 гг. было разрешено издание 55 новых газет и журналов (Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. С. 19).

[29] В царствование Александра I было издано несколько постановлений по крестьянскому вопросу. Так, 20 февр. 1803 г. появился указ «О вольных хлебопашцах», разрешавший помещикам, по их усмотрению, отпускать на волю крепостных крестьян за выкуп, но с обязательным наделением их землей. 20 февр. 1804 г. были из-

даны правила для крестьян Лифляндии, а в 1805 г. — такие же для крестьян Эстляндии. По этим правилам воспрещалось продавать и закладывать крестьян без земли. Кроме того, регламентировались размеры барщины и оброка. В 1816—1819 гг. в прибалтийских губерниях была проведена реформа, предоставлявшая крепостным личную свободу, но без земли. Естественно, все эти нововведения не могли разрешить крестьянского вопроса.

[30] За годы правления Николая I периодически создавались девять секретных комитетов, которые занимались крестьянским вопросом. Но реальных результатов их деятельность не имела. Самым существенным преобразованием в крестьянском деле при Николае I явилась реформа государственной деревни, проведенная в 1835—1841 гг. П. Д. Киселевым (Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946. Т. 1; М., 1958. Т. 2). 2 апр. 1842 г. был издан закон «Об обязанных крестьянах», согласно которому помещикам предоставлялось право освобождать крепостных без земли. Крестьяне могли получить ее в пользование за выполнение определенных «обязанностей» в виде барщины или оброка. Это было шагом назад по сравнению с указом от 20 февр. 1803 г. «О вольных хлебопашцах» (Мироненко С. В. Секретный комитет 1839—1842 гг. и вопрос об освобождении крепостных крестьян // Вестник МГУ. Серия История. М., 1977. № 3. С. 25—43). И, наконец, 26 мая 1847 г. для помещичьих крестьян западных губерний Украины и Белоруссии ввели «инвентарные правила», определявшие размеры земельных наделов и повинностей крепостных. «Инвентарии» не облегчили, а, по сути дела, ухудшили положение крестьян.

[31] Судя по тексту Басаргина, можно предположить, что он знал содержание речи, произнесенной Николаем I 30 марта 1842 г. на заседании Государственного совета, в которой царь сказал: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем положении его у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы злом еще более гибельным» (Сборник Российского исторического общества. Спб., 1896. Т. 98. С. 114).

[32] Вместо числа в подлиннике пропуск.

[33] Циркуляры, или инструкции министра внутренних дел С. С. Ланского, сопутствовавшие первым трем именным указам Александра II в адрес В. И. Назимова, Н. П. Игнатьева и А. Н. Муравьева, предписывали губернским комитетам по крестьянскому делу неуклонно руководствоваться положениями, изложенными в рескриптах царя, суть которых заключалась «в обеспечении помещикам поземельной собственности, а крестьянам прочной оседлости и надежных средств к жизни и к исполнению их обязанностей» (Иванюков И. И. Падение крепостного права в России. Спб., 1903. С. 26; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России; Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861 гг. М., 1984).

[34] См. примеч. 20 и 21 к «Журналу».

[35] После обнародования рескриптов был снят цензурный запрет на публикацию в журналах статей, посвященных решению крестьянского вопроса.

[36] Н. В. Басаргин, как и некоторые современники, принадлежавшие к либеральной интеллигенции (к примеру, К. Д. Кавелин, Н. А. Мельгунов, Б. Н. Чичерин и др.), преувеличивал спокойст-

вие и терпеливость крепостных крестьян в ожидании воли. Данные официальной статистики свидетельствовали о неуклонном росте крестьянских волнений. Так, в 1857 г. их было зарегистрировано 192 случая, в 1858 г. — 528, а в 1859 г. — 938, включая 636 питейных бунтов (Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. М., 1963. С. 736).

[37] Главный комитет по крестьянскому делу был учрежден в февр. 1858 г. после реорганизации Секретного комитета. Вновь образованный комитет находился под непосредственным наблюдением Александра II. Однако его официальным руководителем вначале был кн. А. Ф. Орлов, председатель Государственного совета, а с 1860 г.— вел. кн. Константин Николаевич. Членами комитета являлись видные государственные деятели и министры, в том числе Я. И. Ростовцев, В. Ф. Адлерберг, Д. Н. Блудов, А. М. Княжевич, С. С. Ланской, М. Н. Муравьев, В. Н. Панин, К. В. Чевкин, П. П. Гагарин, М. А. Корф.

[38] Сделав достоянием гласности царские рескрипты В. И. Назимову, Н. П. Игнатьеву, А. Н. Муравьеву, правительство вынуждено было допустить обсуждение крестьянского вопроса в печати, естественно, ограничив его определенными условиями. 16 янв. 1858 г. было объявлено высочайшее распоряжение, «общие правила» которого гласили: «а) Статей, где будут разбирать, осуждать и критиковать распоряжения правительства по этому делу, к напечатанию не допускать; б) не позволять также печатать тех статей, преимущественно литературного содержания, где в форме рассказа или какой-либо другой помещаются события и суждения, могущие возбудить крестьян против помещиков».

И далее: «Все сочинения и статьи, чисто ученые, теоретические, исторические и статистические, где будут разбираться и рассматриваться вопросы хозяйственные о теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян, дозволять печатать как отдельными книжками, так и во всех периодических изданиях с тем только: а) чтобы при этом не было допускаемо рассуждений и толкований о главных началах, высочайшими рескриптами предписанных в руководство комитетам, по губерниям учрежденным; б) чтобы при пропуске всех подобного рода статей и сочинений в точности соблюдались бы общие правила, цензурным уставом предписанные; в) чтобы обращено было особое внимание на дух и благонамеренность сочинения и г) статьи, писанные в духе правительства, допускать к печатанию во всех журналах» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. Спб., 1862. С. 422—423).

[39] Перечисление журналов самых разных идейных направлений, в которых, по мнению Басаргина, печатались гуманные и дельные статьи по крестьянскому вопросу, говорит о том, что у него в тот период не было ясной политической ориентации.

[40] Генерал-адъютант Яков Иванович Ростовцев умер 6 февр. 1860 г. Как при жизни, так и после смерти о нем имелись два диаметрально противоположных суждения. М. А. Корф, характеризуя юного поручика л.-гв. Егерского полка, донесшего будущему царю Николаю I о готовившемся восстании декабристов, называл его благородным юношей, горевшим любовью к отечеству, который «в порыве молодого, неопытного энтузиазма» решил «для себя трудную задачу: спасти вместе хотя бы ценою собственной жиз-

ни — и отечество и монарха» (Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. С. 97—98). В то время, когда Я. И. Ростовцев возглавлял Редакционную комиссию, были среди либерально настроенной интеллигенции люди, высоко оценивавшие его деятельность по подготовке крестьянской реформы и его личные качества. Иную позицию занимал А. И. Герцен. Он свыше 60 раз с уничтожающей иронией и гневным обличением упоминал имя Ростовцева в своих сочинениях и письмах. Герцен справедливо считал Якова Ростовцева иудой, доносчиком и предателем декабристов (*Герцен.* Т. 13. С. 302, 340). Он не верил в искренность действий Я. И. Ростовцева в пользу освобождения крестьян на посту председателя Редакционной комиссии. «Из энтузиаста-доносчика,— писал Герцен 17 июля 1859 г. И. С. Аксакову о Я. И. Ростовцеве,— сделался энтузиаст-освободитель — хитер русский человек!» (*Герцен.* Т. 26. С. 275).

Басаргин, воздержавшись от оценки личных качеств Я. И. Ростовцева, отнесся весьма иронически к рассказу М. А. Корфа о «благородных» побудительных мотивах доноса молодого поручика, хотя в принципе положительно оценивал деятельность председателя Редакционной комиссии.

[41] См. примеч. 24 к «Журналу».

[42] 9 нояб. 1859 г. министр внутренних дел С. С. Ланской в связи с предстоящими дворянскими собраниями для очередных выборов должностных лиц издал циркуляр, которым предписывал не выходить на них «ни в какие суждения по предметам, до крестьянского вопроса касающимся» (Колокол. 1860. 15 марта. Л. 65—66. С. 547).

Однако участники дворянского собрания Тверской губ., открывшегося 8 дек. 1859 г., усмотрели в циркуляре министра внутренних дел ущемление их законных прав. 15 дек. 1859 г. они за подписью губернского предводителя дворянства А. М. Унковского послали на имя царя «прошение» о разрешении им «иметь суждение о своих нуждах и пользах, не стесняясь возможной соприкосновенностью их с крестьянским вопросом» (там же, с. 549). 18 дек. 1859 г. С. С. Ланской сообщил по телеграфу тверскому губернатору П. Т. Баранову, что царь, будучи очень недоволен «прошением», приказал «немедленно *удалить от должности* губ. предводителя А. М. Унковского» (там же, с. 550).

Обращает на себя внимание почти текстуальное совпадение в изложении Басаргиным «тверской истории» с герценовской публикацией. Это дает основание предполагать, что мемуарист читал 65—66-й листы «Колокола» от 15 марта 1860 г., где напечатана статья «Тверской комитет и Унковский».

[43] По поводу «тверской истории» на имя С. С. Ланского были посланы два анонимных доноса от 25 дек. 1859 г. и 2 февр. 1860 г. В них главными виновниками оппозиционного выступления тверских дворян назывались А. М. Унковский, А. Е. Европеус и А. А. Головачев. Опасаясь повторения случившегося (о чем предупреждали доносители), Александр II, действуя «по старым началам» (как писал Басаргин, подразумевая николаевское царствование), распорядился обезглавить местных либерально настроенных помещиков. 25 февр. 1860 г. Унковский был сослан в Вятку, а Европеус в Пермь «за вредное влияние, которое они,— как говорилось во всеподданнейшем отчете В. А. Долгорукова за 1859 г.,— про-

водили в Тверской губернии» (*ЦГАОР*. Ф. 109. Оп. 223. Д. 24. Л. 23 об.). Головачев избежал высылки только потому, что был привлечен к следствию по делу об оскорблении исполнявшего должность губернского предводителя дворянства Клокачева. Разбирательство затянулось и было прекращено в окт. 1860 г., после того как Унковскому и Европеусу разрешили вернуться из ссылки. К этому времени острота столкновения тверской оппозиции с правительством прошла и все трое лидеров ее оказались разобщенными с местной либеральной интеллигенцией.

[44] Трезвенное движение явилось открытым протестом трудовых низов России, и прежде всего крестьян, особенно государственных, против одного из крепостнических институтов самодержавной монархии. Началось оно с Ковенской губ., где 19 авг. 1858 г. появились общества трезвости. Затем это движение перекинулось в Поволжье и Центральные губернии России. Оно охватило не менее 91 уезда в 32 губерниях (Федоров В. А. Крестьянское трезвенное движение 1858—1859 гг. // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. С. 115).

Трезвенное движение вызвало удивление и серьезное беспокойство в верхах. Во всеподданнейшем отчете за 1859 г. В. А. Долгоруков доносил: «В течение 1859 г. случилось у нас событие, совершенно неожиданное. Жители низших сословий, которые, как прежде казалось, не могут существовать без вина, начали добровольно воздерживаться от употребления крепких напитков» (Крестьянское движение 1827—1869 гг. М., 1931. Вып. 1. С. 134). Особенно же тревожились власти по поводу того, что «с наступлением весны крестьяне точно так же согласятся не отправлять барщины» (там же, с. 117).

Страх перед массовым движением, тем более с элементами организованности, заставил правительство Александра II издать 26 окт. 1860 г. закон, согласно которому с 1 янв. 1863 г. откупная система повсеместно отменялась, хотя доходы с нее составили 46% всех государственных налогов.

[45] Острота и размах трезвенного движения вызвали появление «шести распоряжений министра народного просвещения, имевших целью замаскировать в печати антикрепостническую сущность этих выступлений» (Герасимова Ю. И. Из истории русской печати в период революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х гг. С. 72). Так, к примеру, разрешалось печатать статьи, в которых содержались сведения об обязательствах крестьян воздерживаться от употребления хлебного вина, и «нравственные рассуждения» в пользу этого решения. Но одновременно категорически запрещалось сообщать данные о крестьянских протестах против откупной системы, а также о карательных действиях полиции и местных властей (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. С. 442—443).

[46] Крупнейшими откупщиками в России были Д. А. Бенардаки, В. А. Кокарев, С. И. Мамонтов, М. С. Яковлев, нажившие миллионные капиталы и ставшие известными промышленниками и финансовыми дельцами.

[47] Задачи III отделения, как формулировал их его главноуправляющий А. Х. Бенкендорф, состояли «в наблюдении за общим мнением, в открытии злоупотреблений сокровенных, в обнаружении страждущей невинности или преступления ненаказуемого» (*ЦГАОР*.

Ф. 109. Оп. 223. Т. 1. Л. 45—45 об.). Высшая полиция, говорилось в «Исторической записке о 3-м отделении», составленной 20 нояб. 1850 г., «с одной стороны, обнимает важнейший предмет — безопасность престола и спокойствие государства, а с другой — устроена по собственной мысли его величества [имелся в виду Николай I.—*И. П.*], развита по его личным указаниям и имеет обязанность между прочим следить за общим мнением и толками насчет правительства» (там же, оп. 221, т. 1 а, л. 3). Свыше 50 лет (с 3 июля 1826 г. по 6 авг. 1880 г.) высший орган политического сыска возвышался не только над министерствами и различными главными управлениями, но и над Государственным советом, Советом министров и Сенатом (Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России. М., 1982). III отделение, по меткому определению А. И. Герцена, было «страшной полицией, стоящей вне закона и над законом, имевшей право вмешиваться во все» (*Герцен*. М., 1956. Т. 9. С. 62).

[48] Вероятно, Басаргин прежде всего имел в виду серию обличительных статей о полиции («Два слова о полиции», «Полицейское делопроизводство», «Пределы полицейской власти», «О полиции вне полиции») либерально настроенного в то время офицера железнодорожной жандармерии *С. С. Громеки* (1823—1877), подвизавшегося тогда на поприще журналистики. Они были опубликованы в «Рус. вестнике» за 1857—1858 гг. и имели широкий общественный резонанс. Разоблачая злоупотребления полицейских чинов и выступая за строгое соблюдение законов, С. С. Громека стремился в принципе не подорвать, а восстановить «уважение к властям». «Грустно думать,— писал он,— что у нас до сих пор не хотят видеть всю бездну различия между нападением на злоупотребления властей и нападением на самую власть» (Рус. вестник. 1859. Апр. Кн. 2. С. 637).

[49] Летом 1859 г. писатель-этнограф *Павел Иванович Якушкин* (1820—1872) ходил по деревням Псковской губ. с целью сбора фольклорно-этнографического материала. Заподозренный в неблагонадежности, он по приказу полицмейстера Гемпеля был арестован и в нарушение закона просидел несколько дней в заключении. О злоупотреблениях властью псковской полиции П. И. Якушкин написал резко обличительное письмо редактору «Рус. беседы» И. С. Аксакову, которое наделало много шума и вызвало печатную полемику между П. И. Якушкиным и Гемпелем. По существу, действия П. И. Якушкина явились первым открытым протестом против полицейского произвола в царствование Александра II.

[50] За годы Крымской войны, по официальным данным, дефицит бюджета России возрос с 54 до 307 млн. рублей золотом (Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1844 по 1864 год включительно. Спб., 1898. С. 221). О кризисном состоянии финансов России в результате разорительной войны против Турции, Англии, Франции и Сардинии говорят данные, приведенные К. Марксом. «Война,— писал он,— <...> потребовала огромных жертв от русских народных масс, жертв, о размерах которых можно судить на основании того простого факта, что в период между 1853 и 1856 гг. сумма необеспеченных бумажных денег, находившихся в обращении, возросла с 333 миллионов рублей примерно до семисот миллионов рублей, причем это возросшее количество бумажных денег фактически представляло собой только

налоги, которые государство собрало вперед» (*Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 607).

[51] В 1858 г. министром финансов России был назначен 66-летний *А. М. Княжевич* (1792—1870). Он попытался посредством повышения подушной подати и пошлин на некоторые ввозимые товары понизить огромный дефицит бюджета. Полностью добиться желаемого результата он, естественно, не смог. Главной заслугой А. М. Княжевича был переход от откупной системы к акцизной.

[52] Национально-освободительное движение горцев, возглавленное Шамилем, достигло наибольших успехов в 1840-х гг. Но уже в 1850-е гг. в силу численного и военно-технического превосходства царских войск, а также роста социальных противоречий в среде его участников, разорения и усталости народа, перехода на сторону царского правительства ряда видных наибов (Хаджи-Мурата) оно пошло на спад. С 1856 г. главнокомандующим Кавказскими войсками был назначен кн. А. И. Барятинский, с именем которого связывают победоносное окончание борьбы против горцев Дагестана и Чечни. 1 апр. 1859 г. царские войска генерала Евдокимова взяли столицу Шамиля чеченский аул Ведено и разрушили его до основания. Шамиль вынужден был перебраться в аул Гуниб, находящийся на одноименной горе Дагестана. Вскоре царские войска окружили Гуниб, но Шамиль во главе с 400 мюридами продолжал оказывать сопротивление. После вторичного предъявления ультиматума Шамиль 26 авг. 1859 г. сдался князю Барятинскому. Вместе с семьей Шамиль был отправлен в Петербург, и после приема Александром II имама ему определили место жительства в г. Калуге. В 1870 г. Шамилю разрешили уехать в Мекку, где в марте 1871 г. он скончался.

[53] Об этом же писал известный французский публицист Шарль де Мазад. В статье «Россия при императоре Александре II», опубликованной 15 янв. 1862 г. во втором номере журнала «Revue des Deux Mondes», читаем: «Несколько лет тому назад император Александр захотел сделать фельдмаршалом командующего армией на Кавказе князя Барятинского, которому удалось взять в плен Шамиля. Старые николаевские генералы были настолько уязвлены тем, что молодой еще князь Барятинский получает столь высокое звание, что не пожелали ему отдать визит, который он им нанес по приезде в Петербург, и Барятинский был снова отдален» (Дело Чернышевского. Саратов, 1968. С. 580). Действительно, князь Барятинский в конце 1859 г. вернулся на Кавказ и 6 дек. 1862 г. в возрасте 48 лет был уволен по собственному прошению в отставку, завершив тем самым свою служебную карьеру.

[54] 17 авг. 1854 г. англо-французская эскадра в составе трех фрегатов, одного корвета, одного брига и одного парохода, имевшая 214 орудий, под командованием контр-адмирала Прайса и контр-адмирала Феврие де Пуанта подошла к Петропавловску-на-Камчатке. Оборону города возглавили военный губернатор Камчатки ген.-майор В. С. Завойко и командир фрегата «Аврора» капитан-лейтенант Изыльметьев. Под их началом находилось 930 солдат и 68 орудий. 20 авг. союзники под прикрытием огня с боевых кораблей высадили южнее города десант численностью около 600 человек, но он был разгромлен. 24 авг. союзники вновь высадили десант численностью около 1000 человек западнее города. Героические защитники Петропавловска контратакой сбросили

его в море. Потерпев неудачу на суше, эскадра союзников 27 авг. ретировалась. Однако в апр. 1855 г. возникла угроза повторного нападения на город. Население Петропавловска было по приказу Н. Н. Муравьева эвакуировано в безопасный район.

[55] Речь идет о Парижском договоре, заключенном 30 марта 1856 г.

[56] Имелся в виду Айгунский договор (см. примеч. 30 к «Журналу»).

[57] Эльдорадо — слово испанского происхождения и означает легендарную страну, в которой изобилуют в природе золото и драгоценные камни. Появление сказаний о такой благодатной стране связано было с открытием Америки.

[58] Одним из наиболее активных и горячих обличителей колониальной политики Н. Н. Муравьева-Амурского на Дальнем Востоке выступил Д. И. Завалишин. В серии статей, опубликованных в 1858—1859 гг. в «Морском сборнике», он разоблачал панегирические выступления публицистов из окружения Н. Н. Муравьева-Амурского (Д. Романов, Н. Назимов и др.), в которых с восторгом писалось об успешном заселении края и благополучии переселенцев, о регулярном летнем сообщении по Амуру и о миллионных торговых оборотах в связи с этим. Начало полемики по Амурскому вопросу в печати положила статья Д. И. Завалишина под названием «По поводу статей об Амуре» (Морской сборник. 1858. Т. 38. Нояб. Смесь. С. 34—48). В своих статьях Д. И. Завалишин проводил главную идею, заключавшуюся в том, что правительство еще не готово к настоящему освоению Амурского края, огромные средства, которые тратятся на это дело, в значительной степени оседают в карманах чиновников, а их непроизводительное расходование подрывает экономику Забайкалья и Восточной Сибири, куда они должны были быть вложены. Д. И. Завалишин в пылу полемики старался особенно наглядно показать аракчеевские методы управления Н. Н. Муравьева-Амурского. Вместе с тем он принижал положительное значение присоединения Амура к России, что было ошибкой. Однако Д. И. Завалишин до конца дней неуклонно стоял на такой позиции и, несмотря на цензурные препоны, старался довести до читателей свои мысли.

[59] В апр. 1856 г. вместо уволенного в отставку гр. К. В. Нессельроде (1780—1862) новым министром иностранных дел России был назначен кн. *Александр Михайлович Горчаков* (1798—1883), выдающийся русский дипломат, лицейский товарищ Пушкина, о котором поэт написал: «Фортуны блеск холодный не изменил души твоей свободной». С его именем связана активная внешняя политика России, направленная на преодоление ее международной изоляции после Крымской войны и отмену ограничительных статей Парижского договора мирным путем, что ему и удалось осуществить в окт. 1871 г.

[60] Основы своего внешнеполитического курса А. М. Горчаков сразу же после назначения его министром иностранных дел изложил в докладе Александру II и в циркулярных нотах, оповестивших Европу о предстоящей дипломатической роли России. В последних содержалась фраза, которая обратила на себя особое внимание правительств европейских стран, а также мировой и российской общественности: «Россия не сердится — она сосредотачивается». На дипломатическом языке это означало, что Россия не

считает себя связанной принципами Священного союза, свободна в выборе международной ориентации и воздерживается от активного вмешательства в европейские дела в защиту чужих интересов. Именно это имел в виду Басаргин.

[61] Всего вероятнее, Басаргин, говоря о значительном сокращении численного состава русской армии и соответственно государственных расходов на нее, подразумевал упразднение в 1857 г. военных поселений и округов пехотных солдат, которые не выполнили возложенных на них при создании задач и были переданы в управление Министерства государственных имуществ.

[62] Война Пьемонта, составлявшего ядро Сардинского королевства, в союзе с Францией против Австрии началась 29 апр. 1859 г. В результате сражения у Мадженты 4 июня 1859 г. и у Сольферино 24 июня того же года австрийские войска потерпели сокрушительное поражение и оставили всю Ломбардию. Австрия была накануне полного разгрома. Но 11 июля 1859 г. Наполеон III, опасаясь вступления в войну Пруссии на стороне Австрии, заключил с последней Виллафранкское перемирие, и на этом австро-итало-французская война 1859 г. закончилась. Сепаратное соглашение было со стороны Франции предательством по отношению к Пьемонту.

[63] По Виллафранкскому перемирию, закрепленному Цюрихским договором 1859 г., Австрия отказалась лишь от Ломбардии, сохранив господство над Венецией.

[64] По Туринскому договору 1860 г. с Пьемонтом Франция получила Савойю и Ниццу.

[65] Война против Австрии в 1859 г. послужила мощным толчком к развитию национально-освободительного движения в Италии, направленного на объединение страны (Рисорджименто). В результате вспыхнувшего в Центральной Италии выступления народных масс в марте 1860 г. к Сардинскому королевству присоединились Модена, Парма, Тоскана и Романья. После этого демократы стали готовить восстание на юге Италии в Королевстве обеих Сицилий. Во главе повстанцев встал Джузеппе Гарибальди, провозгласивший лозунг «Италия и Виктор Эммануил». Настолько популярен был король Пьемонта, активно содействовавший объединению Италии.

[66] С 1830 г. по 22 мая 1859 г. королем обеих Сицилий был Фердинанд II из династии Бурбонов, который (особенно после поражения революции 1848—1849 гг.) установил в стране режим военной деспотии и реакции. Свыше 22 тысяч человек были им репрессированы за политическую деятельность. По приказу Фердинанда II г. Мессина (о. Сицилия), где сосредоточились противники его режима, подвергся варварской бомбардировке. За это он получил прозвище «король-бомба». Преемником Фердинанда II стал его сын Франциск II. Правил страной он всего до сент. 1860 г. Франциск II вступил на престол, когда движение народных масс за воссоединение Италии получило широкий размах. Он же в своей внутренней политике продолжал ориентироваться на помощь Австрии, чем еще больше возбудил недовольство в стране.

[67] *Гарибальди Джузеппе* (1807—1882), генерал, выдающийся деятель национально-освободительного движения Италии. Сторонник объединения ее «снизу» при активном участии народных масс. В освободительную борьбу вступил в 1833 г. За участие в Савой-

ской экспедиции, состоявшей из революционно-демократических сторонников Дж. Мадзини, был заочно приговорен к смертной казни. Эмигрировал в Южную Америку, где свыше 10 лет сражался за независимость Уругвая и Риу-Гранди. Во время революции 1848—1849 гг. в Италии был один из руководителей Римской республики, провозглашенной по его предложению 9 февр. 1849 г. После поражения революции до 1854 г. находился в изгнании. Сыграл решающую роль в Итальянской революции 1859—1860 гг., командуя ее вооруженными силами. В дальнейшем Гарибальди много сделал для присоединения к Италии Венеции, а вот освободить Рим от папской власти ему не удалось. Помешали французские войска.

[69] Сформированные демократами-мадзинистами на севере Италии экспедиционные войска, так называемая тысяча, под командованием Гарибальди высадились 11 мая 1860 г. в г. Марсале на о. Сицилия. Поддержанные местным населением, войска Гарибальди 6 июля захватили главный город Сицилии — Палермо. Разгромив в конце июля 1860 г. в битве при Милаццо королевские войска, Гарибальди изгнал их из Сицилии. Вместо свергнутой королевской власти была установлена революционная диктатура во главе с Гарибальди, которая провела ряд социальных преобразований в интересах крестьян (были отменены налоги на помол зерна, плата за аренду государственных земель, выдавались участки общинной земли и т. п.). Но одновременно революционная диктатура взяла под защиту «право собственности», в чем проявилась ограниченность и противоречивость ее политики.

[70] 19 авг. 1860 г. армия Гарибальди высадилась на Апеннинском полуострове в Калабрии и, поддержанная крестьянством, а также городскими низами, двинулась к столице Королевства обеих Сицилий Неаполю. 6 сент. Франциск II покинул столицу, а 7 сент. Гарибальди торжественно вступил в Неаполь. Проведенный 21 окт. 1860 г. плебисцит большинством голосов утвердил присоединение Южной Италии к Пьемонту.

[71] Завершили присоединение Королевства обеих Сицилий к Пьемонту Сардинские войска. 2 нояб. 1860 г. они заняли Капую и осадили Гаэту, где находился Франциск II вместе с оставшимися верными ему войсками в количестве 40 тысяч человек. Несмотря на их упорное сопротивление, 13 февр. 1861 г. Гаэта была взята. Франциск II бежал в Рим к папе Пию IX. Басаргин не дожил до падения Гаэты, но он предвидел, что она будет взята.

[72] В конце 1860 г. вся Италия, кроме Рима и Венеции, была объединена. 17 марта 1861 г. общеитальянский парламент провозгласил создание Итальянского Королевства, правителем которого стал король Пьемонта Виктор Эммануил II. Квиринал — один из семи холмов, на которых построен Рим.

[73] Римским папой в 1846—1870 гг. был Пий IX (в миру гр. Джованни Мариа Мастан-Феретти). Он так же, как и его предшественник папа Григорий XVI, проводил реакционный курс на удержание светской власти в Папском государстве при помощи вооруженных сил Австрии и Франции. В самый разгар Рисорджименто в 1860 г. в Умбрии и Маркии вспыхнули народные восстания. Папские волонтеры при Кастельфидардо потерпели поражение, и восставшие провинции вслед за Болоньей присоединились к Пьемонтскому Королевству. В результате папа Пий IX потерял 2/3

своих владений. В 1864 г. Пий IX объявил поход церкви против сил прогресса и демократии. Заключительным актом объединения Италии была ликвидация в 1870 г. Папского государства.

[74] Скорее всего, Басаргин имел в виду организованное по инициативе А. М. Горчакова 22 окт. 1860 г. в Варшаве свидание трех монархов: русского, австрийского и прусского, посвященное итальянскому вопросу.

[75] На этом рукопись обрывается. Скорее всего, смерть, последовавшая 3 февр. 1861 г., помешала Басаргину логически завершить «Записки <...> деревенского жителя <...>».

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОДОСЛОВНАЯ РОДА БАСАРГИНЫХ С КРАТКИМ ПОЯСНЕНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. 1843 ГОД

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1312. Л. 1—2 об.

Беловой список. Печатается впервые. В «Родословной» даты указаны от «сотворения мира» или «рождества Христова». В переводе на юлианский календарь, принятый по указу Петра I за основу летосчисления, они соответствуют: 1637, 1638, 1639, 1641, 1642, 1643, 1644 и т. п.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК О СЛУЖБЕ ИСПРАВЛЯЮЩЕГО ДОЛЖНОСТЬ РЕГИСТРАТОРА ЯЛУТОРОВСКОГО ЗЕМСКОГО СУДА ПИСЦА 3-ГО РАЗРЯДА БАСАРГИНА

ЦГАОР. Ф. 279. Оп. 1. Д. 1313. Л. 1—4

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВД — Восстание декабристов: Документы. М.; Л., 1925—1980. Т. 1—17

ГБЛ — Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1965.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

ЛН — Литературное наследство

ПЗ — Полярная звезда. Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 8 книгах. 1855—1869. Лондон — Женева (факсим. изд.). М., 1966—1968

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ЦГАОР — Центр. гос. архив Октябрьской революции, высших органов гос. власти и гос. управления СССР

ЦГВИА—Центр. гос. военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центр. гос. исторический архив СССР

ЦГИАМО — Центр. гос. исторический архив Московской области

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

9(С)15
Б 27

Б27 Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / Издание подготовлено И. В. Порохом. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988.—544 с., ил.— (Серия «Полярная звезда»).
3 р. 40 к.

Мемуарное и публицистическое наследие Н. В. Басаргина — ценный исторический источник, освещающий не только декабристское движение, но и общественно-политическую жизнь России до середины XIX в. Том содержит воспоминания и записки мемуарного характера, рассказы о крепостных крестьянах и социально-политические произведения декабриста. Многие материалы публикуются впервые.

Б $\frac{0505010000—52}{М141(03)—88}$ 65—88 9(С)15

ISBN 5—7424—0070—5

Н. В. БАСАРГИН. Воспоминания, рассказы, статьи

Художник серии А. М. Муравьев
На обложке портрет Н. В. Басаргина, выполненный Н. П. Нератовой
На фронтисписе портрет Н. В Басаргина работы Н. А. Бестужева, 1836 г.

Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор Е. Г. Касьянов
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректор А. С. Лысенко

ИБ № 1509
Сдано в набор 07.01.88. Подписано в печать 06.05.88. НЕ 00045. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Гарнитура академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 28,66 (с фронт.). Уч.-изд. л. 32,4 (с фронт.). Усл. кр.-отт. 29,24. Тираж 50 000 экз. Заказ 1608. Изд. № 6192. Цена 3 р. 40 к.
Восточно-Сибирское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 664000, г. Иркутск, ул. Марата, 31.
Типография издательства «Восточно-Сибирская правда», 664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.

3 р. 40 к.
Иркутск 1988

Н.В. БАСАРГИН